

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2020. 55(1)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – International Network Center for Fundamental and Applied Research, США
Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.03.2020 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Заказ № 60.

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)
Тел.: +7 918 2019719 (Россия)
E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2020. 55(1)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERVERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.03.2020

Order № 60.

Тел.: +421 940 136139 (Slovak Republic)
Tel.: +7 918 2019719 (Russia)
E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES

Parochialism and Democratization of the Personnel Policy of the Moscow State V.P. Pashin, S.N. Tokareva	4
Material and Technical Support of Military Educational Institutions of Artillery and Engineering Profile in the XVIII century V.N. Benda, N.D. Kozlov, A.V. Pokhilyuk, V.O. Levaschco	14
'By Order of Her Imperial Majesty, He is deployed in the Kuban Region to Search out Local Tatars'. The Russo-Turkish War of 1735–1739: Kalmyk Troops in the Campaign of 1739 V.T. Tepkeev	23
Laws of the Russian Empire and Hunting of Indigenous Peoples of Siberia S.V. Berezniyskiy, I.I. Halechko, P.V. Primak	31
Old Believers' Re-Emigration in early of the 1760-ies: Newcomers and Authorities of the South of Russia in Search of Mutual Understanding A.S. Ryazhev	40
The Local Titulature in the System of Civil Rank Production of the Russian Empire on the Ukrainian Lands in the Last Quarter of the XVIII century S.I. Degtyarev, M.S. Nazarov, L.G. Polyakova, J. Gut	49
The Muslim Religiosity of the Kazakhs in the Context of the Imperial Policy of Russia P.K. Dashkovskiy, A.S. Zhanbosinova	57
The Significance of the Principle of Legality in the System of Legitimacy of N.M. Karamzin S.A. Pravkin, V.V. Smirnova, R.V. Shagieva, M.A. Khvatova	67
The Influence of an External Factor on the Polish Politics of Alexander I M.S. Belousov	77
The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 V.S. Molchanova, L.L. Balanyuk, E.V. Vidishcheva, I.I. Potapova	88
Protest Actions of Zholaman Tlenshiev and the Formation of the North-Western Borders of Kazakhstan in the 20–40 years of the XIX century N.Y. Zhetpisbay, G.N. Ksenzhih, Zh.A. Ismurzin, M.G. Dyussengaliyeva	105
The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part II A.E. Lebid, N.A. Shevchenko, O.E. Chuikov, V.A. Svechnikov	115
Shipbuilding at the Votkinsk PLant in the Pre-Reform Period of 1846–1861 N.W. Mitiukov	130
The Influence of Yettishar on Kazakh and Kyrgyzs of the Turkestan Governor-General of the Russian Empire G.O. Charginova, A.Sh. Mahaeva, R.D. Kubeyev, K.K. Bazarbayev	142
About the History of the "Rebellion on the Don" in 1862–1863: the Correspondence of the Don Ataman M.G. Khomutov with his Chief of Staff A.Yu. Peretyatko	152
Role of the Ministry of Justice in Improvement of Judicial System of National Suburbs Russian Empire (end of XIX century – 1914) M.B. Averin, P.V. Nikitin, A.V. Popova	162

Genesis of Wooden Architecture in Yeniseisk in the Context of the Catastrophic Town Fire in 1869 Z.Yu. Zharnikov, V.S. Myglan, M.O. Sidorova, L.A. Abolina	173
Science and Technology in Satirical Periodicals of the Russian Empire of the 1870s–1910s I.V. Sidorchuk	188
Colonization, Migration and Porto Franco in the Far East of Russia in the late 19th – early 20th centuries E.O. Starovoytova, D.G. Yanchenko	206
The Mission of Henry Drummond Wolf and New Tendencies in English Politics in Iran under the Conservatives at the end of the XIX century S.I. Gabrielyan, A.G. Kholliiev, A.A. Razakov, A.A. Beikyziev	215
The Theory of Patriotism in Pre-Revolutionary Russia – from the First Steps to the Practice of Implementation P.A. Merkulov, A.L. Eliseev, D.V. Aronov	226
The Violations of Public Order by Students of the Imperial Tomsk University and Its regulation in the late XIX – early XX centuries E.V. Vititneva, G.M. Lushchaeva, N.V. Pahomova, M.D. Lushchaeva	242
Organization of the Spiritual Life of the Muslim population of the Yenisei Province in the Context of State-Confessional Policy of the second half of the XIX – early XX centuries P.K. Dashkovskiy, E.A. Shershneva	250
The Involvement of Students in the Protest Movement in Russia at the turn of the XIX–XX centuries O.V. Ishchenko, T.A. Magsumov	258
Study on the Town Planning Model of Chinese Modern Railway Stations – Taking the Second-Class Stations of the Chinese Eastern Railway as an Example Z. Bocheng, Z. Zhiqing, S. Yizhi, E.V. Khodakovskiy	272
Activities of the Parish Clergy of the Penza Diocese during the Russian-Japanese War of 1904–1905 O.V. Kolpakova	287
The Japanese Armored Cruisers and Mine-Torpedo Forces of the Opposing Sides During the Russian-Japanese War A.M. Mamadaliev, R.M. Allalyev, N.V. Miku, A. Médico	295
Charity Gatherings of the Population of the Tobolsk Province during the Russo-Japanese War: based on the Materials of the Publications “Tobolsk Provincial Gazette” and “Siberian Trade Newspaper” (1904–1905) I.V. Stavetskaya, N.Yu. Gavrilova	334
“Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911. Part 3 T. Gao, A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, N. Ter-Oganov	345
Muslim Prisoners of World War I in the Camps of the Triple Alliance Countries G.K. Kokebayeva, Z.E. Kabuldinov, T.N. Mukhazhanova, Y.T. Akhmetova	352
The Role of Charity of the Foreign States in the Activity of the Russian Red Cross Society during World War I M.S. Sergeeva, I.V. Karpenko, M.B. Shmatova	360
Legal Status of a Kazakh Woman in the Family and Society in the XIX th – early XX th centuries from the Point of the Russian Contemporaries’ View G.A. Alpyspaev, G. Zhuman, L.T. Jumaliyeva, Sh.T. Abdykarimova	370

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 4-13. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.4
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Parochialism and Democratization of the Personnel Policy of the Moscow State

Vasily P. Pashin ^{a,*}, Svetlana N. Tokareva ^a

^a Kursk State University, Russian Federation

Abstract

The historiographic analysis of the literature on localism shows a number of unresolved and debatable issues. Problems investigated in the nineteenth century, smoothly moved into the XX–XXI centuries. This article considers the problem of localism from the point of view of the national policy on the selection and placement of personnel for the most important state and military posts. It is alleged that localism met the requirements of the study period of the Moscow state in the field of personnel policy, the formed type of public relations and state structure. On a documentary basis, the process of democratization in the selection of personnel through the involvement of persons from other classes – the nobility, merchants – in state institutions is shown. It proves a certain indifference of the Russian elite of the Moscow state to the highest central authority, the presence in the ruling elite of a significant layer of the national element, and not only from the population of lands annexed to the state. It was the foreign element that gave color to the struggle for power. The issue of the struggle of the boyar class for a place in the state apparatus, not only between clans, but also intra-clan disputes, is investigated. Sufficiently civilizational ways of resolving conflict situations in matters of localism are shown – judicial decisions, skillful state policy of the tsar when appointing to posts. Based on an analysis of the tsar's decrees and the verdicts of the boyar's Duma, the central government's policy is shown with respect to persons who dishonestly perform official positions or who do not patriotically serve the Fatherland. An opinion is expressed on the reasons for the conflict-free departure from the principle of parochialism in the personnel policy of the Moscow state at the end of the 18th century.

Keywords: Moscow state, parochialism, personnel policy, boyar estate, nobles, estate, orders, Zemsky Cathedral.

1. Введение

В истории России можно выделить три принципиально разных способа назначения руководителей в государственные структуры. Каждый из них имел свою предысторию формирования, но одновременно задавался общими целями создаваемого нового общества. Вначале определялась цель государственной политики, а уже под нее формировался и подбирался соответствующий состав руководителей.

Государство через кадровые назначения реализует свои интересы. Являясь проводником идей господствующего слоя в обществе, руководящие кадры в определенный момент утрачивают прямую связь с выдвинувшим его социальным слоем и начинают проводить политику в интересах других

* Corresponding author

E-mail addresses: pashinvp@mail.ru (V.P. Pashin)

слоев населения, в помощи которых они начинают нуждаться ввиду выполнения уже иных общегосударственных задач.

Уникальным явлением в истории мировой цивилизации явился институт местничества в Московском государстве как способ подбора и назначения кадров управленцев в военные, а затем и государственные структуры.

2. Материалы и методы

При исследовании вопросов местничества в качестве документальной основы изучались царские указы, приговоры Боярской думы, решения Земских соборов. Они имели общероссийский характер и, следовательно, определяли общегосударственные интересы, а не только обслуживали интересы господствующего слоя.

Однако они разрозненны, не представляют собой единого целого комплекса документов. В документальной картине местничества имеется много пробелов, которые исследователь самостоятельно домысливает и дописывает. Так субъективность в целом истории еще более усугубляется в вопросах подбора кадров в Московском государстве. Поэтому исследователи судят о документах местничества на основе других документов, которые дают на них ссылку. О местничестве мы рассуждаем по наиболее ярким примерам и одиозным явлениям (судебные разбирательства, споры воевод в армии перед началом боевых действий) и на их основе пытаемся воссоздать общую государственную политику и судить о ней в целом.

В исследовании заявленной проблемы авторы придерживаются кантовского критического отношения к наличному знанию, служащего методологическим основанием для преодоления догматических и метафизических воззрений на мир. При этом методы исследования служили не шаблонами для перекаривания фактологии, а «руководящей нитью» в исследовании явлений и процессов в их совокупности и взаимосвязи с общественно-политическими и экономическими явлениями в заявленных хронологических рамках.

3. Обсуждение

Несмотря на достаточно длительный срок историографического анализа проблемы местничества, ее видение достаточно мозаично. До сих пор отсутствуют устоявшиеся точки зрения на вопросы времени возникновения местничества, ее истоков. Так, С.М. Соловьев, один из создателей стройной системы перерастания родового наследования в государственное наследование, истоки местничества усматривает в периоде разложения первобытнообщинного строя и его перерастания в феодальное общество (Соловьев, 1989). Фактически его точку зрения обосновывал уже в советский период истории и В.Т. Пашуто, уводя местничество в домонгольский период (Пашуто, 1965: 55-57).

С.М. Соловьев и В.О. Ключевский заложили основы негативного отношения к исследуемому институту. Анализируя события Смутного времени, В.О. Ключевский пытается обосновать позицию о политической беспечности российского боярства, отсутствию у него вкуса власти (Ключевский, 1995).

Несмотря на господствующий авторитет В.О. Ключевского в исторической науке, Н.И. Костомаров не соглашается с ним в вопросах ценности местничества в истории российского государства. Если В.О. Ключевский доказывал, что местничество служило интересам аристократии, а не государства, то Н.И. Костомаров утверждал, что местничество служило интересам центральной власти, не давая возможности объединиться и сплотиться эгоистическим устремлениям боярства в борьбе против центральной власти (Костомаров, 1994).

Аналогичной версии придерживается и современный французский исследователь А. Берелович (Берелович, 2001), который оценивает местничество не с точки зрения коллективных действий, а индивидуальных протестов родовой знати по вопросам иерархии собственного статуса в государственном институте. Он отмечает, что в документах периода Московского государства местнический статус обозначался как «честь», а «бесчестье» – это когда должность не соответствовала статусу. И с этой позиции обосновывается версия о всеобщности института местничества, только в разных формах его проявления.

Данной проблемой в современное время занимается и Ю.М. Эскин, размышляющий над вопросом местничества: явление это чисто российское или характерное для любого феодального общества (Эскин, 2009).

Хотя еще в середине XIX в. А.И. Маркевич обосновывал версию об отсутствии института местничества в других странах, так как это явление, по его мнению, характерное только для российского государства. Он утверждал, что местничество служило самозащитой служилой знати (Маркевич, 1879).

С.П. Мордовина (Мордовина, 1971) и Р.Г. Скрынников (Скрынников, 2006) смотрят на местничество с позиций политической борьбы в государстве. Исследуя период правления Ивана Грозного, они обосновывают вывод о том, что в местничестве проявлялись не кадровые назначения в Московском государстве, а форма политической борьбы различных слоев общества.

Вызывает интерес постановка вопроса о местничестве как о явлении средневекового права в статье К.В. Петрова (Петров, 2006: 190-197), хотя вряд ли с ним можно согласиться, что местничество

было именно правом в истинном смысле этого слова. Так же, как и с тем, что правовой подход явился новым направлением в исследовании местничества. Еще в середине XIX в. на тему влияния права на местничество в истории Московского государства была написана уникальная книга Н.П. Загостина (Загостин, 1879).

Н.Н. Лихачев одним из первых глубоко исследовал процесс демократизации в подборе кадров в Московском государстве, провел анализ личного состава приказов XVI в., показав широкое внедрение в государственное центральное управление дворянского сословия (Лихачев, 1894, 1888).

С.О. Шмидт, анализируя раннее местничество, показывает борьбу центральной власти и центробежных тенденций в лице боярства в становлении единого централизованного государства (Шмидт, 1973; 1964: 168-172; 1996). Он обосновывает мысли о том, что в XVII в. местничество перестает быть привилегией только аристократической верхушки Московского государства (к борьбе за власть все чаще стали прибегать неродовитые лица), в местничестве он видит компромисс центральной власти с аристократией, компромисс рода и власти. Его точка зрения на местничество как на систему феодальной иерархии, которая регулировала феодальные отношения родов в военной и административной службе, стала господствующей в настоящее время. Местничество носило служебно-родовой характер. Он доказывает, используя широту кругозора и мышления, что с уничтожением местничества местнические предрассудки, местническая идеология и местническая психология сохранились не только в XVIII, но и в XIX вв.

Отдельные документы по местничеству, прежде всего родословной истории господствующего слоя Московского государства, выявил и проанализировал выдающийся современный исследователь В.Б. Кобрин (Кобрин, 1995; 2008).

Ю.М. Эскин (Эскин, 1993: 39-53; 2009) исследует социальную природу местничества. Он проделал уникальную работу по анализу документов описи разрядного архива XVII в., ведавшего учетом продвижения кадров по государственной службе. Анализируя родовые архивы, он вводит в научный оборот такое понятие, как «родовые корпорации».

Таким образом, мы видим, что вопросы, поднимаемые исследователями XIX в., фактически вновь обсуждаются в XX в. с привлечением новых материалов и подходов.

На местничество, по нашему мнению, необходимо смотреть глазами современника, не выдергивая этот принцип из эпохи Московского государства. В то время отсутствовала публичная светская школа. Грамотные люди в основном были в среде духовенства и господствующего сословия – боярства. Но и высшее господствующее сословие получало образование в домашних условиях. Профессиональные династии являлись обычным явлением: сын гончара становился гончаром, сын кузнеца – кузнецом, купца – купцом и т.д. С этой точки зрения не должен вызывать критики со стороны исследователей и тот факт, что сын думного дьяка становился дьяком, а сын окольного – окольным, сын воеводы – воеводой.

Данный принцип подбора кадров получил название местничества. Местничество – это порядок замещения государственных должностей в русском (Московском) государстве XV–XVII вв. в зависимости от знатности рода и важности государственной службы предков (Сизиков, 1997: 183).

При формировании государственных структур и занятии должности по принципу местничества кадры управленцев не зависели от субъективного фактора, предрасположения великого князя или царя. Единственно, как мог поступить царь в этом случае, – сравнить между собой враждующие боярские роды по вопросу старшинства и родовитости: чей род «породистее». Роль арбитра являлась одним из способов возвеличивания собственного авторитета.

С формированием нового сословия – дворянства – борьба за руководящие должности еще более обострилась. Царь в этой конкурентной борьбе занимал сторону дворянства, ибо оно было более преданно ему и к службе относилось ревностнее, чем бояре. Их социальное происхождение было из низших слоев общества – купцов, ремесленников и даже холопов (обслуживающих царский двор), но умных, способных, талантливых, которые «на ходу подметки рвали».

Регламентация их службы произошла при Иване Грозном. Служилое сословие он разделил на три категории. К первой категории относились «лучшие дети боярские», которые служили в Москве и наделялись подмосковными землями. Они назначались на высшие государственные должности, получая чины окольных, стольников, стряпчих. Дворяне второй категории назначались на низшие должности в государстве. Поместья они в основном получали на окраинах государства, где и несли службу. Они назывались «городовые». К третьей категории относились дворяне, выполнявшие рядовую службу. Различия между ними определялись и размерами наделяемой земли. Дворянам первой категории давали по 200 четвертей земли, второй – по 150, а третьей – по 100 четвертей.

Это были лица небогатого сословия. Даже московское дворянство, т.е. высший разряд дворянства, сообщало в челобитных, что у многих дворян земли нет вообще, у других имеется, но без крестьян, а у третьих в наличии всего 3–6 душ крепостных. В 1614 г. выходит указ о невзимании пошлин с дворян при получении ими поместных вотчинных грамот вследствие их бедности: «З дворян и з детей боярских с поместных и вотчинных грамот подписных пошлин имати не велел для их бедности и разоренья» (Законодательные акты..., 1986: 84). И в то же самое время при оформлении боярской земли взималась пошлина «по три денги с четверти» земли (Законодательные акты..., 1986: 145).

С количественным увеличением дворянства земли в государстве просто не хватало. Точнее, она была, но без крестьянского поселения. Дворян, не имевших поместных владений, зачисляли в армию простыми солдатами, без предоставления им каких-либо должностей, но с выплатой денежного содержания по 7 денег в день. Военнослужащим недворянского происхождения «давали поденный корм на день по 6 денег» ([Законодательные акты..., 1986: 182](#)). В указе 1639 г. предписывалось записывать беспоместных дворян на драгунскую и солдатскую службу.

Анализ выявленных законодательных актов однозначно показывает, что дворяне не всегда обеспечивались земельными наделами в центре государства. Указ не прописывался бы по нескольким случаям. С другой стороны, обеспеченные землей дворяне с целью ухода от государственной службы стали записываться в холопы. Эта тенденция проявлялась и ранее, причем в достаточно массовом масштабе. Судебник 1550 г. запретил находящимся на службе дворянам идти в холопы. А в 1642 г. это положение распространяется уже на все дворянство.

Создаются специальные централизованные органы для учета и контроля за службой: Поместный приказ ведал поместьями и отношениями служилых людей, а Разрядный – ведал их военно-служебной карьерой.

Требования выхода на службу значительно ужесточились: за неявку на службу (прежде всего воинскую) отбирали имения, били кнутом, сажали в тюрьму на несколько суток. Особое внимание обращалось на перепись дворянских детей, которых Разрядный приказ записывал по рождению в писцовые книги. Так крепостное право распространилось и на господствующее сословие.

В 1613, 1622, 1634 гг. выходят указы об «отобрании поместий у нетчиков», не явившихся на службу по царскому указу: «У тех взяти поместья и отдавати в роздачу тем, которые были на службе до отпуску; а давати беспоместным и малопоместным». При этом земли отбирали и отцовские, полученные ими за службу, если их дети не несли государственную службу: «У них поместья отцовские отнимать и в роздачу раздавать» ([Законодательные акты..., 1986: 82,110, 152, 162-163, 164](#)).

Военные события постоянно требовали новобранцев, для которых был привлекателен статус дворянина, даже безземельного. Подобных дворян столь много стало к середине XVII в., что выходит даже царский указ о запрете принимать на государственную службу лиц из других сословий – из духовенства, торговых, посадских и пашенных людей. Необходимо было обеспечить работой нарождавшийся новый слой – дворян ([Законодательные акты..., 1986: 192-193](#)).

Указы 1675, 1678 гг. предписывали заполнять руководящие должности в государстве только лицами дворянского или боярского происхождения. Так завершается свобода перехода из сословия в другое сословие по получению чина или государственной службы.

Исследователь истории дворянского сословия в России М. Яблочков подчеркивал, что в различные периоды государства высшее боярско-дворянское сословие постоянно пополнялось в больших объемах иностранцами – татарами, немцами, поляками, литовцами... Именно иноземные элементы боярского сословия стремились к высотам власти. В.О. Ключевский, ссылаясь на данные Бархатной книги периода правления царевны Софьи, приводит следующие цифры национального состава боярства. Русских фамилий было 33 %, польско-литовского происхождения – 24 %, немецкого и западно-европейского – 25 %, татарского и восточного – 17 % и 1 % неопределенной национальности ([Ключевский, кн. 1, 1995: 512](#)).

Этой же версии придерживался и другой выдающийся исследователь российской истории – С.М. Соловьев. Он утверждал, что «к концу XV в. двор великого князя московского пополняется пришельцами нового рода, князьями – потомками Рюрика и Гедимины, которые по своему происхождению становятся на первом плане, оттесняют старых бояр на второй план...» ([Соловьев, 1989: 229](#)). Многонациональный состав боярства придавал свой колорит борьбе за положение в Московском государстве. С.Ф. Платонов утверждает, что предок Б. Годунова был татарин Мурза-Чет, приехавший на службу к московскому князю в XIV в. ([Платонов, 1998: 267](#)).

Бояре и не помышляли, например, в период междоусобия претендовать на пустующий царский трон, они присягали польскому королевичу Владиславу, Лжедмитрию... Вот как описывает данную ситуацию Н.М. Карамзин: «Страшась народных мятежей, нежелая государственного уничтожения, они думали спасти Россию Владиславом, верили гетману, верили Сигизмунду – не верили только добродетели своего народа и заслужили его презрение, уступив добрую славу трем из мужей думных, князьям Андрею Голицыну, Воротынскому и Засекину, которые не таили своего единомыслия с Ергоменом, обличали предательство или заблуждение других бояр и были отданы под стражу в виде крамольников» ([Карамзин, т. IX–XII, 1997: 674](#)).

Становление единого централизованного государства требовало значительных кадровых пополнений уже не на основе кровно-родственных связей, личных знакомств, но и бюрократических начал. В этих условиях конкурентная борьба за власть неизбежно порождала столкновения при занятии той или иной должности. Судебные тяжбы по вопросам старшинства одного рода над другим становились обычным явлением. В период правления Федора Ивановича (1584–1598 гг.) состоялось около 200 случаев судебных заседаний, разбирающих вопросы местничества ([Яблочков, 2003: 191](#)), и это при учете того факта, что за неправильные жалобы бояр наказывали телесно, сажали в темницу, били батогами.

Здесь формируется даже особый порядок сутяжнических требований. Так, челобитчик, считающий себя выше противной стороны, «бил челом» вышестоящему родичу своего противника, так как считал унижительным для себя судиться с нижестоящим по вопросам местничества. Или, наоборот, посылал на суд вместо себя нижестоящего родственника, ибо считал унижительным бить челом самому в отношении младшего по местничеству.

Приведем классический пример этого: в 1652 г. Григорий Ромодановский бил челом государю насчет племянника своего Юрия Ромодановского, что «он ему в роду равенстве, что ему быть с ним невместно»; а тот в свою очередь также бил челом, что, хотя Григорий ему дядя, но «восьмой сын у отца, а я у отца первый, а дед мой ему деду больший брат» (Яблочков, 2003: 300). Причины внутриродовых раздоров кроются не собственно в механизме местничества. С увеличением численности рода ближайшие родственники стремились друг другу уделять большее внимание в продвижении по службе, оттесняя, не замечая дальних родственников. Так, родовые связи ослабевали что, естественно, приводило к столкновениям между родственниками по вопросу старшинства боковых ветвей рода. Эти противоречия со становлением новых поколений только возрастали.

Местничество начинает наносить вред в государственном управлении, особенно в военном деле. Уже ни одно из назначений на воеводство, ни одно распределение по придворной службе не обходилось без распрей и суда. В одном из документов читаем, например: «А которым воеводам в котором городе быть невместно и тем воеводам быть для государева дела без мест» (Яблочков, 2003: 174). В документе специально оговаривалось, что данное назначение в город не повлияет на последующий статус боярского рода, так как повышение–понижение при назначении на какую-либо должность в государстве конкретного отпрыска боярского рода автоматически вело к повышению–понижению всего боярского рода. Отпрыск лица, занимавшего высокую должность в государстве, никогда не пойдет служить под начало другого лица, «являвшегося моложе его по чину». Подобное согласие принижало в перспективе весь его род. Также и внутриродовые назначения понижали–повышали ближайших родственников по сравнению с дальними. Таким образом, местничество проявлялось не только между родами, но и внутри родов. Внутриродовые споры также носили ожесточенный характер, родственные отношения при государственной службе отходили на второй план.

При назначении того или иного боярина на должность в первую очередь изучали его генеалогическое древо, а уже затем его личные и профессиональные качества. Должность еще ничего не значила. Важно было, кто стоит рядом, выше по должности или ниже. Важны были не должностные местнические отношения, а генеалогические отношения, взаимные отношения лиц по должности. Должность конкретного боярина определялась всем его боярским родом. Служба становилась не его личным делом, а родовым. Его личное повышение–понижение влияло на статус всего рода. Боярина в XVII в. можно было уволить со службы, отобрать у него имущество, но невозможно было заставить его занять должность в государстве, не подобающую его роду. Любые кадровые решения, основанные не по принципу местничества, порождали в государстве дестабилизацию. Первое лицо в государстве оказалось заложником данной системы. Он мог сделать особо приближенного человека богатым, но не мог сделать его родовитым.

Для того чтобы прекратить систематические суды о местничестве, Алексей Михайлович принимает следующее решение: лица из одного боярского рода постоянно должны быть в одних и тех же чинах. Так на законодательной основе закреплялось право одного рода на постоянную должность в государстве. Перемещение по служебной лестнице вверх по вертикали было запрещено (Яблочков, 2003: 250).

Принцип закрепления должностей за боярскими родами привел к появлению как дублированных государственных структур, так и массы особых придворных чинов. К существовавшим прежним чинам добавлялись новые – дворецкий с путем, стряпчий с ключом, чашник... Исследователь дворянского рода Яблочков насчитывает 25 подобного рода должностей (Яблочков, 2003: 254-256). В XVII в. в Московском государстве в определенные временные отрезки насчитывалось до 80 приказов, хотя на постоянной основе их действовало приблизительно 40. Или отпрыску боярского рода давали чин «без места», т.е. без конкретной должности. Особенно много подобного рода лиц было в придворных кругах. Боярами заполняли ничего не значащие в государстве должности, а дворян назначали на ключевые должности.

Подобная политика порождала и организационную неразбериху, и значительные материальные затраты на содержание бояр-чиновников. Поэтому еще с середины XVI в. начинает проводиться целенаправленная политика по ограничению местничества при назначении на важные государственные должности. Постепенно выравнивается правовой статус вотчины и поместья; равенство в несении воинской службы боярства и дворянства (указ от 1556 г.), иные мероприятия по привлечению дворян к государственной службе повышали статус укрепляющегося нового сословия. Так, в середине XVI в. Иван Грозный создает так называемую «Избранную раду» (совет при царе) во главе с дворянином А.Ф. Адашевым. Формировалась она не по принципу местничества – в ее состав в основном входили преданные царю дворяне.

Места боярские начинают занимать лица дворянского происхождения. При Борисе Годунове они стали уже возглавлять приказы – Посольский, Разрядный, Поместный. Продолжалась эта

политика и в последующие годы. При Алексее Михайловиче Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащекин из провинциального дворянства пробивается в верхние слои государственного управления по внешнеполитическим делам, получает от царя чин боярина.

Особенно резко возросла роль кадров – управленцев из дворян – со становлением Земских соборов. Так, на Земском соборе 1556 г. из присутствовавших 374 человек бояр и окольных было 29, а дворян и детей боярских – 205, дьяков и приказных – 33 человека, гостей и торговых людей – 75, представителей духовенства – 32. Таким образом, подавляющее большинство Земского собора (около 55 %) составляли дворяне и дети боярские. На Земском соборе 1598 г. из присутствовавших 512 человек дворян и детей боярских было 267, а бояр и окольных – 52 (Ерошкин и др., 1965: 27). На Земском соборе 1613 г., избравшего Михаила Романова на царствование, из 700 присутствующих человек только 136 относились к высшим служилым чинам, в том числе только 17 – к боярам. Вообще о выборах нового царя на Земском соборе 1613 г. ходило очень много легенд, обобщая которые, С.Ф. Платонов делает вывод: почин в деле избрания Михаила принадлежит «не высшим, а мелким людям» (Платонов, 1998: 342).

Таким образом, постепенное «разжижение» состава высших государственных органов (Боярская дума, Земский собор) дворянством и дарование им за службу чина боярина и окольного позволяло царю игнорировать в кадровой работе принцип местничества. Пополнение высших государственных органов преданным дворянством постепенно делало и бояр более послушным и зависимым орудием в руках царя.

Большинство приказов по-прежнему возглавлялись боярами. Но для них это была скорее почетная должность. А всю работу в приказах не только выполняли, но и решали дьяки и подьячие, с социальным происхождением из мелкопоместных дворян и детей боярских. Доказательством вышесказанного может служить следующий факт. В 1714 г.: в Поместном приказе было решено 1154 дела, в том числе руководителем приказа (боярином) было решено 146 дел, а единолично дьяками – 664 дела (Ерошкин и др., 1965: 70). Н.П. Ерошкин утверждает, что так, видимо, обстояло дело и в других приказах и местных учреждениях.

В плане возвышения авторитета дворянства Смутное время сыграло свою положительную роль. Дворяне в смуте не потеряли, а приобрели не только в экономическом плане, но и в политическом. Если боярство потеряло много своих представителей физически и политически, то дворянство резко возвысилось, потеснив представителей знати в управленческих сферах.

Указ Поместного приказа 1623 г. «О сохранении вотчин за владельцами, уходившими к «вору», то есть к Лжедмитрию II, и добровольно вернувшимися в правительственный лагерь» (Памятники русского права, 1959: 436-438) фактически провел амнистию лиц боярского сословия, перешедших на сторону Лжедмитрия II, а затем вновь вернувшихся в войска Василия Шуйского. Но одновременно правительство объявляло незаконными земельные пожалования Лжедмитрия II, польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. Эти земли изымались из боярского владения и передавались в фонд государства.

Интересны указы от 1610 г. и 1628 г., которые определяли порядок перевода поместных земель в вотчинные за активное сопротивление иноземцам в период Смутного времени: «Давати бояром, и розных городов дворяном, и детям боярским за службу и за осадное сиденье поместья в вотчины», – и одновременно переводили вотчинные земли в поместные тех лиц, которые запятнали себя связями с польско-литовскими захватчиками (Законодательные акты..., 1986: 79, 138).

В последующие годы другие указы Поместного приказа требовали проводить расследования о вотчинах, данных за «осадное сиденье» в Москве при Василии Шуйском лицам, не значащимся в «осадном списке», или обманным путем полученные тушинцами за участие в освобождении русского государства от интервентов: «... а будет хто в осаде не сидел, а взял вотчину ложно, и у тех те вотчины отнимать и в роздачу роздавать...» (Памятники русского права, 1959: 446).

Тем самым государство, во-первых, наводило порядок в земельном хаосе вследствие многолетней смуты, а во-вторых, сохраняло дворянский служилый «люди» в материальной зависимости от центральной власти и службы. Принимается целая серия указов о возможности оставления дворянского поместья в «пожить», в вечное пользование, на «прожиток» вдовам, девицам и т.д. «У дворян и у детей боярских, которые побиты и в полон пойманы и которых без вести, поместий их не отнимать и в раздачу их не отдавать, а давать те их поместья женам и их детям» (Памятники русского права, 1959: 448).

Окончательный удар по местничеству был нанесен в 1682 г., когда оно было официально отменено решением Земского собора, в котором были процитированы гневные слова высшего церковного иерарха: «Да погибнет во огни оное, богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь да не вспомняется во веки» (Российское законодательство. Т. 4, 1986: 43).

Принятие данного решения ускорили события 1681 г., когда бояре предприняли попытку ослабить государственную централизацию и власть царя через разделение единого Московского государства на ряд областей – Сибирское царство, Казанское царство... – и их возглавить в качестве пожизненных князей, т.е. фактически узаконить феодальную раздробленность. Однако подобный

раздел государства не удался. Патриарх российский решительно выступил против этой идеи, оказав существенную поддержку позиции царя.

Попытка сохранить принцип местничества через составление так называемого устава о старшинстве, предполагавшем занятие всех важнейших должностей в государстве только боярами, также была решительно отброшена центральной царской властью.

4. Заключение

Вопрос об отмене местничества, его спокойном восприятии со стороны боярства требует специального изучения. Буквально несколько десятков лет назад бояре боролись за соблюдение этого принципа под страхом заключения в тюрьму, иных физических наказаний. Исторический экскурс показывает, что старинные боярские фамилии либо вымерли (Мстиславские, Шуйские, Бельские), либо разорились экономически (Хованские, Голицыны, Ростовские). Пришедшее им на смену новое поколение боярства не было столь родовитым. Например, Одоевские в XVI в. не были столь авторитетными и влиятельными, они возвысились благодаря новой государственной политике. Помимо этого, в древо боярской знати постоянно и настойчиво входили удачливые дворянские лица, могущество которых полностью зависело от воли первого лица в государстве (Ордин-Нащокин). По подсчетам С.Ф. Платонова в 1668 г. из 62 бояр и думных людей только 28 принадлежали к старым родам, предки которых в XVI в. были в думе (Платонов: 1998: 491). Новоиспеченная аристократическая знать вряд ли была заинтересована в сохранении принципа местничества: так как желала продвижения по службе по выслуге, а не «породе», тем более, что служба начинает подразделяться на военную и гражданскую.

Была выстроена в государстве вертикаль власти, которая заставляла индивида поступаться своим достоинством. Боярство (в целом правящий слой) стало гибким, приспособляющимся к любой ситуации, а «прогибаясь под власть», оно стало терять свое достоинство.

Между чинами думными (бояре, окольные, думные дьяки), чинами московскими (дворяне московские, стольники, стряпчие – служащие среднего звена в правительственном аппарате, прежде всего в приказной системе) и чинами городскими (дворяне служилые в городах Московского государства, дети боярские) постоянно шла борьба за должности в государстве как военные, так и гражданские. Результатом этой борьбы явилось постепенное упрощение системы чинов, ее демократизация. Старая боярская аристократия окончательно утрачивает свое господствующее положение в кадровых назначениях.

Так, в российском государстве его первое лицо сформировало под себя новую социальную опору, руководящую элиту в лице дворянства, полностью зависимую от него, а не соправительствующую. Дворяне как сословие не являлись богатым сословием. Но государство (царь) помогало им встроиться в систему Московского государства, обеспечивало условия для самореализации, создавая социальные лифты для лиц с большой социальной активностью. Последствием официальной отмены местничества стало в очень короткий срок превращение зависимой монархии в абсолютную.

После 1682 г. начинаются поиски новой системы подбора кадров в государственные структуры, которые прерывались по причине переворотов, войн и смут в государстве. В 1722 г. Табель о рангах Петра I определила новые принципы в работе с кадрами в общегосударственном масштабе.

Литература

Берелович, 2001 – Берелович А. Иерархия равных. Русская знать при Старом режиме (XVI–XVII вв.). Paris, 2001. 475 с.

Ерошкин и др., 1965 – Ерошкин Н.П., Куликов Ю.В., Чернов А.В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции (учебное пособие). М., 1965. 418 с.

Законодательные акты..., 1986 – Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986. 264 с.

Загостин, 1869 – Загостин Н.П. История права Московского государства. Казань, 1869. 315 с.

Зимин, 1969 – Зимин А.А. Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI вв. // Археографический вестник за 1968 г. М., 1969. С. 109–118.

История государства и права, 1997 – История государства и права: Словарь-справочник / Под ред. М.И. Сизикова. М., 1997. 304 с.

Карамзин, 1997 – Карамзин Н.М. История государства Российского. В 3 книгах. СПб., 1997. Кн. 1. 720 с.

Костомаров, 1994 – Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. Смоленск, 1994. 799 с.

Ключевский, 1995 – Ключевский В.О. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1995. Кн. 1. 572 с.; кн. 2. 584 с.

Кобрин, 1995 – Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVII вв. М., 1995. 240 с.

- Кобрин, 2008** – Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. 369 с.
- Лихачев, 2014** – Лихачев Н.Н. Библиотека и архив Московских государей в XVI в. М., 2014 г. 240 с. Репринт. Издание 1894 г.
- Лихачев, 1888** – Лихачев Н.Н. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. 759 с.
- Маркевич, 1879** – Маркевич А.И. О местничестве. Ч. 1. Русская историография в отношении к местничеству. Киев, 1879. 968 с.
- Мордовина, 1971** – Мордовина С.П. Земский собор 1598 г. Источники. Характер представителя. Автореф. канд. дисс. М., 1971. 22 с.
- Памятники русского права, 1959** – Памятники русского права. Выпуск 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1959. 668 с.
- Пашуто, 1965** – Пашуто В.Т. Общественно-политический строй Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 55-57.
- Платонов, 1998** – Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1998. 838 с.
- Петров, 2006** – Петров К.В. Местнические правоотношения в русском праве XVI–XVII вв. Содержание, правовая природа, основания и способы защиты // *Ленинградский юридический журнал*. 2006. № 1. С. 190-197.
- Российское законодательство, 1986** – Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. 512 с.
- Скрынников, 2006** – Скрынников Р.Г. Русская история IX–XVII вв. СПб., 2006. 582 с.
- Соловьев, 1989** – Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. 768 с.
- Шмидт, 1996** – Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. 335 с.
- Шмидт, 1973** – Шмидт С.О. Становление российского самодержавства (исследование социально-политической истории Ивана Грозного). М., 1973. 350 с.
- Шмидт, 1964** – Шмидт С.О. Местничество и абсолютизм // *Абсолютизм в России*. М., 1964. С. 168-172.
- Эскин, 2009** – Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России в XVI–XVII вв. М., 2009. 512 с.
- Эскин, 1993** – Эскин Ю.М. Местничество в социальной структуре феодального общества // *Отечественная история*. 1993. № 5. С. 39-53.
- Яблочков, 2003** – Яблочков М. История дворянского сословия в России. Смоленск, 2003. 576 с.

References

- Berelovich, 2001** – Berelovich A. (2001). Iyerarkhiya ravnykh. Russkaya znat' pri Starom rezhime (XVI–XVII vv.) [Hierarchy of equals. The Russian nobility under the Old regime (XVI – XVII centuries)] Paris. 475 p. [in Russian]
- Eskin, 1993** – Eskin Yu.M. (1993). Mestnichestvo v sotsial'noy strukture feodal'nogo obshchestva [Parochialism in the social structure of feudal society]. *Otechestvennaya istoriya*. No. 5. Pp. 39-53. [in Russian]
- Eskin, 2009** – Eskin Yu.M. (2009). Ocherki istorii mestnichestva v Rossii v XVI–XVII vv. [Essays on the history of localism in Russia in the 16th – 17th centuries]. М., 512 p. [in Russian]
- Istoriya gosudarstva i prava, 1997** – Istoriya gosudarstva i prava: Slovar'-spravochnik [History of State and Law: Dictionary-Reference]. Ed. M.I. Sizikova. М., 1997. 304 p. [in Russian]
- Karamzin, 1997** – Karamzin N.M. (1997). Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. V 3 knigakh [History of Russian Government. In 3 books]. SPb., 1997. Kn. 1. 720 p. [in Russian]
- Klyuchevskiy, 1995** – Klyuchevskiy V.O. (1995). Polnyy kurs lektsiy v trekh knigakh. [A full course of lectures in three books]. М., Kn. 1. 572 p.; kn. 2. 584 p. [in Russian]
- Kobrin, 1995** – Kobrin V.B. (1995). Materialy genealogii knyazhesko-boyarskoy aristokratii XV–XVII vv. [Genealogy materials of the princely-boyar aristocracy of the 15th – 17th centuries]. М. 240 p. [in Russian]
- Kobrin, 2008** – Kobrin V.B. (2008). Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy]. М. 369 p. [in Russian]
- Kostomarov, 1994** – Kostomarov N.I. (1994). Smutnoye vremya Moskovskogo gosudarstva. [The Time of Troubles of the Moscow State]. Smolensk. 799 p. [in Russian]
- Likhachev, 1888** – Likhachev N.N. (1888). Razryadnyye d'yaki XVI v. [Bit clerks of the XVI century]. St. Petersburg. 775 p. [in Russian]
- Likhachev, 2014** – Likhachev N.N. (2014). Biblioteka i arkhiv Moskovskikh gosudarey v XVI v. [Library and Archive of Moscow Sovereigns in the 16th Century]. М., 240 p. Reprint. Izdanie 1894 g. [in Russian]
- Markevich, 1879** – Markevich A.I. (1879). O mestnichestve. CH. 1. Russkaya istoriografiya v otnoshenii k mestnichestvu [About localism. Part 1. Russian historiography in relation to localism]. Kiev. 968 p. [in Russian]
- Mordovina, 1971** – Mordovina S.P. (1971). Zemskiy sobor 1598 g. Istochniki. Kharakter predstavitel'stva [Zemsky Cathedral 1598. Sources. The nature of the representation]. Avtoref. kand. diss. М. 22 p. [in Russian]

Pamyatniki russkogo prava, 1959 – Pamyatniki russkogo prava. Vypusk 5. Pamyatniki prava perioda soslovno-predstavitel'noy monarkhii [Monuments of Russian law. Issue 5. Monuments of law of the period of estate-representative monarchy]. Ed. L.V. Cherepnina. M., 1959. 668 p. [in Russian]

Pashuto, 1965 – *Pashuto V.T.* (1965). Obshchestvenno-politicheskiy stroy Drevnerusskogo gosudarstva [The socio-political system of the Old Russian state]. *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie*. M. P. 55-57. [in Russian]

Petrov, 2006 – *Petrov K.V.* (2006). Mestnicheskiye pravootnosheniya v russkom prave XVI–XVII vv. Soderzhaniye, pravovaya priroda, osnovaniya i sposoby zashchity [Local relations in Russian law of the XVI – XVII centuries. Content, legal nature, grounds and methods of protection]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*. No 1. Pp. 190-197. [in Russian]

Platonov, 1998 – *Platonov S.F.* (1998). Lektsii po russkoy istorii [Lectures on Russian history]. SPb. 838 p. [in Russian]

Rossiyskoye zakonodatel'stvo, 1986 – Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov. V devyati tomakh. T.4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma [Russian legislation of the 10th – 20th centuries. In nine volumes. T.4. Legislation of the period of the formation of absolutism]. M., 1986. 512 p. [in Russian]

Shmidt, 1964 – *Shmidt S.O.* (1964). Mestnichestvo i absolyutizm [Parochialism and absolutism]. *Absolutism in Russia*. M., pp. 168-172. [in Russian]

Shmidt, 1973 – *Shmidt S.O.* (1973). Stanovleniye rossiyskogo samodержavstva (issledovaniye sotsial'no-politicheskoy istorii Ivana Groznogo) [The formation of the Russian autocracy (a study of the socio-political history of Ivan the Terrible)]. M., 350 p. [in Russian]

Shmidt, 1996 – *Shmidt S.O.* (1996). U istokov rossiyskogo absolyutizma [At the origins of Russian absolutism]. M., 335 p. [in Russian]

Skrynnikov, 2006 – *Skrynnikov R.G.* (2006). Russkaya istoriya IX–XVII vv. [Russian history of the 9th – 17th centuries]. SPb. 582 p. [in Russian]

Solov'yev, 1989 – *Solov'yev S.M.* (1989). Chteniya i rasskazy po istorii Rossii [Readings and stories on the history of Russia]. M. 768 p. [in Russian]

Yablochkov, 2003 – *Yablochkov M.* (2003). Istoriya dvoryanskogo sosloviya v Rossii [History of the nobility in Russia]. Smolensk. 576 p. [in Russian]

Yeroshkin i dr., 1965 – *Yeroshkin N.P., Kulikov YU.V., Chernov A.V.* (1965). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossii do velikoy oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii (uchebnoye posobiye) [The history of state institutions of Russia before the great October socialist revolution (study guide)]. M., 418 p. [in Russian]

Zagostin, 1869 – *Zagostin N.P.* (1869). Istoriya prava Moskovskogo gosudarstva [History of the law of the Moscow state]. Kazan, 315 p. [in Russian]

Zakonodatel'nyye akty..., 1986 – Zakonodatel'nyye akty russkogo gosudarstva vtoroy poloviny XVI – pervoy poloviny XVII veka. [Legislative acts of the Russian state in the second half of the 16th - first half of the 17th century]. Teksty. Pod red. N.E. Nosova. L., 1986. 264 p. [in Russian]

Zimin, 1969 – *Zimin A.A.* (1969). Istochniki po istorii mestnichestva v XV-pervoy treti XVI v. [Sources on the history of localism in the XV-first third of the XVI century]. *Arkheograficheskii vestnik za 1968 g.* M. Pp. 109-118. [in Russian]

Местничество и демократизация кадровой политики Московского государства

Василий Петрович Пашин ^{a, *}, Светлана Николаевна Токарева ^a

^a Курский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Историографический анализ литературы по вопросам местничества показывает ряд нерешенных и дискуссионных вопросов. Проблемы, исследуемые в XIX в., плавно перешли в XX–XXI вв. Настоящая статья проблему местничества рассматривает с точки зрения общегосударственной политики по подбору и расстановке кадров на важнейшие государственные и военные должности. Утверждается, что местничество отвечало требованиям исследуемого периода Московского государства в области кадровой политики, сформировавшемуся типу общественных отношений и государственному устройству. На документальной основе показывается процесс демократизации в подборе кадров через вовлечение в государственные институты лиц из других сословий – дворянства, купечества. Доказывается определенное равнодушие русской элиты Московского государства к высшей центральной власти, наличие в правящей элите значительного слоя национального элемента, и не только из населения присоединенных к государству земель. Именно иноземный элемент придавал колорит в борьбе за власть. Исследуется вопрос борьбы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pashinvp@mail.ru (В.П. Пашин)

боярского сословия за место в государственном аппарате не только между родами, но и внутри родов. Показываются достаточно цивилизованные способы разрешения конфликтных ситуаций в вопросах местничества – судебные решения, умелая государственная политика царя при назначении на должности. На основе анализа царских указов и приговоров Боярской думы показывается политика центральной власти в отношении лиц, недобросовестно выполнявших служебные обязанности или не относившихся патриотически к Отечеству. Высказывается мнение о причинах бесконфликтного ухода от принципа местничества в кадровой политике Московского государства в конце XVII в.

Ключевые слова: Московское государство, местничество, кадровая политика, боярское сословие, дворяне, поместье, приказы, Земский собор.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 14-22. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.14
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Material and Technical Support of Military Educational Institutions of Artillery and Engineering Profile in the XVIII century

Vladimir N. Benda ^{a, *}, Nikolai D. Kozlov ^a, Anatoly V. Pokhilyuk ^a, Vadim O. Levaschco ^a

^a Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

Abstract

The article pays attention to the problems associated with the organization of material and technical support of daily life of military special educational institutions in Russia, which trained non-commissioned officers, officers and other specialists for artillery and engineering troops, created and operated during the XVIII century. The order, features and sources of financing of the maintenance of military educational institutions, and also the sizes of the monetary maintenance and other types of providing pupils in these institutions are defined. Special attention is paid to the characteristics of the problems faced by the state in providing the activities of military special schools and cadet corps, designed to solve the important state task of training domestic special personnel of various profiles and purposes, necessary to strengthen and maintain a high level of combat readiness and combat capability of the Russian artillery and engineering troops and the army as a whole.

The authors draw attention to the fact that, in the course of organizing a quality educational process in military educational institutions organized and operated in the period under review, not only the teaching staff of these institutions were important, but also the teaching tools used such as: educational literature (textbooks, statutes, manuals of an official and unofficial nature, military-historical works) and teaching AIDS (artillery and engineering models, devices and tools, rulers, circulars, etc.). It is noted that a significant improvement in the organization and order of financing the content of the newly created in the second half of the XVIII century. military educational institutions, which trained personnel for artillery and engineering troops, had a positive impact on the development of military special education and the quality of both military and civilian specialists. For the first time, the article introduces many archival sources into scientific circulation.

Keywords: XVIII century, military special schools, cadet corps, educational process, means of training, students, logistics.

1. Введение

Обращение к историческому опыту функционирования органов государственного и военного управления по обеспечению военно-специальных учебных заведений всеми необходимыми видами довольствия и снабжения в XVIII в. вполне оправдано. Актуальность темы статьи обосновывается тем, что история материально-технического обеспечения (МТО) процессов создания, совершенствования и реформирования российского военного образования на протяжении XVIII в. изучена и освещена в литературе недостаточно. Исследователи в силу различных причин не смогли комплексно изучить все процессы, связанные с военно-специальными школами и другими учебными заведениями, в которых на протяжении XVIII в. велась подготовка кадров для артиллерии и инженерных войск, а подвергали анализу отдельные аспекты развития этой системы. Более того, в литературе и

* Corresponding author

E-mail addresses: bvn.1962@mail.ru (V.N. Benda), koznik49@yandex.ru (N.D. Kozlov), viktorovich_1948@mail.ru (A.V. Pokhilyuk), vo-levashko@yandex.ru (V.O. Levaschco)

исследованиях не отражено содержание большого пласта малоизученных или вовсе не изученных учеными архивных источников, отражающих вопросы обеспечения повседневной жизнедеятельности военных школ и других военно-учебных заведений. Многие источники по указанной теме не в полной мере введены в современный научный оборот. В том числе и этим обстоятельством авторы определяют актуальность статьи.

2. Материалы и методы

2.1. Наиболее широкое использование в данной статье имеет такой тип исторических и других источников, как архивные документы, составляющие фундамент и документальную основу военно-исторического исследования, т.к. содержат обширную информацию о делах, времени, участниках событий, характере их деятельности – словом, все то, что позволяет достоверно воспроизвести военно-исторические события, касающиеся деятельности военно-специальных школ и кадетских корпусов, в которых на протяжении XVIII столетия готовились отечественные артиллерийские и инженерные кадры для русской армии. В частности, изученные нами документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), а также в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (архив ВИМАИВ и ВС), оказали существенную помощь в процессе раскрытия темы исследования. Рукописные документы, хранящиеся в фондах вышеуказанных архивов, позволили нам сформировать обширную источниковую базу исследования, содержащую разнообразный и любопытный материал. Так, например, документы архива ВИМАИВ и ВС содержат огромный пласт информации, характеризующий разностороннюю деятельность артиллерийского и инженерного ведомств и подчиненных им военно-специальных учебных заведений.

2.2. В решении исследовательских задач существенную помощь оказал сравнительно-исторический метод, давший возможность изучить исторические факты создания и развития системы подготовки унтер-офицерского и офицерского состава и других специалистов для артиллерийского и инженерного корпусов, материально-технического обеспечения ее полноценной работы как в тесной связи с той исторической обстановкой, в которой она действовала, так и в их качественном изменении на различных этапах развития этой системы. В изложении содержания изучаемой темы применен хронологический подход, использование которого обуславливается многоаспектностью исследуемой темы. Один из важнейших методологических принципов исследования – принцип историзма – потребовал изучения проблем финансового, материального и других видов обеспечения деятельности военно-учебных заведений на протяжении XVIII в. с учетом конкретно-исторических условий того времени. Эти и другие методы дополняют друг друга и дают возможность всесторонне исследовать указанную проблему.

3. Обсуждение

Аспекты МТО повседневной жизнедеятельности военно-учебных заведений, созданных и действовавших в России в течение XVIII в., освещались в ряде трудов, относящихся к дореволюционной, советской и современной историографии. Это работы Д.П. Журавского (Журавский, 1859), Н.Е. Бранденбурга (Бранденбург, 1876), Н.И. Соловьева (Соловьев, 1900), П.Н. Милюкова (Милюков, 1905). Они содержат общие сведения по обеспечению в первой половине XVIII в. русской армии в целом и таких родов войск, как артиллерия и инженерные войска, необходимым имуществом, снаряжением и вооружением.

В дореволюционной (Мышлаевский, 1894; Масловский, 1891; Висковатов, 1899; Бобровский, 1904) и советской (Троицкий, 1956; Бескровный, 1958; История тыла, 1955) историографии с различной степенью детализации и подробностей освещались отдельные вопросы, касающиеся обеспечения личного состава, артиллерии, инженерных и других родов войск русской армии необходимыми видами довольствия. Эти же проблемы затрагивались и в трудах современных исследователей (Анисимов, 2010). В некоторых наших ранее опубликованных работах анализировались отдельные аспекты повседневной жизнедеятельности учебных заведений различного профиля и назначения, готовивших артиллерийские и инженерные кадры на протяжении XVIII в., а также финансовое, вещевое и продовольственное снабжение преподавательского состава и обучающихся в них школьников и кадетов (Бенда, 2009а; Бенда, 2009б; Бенда, 2009с; Бенда, 2019).

Целью данной статьи является систематизация уже существующих и выявление новых данных, позволяющих существенно расширить и дополнить сведения по МТО организации учебно-воспитательного процесса и содержания военно-специальных учебных заведений.

4. Результаты

В январе 1701 г. в Москве была создана артиллерийско-инженерная школа, ученики которой в период обучения содержались за счет государства. Следует заметить, что в первые годы своего существования школа в основном комплектовалась за счет детей пушкарей (так назывался в те времена личный состав артиллерийских подразделений – Авт.) и представителей иных незнатных

сословий. Государство обеспечивало их определенным комплектом одежды и обуви, бесплатным пропитанием и учебными принадлежностями. Помимо этого, ученики также получали в зависимости от успехов в освоении учебной программы «государево жалование» ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 894-894 об.](#)), а учащиеся, успешно овладевавшие науками на завершающем этапе обучения получали так называемое «особливое государево жалование» ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 894 об.-895 об.; Д. 1. Л. 26 об., 27, 32 об., 34, 77, 123, 123 об. и др.](#)), т.е. денежное жалование в повышенном размере. Из отчета о количестве учащихся и денежной сумме, израсходованной на их содержание, представленного канцелярией Артиллерийского приказа Я.В. Брюсу ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Д. 4. Л. 894-897 об.](#)), видно, что определенной штатной, так называемой окладной, суммы денег на содержание школы, питание и одежду ученикам определено не было. Деньги эти брались из различных, порой случайных, источников дохода Приказа артиллерии. Так, в отчете сообщается, что «...ученики кормлены из заделных денег, которые всяких чинов люди привозили битую колокольную и зеленую медь и имали целые колокола, и у них битая и зеленая медь принимана, а вместо той меди отдаваны в тот же вес целые колокола, а вместо задельного имано по 8 алтын 2 деньги с пуда» ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 896](#)). Значительный интерес представляют документы, в которых можно найти упоминание о производстве различного рода работ по благоустройству инженерно-артиллерийской школы: о выдаче денег на дело «...в цифирных школах опечков, и столов, и лавок, и перегородок» ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 93](#)), за покупные припасы к делу «...в инженерные школы печей за образцы, и глину, и кирпич, сырой и жженный, за проволоку и крючки железные, и иные припасы» ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 140](#)) – и об обеспечении учебного процесса. В ноябре 1702 г. из Приказа артиллерии выдается медь «...на дело в школу циркулей и перей», и уже в декабре «часового дела мастеру Марку Францеву сыну Эру» выплачивается 28 рублей 30 алтын «...за сделанные в новопостроенные школы к иноземцу Ягану Адлеру для учения школьных учеников за 22 циркуля, да за 11 перьев медных, наконешники стальные, за 5 транспортеров...» ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 87, 89 об.](#)). Для инженерной школы покупаются 15 аспидных досок «для учения школьных учеников геометрии» ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 126 об.](#)), в распоряжение Ягана Адлера отпускается еще одна стопа писчей и десять александрийской бумаги и т.д. ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 77, 87](#)). Среди самых разнообразных записей в расходных документах Артиллерийского приказа, имевших отношение к школе и свидетельствующих о том, что руководство Приказа принимало необходимые меры для обеспечения успешного хода учебного процесса, привлекает особое внимание запись о покупке для учеников инженерной школы одиннадцати немецких азбуков ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 77](#)). Этот факт позволяет сделать вывод о том, что, помимо основных предметов учебной программы, школьники изучали и иностранный язык, знание которого в новых исторических условиях все расширяющихся связей с зарубежными странами приобретало особое значение для будущих артиллерийских и инженерных специалистов. Под руководством инженера Ягана Адлера ученики инженерной школы успешно осваивали учебную программу и «...за прилежное учение геометрии и фортификации сверх кормовых денег» были вознаграждены дополнительным денежным жалованием ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 126](#)). С этого момента школьники верхнего класса стали получать годовые оклады в размере 10 рублей ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 895 об.](#)). В справке канцелярии Приказа на челобитной ученика инженерной школы Алексея Луцкого об установлении ему годового оклада в сумме 10 рублей написано: «...10 человеком учинено ево великого государя жалования по 10 рублей человеку в год для того, что приняли науку геометрию и тригонометрию, феории и праксии, ... и станки, ось, и втулку, и колесо, также и мортирной станок чертили» ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 644](#)).

Необходимо отметить, что с момента образования в 1712 г. Московской инженерной школы профиль подготовки военных кадров в артиллерийско-инженерной школе изменился: в ней стали готовить в большей степени чисто артиллерийские военные кадры, не исключая из программы подготовки и инженерные дисциплины. Поэтому после 1712 г. Московская инженерно-артиллерийская школа стала именоваться просто артиллерийской.

Я.В. Брюс систематически информировал Петра I о положении дел в Московской артиллерийско-инженерной школе. Государство остро нуждалось в первую очередь в отечественных специалистах различного профиля и назначения, в том числе и в области артиллерийского и инженерного дела. Вследствие этого Петром I было дано указание Я.В. Брюсу об увеличении количества учеников артиллерийско-инженерной школы. Выполняя приказ царя, Я.В. Брюс в середине января 1716 г. поставил перед подполковником и обер-комиссаром Приказа артиллерии Е.П. Зыбиным, в ведении которого находилась указанная школа, задачу о строительстве дополнительных зданий, в которых могли бы обучаться сверхкомплектные школьники ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 80](#)). В конце января 1716 г. Я.В. Брюс еще раз напомнил Е.П. Зыбину о том, «...чтоб к палате, в которой учагца школьные ученики, пристроить еще ради учеников две горницы», и требовал, чтобы Зыбин «оные строить приказал не мешкав» ([архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 84 об.-85](#)). 17 февраля Я.В. Брюс вновь пишет Е.П. Зыбину: «...Ради учения школьников к палате школьной стены или мазанки прикажите приделать, коли

деревянного строения строить не велено, и чтоб, как возможно, поспешить о том, дабы школьники не гуляли» (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 88 об.). В ноябре 1716 г. Зыбин донес, что «на пушечном дворе для учения школьных учеников каменные школьные палаты вновь построены и в оных те школьные ученики учатца» (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 71 об.). Значительный интерес для нас представляет достоверная и полная информация о штате Московской артиллерийской школы и финансовых затратах на обеспечение учебного процесса и другие нужды по состоянию на 1726 г., обнаруженная нами в архивном документе, именуемым «О школах артиллерийских» (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3363. Л. 74-75). Так, например, штат Московской артиллерийской школы в 1726 г. включал 106 человек, из них 100 учеников, которым на годовое жалование полагалось 1222 р., на обеспечение же учебного процесса на год – 1246 р. Любопытно, что по штату Санкт-Петербургской артиллерийской школы в то же время числилось 62 человека, суммарное годовое жалование которых и затраты на обеспечение учебного процесса в сумме составляли 1554 р. 50 к. (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3363. Л. 74-75).

Известно, что наряду с указанными московскими военно-специальными школами действовала Санкт-Петербургская артиллерийская школа, созданная в 1719 г. Рассматривая вопросы финансового, продовольственного и других видов довольствия артиллерийской школы при Санкт-Петербургской лаборатории (лабораторном доме), следует заметить, что точная сумма, определяемая канцелярией на содержание самой школы и на другие виды довольствия, нам точно не известна. Однако имеются некоторые данные, позволяющие приблизительно судить о состоянии школы и ее хозяйстве. М.С. Лалаев утверждает, что на содержание школы в год отпускалось всего 764 рубля (Лалаев, 1880: 12). На освещение школы в течение всех осенних и зимних месяцев канцелярия покупала до трех пудов сальных свеч, а на отопление всего дома с банями – в среднем около двадцати пяти сажень трехполенных сосновых дров. 10 октября 1735 г. Санкт-Петербургская школа для «пушкарских детей» и школа при артиллерийской лаборатории были объединены в одну, которая стала именоваться Санкт-Петербургской артиллерийской школой (Ломан, 1862: 50), в состав которой входили два отделения – школа для «пушкарских детей» и «чертежная школа». На содержание новой чертежной школы отпускалось в год 855 р., а на школу для «пушкарских детей» – 764 р. (Лалаев, 1880: 12).

Рассмотрим вопросы организации материального обеспечения деятельности Санкт-Петербургской инженерной школы, созданной в 1719 г. Заметим, что каких-либо точных и достоверных сведений о размерах ее годового финансового содержания вплоть до 1728 г. нам обнаружить не удалось. И только с введением 3 июня 1728 г. новых инженерных штатов, составленных Военной коллегией и утвержденных Верховным тайным советом, штат инженерной школы в Санкт-Петербурге был четко определен, размер годовой финансовой суммы на ее содержание составлял в год примерно 2600 р. До этого на годовое содержание школы полагалось на 1000 р. больше. На 1000 р. меньше вынужден был сделать годовое содержание инженерной школы граф Миних, кстати, нам не удалось найти каких-либо аргументов, объясняющих его решение. На момент создания школы казенных учебников школьникам не выдавалось. Возможно, учителя предлагали им какие-нибудь записки или велось устное преподавание и взаимообучение. Чертежные инструменты и припасы школьники получали от государства, но футляры для инструментов должны были иметь собственные, что им вменялось в обязанность под страхом «...немалого вычета из жалования» (Ломан, 1862: 4). Следует заметить, что главный орган управления артиллерией (Главная артиллерия) причитавшуюся сумму на содержание инженерного корпуса, в т.ч. и на содержание Санкт-Петербургской инженерной школы, в полном размере не выделял, что давало основание Конторе инженерного правления жаловаться в Военную коллегию и просить ее о том, чтобы сумма, полагавшаяся на содержание инженерного корпуса, выделялась непосредственно в инженерную контору, а не через Главную артиллерию (РГВИА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 82; Д. 38. Л. 25, 164-165, 263-264, 780-782). Обратим внимание на тот факт, что, помимо инженерного корпуса, на содержание которого из государственной казны не выделялись финансовые средства в полном размере, происходило недофинансирование и артиллерии, о чем красноречиво свидетельствует ведомость (см. Таблицу 1), представленная графу фон Миниху 30 июня 1729 г. (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 75. Л. 214-214 об.).

Таблица 1. Финансирование нужд артиллерии

Год	Положенная сумма	Получено	Недодадено
1724	300000	180315 р. 35 и ¼ коп.	119684 р. 64 и ¾ коп.
1725	300000	258995 р. 72 и ¼ коп.	41004 р. 27 и ¼ коп.
1726	300000	163434 р. 33,5 коп.	136565 р. 66,5 коп.
1727	300000	52316 р. 24,5 коп.	247683 р. 75,5 коп.
1728	300000	84785 р. 24 коп.	215214 р. 76 коп.
Итого	1500000	739846 р. 90 коп.	760153 р. 10 коп.

Для исследуемой темы немалый интерес представляют данные о материально-техническом обеспечении учебного процесса в Санкт-Петербургской инженерной школе в начале 40-х годов XVIII в. Всего в год на необходимые инструменты и учебные принадлежности в ней выделялось 117 р. 12 к. (РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 37. Л. 7). В то же время, помимо перечисленных в таблице инструментов и принадлежностей, на покуску в школу красок и других припасов денег не выделялось. По решению канцелярии Главной артиллерии и фортификации и фортификационной конторы необходимые для этого средства изыскивались путем вычитания «... у находящихся в той школе учеников из окладного жалования по 2 рубля» (РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 37. Л. 7 об.). В 1744 г., заботясь о более успешном обучении математике в инженерной школе, было предписано ей инженерной конторой приобрести вновь вышедшую в то время первую часть арифметики Крафта в переводе Ададунова. Кроме этих книг, на которые тогда должны были опираться учителя в процессе преподавания, контора распорядилась, чтобы в школе были переведены несколько иностранных сочинений, купленных генералом Люберасом. Было указано, что если школа сама не справится с переводом этих книг, то необходимо было привлечь переводчиков со стороны. Укажем заглавия этих книг в переводе сделанном самой конторой (Ломан, 1862: 40): 1) «Показание манеров черчения старой архитектуры во всех ее частях, от Бебоса»; 2) «Новая фортификация, Гольдмана»; 3) «Теория и практика садового дела, от Лебонжа»; 4) «Новая силою оружия непобедимая фортификация»; 5) «Геометрия практика, 4 тома, Малета»; 6) «Учение математики, 5 томов, Осанама»; 7) «Регулы о пяти орденах архитектуры, от Вингнолия»; 8) «Воинская архитектура, или искусство в укреплении городов, Жалибна»; 9) «Учение о сочинении дорог»; 10) «Показание способов к свободному проходу рек»; 11) «Фортификация Спеклея»; 12) «Фортификация Римплера»; 13) «Инженерная школа, Фанлабера».

В 1758 г. инженерная школа была объединена с артиллерийской. Новое учебное заведение получило название Объединенной артиллерийской и инженерной школы. Большое внимание было обращено на создание хорошей материальной и учебной базы вновь созданной школы. Для этой цели было отпущено 18 тыс. руб. и помимо этого ежегодно отпускалось по 4000 рублей. При школе были созданы своя библиотека и музей, в которых были собраны модели и учебные пособия, находившиеся в артиллерийских и инженерных школах. Кроме того, чертежи орудий, макеты и модели крепостей были переданы в музей из «чертежной» генерал-фельдцейхмейстера. В 1761 г. при школе была открыта своя типография на два печатных станка. Для ознакомления кадет с иностранной периодической литературой и совершенствования знаний по иностранным языкам выписывались иностранные газеты и журналы (История Отечественной артиллерии, 1960: 235-236). Наряду с этим, вновь возникала проблема полноценного финансирования обеспечения повседневной жизнедеятельности артиллерийского и инженерного корпусов и подведомственных им военно-специальных школ. В январе 1759 г. генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов из-за хронического недофинансирования артиллерийского и инженерного корпусов направил императрице Елизавете Петровне «Изъяснение, на какие именно употребления недосылающиеся по штатам в артиллерию деньги 434 567 р. 55 к. потребны, и каким порядком по не асигнованию оной суммы артиллерийская канцелярия в тех употреблениях исправлялась, и какая в том крайняя надобность обстоит» (РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 207а. Л. 4-5 об.). Ценность этого документа заключается в том, что в нем практически расписан военный бюджет артиллерийского и инженерного ведомства России. Из этого мы можем узнать, что содержание объединенной артиллерийской и инженерной школы по состоянию на 1759 г. было недофинансировано на сумму 10921 р. 43,5 к.

Как уже известно, в 1762 г. было создано новое военно-учебное заведение, которое стало именоваться Артиллерийским и инженерным шляхетским кадетским корпусом (АИШКК), основой для создания которого выступила Объединенная артиллерийская и инженерная школа. На содержание вновь образованного АИШКК предполагалось «...с 25 октября 1762 г. по 25 октября 1763 г. за ассигнованием 30918 р. 23,5 к.» (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 1596. Л. 242). Однако в связи с необходимостью обустройства и организации деятельности вновь образованного кадетского корпуса на второй год его существования сумма на его содержание была увеличена на 9344 р. 9 к. (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1596. Л. 242). Отметим, что многие проблемы на начальном этапе деятельности АИШКК возникали из-за недостаточного и нерегулярного финансирования в течение года. Понимал это и М.И. Мордвинов, обращаясь с просьбой к Вильбоа выделять требуемую сумму на содержание АИШКК одновременно и полностью. Однако решение Вильбоа было прежним: «... потребную на содержание оного корпуса сумму получать оная канцелярия (Канцелярия АИШКК) будет от канцелярии главной артиллерии и фортификации по третям» (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1596. Л. 2). Ко всему этому следует обозначить еще одну немаловажную проблему, суть которой заключалась в том, что обеспечение учеников кадетского корпуса вещевым имуществом было крайне скудным. 26 июля 1763 г. М.И. Мордвинов официальным рапортом представил генерал-фельдцейхмейстеру А.Н. Вильбоа ведомость: «...кое число формирующегося ныне артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса кадетов и школы художеств учеников на положенные по штату вседневные мундирные и амуничные вещи, на учреждение стола и на прочее денежной казны потребно и на

какие точно вещи» (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1596. Л. 21-23 об.). Ее содержание позволяет оценить перечень вещевого и амуниционного и другого имущества, полагавшегося кадетам АИШКК и ученикам школы художеств, действовавшей при кадетском корпусе.

Сверх указанных в ведомости сумм Мордвинов ходатайствовал перед Вильбоа о выделении дополнительных денежных средств «...на содержание для кадет стола, т.е. на заготовление съестных и питейных припасов, на покупку для того стола и кухонной оловянной и медной посуды и прочего» – 5329 р., а всего кадетам и ученикам школы художеств «на мундирные и амуниционные вещи и на приготовление стола и на прочие потребности» необходимо было 16293 р. 58 к. (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1596. Л. 23 об.). Это позволяет предположить, что общий стол для кадетов не мог быть организован сразу же при учреждении АИШКК и опять же из-за неимения денежных средств, необходимых для закупки всего нужного для организации питания кадетов и учеников. А потребность в приобретении необходимого имущества для приготовления и приема пищи была весьма существенной, что видно из одного из реестров, представленных М.И. Мордвиновым А.Н. Вильбоа и приведенных нами ниже. Так, для питания кадет и приготовления пищи на кухне необходимо было сделать медной посуды: «...мисок медных – 15, стоп которые б были мерою в штофе – 60, кулганов мерою в ведро – 15, кастрюль медных с крышкой мерою в 4 ведра – 8, кастрюль медных с крышкой мерою в 10 ведер – 3, кастрюль медных с крышкой в два ведра – 6» (архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1596. Л. 59). По приказу Вильбоа все обзаведение необходимой кухонной и столовой утварью должно было производиться за счет суммы, выделяемой на годовое продовольственное обеспечение кадетов и учеников. Для решения этого вопроса поступили следующим образом: из так называемых столовых денег, выдаваемых кадетам и ученикам на руки, вычитали у кадетов по 1 к., а у учеников – по 0,5 к. Все вопросы по организации деятельности так называемого «общего стола» (столовой – Авт.) были решены только к июлю 1764 г. (Ломан, 1862: 117). На годовое содержание АИШКК в 80-е годы XVIII столетия отводилась сумма в 104566 р. 62 и ¼ к. (Ломан, 1862: 141). Но, например, в 1786 г. на содержание Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса было всего отпущено из государственной казны 13537 р. 79 и ¼ к. (РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 225. Л. 72).

5. Заключение

В заключение заметим, что, несмотря на значительные расходы государства, определяемые ведением Северной войны, проведением военных и других реформ, правительство Петра I, используя различные формы и способы изыскания и определения источников финансирования, всегда находило их в государстве и не прибегало к иностранным займам.

Изучая архивные документы, отражающие данные по выделению денежных средств на артиллерию и инженерные войска и на военно-учебные заведения, подведомственные артиллерийскому и инженерному ведомству, можно утверждать, что на протяжении всего XVIII столетия по всем статьям финансирования практически ежегодно требуемая сумма полностью не выделялась. Красноречивым подтверждением вышесказанному является тот факт, что согласно смете, утвержденной императором Петром I, размер годовой суммы, выделяемой из государственной казны на вещевое, продовольственное, финансовое и другие виды снабжения армейской и гарнизонной артиллерии и ее личного состава, начиная с мая 1724 г., необходимо было отпускать по 300000 рублей. 50000 рублей из этой суммы, а с июля 1726 г. – 55189 р. 87 и 2/3 коп., выделялись на годовое содержание инженерного корпуса. Однако, как отмечалось выше, главный орган управления артиллерией (Главная артиллерия) причитающуюся сумму на содержание инженерного корпуса в полном размере не выделял. Обращают на себя особое внимание три статьи расходов государства в 1730 г. Во-первых, выражаясь современным языком, «на боевую подготовку» в артиллерийском корпусе государство потратило 12851 р. Во-вторых, Московская и Санкт-Петербургская артиллерийские школы, в которых велась подготовка специалистов и кадров различного профиля и назначения для артиллерии, на обеспечение своей деятельности получали по 821 р. в год каждая. Много это или мало? Несомненно, тот факт, что артиллерийский и инженерный корпуса и подведомственные им военно-специальные школы не получали финансовые средства на свое содержание в полном размере, стал одной из причин отсутствия прогресса в развитии и совершенствовании артиллерии и инженерного искусства в России, продолжавшегося многие годы. Во второй половине XVIII в. артиллерийское ведомство практически постоянно вынуждено было для решения каких-либо насущных вопросов материального или финансового обеспечения артиллерийских и инженерных, в том числе и военно-учебных, заведений прибегать, выражаясь современным языком, к нецелевому использованию денежных средств, в частности выделяемых на инженерный корпус.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что проблемы с финансированием военно-учебных заведений существовали в течение почти всего XVIII в. и практически ежегодно отмечались факты недофинансирования деятельности военно-специальных школ и кадетских корпусов.

Литература

Анисимов, 2010 – *Анисимов В.В.* Деятельность государственных органов по военно-правовому обеспечению строительства регулярной армии России в XVIII веке: Дисс. ... к.и.н. М.: Военный университет, 2010. 247 с.

Архив ВИМАИВ И ВС – Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Бенда, 2009a – *Бенда В.Н.* Финансирование деятельности военно-учебных заведений в первой половине XVIII в. // *Вести Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2. 2009. Вып. 1. С. 53-58.

Бенда, 2009b – *Бенда В.Н.* Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских и инженерных кадров в XVIII веке: Монография. СПб., 2009. 158 с.

Бенда, 2009c – *Бенда В.Н.* Первые российские артиллерийские и инженерные школы в конце XVII – первой четверти XVIII века // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 9. С. 23-28.

Бенда, 2019 – *Бенда В.Н.* Русская артиллерия и инженерное дело в конце XVII – первой четверти XVIII веков. Монография. СПб., 2019. 188 с.

Бескровный, 1958 – *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М.: Воениздат, 1958. 645 с.

Бобровский, 1904 – *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к II тому. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1904. 244 с.

Бранденбург, 1876 – *Бранденбург Н.Е.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1700–1720 гг.). СПб.: Типография «Артиллерийского журнала», 1876. 556 с.

Висковатов, 1899 – *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. II. СПб.: Тип. «В.С. Балашев и Ко», 1899. 273 с.

Журавский, 1859 – *Журавский Д.П.* Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 годы. СПб.: Тип. Карла Вульфа, 1859. 228 с.

История тыла, 1955 – История тыла и снабжения русской армии. Калинин: Военная академия тыла и снабжения им. В.М. Молотова, 1955. 143 с.

История Отечественной артиллерии, 1960 – История Отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2: Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М.: Воениздат, 1960. 696 с.

Лалаев, 1880 – *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетнего благополучного царствования государя императора Александра Николаевича 1700–1880. Ч. 1–2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. 465 с.

Ломан, 1862 – *Ломан Н.Л.* Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб.: Тип. Тов-ва «Обществ. польза», 1862. 201 с.

Масловский, 1891 – *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1 (1683–1762 годы). СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1891. 470 с.

Милюков, 1905 – *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. Изд. второе. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 681 с.

Мышлаевский, 1894 – *Мышлаевский А.З.* Петр Великий. Военные законы и инструкции (изданные до 1715 г.) СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1894. 122 с. С. 102-109.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Соловьев, 1900 – *Соловьев Н.И.* Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в 1-й половине XVIII столетия (1700–1761 гг.). Вып. 1. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1900. 204 с.

Троицкий, 1956 – *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М.: Издательство «Наука», 1956. 265 с.

References

Anisimov, 2010 – *Anisimov V.V.* (2010). Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov po voenno-pravovomu obespecheniyu stroitel'stva regul'yarnoi armii Rossii v XVIII veke [Activity of state bodies on military and legal support of construction of regular army of Russia in the XVIII century]: dis. ... kand. ist.nauk. M. [in Russian]

ARKhIV VIMAIV I VS – Arkhiv Voенно-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi [Archive of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal corps].

Benda, 2009a – *Benda V.N.* (2009). Finansirovanie deyatel'nosti voenno-uchebnykh zavedenii v pervoi polovine XVIII v. [Financing of military educational institutions in the first half of the XVIII century]. *Vesti Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2. Vyp. 1. pp. 53-58. [in Russian]

Benda, 2009b – *Benda V.N.* (2009). Deyatel'nost' voenno-spetsial'nykh uchebnykh zavedenii po podgotovke artilleriiskikh i inzhenernykh kadrov v XVIII veke: monografiya [Activities of military special educational institutions for the preparation of artillery and engineering personnel in the XVIII century: monograph]. SPb. [in Russian]

[Benda, 2009c](#) – *Benda V.N.* (2009). Pervye Rossiiskie artilleriiskie i inzhenernye shkoly v kontse XVII – pervoi chetverti XVIII veka [The First Russian artillery and engineering schools at the end of the XVII – first quarter of the XVIII century]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. №9. pp. 23-28. [in Russian]

[Benda, 2019](#) – *Benda V.N.* (2019). Russkaya artilleriya i inzhenernoe delo v kontse XVII – pervoi chetverti XVIII veka [Russian artillery and engineering at the end of the XVII – first quarter of the XVIII century]. Monografiya. SPb. [in Russian]

[Beskrovnyi, 1958](#) – *Beskrovnyi L.G.* (1958). Russkaya armiya i flot v XVIII veke (Oчерki) [Russian army and Navy in the XVIII century (Essays)]. M. [in Russian]

[Bobrovskii, 1904](#) – *Bobrovskii P.O.* (1904). Istoriya leib-gvardii Preobrazhenskogo polka. Prilozheniya k II tomu [History of the life guards of the Preobrazhensky regiment. Annexes to volume II]. SPb. [in Russian]

[Brandenburg, 1876](#) – *Brandenburg N.E.* (1876). Materialy dlya istorii artilleriiskogo upravleniya v Rossii. Prikaz artillerii (1700-1720 g.) [Materials for the history of artillery management in Russia. Order of artillery (1700-1720)]. SPb. [in Russian]

[Viskovatov, 1899](#) – *Viskovatov A.V.* (1899). Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiiskikh voisk [Historical description of clothing and weapons of Russian troops]. Ch. II. SPb. [in Russian]

[Zhuravskii, 1859](#) – *Zhuravskii D.P.* (1859). Statisticheskoe obozrenie raskhodov na voennye potrebnosti s 1711po 1825 god [Statistical review of expenditures on military needs from 1711 to 1825]. SPb. [in Russian]

[Istoriya tyla, 1955](#) – Istoriya tyla i snabzheniya russkoi armii [History of the rear and supply of the Russian army]. Kalinin. [in Russian]

[Istoriya Otechestvennoi artillerii, 1960](#) – Istoriya Otechestvennoi artillerii. T. 1. Kn. 2: Artilleriya russkoi armii v period ukrepleniya absolyutizma (XVIII v.) [History of Russian artillery. Vol. kN. 2: Artillery of the Russian army during the strengthening of absolutism (XVIII century)]. M. [in Russian]

[Lalaeв, 1880](#) – *Lalaeв M.S.* (1880). Istoricheskii oчерk voенно-uchebnykh zavedenii, podvedomstvennykh Glavnomu ikh upravleniyu. Ot osnovaniya v Rossii voennykh shkol do iskhoda pervogo dvadtsatipyatiletnego blagopoluchnogo tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha 1700–1880 [Historical sketch of military educational institutions subordinated to their Main management. From the Foundation of military schools in Russia to the outcome of the first twenty-five years of prosperous reign of Emperor Alexander Nikolaevich 1700–1880]. Ch. 1-2. SPb. [in Russian]

[Loman, 1862](#) – *Loman N.L.* (1862). Istoricheskoe obozrenie 2-go kadetskogo korpusa [Historical review of the 2nd cadet corps]. SPb. [in Russian]

[Maslovskii, 1891](#) – *Maslovskii D.F.* (1891). Zapiski po istorii voennogo iskusstva v Rossii. Vyp. 1 (1683–1762 god) [Notes on the history of military art in Russia. Vol.1 (1683-1762 year)]. SPb.[in Russian]

[Milyukov, 1905](#) – *Milyukov P.N.* (1905). Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reformy Petra Velikogo [The State economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reforms of Peter the Great]. Izd. vtoroe. SPb. [in Russian]

[Myshlaevskii, 1894](#) – *Myshlaevskii A.Z.* (1894). Petr Velikii. Voennye zakony i instruksii (izdannye do 1715 g.) [Peter The Great. Military laws and regulations (issued before 1715)]. pp.102-109. SPb. [in Russian]

[RGADA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Documents from the Russian state archive of ancient acts].

[RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv [Russian state military-historical archive].

[Solov'ev, 1900](#) – *Solov'ev N.I.* (1900). Istoricheskie oчерki ustroistva i dovol'stviya russkikh regulyarnykh voisk v 1-i polovine XVIII stoletiya. (1700-1761g.) [Historical sketches of the device and the content of Russian regular troops in the 1st half of the XVIII century. (1700-1761g.)]. Vyp.1. SPb. [in Russian]

[Troitskii, 1956](#) – *Troitskii S.M.* (1956) Finansovaya politika russkogo absolyutizma v XVIII v. [Financial policy of Russian absolutism in the XVIII century]. M. [in Russian]

Материально-техническое обеспечение деятельности военно-учебных заведений артиллерийского и инженерного профиля в XVIII столетии

Владимир Николаевич Бенда ^{a, *}, Николай Дмитриевич Козлов ^a,
Анатолий Викторович Похилюк ^a, Вадим Олегович Левашко ^a

^a Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bnv.1962@mail.ru (В.Н. Бенда), koznik49@yandex.ru (Н.Д. Козлов), viktorovich_1948@mail.ru (А.В. Похилюк), vo-levashko@yandex.ru (В.О. Левашко)

Аннотация. В статье уделяется внимание проблемам, связанным с организацией материально-технического обеспечения повседневной жизнедеятельности военно-специальных учебных заведений в России, в которых велась подготовка унтер-офицерских, офицерских кадров и других специалистов для артиллерии и инженерных войск, созданных и действовавших на протяжении XVIII столетия. Определяются порядок, особенности и источники финансирования содержания военно-учебных заведений, а также размеры денежного содержания и другие виды обеспечения учащихся в этих заведениях. Особое внимание отводится характеристике проблем, с которыми сталкивалось государство при обеспечении деятельности военно-специальных школ и кадетских корпусов, предназначенных для решения важной государственной задачи по подготовке отечественных специальных кадров различного профиля и назначения, необходимых для укрепления и поддержания на высоком уровне боеготовности и боеспособности русской артиллерии и инженерных войск, и армии в целом.

Авторами обращается внимание на тот факт, что в ходе организации качественного учебного процесса в военно-учебных заведениях, организованных и действовавших в рассматриваемый период, важное значение имели не только преподавательский состав этих заведений, но и используемые средства обучения: учебная литература (учебники, уставы, наставления официального и неофициального характера, военно-исторические труды) и учебные пособия (артиллерийские и инженерные модели, приборы и инструменты, линейки, циркули и т.п.). Отмечено, что существенное улучшение организации и порядка финансирования содержания вновь созданных во второй половине XVIII в. военно-учебных заведений, в которых велась подготовка кадров для артиллерии и инженерных войск, оказало положительное влияние на развитие военно-специального образования и качество как военных, так и гражданских специалистов. Впервые в статье в научный оборот вводятся многие архивные источники.

Ключевые слова: XVIII в., военно-специальные школы, кадетский корпус, учебный процесс, средства обучения, обучающиеся, материально-техническое обеспечение.

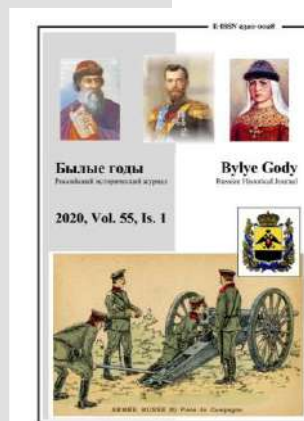
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 23-30. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.23
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

'By Order of Her Imperial Majesty, He is deployed in the Kuban Region to Search out Local Tatars'. The Russo-Turkish War of 1735–1739: Kalmyk Troops in the Campaign of 1739

Vladimir T. Tepkeev ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article discusses the participation of the Kalmyk cavalry in the military campaign of 1739 as part of the Russo-Turkish war of 1735–1739. The endowment by the Russian government with the khan title Donduk-Ombo created the conditions for the active participation of the Kalmyks in the war. Since 1736, the Kalmyks annually made trips to the Kuban, where local Nogais from various tribes suffered blows. The campaign of 1739 did not stand aside, when the Kalmyk cavalry led by Khan again invaded the left bank of the Kuban and subjugated the Kundra Nogai and certain Circassian clans. The invasion was accompanied by the seizure of livestock and horses, and the local Nogais were forced to hide in hard-to-reach places. About three thousand Kalmyks were part of the Don Army Field Marshal P.P. Lassi, and the Kuban horse group of Kalmyks and Don Cossacks covered the Russian flotilla from the Kuban coast. In general, the military campaign of 1739 did not bring Russia significant territorial acquisitions, and the Don Army, P.P. Lassi and the Kalmyk cavalry only disturbed the rear of the Crimean Khanate without much military success.

Keywords: Kalmyks, the Russo-Turkish war, the Crimean Khanate, Kabarda, Kabardians, Kuban Nogai, Don Cossacks.

1. Введение

Участие калмыков в русско-турецких войнах имела давнюю историю, которая началась еще со второй половины XVII в., когда Московское государство на южных рубежах вступило в тяжелую борьбу с Османской империей и Крымским ханством. Практически во всех этих войнах XVII–XVIII вв. калмыцкая конница участвовала на стороне России, не исключением стала и Русско-турецкая война 1735–1739 гг.

Военная история Калмыцкого ханства всегда привлекала внимание исследователей. Поскольку ранее большинство авторов лишь обзорно освещали тему участия калмыков в этой войне, в данной статье будет подробно рассмотрена только завершающая кампания 1739 г. В дальнейшем она станет одной из публикаций в серии статей, посвященных русско-турецкой войне.

В условиях жесткой конфронтации и борьбы за власть внутри Калмыцкого ханства российское правительство было заинтересовано в скорейшем разрешении неурядиц в нем, чтобы воспользоваться военными ресурсами калмыков. С целью преодоления политического раскола в ханстве правительство в 1735 г. пошло на беспрецедентный шаг, поменяв слабовольного хана Церен-Дондука на авторитетного среди калмыков Дондук-Омбо. Только он мог обеспечить активное участие калмыков в войне с Османской империей и Крымом. Понятно, что главным условием российского правительства в обмен на получение ханской власти было немедленное вступление калмыцких войск в русско-турецкую войну.

В плане военно-стратегических задач в кампании 1736 г. русское командование поставило целью добиться господства над устьем р. Дон и овладеть Крымом. Еще в начале марта 1736 г.

* Corresponding author

E-mail addresses: tvt75@mail.ru (V.T. Tepkeev)

командующий русскими войсками генерал-фельдмаршал Х.А. Миних составил подробный план кампании, согласно которой русская армия была разделена на две армии: Днепровскую под командованием Х.А. Миниха и Донскую под командованием генерал-фельдмаршала П.П. Ласси.

В кампаниях 1736–1738 гг. перед калмыцкой конницей каждый раз ставилась примерно одна и та же задача – выдвинуться на Кубань и атаковать кубанских ногайцев, чтобы прикрыть азовскую группировку русской армии и не дать им возможности оказать поддержку турецкому Азову. Для этой операции также привлекались кабардинские князья, донские, терские, гребенские и сулакские казаки. Но главная роль в ней, несомненно, придавалась калмыцким войскам под командованием Дондук-Омбо. Именно на них падала основная тяжесть по предупреждению возможной угрозы с левого фланга Донской армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси. В знак признания заслуг в этой войне 3 марта 1737 г. Дондук-Омбо российским правительством был провозглашен ханом калмыцкого народа.

2. Материалы и методы

Основным материалом к данной статье послужили документы Национального архива Республики Калмыкия. В первую очередь это материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе», где отложились копии указов, донесений и рапорты астраханского губернатора и Коллегии иностранных дел по «калмыцким делам», а также письма хана Дондук-Омбо и других владельцев в оригинале и переводах.

При работе с архивным материалом применялся историко-сравнительный метод, с помощью которого автор сопоставил хронику военной кампании 1739 г. на основе совпадающих сведений, содержащихся во всех или в большинстве источников. Это позволило избежать односторонности в рассмотрении исторических событий и приблизиться к истине. При этом сравнение осуществлялось на конкретных исторических фактах, отражающих существенные признаки явлений, а не формальное сходство.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что историография Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. не слишком обширна, теме участия в ней калмыков посвящено несколько работ, которые в основном носят обзорный характер (Батыров, 2006; Беликов, 1960; Беликов, 1965; Очиров, 2009; Мацакова, 2014; Петрухинцев, 1998; Цюрюмов, 2007; Цюрюмов, 2001; Цюрюмов, 2005; Цюрюмов, Батыров, 2006; Шовунов, 1991). Многие военные историки XIX – начала XX вв. высоко оценили боевые качества калмыцкой конницы в русско-турецких войнах (Баиов, 1906; Потто, 1889; Прозрителев, 1912; Чонов, 1912). В частности, генерал-майор В.А. Потто отмечал: «Нельзя отрицать того громадного значения, которое имели калмыки при наших операциях на Кубани... Эта грозная сила, подобная стихии, была направлена к нашей выгоде» (Потто, 1889: 59). Более масштабное исследование военной кампании 1739 г. сделал видный военный историк и теоретик генерал А.К. Баиов (Баиов, 1906). Он детально изучил боевые действия главной и вспомогательной русских армий, но практически не затронул в своем исследовании действия калмыцкого войска на Кубани. Подробно изучив боевой путь Донской армии П.П. Ласси, А.К. Баиов считал, что «поздно начатая и с недостаточными силами, к тому же веденная не особенно решительно, «диверсия» за Кубань, в общем, не привела ни к чему и не оказала никакого влияния на результат кампании» (Баиов, 1906: 282). Из последних публикаций можно отметить выход в свет «Журналов Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.» (Журналы..., 2017). К сожалению, материалы военной кампании за 1739 г. в них отсутствуют. Тем не менее, как справедливо отмечает А.А. Михайлов, история Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. еще нуждается в самом пристальном и внимательном изучении, результаты которого явно будут способствовать более ясному пониманию важных закономерностей истории отечественного военного искусства и международной политики XVIII в. (Михайлов, 2012: 346).

4. Результаты

Согласно общему плану кампании 1739 г., одновременно с действиями армии Миниха на главном театре военных действий против турков в Молдавии и Валахии Донская армия П.П. Ласси должна была двинуться в Крым. Перед ней ставилась основная задача – «наивящая диверсия неприятелю». Как и в предыдущих военных кампаниях, в состав российской армии должны были войти в значительном количестве и нерегулярные войска, в том числе и калмыки. С целью достижения более полных результатов в «диверсии» генерал-фельдмаршал П.П. Ласси планировал отправить за Кубань 10-тысячную калмыцкую конницу для удержания кубанских ногайцев от участия в войне (Баиов, 1906: 269).

Начало участию калмыков в новой военной кампании положила грамота императрицы Анны Иоанновны от 12 января 1739 г. «О наряде к будущей кампании калмыцких войск» следующего содержания: «Будущей весной на неприятелей наших, турок и татар, паки сильное наступление и воинские поиски производить» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 114. Л. 15).

В Санкт-Петербурге и на местах внимательно отслеживали ситуацию в северокавказском регионе, и, например, стало известно, что ногайские мирзы из улуса Солтан-улу, принявшие

российское подданство в 1736 г. и кочевавшие в междуречье Терека и Кумы, вступили в переговоры с кубанским сераскером о возможности возвращения под его власть на Кубани. В письме императрицы Анны Иоанновны на имя Дондук-Омбо от 23 января 1739 г. прямо указывалось «подлинно проведать» об этой информации и «иметь о том сношение» с войсковым донским атаманом Данилой Ефремовым (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 114. Л. 2).

В конце января 1739 г. в правительство поступила информация о приезде еще в ноябре прошлого года в Большую Кабарду кубанского султана Кази-Гирея. Пробыв около месяца в гостях у кабардинского князя Арсланбека Кайтукина и одарив его ясырями и другими подарками, султан вскоре вернулся на Кубань. А 12 февраля уже Дондук-Омбо сообщал в столицу о поездке упомянутого кабардинского князя с детьми в Кубанскую орду, к ногайскому мирзе Кобеку. В своем письме калмыцкий хан пояснял, что у него с кабардинцами ранее был «договор и присяга»: в случае приезда к кабардинским князьям кубанского султана или его ближайших людей, «чтоб поймав, отдавать». Дондук-Омбо не преминул об этом еще раз напомнить кабардинским князьям Арсланбеку, Бамату и Касаю, отправив к ним своего посланца. Однако те поспешили заверить хана, что «государевым делам и ему, хану, во оном противности никакой нет» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 114. Л. 6).

Несмотря на эти заверения, ситуация в регионе продолжала оставаться напряженной. Побывавшие в Кубанской орде люди сообщали о переходе крымского войска на правый берег Кубани и намерении его ближайшей весной двигаться в район российского Азова или на калмыцкие кочевья (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 114. Л. 6-6 об.).

В апреле 1739 г. хан арестовал своего старшего сына Галдан-Норбо и обратился к губернатору с просьбой выслать его из степи. При этом основой для обвинения стали свидетельства донского атамана Д. Ефремова о том, что крымский хан через кубанского сераскера предложил Галдан-Норбо откочевать на Кубань и якобы дважды кубанские посланцы приезжали и вели с ним переговоры. Эти факты Дондук-Омбо изложил в своем письме к императрице от 29 апреля 1739 г. (Цюрюмов, 2005: 129, 130). Коллегия иностранных дел пошла навстречу просьбе хана и с целью предотвратить столкновение среди калмыков отправила Галдан-Норбо в Казань (Цюрюмов, 2007: 234).

В конце марта калмыцкое войско выдвинулось по направлению к Кубани. Как сообщалось в реляции генерал-фельдмаршала П.П. Ласси, действия калмыков осуществлялись следующим образом: «перешед чрез устье речки Борсокло к реке Кубани, бывших там Черкес, бестенейцев 5000, да беслейбейцов 2000, и того всех 7000 кибиток в подданство Ея Императорского Величества взял». Захваченных черкесов хан приказал поселить по обеим берегам верховьев Кубани, на место малых абазинцев, которых ранее он же переселил в Кабарду (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 433).

20 апреля в Царицыне получили сообщение о новом успехе калмыков, которые под Темрюком захватили скот и прочее имущество, а также об отправке трех калмыцких послов «ко двору Ея Императорского величества» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 112. Л. 748). Действительно, уже в июле в столицу прибыло калмыцкое посольство с письмами от Дондук-Омбо и других владельцев, в которых извещалось об успешных действиях на Кубани калмыцкого войска под командой Галдан-Данджина и Лабан-Дондука, в результате которых был отогнан скот у темиргоевских черкесов и разбит кочевавший от них поблизости ногайский улус Навруз-улу, состоявший из 500 кибиток. Как отмечали калмыцкие послы, «и, получа немалую добычу, [они] возвратились» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 113. Л. 59, 60). Что касается калмыцкого войска во главе с Бодонгом, отправленного в корпус генерал-фельдмаршала П.П. Ласси, то Дондук-Омбо в своем письме просил достойно вознаградить жалованьем его главных командиров и отправить домой (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 113. Л. 60).

Генерал-фельдмаршал П.П. Ласси очень рассчитывал на помощь калмыков и неоднократно обращался в правительство и к Дондук-Омбо, чтобы ему в армию прислали отборную 10-тысячную калмыцкую конницу «при добром из владельцев командиров» для «наисильнейших на турок и татар наступления и воинских поисков». Проводниками для препровождения калмыков в армию П.П. Ласси должны были служить донские казаки. Однако по ряду объективных причин калмыцкая сторона не могла выделить столь значительных военных сил, и Дондук-Омбо смог направить в Донскую армию фельдмаршала только 5-тысячную конницу во главе с Бодонгом (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 112. Л. 794, 795). По данным А.К. Баиова, в конце мая или начале июня в Донскую армию П.П. Ласси, двигавшуюся на марше, прибыли 5 тыс. донских казаков и около 3 тыс. калмыков (Баиов, 1906: 89).

Невозможность отправки столь значительной конницы, вероятно, объяснялась еще и тем, что с восточного направления под давлением джунгаров Галдан-Церена казахи Средней и Младшей орд стали отступать к Яику, откуда неоднократно совершали свои набеги на Волгу. Яицкие казаки информировали власти о возможном переходе ближайшей зимой казахов через Волгу с целью присоединения к кубанским ногайцам. Правительство поспешило предупредить калмыцкого хана, чтобы тот предпринял все меры предосторожности и не допустил каких-либо казахско-кубанских контактов. Дондук-Омбо предусмотрительно отвел калмыцкие улусы с Волги в бассейн рек Маныч и Сал, а сам во главе войска расположился на правом берегу Кубани.

16 июля к хану в ставку на Кубани прибыл саратовский дворянин Иван Трунпицков и привез ему письмо из Царицына о нарастающей казахской угрозе с востока. Дондук-Омбо заверил

российские власти, что не допустит казахско-кубанского объединения и планировал отправить за Кубань отряд в 200 калмыков для захвата языков. В это время он ожидал присылки 300 драгун от генерал-фельдмаршала П.П. Ласси, чтобы с войском снова двинуться на кубанских ногайцев (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 112. Л. 1246, 1247).

В это время Донская армия П.П. Ласси, достигнув Перекопа, не обнаружила там противника, а местность на многие версты была выжжена и отсутствовали водные источники. В таких условиях фельдмаршал принял решение не продолжать поход вглубь полуострова и вернуться к российской границе. Также одной из причин такого решения послужили своевольный уход калмыков из его армии еще во время марша у реки Молочные Воды и отправка 2860 донских казаков в Кубанскую экспедицию для поддержки войска Дондук-Омбо (Баиов, 1906: 278, 279).

Еще во время марша армии П.П. Ласси к Перекопу 10 августа из Азова была отправлена флотилия с 6 тыс. пехоты, которую вдоль кубанского берега сопровождали донские казаки, ранее отправленные на Кубань, и 4-тысячная калмыцкая конница во главе с Дондук-Омбо. Хотя действия этого конного соединения, руководимого калмыцким ханом, были до некоторой степени успешны, как считает А.К. Баиов, но особенного значения они иметь не могли (Баиов, 1906: 279).

Калмыцкая сторона выступила посредником русско-кабардинских отношений, когда ее послы доставили в столицу письмо кабардинских князей Арсланбека Кайтукина, Магомеда Кургокина и Касая Атажукина. Причиной обращения кабардинцев к российским властям послужило нападение крымского сераскера с кубанскими ногайцами и темиргоевскими черкесами на их владения, в результате которого были отогнаны 200 тыс. овец, 7 тыс. коров и захвачены 500 человек. Однако в ответной грамоте российские власти упрекнули кабардинских князей в недостаточной военной активности против турецко-татарских войск, а их участие в русско-турецкой войне практически ограничилось только первой кампанией 1736 г. (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 113. Л. 67).

Именно это письменное обращение кабардинских князей и стало поводом для отправки хану Дондук-Омбо указа: «при удобном случае со всеми калмыцкими силами для произведения воинских поисков паки на Кубань идти и стараться оставших тамо турецких подданных татар и черкес вовсе искоренить». Для поддержки калмыцкой конницы предполагалось выделить российские войска и кабардинские отряды (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 113. Л. 67 об.).

В августе калмыцкое войско во главе с ханом Дондук-Омбо расположилось недалеко от Кубани. 19 августа из урочища Уш-Кунлук он отправил в Астрахань письменное послание с известием о своем намерении к 30 сентября соединиться с кабардинцами, донскими и терскими казаками, чтобы двинуться на крепость Копыл – столицу Кубанской орды. Однако кабардинское войско, «за неимением при них провианту», отказалось идти с калмыками и возвратилось домой (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 14, 14 об.).

Разведка донесла хану о переговорах представителей ногайского племени Солтан-улу с кубанским сераскером о возможности нападения на военный лагерь Дондук-Омбо. Кубанским ногайцам было известно о возвращении кабардинцев домой и об отправке значительной части калмыцкого «доброконного и доброоружейного войска» в корпус фельдмаршала П.П. Ласси. Таким образом, по мнению ногайской стороны, калмыцкий хан стал уязвим, так как находился «с малым числом войска и с улусами кочует близ Кубани». По сведениям Дондук-Омбо, сераскер внял этому предложению и начал собирать «конное и пешее войско» из числа черкесов и ногайцев (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 14, 14 об.).

Об опасности нападения сераскера предупреждал хана и его соратник – войсковой атаман Данила Ефремов. Дондук-Омбо в ответ письменно обратился к нему за помощью, попросив прислать 2-тысячное казачье войско. С донскими казаками хан собирался двигаться на Копыл, чтобы «доставать языков». Также он не терял надежды в дальнейшем объединиться с кабардинцами и терскими казаками, о чем обещал держать в курсе событий астраханскую администрацию (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 14 об.).

Вскоре к Дондук-Омбо присоединился отряд донских казаков под командой Сидора Себрякова и сына войскового атамана – Степана Ефремова. Большинство кабардинцев так и не приняло участия в совместной военной кампании из-за «имеющиеся в жилищах их опасною болезнию». Поэтому общее командование решило отказаться от их услуг (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 19).

Из письменного сообщения калмыцкого хана стало известно, что 20 сентября совместное калмыцко-казачье войско, перейдя реку Кубань, атаковало позиции кундровских ногайцев, которые в числе двух тысяч кибиток кочевали рядом с черкесами из племени Бузудук и Атухай. Во главе этого ногайского улуса находился сын покойного Бахта-Гирея и брат кубанского сераскера Селим-Гирея – Харган-Гирей-солтан. При приближении калмыков и казаков ногайцы попытались укрыться в «крепких местах», а Харган-Гирей вступил в бой с несколькими своими людьми, но в перестрелке был убит (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 19). По поводу гибели Харган-Гирея, который в отсутствие брата-сераскера на Кубани считался главным и «славным воином», Дондук-Омбо в своем письме к царицынскому коменданту П.Ф. Кольцову сокрушался, так как рассчитывал взять его живым в плен (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 79, 433, 433 об.).

Блокированные в «крепких местах» калмыками ногайцы-кундровцы выразили желание перейти в российское подданство. Но сделать это они готовы были только после возвращения своих старшин, отправленных ранее с Кубанским войском в Крым (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 433об.). Таким образом, получается, что большинство кубанских ногайцев во главе с сераскером было переправлено на Крымский полуостров для его защиты от возможного нового вторжения российской армии.

14 сентября Дондук-Омбо письменно известил царицынские власти, что отправил под командованием племянника Нимбы, Сербета и Лабан-Дондука калмыцкое войско в состав армии генерал-лейтенанта А. Де-Брили, действовавшей на крымско-кубанском направлении. Самому хану «за болезнью и за худобою вод» с улусами пришлось возвращаться на Волгу, где он остановился в 30 верстах выше Черного Яра (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 112. Л. 1430, 1431).

Если Дондук-Омбо завершил свое личное участие в кампании, то оставшееся калмыцкое войско продолжило участвовать в военных операциях на Кубани, например, совместно с российским десантом, который на судах высадился на побережье полуострова, в безуспешной попытке взять штурмом при помощи артиллерии небольшую турецкую крепость Ачу (Ашо) (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 366). Несмотря на то, что осада русско-калмыцкими силами длилась около 20 дней, ее защитники потеряли убитыми всего двух человек (Западно-Кавказские..., 1891: 22).

Крепость в виде небольшого деревянного форта с населением от 300 до 400 жителей, включая турецких янычаров, располагалась за устьем Кубани, в северо-восточном направлении от Тамани и Темрюка, и управлялась ногайским бием по назначению крымского хана. Гарнизон располагал 26–30 пушками, а оборонительный ров форта был наполнен водой. Местность вокруг укрепления была болотистой, что делало его весьма труднодоступным (Западно-Кавказские..., 1891: 22).

Действительно, как отмечали калмыцкие участники осады Ачу, даже артиллерийский огонь не позволил россиянам и калмыкам взять турецкую крепость, и они вскоре вынуждены были отступить. При возвращении калмыкам удалось захватить пятерых кубанских ногайцев, которые сообщили, что крымский хан прислал подкрепление во главе с сыном Бахта-Гирея «для охранения» крепостей Темрюк, Тамань и других городков.

13 октября владетель Нимба с верховья реки Сал отправил гонцов к Дондук-Омбо с известием, что он из-за «худобою лошадей» не оставил против кубанских ногайцев «заставы и караулы» и просил дальнейших указаний. Калмыцкий хан в это время уже вернулся на Волгу и собирался зимовать у Кизляра, по реке Терек (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 366 об.).

После ряда поражений Австрия в одностороннем порядке вышла из войны с Османской Портой, подписав перемирие 1 сентября 1739 г. Активизировались и другие противники России: осенью Франция ввела в Балтийское море 5 военных кораблей, а Швеция начала перебрасывать в Финляндию 6-тысячный корпус. В условиях угрозы войны на два фронта российскому правительству ничего не оставалось делать, как подтвердить Белградский мирный трактат.

Хотя военные действия и прекратились с наступлением мира между Россией и Турцией, но на степном пограничье между Калмыцким и Крымским ханствами по-прежнему сохранялась напряженность. 3 декабря Дондук-Омбо получил сведения о подготовке крымско-кубанского похода на калмыцкие улусы, по всей видимости, в ответ за действия калмыков на Кубани. Хан обратился за помощью к полковнику Л. Бобарыкину, который и отвечал за его безопасность. Поскольку Дондук-Омбо зимовал на реке Кума, а у Л. Бобарыкина не было при себе конной команды, то местная администрация призвала хана самостоятельно организовать оборону своих улусов, а в случае невозможности этого отступить за Царицынскую оборонительную линию или к донским городкам (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 112. Л. 2044, 2045).

7 декабря калмыцкий разъезд захватил в плен кубанского ногайца, который сообщил калмыцкому хану об окончании войны и о том, что к Дондук-Омбо намерен прибыть посланник от крымского хана. Посланник находился вместе с кубанским сераскером Кази-Гиреем и ожидал подтверждения, чтобы вместе отправиться к Дондук-Омбо для заключения мирного договора между калмыками и крымцами (Батыров, 2006: 33). В честь заключения мира с Турцией и получения Манифеста Дондук-Омбо объявил амнистию «воров и осужденных», а также отдал приказ освободить российских пленных, взятых на Кубани и находившихся среди калмыков (Митиров, 1998: 187).

5. Заключение

Это был последний военный поход в рамках русско-турецкой войны. Несмотря на ряд локальных успехов, война окончилась крайне неудачно как для России, так и для Калмыцкого ханства. И хотя для калмыцких владельцев война была выгодна, так как принесла им трофеи, а от властей множество наград и подарков, это несколько не повысило безопасность калмыцких кочевий. Угроза нападения с восточного направления казахов и борьба за власть внутри ханства не позволили Дондук-Омбо показать максимум своего военного потенциала в этой кампании. Очевидно, что успех калмыцкой конницы на Кубани объяснялся еще и переброской значительной части кубанского войска на Крымский полуостров. Поэтому военные действия калмыков в этом регионе никак не могли повлиять на результат всей кампании.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках госзадания № АААА-А19-119011490038-5 (сбор материала) и при финансовой поддержке гранта в № 075-15-2019-1879 форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (подготовка статьи).

Литература

Баиов, 1906 – *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Кампания 1739 г. Т. 2. СПб.: Электро-Типография Н.Я. Стойковой, 1906. 398 с.

Батыров, 2006 – *Батыров В.В.* Участие калмыков в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Востокovednye issledovaniya v Kalmykii. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2006. С. 27-34.

Беликов, 1965 – *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – нач. XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1965. 179 с.

Беликов, 1960 – *Беликов Т.И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 144 с.

Журналы..., 2017 – Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. Сборник документов / Сост. П.А. Аваков. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. 484 с.

Западно-Кавказские, 1891 – Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев // Кубанский сборник. Т. 2. 1891.

Мацакова, 2014 – *Мацакова Н.П.* Некоторые вопросы историографии участия калмыков в русско-турецких войнах // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2014. № 3 (40). С. 35-42.

Митиров, 1998 – *Митиров А.Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

Михайлов, 2012 – *Михайлов А.А.* Русско-турецкая война 1736–1739 гг.: историографический аспект // *Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 г.* СПб., 2012. Ч. II. С. 332-348.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Очилов, 2009 – *Очилов У.Б.* Участие калмыков в войнах 1724–1771 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. С. 410-420.

Петрухинцев, 1998 – *Петрухинцев Н.Н.* Война с простарничеством // *Родина*. 1998. № 5–6. С. 62-66.

Потто, 1889 – *Потто В.А.* Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис: Тип. канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. 395 с.

Прозрителев, 1912 – *Прозрителев Г.Н.* Военное прошлое наших калмык. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1912. 281 с.

Цюрюмов, 2001 – *Цюрюмов А.В.* Калмыки в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Актуальные вопросы российской военной истории / *Материалы Двадцать третьей Всероссийской заочной научной конференции*. СПб.: Нестор, 2001. С. 27-28.

Цюрюмов, 2007 – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

Цюрюмов, 2005 – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 160 с.

Цюрюмов, Батыров, 2006 – *Цюрюмов А.В., Батыров В.В.* Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: Джангар, 2006. 95 с.

Чонов, 1912 – *Чонов Е.Ч.* Калмыки в русской армии: XVII, XVIII вв. и 1812 г. Пятигорск: Электротеч. Г.Д. Сукиасянца, 1912. 142 с.

Шовунов, 1991 – *Шовунов К.П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

References

Baiov, 1906 – *Baiov A.K.* (1906). *Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny. Voina Rossii s Turtsiei v 1736–1739 gg. Kampaniya 1739 g.* [Russian army in the reign of Empress Anna Ioannovna. The war of Russia with Turkey in 1736–1739]. Vol. 2. SPb.: Elektro-Tipografiya N.YA. Stoykovoy, 398 p. [in Russian]

Batyrov, 2006 – *Batyrov V.V.* (2006). *Uchastie kalmykov v russko-turetskoi voine 1735–1739 gg.* [The participation of the Kalmyks in the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Vostokovednye issledovaniya v Kalmykii*. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, pp. 27-34. [in Russian]

Belikov, 1965 – *Belikov T.I.* (1965). *Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashei Rodiny (XVII – nach. XIX v.)* [Kalmyks in the struggle for the independence of our Motherland]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 179 p. [in Russian]

Belikov, 1960 – *Belikov T.I.* (1960). Uchastie kalmykov v voynakh Rossii v XVII, XVIII i pervoi chetverti XIX vekov [The participation of Kalmyks in the wars of Russia in the XVII, XVIII and first quarter of the XIX centuries]. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 144 p. [in Russian]

Chonov, 1912 – *Chonov E.Ch.* (1912). Kalmyki v russkoi armii: XVII, XVIII vv. i 1812 g. [Kalmyks in the Russian army: XVII, XVIII centuries. and 1812]. Pyatigorsk: Elektropech. G.D. Sukiasyantsa, 142 p. [in Russian]

Matsakova, 2014 – *Matsakova N.P.* (2014). Nekotorye voprosy istoriografii uchastiya kalmykov v russko-turetskikh voynakh [Some questions on the historiography of the participation of Kalmyks in the Russian-Turkish wars]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. № 3(40). Pp. 35-42. [in Russian]

Mikhailov, 2012 – *Mikhailov A.A.* (2012). Russko-turetskaya voina 1736–1739 gg.: istoriograficheskii aspekt [The Russian-Turkish war of 1736–1739: the historiographic aspect]. *Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy. Trudy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 16–18 maya 2012 g.* SPb. Ch. II. Pp. 332–348. [in Russian]

Mitirov, 1998 – *Mitirov A.G.* (1998). Oiraty-kalmyki: veka i pokoleniya. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 384 p. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].

Ochirov, 2009 – *Ochirov U.B.* (2009). Uchastie kalmykov v voynakh 1724–1771 gg. [Participation of the Kalmyks in the wars of 1724–1771]. *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3-kh t.* Elista: GU «Izdatel'skii dom «Gerel», vol. 1. pp. 410–420. [in Russian]

Petrukhintsev, 1998 – *Petrukhintsev N.N.* (1998). Voyna s prostranstvom [War on space]. *Rodina*. № 5–6. Pp. 62–66. [in Russian]

Potto, 1889 – *Potto V.A.* (1889). Istoricheskii ocherk Kavkazskikh voyn ot ikh nachala do prisoedineniya Gruzii [The Historical essay Caucasian wars from their inception to the accession of Georgia]. Tiflis: Tip. Kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 395 p. [in Russian]

Prozritelev, 1912 – *Prozritelev G.N.* (1912). Voennoe proshloe nashikh kalmyk [The military past of our Kalmyk]. Stavropol': Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 281 p. [in Russian]

Shovunov, 1991 – *Shovunov K.P.* (1991). Ocherki voennoi istorii kalmykov (XVII–XIX vv.) [Essays on the military history of the Kalmyks]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 189 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2001 – *Tsyuryumov A.V.* (2001). Kalmyki v Russko-turetskoi voine 1735–1739 gg. [Kalmyks in the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Aktual'nye voprosy rossiiskoi voennoi istorii: Materialy Dvadsat' tret'ei Vseros. zaoch. nauch. konf.* SPb.: Nestor, pp. 27–28. [in Russian]

Tsyuryumov, 2005 – *Tsyuryumov A.V.* (2005). Kalmytskoe khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiinykh mezhdousobits [Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of dynastic civil strife]. Elista: Dzhangar, 160 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2007 – *Tsyuryumov A.V.* (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate within Russia: Problems of Political Relations]. Elista: ZAO «NPP «Dzhangar», 464 p. [in Russian]

Tsyuryumov, Batyrov, 2006 – *Tsyuryumov A.V., Batyrov V.V.* (2006). Kalmytskoe khanstvo v rossiisko-krymskikh otnosheniyakh (XVIII v.) [The Kalmyk Khanate in Russian-Crimean Relations (XVIII century)]. Elista: AO «NPP «Dzhangar», 95 p. [in Russian]

Zapadno-Kavkazskie..., 1891 – Zapadno-Kavkazskie gortsy i nogaitsy v XVII stoletii po Peisonelyu [West Caucasus mountaineers and Nogai in the XVII century by Paysonel]. *Materialy dlya istorii Zapadno-Kavkazskikh gortsev. Kubanskii sbornik*. vol. 2. 1891. [in Russian]

Zhurnaly..., 2017 – Zhurnaly Krymskikh pokhodov rossiiskoi armii 1735–1739 gg. [Journals of the Crimean campaigns of the Russian army of 1735–1739]. *Sbornik dokumentov*. Sost. P.A. Avakov. Rostov n/D: Izd-vo YUNTS RAN, 2017. 484 p. [in Russian]

«По указу Ея Императорского Величества обретается на Кубани для поиска над тамошними татарами». Участие калмыков в кампании 1739 г. Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

Владимир Толтаевич Тепкеев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые подробно рассматривается участие калмыцкой конницы в военной кампании 1739 г. в рамках Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Наделение российским правительством ханским титулом Дондук-Омбо создало условия для активного участия калмыков в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tvt75@mail.ru (В.Т. Тепкеев)

войне. Начиная с 1736 г., калмыки ежегодно совершали походы на Кубань, где ударам подверглись местные ногайцы и черкесы из различных племен. Не осталась в стороне и кампания 1739 г., когда калмыцкая конница во главе с ханом снова вторглась на левый берег Кубани и подчинила кундровских ногайцев и отдельные черкесские роды. Вторжение сопровождалось захватом скота и лошадей, а местные ногайцы были вынуждены скрываться в труднодоступных местах. Около трех тысяч калмыков входило в состав Донской армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси, а кубанская конная группировка калмыков и донских казаков прикрывала российскую флотилию с кубанского побережья. В целом военная кампания 1739 г. не принесла России значительных территориальных приобретений, а Донская армия П.П. Ласси и калмыцкая конница лишь тревожили тылы Крымского ханства без особого военного успеха.

Ключевые слова: калмыки, русско-турецкая война, Крымское ханство, Кабарда, кабардинцы, кубанские ногайцы, донские казаки.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 31-39. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.31
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Laws of the Russian Empire and Hunting of Indigenous Peoples of Siberia

Sergey V. Berezniyskiy ^{a,*}, Igor I. Halechko ^b, Petr V. Primak ^b

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation

^b Sholom Aleichem the Priamursky state University, Birobidzhan, Russian Federation

Abstract

The article deals with the impact of the legislative framework of the Russian Empire on the evolution of the hunting industry of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia. Traditional trades of the Siberian natives (hunting of taiga ungulates and fur animals, game, extraction of marine animals, fishing) not only were and are the basis of their system of activity, but also are strongly connected with features of their mentality, with a complex of beliefs, cults and rituals, ethics and many other layers of Outlook. Therefore, the external foreign cultural and ethnic influence in the form of introduction of European, Slavic and Russian laws on regulation of hunting terms and production volumes of commercial animals into the traditional economic system has had a significant transformative effect. The impact of European culture in the form of legislative acts on the indigenous peoples of the Northern regions in the field of crafts depends on the mentality of the contacting ethnic group, its social organization, the level of development of military Affairs, economic and cultural type, the degree of consolidation, the presence or absence of civil authorities, the nature of interaction with the Russian authorities, and other ethno-cultural characteristics. Some aspects of this impact led not only to the emergence of new types of hunting weapons among the natives, equipment, equipment, but also to the emergence of industrial hunting that was not peculiar to them before, led to a change in the ancient hunting worldview, manifested in fishing technologies in the form of ecophobic components.

Keywords: Russian Empire, laws, instructions, regulations Siberia, North-East Asia, the indigenous peoples, hunting and fishing.

1. Введение

Российская империя в XVIII–XIX вв. обладала мощной тенденцией к увеличению своей территории, к включению в общенациональный состав новых этносов. Сибирь, в которую в историко-географическом плане того времени включалась огромная территория от Уральского хребта до Русской Америки, играла исключительно важную роль в этих геополитических процессах. На ее территории происходили межцивилизационные взаимодействия и межэтнические контакты. Российские власти использовали этот регион в качестве источника природных богатств для пополнения казны. Долгие годы на первом месте стояла сибирская пушнина, которую добывали коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Авторы статьи убеждены, что исследование особенностей процесса влияния центральных властей Российской империи, законодательной базы, указов императоров на традиционную промысловую культуру сибирских аборигенов является актуальной проблемой. Ее анализ позволит выявить определенные этапы исторического, экономического, юридического,

* Corresponding author

E-mail addresses: svberezniyskiy@yandex.ru (S.V. Berezniyskiy), halechko@yandex.ru (I.I. Halechko), primakos@yandex.ru (P.V. Primak)

этнокультурного развития коренных народов Сибири, показать изменение их промысловых технологий в зависимости от меняющихся государственных интересов России.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные материалы Российского государственного военно-морского архива (РГА ВМФ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Санкт-Петербургского филиала архива академии наук (СПФ АРАН), в которых содержится важная, а нередко и уникальная информация о процессах этнокультурного и социально-экономического взаимодействия в сибирском регионе. Трансформация аборигенной культуры происходила в результате проникновения славян в северные регионы, внедрения компонентов их материальной культуры, хозяйства, комплекса законов о новом характере расселения коренных народов Сибири, хозяйствования, в том числе и занятий жизнеобеспечивающими промыслами.

Ценными архивными источниками являются сведения о Камчатской экспедиции и о проекте ее возобновления в 1760-х гг. под командованием В.А. Мятлева и Ф.И. Соймонова, о деятельности российских властей по освоению сибирского региона, по развитию земледелия и хлебопашества в Сибири и на Севере в XVIII в. и привлечению к этой отрасли хозяйства коренных народов, исконно занимавшихся охотой и рыболовством; о сборе с них ясака (РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 408. Ч. I. 544 л. Ч. II. 542 л.; Ф. 216. Оп. 1. Д. 35. 527 л.; Д. 73. 498 л.; Д. 104. 276 л.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485. 21 л.; Д. 485 а. 932 л.; Д. 522. 23 л.; Д. 878. 45 л.; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472. 22 л.; Д. 475. 7 л.; Д. 535. 16 л.; Ф. 1329. Оп. 1. Д. 82. 286 л.; Д. 110. 114 л.; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 125. 12 л.; Д. 128. 10 л.; Д. 136. 11 л.; Д. 137. 184 л.; Д. 146. 4 л.; Оп. 10а. Д. 194. 21 л.).

Считается, что самый ранний источник по отечественным охотничьим законам представлен Русской правдой – первым нормативно-правовым документом Древней Руси XI в., который содержит княжеские указы, административные документы о культуре, торговле, судопроизводстве, быте, хозяйстве русских того времени. В частности, там говорилось и о некоторых правилах охотничьего промысла на дичь, о штрафах за установку ловушек, петель на чужом охотничьем участке. Штраф уплачивался хозяину участка, а князю – своеобразный налог с добычи. Таким образом, в то время промысловые участки принадлежали охотникам (*Русская правда об охоте*). В XV–XVI вв. законы защищали права владельцев лесов, полей, озер, рек и жестоко наказывали простых людей за самовольный лов рыбы, добычу птицы и зверя на этих территориях.

Уникальным источником является фундаментальное собрание законов Российской империи, в том числе и законов о регламентировании охотничьего промысла. Наиболее ценная информация для указанной темы сосредоточена в законах, в которых освещаются этнокультурные особенности охотничьего промысла сибирских аборигенов (ПСЗРИ. № 12025: 508; № 10313: 245-246 и др.). Учитывая специфику их традиционных жизнеобеспечивающих охотничьих технологий как основы культуры, власти разрешали им охотиться круглый год, следили за сохранением сибирских лесов в местах промысла.

При решении указанной проблемы авторы применяли методы герменевтики – для анализа архивных источников, сравнительно-исторический и типологический методы – для выявления особенностей воздействия законодательных актов европейской культуры на традиционный охотничий промысел сибирских аборигенов.

В качестве методологической основы авторами была избрана концепция антропологии охоты, с помощью которой исследуется метафизический, философский, ментальный смысл охоты как части культуры, эволюция процесса взаимодействия человека и природы, амбивалентное экофобное и экофильное отношение людей к природным дарам, исторический контекст многочисленных аспектов охоты, сохранение и трансформация этого вида хозяйства у коренных народов, ведущих традиционный образ жизни, охотничий промысел как этнокультурный и социокультурный институт коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Важным компонентом является изучение института аборигенного права на ведение традиционной охотничьей деятельности, связей этого права с вопросами землепользования (княжеского, царского, императорского, частного, общинного и т.п.). Применение методологии антропологии охоты, сравнительно-исторического принципа позволит выявить специфические биоэнергетические, ментальные, психические способности охотника, исследовать процесс влияния количества промысловых животных, изменения их ареала на трансформацию хозяйственно-культурного типа этносов и социумов, изменение степени оседлости, последующие миграции и освоение новых территорий ойкумены, взаимосвязь охоты на пушных зверей, торговли и межэтнических контактов (Арутюнов, 2002: 375-376; Бочарников, 2017: 77-110; 2018: 5-20; 2014: 70-78; 2012: 18-21; Бринчук, 2011: 153-174; Винобер, 2016; Дериведмидь, Раннева, 2008: 74-87; Соловьев, 1993: 102; Березницкий, 2017).

3. Обсуждение

Указанная проблема рассматривалась исследователями XIX–XXI вв. Н.И. Кутепов создал фундаментальный комплекс истории русской охоты, без ссылки на который не обходится ни одно

серьезное исследование этих вопросов (Кутепов, 1896–1911). Однако ценность труда Кутепова заключается не только в хронологии изложения охотничьих сюжетов, а прежде всего в четком обосновании этого вида занятий, быта, хозяйствования как атрибута человеческой культуры, основы жизнедеятельности социума и этноса.

Из дореволюционных авторов наиболее актуальны для раскрытия соотношения государственных законов, предписаний, правил охоты с непосредственной охотничьей отраслью, ее эволюцией и трансформацией фундаментальные работы Н.В. Туркина и А.А. Силантьева (Туркин, 1889; 1892; 1911; Силантьев, 1898).

Важными являются труды Н.В. Краева, в которых он не только сделал обзор государственных законов, указов и других актов, регулирующих на протяжении IX–XX вв. охоту, но перечислил и структурировал конкретные законы об охоте, касающиеся коренных народов Сибири (Краев, 2019: 44-47; Андреев, Краев, Краева, 2013: 15-134; Краев, Краева, 2006).

А.П. Каледин подчеркнул фундаментальный аспект охотничьего промысла: зависимость его от разрешительных директив властей. Данный императив идет от французских законов об охоте 1840–1870 гг. (Каледин, 2010: 7).

В России в царском указе 1676 г. не только регламентировались сезонные ограничения на вылов сельди в Плещеевом озере в Переяславле-Залесском, но и давались точные инструкции по технологии лова рыбы, размера сетей и т.п. За нарушение предписаний виновные наказывались смертной казнью. Этот указ считается первым отечественным правовым актом по регулированию добычи биологических ресурсов. Монастыри также обладали обширными лесными угодьями, в которых охота была для крестьян запрещена (Булгаков, Ялбулганов, 1997: 13-17).

В.А. Поляков выявил негативное, даже разрушительное влияние изменения политического режима в России в 1917 г. на охотничий промысел, приведшее, в частности, к исчезновению псовой охоты. Эта промысловая отрасль была связана не только с процессом непосредственной добычи дикого зверя, но и с традицией выведения рысистых лошадей, гончих, борзых собак, особым охотничьим досугом (Поляков, 2002: 55).

Аспекты выбранной темы освещены в ряде публикаций, в которых подчеркивается, что охотничий промысел в Сибири напрямую связан с процессом освоения этого региона русскими первопроходцами, казаками, военными, путешественниками, участниками Камчатских и ряда других академических, сенатских, ведомственных экспедиций (Bereznitsky, 2019: 1374-1390; Bereznitsky i dr., 2019: 20-28; Bereznitsky, Kulikov, 2019: 579-605; Малютина и др., 2019: 1429-1438; Степаненко, 2018: 11-21).

В целом, основная масса литературы касается обзора соотношения законов и охоты в европейской части России, а данная статья ориентирована на рассмотрение этой проблемы на этнографических материалах сибирских аборигенов и является попыткой обобщения разнохарактерных материалов (архивных, документальных, опубликованных) о влиянии указов на эволюцию традиционных промыслов коренных народов Сибири.

4. Результаты

Известно, что в России, в Российской империи, охотничьи угодья принадлежали князьям, дворянам, помещикам, поэтому простые люди, крестьяне долгое время не имели права охотиться на этих территориях. Следовательно, они могли приобретать только браконьерский опыт из-за необходимости выживания и прокормления своих семей.

В течение нескольких веков славяне в поисках лучшей доли, свободных земель, природных богатств, мехов пушных животных переселялись в Сибирь, на Север, в арктический и дальневосточный регионы, и в каждый исторический период они несли с собой специфический опыт охоты и рыболовства. У коренных народов права на охотничьи угодья не были закреплены законодательно, подобно европейской системе правового поля. У аборигенов законы были родовыми. Однако и с ними были большие проблемы даже внутри отдельных сообществ. Этнографы, историки, краеведы собрали по этому поводу отличающийся материал. В частности, А.В. Смоляк категорически отрицала наличие собственности на промысловые угодья у коренных народов Дальнего Востока, по ее мнению, они были общими (Смоляк, 1984). Другие исследователи (Ч.М. Таксами, А.Ф. Старцев) придерживались иного мнения, особенно в отношении мест добычи соболя (Таксами, 1967; Старцев, 1996).

В Сибири защита леса была связана прежде всего с пушным промыслом, который обеспечивал финансовые поступления в казну («государев соболиный ясак»). В частности, царская грамота Михаила Федоровича 1635 г. предписывала верхотурскому воеводе И.Ф. Еропкину беречь от огня промысловые леса и строго наказывать нарушителей (бить кнутом нещадно) – русских переселенцев, пашенных крестьян, которые для расширения посевных площадей корчевали и выжигали промысловые леса. Подобный указ был издан в 1681 г. Федором III Алексеевичем относительно ясачных лесов Якутии. В целом, в конфликтах славянских переселенцев-земледельцев с охотниками из числа коренных этносов русские власти всегда становились на сторону именно аборигенов, что обосновывалось экономическим интересом, выгодой пушного промысла по сравнению с

результатами сибирского и северного земледелия. Однако массовая добыча соболя привела к его почти полному исчезновению уже в XVII в. Пушнина была национальной валютой России, поэтому власти стали применять природоохранные меры и запрещали добычу пушных зверей в отдельных районах Сибири для увеличения их поголовья: в 1650 г. – в Кетском уезде, в 1656 г. – по притокам Ангары, в 1678 г. – в якутских угодьях по Лене, Витиму и другим рекам ([Булгаков, Ялбулганов, 1997: 13-17](#)).

Петр Первый, Екатерина Вторая также издавали законы о регулировании промысловой деятельности. Однако единый закон об охоте в Российской империи был принят только в XIX столетии – 3 февраля 1892 г.

Первая попытка обобщить и проанализировать всю законодательную базу о русской охоте принадлежит Н.В. Туркину ([Туркин, 1889](#)). Туркин сразу же подчеркнул, что европейские законы не могут быть основой для составления отечественных, но и полностью пренебрегать зарубежным опытом тоже не следует. Особенности были связаны с резким появлением огромного количества русских охотников во второй половине XIX в. после отмены крепостного права, с необходимостью разработки законов с учетом менталитета, стереотипа промысловой деятельности народов (в том числе сибирских аборигенов), которые никогда ничего не знали о существовании такого законодательства. Совершенно справедливо Н.В. Туркин показал зависимость количества промысловых животных от уровня развития земледелия на конкретной территории, взаимозависимость животных, птиц, насекомых, земноводных в биоценозе. Поэтому создаваемый закон об охоте был необходим прежде всего для сохранения и размножения животных видов ([Туркин, 1889: II-III, 4-6](#)). Специальный раздел закона касался охоты сибирских инородцев: звериные промыслы для них были разрешены в течение круглого года; сибирские казаки могли свободно пользоваться промыслами в местах своего обитания; местная полиция должна была следить, чтобы казаки не захватывали промысловые участки аборигенов. В спорном случае, если участок был общедоступен, то казаки могли им пользоваться на равных правах с аборигенами. Две статьи были посвящены объяснению прав коренных народов на занятие скотоводством, земледелием и охотничьими промыслами на своих исконных земельных и водных родовых территориях ([Туркин, 1892: II-III, 154](#)). Дальнейшее усовершенствование охотничьего закона продолжилось усилиями Н.В. Туркина, А.А. Силантьева в начале XX в. ([Силантьев, 1898; Туркин, 1911](#)). Силантьев предлагал, чтобы вся дичь была государственной.

Как уже отмечалось, славянские первопроходцы принесли в Сибирь и на Дальний Восток новый для коренных народов этих регионов хозяйственно-культурный тип – земледелие. С этим видом хозяйства связаны этнокультурные особенности, огромные экономические и производственные проблемы, так как заниматься земледелием приходилось в совершенно иных климатических условиях, отличался состав почвы, не хватало сельскохозяйственных животных и орудий. Возникла проблема с территориями традиционного природопользования сибирских аборигенов, хотя в основном под пашни разрабатывалась не дремучая, горная, непроходимая тайга, являвшаяся традиционным местом для охоты, а приречные долины, наиболее подходящие для земледелия. Во время работы Второй Камчатской экспедиции планировалось развитие хлебопашества в Сибири, на Камчатке, в Якутии, о чем можно узнать из доношений В. Беринга в Сибирский приказ, из документов Первого Сибирского комитета, из законов 1730–1760 гг. о заселении Сибири русскими поселенцами ([РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 23. Л. 15-18; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472. Л. 1, 1 об-2, 4, 5, 11-13 об.; РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 44. 3 л.](#))

Один из руководителей Нерчинской экспедиции 1753–1765 гг. – Ф.И. Соймонов – вел обширную переписку с российскими властями, с Сибирским приказом. В инструкциях и предписаниях Ф. Соймонова для своих подчиненных подчеркивалась необходимость особого отношения к коренным народам Сибири. Казакам, переселенным крестьянам, промышленникам, военным запрещалось наносить аборигенам обиды под угрозой отдачи виновных под суд, следовало соблюдать противопожарную безопасность, «...а в которых местах имеется соболиный лов и прочий звериный промысел, и тут огней под смертной казнью не класть...» ([РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485а. Л. 16-16 об.](#)). В результате многогранной деятельности Соймонова появился ряд указов, содействующий процессу доставки сибирской пушнины в центральную часть России. В частности, об этом говорится в комплексе архивных источников, связанных со строительством маяка на озере Байкал, способствующего безаварийному проходу судов с мехами ([РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 252 об.-255, 275-276. 281-282, 287-290 и др.](#)). Заботами Соймонова как руководителя Нерчинской секретной экспедиции, впоследствии тайного советника и сибирского губернатора, на озере Байкал был построен этот маяк. 2 июня 1763 г. появился указ Екатерины Второй о строительстве маяка на Байкале. В нем было сказано о том, что маяк необходим для осуществления безопасного пути для судов, следующих в ночное время из Иркутска в Кяхту и обратно. Перевозящие через Байкал свои товары купцы должны платить налог в казну ([ПСЗРИ. № 11840: 268](#)). Подобным образом российские власти, аристократы и чиновники Москвы и Санкт-Петербурга всячески поощряли деятельность купцов, занимавшихся перевозом на судах на материк пушнины с Камчатки, из Русской Америки,

с островов Тихого океана (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 48. Л. 609-613 об.; Д. 73. Л. 157-158 об., 160-166 об., 170-170 об.).

Все эти мероприятия властей оказывали значительное влияние на увеличение объема добычи меха соболей, лисиц, песцов, каланов, морских котиков и многих других видов морских и таежных пушных животных.

После победы революции 1917 г. и в первые годы СССР законодательная база в сфере охоты создавалась с учетом марксистской идеологии, практик социалистического и национального строительства, сочеталась с желанием властей как можно скорее приобщить коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока к славянской, русской и общеевропейской культуре. Уже в июле 1920 г. был принят Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об охоте», который регулировал охотничье дело, организацию и ведение охотничьего хозяйства, разведение и охрану промысловых животных, снабжение охотников орудиями производства, припасами и специальной одеждой, учреждение заповедников, заказников, зооферм, охотничьих парков, питомников пушного зверя, птиц и охотничьих собак. В отличие от императорского закона 1892 г. охотиться имели право все совершеннолетние граждане РСФСР на основании наличия охотничьего билета, который выдавался бесплатно. Охотиться теперь можно было повсеместно, за исключением заповедников, заказников и других особых территорий. В Декрете СНК 1930 г. появились понятия о государственном охотничьем фонде диких зверей и птиц, охотничьем хозяйстве, охотничьих угодьях. Под охотничьим промыслом стал пониматься процесс добычи диких зверей и птиц, находящихся в состоянии естественной свободы.

5. Заключение

С помощью указанных выше теоретических принципов, концепций ученых, методов сравнительно-исторического анализа источников и литературы авторам удалось показать, что промысел для коренных народов Севера остается и в наше время основой их жизни, а для славян – подсобным промыслом, особенно в тех северных регионах, где они могли заниматься земледелием. Однако на самом Крайнем Севере, в Арктике, славяне с XVIII в. практически полностью заимствовали технологии промысла у аборигенов. Однако следует говорить о разных видах использования природных ресурсов коренными и переселенческими этносами. Воздействия европейской культуры в виде законодательных актов на коренные народы северных регионов в сфере промыслов находится в зависимости от менталитета контактирующего этноса, его социальной организации, уровня развития военного дела, хозяйственно-культурного типа, степени консолидации, наличия или отсутствия гражданских органов управления, характера взаимодействия с российскими властями, от других этнокультурных характеристик. Под влиянием иноэтнической культуры, инокультурных технологий происходил постепенный, но неотвратимый процесс усовершенствования промысловых орудий северных аборигенов: костяной гарпун морского зверобоя стал металлическим, давящая ловушка таежного охотника (убивающая зверя мгновенно и не приносящая ему мучений) заменилась металлическим ногозахватным капканом, место пальмы (ножа на длинной деревянной рукоятке) и самострела заняло огнестрельное оружие, с помощью которого при минимальной затрате энергии охотники стали добывать гораздо больше промысловой продукции в нарушение традиционной охотничьей этики, верований, ритуалов, но зато в соответствии с внедренной в их культуру европейской законодательной базой.

Литература

- Андреев и др., 2013 – Андреев М.Н., Краев Н.В., Краева В.Н. Государственная политика в сфере охоты и охотничьего хозяйства: история и современность. Киров: ГНУ ВНИИОЗ им. проф. Житкова Россельхозакадемии, 2013. С. 15-134.
- Арутюнов, 2002 – Арутюнов С.А. Культуры, традиции их развитие и взаимодействие. Люистон, 2002. Изд-во Эдвин Меллен Пресс. 386 с.
- Березницкий, 2017 – Березницкий С.В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 266 с.
- Бочарников, 2017 – Бочарников В.Н. Антропогеографические аргументы этнического кода человечества // *Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование*. 2017. № 2. С. 77-110.
- Бочарников, 2018 – Бочарников В.Н. Антропология охоты или охотничья антропология? Поиск самобытного пути // *Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства*. № 2 (8). 2018. С. 5-20.
- Бочарников, 2014 – Бочарников В. Охота, культура, народ // *Охота*. 2014. № 8. С. 70-78.
- Бочарников, 2012 – Бочарников В.Н. Философия охоты // *Охота: национальный охотничий журнал*. 2012. № 5. С. 18-21.
- Бринчук, 2011 – Бринчук М.М. Право собственности на природу: Проблемы теории // *Труды Института государства и права РАН*. № 4. 2011. С. 153-174.
- Булгаков, Ялбулганов, 1997 – Булгаков М. Б., Ялбулганов А.А. Российское природоохранное законодательство XI – нач. XX вв. М.: ЛЕГАТ, 1997. 83 с.

- Винобер, 2016** – Винобер А.В. Апология охоты (Краткий очерк философско-антропологической теории охоты). Иркутск: Отгиск, 2016. 100 с.
- Каледин, 2010** – Каледин А.П. Очерки истории охоты. М.: Российский гос. аграрный ун-т. 2010. 223 с.
- Краев, 2019** – Краев Н.В. Важнейшие акты охотничьего законодательства XI–XXI веков // *Современные проблемы охотоведения: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Иркутского ГАУ «Климат, экология, сельское хозяйство Евразии»*. Иркутск, 22–26 мая 2019 г. Иркутск: Иркутский гос. аграрный ун-т им. А.А. Ежевского. 2019. С. 44–51.
- Кутепов, 1896** – Кутепов Н.И. Царская охота на Руси: Исторический очерк в 4-х т. Т. 1. Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI вв. СПб., 1896. 212 с.
- Кутепов, 1898** – Кутепов Н.И. Царская охота на Руси: Исторический очерк в 4-х т. Т. 2. Царская охота на Руси царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича: XVII в. СПб., 1898. 316 с.
- Кутепов, 1902** – Кутепов Н.И. Царская охота на Руси: Исторический очерк в 4-х т. Т. 3. Царская и императорская охота на Руси: конец XVII и XVIII вв. СПб., 1902. 284 с.
- Кутепов, 1911** – Кутепов Н.И. Царская охота на Руси: Исторический очерк в 4-х т. Т. 4. Императорская охота на Руси: конец XVIII и XIX вв. СПб., 1911. 289 с.
- Об устройении маяка., 1830** – Об устройении маяка на озере Байкал при узком проливе, называемом Прорвою, о сделании судов для перевозу казенной и партикулярной клади и о сборе денег на содержание маяка и судов с приезжающих на Кяхту купцов // ПСЗРИ. Т. 16. 1762–1764 гг. № 11840 от 2 июня 1763 г. СПб.: 1830. С. 268.
- Охотничьи законы** – Охотничьи законы. Сборник нормативных правовых актов и других документов / Сост. Н.В. Краев, В.Н. Краева. Киров: ВНИИОЗ, 2006. 624 с.
- Поляков, 2002** – Поляков В.А. Большевики и борзые (особенности интернациональной охоты) // *Новый исторический вестник*. № 6. 2002. С. 55–65.
- РГА ВМФ** – Российский государственный архив Военно-Морского флота.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Русская правда об охоте** – Русская правда об охоте [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vologhota.ru/2017/05/Pravila-ohoty-istorija.html> (дата обращения: 18.05.2019).
- СПФ АРАН** – Санкт-Петербургский филиал архива академии наук.
- Силантьев, 1898** – Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. 648 с.
- Смоляк, 1984** – Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. 246 с.
- Соловьев, 1993** – Соловьев В.С. Смысл любви // *Русский космизм: антология философской мысли*. М., 1993. С. 102.
- Старцев, 1996** – Старцев А.Ф. Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX–XX вв.). Владивосток: ДВО РАН, 1996. 160 с.
- Степаненко, 2018** – Степаненко В.Н. К истории промысла соболя // *Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства*. 2018. № 5. С. 11–21.
- Таксами, 1967** – Таксами Ч.М. Нивхи (современное хозяйство, культура и быт). Л.: Наука, 1967. 271 с.
- Туркин, 1892** – Туркин Н.В. Закон об охоте 3 февраля 1892 г. С историческим очерком и мотивами, с приложением оставшихся в силе законоположений об охоте и таблиц сроков охоты. М.: Типография М.Г. Волчанинова. 1892. 164 с.
- Туркин, 1889** – Туркин Н.В. Законы об охоте. Критическое исследование русских охотничьих законоположений. М.: 1889. 219 с.
- Туркин, 1911** – Туркин Н.В. Труды по выработке законопроекта об охоте в связи с участием Императорского общества правильной охоты, с приложением резолюции Второго съезда охотников. М.: Изд. Императорского общества правильной охоты. 1911. 351 с.
- Указ «Именный...», 1830** – Указ «Именный, данный сибирскому губернатору Чичерину. О позволении в Сибири во всякое время стрелять птиц и на заливных островах бить зверей» // ПСЗРИ. Т. 16. 1762–1764 гг. № 12025 от 29 января 1764 г. СПб., 1830. С. 508.
- Указ «Сенатский, 1830** – Указ «Сенатский. О неистреблении лесов, в коих ловятся соболи и другие звери, под опасением положенного за сие наказания» // ПСЗРИ. Т. 14. 1754–1757 г. № 10313 от 6 октября 1754 г. СПб., 1830. С. 245–246.
- Bereznickij et al., 2019** – Bereznijsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V. "... About the Places in which before the Russian People does not Happen ...": Fate, Service, Contribution to the Science of the eighteenth century of Vasilii Andreevich Hmetevskii. *Bylye gody*. 2019. 51(1): 20–28.
- Bereznijsky, 2019** – Bereznijsky S.V. Control over energy is "hot" societies, and dissolution of energy "cold": the transformation of ethnic cultures in the Northern regions of Russia in the 18th-21th // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Т. 12. № 8. Pз. 1374–1390.

Bereznitsky, Kulikov, 2019 – *Bereznitsky S.V., Kulikov V.P.* Von Kurland nach Kamtschatka. Lebensweg und wissenschaftliche Laufbahn von Friedrich Christian Pleißner (1707–1779) in Russland // *Historische Zeitschrift*. 2019. № 309 (3). Pp. 579–605.

Malyutina et al., 2019 – *Malyutina L.F., Gergilev D.N., Gryaznuhin A. G.* Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye gody*. 2019. 54(4): 1429–1438.

References

Andreev i dr., 2013 – *Andreev M.N., Kraev N.V., Kraeva V.N.* (2013). Gosudarstvennaya politika v sfere ohoty i ohotnich'ego hozyajstva: istoriya i sovremennost' [State policy in the field of hunting and hunting economy: history and modernity]. Kirov: GNU VNIIOZ im. prof. Zhitkova Rossel'hozakademii. Pp. 15–134. [in Russian]

Arutyunov, 2002 – *Arutyunov S.A.* (2002). Kul'tury, tradicii ih razvitie i vzaimodejstvie [Cultures, traditions, their development and interaction]. Lyuiston. Izd-vo `Edvin Mellen Press. 386 p. [in Russian]

Bereznitsky, 2017 – *Bereznitsky S.V.* (2017). Karavannaya torgovlya Rossii s Kitaem i otechestvennaya nauka XVIII veka [Caravan trade of Russia with China and domestic science of the XVIII century]. SPb.: MA`E RAN. 266 p. [in Russian]

Bereznickij et al., 2019 – *Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V.* (2019). "... About the Places in which before the Russian People does not Happen ...": Fate, Service, Contribution to the Science of the eighteenth century of Vasili Andreievich Hmetevskii. *Bylye gody*. 51(1): 20–28.

Bocharnikov, 2017 – *Bocharnikov V.N.* (2017). Antropogeograficheskie argumenty `etnicheskogo koda chelovechestva [Anthropogeographic arguments of the ethnic code of mankind]. *Ko `evolyuciya i noosfera: issledovaniya, analitika, prognozirovaniye*. № 2. Pp. 77–110. [in Russian]

Bocharnikov, 2018 – *Bocharnikov V.N.* (2018). Antropologiya ohoty ili ohotnich'ya antropologiya? Poisk samobytnogo puti [Hunting anthropology or hunting anthropology? Search for an original path]. *Gumanitarnye aspekty ohoty i ohotnich'ego hozyajstva*. № 2 (8). Pp. 5–20. [in Russian]

Bocharnikov, 2014 – *Bocharnikov V.* (2014). Ohota, kul'tura, narod [Hunting, culture, people]. *Ohota*. № 8. Pp. 70–78. [in Russian]

Bocharnikov, 2012 – *Bocharnikov V.N.* (2012). Filosofiya ohoty [The philosophy of hunting]. *Ohota: nacional'nyj ohotnichij zhurnal*. № 5. Pp. 18–21. [in Russian]

Brinchuk, 2011 – *Brinchuk M.M.* (2011). Pravo sobstvennosti na prirodu: Problemy teorii [The right of ownership on nature: Problems of theory]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. № 4. Pp. 153–174. [in Russian]

Bulgakov, Yalbulganov, 1997 – *Bulgakov M.B., Yalbulganov A.A.* (1997). Rossijskoe prirodoohrannoe zakonodatel'stvo XIth - nach. XXth. [Russian environmental legislation of the XI-early XX centuries]. M.: «LEGAT», 83 p. [in Russian]

Kaledin, 2010 – *Kaledin A P.* (2010). Oчерki istorii ohoty [Essays on the history of hunting]. M.: Rossijskij gos. agrarnyj un-t. 223 p. [in Russian]

Kraev, 2019 – *Kraev N.V.* (2019). Vazhnejshie akty ohotnich'ego zakonodatel'stva XIth – XXIth [The most important acts of hunting legislation of the XI–XXIth]. *Sovremennye problemy ohotovedeniya: Materialy VIII Mezhdunarod. nauchno-prakt. konf., posvyasch. 85-letiyu Irkutskogo GAU «Klimat, `ekologiya, sel'skoe hozyajstvo Evrazii»*. Irkutsk, 22–26 maya 2019 g. Irkutsk: Irkutskij gos. agrarnyj un-t im. A.A. Ezhevskogo. Pp. 44–51. [in Russian]

Kutepov, 1896 – *Kutepov N.I.* (1896). Carskaya ohota na Rusi: Istoricheskij oчерk v 4-h t. T. 1. Velikoknyazheskaya i carskaya ohota na Rusi s X po XVIth [Tsarist hunting in Russia: a Historical essay in 4 v. T.1. Grand and Royal hunting in Russia from X to XVIth]. SPb. 212 p. [in Russian]

Kutepov, 1898 – *Kutepov N.I.* (1898). Carskaya ohota na Rusi: Istoricheskij oчерk v 4-h t. T. 2. Carskaya ohota na Rusi carej Mihaila Feodorovicha i Alekseya Mihajlovicha: XVIIth. [Tsarist hunting in Russia: a Historical essay in 4 v. T.2. Tsarist hunting in Russia of tsars Mikhail Feodorovich and Alexey Mikhailovich: XVIIth]. SPb., 316 p. [in Russian]

Kutepov, 1902 – *Kutepov N.I.* (1902). Carskaya ohota na Rusi: Istoricheskij oчерk v 4-h t. T. 3. Carskaya i Imperatorskaya ohota na Rusi: konec XVIIth i XVIIIth. [Tsarist hunting in Russia: Historical essay in 4 t. T. 3. Tsarist and Imperial hunting in Russia: the end of the XVIIth and XVIIIth]. SPb. 284 p. [in Russian]

Kutepov, 1911 – *Kutepov N.I.* (1911). Carskaya ohota na Rusi: Istoricheskij oчерk v 4-h t. T. 4. Imperatorskaya ohota na Rusi: konec XVIIIth i XIXth. [Tsarist hunting in Russia: a Historical essay in 4 v. T. 4. Imperial hunting in Russia: the end of the XVIIIth and XIXth]. SPb. 289 p. [in Russian]

Malyutina et al., 2019 – *Malyutina L.F., Gergilev D.N., Gryaznuhin A. G.* (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye gody*. 54(4): 1429–1438.

Ob ustroenii mayaka..., 1830 – Ob ustroenii mayaka na ozere Bajkal pri uzkom prolive, nazyvaemom Prorvoyu, o sdelenii sudov dlya perevozu kazennoj i partikulyarnoj kladi i o sbore deneg na sodержanie mayaka i sudov s priezhhayuschih na Kyahtu kupcov [About the construction of a lighthouse on lake Baikal at

a narrow Strait called Prorvoyu, about the making of vessels for the transportation of state and particular baggage and about collecting money for the maintenance of the lighthouse and ships from merchants coming to Kyakhta]. PSZRI. T. 16. 1762-1764 gg. № 11840 ot 2 iyunya 1763 g. SPb. 1830. P. 268. [in Russian]

Ohotnich'i zakony – Ohotnich'i zakony [The hunting laws. Collection of normative legal acts and other documents]. Sbornik normativnyh pravovyh aktov i drugih dokumentov. Sost. N. V. Kraev, V. N. Kraeva. Kirov: VNIIOZ, 2006. 624 p. [in Russian]

Polyakov, 2002 – Polyakov V.A. (2002). Bol'sheviki i borzye (osobennosti internacional'noj ohoty) [Bolsheviks and greyhounds (features of international hunting)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. № 6. Pp. 55-65. [in Russian]

RGA VMF – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voenno-Morskogo flota.

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov.

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv.

Russkaya pravda ob ohote – Russkaya pravda ob ohote [Electronic resource]. URL: <http://www.vologohota.ru/2017/05/Pravila-ohoty-istorija.html> (data obrascheniya: 18.05.2019). [in Russian]

SPF ARAN – Sankt-Peterburgskii filial arkhiva akademii nauk [St. Petersburg branch of the archive of the Academy of Sciences].

Silant'ev, 1898 – Silant'ev A.A. (1898). Obzor promyslovyh ohot v Rossii [Overview of commercial hunting in Russia]. SPb. Tip. V. Kirshbauma. 648 p. [in Russian]

Smolyak, 1984 – Smolyak A.V. (1984). Tradicionnoe hozyajstvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sahalina. `Etnogeneticheskij aspekt [Traditional economy and material culture of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin. Ethnogenetic aspect]. M.: Nauka. 246 p. [in Russian]

Solov'ev, 1993 – Solov'ev V.S. (1993). Smysl lyubvi [Meaning of love]. *Russkij kosmizm: antologiya filosofskoj mysli*. M. P. 102. [in Russian]

Starcev, 1996 – Starcev A.F. (1996). Material'naya kul'tura ud`egejcev (vtoraya polovina XIX–XX v.) [Material culture of the Udege people (the second half of the XIX–XX century)]. Vladivostok: DVO RAN. 160 p. [in Russian]

Stepanenko, 2018 – Stepanenko V.N. (2019). K istorii promysla sobolya [To the history of sable fishing]. *Gumanitarnye aspekty ohoty i ohotnich'ego hozyajstva*. № 5. Pp. 11-21. [in Russian]

Taksami, 1967 – Taksami Ch.M. (1967). Nivhi (sovremennoe hozyajstvo, kul'tura i byt) [Nivkhis (modern economy, culture and life)]. L.: Nauka, 271 p. [in Russian]

Turkin, 1892 – Turkin N.V. (1892). Zakon ob ohote 3 fevralya 1892 g. S istoricheskim ocherkom i motivami, s prilozheniem ostavshihysya v sile zakonopolozhenij ob ohote i tablic srokov ohoty [Hunting act February 3, 1892. With a historical sketch and motives, with the application of the remaining legal provisions on hunting and tables of hunting terms]. M.: Tipografiya M.G. Volchaninova. 164 p. [in Russian]

Turkin, 1889 – Turkin N.V. (1889). Zakony ob ohote. Kriticheskoe issledovanie russkikh ohotnich'ih zakonopolozhenij [The laws about hunting. Critical study of Russian hunting regulations]. M.: 219 p. [in Russian]

Turkin, 1911 – Turkin N.V. (1911). Trudy po vyrabotke zakonoproekta ob ohote v svyazi s uchastiem Imperatorskogo obschestva pravil'noj ohoty, s prilozheniem rezolyucii Vtorogo s`ezda ohotnikov [Works on development of the bill on hunting in connection with participation of the Imperial society of correct hunting, with the Appendix of the resolution of the Second Congress of hunters]. M.: Izd. Imperatorskogo obschestva pravil'noj ohoty. 351 p. [in Russian]

Ukaz «Imennyj..., 1830 – Ukaz «Imennyj, dannyj sibirskomu gubernatoru Chicherinu. O pozvolenii v Sibiri vo vsyakoe vremya strelyat' ptic i na zalivnyh ostrovah bit' zverej» [Decree "Nominal, given to the Siberian Governor Chicherin. About permission in Siberia at any time to shoot birds and on Bay Islands to beat animals"]. PSZRI. T. 16. 1762-1764 gg. № 12025 ot 29 yanvarya 1764 g. SPb. Pp. 508. [in Russian]

Ukaz «Senatskij..., 1830 – Ukaz «Senatskij. O neistreblenii lesov, v koih lovyatsya soboli i drugie zveri, pod opaseniem polozhennogo za sie nakazaniya» [The Decree "Of The Senate. About non-destruction of the woods in which Sables and other animals are caught, under fear of the punishment put for it"]. PSZRI. T. 14. 1754-1757 g. № 10313 ot 6 oktyabrya 1754 g. SPb., 1830. Pp. 245-246. [in Russian]

Vinober, 2016 – Vinober A.V. (2016). Apologiya ohoty (Kratkij ocherk filosofsko-antropologicheskoy teorii ohoty) [Apologia of hunting (a brief outline of the philosophical and anthropological theory of hunting)]. Irkutsk: Ottisk. 100 p. [in Russian]

Bereznitsky, 2019 – Bereznitsky S.V. (2019). Control over energy is “hot” societies, and dissolution of energy “cold”: the transformation of ethnic cultures in the Northern regions of Russia in the 18th–21st. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. T. 12. № 8. Pp. 1374-1390.

Bereznitsky, Kulikov, 2019 – Bereznitsky S.V., Kulikov V.P. (2019). Von Kurland nach Kamtschatka. Lebensweg und wissenschaftliche Laufbahn von Friedrich Christian Pleißner (1707–1779) in Russland. *Historische Zeitschrift*. №309(3). Pp. 579-605.

Законы Российской империи и охотничий промысел коренных народов Сибири

Сергей Васильевич Березницкий ^{a,*}, Игорь Иванович Галечко ^b, Петр Викторович Примак ^b

^a Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук, Российская Федерация

^b Приамурский государственный университет имени Шолома Алейхема, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается воздействие законодательной базы Российской империи на эволюцию охотничьего промысла коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Традиционные промыслы сибирских аборигенов (охота на таежных копытных и пушных животных, дичь, морской зверобойный промысел, рыболовство) не только являлись и являются основой их системы жизнедеятельности, но и прочно связаны с особенностями их менталитета, с комплексом верований, культов и ритуалов, этикой и многими другими пластами мировоззрения. Поэтому внешнее инокультурное и иноэтническое влияние в виде внедрения в традиционную систему хозяйствования европейских славянских, русских законов о регламентации сроков охоты, объемов добычи промысловых животных оказал значительное трансформирующее влияние. Воздействие европейской культуры в виде законодательных актов на коренные народы северных регионов в сфере промыслов находится в зависимости от менталитета контактирующего этноса, его социальной организации, уровня развития военного дела, хозяйственно-культурного типа, степени консолидации, наличия или отсутствия гражданских органов управления, характера взаимодействия с российскими властями, от других этнокультурных характеристик. Некоторые аспекты этого воздействия привели не только к появлению новых видов охотничьего оружия у аборигенов, оборудования, снаряжения, но и к возникновению не свойственной им ранее промышленной охоты, привели к изменению древнего охотничьего мировоззрения, проявляющегося в промысловых технологиях в виде экофобных компонентов.

Ключевые слова: Законы Российской империи, коренные народы Сибири, охота, рыболовство, традиционные промыслы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svbereznitsky@yandex.ru (С.В. Березницкий),
halechko@yandex.ru (И.И. Галечко), primakos@yandex.ru (П.В. Примак)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 40-48. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.40
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Old Believers' Re-Emigration in early of the 1760-ies: Newcomers and Authorities of the South of Russia in Search of Mutual Understanding

Andrey S. Ryzhev ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Department of History, Archeology and Ethnology, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the state religious policy of the middle of the 18th century – the least studied period in the process of formation of Russian religious tolerance in the early Modern Time. The process of interaction between the Russian authorities and the old believers-re-emigrants in the New Russia investigated for the first time in historiography. The author characterizes the process of inclusion of settlers in the southern program of re-emigration of Old Believers and their integration into the system of Russian orders on the basis of little-known unpublished materials. Political and administrative factors that stimulated or, on the contrary, hindered the mass return of the fugitive population to their homeland also marked in this article. Most attention is paid to the Collegium of Foreign Affairs, which contributed to the establishment of mutual understanding between the local provincial authorities and the contingent of immigrants in the Russian Empire and neighboring and nearest countries in the last year of the reign of Empress Elizaveta Petrovna and a short time on the throne of Emperor Peter III. The author states in conclusion that the principles of religious liberalization, which then gave an impulse to religious tolerance and formed the basis of the religious policy of classical "enlightened absolutism" in Russia, were mainly formed in the studied time.

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, fugitive population, New Russia, The Collegium of Foreign Affairs, religious policy, the southern program of re-emigration of the old believers, enlightened absolutism, religious tolerance.

1. Введение

Начало 1760-х гг. в жизни России было наполнено сложностями, обусловленными переменами на престоле. Однако принципиальные политические ориентиры монархии оставались неизменными. Одним из них была религиозная либерализация, изменявшая к лучшему положение религиозных меньшинств Российской империи. Во многом она выросла из южной программы старообрядческой реэмиграции, развивавшейся на протяжении 50-х гг. XVIII в. и доказавшей свою полезность (Ryzhev, 2019a; Ryzhev, 2019b).

Вместе с тем бегство староверов за рубеж продолжало оставаться заметным явлением. Сформировались устойчивые направления миграций беглецов, связавшие между собой центр страны и ее окраины, по обе стороны российских границ функционировала система поселений и духовных общин, во многом объединенная идеей религиозного неприятия российских порядков. Переселение как таковое для экономически активной части беглого населения было составной частью постоянной борьбы за наилучшие условия деятельности и предусматривало известную лояльность в отношении местных властей и феодалов стран пребывания. Более или менее организованные общины беглецов во главу угла ставили собственные приоритеты, среди которых значились вероисповедная автономия

* Corresponding author

E-mail addresses: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryzhev)

и отсутствие личной зависимости. С подобных позиций они подходили и к возвращению в Россию: реэмиграция и номинальное русское подданство для староверов во второй трети XVIII в. были лишь одной из возможностей, определявшихся в диалоге не только с российским начальством, но и с польскими, курляндскими, молдавскими, турецкими властями и хозяевами.

В данной связи дальнейшее развитие программы, поддержанное верховной властью, подразумевало наведение прочных связей с влиятельными духовными центрами и общинами в Польше, Литве, на Дунае, отказ от грубого принуждения в деле организации возврата оттуда беглецов, установление податных льгот для ряда категорий переселенцев-староверов и расширение их прав на южном пограничье государства. Подобные начинания нашли отклик в старообрядческом сообществе и способствовали интеграции части его в рамках российской социально-политической системы, в которой в 1760-е гг. все более укреплялись начала веротерпимости.

2. Материалы и методы

Существенный вклад в изучение старообрядческой реэмиграции и обустройства старообрядцев на южных окраинах вносят привлекаемые источники официального происхождения, прежде всего переписка Коллегии иностранных дел о размещении староверов – заграничных переселенцев в крепости св. Елизаветы. Коллегия контролировала аспекты переселения, связанные с отношениями России с соседними государствами, и была самым осведомленным учреждением. Документы раскрывают переговоры со староверами и планы их перевода на земли юга (Архив внешней политики Российской империи, г. Москва), а также деятельность верховной власти в начале 1760-х гг. (Российский государственный архив древних актов, г. Москва).

Источники неофициального происхождения – в данном случае обращения старообрядцев в органы власти, сохранившиеся в переписке Коллегии и местных властей, – дополняют официальные материалы, давая возможность представить отношение старообрядцев к перспективе вернуться в пределы России.

Что касается опубликованных источников (Первое полное собрание законов Российской империи, «Сенатский архив»), то они, как и архивные материалы, имеют официальное происхождение. Издания раскрывают деятельность Сената по совершенствованию законодательства о старообрядцах на юге.

Методологическая основа настоящей работы охватывает актуальные для современной науки методы поиска, выявления, анализа источников, обобщения полученных данных. Поиск архивных источников в АВПРИ и РГАДА отражал внимание к Иностранной коллегии – учреждению-фондообразователю, аккумулировавшему материалы о взаимоотношениях властей с переселенцами из-за рубежа и влиянии связей России с соседями на реэмиграцию. Поиск предусматривал сплошной просмотр документальных комплексов по изучаемым теме и времени и выявление максимально информативных документов. Для обобщения выявленной информации применялся проблемно-хронологический метод, позволивший охарактеризовать приграничную проблематику реэмиграции.

3. Обсуждение

Изменение отношения к старообрядцам и, шире, генезис российской веротерпимости – один из центральных вопросов изучения политики российской монархии раннего Нового времени (Ряжев, 2005: 84-86). Однако опыт освоения проблематики религиозной толерантности показывает, что ее формирование наука относит к пореформенной и революционной эпохам в истории России. Особенно на этом настаивает англоязычная литература (Уайт, 2018: 200-201, 203-204). События XVIII в. привлекают украинских специалистов, но у них преобладает внимание к социальным процессам на юге Российской империи с упором на роль украинского казачества (Молдавский, 2011; Скороход, 2016: 26-30; то же с легкими изменениями: Скороход, 2017: 241-244). В российской литературе истекшего десятилетия тема веротерпимости и регулирования исповеданий связана с мусульманами востока страны (Бортникова и др., 2016: 16-18).

В свое время тема перемен политики на рубеже 1750–1760-х гг. в отношении староверов вошла в церковную литературу. Для авторов консервативного направления было свойственно в анализе политики Екатерины II увязывать вопросы борьбы с бегством старообрядцев и мягкого, постепенного подчинения их господствовавшей Церкви (Лысогорский, 1915). Церковные либералы подчеркивали прагматизм екатерининского курса в делах старообрядцев и его преемственность с настроениями и мерами Петра Великого (Знаменский, 1875; Лилеев, 1895; Титлинов, 1916: 275-465, 854-1008). Объяснение причин, по которым в политике государства в начале 60-х гг. XVIII в. произошел поворот от враждебности к индифферентизму и даже покровительству староверам, заключалось в соображениях «государственной пользы», «как правительство понимало ее», стремясь вернуть своих подданных. Именно прагматизм вел к веротерпимости: «по мысли правительства, беглецы-раскольники должны были стать в одно положение со всеми иноверцами, проживавшими в России» (Высоцкий, 1916: 282, 287, 299, 300).

Что касается светской литературы, то в ней изучение старообрядческой реэмиграции 1760-х гг. началось с анекдотического противопоставления Петра III и Екатерины II: первый был объявлен

носителем просветительских идей и «подлинно христианского» милосердия, вторая представляла «лицемеркой», на деле гнавшей старообрядцев (Рапп, 1880а; Рапп, 1880б.). Подобный анализ политики государства с самого начала представлялся малоубедительным.

Позиция исторической науки на рубеже XIX–XX вв. была более взвешенной: отмечалось влияние просветительских тенденций, свойственных царствованиям Петра III и Екатерины II и обусловивших послабления старообрядцам (Ключевский, 1989. Т. 4: 320; Т. 5: 34-35). В подобном ключе развивались и исследования о переселенческой политике властей и перемещении старообрядцев на юг (Скальковский, 1887; Ястребов, 1888). Констатация того, что религиозная либерализация стала частью политики «просвещенного абсолютизма», с тех пор прочно вошла в науку и в XX в. вполне разделялась отечественными историками (Зутис, 1946; Омельченко, 1993).

История центров старообрядчества на юге и их роль в освоении окраин получили отражение в работах по демографии и культуре конца XX – первых десятилетий XXI вв., преимущественно украинских и белорусских (Бельский, 1997; Міжконфесійні взаємини, 1999; Волошин, 2005; Горбацкий, 2004; Лиман, 2004: 303-307; Поліщук, 2007; Пригарин, 2010; Кочергина, 2011; Любанська, 2007; Авдеева (Любанська), 2013). При этом украинские авторы обращаются к таким аспектам южной этнополитической обстановки, как роль Новой Сербии в аккумуляции старообрядцев и развитие политики по насаждению единоверия.

4. Результаты

Если 50-е гг. XVIII в. были в основном временем апробации инициатив по обустройству населения из-за рубежа, то в начале 60-х опыт малороссийских «государевых слобод» и новосербских поселений на юге стал востребованным.

5 июня 1761 г. Сенат в развитие своего «приговора» от 12 января 1761 г. согласился на «испомещение» всех заграничных пришельцев при крепости св. Елизаветы. Инициатором январского акта был И.Ф. Глебов, он же выхлопотал новое решение. На месте принимать новоселов поручалось коллежскому асессору А.К. Литвинову, агитировать в Польше и организовывать выход – ротмистру Новослободского полка Д.М. Попову. Власти обещали ему награду за перевод двух и более тысяч семей «загранишных» (ПСЗ. Т. 15. № 11265. С. 724-725).

Назначение Литвинова болезненно воспринял комендант крепости св. Елизаветы бригадир М.А. Муравьев. Он счел, что деятельность Литвинова нарушает его прерогативы. Орудием борьбы бригадир избрал донос. 17 ноября 1761 г. он сообщил в Коллегию иностранных дел, что «...Литвинов с прибытия его сюда усмотрен мною крайне нестарательным в должности звания своего...».

Претензии бригадира вызвали прием на поселение беглых из внутренних районов страны, а не из-за границы. 22 ноября 1761 г. он обвинил и Попова: «Началом повода из Великороссии беглых прямо сюда на поселение приемом по доносу и по следствиям оказался бывшей при раскольниках здесь ротмистром малороссийской г[осу]д[а]ревой описной слободы Еленки раскольник Дмитрий Попов...». Нарушения, допущенные Поповым, носят явный характер, писал Муравьев, и он уже «...предан к следствию Киевской губернской канцелярии, где и более за ним, Поповым, того нашлось...».

«Нашлось» за Поповым много: против него было выдвинуто «слово и дело» – обвинение в преступлении против государства. Но Литвинов, как жаловался бригадир, и после этого его защищал, прикрываясь вышеназванным июньским решением Сената и уверяя, что Попов переводу «загранишных» в Россию не навредил, напротив, «вспоможение чинил» (АВПРИ. Ф. 86. Оп. 1 Д. 1. Л. 75).

За А.К. Литвинова вступился его начальник, командующий Славяно-Сербией генерал-поручик И.С. Хорват. 20 декабря 1761 г. он известил Иностранную коллегию о проступках Муравьева и уверял, что бригадир нарушал шестилетнюю податную льготу для переселенцев-«раскольников». Из донесения также следовало, что «выходцы» бывали принуждены работать на коменданта, сам же он «сверх того чинит чрезвычайные поборы и другими разорительными умышлениями [пришлых людей] мучит и разгоняет, а из вышедших из Полши великороссийских людей раскольников, есть ли кто из офицеров к какому пристанет, будто он его крепостной был, таких он, Муравьев, разыскивает, а потом и отдает для отвозу..., и по таким обстоятельствам с тех поселений более трехсот человек уже разбежалось...» (АВПРИ. Ф. 86. Оп. 1 Д. 1. Л. 76).

Конфликт подсказывал, что области ведения администраторов следовало разграничить. Первым выход нашел Ф. Сенковский, поверенный старообрядцев посада крепости св. Елизаветы. От него «с товарищи» в гарнизонную канцелярию были поданы две челобитные, переправленные затем бригадиром Муравьевым в Иностранную коллегию в начале весны 1762 г.

В первом обращении староверы просили о записи их в купцы при посаде крепости и религиозной автономии по аналогии с малороссийскими слободами: «Они, – говорилось в бумаге, – между прочим представляют..., чтоб... быть им купцами при той крепости... на основании против великороссийских купцов... и в содержании им себя по расколу быть против малороссийских описных расколнических слобод жителей».

Второе ходатайство Ф. Сенковского является по тематике более широким. В нем сказано, что старообрядцев в посаде «более ста дворов» и они хотят здесь «жить со всем семейством вечно», ибо

посад удобен, чтобы «торги отправлять за границу и внутри государства.., из них же некоторые при оной крепости кроме домов построили и лавки торговые, а в домах содержат солдатской постой и исправляют поручаемые гарнизонной канцеляриею некоторые службы».

Пример новоселов мог бы способствовать и большему притоку населения из-за рубежа, но мешала правовая неопределенность и страх преследований за веру. Поселенцам не дано дозволения торговать в посаде, они числятся мещанами «без всякого установления обыкновенных между купцами порядков и потому в немалом о себе сумнении и во всегдашнем беспокойствии... остаются...».

Такая ситуация, продолжал челобитчик, плохо сказывается на перспективах реэмиграции: «...Оставшиеся в Полше весьма многие им подобные люди, слыша о том, находятся в большом сумнении о возвращении своем оттуда в Россию, хотя к тому всеусердное желание имеют, а особливо о поселении по выходе их при той же крепости, но сомневаются еще наипаче того, дабы по выходе о поселении своем по разным от кого-нибудь требованиям не розданы и разосланы были внутрь г[осу]д[а]рства, как и вышедшие во время г[осу]д[а]рствования... императрицы Анны Иоанновны из Полши, и также поселившиеся тогда на Украинской линии многие люди...». Косвенно Сенковский подтвердил обвинения против бригадира Муравьева: «...Ныне с новопоселенными при... крепости св. Елисаветы вышедшими из Полши некоторыми людьми начато поступать уже таким же образом...», и это также вызывает страх беглецов на той стороне.

Показательно, что поверенный старообрядцев проявил восприимчивость к мотивам властей и высказался в духе «raison d'état» (фр. «государственное основание») – просветительского понятия пользы, двигавшего южную программу. Челобитчик, в частности, продолжал: если новоселам дадут права купеческого состояния и свободного исповедания веры, то приток населения из Польши в посад обеспечен, и «по тамошней степи местах... многолюдные слободы быть могут к... приращению г[осу]д[а]рственного интереса и общенародной пользы».

Далее в бумаге речь шла о податных послаблениях для новоселов – отмене подушной подати в первый год после переселения и о свободном исповедании «старой веры». Наконец, Сенковский «с товарищи» просили о корпоративном устройстве купеческой общины, намечая тем самым принцип размежевания различных категорий новоселов. Они желали указа, чтобы великороссийские люди не торговали в посаде в розницу и не имели там своих лавок, «ибо всем тем по праву должно позволяется одним записавшимся и положенным в подушный оклад той крепости купцам, да еще таким, кои по вызове и выходе из Полши выборными старшинами усмотрены и удостоены будут к положению в подушной оклад и купечество надежными...». В подкрепление просьбы следовали доводы: «потому что ежели кто из приходящих без одобрения... оных старшин записаны будут в купечество, а после явятся... неисправны в платежах подушных денег, то от напрасного за таких людей платежа все протчие купцы могут легко в разорение приходить...». О приписке в купечество св. Елисаветы любому желающему бить челом «волно», но последнее слово должно оставаться за выборными старшинами купеческого общества. Выходцы же, которые «должного одобрения» не получают, то «могут... поселены быть в протчих... слободах...» и заняться земледелием.

Дипломатическое ведомство сочло предложения Ф. Сенковского дельными и одобрило их очень быстро. 14 марта 1762 г. Коллегия иностранных дел, как следует из черновика ее доклада, обратилась в Сенат: «...челобитье..., признавая во всем за основательное.., сим представляет, что для происходящей от выходу из Полши и поселения таких российских людей при помянутой крепости государственной пользы весьма нужно по оному потребное определение учинить, и велеть по желанию их быть им в ведомстве тамошней гарнизонной канцелярии».

Командиром над «раскольниками» коллежские чины предполагали назначить елизаветинского коменданта. По поводу же А.К. Литвинова решили, что ему к обывателям посада, переведенным в купечество, «вступать» не следует. За ним сохранили дела «толко в поселенных тамо за Днепром слободком казацком полку и в... слободах... не при самой крепости св. Елисаветы...». Во избежание конфликтов между начальниками Коллегия предлагала заменить бригадира Муравьева «другим способным и надежным комендантом», а руководство старообрядцами Новой Сербии дать вышестоящему офицеру. Беловика доклада Иностранной коллегии в бумагах нет, но в том, что доклад существовал и ушел в Сенат, убеждает помета на черновике документа: «Отписано по сему. [Канцлер] Г[раф] Михайла Воронцов. Послано с подканцеляристом Михайлою Ивановым» (АВПРИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1. Л. 16-28 об.).

Сенат мнение Коллегии признал и дал санкцию на назначение И.С. Хорвата и отстранение Муравьева (АВПРИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1. Л. 97-99 об.). Последний 31 мая 1762 г. ответил новым доносом на Литвинова, целя тем самым уже и в Хорвата. Из документа следовало, что ассессор не только берет взятки и принуждает «выходцов» нести повинности в его пользу, но и укрывает беглых и «раскольников» – уголовных преступников, помогая им переходить на польскую сторону. В подтверждение Муравьев ссылался на донос одного из поселенцев, А. Иванова, сообщавшего о прегрешениях Литвинова.

В доносе были и политические обвинения: по словам Иванова, в слободе Злынке во время присяги Петру III некий «выходец» кричал «слово и дело», однако «... он, Литвинов, не представил

ево» начальству и «по команде сам собой освободил». Правовая формула «слово и дело» была отменена указом Петра III от 21 февраля 1762 г. вместе с упразднением Канцелярии тайных розыскных дел, в чем и состояло, как указывал доносчик, преступление: «... тогда о уничтожении канцелярии Тайных Розыскных дел Высочайшего повеления не было...». В заключение Муравьев предлагал начать против Литвинова следствие, ибо «другие ево прогресы не окажутся ль и более».

Новые жалобы на А.К. Литвинова канцлер М.И. Воронцов приказал передать в Киев, где шло следствие над Д.М. Поповым (АВПРИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1. Л. 75-78 об, 80-82). Но бригадир Муравьев из-за помех, причиненных южной программой, сам оказался под угрозой снятия с должности. Киевским генерал-губернатором с 1760 г. значился И.Ф. Глебов, ему теперь и надлежало заменить бригадира. Сенатский указ гласил: «1762 апреля 19, мая 21 и июня 6 по указу Е.И.В. Правительствующий Сенат по доношениям Коллегии Иностранных дел, генерал-аншефа Стрешнева и генерал-лейтенанта Хорвата и по учиненным в Сената справкам приказали: бригадира крепости св. Елизаветы коменданта Муравьева за представленные в тех доношениях неурядки..., между чем и все они (выходцы – Авт.) разбегутся назад в Польшу, – для прекращения всего немедленно отрешить и на место его киевскому генерал-губернатору Глебову из ближних команд надлежит штаб-офицера... определить».

Сенат предлагал улучшить обстановку вокруг староверов-«возвращенцев»: «...Для лучшего призрения и содержания в добром порядке те поселения выходцев, как при самой крепости..., так и в... других окольных слободах, поблизости от Новой Сербии, поручить в команду генерал-лейтенанта Хорвата или другого кого, подчиня ему и определенного к тем поселениям коллежского асессора Литвинова...».

И.С. Хорват должен был немедленно начать следствие против Муравьева, а его самого под конвоем отправить в Киев. Д.М. Попова и других пострадавших от действий бригадира ожидала перемена участи: ротмистра, «о котором показано, что он от него, Муравьева, притеснения и мучения побоями, сказал “слово и дело”..., свобода из-под караула, велеть ему быть у доказательства, [а] от прочих поселян как асессору Литвинову, так и самим челобитчикам, а от Новой Сербии через определенных от Новосербской канцелярии при том следствии доказывать».

Строжайшим требованием сенатского указа, адресованным И.Ф. Глебову, было поддержание порядка: «И чтобы как тем слободским поселенцам ни малейшей впредь обиды и никакого угнетения отнюдь чинено ни от кого не было... Что касается до выходящих из Польши российских беглых раскольников, о том, сообщца к имеющемуся по именному указу о тех раскольниках делу..., предложить...» на Высочайшее утверждение (СА. Т. XII: 172-173).

Последствия строгого указа переоценивать не стоит: Муравьев место сохранил. Новый комендант – бригадир Нарышкин – назван в указе Екатерины II от 21 июля 1763 г., при этом указ императрицы десятью днями ранее, от 11 июля, адресован еще Муравьеву (РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 1-2 об.), в документах же за 1764 г. тот снова значится комендантом (Макидонов, 2008: 20). Продолжали иметь место и злоупотребления в отношении «выходцев», в которых обвиняли друг друга участники этой истории. Однако апробированной южной программой, в которую включились и сами староверы, в 1760-е гг. это уже остановить не могло, и при Екатерине II данное обстоятельство проявилось вполне, в частности, получили разрешение земельные конфликты «загранишних раскольников» со старожилами (Ястребов, 1888: 583-584).

5. Заключение

Политика реэмиграции с самого начала имела комплексный характер – инициатива местных военно-гражданских властей дополнялась законотворческой работой, решениями в сфере государственного управления, усиленным давлением определенных сил при дворе. Краеугольным камнем этой политики стала ограниченная веротерпимость, признание за староверами условной религиозной автономии, находившие обоснование в просветительских подходах к вероисповедным отношениям в стране. На этой почве был достигнут известный компромисс с верхушкой зарубежных и пограничных старообрядческих общин, позволивший наметить позиции для опосредованного диалога и, соответственно, привлечь демографический ресурс пограничья к решению государственных задач.

Комплекс мер южной политики, условно названных южной программой, был с самого начала включен в стратегический контекст. В этой связи его последствия также носили широкий и долговременный характер – от вероисповедных послаблений, адресованных реэмигрантам, до либерализации в сфере религии, проведенной в два этапа – в 1760-е и 1780-е гг. (Ряжев, 2004: 152-153).

Залогом устойчивости тенденции веротерпимости в курсе нарождавшегося российского «просвещенного абсолютизма» была политическая преемственность. В частности, А.И. Глебов, один из первых участников южной программы в 1750-е гг., уже через несколько лет стал ее активнейшим проводником, соответственно, инициатором всех крупнейших либеральных шагов властей применительно к старообрядчеству. В данном качестве он был востребован и при Петре III, и при Екатерине II. Более того, для последней А.И. Глебов был непререкаемым авторитетом в вопросах о

«расколе» и взаимоотношениях по этому поводу с Церковью вплоть до скандальной отставки в 1764 г. Именно в рамках южной программы оказались востребованными сторонники просветительских подходов к старообрядческой реэмиграции из губернаторского корпуса (А.П. Мельгунов и др.), служившие опорой екатерининской веротерпимости.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ АААА-А19-119011490038-5).

Литература

Авдеева (Любанская Е.С.), 2013 – Авдеева О.С. Вплив колонізаторської політики Російської імперії на формування релігійної структури Північного Приазов'я (остання чверть XVIII–XIX ст.) // *Сборник научных трудов SWorld*. Иваново, 2013. Вып. 4. Т. 48. С. 68-72.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Бельский, 1997 – Бельский А.В. Старообрядцы и архиепархия Юга Украины в XVIII–XX веках // *Культура народов Причерноморья*. 1997. № 2. С. 112-116.

Волошин, 2005 – Волошин Ю.В. Міграційн процеси в «государевых описных малороссийских раскольничьих слободах» (XVIII столетие) // *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.)*. 2005. № 5. С. 412-427.

Высоцкий, 1916 – Высоцкий Н.Г. Отношение к старообрядцам светского правительства в царствование императора Петра III // *Богословский вестник*. 1916. № 2. С. 276-300.

Горбацкий, 2004 – Горбацкий А.А. Старообрядчество на белорусских землях. Брест, 2004. 237 с.

Знаменский, 1875 – Знаменский П.В. Чтения из истории русской церкви за царствование Екатерины II // *Православный собеседник*. 1875. Ч. I. № 1. С. 3-22. № 2. С. 99-143. № 3. С. 228-254. № 4. С. 392-418. Ч. II. № 5-6. С. 1-44. № 8. С. 327-347. Ч. III. № 9. С. 87-109. № 11-12. С. 354-411.

Зутис, 1946 – Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. 649 с.

Ключевский, 1989 – Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 4-5. Сочинения в 9 т. М., 1989. Т. 4. 398 с. Т. 5. 476 с.

Кочергина, 2011 – Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Брянск, 2011. 436 с.

Лилеев, 1895 – Лилеев М.И. Очерк миссионерских мер по обращению в православие стародубских и черниговских раскольников до времен Екатерины II. Чернигов, 1895. 72 с.

Лиман, 2004 – Лиман І.І. Російська православна церква на півдні України останньої чверті XVIII – середини XIX століття. Запоріжжя, 2004. 487 с.

Лысогорский, 1915 – Лысогорский Н.В. Единоверие на Дону в XVIII и XIX веках (по 1883 г.). Сергиев Посад, 1915. 800 с.

Любанська, 2007 – Любанська О.С. Старообрядці та етнокультурні процеси на півдні України (кінець XVIII – XIX ст.) // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2007. Вип. XXI. С. 46-49.

Молдавский, 2011 – Молдавский Р.Л. Історіографічна традиція дослідження Нової Дніпровської лінії укріплень // *Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів*. Т. 23. Київ, 2011. С. 105-123.

Омельченко, 1993 – Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. 428 с.

Поліщук, 2007 – Поліщук Ю. Старовіри Правобережної України, як об'єкт політики російського царизму (кінець XVIII – початок XX століття) // *Наукові записки [Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України]*. 2007. Вип. 36. С. 396-404.

Пригарин, 2010 – Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса–Измаил–Москва, 2010. 527 с.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 15 (1758 – 26 июня 1762). 1050 с.

Рапп, 1880a – Рапп Е. Меры правительства против раскола (исторический очерк за XVIII столетие) // *Русская речь*. 1880. № 9. С. 91-137.

Рапп, 1880b – Рапп Е. Русский раскол и законодательство. Исторические очерки Е[вгения] Р[аппа] // *Вестник Европы*. 1880. Т. 2. № 4. С. 507-520; Т. 3. № 5. С. 68-83.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Ряжев, 2004 – Ряжев А.С. Неизвестные проекты русского «просвещенного абсолютизма» по делам религии // *Отечественная история*. 2004. № 2. С. 143-155.

Ряжев, 2005 – Ряжев А.С. Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // *История и историки*. 2005. М., 2006. С. 84-126.

СА – Сенатский Архив. Протоколы Правительствующего Сената. Указы и повеления императрицы Екатерины II. Т. XII. СПб., 1907. [1], 706, 41 p.

Скальковский, 1887 – Скальковский А.А. Русские диссиденты в Новороссии. Киевская Старина. 1887. Т. 17. № 4. С. 771-782.

Скороход, 2016 – Скороход О.В. Роль народної та урядової колонізації Півдня України у дореформений час: історіографія // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка. Сер. Історія. 2016. Вип. 2. Ч. 2. С. 25-33.

Скороход, 2017 – Скороход О.В. Роль народної та урядової колонізації Півдня України у дореформений час: історіографія // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2017. Вип. 47. С. 240-247.

Титлинов, 1916 – Титлинов Б.В. Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1730–1801). Его жизнь и деятельность, в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916. VI. 1197 с.

Уайт, 2018 – Уайт Дж.М. Религиозные меньшинства в Российской империи: обзор англоязычной историографии (1991–2017) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 199-212.

Ястребов, 1888 – Ястребов В. Архив крепости св. Елисаветы // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XV. Одесса, 1888. С. 548-593.

Bortnikova et al., 2016 – Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.E. Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917) // *Bylye Gody*. 2016, Vol. 39, Is. 1. Pp. 14-21.

Ryazhev, 2019a – Ryazhev A.S. Old Believers' Re-Emigration in early 1750-ies: the Southern Program of Russian Authorities // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1008-1016.

Ryazhev, 2019b – Ryazhev A.S. Old Believers' Re-Emigration in 1750-ies in the South of Russia: the Struggle of Approaches in Legal Policy // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1470-1478.

References

Avdeeva (Lubanskaya E.S.), 2013 – Avdeeva O.S. (2013). Vplyv kolonizators'koi politiki Rosijs'koi imperii na formuvannya religiinoi strukturi Pivnichnogo Priazov'ya (ostannya chvert' XVIII – XIX st.) [The Influence of the colonialist policy of the Russian Empire on the formation of the religious structure of population in the Northern coast of Azov Sea (the last quarter of the 18–19th centuries)]. *Sbornik nauchnyh trudov SWorld*. Ivanovo. Is. 4. Vol. 48. Pp. 68-72. [in Ukrainian]

Bel'skii, 1997 – Bel'skii A.V. (1997). Staroobryadcy i arhieparhiya Yuga Ukrainy v XVIII–XIX vekah. [The old believers and the archdiocese of the South of Ukraine in 18–20th centuries]. *Kultura narodov Prichernomor'ya*. № 2. Pp. 112-116. [in Russian]

Bortnikova et al., 2016 – Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.E. Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917) // *Bylye Gody*. 2016, Vol. 39, Is. 1. Pp. 14-21.

Gorbackii, 2004 – Gorbackii A.A. (2004). Staroobryadchestvo na belorusskikh zemlyah. [The Old Belief in Belarussian lands]. Brest. 237 p. [in Russian]

Klyuchevskii, 1989 – Klyuchevskii V.O. (1989). Kurs russkoj istorii. [The Lecture Course of Russian history]. Parts 4–5. *Sochineniya v 9 t. Moscow*. Vol. 4. 398 p. Vol. 5. 476 p. [in Russian]

Kochergina, 2011 – Kochergina M.V. (2011). Starodub'e i Vetka v istorii russkogo staroobryadchestva (1760–1920 gg.): demograficheskoe razvitie staroobryadcheskikh obshchin, predprinimatel'stvo, dukhovnaya zhizn', kul'tura [Starodub'e and Vetka in the history of Russian Old Belief (1760–1920): demographic development of old believers' communities, entrepreneurship, spiritual life, culture]. *Bryansk*. 436 p. [in Russian]

Lileev, 1895 – Lileev M.I. (1895). Oчерк missionerskikh mer po obrashcheniyu v pravoslavie starodubskikh i chernigovskikh raskol'nikov do vremyon Ekateriny II. [A Sketch of missionary measures for the conversion to Christianity of dissenters in Starodub and Chernigov areas to the time of Catherine II]. *Chernigov*. 72 p. [in Russian]

Liman, 2004 – Lyman I.I. (2004). Rosiis'ka pravoslavna cerkva na pivdni Ukrainy ostann'oi chverti XVIII – seredini XIX stolittya. [Russian Orthodox Church in the South of Ukraine of the last quarter of 18 – mid 19th century]. *Zaporizhzhya*. 487 p. [in Ukrainian]

Lysogorskii, 1915 – Lysogorskii N.V. (1915). Edinoverie na Donu v XVIII i XIX vekah (po 1883 g.). [The United Faith (Edinoverie) on the banks of the River Don in the 18 and 19th centuries]. *Sergiev Posad*. 800 p. [in Russian]

Lyubans'ka, 2007 – Lyubans'ka O.S. (2007). Staroobryadci ta etnokul'turni procesy na pivdni Ukraini (kinec' XVIII – XIX st.) [The Old Believers and ethno-cultural processes in the South of Ukraine (end of 18 – 19th centuries)]. *Naukovi praci istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo nacional'nogo universytetu*. Is. XXI. Pp. 46-49. [in Ukrainian]

Moldavskii, 2011 – Moldavskii R.L. (2011). Istoriografichna tradyciya doslidzhennya Novoi Dniprovs'koi linii ukriplen' [Historiographical tradition of research of the New line of fortifications on the

- Dnieper River]. Naukovi zapyski. Zbirnik prac' molodyh vchenykh ta aspirantiv. Vol. 23. Kiev, 2011. Pp. 105-123. [in Ukrainian]
- Omel'chenko, 1993** – *Omel'chenko O.A.* (1993). «Zakonnaya monarhiya» Ekateriny Vtoroj: Prosveshchennyj absolyutizm v Rossii ["Legitimate monarchy" of Catherine the Great: Enlightened absolutism in Russia]. Moscow. 428 p. [in Russian]
- Omel'chenko, 1993** – *Omel'chenko O.A.* (1993). «Zakonnaya monarhiya» Ekateriny Vtorom: Prosveshchennyj absolyutizm v Rossii ["Legal monarchy" of Catherine II: Enlightened absolutism in Russia]. Moscow. 428 p. [in Russian]
- Polishchuk, 2007** – *Polishchuk Yu.* (2007). Staroviry Pravoberezhnoi Ukraini, yak ob'ekt polityki rosiiskogo caryzmu (kinec' XVIII – pochatok XX stolittya) [The Old Believers at right-Bank Ukraine as the object of the policy of Russian tsarism (the end of 18 – beginning of 20th century)]. Naukovi zapysky [Institutu politichnykh i etnonacional'nykh doslidzhen' im. I.F. Kurasa NAN Ukraini]. Is. 36. Pp. 396-404. [in Ukrainian]
- Prigarin, 2010** – *Prigarin A.A.* (2010). Russkie staroobryadtsy na Dunae: formirovanie etnokonfessional'noi obshchnosti v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv. [Russian Old Believers on the Danube: formation of ethno-confessional community in the late 18 – first half of the 19th centuries]. Odessa – Izmail – Moscow. 527 p. [in Russian]
- PSZ** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire.] Saint-Petersburg, 1830. Vol. 15 (1758 – 26 June 1762). 1050 p. [in Russian]
- Rapp, 1880a** – *Rapp E.* (1880). Mery pravitel'stva protiv raskola (istoricheskiĭ ocherk za XVIII stoletie) [Government measures against the schism (historical essay for the 18th century)]. *Russkaya rech'*. N 9. Pp. 91-137. [in Russian]
- Rapp, 1880b** – *Rapp E.* (1880). Russkii raskol i zakonodatel'stvo. Istoricheskie ocherki Evgeniya Rappa [Russian schism and legislation. Historical sketches by Eugene Rapp]. *Vestnik Evropy*. Vol. 2. N 4. Pp. 507–520; Vol. 3. N 5. Pp. 68–83. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient charts].
- Ryazhev, 2004** – *Ryazhev A.S.* (2004). Neizvestnye proekty russkogo «prosveshchennogo absolyutizma» po delam religii [Unknown projects of Russian "enlightened absolutism" on religious affairs]. *Otechestvennaya istoriya*. № 2. Pp. 143-155.
- Ryazhev, 2005** – *Ryazhev A.S.* (2005). Veroispovednaya politika russkogo «prosveshchennogo absolyutizma»: istoriya izucheniya [Religious policy of Russian "enlightened absolutism": history of study]. *Istoriya i istoriki*. 2005. Moscow. Pp. 84-126. [in Russian].
- Ryazhev, 2019a** – *Ryazhev A.S.* Old Believers' Re-Emigration in early 1750-ies: the Southern Program of Russian Authorities. *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1008-1016.
- Ryazhev, 2019b** – *Ryazhev A.S.* Old Believers' Re-Emigration in 1750-ies in the South of Russia: the Struggle of Approaches in Legal Policy. *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1470-1478.
- SA** – Senatskij arhiv. Protokoly Pravitel'stvuyushchego Senata. Ukazy i poveleniya imperatrycy Ekateriny II [The Senate archives. Minutes of the Ruling Senate. Decrees and Orders of Empress Catherine II.] Vol. XII. Saint-Petersburg, 1907. [1], 706, 41 p. [in Russian]
- Skal'kovskii, 1887** – *Skal'kovskii A.A.* (1887) Russkie dissidenty v Novorossii [Russian religious dissenters in New Russia]. *Kievskaya Starina*. Vol. 17. N 4. Pp. 771-782. [in Russian]
- Skorohod, 2016** – *Skorohod O.V.* (2016) Rol' narodnoi ta uryadovoĭ kolonizaciĭ Pivdnyia Ukraïny u doreformenyi chas: istoriografiya [The Role of people and government colonization of the South of Ukraine in pre-reform time: historiography]. Naukovi zapysky Ternopil'skogo nacional'nogo pedagogichnogo universytetu im. V. Gnatyuka. Series: Istoriya. Is. 2. Part 2. Pp. 25-33. [in Ukrainian]
- Skorohod, 2017** – *Skorohod O.V.* (2017). Rol' narodnoi ta uryadovoĭ kolonizaciĭ Pivdnyia Ukraïny u doreformenyi chas: istoriografiya [The Role of people and government colonization of the South of Ukraine in pre-reform time: historiography]. *Naukovi praci istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo nacional'nogo universytetu*. Is. 47. Pp. 240-247. [in Ukrainian]
- Titlinov, 1916** – *Titlinov B.V.* (1916) Gavriil Petrov, mitropolit Novgorodskii i Sankt-Peterburgskii (1730–1801). Ego zhizn' i deyatel'nost', v svyazi s cerkovnymi delami togo vremeni. [Gavriil Petrov, Metropolitan of Novgorod and St. Petersburg (1730–1801). His life and work in connection with the Church Affairs of that time]. Petrograd. VI, 1197 p. [in Russian]
- Voloshin, 2005** – *Voloshin Yu.V.* (2005). Migracijn procesy v «gosudarevykh opisnykh malorossijskikh raskol'nich'ih slobodah» (XVIII stoletie) [Migration processes in "the sovereign's registered schismatic settlements in Little Russia"]. *Ukraina v Central'no-Skhidnii Evropi (z naidavnishih chasiv do kincya XVIII st.)*. N 5. Pp. 412-427. [in Ukrainian]
- Vysotskii, 1916** – *Vysotskii N.G.* (1916) Otnoshenie k staroobryadcam svetskogo pravitel'stva v carstvovanie imperatora Petra III [Attitude to the Old Believers of the secular government in the reign of Emperor Peter III]. *Bogoslovskij vestnik*. N 2. Pp. 276-300. [in Russian]
- White, 2018** – *White J.M.* (2018). Religioznye men'shinstva v Rossijskoj imperii: obzor angloyazychnoj istoriografii (1991–2017) [Religious minorities in the Russian Empire: a historiographical survey of the

English language literature, 1991–2017]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 436. Pp. 199–212. [in Russian]

[Yastrebov, 1888](#) – Yastrebov V. (1888). *Arkhiv kreposti sv. Elisavety* [Archive of the fortress of St. Elizabeth]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Vol. XV. Odessa. Pp. 548–593. [in Russian]

[Znamenskii, 1875](#) – *Znamenskii P.V.* (1875). *Chteniya iz istorii russkoi cerkvi za carstvovanie Ekateriny II* [Readings from the history of the Russian Church for the reign of Catherine II]. *Pravoslavnyi sobesednik*. Part I. N 1. P. 3–22. N 2. P. 99–143. N 3. P. 228–254. N 4. P. 392–418. Part II. N 5–6. P. 1–44. N 8. P. 327–347. Part III. N 9. P. 87–109. N 11–12. P. 354–411. [in Russian]

[Zutis, 1946](#) – *Zutis Ya.Ya.* (1946). *Ostzejskij vopros v XVIII veke* [The Baltic question in the 18th century]. Riga. 649 p. [in Russian]

Старообрядческая реэмиграция начала 1760-х гг.: переселенцы и власти юга России в поисках взаимопонимания

Андрей Сергеевич Ряжев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, отдел истории, археологии и этнологии, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена государственной вероисповедной политике середины XVIII в. – наименее исследованному периоду в процессе становления российской веротерпимости в раннее Новое время. Впервые в историографии изучен процесс взаимодействия между российскими властями и старообрядцами-реэмигрантами в Новороссии. На основе малоизвестных материалов, в том числе неопубликованных, дана характеристика процесса включения переселенцев в южную программу реэмиграции старообрядцев и встраивания их в систему российских порядков. Обозначены также политико-административные факторы, как стимулировавшие, так и затруднявшие массовое возвращение беглого населения на родину. Наибольшее внимание в статье уделено Коллегии иностранных дел, способствовавшей налаживанию взаимопонимания между местными окраинными властями и контингентом переселенцев в Российской империи, сопредельных и ближайших странах в последний год правления Елизаветы Петровны и недолгое время пребывания на престоле Петра III. В итоге автор констатирует, что в изучаемое время в основном сформировались принципы религиозной либерализации, затем давшие импульс веротерпимости и составившие основу вероисповедной политики классического «просвещенного абсолютизма» в России раннего Нового времени.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, беглое население, Новороссия, Коллегия иностранных дел, вероисповедная политика, южная программа реэмиграции старообрядцев, «просвещенный абсолютизм», веротерпимость.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)

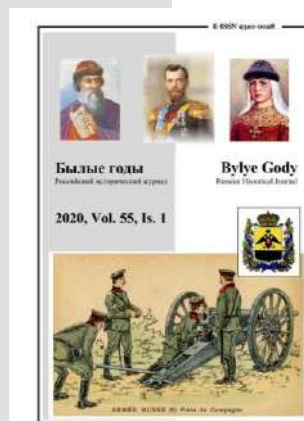
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 49-56. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.49
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Local Titulature in the System of Civil Rank Production of the Russian Empire on the Ukrainian Lands in the Last Quarter of the XVIII century

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Mykola S. Nazarov ^a, Lyubov G. Polyakova ^{b, c, d}, Jasmin Gut ^e

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article attempts to determine the proportion of officials who at the end of the 18th century used obsolete Ukrainian and Polish ranks in the context of the transition to the Russian imperial bureaucratic system. The dynamics of changes in the number of such employees during the last quarter of the eighteenth century was investigated. The authors identified the reasons why employees preferred obsolete titles to new ones. First, the earlier these officials provide to their owners a higher socio-political and social status. Secondly, representatives of local service elites at the end of the 18th century often did not understand their place in the social and bureaucratic system of the Russian Empire.

The work uses published sources (for example, regulations from the Complete Collection of Laws of the Russian Empire and data from the annual *Mesyatseslov*) and little-known archival documents from the Central State Historical Archive of Ukraine in Kiev.

Keywords: Russian Empire, Ukraine, bureaucratic apparatus, official, rank, Malorossian provinces, Rzeczpospolita.

1. Введение

Проблемы, посвященные истории бюрократии периода Российской империи, в последние десятилетия привлекают внимание все большего количества исследователей. При этом они неравномерно концентрируют свой интерес с хронологической точки зрения, сосредотачиваясь на особенностях развития бюрократического аппарата, чиновничьей службы империи преимущественно второй половины XIX – начала XX вв. В то же время недостаточно изученными остаются многие аспекты истории бюрократии в национальных регионах Российской империи, особенно конца XVIII в.

В это время, в частности, происходит активный процесс инкорпорации в состав империи право- и левобережных украинских земель – бывших территорий Речи Посполитой и Гетманщины. Отличное от российского общественное устройство на украинских землях, присоединенных к Российской империи в конце XVIII в., обусловило и другой социальный состав служащих в учреждениях этих регионов.

Имперское законодательство накладывалось на старые местные порядки и традиции, вытесняя их. Происходила также и унификация бюрократической системы по российскому образцу. Процесс унификации протекал достаточно быстро, хотя и не был реализован одномоментно в новоприсоединенных или окончательно инкорпорированных национальных регионах. Некоторые

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

элементы местных управленческих систем не сразу были ликвидированы и первое время сохранялись в структуре общеимперских управленческих органов на территории этих земель. На украинских землях такими элементами, в частности, были старинные украинские (чаще казацкие) и польские чины.

По старому местному законодательству эти чины часто предоставляли их обладателям высокий общественно-политический и социальный статус. Поэтому, переходя на службу в имперские учреждения, они часто старались сохранить эти чины. К тому же структура общества и формат взаимоотношений внутри него на указанных территориях поменялся и большинство представителей местных элит еще не совсем понимало свое место в элитарной среде Российской империи. Это могло быть еще одной причиной того, почему некоторые чиновники не спешили отказываться от своих чинов и званий.

В данной работе предпринята попытка проследить динамику изменения количества украинских чиновников, которые в условиях перехода к российской управленческой системе последней четверти XVIII в. продолжали пользоваться старинными местными чинами в новых государственных гражданских учреждениях.

2. Материалы и методы

Эффективное исследование очерченной проблемы невозможно без привлечения массовых источников (печатных и архивных). Они позволяют провести количественный анализ по различным параметрам: определить количество чиновников в конкретных регионах; их социальное происхождение; скорость продвижения по службе; чины, которыми они пользовались; образовательный уровень и т.п.

К таким источникам в первую очередь следует отнести формулярные (послужные) списки и так называемые адрес-календари, или месяцесловы с данными о чиновниках всех учреждений Российской империи. Наиболее информативными являются, безусловно, формулярные списки, но наиболее массовыми (касательно количества чиновников, о которых там содержится информация) – адрес-календари, использованные нами в качестве основного источника.

«Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве» – издание Императорской академии наук, выходявшее с 1765 по 1917 гг., содержит большой массив информации о чиновниках, но при его использовании должен применяться критический подход. Губернские (наместнические) канцелярии высылали списки чиновников учреждений своего региона в Герольдмейстерскую контору, где они сверялись и систематизировались, после чего подавались в Академию наук для печати. Но ведомости, которые доставлялись из местных учреждений, не всегда были абсолютно полными. Примером именно такой неполноты можно предположить информацию о чиновниках Екатеринославского наместничества, напечатанную в месяцеслове за 1791 г.: там представлены сведения о 181 служащем, в то время как за 1790 и 1792 гг. напечатаны данные о 314 и 302 чиновниках соответственно (*Месяцеслов, 1791: 365-371*). Существуют и другие подобные примеры.

Кроме того, бывали ситуации, когда ведомости о чиновниках собирались значительно раньше, чем публиковался сам адрес-календарь. Например, данные для первого издания были собраны в 1764 г., а напечатаны в 1766 г. (хотя датированы 1765 г.). Поэтому такой месяцеслов не может отобразить объективную картину состояния чиновничества на тот год, которым он датирован. Таким образом, при использовании данного источника необходимо учитывать различия во времени между сбором информации и ее изданием.

В месяцесловы вносились лишь следующая информация о чиновниках: фамилия, имя и отчество (последние два параметра не всегда), должность, чин и факт награждения орденами. Но и приведенные параметры указывались не во всех случаях, в частности награждения.

Однако указанный источник имеет высокую ценность, поскольку дает возможность проследить динамику изменений численности чиновников гражданских государственных учреждений, которые функционировали в конце XVIII–XIX вв.; определить популярность гражданских и военных чинов у местных бюрократов (а соответственно – и уровень престижности гражданской службы); проследить скорость, с которой происходила инкорпорация бывших служащих учреждений украинских/малороссийских или польских (после ликвидации автономии Гетманщины и разделов Речи Посполитой) в российскую имперскую бюрократическую систему и т.п.

Материал для подсчетов нами был взят именно из указанных месяцесловов за 1775–1796 гг. (с 1797 по 1801 гг. это издание не публиковалось).

Важными источниками в данном исследовании выступили также материалы Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского, Центрального государственного исторического архива Украины (г. Киев, Украина) и нормативные акты, опубликованные в «*Полном собрании законов Российской империи*» (собрание 1).

Кроме указанного выше критического подхода, при написании работы нами были использованы также исторический подход, методы объективности, хронологический и клиометрический.

3. Обсуждение

Историография изучения бюрократического аппарата Российской империи очень обширна. Значительно меньшее количество научных исследований посвящено развитию бюрократии в национальных регионах, присоединенных к России в XVIII – начале XIX вв., в частности на украинских землях (Lebid et al., 2019: 1495-1496).

Ряд ученых изучал историю органов власти и управления, а также чиновничества, функционировавших на украинских землях в составе Российской империи. Отдельное внимание ими было уделено и региональным особенностям бюрократического аппарата. Среди подобных исследований стоит выделить работы А. Чайковского, Н. Щербака (Чайковский, Щербак, 1996), В. Шандры (Шандра, 2000; Шандра, 2002), А. Талдыкина (Талдыкин, 2000), М. Любара (Любар, 2004), В. Володько (Володько, 2007), В. Кривошеи (Кривошея, 2008: 339-340) и др. Эти исследователи останавливались и на вопросах, связанных с чинопроизводством, хотя непосредственно местные чины и звания ними не изучались.

В своих трудах мы касались такого аспекта истории украинской бюрократии, как местная (устаревшая) служебная титулатура в гражданском чинопроизводстве конца XVIII в. Делалось это в контексте изучения инкорпорации украинских земель и социума в Российскую империю, унификации системы управления на этих территориях по общеимперскому образцу (Degtyarev, 2013; Дегтярев, 2014; Дегтярев, 2016: 181; Degtyarev, Kryvosheia, 2016).

Некоторые ученые, не делая из истории украинского чиновничества рубежа XVIII–XIX вв. предмета специальных исследований, помогли обнаружить проблемные вопросы, которые следует решить при изучении обозначенной тематики. Все они связаны с местной спецификой государственных служащих, которая сформировалась в процессе самостоятельной, отличной от российской, эволюции украинского общества (или украинско-польского, говоря о землях к западу от Днепра). Например, чрезвычайно важным является исследование процесса инкорпорации украинского и польского чиновничества в российскую бюрократическую систему в конце XVIII – начале XIX вв. как составляющей вхождения украинского и польского населения в российский имперский социальный и административный простор. Данную проблему помогают сформулировать работы З. Когута (Когут, 1996; Когут, 2004), Н. Щербак (Щербак, 2005) и ряда других ученых.

4. Результаты

Далее попытаемся определить, каким же было количество государственных чиновников на украинских землях, инкорпорированных в состав Российской империи, которые продолжали в последней четверти XVIII в. пользоваться старыми местными чинами уже на имперской гражданской службе.

По количественным показателям мы анализировали лишь те регионы (наместничества, губернии, области), которые включали в себя только украинские земли. Это объясняется многочисленными административно-территориальными преобразованиями, происходившими вследствие укрупнения или уменьшения существующих территориальных единиц или присоединения к Российской империи новых земель (в первую очередь правобережные украинские земли, входившие в состав Речи Посполитой). В результате таких изменений уезды, где основную массу населения составляли украинцы, переходили к неукраинским губерниям. Например, Суджанский, Путивльский и некоторые другие уезды вошли в Курское наместничество, Беловодский, Бирюченский, Богучарский, Калитвянский, Купянский, Ливенский, Острогожский – в Воронежское и т.д. Некоторые уезды со временем возвращались в украинские губернии, а некоторые так и оставались в составе великороссийских. Но количественные и качественные показатели касательно чиновников, которые служили в бывших украинских уездах, «приспосабливались» к показателям в российских уездах российских же губерний. Поэтому считаем не корректным включать эти данные в ведомости по украинским землям с целью максимального сохранения их объективности.

Украинские чиновники высшего уровня в конце XVIII в. получали российские чины по Табели о рангах, но не всегда при этом желали расставаться с высокими казацкими старшинскими чинами. Так, генеральный есаул И.Т. Жоравка в течение 1775–1781 гг., имея чин российского полковника, не отказывался и от старого чина (более высокого по статусу, чем новый). И.В. Журман в 1777–1781 гг. имел чины генерального судьи и действительного статского советника. Члены Малороссийской коллегии генеральный обозный С.В. Кочубей и генеральный писарь В.Г. Туманский имели одновременно чины тайного советника и статского советника соответственно (в течение 1775–1779 гг.). Гадячский полковник А.С. Крижановский в 1775 г. пользовался еще и чином бригадира. Аналогичный чин имел в 1775–1779 гг. и черниговский полковник П.С. Милорадович.

Чиновники-украинцы привыкли пользоваться своими старыми чинами, и этому были причины. Во времена Гетманщины из числа бунчуковых товарищей назначались почти все высшие служащие – генеральная и полковая старшина, полковники. К тому же они не зависели от местной администрации, а подчинялись непосредственно гетману. Более многочисленные войсковые товарищи находились под юрисдикцией Генеральной войсковой канцелярии (центральный управленческий орган Гетманщины), и из них чаще набирали сотников и старших канцелярских

чиновников. Из значковых товарищей, которые подчинялись полковнику, набирали низшую полковую старшину и канцеляристов (Когут, 2004: 48). Ни один российский чиновник (или чиновник, который пользовался российскими чинами) местного уровня никогда не имел таких прав. Та часть служащих, которая вовремя поняла и перешла на классные чины, уже в начале XIX в. преимущественно выслужила себе дворянство. А те, кто надеялся выгодно использовать свой старый статус в новой системе, по нашему мнению, составили основную массу лиц, которые претендовали на дворянство в первые десятилетия XIX в., но сталкивались с большими проблемами по причине непризнания российским правительством казацких чинов (исключение здесь могли составлять обладатели высших казацко-старшинских чинов, которые в подавляющем большинстве не имели проблем с признанием за ними дворянских прав, но к концу XVIII – началу XIX вв. они, как правило, уже все перешли на табельную систему чинопроизводства).

Украинские чины в конце XVIII в. оставались предметом определенной гордости подавляющего большинства чиновников украинского происхождения (из регионов бывшей Гетманщины). В формулярных списках они часто в графе о происхождении делали запись не «из казаков» или «из старшинских детей» (хотя и таких было немало), а прописывали там конкретный отцовский чин – «сын возного», «сын бунчукового товарища», «сын полкового атамана» и т.п. (ЦДІАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 776.; ЦДІАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 2971; ЦДІАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 2972).

Указом от 27 июля 1782 г. в Малороссии были отменены должности возных и подвойских, предусмотренные еще Литовским статутом и Магдебургским правом. Это объяснялось тем, что их функции теперь были переданы по Учреждению о губерниях нижним земским судам, земским исправникам и городничим (ПСЗ-1. Т. XXI. № 15478: 645). Несмотря на ликвидацию должности возного, в месяцесловах можно встретить чиновников-малороссиян, которые, занимая гражданские должности, продолжали называть себя возными, то есть использовали это звание как чин (подвойский в адрес-календарях не встречается).

22 декабря 1784 г. вышло распоряжение Екатерины II, которым она запрещала награждать чиновников бывшими малороссийскими чинами (ПСЗ-1. Т. XXII. № 16117: 272-273). Уже в следующем году количество служащих с такими чинами резко сократилось: по Киевскому наместничеству с 48,16 % от общего числа чиновников в 1784 г. до 36,8 % в 1785 г.; по Новгород-Северскому – с 56,74 % в 1784 г. до 19,63 % в 1785 г.; по Черниговскому – с 57,34 % в 1784 г. до 34,38 % в 1785 г. Это произошло как за счет сокращения практики выдачи таких чинов, так и по причине перевода многих чиновников-украинцев на табельную систему чинопроизводства. Например, компанейскому полковнику А. Шауму и бунчуковым товарищам П. Мажоку, И. Стаховичу и С. Кулябке были даны чины надворных советников, бунчуковому товарищу С. Томаре – коллежского советника и т.д. (ПСЗ-1. Т. XXII. № 16117: 272-273.; ЦДІАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 487; ЦДІАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 769; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 4. Д. 33).

В целом украинская шляхта пыталась не так заменить свои чины на российские, как добиться их уравнивания с соответствующими рангами по Табели. И попытки сделать это предпринимались длительное время: соответствующие прошения подавались правительству, начиная с первой половины XVIII в. и до 80-х годов XVIII в. (Когут, 2004: 61). Одно из наиболее известных документов такого типа – прошение гетмана К.Г. Разумовского, поданное Сенату еще 28 марта 1756 г. Тут был приведен ряд прецедентов, которые свидетельствовали о благожелательном отношении российских монархов к казацким чинам, предложены табельные чины, к которым можно было приравнять казацкие. В нем гетман также распределил все казацкие чины по субординации на десять классов (ИРНБУВ. Ф. 61. № 1084).

В 70–90 годах XVIII в. местными чинами пользовалась достаточно большая часть служащих Малороссии и регионов, присоединенных от Речи Посполитой. Таких чиновников на Слобожанщине (Слободско-Украинская губерния, а позже – Харьковское наместничество) и в степных регионах Украины (Новороссийская и Азовская губернии, а позже – Екатеринославское наместничество и в 1796 г. – Вознесенское наместничество) было, наоборот, очень мало.

На Харьковщине существовали параллельно фактически две системы управления: слободская казацкая и российская воеводская (обе подчинялись российскому монарху). Но исторически Слобожанщина была недостаточно сильно связана с регионами, которые имели опыт государственности. По нашему мнению, именно по этой причине слободскую казацкую верхушку здесь более правильно было бы рассматривать как понятие административное (служебная элита), чем общественное (общественная элита). Поэтому и сохранять свои чины у слобожан большого стимула не было, в отличие от гетманцев (условно разделим представителей Слобожанщины и бывшей Гетманщины именно так).

В южных регионах, которые только осваивались Российской империей, было также мало служащих, пользующихся не табельными чинами. В основном это были лица, которые поступали на службу, уже имея эти чины, и переехали в так называемую Новороссию в надежде на большие карьерные возможности. Количество таких чиновников с самого начала было небольшим, а со временем становилось еще меньшим. Так, если в 1777 г. они составляли 6,87 % от общей массы чиновников, а в 1778 г. – 12,04 %, то к 1796 г. их остается около 1 %. Причем это всегда были выходцы

из Малороссии, но в 1796 г. в государственные учреждения Екатеринославщины попали пять чиновников из бывших польских земель, присоединенных к империи.

На территории малороссийских губерний в конце XVIII в. местные чины использовались на государственной службе достаточно активно. Причем как казацкие старшинские, так и старые гражданские (к малороссийским гражданским чинам нами отнесены следующие: возный, земский судья, земский подсудок, земский писарь, подкоморой, коморник, войт). В течение 1775–1781 гг. количество таких чиновников колебалось от 86,5 % (в 1775 г.) до 71 % (в 1781 г.). Но оно резко уменьшается после создания в этом регионе наместничеств и введения здесь в действие Учреждения о губерниях. Так, по Киевскому наместничеству в 1782 и 1783 гг. этот процент составил 28,17 % и 26,67 % соответственно (скорее всего, данные не в полной мере достоверны по причине неполноты ведомостей, поданных в Герольдмейстерскую контору), а с 1784 г. по 1796 г. он уменьшился с 48,16 % до 6,43 %.

По Новгород-Северскому наместничеству этот показатель в течение 1782–1796 гг. изменился с 31,37 % до 9,34 % (самый высокий показатель был в 1784 г. – 56,74 %). Но наиболее активно малороссийские чины использовались в Черниговском наместничестве. В 1782 г. в нем таких чиновников было 61,36 %. Их количество также постепенно уменьшалось, но даже в 1796 г. составляло 12,8 % от общего числа служащих.

Управление на украинских землях, которые отошли к России от Речи Посполитой в последние годы XVIII в., сразу начало реорганизовываться по общеимперскому образцу. Сюда на льготных условиях переводились служить чиновники из различных регионов государства. Поэтому государственные учреждения сразу стали заполняться служащими, которые пользовались чинами по Табели о рангах. Местные чиновники иногда также переходили на имперскую систему чинов, но, как видно из адрес-календарей (чиновников конца XVIII в. из этого региона касаются лишь месяцесловы за 1794, 1795 и 1796 гг.), это случалось относительно нечасто. Так, в 1794 г. в учреждениях Изяславской губернии из 59 лиц 44 имели местные гражданские чины (к польским гражданским чинам нами были отнесены следующие: подстароста, стольник, судья гродский, писарь гродский, коморник, скарбник, мечник, судья земский, писарь земский, подचाший, шамбелян) ([Месяцеслов, 1794: 399-400](#)), что составляло 74,58 % всех здешних служащих.

В 1795 г. на этих землях появляется также Брацлавская губерния и государственный аппарат обеих губерний существенно разрастается. Из 280 указанных в данном регионе чиновников старые польские чины были у 75 человек и один чиновник имел казацкий старшинский чин ([Месяцеслов, 1795: 410-418](#)) (вероятно, этот выходец из малороссийских губерний пожелал воспользоваться служебными льготами и приехал сюда вместе с другими чиновниками-неполяками), что в целом здесь составляло 27,14 % служащих.

К 1796 г. здесь произошел целый ряд административных нововведений, которые содействовали в том числе расширению местного бюрократического аппарата. В это время Изяславская губерния была переименована в Волынскую, а кроме того создано Подольское наместничество. Адрес-календарь за этот год содержит ведомости о 438 чиновниках, из которых у 90 были старые чины (2 – малороссийских казацких, 2 – военных польских и 86 – гражданских польских) ([Месяцеслов, 1796: 429-445](#)). Они составляли 20,55 % чиновничества Волынской и Брацлавской губерний и Подольского наместничества.

Можно увидеть, что, хотя в течение 1794–1796 гг. на бывших польских землях процент чиновников со старыми местными чинами постоянно уменьшается, все же это происходит по большей части благодаря значительному притоку чиновников с российскими классными чинами, которые прибыли туда из других регионов империи. Делалось это с целью ускорить процесс распространения на новоприсоединенных землях российской системы управления. Количество же лиц со старыми чинами, наоборот, увеличивалось: 44 – в 1794 г., 76 – в 1795 г., 90 – в 1796 г.

На государственной службе осталось подавляющее большинство старых судебных чиновников, но руководство осуществляли вновь назначенные царские чиновники. Судопроизводство велось на двух языках – польском и русском. Это делало необходимым внедрение в учреждениях должности переводчика (на эти должности часто приглашали воспитанников Киевской академии и Переяславской семинарии). Поскольку привилегии российского дворянства были распространены и на правобережную шляхту, то ведущие места во всех выборных учреждениях начали занимать польские магнаты. Например, большой была часть таких чиновников в Главном и земских судах (и именно эти лица чаще всего пользовались старыми чинами) ([Щербак, 2005: 90-91](#)).

Когда к власти пришел Павел I, то он предпринял попытки частично вернуть управленческие органы, которые функционировали в так называемых национальных окраинах империи, когда те еще имели определенную автономию. Некоторые такие учреждения появлялись и на украинских землях. Вместе с ними возрождались и некоторые должности (но не чины – Авт.), которые в свое время здесь существовали. В частности, в 1797 г. в малороссийских и присоединенных от Польши губерниях были введены должности маршала дворянства (вместо предводителя) и поветового хорунжего. Но если в прошлом эти должности предоставляли своему обладателю и соответствующий статус, то есть фактически были сразу и чинами, то теперь эти «местные» должности должны были соотноситься с

Табелью о рангах (маршал – V класс, поветовый хорунжий – VII класс) (ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17790: 319). В период правления Павла I также увеличилось польское присутствие в государственных учреждениях на Правобережьи. Характерной чертой этого процесса было то, что на государственную службу поступали в основном представители бедной чиншевой шляхты, которые быстро освоили русский язык и делопроизводство. Они, как правило, занимали должности канцелярских служащих и чиновников низшего и среднего уровней (Щербак, 2005: 90-91). Но чины предоставлялись лишь по Табели о рангах.

5. Заключение

Таким образом, можно увидеть, что в конце XVIII в. удельный вес чиновников, которые пользовались чинами, существовавшими в Гетманщине и Речи Посполитой до их полного включения в состав Российской империи, был достаточно большим. Численность таких служащих заметно уменьшается с введением в действие на землях бывшей Гетманщины в 1782 г. общеимперского законодательства, в частности Учреждения о губерниях. Такая же тенденция прослеживается и на территориях, присоединенных от Польши. Одной из наиболее важных причин нежелания пользоваться чинопроизводством по Табели о рангах, по нашему мнению, был более высокий служебный и общественный статус старых чинов, чем предложенный Табелью, хотя таких причин было значительно больше, и они представляют собой перспективное тематическое поле для дальнейших исследований. В украинских регионах, которые не имели опыта государственности (земли так называемой Слобожанщины и южные губернии), служащие преимущественно пользовались табельными чинами.

Литература

- Володько, 2007 – Володько В.В. Чиновники системи управління та судочинства Київського намісництва (80-ті – перша половина 90-х рр. XVIII ст.): соціо-професійний портрет: Дисс. ... канд. істор. наук: 07.00.01. К., 2007. 258 с.
- Дегтярев, 2014 – Дегтярев С.И. Унификация бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX вв. // *Русин*. 2014. 35 (1). С. 91-104.
- Дегтярев, 2016 – Дегтярев С.И. Чины как инструмент национально-унификационной политики Российской империи на землях Левобережной Украины, Кавказа, Бессарабии (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // *Русин*. 2016. 43 (1). С. 177-195.
- ІРНБУВ – Інститут рукописи Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського.
- Когут, 1996 – Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760-1830. К.: Основи, 1996. 317 с.
- Когут, 2004 – Когут З. Українська еліта у XVIII столітті та її інтеграція в російське дворянство // *Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України*. К.: Критика, 2004. С.46-79.
- Кривошея, 2008 – Кривошея В.В. Козацька еліта Гетьманщини. К.: ІПіЕНД імені І.Ф.Кураса НАН України, 2008. 452 с.
- Любар, 2004 – Любар М.Г. Кадрове забезпечення органів загальної та політичної поліції Російської імперії у кінці XVIII – на початку XX ст.: (на матеріалах українських губерній): Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Харків, 2004. 214 с.
- Месяцеслов, 1791 – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1791. СПб.: При Императорской академии наук, б/г. XX+380+VIII с.
- Месяцеслов, 1794 – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1794. СПб.: При Императорской академии наук, б/г. XX+400 с.
- Месяцеслов, 1795 – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1795. СПб.: При Императорской академии наук, б/г. XX+423+IX с.
- Месяцеслов, 1796 – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1796. СПб.: При Императорской академии наук, б/г. XIV+464 с.
- ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи (собрание 1).
- Талдыкин, 2000 – Талдыкин А.В. Административно-полицейский аппарат царизма в Украине в XVIII – первой половине XIX: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Харьков, 2000. 182 с.
- ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев.
- Чайковський, Щербак, 1996 – Чайковський А.С., Щербак М.Г. За законом і над законом: 3 історії адміністративних органів і поліцейсько-жандармської системи в Україні (IX – поч. XX ст.). К.: Україна, 1996. 286 с.
- Шандра, 2000 – Шандра В.С. Малоросійське генерал-губернаторство в період урядування М.Г. Рєпніна (1816-1834) // *Український історичний журнал*. 2000. №4. С.79-90.
- Шандра, 2002 – Шандра В.С. Інститут генерал-губернаторства в Україні XIX – початку XX ст.: структура, функції, архіви канцелярій: Дисс. ... докт. істор. наук: 07.00.06. К., 2002. 455 с.

- [Щербак, 2005](#) – *Щербак Н.О.* Національне питання в політиці царизму у Правобережній Україні (кінець XVIII – початок XX століття). К.: ПЦ «Ризографіка», 2005. 616 с.
- [Degtyarev, 2013](#) – *Dyagterev S.I.* Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II // *Bylye Gody*. 2013. 27(1), pp. 16-25.
- [Degtyarev, Kryvosheia, 2016](#) – *Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I.* The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody*. 2016. 42(4), pp. 1118-1126.
- [Lebid et al., 2019](#) – *Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V.* The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I // *Bylye Gody*. 2019. 54(4), pp. 1490-1505.

References

- [CGIAUK](#) – Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Ukrainyv g. Kiev [Central State Historical Archive of Ukraine in Kiev].
- [Chaikovskiy, Shcherbak, 1996](#) – *Chaikovskiy A.S., Shcherbak M.H.* (1996) Za zakonom i nad zakonom: Z istorii administratyvnykh orhaniv i politseisko-zhendarskoj systemy v Ukraini (IX – poch. XX st.) [By Law and Above the Law: From the History of Administrative Bodies and the Police-Gendarme System in Ukraine (IX – Beginning of the XX Century)]. Kyiv. 286 p. [in Ukrainian]
- [Degtyarev, 2013](#) – *Dyagterev S.I.* (2013). Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II. *Bylye Gody*. 27(1), pp. 16-25. [in Russian]
- [Degtyarev, 2014](#) – *Degtyarev S.I.* (2014). Unifikatsiya byurokraticheskikh sistem Bessarabii i Malorossii v period ikh integratsii v sostav Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – pervoy treti XIX vv. [Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiya during their integration into the Russian Empire in the late of XVIII – the first third of the XIX cent.]. *Rusin*. 35(1), pp. 91-104. [in Russian]
- [Degtyarev, 2016](#) – *Degtyarev S.I.* (2016). Chiny kak instrument natsional'no-unifikatsionnoy politiki Rossiyskoy imperii na zemlyakh Levoberezhnoy Ukrainy, Kavkaza, Bessarabii (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Ranks (chiny) as an instrument of national and unification policy of the Russian Empire in the Left-bank Ukraine, Caucasus and Bessarabia (the end of XVIII – the first half XIX centuries)]. *Rusin*. 43(1), pp. 177-195. [in Russian]
- [Degtyarev, Kryvosheia, 2016](#) – *Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I.* (2016). The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody*. 42(4), pp. 1118-1126. [in Russian]
- [IRNBUV](#) – Institut rukopisi Nacional'noj biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo [Manuscript Institute of the National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky].
- [Kohut, 1996](#) – *Kohut Z.* (1996). Rosiiskiy tsentralizm i ukrainska avtonomiia. Likvidatsiia Hetmanshchyny 1760-1830 [Russian centralism and Ukrainian autonomy. The liquidation of the Hetmanate in 1760-1830]. Kyiv. 317 p. [in Ukrainian]
- [Kohut, 2004](#) – *Kohut Z.* (2004). Ukrainska elita u XVIII stolitti ta yii intehratsiia v rosiiske dvorianstvo [The Ukrainian elite in the XVIII century and its integration into the Russian nobility]. *Korinnia identychnosti. Studii z rannomodernoi ta modernoi istorii Ukrainy*. Kyiv. Pp. 46-79. [in Ukrainian]
- [Kryvosheia, 2008](#) – *Kryvosheia V.V.* (2008). Kozatska elita Hetmanshchyny [Cossack elite of the Hetmanate]. Kyiv. 452 p. [in Ukrainian]
- [Lebid et al., 2019](#) – *Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V.* (2019). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I. *Bylye Gody*. 54(4), pp. 1490-1505. [in Russian]
- [Liubar, 2004](#) – *Liubar M.H.* (2004). Kadrove zabezpechennia orhaniv zahalnoi ta politychnoi politsii Rosiiskoi imperii u kintsi XVIII – na pochatku XX st.: (na materialakh ukrainskykh hubernii) [Staffing of the General and Political Police of the Russian Empire at the End of the XVIII – Early XX Centuries: (Based on Materials of Ukrainian Provinces)]: dys. ... kand. yuryd. nauk: 12.00.01. Kharkiv. 214 p. [in Ukrainian]
- [Mesyaceslov, 1791](#) – Mesyaceslov s rospis'yu chinovnyh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Hristova 1791 [Mesyatseslov painted bureaucratic persons in the state, in the year of Our Lord 1791]. SPb. XX+380+VII p. [in Russian]
- [Mesyaceslov, 1794](#) – Mesyaceslov s rospis'yu chinovnyh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Hristova 1794 [Mesyatseslov painted bureaucratic persons in the state, in the year of Our Lord 1794]. SPb. XX+400 p. [in Russian]
- [Mesyaceslov, 1795](#) – Mesyaceslov s rospis'yu chinovnyh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Hristova 1795 [Mesyatseslov painted bureaucratic persons in the state, in the year of Our Lord 1795]. SPb. XX+423+IX p. [in Russian]
- [Mesyaceslov, 1796](#) – Mesyaceslov s rospis'yu chinovnyh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Hristova 1796 [Mesyatseslov painted bureaucratic persons in the state, in the year of Our Lord 1796]. SPb. XIV+464 p. [in Russian].
- [PSZ-1](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (sobranie 1) [Complete collection of laws of the Russian Empire (collection 1)]. [in Russian]

Shandra, 2000 – *Shandra V.S.* (2000). Malorosiiske heneral-hubernatorstvo v period uriaduvannia M.H. Riepnina (1816-1834) [Malorossian Governor-General during the reign of M.G. Repnin (1816-1834)]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. №4. Pp. 79-90. [in Ukrainian]

Shandra, 2002 – *Shandra V.S.* (2002) Instytut heneral-hubernatorstva v Ukraini XIX – pochatku XX st.: struktura, funktzii, arkhivy kantseliarii [Institute of Governor-General in Ukraine of the 19th – beginning of the 20th centuries: structure, functions, archives of offices]: dys. ... dokt. istor. nauk: 07.00.06. Kyiv. 455 p. [in Ukrainian]

Shcherbak, 2005 – *Shcherbak N.O.* (2005). Natsionalne pytannia v politytsi tsaryzmu u Pravoberezhnii Ukraini (kinets XVIII – pochatok XX stolittia) [The National Question in the Politics of Tsarism in Right-Bank Ukraine (End of XVIII – Beginning of XX Century)]. Kyiv. 616 p. [in Ukrainian]

Taldykin, 2000 – *Taldykin A.V.* (2000) Administrativno-policejskij aparat carizma v Ukraini v XVIII – pervoj polovine XIX [Administrative and police apparatus of tsarism in Ukraine in the XVIII – the first half of the XIX century]: diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Har'kov. 182 p. [in Russian]

Volodko, 2007 – *Volodko V.V.* (2007). Chynovnyky systemy upravlinnia ta sudochynstva Kyivskoho namisnytstva (80-ti – persha polovyna 90-kh rr. XVIII st.): sotsio-profesiyni portret [Officials of the Management and Judicial System of the Kyiv Provinces (1980s – first half of 1990s): socio-professional portrait]: dys. ... kand. istor. nauk: 07.00.01. Kyiv. 258 p. [in Ukrainian]

Местная титулатура в системе гражданского чиновничества Российской империи на украинских землях в последней четверти XVIII в.

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Назаров Николай Сергеевич ^a, Любовь Георгиевна Полякова ^{b, c, d}, Ясмин Гут ^e

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. В статье предпринята попытка определить удельный вес чиновников, которые в конце XVIII в. пользовались устаревшими украинскими и польскими чинами в условиях перехода к российской имперской бюрократической системе. Исследована динамика изменений в количестве таких служащих в течение последней четверти XVIII в. Авторы определили причины предпочтения служащими устаревших званий перед новыми. Во-первых, раньше эти чины предоставляли их обладателям высокий общественно-политический и социальный статус. Во-вторых, представители местных служилых элит часто не понимали своего места в общественной и бюрократической системе Российской империи.

В работе использованы опубликованные источники (например, нормативные акты из Полного собрания законов Российской империи и данные из ежегодных месяцесловов) и малоизвестные архивные документы из Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киев.

Ключевые слова: Российская империя, Украина, бюрократический аппарат, чиновник, чин, малороссийские губернии, Речь Посполитая.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 57-66. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.57
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Muslim Religiosity of the Kazakhs in the Context of the Imperial Policy of Russia

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Albina S. Zhanbosinova^b

^a Altay State University, Russian Federation

^b S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the development of Islam in Kazakhstan in the Russian Empire. The authors, relying on a wide range of archival materials and publications of modern times demonstrated the evolution of Muslim views of the Kazakh population from its complete rejection to the struggle for their rights in freedom of conscience and religion. Tatar, Bukhara, Tashkent Ministers of religious cult played an important role in the spread of Islam in Kazakhstan. Among the issues covered in the article, special attention was paid to the analysis of the content of the Imperial policy towards the Kazakh population, namely Russification and Christianization, in the prohibition and closure of spiritual and educational institutions, in preventing the construction of architectural religious buildings.

The government of the Russian Empire regulated the activities of Muslim clergy, as well as controlled the pilgrimage of Muslims. Such strict state control eventually led to the emergence of protest moods and the opposite transformation of the religious Outlook of the Kazakhs, who converted to Islam largely as a result of administrative islamization.

Keywords: Russian Empire, tsarist government, Kazakhstan, Islam, mektebs, Kazakh intelligentsia.

1. Введение

Актуальность предложенного исследования заключается в том, что удивительное время и удивительная ситуация сложились в социокультурном пространстве Казахстана. Суверенность и независимость республики, наряду с продекларированной атрибутикой национальной государственности, позволили встроиться в бывшее советское пространство элементам мусульманской семиотики. Повсеместно в Казахстане стали появляться мусульманские архитектурные композиции, от советского радикального атеизма казахское общество окунулось в процессы социорелигиозной идентификации и радикального ислама. Идентификационные проблемы казахского народа отмечались многими исследователями: в первую очередь – «я мусульманин, последователь Магомета», во вторую – «я родом из...», в третью – «я казах». Возможен обратный отсчет ввиду «двоеверия казахов»: шаманизм-тенгрианство, не утратившее своего значения в традиционной культуре в переплетении с татарско-среднеазиатским исламом (Валиханов, 1985: 71).

Можно предположить, что основные идеологемы мусульманской религиозности казахского населения закладывались в эпоху имперского времени иноэтничными представителями. Инонамадное содержание ислама, накладываясь на древние кочевые верования, в том числе и тенгрианство, придавало своеобразие казахскому восприятию ислама.

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpm.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), sovetuk@rambler.ru (A.S. Zhanbosinova)

2. Материалы и методы

Методологию исследования составил цивилизационный подход, а именно предложенные концепты А. Тойнби, сфокусировавшие внимание на элементах духовной культуры, ее эволюции и адаптации как стратегии выживания в условиях модернизации имперской политики. Вполне приемлемы положения теории модернизации ввиду вовлечения в Российское имперское правовое пространство Казахстана, сопровождавшееся реформационными процессами. При написании работы были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, а также специальные методы познания – сравнительно-правовой, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический.

Авторами использован обширный круг источников, хранящихся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан и редком фонде Национальной библиотеки им. Абая (г. Алматы). Некоторые архивные материалы впервые вводятся в научный оборот.

3. Обсуждение

Активное исследование предложенной темы относится к периоду новой истории, а именно к XVIII–XIX векам. Первыми авторами научных трактатов выступили путешественники, изучавшие Среднюю Азию и Казахстан. Выдающийся русский ученый А.И. Левшин в фундаментальном издании отметил слияние мусульманских и домусульманских воззрений, отсутствие педантичного соблюдения и почитания положений Корана (Левшин, 1996: 313–314). В исследовательской практике существует мнение, что протекторат Российской империи вынудил казахов принять ислам, поскольку побежденные казахи приняли мусульманство лишь для того, чтобы вообще ничего не исповедовать (Ястребов, 1851: 301–311).

Исламизация в Казахстане имела яркие черты внешней татарской атрибутики, испытывала дефицит Коранов и формировала мусульманское архитектурное зодчество (Материалы, 1940: 93), трансформировала религиозные воззрения казахов (Россия, 1903), сочетала доисламские традиции с пятикратным чтением намаза (Бабаджанов, 2007), свидетельствовала об отсутствии религиозного фанатизма в казахской среде.

Нарративный характер историографии Нового времени придает содержанию неповторимую литературную изысканность, точность формулировок ввиду прямого описания исторических фактов, очевидцами которых они являлись. Есть множество интересных исследовательских отчетов – результатов этнографических экспедиций ученых, впоследствии опубликованных в формате дневниковых записей.

Современная историография базируется на архивных материалах и переизданных источниках. Особое внимание казахстанские историки уделяют социально-экономическим, общественно-политическим и культурным процессам Казахстана в составе Российской империи. Вопросы конфессиональной политики, и в частности ислама, рассматриваются в системе анализа духовной экспансии царизма в области развития образования в Казахстане (Садвокасова, 2005). Интересно мнение об этапности процесса исламизации населения Казахстана, о сопутствующем влиянии каждого этапа на содержание ислама, соответственно – формирование «народного» ислама с различной артикуляцией трактования мусульманских норм и их ассимиляция казахском социуме (Torlanbayeva, 2015: 166–172). Прагматизм и политическая терпимость царской политики в Казахстане отмечена во взаимодействии с казахским сообществом при формировании социальных институтов власти, что позволило России установить контроль над казахскими кочевьями (Султангалиева, 2015: 653). Есть публикации, рассматривающие вопросы формирования управленческих структур, а также их трансформацию (Артыкбаев, 1993) и последующую модернизацию с целью контроля за исламом в Казахстане (Шаблей, 2008). Указанные авторы опираются на архивные источники, полагая, что инновационные методы российского имперского правительства оказывали влияние на содержание конфессиональной политики, направленной во второй половине XIX в. на ослабление ислама и усиление миссионерского движения в регионе.

Анализ историографии российских авторов демонстрирует значимость религиозной проблематики в региональном разрезе, в том числе и в Казахстане, Средней Азии и Сибири. Исследователи активно разрабатывают вопросы, связанные с мусульманской тематикой, такие как конфессиональная политика царской России в мусульманской умме (Бортникова, 2016), противостояние мусульманских общин с Русской православной церковью (Dashkovskiy, Shershneva, 2016), деятельность мусульманских депутатов в Государственной Думе по вопросам вероисповедания, религиозной пропаганды и паломничества (Лысенко, 2017).

Авторы не ставили целью детальный анализ историографии предложенной темы, поэтому частичное освещение получили труды, имевшие прямое или косвенное отношение к исследуемой проблеме. Роль и место ислама в имперской политике России в Казахстане не стали предметом исследовательского интереса ученых, что и обусловило обращение авторов к разработке предложенной темы.

4. Результаты

Исходной датой появления ислама на территории Казахстана принято считать VII–VIII века. Тюркские племена, ставшие основой формирования казахского этноса на протяжении нескольких веков, сочетали тенгрианство с исламом, признавая и почитая мнение Ходжи Ахмета Яссауи: «Бог присутствует везде и во всем». Вхождение Казахстана в состав Российской империи, начавшееся в 30-х годах XVIII века, закончилось в 60-х годах XIX века. Казахские территории, став внутренней провинцией России, оказались в орбите определенной государственной политики, которая была не всегда однозначной, а порой и противоречивой (Акимбеков, 2018).

Став частью имперской политики, Казахстан стал объектом реформаторской и законотворческой деятельности государственных органов. Первым этапом реформирования управления Казахской степью стали «Устав о сибирских киргизах (казахах)» 1822 г. и «Устав об оренбургских киргизах (казахах)» 1824 г., последующим – принятие «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 г., «Временного положения об управлении в степных областях Оренбургской и Западно-Сибирского генерал-губернаторства» 1868 г. Следует отметить, что в Уставе не прозвучали пункты, регламентирующие конфессиональную деятельность. В Временном положении был принят раздел «Об управлении духовными делами киргизов (казахов)». В промежутке между Уставом и Временным положением чиновники констатировали наличие в степи татарского обучения, а в качестве учителей выступали муллы-письмоводители при богатых казахах. В большинстве своем они были выходцами из Бухары, Ташкента, Казани, Уфы. Как такового системного религиозного обучения не было, а дети заучивали суры из Корана и арабский алфавит. О неграмотности казахов, неумении их читать и писать на своем языке, об отсутствии у них школ и мечетей писал пленный доктор Савва Большой (Записки, 1822). Ввиду своей безграмотности казахские кочевники любого грамотного почитали как муллу, а отсутствие культовых сооружений служило подтверждением незнания и несоблюдения ими канонов ислама (Андреев, 1998: 55).

Следует отметить, что с целью понимания особенностей быта мусульманского населения Туркестанского края в Семиреченской области были изданы несколько выпусков «Материалов по мусульманству». Указанный журнал содержал информацию о мусульманском законодательстве и действующих мусульманских учреждениях в крае, традициях и обычаях мусульман. К концу XIX в. в составе Российской империи насчитывалось до 14 миллионов мусульман. Авторы «Материалов по мусульманству» рекомендовали знать особенности управления мусульманским населением края. На 119 русских учебных заведений в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях¹ приходилось 5246 мусульманских училищ. При этом на 6 православных храмов в Ферганской области приходилось 6134 мечети. В Сырдарьинской области насчитывалось 1860 училищ, в которых обучались 20592 учащихся. В 2665 мечетях насчитывалось 2565 имамов. Кроме того, было 52 мазара, 169 шейхов, 19 ишанов (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1133. Л. 40, 44).

Следует отметить, что искусственное насаждение ислама в Казахстане, по признанию властей, началось с 1785 г. Казахи были мусульманами только по имени, поскольку они не исполняли даже таких обрядов, как намаз и пост, которые обязательны для каждого мусульманина. Для этого в казахской степи за Уралом строили мечети, а при них школы, куда в качестве имамов – настоятелей мечетей и учителей – посылали казанских и уфимских татар (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1133. Л. 37-38). Указанный факт отмечался российскими исследователями Казахской степи. К «главным насадителям ислама» среди казахов, слишком восприимчивых к быстрому отатариванию и омусульманиванию, относили казанских мулл, обосновавшихся в Северном Казахстане, на границе с Россией, – в Петропавловске и близлежащих городах Оренбурге, Орске (Алекторов, 1905). Именно имперская политика заложила основы «русифицированного» ислама и религиозной образовательной системы в Казахстане, а кочевое казахское население в условиях протектората эволюционировало из шаманистско-тенгрианского этапа в мусульманско-русский.

Отметим, что город Туркестан и сейчас является духовной Меккой казахского народа, почитаемым сакральным местом. Именно здесь находится усыпальница Ходжи Ахмета Ясави, основоположника суфизма, ставшая символом казахского ислама. Характерно, что суфизм имперской политикой причислялся к мусульманскому сектанству и отождествлялся с мусульманским мистицизмом (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1133).

Важно подчеркнуть, что резко критически воспринимала иноэтнических мулл казахская интеллигенция, оценивая их как «полуграмотных», «фанатических поклонников пророка», которые могут довести своим влиянием казахский народ до «слепого религиозного изуверства» (Валиханов, 1985: 100). Казанские татары явились фанатизированными книжниками, несущими в Казахскую степь враждебное отношение к России (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1133. Л. 37). Неудивительно, что в суверенный период Казахстана иностранные мусульманские адепты распространили радикальный чуждый ислам в казахском обществе, никогда не отличавшемся религиозным фанатизмом.

¹ Две последние области – Самаркандская и Ферганская – в административно-географическом отношении не входили в состав Казахстана, а относились к Туркестанскому краю.

Народным обучением в Казахстане занимались муллы. Среди них упомянуты указные муллы, простые муллы, киргизы (казахи – Авт.), ташкентцы, татары и ходжи. В 15 волостях Каркаралинского округа 412 учеников обучалось в 23 школах, в том числе 2 в станице Каркаралинской. Численность учеников разнилась от 10 до 36. Многие богатые казахи отправляли своих детей на обучение к муллам в Семипалатинск, Петропавловск, Ташкент, Бухару (Материалы, 1960: 275). Современники полагали, что знания служителей культа в качестве учителей ограничены лишь «мусульманской схоластикой и казуистикой» (Валиханов, 1985: 102).

Знание восточных языков, среди которых были арабский, персидский и тюркский, позволили Абаю Кунанбаеву стать знатоком священных книг, которые частенько упоминали муллы, несущие знамя ислама в Казахскую степи. Абай выступал против обрядового ислама, не соблюдая мусульманские посты, он осуждал ханженство и лицемерие мулл (Букейханов, 1995: 308).

Нужно подчеркнуть, что представители передовой казахской интеллигенции выступали не против ислама как такового. Объектом их критики становились носители мусульманского знания, точнее «информационного незнания», заполнявшие наивные умы кочевников ложными, порой не существующими религиозными идеологемами. Постепенно количество перерастало в качество, стали появляться доморощенные казахские муллы, получившие религиозное образование за пределами Казахстана. Численность таких мулл, судя по Обзорам областей, постепенно увеличивалось.

Среди учителей мектебов и медресе встречались известные личности, пользовавшиеся популярностью и уважением в казахском народе, как, например, Наузбай Таласов, 15 лет проучившийся в Бухаре и работавший там преподавателем. После возвращения в Кокчетав он стал содержать там старометодное медресе (Нуртазина, 2008: 48).

В материалах комиссии Переселенческого фонда под руководством Ф. Щербины фигурирует статистика действовавших национальных школ в Казахстане в 1905 г. В Семиреченской области на тот период было 3 школы с 257 учащимися, в Акмолинской – 14 школ с 301 учащимся, в Тургайской – 94 школы с 1672 учащимися, в Семипалатинской – 27 школ. В последнем случае численность учеников не установлена. Ф. Щербина приводит данные по численности учителей-мулл: в Усть-Каменогорском уезде – 97 человек, в Павлодарском – 261, Каркаралинском – 134, Петропавловском – 154, Омском – 167, Кокчетавском – 164, Акмолинском – 267, Атбасарском – 97, Актюбинском – 259, Кустанайском – 159 человек (Букейханов, 1995: 74-74). В Букеевской орде в 1892 г. действовало училище, обучавшее 16 девочек (ЦГА РК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 41. Л. 6). Начиная с 70-х годов XIX в., политика русификации привела к закрытию аульных школ, изъятию их с религиозного ведомства. В итоге многие из аульных мектебов перешли на нелегальное положение. При этом важно подчеркнуть, что нелегальная религиозная образовательная деятельность строго наказывалась имперской властью.

В Таловской волости Букеевской орды в 1915 г. действовало 12 мектебов и медресе. Из них при приходских мечетях, возведенных в большинстве своем в конце XIX в., состояло 11 учебных заведений. Одно такое учебное заведение действовало при мечети, располагавшейся в доме. 75 % из указанных учебных заведений действовали нелегально. Только три школы имели официальное разрешение инспектора народного училища Внутренней Киргизской орды, в том числе при двух из них были открыты одноклассные школы с русским языком обучения (ЦГА РК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 189. Л. 5-7).

Инспекция народного училища Внутренней Киргизской орды контролировала содержание деятельности и преподавания подведомственных ему мектебов и медресе. Проводимые инспекцией проверки обнаружили, что, помимо разрешенных печатных религиозных изданий, в некоторых школах допускалось использование рукописей книг и тетрадей, привнесенных учителями из заграницы. По мнению контролирующих органов, содержание иностранных книг проникнуто враждой к России, а учителя-муллы, получившие религиозное образование за пределами Российской империи, являются их проводниками. К тому же эти учителя не являлись подданными России. В итоге Инспекция предложила запретить использование книг иностранных изданий в мусульманских школах, а к преподаванию допускать только подданных империи, получивших религиозное образование в России (ЦГА РК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 46. Л. 6-9).

По данным Первой всероссийской переписи 1897 г., в шести областях Казахстана, входивших в два генерал-губернаторства, насчитывалось значительное количество мусульман, что хорошо видно из Таблицы 1.

Таблица 1. Численность мусульман в 6 областях Казахстана, по данным Первой всероссийской переписи 1897 г. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. стат. комитетом М-ва вн. дел ; Под ред. Н.А. Тройницкого [СПб.], 1897–1905.)

Название области	Численность мусульман			% соотношение к общему численности населения
	мужчины	женщины	Общее количество	
Акмолинская	230706	208957	439663	64,43
Семипалатинская	330465	285771	616236	89,71
Уральская	253131	225564	478695	74,15
Тургайская	217165	195671	412836	90,99
Семиреченская	479406	413614	893020	90,18
Сырдарьинская	764294	648820	1413114	96,37

Удельный вес казахского населения, по материалам Первой Переписи, составлял 81,8 % (Казахи, 1995). К сожалению, невозможно проследить в динамике численность мулл, школ и учащихся ввиду отсутствия статистических показателей. Вместе с тем показатели Западных и Южных областей Казахстана намного превышают другие, что объясняется высокими демографическими данными.

Временные положения структурно отразили вопросы управления духовными делами казахов, изъяли их из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания, которое на начальном этапе, в XVIII веке, должно было ужесточить контроль над исламом, а казахские муллы, прошедшие испытания в Уфе, становились верными слугами российского двора (Шаблей, 2008).

В 1830-х годах в Семипалатинске произошел конфликт, причиной которого стали не согласованные с Оренбургским магометанским духовным собранием действия незаконных мулл и строительство новой мечети взамен обветшавшей. Суть конфликта не только в неподчинении, а в боязни потерять контроль над религиозными процессами в Семипалатинске, игравшем роль города-хаб, стоявшем на пути всех торгово-транспортных путей. В Семипалатинске функционировали 4 мечети, 2 из них были построены в конце XVIII века ташкентскими и бухарскими купцами, которые курировали и назначение мулл, и отправление службы, и даже затеяли строительство новой мечети. Инициатива ташкентского купца Магмурбаева, не получившего согласие на свое прошение Семипалатинскому городничему и Областному начальнику и начавшего строительство новой мечети, не понравилось Оренбургскому магометанскому духовному собранию. Основываясь на законодательном акте от 22 сентября 1788 г., оно закрывает мечети, построенные ташкентцами и бухарцами: «...правилами магометанского закона возбраняется без особо уважительных причин строить мечети и производить в них порознь одно и то же богослужение...» (Арапов, 2001: 111).

Следует подчеркнуть, что запреты на возведение культовых сооружений распространялись и на представителей казахского населения. Так, например, обращение жителя Петропавловского уезда рассматривалось на протяжении четырех лет – с 1878 по 1882 годы. За указанный промежуток времени инициатор прошения Аккоза Утемисов не только предложил личное финансирование строительства мечети, но и по каждому запросу отправлял все новые и новые документы. К сожалению жителей уезда и волости, в ходатайстве им было отказано (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2723. Л. 43-66).

Временное положение ужесточило контроль над религиозными культурами и отправлениями. По новому формату казахские муллы подчинялись Министерству внутренних дел. Кроме того, регламентировалась численность мулл: на одну волость полагался один мулла. Для казахов мулла был выборной должностью. Исключение составляли русские подданные, поскольку муллой мог быть любой способный, по понятиям казахов. Удивительно, но факт: имперская власть допускала отсутствие у муллы религиозного образования. Утверждением муллы и его увольнением ведали уездные и областные начальники. Ходатайства об утверждении муллы направлялись на имя уездного начальства: «...каждая мечеть должна состоять под руководством особого муллы», в Капале завершается строительство новой мечети в южной части города, и в качестве муллы общество рекомендует Мухамет-Закира Таипова (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 359. Л. 7) Возведение мечетей сопровождалось разрешением генерал-губернатора (Материалы, 1960: 341). Действия российских властей, с одной стороны, объяснялись «желанием правительства устранить влияние татарского духовенства на местное население» (Шаблей, 2008), с другой – «...с целью ослабления мусульманской пропаганды и разрыва духовной связи» мусульман (Арапов, 2001: 180). Современники восприняли действия имперской власти как административное исламизирование абсолютно чуждым религиозным мировоззрением: «мусульманские законы никогда не были приняты киргизами (казахами – Авт.) и были введены в степь путем правительственной инициативы вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов. Мы не знаем и не можем понять, что имело в виду русское правительство, утверждая ислам там, где он не был вполне принят самим народом»

(Валиханов, 1985: 99). Предполагаем, что столь резкое ужесточение в отношении мусульманства в Казахстане было предпринято с попыткой заменить ислам на христианство. Карательный поход сопровождался, с одной стороны, мотивирующими посланиями в законодательных актах в адрес потенциальных мусульманских «христиан», а с другой – запретом на арабскую графику, закрытием мектебов и другими радикальными мерами (Артыкбаев, 1993: 185). Антимусульманские санкции сопровождались не только закрытием мектебов, но и мечетей, конфискацией религиозных книг, насильственным обращением в христианство под угрозой высылки в Сибирь, обязательным обучением русской грамоте (Тынышпаев, 1998).

Контент радикальных мероприятий царского правительства сменялся более мягкими действиями в случае обращения местного населения к власти, как, например, в случае с ходатайством Чубулакского волостного общества казахов об открытии медресе с русским классом при нем в городе Тургай. В обращении к первому инспектору Тургайской школы приводились примеры деятельности существующих подобных учебных заведений в соседних Оренбургской и Уфимской губерниях. Особо в ходатайстве отмечались негативные последствия от разъезжающих по степи разных шарлатанов, фанатиков-татар и других среднеазиатских выходцев, распространявших религиозные учения.

Предполагалось, что открытие указанного заведения повысит нравственный уровень казахского населения, который очень легко поддавался вредному учению. В ходатайстве указывалось, что открытие медресе заложит у казахских детей верные основы и, самое главное, детали ислама. Характерным явлением, получившим лишнее подтверждение в источнике, стал жесткий правительственный контроль над деятельностью религиозных учреждений в соответствии с принятыми Временными положениями 1868 года, направленными на искоренение пришлых служителей религиозного культа. Об этом и писалось в обращении Чубулакского волостного общества, что, помимо укоренения религиозно-нравственных начал у казахов, есть перспектива «...в скором будущем совершенно вытеснить из всех уголков обширной степи вышеуказанных пришлых вредных элементов». В Чубулакской волости, где проживало в 1902 г. 7035 человек, отсутствовали не только медресе, но и начальные школы: «...молодое поколение местного казахского населения по этой причине оказалось лишенным правильного понятия о догматах своей религии» (ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 9. Л. 2-8).

Политика русификации правительства в сочетании с пропагандой ислама придавала родовому объединению казахов религиозно-политический характер (Букейханов, 1995: 73), что еще в XIX в. критиковалось Ч. Валихановым. Учитывая соединение абсолютно противоположных друг другу явлений – медресе и русский класс при нем, соответствующих рекомендациям Степной комиссии, имперский подход способствовал реализации триединой задачи. В частности, такой подход позволял исключить внешних иноэтнических служителей мусульманского культа, установить контроль над мусульманским образованием и ограничить распространение ислама среди казахских кочевников. Все расходы на содержание медресе, начиная со строительных, ложились на местное население. Можно предположить, что это было создание искусственных финансовых препятствий, направленных на ослабление интереса к исламу. Характерно, что в случае распространения христианства среди казахского населения оно не несло никаких финансовых затрат, получая определенные льготы, согласно принятым положениям 60-х годов XIX века.

Особо следует отметить Букеевское ханство, где в начале XIX века под влиянием Джангир-хана наблюдались процессы централизованной исламизации казахского общества. Вероятно, эти события были обусловлены тем, что Джангир-хан был женат на дочери оренбургского муфтия, активизировавшего пропаганду ислама. Мечеть, функционировавшая в ставке хана, контролировала деятельность волостных мечетей и экзаменовала служителей религиозного культа. В Букеевском ханстве энергично строились мечети, в них же располагались мектебы (Евреинов, 1851).

Несмотря на довольно лояльное отношение царского правительства к Букеевской орде, канцелярия Оренбургского учебного округа в 1892 году приняла к рассмотрению жалобу попечителя на неудовлетворительное состояние мусульманских учебных заведений, действовавших при ханской ставке, являвшихся рассадником различных болезней, где работает самозванный мулла Мухамед-Вали Хабибулин (ЦГА РК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 41. Л. 6).

Необходимо отметить, что правительство не только регламентировало деятельность мусульманского духовенства и процессы, связанные с ним, но и контролировало паломничество мусульман (Dashkovskiy, Shershneva, 2017). Мерами по упорядочению паломнических трактов занималось Министерство иностранных дел. Одним из направлений, описываемых и рекомендуемых чиновниками для паломников Казахстана, был путь: «... через Самарканд и Бухару на Афганистан с проездом от Пешевара до Бомбея по железной дороге...». Примерная численность паломников, по сведениям Министерства, достигала «...от 4 до 7 тысяч ежегодно...» (ЦГА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 561. Л. 11-12). Важно подчеркнуть, что идеи К. Кауфмана – «Открытые листы» и загранпаспорта для паломников – в бытность его генерал-губернатором Туркестанского края привели к тайному хаджу, когда паломники, скрывая свои намерения, тайком уезжали в Мекку (Литвинов, 2014).

Казахи, еще недавно равнодушные к исламу, к середине XIX в. стали проявлять все больший интерес к этой религии, что отражалось в том числе и в активизации паломнического движения.

Только в 1905 году в канцелярии Степного генерал-губернаторства с целью поездки в Мекку 500 казахов получили заграничные паспорта (Букейханов, 1995: 73).

Регламентируя хадж, правительство определило алгоритм действий для желающих выехать в Мекку:

- прошение в губернское правление с двумя наклеенными гербовыми марками;
- ходатайство губернского правления в Министерство внутренних дел с разрешением муллы на выезд;
- при наличии разрешения полиция выдавала свидетельство об отсутствии препятствий для выезда;
- оплата пошлинных сборов;
- прошение о выдаче заграничного паспорта;
- получение резолюции Оренбургского магометанского духовного собрания (Бортникова, 2016: 17).

Важно отметить, что рубеж XIX–XX веков оживил общественно-политическую жизнь Российской империи принятием известных документов о свободе вероисповеданий, прежде всего речь идет о Манифесте об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. В какой-то степени они активизировали этно-религиозные группы на декларацию своих прав и свобод, вытолкнули на арену политической борьбы представителей казахской интеллигенции, в том числе одного из ярких лидеров, стоявшего в будущем у истоков партии Алаш А. Букейханова. Неразумные действия официальной власти привели к объединению мусульман России, и даже созданию мусульманской фракции в Госдуме. О присутствии мусульманских депутатов в Государственной Думе свидетельствуют следующие данные: «за весь период существования дореволюционной Думы в нее было избрано 79 депутатов-мусульман: 25 депутатов – в Думу 1-го созыва, 37 мусульман – во вторую, 10 – в третью и 7 – в четвертую Думу» (Лысенко, 2017: 617).

Для Казахстана в указанный промежуток времени характерным явлением стало петиционное движение. Наиболее содержательной в протестном формате оказалась Каркаралинская петиция от 26 июня 1905 года. Она отразила все негативные явления, ставшие результатом политики русификации, в том числе закрытие мусульманских школ, антирелигиозная направленность царского режима и пр. В качестве основных требований были выдвинуты свобода совести и вероисповедания, отмена цензуры на религиозные книги, изданные на арабском, татарском языках (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2053. Л. 55-58).

5. Заключение

Мусульманская религиозность казахов в составе протектората Российской империи прошла несколько этапов развития, от насаждения ее внешними служителями религиозного культа под надзором царских властей до этапа отстаивания свободы религии в условиях активизации общественно-политической жизни. Кочевое население сочетало традиционное тенгрианство с русифицированным исламом. Правительство регламентировало деятельность мусульманского духовенства от назначения мулл до содержания учебных заведений. Алгоритм имперского ислама в совокупности с общественно-политическими процессами Российской империи обусловил хаотичные идентификационные процессы через исламизирование казахов. Вместе с тем, несмотря на активное распространение ислама, традиционная культура кочевников оказалась вне огранки мусульманской семиотики, а повседневная стратегия поведения кочевника не отражала лик фанатичного ислама.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект №19-18-00023).

Литература

- Акимбеков, 2018 – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы: *Институт азиатских исследований*, 2018. 562 с.
- Алекторов, 1905 – Алекторов А.Е. Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1905. Часть CCCLXII. С. 154-191.
- Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. 280 с.
- Арапов, 2001 – Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 366 с.
- Артыкбаев, 1993 – Артыкбаев Ж. Казахское общество: традиции и инновации. Караганда, 1993. 320 с.
- Бабаджанов, 2007 – Бабаджанов М.К. Этнография казахов Букеевской орды. 2-е изд., доп. Астана: Алтын кітап, 2007. 221 с. (Библиотека казахской этнографии. Т. 19).
- Броневский, 1830 – Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды // *Отечественные записки*. СПб., 1830. Ч. 41, 42, 43.

- Букейханов, 1995** – Букейханов А. Избранное. Алматы, 1995. 479 с.
- Валиханов, 1985** – Валиханов Ч. Записка о судебной реформе // Собрание сочинений в 5-ти томах. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1985. Том 4. 463 с.
- Валиханов, 1985** – Валиханов Ч. О мусульманстве в степи // Собрание сочинений в 5-ти томах. Алма-Ата, 1985. Том 4. 463 с.
- Евреинев, 1851** – Евреинев А. Внутренняя, или Букеевская киргиз-казачья орда. Современник. СПб. 1851. № 10. Т. XXIX. Отд. П. С. 49-96.
- Записки, 1822** – Записки доктора Саввы Большого о приключениях его в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 гг. // *Сын Отечества*. 1822. Ч. 76. № 11. С. 168-173.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Литвинов, 2014** – Литвинов В.П. Хадж мусульман Туркестана в период устройства царской власти в регионе (1865–1870-е гг.) (по архивным и правовым материалам) // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 11. С. 58-63.
- Материалы, 1940** – Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук. СССР, 1940. Т. IV. 543 с.
- Материалы, 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времен присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1. Алма-Ата, 1960. 442 с.
- Нуртазина, 2008** – Нуртазина Н. Народы Туркестана. Проблемы ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX–XX веков). Алматы, 2008. 166 с.
- Россия, 1899–1914** – Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19-ти т.] Т. 18. Киргизский край / Под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова, вице-пред. Русского геогр. о-ва и проф. В.И. Ламанского, пред. отд. этнографии Русского геогр. о-ва; Предисл. Вениамин Семенов. СПб.: А.Ф. Девриен, 1903. 478 с.
- Садвокасова, 2005** – Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX – начало XX веков). Алматы, 2005. 277 с.
- Султангалиева, 2015** – Султангалиева Г. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: Особенности восприятия власти // *Cahiers Du Monde Russe*. 2015. Vol. 56, no. 4, pp. 651-679. [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/24772294
- Тынышпаев, 1998** – Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Санат, 1998. 242 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Шаблей, 2008** – Шаблей П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в Казахстане (1788–1868 гг.) // *Вопросы истории*. № 5. 2008. С. 146-150.
- Ястребов, 1851** – Ястребов М. Киргизский шаман (Отрывок из записной книжки). Москвитянин, 1851. Ч. 2. № 8 (апрель). Кн. II. С. 301-311.
- Bortnikova et al., 2016** – Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.E. Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917) // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 39, Is. 1, pp. 14-21.
- Dashkovskiy, Shershneva, 2016** – Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Relations between the muslim communities and the Russian orthodox church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Is. 1. Pp. 120-128.
- Dashkovskiy, Shershneva, 2017** – Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. The role of muslims in migration processes in the Russian empire in the second half of XIX – early XX century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. Pp. 551-559.
- Lysenko, 2017** – Lysenko Yu.A. The Representatives of the Steppe Region and Turkestan in the Russian Parliament: the Experience of Fractional Interaction in Solving Regional Ethno-Social Problems // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44, Is. 2, pp. 616-624.
- Torlanbayeva, 2015** – Torlanbayeva K. About stages of islamization of the population of Kazakhstan // *Bulletin of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2015. №4. Pp. 166-172.

References

- Akimbekov, 2018** – Akimbekov S. (2018). Kazakhstan v Rossiiskoi imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty "Institut Aziatskikh issledovaniy". 562 p. [in Russian]
- Alektorov, 1905** – Alektorov A.E. (1905). Iz istorii razvitiia obrazovaniia sredi kirgizov Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblastei [From the history of the development of education among the Kirghiz of Akmola and Semipalatinsk regions]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. Chast' SSSLXII. Pp. 154–191. [in Russian]
- Andreev, 1998** – Andreev I.G. (1998). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-kaisaks]. Almaty, 280 p. [in Russian]
- Arapov, 2001** – Arapov D.Iu. (2001). Islam v Rossiiskoi imperii. Zakonodatel'nye akty, opisaniia, statistika [Islam in the Russian Empire. Legislative acts, descriptions, statistics]. M.: IKTs "Akademkniga". 366 p. [in Russian]

- Artykbaev, 1993** – *Artykbaev Zh.* (1993). Kazakhskoe obshchestvo: traditsii i innovatsii [Kazakh society: traditions and innovations]. Karaganda. 320 p. [in Russian]
- Babadzhanov, 2007** – *Babadzhanov M.K.* (2007). Etnografiia kazakhov Bukeevskoi Ordy [Ethnography of the Kazakhs in bukey Horde. 2-e Izd. Additional]. 2-e izd. dop. Astana: "Altyn kitap". 221 p. (Biblioteka kazakhskoi etnografii. T. 19). [in Russian]
- Bortnikova et al., 2016** – *Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.E.* (2016). Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917). *Bylye Gody*. Vol. 39, Is. 1, pp. 14-21.
- Bronevskii, 1830** – *Bronevskii S.B.* (1830). Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirgiz-kaisakakh Srednei Ordy [Notes to major General Bronevsky about the Kirghiz of the Middle Horde kaysak]. *Otechestvennye zapiski*. SPb. Ch. 41, 42, 43. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1995** – *Bukeikhanov A.* (1995). Izbrannoe [Selected works]. Almaty. 479 p. [in Russian]
- Dashkovskiy, Shershneva, 2016** – *Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.* (2016). Relations between the muslim communities and the Russian orthodox church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian. *Bylye Gody*. Vol. 39. Is. 1. Pp. 120-128.
- Dashkovskiy, Shershneva, 2017** – *Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.* (2017). The role of muslims in migration processes in the Russian empire in the second half of XIX – early XX century. *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2. Pp. 551-559.
- Evreinov, 1851** – *Evreinov A.* (1851). Vnutrenniaia, ili Bukeevskaia kirgiz-kazach'ia orda. Sovremennik [Evreinov Internal or Bukeyev Kirghiz-Cossack Horde. Contemporary]. SPb. №10. T. XXIX. Otd. P. Pp. 49-96. [in Russian]
- Iastrebov, 1851** – *Iastrebov M.* (1851). Kirgizskii shaman (Otryvok iz zapisnoi knizhki) [The Kirghiz shaman (Excerpt from notebook)]. *Moskvitianin*. Ch.2. № 8 (aprel'). Kn. II. Pp. 301-311. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-kaisak hordes and steppes]. Almaty: "Sanat". 656 p. [in Russian]
- Litvinov, 2014** – *Litvinov V.P.* (2014). Khadzhi musul'man Turkestana v period ustroistva tsarskoi vlasti v regione (1865–1870-e gg.) (po arkhivnym i pravovym materialam) [Hajj of Muslims of Turkestan in the period of the device of Imperial power in the region (1865-1870) (on archival and legal materials)]. *Vestnik KRSU*. T. 14. № 11. Pp. 58-63. [in Russian]
- Lysenko, 2017** – *Lysenko Yu.A.* (2017). The Representatives of the Steppe Region and Turkestan in the Russian Parliament: the Experience of Fractional Interaction in Solving Regional Ethno-Social Problems. *Bylye Gody*. Vol. 44, Is. 2, pp. 616-624.
- Materialy, 1940** – *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR (1785-1828 gg.)* [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785-1828)]. Moskva-Leningrad: Izd-vo: Akademiia nauk. SSSR, 1940. T. IV. 543 p. [in Russian]
- Materialy, 1960** – *Materialy po istorii politicheskogo stroia Kazakhstana (so vremen prisoedineniia Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii)* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (since the accession of Kazakhstan to Russia to the great October socialist revolution)]. T.1. Alma-Ata, 1960. 442 p. [in Russian]
- Nurtazina, 2008** – *Nurtazina N.* (2008). Narody Turkestana. Problemy islama, integratsii, modernizatsii i dekolonizatsii (na rubezhe XIX-XX vekov) [The Peoples Of Turkestan. Problems of Islam, integration, modernization and decolonization (at the turn of XIX-XX centuries)]. Almaty. 166 p. [in Russian]
- Rossiia, 1903** – *Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: Nastol'naia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei* T. 18. Kirgizskii krai. Pod red. V.P. Semenova i pod obshch. rukovodstvom P.P. Semenova, vitse-pred. Russkogo geogr. o-va i prof. V.I. Lamanskogo, pred. Otd. etnografii Russkogo geogr. o-va; Predisl. Veniamin Semenov. (1903). SPb.: A.F. Devrien, 1903. 478 p. [in Russian]
- Sadvokasova, 2005** – *Sadvokasova Z.T.* (2005). Dukhovnaia ekspansiiia tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniia i religii (II polovina XIX – nachalo XX vekov) [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (II half of XIX – beginning of XX centuries)]. Almaty. 277 p. [in Russian]
- Shablei, 2008** – *Shablei P.S.* (2008). Orenburgskoe Magometanskoe Dukhovnoe Sobranie v Kazakhstane (1788–1868 gg.) [Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in Kazakhstan (1788–1868)]. *Voprosy istorii*. №5. Pp. 146-150. [in Russian]
- Sultangalieva, 2015** – *Sultangalieva G.* (2015). Kazahskie chinovniki Rossiiskoi imperii XIX v.: Osobennosti Vospriiatiia Vlasti. [Kazakh officials of the Russian Empire of the XIX century: features of Perception of Power]. *Cahiers Du Monde Russe*. Vol. 56, no. 4, pp. 651-679. [Electronic resource]. URL: www.jstor.org/stable/24772294
- Torlanbayeva, 2015** – *Torlanbayeva K.* (2015). About stages of islamization of the population of Kazakhstan. *Bulletin of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan*. №4. Pp. 166-172.
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Tynyshpaev, 1998 – *Tynyshpaev M.* (1998). Istoriia kazakhskogo naroda [History of the Kazakh people]. Almaty: Sanat. 242 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov Ch.* (1985). O musul'manstve v stepi [On Islam in the steppe]. Collected works in 5 volumes. Alma-Ata: Akademiia nauk Kazakhskoi SSR. V 5-i tomakh. Tom 4. 463 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov Ch.* (1985). Zapiska o sudebnoi reforme [Note on judicial reform]. Collected works in 5 volumes. Alma-Ata: Akademiia nauk Kazakhskoi SSR. V 5-i tomakh. Tom 4. 463 p. [in Russian]

Zapiski, 1822 – Zapiski doktora Savvy Bol'shogo o prikliucheniakh ego v plenu u kirgiz-kaisakov v 1803 i 1804 gg. [Notes of Dr. Sava's Great about his adventures in captivity by the Kirghiz bothrops atrox in 1803 and 1804 years]. *Syn Otechestva*. 1822. Ch. 76. № 11. Pp. 168-173. [in Russian]

Мусульманская религиозность казахов в условиях реализации имперской политики России

Петр Константинович Дашковский ^{a, *}, Альбина Советовна Жанбасинова ^b

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена вопросам развития ислама в Казахстане в условиях Российской империи. Авторы, опираясь на широкий круг архивных материалов и публикаций нового времени, продемонстрировали эволюцию мусульманских воззрений казахского населения от полного его неприятия до борьбы за свои права в свободе совести и вероисповедания. Важную роль в распространении ислама в Казахстане сыграли татарские, бухарские, ташкентские служители религиозного культа. Среди вопросов, освещаемых в статье, особое внимание было уделено анализу содержания политики Российской империи в отношении казахского населения, а именно русификации и христианизации, в запрещении и закрытии духовно-образовательных учреждений, в недопущении строительства архитектурных культовых сооружений.

Правительство Российской империи регламентировало деятельность мусульманского духовенства, а также контролировало паломничество мусульман. Такой жесткий государственный контроль в итоге привел к появлению протестных настроений и прямо противоположной трансформации религиозного мировоззрения казахов, принявших ислам во многом в результате административного исламизирования.

Ключевые слова: Российская империя, царское правительство, Казахстан, мусульманство, мектебы, казахская интеллигенция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fnp.asu.ru (П.К. Дашковский), sovetuk@rambler.ru (А.С. Жанбасинова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 67-76. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.67
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Significance of the Principle of Legality in the System of Legitimacy of N.M. Karamzin

Sergey A. Pravkin ^{a,*}, Vera V. Smirnova ^a, Rosalina V. Shagieva ^b, Maria A. Khvatova ^c

^a Russian University of Transport, Russian Federation

^b State University of Management, Russian Federation

^c Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problems of legitimacy, legitimacy and legality, and legitimization of power in relation to the period of monarchical rule, based on the political and legal platform of N.M. Karamzin, who was at the origins of Russian conservatism. The system of legitimism represented in history not only the historical right of power to resolve issues of the state and defend sovereignty, national borders, and justify the legitimacy of dynastic power, but also the legitimacy of power in General. The authors' analysis of N.M. Karamzin's views touches on certain aspects of monarchical legitimation. The autocracy of the concept of legitimism is the root principle of the Russian state order. The historian proposed the implementation of Republican ideas through a monarchical form of government, while advocating the combination of the patrimonial model of power and the principle of legality. From the point of view of N.M. Karamzin, the legality is compatible with any method of government. Any state is based on the rule of law. The attempts to limit autocracy in its understanding contradict the natural nature of Russian law, lead to lawlessness and anarchy. He recognized the freedom of man within the limits of the laws. N.M. Karamzin considered legitimism in the traditional sense as loyalty to the root laws and the truth of the monarchy. The authors conclude that the position of N.M. Karamzin can be called a political and legal justification of the monarchical power. His views were the starting point for subsequent discussions on individual approaches to the concept of legitimacy. The main source of the publication was N.M. Karamzin's work "A note on ancient and new Russia in its political and civil relations".

Keywords: power, legitimism, legality, legitimacy, constitutionalism, radicalism, conservatism, legal monarchy, law.

1. Введение

Два важнейших принципа, на которые опирается власть это – легальность и легитимность. Легальность власти подтверждает ее юридические основы, легитимность строится на историческом происхождении и на существующей поддержке. Если легальность власти может оказаться несомненной, безусловной, то легитимность может утрачиваться, потому что основывается не только на исторической традиции, но и на реальном доверии к ней. Потеря легитимности опасна, она может вести к постепенной утрате легальности власти. Легитимность и легальность как два крыла необходимо поддерживать всеми законными способами. История подтверждает, что легальная власть может быть нелегитимной, нелегитимная власть может быть легальной.

Целью работы является анализ политико-правовых взглядов в системе легитимизма Н.М. Карамзина.

* Corresponding author

E-mail addresses: pravkin@bk.ru (S.A. Pravkin), veryvera@list.ru (V.V. Smirnova), shagsas@mail.ru (R.V. Shagieva), Xvatovama@rambler.ru (M.A. Khvatova)

2. Материалы и методы

Большое место в работе в связи с заявленной проблематикой исследования значения принципа законности в системе легитимизма Н.М. Карамзина занимает его произведение «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Кроме того, изучены опубликованные письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву, а также ряд работ российских авторов, посвященных социально-политическим, политико-правовым взглядам Н.М. Карамзина, легитимности государственной власти, монархическим и либерально-политическим идеям в России в XIX веке.

Методологическая база исследования опирается на общенаучные методы синтеза, логического анализа, которые способствовали критически-аналитическому осмыслению теоретических и программных положений, первоисточников. Историко-политологический анализ дает возможность актуализировать поставленную проблематику для современного политического процесса. Формально-юридический метод (аналитический) – метод юридической догматики – применялся для использования юридических дефиниций, аксиом, конструкций и выстраивания между ними логических связей. Анализ совокупности суждений и фактов в контексте исторической обстановки проведен с использованием сравнительного и сопоставительного методов. Аксиологический принцип органически связан с исторической наукой, поскольку одной из важных черт аксиологического мышления является восприятие концепции наследия прошлого как ценности.

3. Обсуждение

Исследованием взглядов Н.М. Карамзина занимался ряд авторов. В XIX веке обосновывается значение ученого в истории русского законодательства (Калачов, 1866). В XX веке рассматривается эволюция его мировоззрения (Лотман, 1957), общественно-политические взгляды (Жданова, 2012). Его произведение «Записка о древней и новой России» называют первым опытом ретроспективной и сравнительной политологии в России (Пивоваров, 1991: 12). Нельзя не согласиться с мнением о том, что именно Карамзин является основоположником русского консерватизма (Нуреева, 2013). Русская история для Карамзина является единственной истинной российской конституцией (Холмогоров, 2016). Взгляд ученого на государственную власть не перестает быть в центре внимания и в современное время (Жилинская, 2016; Куприн, 2017; Кузнецов и др., 2019). Однако до сих пор мало изучено значение принципа законности в системе легитимизма Н.М. Карамзина, понимание данного принципа и системы с позиций прошлого и настоящего в связи с продолжающейся дискуссией об истоках и перспективах монархической государственности в России. Не решены подходы к системе престолонаследия в связи с различным толкованием принципа законности в системе легитимизма. Чтобы как-то повлиять на эту дискуссию, мы обратились к истокам, к трудам Н.М. Карамзина, который одним из первых в истории русской юридической мысли теоретически обосновал концептуальные основы русского легитимизма с опорой на принцип законности. В связи с таким пониманием данное исследование является весьма актуальным.

4. Результаты

В истории политической и юридической мысли легитимизм выступал как теория, обосновывающая законность монархических династий и законность власти вообще. Этот вопрос тесно связан с темой престолонаследия. Наиболее древним в нашей истории текстом, обосновывающим легальность и легитимность власти, было «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (Митрополит Илларион, 2011) – можно сказать «теория православного легитимизма». Необходимо также помнить, что легитимизм – это не столько доктрина, сколько достижимая, существующая реальность. В противном случае подтачиваются основы легальности власти. Легитимизм не связан только с порядками престолонаследия, он связан с законностью в строгом понимании как верности основополагающим, неизменяемым, конституирующим, коренным законам. В православии Благодать у митрополита Иллариона не противопоставляется Закону, а является принципом его исполнения (Митрополит Илларион, 2011). Легитимизм как верность Закону. Действие в рамках закона – не меняет его основ, например, введение мorganaticкого брака Александром I в содержание династического законодательства или принятие текста Акта 1797 при Павле I, где данный брак отрицается, являются крайними позициями одного закона, принятого, как утверждал Н.М. Карамзин, с Хартией 1613 г. Таким образом, самовольное заключение браков в нарушение норм о династическом браке выводит лиц из числа претендентов на престол. Если потеряны основы легитимности, то с нею – будущие предпосылки легальности. Не может быть легальной власть нелегитимного монарха или правителя. Вопрос о русском престолонаследии необходимо рассматривать с позиций легитимности и легальности. Действующее династическое законодательство есть основа монархического легитимизма. Легитимный монарх восходит на престол не через выборы, а в соответствии с принципом легитимизма, т.е. в соответствии с Хартией 1613 г. и Актом о престолонаследии 1797 г.

Легитимизм как политический принцип был сформулирован на Венском конгрессе и затем использовался для обоснования законности власти правящих династий, он – главный принцип Священного союза монархов. В.В. Жилинская отмечает, что «благодаря легитимации

государственная власть приобретает признак легитимности. И поскольку власть является посредником между властвующими и подвластными, может произойти ее «девальвация», или, наоборот, «ревальвация», что обусловлено степенью и качеством взаимного исполнения обязательств» (Жилинская, 2016).

Как известно, Н.М. Карамзин был теоретиком русского консерватизма, хотя и продолжал использовать, трактовать идеи государственного права с позиций школы естественного права. Либеральным проектам Н.М. Карамзин противопоставил концепцию «национального государства». Революция в Европе вызвала поворот во взглядах ученого (Пирожкова, 1978: 15). Им предлагалось в раннем периоде осуществлять республиканские идеи через монархическую форму правления. Выступая против планов М.М. Сперанского, связанных с заменой дворянства в управлении на чиновничество, исходил из позиций законности (легитимности). В «Записке о древней и новой России» он выступает за традиционную модель распределения власти. М.М. Сперанский выступал за ограниченную монархию, Н.М. Карамзин – за неограниченное самодержавие, за гарантию законности в виде «личной добродетели монарха», против любого политического и юридического радикализма.

Его правопонимание было связано с поисками модели, типа русского права. Происхождение права он выводил не через римское начало, а через скандинавское. В скандинавском праве, с его точки зрения, четкое отличие от права римского проявлялось в доминировании права обычного, что придавало законодательству национальное, народное значение. С позиций послереволюционного легитимизма он подчеркивает важность Уложения Алексея Михайловича.

Автор «Записки о древней и новой России» выступает против системы разделения властей. Монархия, с его точки зрения, не оставалась одинаковой в истории, а постоянно совершенствовалась, например, от жесткого абсолютизма к просвещенному правлению и пр. В модели Н.М. Карамзина «право без власти – ничто». Дело состоит не только в нравственной основе права, но и в методах его реализации. Деля законы на естественные, положительные и нравственные, историк подчеркивал, что они должны обеспечивать не столько личную свободу, сколько – личную безопасность. Политические и правовые взгляды ученого повлияли на формирование теории официальной народности. Раскрывая свои взгляды, он отстаивал исторические идеалы государства. Сформулировав тезис об «истинном самодержавии», разработал такие правовые категории, как «традиция в законодательстве», «государственное устройство», «коренные законы» и др. Свою концепцию национального (народного) государства он противопоставил либеральным проектам. Н.М. Карамзин был сторонником ограничения самодержавия, но это должно быть со стороны закона. В советское время Ю.М. Лотман обращал внимание на эволюцию взглядов Н.М. Карамзина (Лотман, 1957: 131). Минаева Н.В. называла «Записку о древней и новой России» «Манифестом русского консерватизма» (Минаева, 1982: 77). Историк предлагал реализацию республиканских идей через монархическую форму правления, выступая одновременно за соединение патримониальной модели власти и принципа законности. Законность совместима, с его точки зрения, с любым способом правления. На верховенстве закона основано любое государство. Н.М. Карамзин не вводил никакой другой гарантии соблюдения законов, кроме личной добродетели царя.

Консерватизм Н.М. Карамзина как политико-правовая концепция был направлен против политического радикализма XIX в. Самодержавие в этой концепции легитимизма выступало как коренное начало русского государственного порядка. Даже либералы в России реализовывали свои проекты «сверху», через самодержавие. Автор был не против реформ, а против реформ, недостаточно подготовленных историей. Он соединяет патримониальный подход с принципом законности. Коренные законы должны исходить из единой власти, причем здесь разделение властей. В основе экономического строя должна лежать неприкосновенность собственности. Самодержавие ограничивается просвещенными законами и авторитетом народности. Законность в понимании ученого означала не только практику легитимизма, но и характер происхождения власти и государства. Гарантом соблюдения принципа законности выступает личная добродетель царя.

В самодержавном государстве «государь есть живой закон» (Карамзин, 1991: 102). Почему Н.М. Карамзин выступал против планов ограничения самодержавия? Потому что самодержавие было «итогом своеобразного исторического процесса, которым создавалось российское государство. Ограниченное самодержавие можно рассматривать как переходную форму от государства абсолютного к государству конституционному» (Мамитова, 2001: 33). В неограниченной монархии историк увидел реальный механизм противодействия аристократии, олигархии, демократии, тирании. В России сама власть всегда выступала носителем перемен и фактором прогресса. В глубине национального государства он видел «начала русского права».

В «Записке...» Н.М. Карамзин «высказался как противник парламентаризма даже в самых ограниченных формах» (Азаркин, 1999: 196). Раскрывая гибельность модернизации М.М. Сперанского, «он полагал, что такие люди не желают или не умеют понять место и роль России в мировом историческом процессе. Они не видят положительных черт в традиционном устройстве нашей страны и не способны его вписать в политическую систему новой России» (Асонов, 2016: 219).

Так как народ в 1613 г. восстановил монархию, то она, по его мнению, является народной. Интересно, что в честь данного события в Российской Федерации введен государственный праздник – День народного единства, а сама государственность России в своей символике частично повторяет монархические символы. История как бы снова возвращает нас к осмыслению идеи монархической государственности, ее позитивной роли в истории. Земские соборы, с точки зрения историка, выступали настоящей представительной моделью русского парламентаризма. Неограниченная монархия, таким образом, заключала в себя народность и становилась национальной формой правления.

Н.М. Карамзин утверждает программу «истинного самодержавия». Правовые школы второй половины XIX – начала XX вв. развивали позитивный, социологический, историко-органический критерии в содержании права, подчеркивая его сущность, а не только формальное выражение. Н.М. Карамзин в свое время такую интерпретацию осуществлял с помощью нравственного критерия содержания правовой нормы.

Автор считал, что русское право имеет свои начала, как и римское. Признавал в основании государства – отказ от практики частных договоров между княжеской властью и остальным обществом, полагая изначально заключение единого договора, но преувеличивал влияние скандинавского права на русское в противовес римско-византийскому влиянию.

Трактовка послереволюционного легитимизма Н.М. Карамзина связана с традиционным толкованием «учредительного закона», соответствующего духу Земских соборов, духу общества или общественного договора, духу клятвы верности Романовым. «Россия получила Уложение, скрепленное патриархом, всеми значительными духовными, мирскими чиновниками и выборными городскими. Оно после хартии Михайлова избрания есть донныне важнейший Государственный завет нашего Отечества» (Карамзин, 1991: 94). Следовательно, формой выражения договора и общественного согласия выступает Хартия (Грамота) о законном избрании всей династии Романовых и последующее системное закрепление законодательства, государственного и иного права, в Соборном Уложении. Также здесь прослеживается связь Хартии с национальным государственным законодательством. Н.М. Карамзин формулирует модель «истинной монархии», в которой действует «живой закон», «в монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное» (Карамзин, 1991: 94). Народ в его понимании, спасая страну от поляков, учредил снова правление монархическое, а не республиканское. Таким образом, в основе договора лежит простое согласие народное. Новое возвращение монархии и во Франции лишь укрепляли взгляды ученого. Попытки ограничения самодержавия в его понимании противоречат естественной природе русского права, ведут к беззаконию и безвластию. Так как республиканская форма невозможна по причине падения нравственности, то монархия возможна и существует на том уровне нравственности, на котором республика падает.

Необходимо учитывать то, что Н.М. Карамзин не разграничивал категорий «общество» и «государство». «Если для Н.М. Карамзина сами понятия общества и государства были тождественны, то уже само их разграничение, постановка вопроса об их отношениях появилось у государственной школы» (Медушевский, 1994: 10). Обозначив проблему соотношения свободы и закона, он признавал свободу человека в пределах законов (Калачов, 1866: 7). С его точки зрения, свобода не заключается в одной только демократии, она может сочетаться с иными разновидностями правления, может иметь разные степени и всегда стремится получить защиту от злоупотребления власти. Таким образом, свободу личности и защиту ее прирожденных прав обеспечивает не только демократия: есть демократии, которые, как во Франции, приходят к отрицанию и ниспровержению свободы. Получается: при монархии было лучше, чем стало при республике. Самодержавие в его понимании есть противодействие радикализму и деспотии, которые и собственных законов не соблюдают. Его «История государства Российского» (Карамзин, 2010) также являлась попыткой выяснения отношения к Европе. В наследственном характере власти ученый видел гарантию от безвластия.

Свои правовые взгляды он наиболее системно выразил в концепции «истинной монархии», которая строится на нравственном и традиционном праве: личных добродетелях, совести монарха и народных традициях. Немецкая историческая школа утверждала, что «дух народа выражается в праве народа». Н.М. Карамзин считал, что «дух народа определяет границы самовластия монарха», самодержавие ограничивается авторитетом народности. Потеря связи с народностью ведет к перерождению самодержавия в тиранию или деспотию.

«История государства Российского» Н.М. Карамзина послужила источником построения национальной политической теории и определения юридической модели взаимоотношений народа и государя. М.М. Сперанскому впоследствии также пришлось реализовывать доктрину, у истоков которой стоял Н.М. Карамзин. Обосновав правомерность происхождения власти в факте призвания Рюрика, он обосновал призвание Романовых, Хартия избрания которых приравнивается к началу конституционного правления. Аналогичные законы в современной Великобритании, начиная с Хартии вольностей, Акта о престолонаследии и др., составляют основу конституционализма и являются основой английской неписаной конституции. «Не требую ни конституции, ни представителей, но по чувствам остаюсь республиканцем и верным подданным царя русского:

вот противоречие, но только мнимое» (Письма Н.М. Карамзина, 1886: 248-249). Республиканец Н.М. Карамзин отрицает и традиционную конституцию, представительство, республику, оставаясь приверженным свободе в монархическом понимании, считая самодержавие коренным началом русского государственного современного порядка.

Понятие государственного устройства связывается в данной модели с понятием «коренные законы». В самом призвании Рюрика Н.М. Карамзин видит отказ от правления народного в пользу единовластия. Истинное самодержавие основано на силе права: естественного и положительного. При выборе между политической свободой и безопасностью историк выбирает безопасность. Для доказательства русских начал в праве он вводит понятие «народный дух» – ту категорию, которой будет оперировать немецкая историческая школа права и русская государственная (юридическая) школа XIX в. Н.М. Карамзин обосновывал солидаристскую модель русского бесконфликтного общества.

Норманская теория была для него удобной формой обоснования наличия начал русского права. В его понимании славяне сами уничтожили демократическое правление, истинная монархия возникла из начал русского права. Истинная монархия в его понимании основана на законе, монархия сочетается с конституционализмом, с системой основополагающих неизменяемых законов. Теория естественного права Н.М. Карамзина отрицала крайности либерализма и революционности, обосновывала необходимость согласия, традиционного конституционализма в современном понимании в противовес конституционализму либеральному.

Таким образом, принцип законности в данной модели становится отражением всей системы легитимизма. Н.М. Карамзин обосновывает роль законов в самодержавном государстве. Ограничение монархии допустимо только в форме законов. Законная монархия сама себя ограничивает законами, а не учреждениями. Его принцип состоял в том, что право без власти – ничто. Верховенство закона раскрывалось через принципы деятельности самодержавной власти: власть держится сама, власть суверенная, она основана на естественноисторическом праве, поддерживается авторитетом народности и православия, если необходимо – сама себя ограничивает законом. Система законности строилась на Хартии призвания Романовых и Соборном Уложении.

Легитимизм в его понимании – идеология объединения нации, в основе легитимизма лежит неизменность установленного порядка, который основывается на праве естественном. Примеры данной модели легитимизма в современный период встречаются в странах с монархической формой правления. Н.М. Карамзин выразил подобные взгляды в начале XIX в. По его мнению, законы и законность выступают противовесом злоупотреблению власти и подразделяются на естественные, положительные и нравственные. Законодательная воля царя ограничивается его добродетелью, исполнительная воля царя ограничивается законом.

Правовая традиция – основной источник в монархическом государственном праве. Воля народа на Соборе 1613 г. стала источником права, «избирательным плебисцитом», которому сам народ придал значение на последующих соборах и узаконил в силу правовой традиции. Законы в свою очередь позволяют избежать деформации монархического правления. Соединяя реальное право и идеальное право, он создает концепцию коренных законов, которые узаконивают порядок на многие времена, навсегда даруемые. Коренные законы близки пониманию конституционных законов. Учредительный и долговременный характер таких законов является основной нормой, все остальные законы строятся с учетом основных. Хартия и Уложение являются основополагающей нормой. Позже в Российской империи подобные законы именовались Основными государственными законами. Император Николай II утвердил в 1906 г. их новую редакцию. Ранее эти законы были кодифицированы под началом М.М. Сперанского (1832 г.), а вступили в силу Манифестом об их введении в действие императора Николая I. Но отличие редакции 1906 г. состояло, прежде всего, во введении парламента и различных гражданских свобод. Без мнения Государственного совета и Государственной думы законы не принимались; окончательное слово в принятии или отклонении закона оставалось за императором. Пересмотр положений Основных государственных законов без воли императора был невозможен. Император мог издавать указы, имеющие силу закона, но они имели силу лишь до следующего заседания парламента, который обязан был данный акт рассмотреть; Основные государственные законы при этом единолично монархом не изменялись.

В отличие от М.М. Сперанского, отношение к законности Н.М. Карамзина отражало характер первоначальной, а не делегированной власти. Постепенно верховная власть давала народу просветительские законы, «непременные законы». План М.М. Сперанского вел к конституционной монархии западного образца, план Н.М. Карамзина сохранял существующую самодержавную модель, строя ее на фундаменте законной монархии, которая сама себя ограничивает законом и в силу этого является монархией не абсолютной, а ограниченной – только законами, а не учреждениями. Но на практике победила модель М.М. Сперанского, кодификация под его началом в какой-то степени подготовила принятие новой редакции основных государственных законов в 1906 г. Но нельзя сказать, что Карамзин Н.М. «проиграл»: его «Записка...» заложила основы легитимизма как политико-правового учения.

Определение законного типа правления было взаимоувязано им с реализацией коренных законов, неизменяемый характер которых придавал политическому режиму характер конституционного, легитимного режима. Легитимность, с точки зрения Н.М. Карамзина, всегда обеспечивают не новые учреждения, а новые люди, которые действуют в рамках законности. Нравственные законы являются у него составной частью «коренных законов». Основной задачей государства ученый считал всестороннюю разработку основ законодательства, а не познаний в римском праве. Считая полезным не декларации о свободах, а конкретную прагматичную пользу в праве, он выступает сторонником свободы в пределах закона.

Н.В. Минаева считает, что «сочетание принципа монархического правления с «коренными законами» близко к системе западного легитимизма» (Минаева, 1982: 133).

Идея неограниченной власти и неизменяемого коренного закона сливаются. Отношение Н.М. Карамзина к законности отражало его взгляды на форму правления, он прослеживал в истории изменение формы государства под влиянием изменения законов. Таким образом, можно менять характер власти, изменяя содержание законов. Границы власти государя очерчены коренными законами, и государь не вправе преступать границ власти. Самодержец не может изменить и коренные законы. Но и само право без власти – ничто. Ослабление верховной власти ведет к ослаблению закона, легитимности и уничтожению самих прав, так как их уже некому гарантировать.

Н.М. Карамзин считал, что коренные законы должны быть трудноизменяемыми, основополагающими. Никто, кроме монарха, в государстве не может обеспечивать абсолютную неприкосновенность закона. Такая получилась «русская модель легитимизма». Он приходит к выводу о невозможности в России легитимизма западного образца.

Любое ограничение самодержавной власти Н.М. Карамзин считал не только противозаконным, но и безнравственным. В то время категория «нравственность» являлась определяющей в содержании государства и права. По ст. 47 Основных законов власть в России подчинялась ею же изданным законам, в отличие от других стран. Итак, действие принципа законности в самодержавном государстве было обосновано ученым и с точки зрения истории русского законодательства, и с точки зрения легитимизма западного образца. Он придал понятию закона в самодержавном государстве характер общеобязательной основополагающей нормативности и определенности.

Н. Калачов называет Н.М. Карамзина юристом, так как он «объяснил многие источники русского права, говорил о высоком значении законов и правосудия для государства» (Калачов, 1886: 1). Н. Калачов высоко оценил то, что Н.М. Карамзин первым познакомил общество с Русской Правдой на основе Синодальной Кормчей XIII в., с жалованными грамотами, государственными договорами, что ученый выступил сторонником единого законодательства для всех частей страны.

Н.М. Карамзин проводил мысль о «разумном государе», управляющем на основе «коренных законов». Представительное правление им связывалось в поздний период лишь с олигархическими тенденциями (Минаева, 1982: 91). Идее представительного правления Н.М. Карамзин противопоставил идею закона. Отрицая идеи реформы государственных учреждений, он не отрицал идеи совершенствования законодательства. Вместо прагматического кодекса предлагал создать «полную сводную книгу российских законов или указов по всем частям судным, согласив противоречия и заменив лишнее нужным, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложение царя Алексея Михайловича, и на Морской устав» (Карамзин, 1991: 94). Систематическое предложение Н.М. Карамзина также состояло в том, что «русское право так же имеет свои начала, как и римское, – определите их, и вы дадите нам систему законов. Сие последнее действие назову систематическим предложением» (Карамзин, 1991: 94). Кстати, необходимо учитывать, что в византийской традиции законотворчества решающее значение придавалось составлению кодификаций.

Н.М. Карамзин в отличие от М.М. Сперанского (Сперанский, 1905) был против понятия «права человека», отстаивая необходимость «права сословия». М.М. Сперанский включал постепенно элементы права буржуазного в право феодальное, тем самым разрушая его. Против подобной эволюции законодательства выступил Н.М. Карамзин. Вместо прагматического законодательства – систематическое предложение состояло в правовом монизме; начала законодательства, не совместимые с коренными законами, должны отвергаться. Н.Л. Рубинштейн в «Русской историографии» отмечал, что историческому видению Карамзина присущи «исторический национализм, идеал консервативной традиции, противопоставляемый буржуазной революционности Западной Европы» (Рубинштейн, 1941: 180).

Н.М. Карамзин был против принятия закона, ограничивающего власть учреждением, т.е. против конституции западного, например, французского, образца. Являясь свидетелем ужасов революции, находясь в якобинском парламенте и слушая речи М. Робеспьера, Н.М. Карамзин понимает, к чему идея ограничения власти монарха учреждением может привести – к постепенному уничтожению самой монархии. «Записка о древней и новой России» 1811 г. выражала явную альтернативу буржуазному парламентаризму. Столкнулось два понимания легитимности: буржуазной легитимности, основанной на признании личности и ее прав, и легитимности

традиционной, основанной на правах сословий, которые находятся на службе у государства, включая дворянство. Нельзя говорить только о прикреплении крестьян к своей службе, все сословия прикреплены к государевым службам. По мере построения этих служб государство предоставляет и права сословиям. Эта концепция ярко выразилась в позиции русской государственной (юридической) школы второй половины XIX в. С точки зрения ученого, самодержавие не является застывшей системой, а постоянно эволюционирует, меняет свое содержание в соответствии с принципом строгой законности.

Идеи легитимизма Н.М. Карамзина развивали традиционный подход, характерный для консерватизма. Автор идеи не выступал ни против свободы, ни против справедливости, но он считал, что права сословий должны гарантировать действующие законы и действующий государственный аппарат. Если речь идет о свержении того и другого, то это путь против закона. Если власть сама с себя «снимает» права, насколько она правомерно поступает, не противоречит ли ее действия коренным законам. Не так ли развивались события вплоть до крушения СССР, когда высшее руководство во имя ценностей гражданской свободы и нравственности провозглашало отказ от действующей системы учреждений и законов, тем самым лишая каждый раз себя легитимности. И если бы система была прочна, ни одно высшее лицо не смогло бы противодействовать ей. Насколько правомерно действует высшее должностное лицо, которое выражает легитимность и легальность, сама с себя ее «снимает». Высшее лицо в государстве должно само подчиняться законам, ими ограничиваться. Наверное, Н.М. Карамзин во многом предугадал, что может произойти при отходе от действия коренных, основополагающих законов и принципа легитимности.

Современное монархическое движение представлено и легитимистами, к которым обычно относят тех, кто принадлежит к линии династии Романовых, императора Кирилла I, некоторые считают вполне «легитимной» личность великой княгини Марии Владимировны, другие полностью отрицают ее легитимность. Сторонники восстановления прав Учредительного собрания и Земского собора отвергают легитимность великого князя Кирилла I, его потомков, считая, что в новых условиях должно происходить избрание на Земском соборе. Независимо от того, есть ли перспективы у монархической государственности в России, суть легитимизма от этого не меняется, тем более что легитимность может быть как монархической, так и республиканской.

5. Заключение

В какой-то степени «Записку...» Н.М. Карамзина можно назвать началом политического и юридического обоснования монархической власти. Политический консерватизм своей теории автор сформулировал в традиционном понимании как верность коренным законам и истиной монархии.

Монархическая государственность снова в центре обсуждения, общественной дискуссии, что связано трагическим разрывом 1917 г., с вопросами осмысления личности Николая II, той России, которую мы потеряли, тем более что не состоялось Учредительное собрание, которое должно было решить вопрос о власти. Иногда и в нашем обществе делаются предложения о проведении подобного собрания. Возможно, называться оно будет по-другому. Например, в действующей Конституции РФ заложен механизм Конституционного Собрания для изменения всей Конституции или гл. 1, 2, 9. Но проблема нашей государственности, основанной на данном учредительном законе, состоит в том, что с 1993 г. федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании так и не был принят, хотя все детализирующие законы в соответствии с Конституцией РФ должны быть приняты. Таким образом, на новом этапе истории мы снова не можем провести теперь уже Конституционное Собрание, а главное, непонятно – по каким причинам. Подобный форум и должен решать, очевидно, вопросы о характере власти, основном законе, о поправках в основной закон, которые уже сейчас в наше время предлагаются, и легитимизме в целом. Проблемы легитимизма, поставленные Н.М. Карамзиным и оформленные им в целостную теорию, снова «сами озвучивают себя в истории», сама история их снова выдвигает на первый план.

Литература

- Азаркин, 1999 – Азаркин Н.М. История юридической мысли России. Курс лекций. М.: Юрид. лит., 1999. 528 с.
- Асонов, 2016 – Асонов Н.В. Н.М. Карамзин и его вклад в консервативное обновление России // *Власть*. 2016. № 11. С. 219-222.
- Жданова, 2012 – Жданова О.В. Общественно-политические взгляды Н.М. Карамзина // *Юридическая наука*. 2012. № 2. С. 108-110.
- Жилинская, 2016 – Жилинская В.С. Легитимность государственной власти: теория и реальность // *Lex Russia*. 2016. № 9 (118). С. 27-36.
- Калачов, 1866 – Калачов Н.О. О значении Карамзина в истории русского законодательства. М., 1866. 23 с.
- Карамзин, 2010 – Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Астрель, 2010. 920 с.
- Карамзин, 1991 – Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. 127 с.

Кузнецов и др., 2019 – Кузнецов О.В., Лотарев К.А., Тараканов В.В. М.М. Сперанский и Н.М. Карамзин: два пути цивилизационного развития России или спор о рациональной системе государственного управления? // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* 2019. Т. 24. № 5. С. 86-99.

Куприн, 2017 – Куприн Л.Ю. Был ли Карамзин консерватором? Консервативно-монархическая концепция Н.М. Карамзина в современной историографии // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки.* 2017. Т. 19. № 3. С. 81-88.

Лотман, 1957 – Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // *Ученые записки Тартуского государственного университета.* Тарту, 1957. Вып. 51. С. 3-32.

Мамитова, 2001 – Мамитова Н.В. Либеральные концепции конституционного государства в России конца XIX–XX веков. М.: Моск. гос. ун-т коммерции, 2001. 127 с.

Медушевский, 1994 – Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1994. 300 с.

Минаева, 1982 – Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение в России в н. XIX в. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1982. 290 с.

Митрополит Илларион, 2011 – Митрополит Илларион. Слово о Законе и Благодати / Предисл. митрополита Иоанна (Снычева) / Сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской. Комментар. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 176 с.

Нуреева, 2013 – Нуреева С.В. Н.М. Карамзин – основоположник русского консерватизма // *История государства и права.* 2012. № 1. С. 39-45.

Пивоваров, 1991 – Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. С. 3-15.

Пирожкова, 1978 – Пирожкова Т.Ф. Н.М. Карамзин – издатель «Московского журнала» (1791–1792): Лекции. М.: Издательство Московского университета, 1978. 55 с.

Письма Н.М. Карамзина, 1886 – Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб: Издание II-го Отделения Императорской Академии наук, 1866. 730 с.

Рубинштейн, 1941 – Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., Госполитиздат, 1941. 642 с.

Сперанский, 1905 – Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.): С прил. М.: Русская мысль, 1905. 359 с.

Холмогоров, 2016 – Холмогоров Е.С. Конституция старого народа. Историко-политическая концепция Карамзина // *Тетради по консерватизму.* 2016. № 4. С. 96-108.

References

Asonov, 2016 – Asonov N.V. (2016). N.M. Karamzin i ego vklad v konservativnoe obnovlenie Rossii [Karamzin and his contribution to the conservative renewal of Russia]. *Vlast'*. № 11, pp. 219-222. [in Russian]

Azarkin, 1999 – Azarkin N.M. (1999). Istoriya yuridicheskoi mysli Rossii. Kurs lektzii [History of legal thought in Russia. Lecture course]. М.: Yurid. lit., 528 p. [in Russian]

Kalachov, 1866 – Kalachov N.O. (1866). O znachenii Karamzina v istorii russkogo zakonodatelstva [On the significance of Karamzin in the history of Russian legislation]. Moscow, 23 p. [in Russian]

Karamzin, 1991 – Karamzin N.M. (1991). Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. М.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 127 p. [in Russian]

Karamzin, 2010 – Karamzin N.M. (2010). Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo [History of Russian Government]. М.: Astrel', 920 p. [in Russian]

Kholmogorov, 2016 – Kholmogorov E.S. (2016). Konstitutsiya starogo naroda. Istoriko-politicheskaya kontseptsiya Karamzina [Constitution of the old people. The historical and political concept of Karamzin]. *Tetrady po konservatizmu.* № 4, pp. 96-108. [in Russian]

Kuprin, 2017 – Kuprin L.Yu. (2017). Byl li Karamzin konservatorom? Konservativno-monarkhicheskaya kontseptsiya N.M. Karamzina v sovremennoi istoriografii. [Was Karamzin a conservative? Conservative Monarchist Concept N.M. Karamzin in modern historiography]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki.* Т. 19, №3, pp. 81-88. [in Russian]

Kuznetsov i dr., 2019 – Kuznetsov O.V., Lotarev K.A., Tarakanov V.V. (2019). М.М. Сперанский и Н.М. Карамзин: два пути цивилизационного развития России или спор о рациональной системе государственного управления? [Speransky and N.M. Karamzin: two ways of civilizational development of Russia or a debate about a rational system of government?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* Т. 24, № 5, pp. 86-99. [in Russian]

Lotman, 1957 – *Lotman Yu.M.* (1957). Evolyutsiya mirovozzreniya Karamzina (1789–1803) [The evolution of the worldview of Karamzin (1789–1803)]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tartu. Vyp. 51, pp. 3-32. [in Russian]

Mamitova, 2001 – *Mamitova, N.V.* (2001). Liberal'nye kontseptsii konstitutsionnogo gosudarstva v Rossii kontsa XIX – XX vekov [Liberal concepts of the constitutional state in Russia of the late XIX – XX centuries]. M.: Mosk. gos. un-t kommertsii, 127 p. [in Russian]

Medushevskii, 1994 – *Medushevskii A.N.* (1994). Utverzhdenie absolyutizma v Rossii. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie [The statement of absolutism in Russia. Comparative historical research]. M.: Tekst, 300 p. [in Russian]

Minaeva, 1982 – *Minaeva N.V.* (1982). Pravitel'stvennyi konstitutsionalizm i peredovoe obshchestvennoe mnenie v Rossii v n. 19 v. [Government constitutionalism and advanced public opinion in Russia in n. 19 century]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 290 p. [in Russian]

Mitropolit Ilarion, 2011 – Mitropolit Ilarion (2011). Slovo o Zakone i Blagodati [Word of Law and Grace]. Predisl. mitropolita Ioanna (Snycheva). Sost., vstup. st., per. V. Ya. Deryagina. Rekonstr. drevnerus. teksta L. P. Zhukovskoi. Komment. V. Ya. Deryagina, A. K. Svetozarskogo. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 176 p. [in Russian]

Nureeva, 2013 – *Nureeva S.V.* (2012). N.M. Karamzin – osnovopolozhnik russkogo konservatizma [N.M. Karamzin – the founder of Russian conservatism]. *Istoriya gosudarstva i prava*. № 1, pp. 39-45. [in Russian]

Pirozhkova, 1978 – *Pirozhkova T.F.* (1978). N.M. Karamzin – izdatel' «Moskovskogo zhurnala» (1791–1792): leksii [Karamzin – publisher of the Moscow Journal (1791–1792): lectures]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 55 p. [in Russian]

Pis'ma N.M. Karamzina, 1886 – Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu [Letters of N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev, 1866]. SPb: izdanie II-go Otdeleniya Imperatorskoi Akademii nauk, 1866. 730 p. [in Russian]

Pivovarov, 1991 – *Pivovarov Yu.S.* (1991). Vremya Karamzina i «Zapiska o drevnei i novoi Rossii». [Karamzin's Time and "Note on Ancient and New Russia"]. Karamzin N.M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh. M: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. pp. 3-15. [in Russian]

Rubinshtein, 1941 – *Rubinshtein N.L.* (1941). [Russian historiography]. *Russkaya istoriografiya*. M., Gospolitizdat. 642 p. [in Russian]

Speransky, 1905 – *Speransky M.M.* (1905). Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo: (Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.): S pril [The plan of state transformation of Count M.M. Speransky: (Introduction to the Code of State Laws of 1809): With adj]. M.: Russkaya mysl'. 359 p. [in Russian]

Zhdanova, 2012 – *Zhdanova O.V.* (2016). Obshchestvenno-politicheskie vzglyady N.M. Karamzina [Socio-political views of N.M. Karamzin]. *Law science*, 2012, № 2, pp. 108-110. [in Russian]

Zhilinskaya, 2016 – *Zhilinskaya V.S.* (2016). Legitimnost' gosudarstvennoi vlasti: teoriya i real'nost' [The legitimacy of state power: theory and reality]. *Lex Russia*. №9(118), pp. 27-36. [in Russian]

Значение принципа законности в системе легитимизма Н.М. Карамзина

Сергей Алексеевич Правкин ^{a, *}, Вера Владимировна Смирнова ^a,
Розалина Васильевна Шагиева ^b, Мария Алексеевна Хватова ^c

^a Российский университет транспорта, Российская Федерация

^b Государственный университет управления, Российская Федерация

^c Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе политико-правовой платформы Н.М. Карамзина, стоявшего у истоков русского консерватизма, рассматриваются проблемы легитимизма, легитимности и легальности, легитимации власти применительно к периоду монархического правления. Система легитимизма представляла собой в истории не только историческое право власти в решении вопросов государства и отстаивания суверенитета, национальных границ, обоснования законности династической власти, но и законности власти вообще. Проведенный авторами анализ взглядов Н.М. Карамзина затрагивает отдельные аспекты монархической легитимации. Самодержавие концепции легитимизма выступает как коренное начало русского государственного порядка. Историк предлагал реализацию республиканских идей через монархическую форму правления, выступая одновременно за соединение патримониальной модели власти и принципа законности. С точки

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pravkin@bk.ru (С.А. Правкин), veryvera@list.ru (В.В. Смирнова), shagsas@mail.ru (Р.В. Шагиева), Xvatovama@rambler.ru (М.А. Хватова)

зрения Н.М. Карамзина, законность совместима с любым способом правления. На верховенстве закона основано любое государство. Попытки ограничения самодержавия в его понимании противоречат естественной природе русского права, ведут к беззаконию и безвластию. Он признавал свободу человека в пределах законов. Легитимизм Н.М. Карамзин рассматривал в традиционном понимании как верность коренным законам и истиной монархии. Авторами сделан вывод о том, что позицию Н.М. Карамзина можно назвать политическим и юридическим обоснованием монархической власти. Его взгляды явились точкой отсчета для последующих дискуссий, посвященных отдельным подходам к понятию легитимности. Основным источником публикации явилась работа Н.М. Карамзина «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях».

Ключевые слова: власть, легитимизм, легальность, легитимность, политико-правовая мысль, конституционализм, радикализм, консерватизм, законная монархия, истинное самодержавие, закон.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 77-87. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.77
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Influence of an External Factor on the Polish Politics of Alexander I

Mikhail S. Belousov ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This article discusses one of the aspects of the ethno-confessional policy of the Russian autocracy, namely the process of incorporating the Kingdom of Poland into the Russian Empire. The historiographical review shows the main vector of the genesis of Russian historiography on this issue: from the pre-revolutionary period, there is an opinion about the Polish Constitution as one of the projects in the series of constitutional intentions of Emperor Alexander I. The article attempts to propose a different interpretation of this phenomenon. The importance of the press and public opinion in the political life of Europe in the period after the Napoleonic Wars is noted. It is shown that Alexander I after the Vienna Congress was at the zenith of fame, and hence his next steps on the Polish question are explained by the desire to continue to maintain the status of the European monarch on the Russian throne. At the same time, the emperor's famous Warsaw speech was received very coolly by publicists. At the same time, a series of events begins in Europe, and the articulations of Russian diplomats actualize the chimera of the threat to the monarchies from the global conspiracy of secret societies – it was this myth that led to the curtailment of the emperor's liberal undertakings.

Keywords: Russia, Poland, Alexander I, national politics, center, region, constitution, monarchy, French press.

1. Введение

Предлагаемая статья посвящена польской политике Александра I после Венского конгресса. Сюжет этот достаточно подробно изучен как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Другое дело, что, как нам представляется, изучен достаточно однобоко. Политика в Царстве Польском интуитивно вписывается исследователями в логику внутренних преобразований императора в целом. Польская конституция воспринимается в череде многочисленных проектов, созданных по поручению российского императора. А консервативный поворот 1820-х соотносится с усилением реакции в конце царствования. Представляется, что наряду с внутренними причинами подобных действий следует обратить внимание и на внешние факторы деятельности российского самодержавия в недавно присоединенном регионе.

2. Материалы и методы

Рабочая гипотеза настоящей статьи связана с предположением, что Александр I, реализуя мероприятия польской политики, в определенный период ориентировался на реакцию Запада, выраженную в первую очередь в газетных публикациях. Отсюда основным источником данного исследования стали французские периодические издания, которые формировали реакцию на различные новости не только Франции, но и всей Европы. Прежде всего речь идет о двух самых растиражированных французских газетах, доступных всей Европе, – *Le Journal des Débats* и *Le Constitutionnel*. Обе обладали достаточно четкой идеологической ориентацией. Первая являлась

* Corresponding author

E-mail addresses: m.belousov@spbu.ru (M.S. Belousov)

роялистским изданием, поддерживающим деятельность Ф.-Р. Шатобриана, а вторая была наполнена либеральной публицистикой (Ангран, 1952: 98-116). При этом, помимо собственных источников, редакции газет активно черпали информацию из европейской периодики в целом. Заметки публиковались или перепечатывались из других источников практически без комментариев, согласно французским традициям публичной коммуникации. Однако благодаря использованию тех или иных форм прилагательных удается предположить отношение редакции к публикуемым новостям.

Методологически исследование выполнено в духе кейс-стади, так как именно эта методология активно применяется в новейшей историографии при исследовании этноконфессиональной политики властей на национальных окраинах: в Прибалтике, Финляндии, на Украине, в Средней Азии и т.д. Польский вопрос с момента первого раздела Речи Посполитой также не терял своей актуальности – периоды достаточно эффективной политики российских властей перемежались с провальными этапами.

Особенность источниковой базы данного исследования потребовала обратиться и к приемам контент-анализа и дискурс-анализа для выявления особенностей отражения политики самодержавия в польском вопросе.

3. Обсуждение

Рассматриваемый сюжет имеет достаточно богатую историографию. К этой проблематике обращались как отечественные, так и зарубежные авторы. Среди последних следует отметить интересные работы о «возрождении» польского вопроса в эру наполеоновских войн (Zawadzki, 1985: 19-44), о взаимоотношениях Александра I с его ближайшими сподвижниками и их влиянии на формирование позиции императора (Black, 1981: 1-19; Morley, 1947: 405-426; Thackeray, 1983: 32-46), об отражении этого сюжета в движении декабристов (Blackwell, 1958: 30-54; Walker, 1970: 43-54) и, конечно же, об особенностях управления вновь присоединенной территорией (Ledonne, 2003: 5-33; Strakhovsky, 1941: 467-492).

Данная проблематика в отечественной историографии еще в дореволюционный период приобрела определенный вектор развития. А.Н. Пыпин в одном ряду перечислял воззвание к германским народам 1813 г., настойчивое требование создать хартию для Франции, дарование польской конституции и варшавскую речь Александра I (Пыпин, 1885: 356-358). Все эти шаги, интерпретируемые как звенья всплеска правительственного либерализма, А.Н. Пыпин рассматривал параллельно с анализом причин возникновения первых декабристских организаций. Получилась достаточно стройная и логичная картина: Заграничный поход изменил и власть, и общество, император стал инициатором либеральных преобразований, а молодые люди (будущие декабристы), движимые теми же мотивами, заразились мечтаниями о конституционных преобразованиях России.

Эта точка зрения получает развитие в творчестве Г.В. Вернадского, и прежде всего в его фундаментальном исследовании, посвященном Государственной уставной грамоте. В вводной части работы историк утверждает: она «не была случайным или малообдуманным наброском политической реформы. Грамота, наоборот, занимает определенное место в развитии всей политической системы императора Александра» (Вернадский, 1925: 1). Далее предлагается панорамный обзор правительственных конституционных инициатив первой четверти XIX в. – Грамоты Российскому народу А.Р. Воронцова, проекта М.М. Сперанского, записки А. Чарторыйского... Именно взгляды последнего, по мнению Г.В. Вернадского, и стремление к конституционному переустройству славянского мира предопределили цели русско-турецкой войны. С похожими принципами российская дипломатия действовала в заключительный период наполеоновских войн, логичным итогом чего стало появление Польской конституции. Ее создание актуализировало вопрос о передаче в состав Царства польского западных губерний, отмену там крепостного права, а венцом стала разработка общероссийского проекта – Государственной уставной грамоты. Таким образом, Г.В. Вернадский считал, что именно конституционные устремления Александра I были главным двигателем его внешней политики, при этом все эти инициативы являлись не случайными, а одна интенция происходила из предшествующей.

Пожую точку зрения обозначил С.В. Мироненко. Историк показывает, что судьба герцогства Варшавского была предрешена, что Александр I отправлялся на Венский конгресс с твердым намерением добиться включения всей Польши в состав России и дипломатически закрепить обязанность ее конституционного устройства. Эта позиция встретила противодействие как со стороны европейских дипломатов (Каслри и Штейна), так и со стороны российских представителей – прежде всего Поццо ди Борго (Мироненко, 1989: 148). В скобках отметим, что подобный взгляд практически идентичен оценке одного из современников – Н.И. Тургенева (Тургенев, 2001). Затем, опираясь на воспоминания М. Огинского, а именно на эпизод встречи последнего с Александром I, историк делает вывод: «...мысль о распространении впоследствии конституционных норм, вводимых в Царстве Польском, на всю Российскую империю была у Александра еще в 1815 г. Польская конституционная хартия была лишь прелюдией» (Мироненко, 1989: 154).

Получается следующая картина: Александр I под влиянием Чарторыйского проникся полонофилией, с этим убеждением он настойчиво добивался включения Польши в состав России на Венском конгрессе, и при этом Царство Польское стало великолепной площадкой для

конституционного эксперимента, который планировалось затем распространить на всю Российскую империю. Похожую логику повторяет М.П. Рей, отмечая, что «независимая, связанная с Российской империей лишь династическими узлами <Польша> лучше справилась бы с ролью “культурной посредницы”» (Рей, 2013: 343). Таким образом, мы видим еще аргумент в пользу того, что присоединение Польши и вся политика, проводимая в ней в начальный период, имели исключительно внутренние предпосылки: император искал плацдарм для апробации конституционных идей, увлеченный модернизацией России, а кроме того, подходящая для этого Польша, в отличие от Финляндии, могла послужить каналом вестернизации России.

Наверное, можно было бы согласиться с укоренившейся в историографии еще с дореволюционного периода точкой зрения. Но в таком случае мы должны были бы принять как аксиому тезис о том, что в России все государственные реформы проводятся четко и последовательно по заранее сформулированному плану, а во главе государства стоят люди, лишённые страстей, олицетворяющие собой персонализированную технократию. И что самое парадоксальное: эту аксиому необходимо сгладить с утверждением, что юношеские идеалы и влияние «молодого друга» могут на десятилетия определить политику целой империи. К сожалению (или к счастью), это совсем не так. Поэтому предпримем попытку предложить иную интерпретацию логики Александровской политики в польском вопросе.

4. Результаты

В 1799 г. начинается новая эпоха в истории российской дипломатии. Ф.Ф. Ушаков в ходе Средиземноморского похода освобождает Ионические острова от французского владычества. Победа ставит его в необычное положение: адмирал должен организовать систему управления освобожденными территориями, которая обеспечила бы реализацию российских интересов и была бы достаточно жизнеспособна. Начинается разработка так называемого «Плана об учреждении правления...», который в дальнейшем становится Конституцией Семи Островов. Как мастерски показала А.М. Станиславская, «необходимость обеспечить во время войны опорный пункт в Восточном Средиземноморье закономерно вела Ушакова к мысли о создании на островах конституционного режима» (Станиславская, 1983: 149). А далее историк отмечает, что «на то царизм толкала не добрая воля, а неотвратимая сила вещей» (Станиславская, 1983: 151).

Как показал уже современный исследователь В.Ю. Захаров, «попытка была признана весьма успешной, так как в ходе реализации этого проекта удалось значительно усилить влияние России в регионе и заручиться поддержкой не только военных средств» (Захаров, 2010: 45). В ряде статей (Захаров, 2005: 26-38; Захаров, 2006: 94-107) историк демонстрирует, что конституционная дипломатия становится привычным модулем деятельности в локальных конфликтах. Александр I требовал создания французской Хартии, руководствуясь не своими либеральными взглядами, а прежде всего практическими принципами – необходимостью укрепить власть вернувшихся Бурбонов, с одной стороны, и обеспечить пророссийские настроения во Франции – с другой.

В контексте польского сюжета следует обратить внимание на один важный факт. Александр I добился включения в «Дружественный трактат» и в Заключительный акт Венского конгресса следующей статьи: «поляки, подданные высоких договаривающихся сторон, будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них в кругу его владений» (Конституционная хартия, 1907: 19). Таким образом, российский император стремился к тому, чтобы все польские земли, вне зависимости от их принадлежности, получили бы конституционное правление. То есть Александр I считал жизненно важным подобную организацию власти в том числе и на тех землях, которые войдут в состав Австрии и Пруссии. Этот факт разрушает логику господствующей в историографии точки зрения и свидетельствует, что стремление создать представительные режимы было связано исключительно с необходимостью сформировать максимально лояльные режимы для каждой из держав. Таким образом, Александр I руководствовался прежде всего геополитическими интересами, а не идеей использовать Польшу как площадку для конституционных экспериментов.

Но здесь нужно сказать еще об одном обстоятельстве. Великая французская революция разрушила привычный миропорядок и понимание реальности. Возникновение и широкое распространение новых способов коммуникации в обществе приводят к разрушению гегемонии государства в формировании информационного поля, моделей мышления и поведения. Главенствующую роль в этом играют средства массовой информации: публицисты, вслед за Ж.-П. Маратом, становятся ключевыми акторами политического процесса. Возникновение печатных изданий позволило перенести в общественное пространство дискуссии, прежде происходившие исключительно внутри государственных институтов и представителей политической элиты. Средства массовой информации, являясь трансляторами различных идей и моделей мышления, становятся создателями совершенно новых идеологий, которые, переплетаясь друг с другом, формируют новые и новые субъективные представления о реальности.

Наполеон, сопротивляясь духу времени, пытался превратить французские газеты в «носовые платки» (Тарле, 1996), но уже после подписания первого Парижского мира начинается возрождение французской публицистики. В самый начальный период, безусловно, всех будоражили события Венского конгресса. Собирались и слухи, и официальные заявления. Касательно Польши звучали самые разные мнения, но, как можно заметить по тону публикаций, большинство выступало за сохранение за поляками какой-либо формы государственности. В связи с чем информация, полученная из достоверных источников, о том, что Россия, Пруссия и Австрия нашли компромисс по польскому вопросу, вызвала однозначное одобрение: подчеркивалось, что это полностью совпадало с национальными интересами Польши (Journal..., 1815a). Новость о принятии итогового решения по Польше вызвало всеобщее ликование, несмотря на то что отдельные вопросы (в частности, об установлении точных границ) еще не были решены (Journal..., 1815c).

При этом, невзирая на позитивный тон подачи, роялистская пресса высказывала определенные сомнения в легитимности новой власти. Венский конгресс, и все с ним связанное, вызывал крайне негативную реакцию как со стороны бонапартистов, так и со стороны роялистов. Последними ставилось под сомнение право великих держав вопреки всем устоям и традициям перекраивать карту Европы. Присоединение Польши к России путем дуалистической монархии воспринималось негативно, поскольку Александр I не имел наследственных прав на польскую корону, а также не был даже избран, как многие короли Речи Посполитой (Journal..., 1815d).

Александр I оказался в самом эпицентре этого медиапотока и, конечно же, стремился заручиться симпатией общественного мнения. Показателен эпизод разговора российского императора с лордом Греем во время визита на Британские острова. Александр I выражал восхищение английской политической системой и, видимо, в угоду контрагентам заявил о намерении ввести в России *un foyer d'opposition* (фр. «очаг оппозиции» – Авт.). К этому же времени относится другой эпизод. Газеты широко растиражировали фразу российского императора после победы над Наполеоном: «Правитель должен следовать за движением человеческого духа или сгинуть в небытие» (Journal..., 1815b).

Французские публицисты с пиететом пересказывали новости об установлении границ между новообразованным Царством Польским и другими европейскими державами (Le Constitutionnel..., 1815a; Le Constitutionnel..., 1815b), о манифестах Александра I к польскому народу (Journal..., 1815e), а также о прибытии военных и гражданских депутатов к императору России для присяги ему как новому королю (Journal..., 1815g; Journal..., 1815h). Показательно, что новости о присяге публиковались в большинстве случаев исключительно роялистскими изданиями, к которым относилась *Journal des Débats*. Либеральные, как, например, *Le Constitutionnel*, – напротив, сконцентрировались на вопросах установления государственных границ и движения русских войск.

В ноябре 1815 г. Александр I планировал совершить свой первый официальный визит в Польшу и торжественно въехать в Варшаву как в одну из своих «новых» столиц. Основной целью планируемого визита являлось формирование польского правительства и провозглашение конституции Царства Польского. Французская общественность с нетерпением ожидала исторического визита и принятия новой конституции как обязанности со стороны Александра I (Le Constitutionnel..., 1815b). На протяжении осени 1815 г. редакции ключевых газет предпринимали попытки предугадать ее будущее содержание, а также истоки. Вначале журналисты обратились к Парижскому мирному договору 1814 г. (Le Constitutionnel..., 1815c), опубликовав все пункты, относящиеся к Польше. Именно данный договор определил новые границы Европы и содержал дополнительно соглашение Франции с Российской империей по поводу судьбы герцогства Варшавского (Article..., 1815: 22-23). После этого они обратились к трактату о Священном союзе (Le Constitutionnel..., 1815d), поскольку он окончательно закрепил новую Венскую систему международных отношений и место Польши в ней путем создания гарантов принятых договоренностей в лице России, Австрии и Пруссии. Определив ключевые контуры новой мировой политической системы, газеты обратили свое внимание на вышеупомянутые принципы для новой польской конституции. Каждый их пункт был поочередно воспроизведен как в роялистских, так и бонапартистских изданиях на протяжении всего времени ожидания новостей из Варшавы, и даже после (Le Constitutionnel..., 1816a; Le Constitutionnel..., 1816c; Journal..., 1816a; Le Constitutionnel..., 1816d).

Александр I показательно отдал составление проекта представителям польского истеблишмента. Безусловно, этот шаг был намеренным со стороны императора, который желал предстать перед всей Европой в качестве освободителя, а не завоевателя, и показать, что принимает во внимание желания польского народа. Следует отметить, что данная политика императора имела определенный успех. Визит императора в Варшаву широко освещался во французской прессе. Так, например, подробно описывался торжественный обед на 100 кувертов, куда были приглашены русские и польские высшие офицеры, что должно было подчеркнуть примирение ранее враждующих сторон. Кроме того, особое внимание уделялось речи Александра I, произнесенной перед польской делегацией. В ней он выразил сожаление по поводу того, как сильно пострадала польская земля от наполеоновских войн, и заверил всех собравшихся, что все свое время тратит исключительно на улучшение благосостояния страны и счастья ее жителей, в числе которых теперь и поляки (Le Constitutionnel..., 1815e). Также был

опубликован указ императора о новой валютной системе Царства, согласно которому на аверсе всех новых монет наносилась надпись: «Александр I, император и самодержец всея Руси, Король Польши и прочее», а на реверсе – герб Польши ([Le Constitutionnel...](#), 1816b).

Подписание и публикация польской конституции вызвала восторженную реакцию. Новость достигла Парижа только к середине января 1816 г. Французские газеты вкратце описывали происходящие в Варшаве события и отмечали, что конституция либеральна и полностью соответствует пожеланиям польской нации. Подчеркивалось, что принятие новой конституции – это прижизненный памятник Александру I и что именно он возвратил польскому народу один из важнейших элементов его национального существования («*son existence nationale*»), утраченный по причине особого географического положения Польши ([Journal...](#), 1816b; [Le Constitutionnel...](#), 1816b), т.е. на стыке границ и интересов России, Австрии и Пруссии. Особую роль играли и сообщения о том, что польская армия, возвращающаяся из Франции, почти подошла к Варшаве и ожидает только приказа великого князя Константина ([Le Constitutionnel...](#), 1816e).

Восторг французской прессы являлся естественной реакцией, Александр I воспринимался как последователь модели монархического либерализма, популярной в среде французских публицистов в этот период. Поддержку начинаний Александра I в Польше выразил лично Б. Констан. Он отмечал следующее: «...император Александр более свободен в отношении устройства, которое он дарит Польше, потому что земля, усыпанная руинами, предоставляет для архитектора новую площадку, утешает ее введением конституции и восстановлением многих политических прав» ([Constant, 1817: 106](#)). В скобках заметим, что именно в 1816 г. Б. Констан оказался в зените своей литературно-публицистической карьеры и к его работам было приковано всеобщее внимание ([Valette, 1964: 426-431](#)).

В стороне не осталась даже Великобритания, чья общественность до этого занимала в большей степени враждебную позицию по отношению к России и к итогам Венского конгресса. Английская газета *The Courier* напечатала статью в ответ на слухи, распространяемые радикальными французскими газетами относительно новой войны в Европе. Редакция утверждала, что Россия желает только установления мира на европейском континенте для восстановления государства после тяжелой и затяжной войны против Наполеона ([The Courier, 1816; Journal...](#), 1816c).

Таким образом, французская пресса артикулировала дискурс царя-освободителя: Александр I разгромил Наполеона не для того, чтобы стать новым Наполеоном. Его единственным устремлением было благоденствие его новых подданных: поляки возвращались домой из затянувшегося военного похода и наконец-то получали желанную свободу в виде собственной конституции именно благодаря российскому императору. В скобках отметим, что получалась прямо противоположная картина по сравнению с разделами Речи Посполитой. Фактически и при Екатерине II, и при Александре I Россия значительно отодвигала западную границу, присоединяя к себе новые территории. Но согласно французским публицистам, 1795 г. – это узурпация и порабощение, 1815 г. – долгожданное освобождение.

Такие шаги императора и особенно реакция зарубежной прессы вызывали непонимание и даже неприятие в российском обществе. Стало складываться убеждение, что польская политика императора продиктована исключительно его стремлением угодить европейскому общественному мнению. «Он ищет более личной славы, нежели блага подданных», – беспелециозно писал С.П. Трубецкой о действиях императора в первые годы после завершения наполеоновских войн ([Трубецкой, 1983: 223](#)). Именно данное обстоятельство привело к разочарованию и подтолкнуло молодых людей создать патриотическое общество. Не менее однозначно высказался И.Д. Якушкин: «Император Александр в Европе – покровитель и почти корифей либералов» ([Якушкин, 2007: 15](#)). Следует отметить, что именно тогда, на заре существования тайного общества, происходит так называемый Московский заговор декабристов. По мнению многих историков, полученное известие о планах императора присоединить к Польше западные губернии настолько задело патриотические чувства молодых людей, что привело к появлению плана царевубийства.

Можно привести в пример еще немало подобных эпизодов категорического неприятия российскими интеллектуалами планов Александра I в польском вопросе. М.М. Сафонов даже высказал гипотезу о том, что сам по себе факт образования тайного общества следует связывать с интенциями императора по отношению к Польше, приведя несколько существенных аргументов ([Сафонов, 2014: 84-98](#)). Но рассмотрим контрфактическую ситуацию. Дворянство западных губерний преимущественно принадлежало к католицизму. Исторически территория Белоруссии вплоть до советско-польской войны воспринималась как литовские земли. Никто из современников не питал иллюзий касательно этноконфессиональной ситуации в этом регионе. Тем не менее план передать данный регион Царству Польскому стал поводом для мыслей о царевубийстве. Вместе с тем несколькими годами ранее, в 1811 г., Александр I включает в состав Великого герцогства Финляндского Выборгскую губернию – в тысячу раз более исконную территорию, возвращенную в состав России Петром I (его место в сценариях власти продолжало оставаться ключевым) ([Belousov, 2018: 355-356](#)). И российское общество принимает этот шаг вполне спокойно. Таким образом, корень истерии в вопросе о западных губерниях следует искать в «медовом месяце» российского императора и французской прессы.

Чрезвычайно показателен следующий эпизод. В июне 1815 г. *Journal des Débats*, опубликовав анонимную и крайне нелепую статью о Ю. Понятовском ([Journal... 1815f](#)), вызвал в свою сторону шквал критики. Александр I, находясь в зените славы, делает еще один жест, очень ярко дополнивший сформулированный образ. Ю. Понятовский, как истинный польский патриот, главнокомандующий польской армией Наполеона и единственный иностранец, удостоенный звания маршала Франции, обладал статусом национального героя ([Capelle, Demory, 2008: 106](#)). Александр I распорядился о возвращении с особыми почестями тела Ю. Понятовского на родину. Государь поручил великому князю Константину Павловичу эту особо ответственную и символическую миссию, а позже даже разрешил установку памятника в его честь. Польская общественность с огромным воодушевлением восприняла жест российского императора и требовала того же от остальной европейской публики. И уже в следующем году было опубликовано письмо в редакцию, написанное с высокой вероятностью представителем польской политической элиты. Об этом свидетельствуют упоминания множества частных событий, произошедших в Польше. Автор письма осуждает французскую прессу за оскорбление памяти польского героя и подчеркивает важную роль Александра I как своего *нового государя* в возвращении тела маршала на родину: «С благодарностью и скорбью Польша приняла этот печальный и приятный подарок, первое свидетельство добродетелей ее нового государя <...>. В Варшаве в высшей степени трогательная церемония произвела сильнейшее впечатление на этот благородный дар» ([Journal... 1816d](#)).

Таким образом, французская пресса презентовала Александра I не просто как государя-освободителя, а как правителя, действующего в духе и согласно национальным представлениям о национальных интересах. Причем отметим, что подобные статьи не вызывали дискуссии, а значит, подобная репрезентация становилась бесспорной и общепринятой. Новый образ российского императора вызывал симпатию исключительно у европейской общественности, в глазах которой Александр I желал стать «своим», а не варваром с востока. Французская пресса, восхваляя своего нового кумира, оказалась настолько убедительной, что заставила поверить в полонофилию своего протагониста даже представителей российского и польского обществ.

Российский император продолжал старательно поддерживать свой образ либерального монарха и заявлял общественности, что он не входит в Польшу как победитель или захватчик, а как отец своих новых подданных, желающий всячески им помочь ([Journal... 1816e](#)). Этот образ захватил французскую прессу, как роялистскую, так и либеральную, что еще больше усилило впечатление и способствовало распространению дискурса на всю Европу. Журналисты с одобрением и подробно описывали визит Александра I в Польшу в октябре 1816 г., акцентируя такие действия, как личный прием им всех военных и гражданских делегаций, ношение польской формы, перестройку Дворца Яблоновских в новую городскую ратушу Польши и подчеркнутое соблюдение статей конституции ([Le Constitutionnel..., 1816f](#); [Le Constitutionnel..., 1816g](#)).

Российского императора постоянно хвалили за предпринятые меры в области образования. Данная сфера занимала особо важное место в системе ценностей либеральной общественности не только Франции, но и всей Европы. Отмечалось, что за время правления Александра I в Польше было открыто много новых школ и семинарий, достигших за короткий период достаточно высокого уровня преподавания ([Journal..., 1817b](#)). Отдельно указывалось как на применение разнообразных методик обучения, так и на попытки внедрения новейших зарубежных разработок в данном вопросе. Например, специально для этого в Варшаву из России направлялся молодой преподаватель, прошедший стажировку в Англии ([Journal..., 1817a](#)). Подобные характеристики придавали российскому императору образ истинно просвещенного монарха.

О серьезной зависимости Александра I от общественного мнения можно судить на основе письма С.П. Трубецкого И.Н. Толстому от 12 ноября 1818 г. ([Письма, 2011: 190-191](#)). В нем он комментирует новости о высказываниях Александра I на Аахенском конгрессе Священного союза. Российский император был настолько оскорблен вопросом о крепостном праве в ответ на реплику о прекращении торговли рабами-неграми, что, по мнению С.П. Трубецкого, «оставя мать и жену за границей, он возвратился один для объявления своей воли; как он это сделает, неизвестно» ([Письма, 2011: 191](#)). В скобках отметим, что в этом описании Александр I предстает в образе заговорщика, который тайно, оставив близких в безопасности, неожиданно планирует объявить об отмене крепостного права. И результат такого поступка для С.П. Трубецкого вполне очевиден: «Что последует, увидим, на всякий случай должно приготовиться; если вдруг объявит, будет каша и не расхлебашь» ([Письма, 2011: 191](#)). Крайне любопытен следующий фрагмент: «...нельзя, чтоб не предвидели чужестранные политики, что сие должно сделать у нас всеобщее потрясение» ([Письма, 2011: 191](#)). Таким образом, в этом эпизоде выражается весь масштаб нарциссизма российского императора в Европе: ради того, чтобы соответствовать своему образу, он готов все бросить, немедленно приехать в Россию и объявить об отмене крепостного права, даже понимая, что это приведет к страшным потрясениям и повторению пугачевщины.

В марте 1818 г. Александр I произносит свою знаменитую Варшавскую речь на открытии польского сейма. Отклики на нее демонстрируют изменение отношения к императору и его «либеральной» политике. Опубликовав стенограмму речи ([Journal..., 1818](#)), французская пресса

донесла ключевые идеи Александра I не только до всей Европы, но и до России, поскольку европейская пресса являлась для российской элиты чуть ли не основным источником информации. Речь была полностью опубликована во французских газетах, но с ее стороны последовала достаточно сдержанная реакция по сравнению с конституционным кейсом. Тогда на протяжении нескольких номеров предпринимались попытки поиска источников польской конституции 1815 г., а в 1818 г. ситуация обстояла совершенно иначе. Например, после того как до Парижа дошла речь о составлении первой редакции Государственной уставной грамоты, *Le Constitutionnel* ограничился только публикацией заметки о возможном скором введении в России конституции с изложением ее основных положений (*Le Constitutionnel...*, 1819).

Сдержанную реакцию можно объяснить тем, что французские либералы не ожидали скорого введения конституционного правления в России, в отличие от Польши, где оно было оправдано уровнем развития общественных отношений. По их мнению, российское общество требовалось еще подготовить к этому (*Парсамов, 2001: 72*). Подобная реакция не могла не убедить российского императора, что, несмотря на все его усилия, он все равно останется для Европы чужим. Об этом свидетельствуют и последующие публикации, в которых появляются скепсис и опасения в контексте возникновения кризиса восточного вопроса в 1819 г.

Именно к этому периоду историки традиционно относят разворот в польской, в частности, и в конституционной политике. В 1819 г. Александр I в обход Конституции ввел цензурные ограничения для польских периодических изданий, но ограничения были наложены только на политическое содержание газет и журналов. В Польше зарождаются первые тайные общества и начинается рост студенческого движения (*Матленевич, 2010: 29*). Протестное голосование поляков на Сейме 1820 г. в еще большей степени усилили подозрения императора.

Известия об убийстве герцога Беррийского, начало восстания в Греции, в Испании и Италии порождают полномасштабную химеру в сознании российской власти. Т.В. Андреева в фундаментальном труде довольно обстоятельно изучила широко распространенную в первой четверти XIX в. мифологему о всемирном заговоре тайных обществ (*Андреева, 2009: 487-514*). Артикуляции дипломатов заставляют Александра I поверить, что все происходящее есть результат деятельности тайных обществ. Это приводит к тому, что все либеральные инициативы в Царстве Польском сворачиваются и даже на четыре года прекращаются созывы Сейма.

5. Заключение

Подведем основные итоги статьи. В историографии сложилось устойчивое убеждение, что Конституция Царства Польского была одним из этапов конституционной политики Александра I в целом. В связи с чем господствует точка зрения, что император отправлялся на Венский конгресс для того, чтобы заполучить площадку для модернизационных экспериментов, а затем распространить результаты этого опыта на остальные части России. Проведенный сопоставительный анализ деятельности российского самодержавия в Польше и отражения ее в зарубежной прессе дает возможность кардинальным образом пересмотреть данный взгляд. Александр I на Венском конгрессе добивался конституционного устройства не только для будущего Царства Польского, а всех территорий бывшей Речи Посполитой, разделенных между великими державами, так как следовал логике конституционной дипломатии, которая прочно вошла в обиход российской власти с конца XVIII в. и давала возможность создать максимально толерантные режимы. Его усилия были с восторгом встречены западным общественным мнением. И «в поисках новой славы» (скажем, перефразируя С.П. Трубецкого) император обращается к реализации перечня мероприятий – некоторые из них можно определить как либеральные, а некоторые исключительно как полонофильские. Степень зависимости российского самодержавия от европейского общественного мнения четко осознавалась современниками и, безусловно, вызывала явное неприятие. В 1818–1819 гг. происходит разочарование Александра I в перспективах его идентификации как европейского монарха, а кроме того, чуть позже во властных кругах начинает господствовать дискурс о всемирном заговоре тайных обществ. Собственно, распространением этого мифа и следует объяснять ужесточение курса, а не влиянием охранительных идей Священного союза. Таким образом, именно европейские дела оказались определяющим фактором польской политики Александра I.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России». Проект № 15–18–00119.

Литература

- Ангран, 1952* – Ангран П. Отголоски восстания декабристов во Франции // *Вопросы истории*. 1952. № 12. С. 98–116.
- Андреева, 2009* – Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. 912 с.

- Вернадский, 1925** – *Вернадский Г.И.* Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. Прага, 1925. 279 с.
- Захаров, 2006** – *Захаров В.Ю.* Политика «конституционной дипломатии» Александра I на Ионических островах в 1801–12 гг. // *Актуальные проблемы отечественной истории (межвузовский сборник статей)*. Вып. 1. М., 2006. С. 94-107.
- Захаров, 2005** – *Захаров В.Ю.* Предпосылки возникновения политики «конституционной дипломатии» Александра I // *Сб. научных трудов по Отечественной истории*. Вып. 7. М., 2005. С. 26-38.
- Захаров, 2010** – *Захаров В.Ю.* Российский конституционализм 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2010. 54 с.
- Конституционная хартия, 1907** – Конституционная хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. СПб., 1907. 148 с.
- Матленгевич, 2010** – *Матленгевич Т.* Общество друзей науки в Варшаве (1800–1832). Возникновение польского славянофильства // *Вестник Северного (Арктического) государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 6. С. 26-30.
- Мироненко, 1989** – *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. 240 с.
- Парсамов, 2001** – *Парсамов В.С.* Декабристы и французский либерализм. М., 2001. 240 с.
- Письма, 2011** – Письма С.П. Трубецкого И.Н. Толстому 1818–1823 гг. // С.П. Трубецкой. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 165-269.
- Пыпин, 1885** – *Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1885. 543 с.
- Рей, 2013** – *Рей М.-П.* Александр I. М., 2013. 495 с.
- Сафонов, 2014** – *Сафонов М.М.* Декабризм и Речь Посполитая // *Декабристы: актуальные направления исследования*. СПб., 2014. С. 84-98.
- Станиславская, 1983** – *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. 302 с.
- Тарле, 1996** – *Тарле Е.* Наполеон. Ростов-на-Дону, 1996. 512 с.
- Трубецкой, 1983** – *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. 406 с.
- Тургенев, 2001** – *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001. 744 с.
- Якушкин, 2007** – *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. СПб., 2007. 737 с.
- Article..., 1815** – Article additionnel au Traite avec la Russe // *Recueil des traités et conventions entre la France et les puissances alliées en 1814 et 1815*. Paris, 1815. Pp. 22–23.
- Belousov, 2018** – *Belousov M.S.* Political Allusions in the Decembrist Revolt // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 355-356. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.202>
- Black, 1981** – *Black J.L.* Nicholas Karamzin's "Opinion" on Poland: 1819 // *The International History Review*. 1981. Vol. 3, no. 1. P. 1-19.
- Blackwell, 1958** – *Blackwell W.L.* Russian Decembrist Views of Poland // *The Polish Review*. 1958. Vol. 3, no. 4. Pp. 30-54.
- Capelle, Demory, 2008** – *Capelle B., Demory J.-C.* Maréchaux d'Empire. Paris, 2008. 287 p.
- Constant, 1817** – *Constant B.* Tableau politique de l'Europe // *Mercur de France*. 1817/01/18.
- Journal..., 1815a** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/03/01.
- Journal..., 1815b** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/03/27.
- Journal..., 1815c** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/04/26.
- Journal..., 1815d** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/05/14.
- Journal..., 1815e** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/05/30.
- Journal..., 1815f** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/06/11.
- Journal..., 1815g** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/08/13.
- Journal..., 1815i** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/09/01.
- Journal..., 1815a** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1816/01/15.
- Journal..., 1816b** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1816/01/16.
- Journal..., 1816c** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1816/07/13.
- Journal..., 1816d** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1816/08/16.
- Journal..., 1816e** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1816/09/24.
- Journal..., 1817a** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1817/09/23.
- Journal..., 1817b** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1817/10/13.
- Journal..., 1818** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1818/04/15.
- Le Constitutionnel..., 1815a** – *Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire*. 1815/11/14
- Le Constitutionnel..., 1815b** – *Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire*. 1815/11/16.

- Le Constitutionnel..., 1815c – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/11/27.
- Le Constitutionnel..., 1815d – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/12/03.
- Le Constitutionnel..., 1815e – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/12/12.
- Le Constitutionnel..., 1816a – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/04.
- Le Constitutionnel..., 1816b – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/10.
- Le Constitutionnel..., 1816c – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/11.
- Le Constitutionnel..., 1816d – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/16.
- Le Constitutionnel..., 1816e – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/02/10.
- Le Constitutionnel..., 1816f – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/10/22.
- Le Constitutionnel..., 1816g – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/12/01.
- Le Constitutionnel..., 1819 – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1819/11/21.
- Ledonne, 2003 – Ledonne J. P. Regionalism and Constitutional Reform, 1819–1826 // *Cahiers du Monde russe*. 2003. Vol. 44, no. 1. P. 5-33.
- Morley, 1947 – Morley Ch. Alexander I and Czartoryski: The Polish Question from 1801 to 1813 // *The Slavonic and East European Review*. 1947. Vol. 25, no. 65. P. 405–426.
- Strakhovsky, 1941 – Strakhovsky L. I. Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy toward National Minorities // *The Journal of Modern History*. 1941. Vol. 13, no. 4. P. 467–492.
- Thackeray, 1983 – Thackeray F.W. N. N. Novosil'tsov, The Polish Years // *The Polish Review*. 1983. Vol. 28, no. 1. Pp. 32-46.
- The Courier, 1816 – The Courier. 1816/07/10.
- Walker, 1970 – Walker F.A. Poland in the Decembrists' Strategy of Revolution // *The Polish Review*. 1970. Vol. 15, no. 2. Pp. 43–54.
- Valette, 1964 – Valette R.M. Benjamin Constant, Dramatic Theorist // *The French Review*. 1964. Vol. 37. P. 426–431.
- Zawadzki, 1985 – Zawadzki W.H. Russia and the Re-Opening of the Polish Question, 1801–1814 // *The International History Review*. 1985. Vol. 7, no. 1. Pp. 19–44.

References

- Andreeva, 2009 – Andreeva T.V. (2009). Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti 19 v. Pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century Government's policy and public opinion]. SPb., 912 p. [in Russian]
- Angran, 1952 – Angran P. (1952). Otgoloski vosstaniya dekabristov vo Frantsii [Echoes of the Decembrist uprising in France]. *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 98-116. [in Russian]
- Article..., 1815 – Article additionnel au Traite avec la Russe. *Recueil des traités et conventions entre la France et les puissances alliées en 1814 et 1815*. Paris, pp. 22-23.
- Belousov, 2018 – Belousov M.S. (2018). Political Allusions in the Decembrist Revolt. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Is. 2, pp. 345-360. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbuo.2.2018.202>.
- Black, 1981 – Black J.L. (1981). Nicholas Karamzin's "Opinion" on Poland: 1819. *The International History Review*. Vol. 3, no. 1, pp. 1-19.
- Blackwell, 1958 – Blackwell W.L. (1958). Russian Decembrist Views of Poland. *The Polish Review*. Vol. 3, no. 4, pp. 30-54.
- Capelle, Demory, 2008 – Capelle B., Demory J.-C. (2008). Maréchaux d'Empire. Paris, 287 p.
- Constant, 1817 – Constant B. (1817). Tableau politique de l'Europe. *Mercure de France*. 1817/01/18.
- Journal..., 1815a – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/03/01.
- Journal..., 1815b – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/03/27.
- Journal..., 1815c – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/04/26.
- Journal..., 1815d – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/05/14.
- Journal..., 1815e – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/05/30.
- Journal..., 1815f – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/06/11.
- Journal..., 1815g – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/08/13.
- Journal..., 1815i – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/09/01.

- [Journal..., 1815a](#) – Journal des débats politiques et littéraires. 1816/01/15.
- [Journal..., 1816b](#) – Journal des débats politiques et littéraires. 1816/01/16.
- [Journal..., 1816c](#) – Journal des débats politiques et littéraires. 1816/07/13
- [Journal..., 1816d](#) – Journal des débats politiques et littéraires. 1816/08/16.
- [Journal..., 1816e](#) – Journal des débats politiques et littéraires. 1816/09/24.
- [Journal..., 1817a](#) – Journal des débats politiques et littéraires. 1817/09/23.
- [Journal..., 1817b](#) – Journal des débats politiques et littéraires. 1817/10/13.
- [Journal..., 1818](#) – Journal des débats politiques et littéraires. 1818/04/15.
- [Konstitutsionnaya khartiya, 1907](#) – Konstitutsionnaya khartiya 1815 g. i nekotorye drugie akty byvshego tsarstva Pol'skogo (The Constitutional Charter of 1815 and some other acts of the former kingdom of Poland). SPb., 148 p. [in Russian]
- [Le Constitutionnel..., 1815a](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/11/14
- [Le Constitutionnel..., 1815b](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/11/16.
- [Le Constitutionnel..., 1815c](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/11/27.
- [Le Constitutionnel..., 1815d](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/12/03.
- [Le Constitutionnel..., 1815e](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/12/12.
- [Le Constitutionnel..., 1816a](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/04.
- [Le Constitutionnel..., 1816b](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/10.
- [Le Constitutionnel..., 1816c](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/11.
- [Le Constitutionnel..., 1816d](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/16.
- [Le Constitutionnel..., 1816e](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/02/10.
- [Le Constitutionnel..., 1816f](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/10/22.
- [Le Constitutionnel..., 1816g](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/12/01.
- [Le Constitutionnel..., 1819](#) – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1819/11/21.
- [Ledonne, 2003](#) – *Ledonne J. P.* (2003). Regionalism and Constitutional Reform, 1819–1826. *Cahiers du Monde russe*. Vol. 44, no. 1, pp. 5-33.
- [Matlengevich, 2010](#) – *Matlengevich T.* (2010). Obschestvo družei nauki v Varshave (1800–1832). Vozniknovenie pol'skogo slavyanofil'stva [Friends of Science Society in Warsaw (1800–1832). The emergence of Polish Slavophilism]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 6, pp. 26-30. [in Russian]
- [Mironenko, 1989](#) – *Mironenko S. V.* (1989). Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX veka [Autocracy and reform. Political struggle in Russia at the beginning of the twentieth century]. M., 240 p. [in Russian]
- [Morley, 1947](#) – *Morley Ch.* (1947). Alexander I and Czartoryski: The Polish Question from 1801 to 1813. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 25, no. 65, pp. 405-426.
- [Parsamov, 2001](#) – *Parsamov V.S.* (2001). Dekabristy i frantsuzskii liberalism [Autocracy and reform. Political struggle in Russia at the beginning of the twentieth century]. M., 240 p. [in Russian]
- [Pis'ma, 2011](#) – *Pis'ma S.P. Trubetskogo I.N. Tolstomu 1818–1823 gg.* [Letters S.P. Trubetskoy I. N. Tolstoy 1818–1823]. S.P. Trubetskoi. Zapiski. Pis'ma I.N. Tolstomu 1818–1823 gg. SPb., pp. 165-269. [in Russian]
- [Pypin, 1885](#) – *Pypin A. N.* (1885). Obschestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I [Social movement in Russia under Alexander I]. SPb., 543 p. [in Russian]
- [Rei, 2013](#) – *Rei M.-P.* (2013). Aleksandr I (Aleksandr I). M., 495 p. (in Russian)
- [Safonov, 2014](#) – *Safonov M.M.* (2014). Dekabrizm i Rech' Pospolitaya [Decembrism and the Polish–Lithuanian Commonwealth]. *Dekabristy: aktual'nye napravleniya issledovaniya*. SPb., pp. 84-98. [in Russian]
- [Stanislavskaya, 1983](#) – *Stanislavskaya A.M.* (1983). Politicheskaya deyatelnost' F. F. Ushakova v Gretsii [Political activity of F. F. Ushakov in Greece]. M., 302 p. [in Russian]
- [Strakhovskiy, 1941](#) – *Strakhovskiy L.I.* (1941). Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy toward National Minorities. *The Journal of Modern History*, vol. 13, no. 4, pp. 467-492.

- Thackeray, 1983 – *Thackeray F.W.* (1983). N.N. Novosil'tsov, The Polish Years. *The Polish Review*. Vol. 28, no. 1, pp. 32-46.
- Tarle, 1996 – *Tarle E.* (1996). Napoleon [Napoleon]. Rostov na Donu, 512 p. [in Russian]
- The Courier, 1816 – *The Courier*. 1816/07/10.
- Trubetskoi, 1983 – *Trubetskoi S.P.* (1983). Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti. [Materials about life and revolutionary activity]. Vol. 1. Irkutsk, 406 p. [in Russian]
- Turgenev, 2001 – *Turgenev N.I.* (2001). Rossiya i russkie [Russia and Russians]. M., 744 p. [in Russian]
- Valette, 1964 – *Valette R.M.* (1964). Benjamin Constant, Dramatic Theorist. *The French Review*. Vol. 37, pp. 426-431.
- Vernadskii, 1925 – *Vernadskii G. I.* (1925). Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiiskoi imperii 1820 g. [State charter of the Russian Empire in 1820]. Praga, 279 p. [in Russian]
- Walker, 1970 – *Walker F.A.* (1970). Poland in the Decembrists' Strategy of Revolution. *The Polish Review*. Vol. 15, no. 2, pp. 43-54.
- Yakushkin, 2007 – *Yakushkin I. D.* (2007). Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I. D. Yakushkina [Notes, articles, letters of the Decembrist I.D. Yakushkina]. SPb., 737 p. (in Russian)
- Zakharov, 2006 – *Zakharov V. Yu.* (2006). Politika "konstitutsionnoi diplomatii" Aleksandra I na Ionicheskikh ostrovakh v 1801–12 gg. [The policy of "constitutional diplomacy" of Alexander I on the Ionian Islands in 1801–12]. *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii (mezhvuzovskii sbornik statei)*. Is. 1. M., pp. 94-107. [in Russian]
- Zakharov, 2005 – *Zakharov V.Yu.* (2005). Predposylki vzniknoveniya politiki "konstitutsionnoi diplomatii" Aleksandra I [Preconditions for the emergence of a policy of "constitutional diplomacy" by Alexander I]. *Sb. nauchnykh trudov po Otechestvennoi istorii*. Is. 7. M., pp. 26-38. [in Russian]
- Zakharov, 2010 – *Zakharov V.Yu.* (2010). Rossiiskii konstitutsionalizm 2-oi poloviny 18 – 1-oi chetverti 19 v. v kontekste razvitiya zapadnoevropeiskoi pravovoi mysli [Russian constitutionalism of the 2nd half of the 18th quarter of the 19th centuries. in the context of the development of Western European legal thought]. Avtoref. dis. na soisk. uch. st. d. i. n. M., 54 p. [in Russian]
- Zawadzki, 1985 – *Zawadzki W. H.* (1985). Russia and the Re-Opening of the Polish Question, 1801–1814. *The International History Review*. Vol. 7, no. 1, pp. 19-44.

Влияние внешнего фактора на польскую политику Александра I

Михаил Сергеевич Белоусов ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье рассматривается один из аспектов этноконфессиональной политики российского самодержавия, а именно процесс инкорпорации Царства Польского в состав Российской империи. В историографическом обзоре показан основной вектор генезиса отечественной историографии по этому вопросу: с дореволюционного периода бытует мнение о польской Конституции как об одном из проектов в череде конституционных интенций императора Александра I. В статье предпринята попытка предложить другую интерпретацию этого явления. В частности, показано, что настойчивое стремление российского императора включить польские земли в состав России и учредить там конституционные порядки следует связывать с практикой конституционной дипломатии, вошедшей в обиход российского самодержавия после первого удачного опыта, реализованного Ф.Ф. Ушаковым на Ионических островах. Отмечается важность прессы и общественного мнения в политической жизни Европы в период после наполеоновских войн. Демонстрируется, что Александр I после Венского конгресса оказался в зените славы, – соответственно, его последующие шаги в польском вопросе объясняются стремлением и дальше поддерживать статус европейского монарха на русском престоле. При этом знаменитая Варшавская речь императора была встречена публицистами весьма прохладно. В то же время в Европе происходит череда событий (убийство наследника французского престола, восстания в Греции, Испании и Италии), и артикуляции российских дипломатов актуализируют химеру угрозы монархиям со стороны всемирного заговора тайных обществ – именно данный миф привел к сворачиванию либеральных начинаний императора.

Ключевые слова: Россия, Польша, Александр I, национальная политика, центр, регион, конституция, монархия, французская пресса.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.belousov@spbu.ru (М.С. Белоусов)

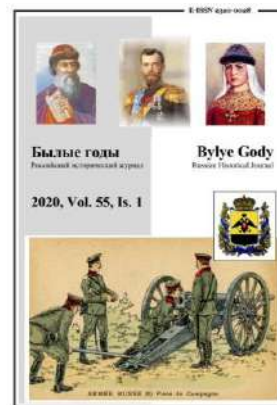
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 88-104. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.88
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3

Violetta S. Molchanova ^{a, b, *}, Leonid L. Balanyuk ^c, Evgeniya V. Vidishcheva ^d, Irina I. Potapova ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Sochi State University, Russian Federation

^e Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Russian Federation

Abstract

The article deals with the development of the primary education system on the territory of the Kuban Cossack army in 1803–1917 years. This part paid attention to the most difficult period from 1908 to 1917. (the preparatory work for the introduction of all-russian primary education).

There were used as materials the reports on the state of the Caucasus educational district, unpublished archival materials from the funds of the Ministry of public education and the Holy Synod, which are stored in the Russian state historical archive (St. Petersburg, Russian Federation), and russian scientific literature on the history of public education in the Caucasus, and in particular in the Kuban region.

In conclusion, the authors state that the system of public education in the Kuban region in 1909–1917 had its own extensive network of secondary, lower and primary schools. During this period, much was done to train teachers for primary schools, and the number of gymnasiums and higher primary schools increased dramatically. The public education system has risen to a higher level of its development and laid the groundwork for the creation of the first higher education institution in the region. Despite the success in the field of universal primary education in the Kuban by 1917 there continued to be a significant number of girls who were not enrolled in public schools.

Keywords: national education, Kuban region, primary school, gymnasium

1. Введение

В период 1803–1917 гг. система народного образования на территории Кубанской области прошла период интенсивного развития. В это время Кубанская область с центром в Екатеринодаре административно находилась в составе Кавказского наместничества, центром которого был город Тифлис. Что примечательно первые кавказские школы и в Екатеринодаре, и в Тифлисе возникли практически одновременно, в Тифлисе в 1802 г. (Shevchenko et al., 2016: 363-372), а в Екатеринодаре в 1803 г.

2. Материалы и методы

В качестве материалов была привлечена отчетная документация о состоянии Кавказского учебного округа, неопубликованные архивные материалы из фондов Министерства народного просвещения и Святейшего синода, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также использована российская научная

* Corresponding author

E-mail addresses: v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

литература по истории народного образования на территории Кавказа, и в частности на территории Кубанской области.

Методологическую основу исследования составили традиционные для историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовались следующие методы – проблемно-хронологический, который позволил изучить отдельные факты развития системы народного образования на территории Кубанской области в хронологическом порядке, а возникающие проблемы в порядке их поступления. Благодаря этому методу были выявлены некоторые характерные особенности развития школьного дела как на территории Кубанской области, так и в целом на Кавказе.

3. Обсуждение

Ввиду того что Кубанская область входила в состав Кавказа, значительная часть кубанских материалов публиковалась в общекавказских сборниках. Например, в статистических описаниях, изданных в 1830–1860 гг. (*Статистическое описание, 1835; Сборник статистических сведений, 1869*), а также в кубанских памятных книгах и справочниках (*Блюдов, 1875; Число учебных заведений, 1883*). В конце XIX – начале XX вв. данная тема была популярна в связи с попытками либеральной интеллигенции оценить уровень дореволюционной системы народного просвещения. Большое внимание уделялось общероссийским проблемам народного образования, но в то же время предпринимались попытки оценить народное образование на Кавказе (*Зажаев, 1909; Модзалевский, 1880*) и в частности, на территории Кубанской области (*Блюдов, 1883; Фарфоровский, 1912*). В советский период дореволюционную систему народного образования на Кавказе историки рассматривали в негативном, критическом контексте. Основной акцент делался на теме классовой ограниченности, слабой развитости дореволюционной школы по сравнению с впечатляющими итогами достижений народного просвещения в период строительства социализма (*Кудченко, 1973; Народное образование, 1980*).

В современный российский период тема истории становления имперской системы народного образования начала активно разрабатываться. Появился целый ряд работ, как общероссийского характера, так и исследований, посвященных непосредственно Кавказу, в том числе Кубани. В то же время началось активное изучение системы народного просвещения в различных регионах Российской империи. Так, например, разрабатывалась на данный предмет исследования Вологодская губерния (*Cherkasov et al., 2019; Cherkasov et al., 2019a*), Вятская губерния (*Magsumov et al., 2018*), Донская область (*Peretyatko, Zulfugarzade, 2017; Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a*), Киевская губерния (*Degtyarev et al., 2018*). Среди работ общероссийского характера можно выделить работу А.А. Черкасова (*Cherkasov, 2011*), анализирующей состояние дореволюционной системы народного просвещения. В исследовании автор приходит к выводу, что в целом всеобщее начальное образование в Российской империи к 1917 году стало уже свершившимся фактом. Полностью завершить этот процесс помешала только февральская революция (*Cherkasov, 2011: 148*). Помимо этого можно отметить труды о церковно-приходских школах Российской империи и системе обучения (*Cherkasov, Smigel, 2016; Shevchenko et al., 2018; Magsumov, 2015*). Также, следует отметить труды по истории народного просвещения на Кавказе (*Гатагова, 1993; Кобахидзе, 2015; Natolochnaya et al., 2018; Magsumov et al., 2018; Shevchenko et al., 2016; Mamadaliev, 2015*).

4. Результаты

Сложность данного периода связана с тем, что значительная часть отчетных документов так опубликована и не была, поэтому статистические выборки нам придется дополнять из разнообразных источников. В связи с этим мы будем строить данную часть статьи по проблемному принципу описания системы народного просвещения по блокам: среднее, низшее и начальное образование.

Сеть учебных заведений на территории Кавказа делилась на среднее образование, низшее, начальное и частное. К среднему образованию относились мужские гимназии и прогимназии, реальные училища, женские гимназии и прогимназии, учительские институты и учительские семинарии. Низшее образование представляли городские училища, горские школы, мариинские училища и промышленные училища. Начальное образование было представлено начальными училищами (*Отчет, 1900: 606*). К частному образованию относились учебные заведения 1-го, 2-го и 3-го разрядов¹. С 1908 г. в Российской империи начинают вводиться педагогические курсы для подготовки учителей начальной школы (*Отчет, 1914: 134*).

Среднее образование

К 1909 г. Кубанская область располагала целой сетью мужских гимназий: Армавирская (основана 1 августа 1903 г.), Екатеринодарская 1-я (основана 20 августа 1890 г.), Екатеринодарская 2-я (основана 1 сентября 1907 г.), Лабинская (основана 17 июня 1906 г.) и мужских прогимназий: Пашковская (1 июля 1908 г.), Романовская (основана на хуторе Романовском (*Фарфоровский, 1912:*

¹ 1-й разряд соответствовал уровню гимназии, 2-й – низшему училищу, а 3-й – начальному училищу.

52) 30 сентября 1907 г.) (Отчет, 1910: 26-27). 1 июля 1910 г. в станице Темиргоевской была открыта Темиргоевская прогимназия (Отчет, 1911: 27). 1 июля 1911 г. в станице Вознесенкой была открыта Вознесенская мужская прогимназия (Отчет, 1912: 27). В 1912 г. были открыты еще две мужские прогимназии в городе Ейске и в станице Новолеушковской (Отчет, 1914: 10). В 1913 г. прогимназия на хуторе Романовском была реорганизована в гимназию (Отчет, 1914: 10). В 1914 г. была открыта гимназия в городе Анапа (Отчет, 1915: 16).

В 1909 г. в Кубанской области было 4 реальных училища: Ейское (открыто 26 сентября 1880 г.), Кубанское (открыто 2 октября 1880 г.), Майкопское (открыто 1 июля 1900 г.) и Темрюкское (открыто 1 сентября 1907 г.) (Отчет, 1910: 95). В 1911 г. Открылись еще три реальных училища на территории области: Екатеринодарское 2-е (1 сентября 1911 г.), Михайловское (1 июля 1911 г.) и Урупское (1 июля 1911 г.) (Отчет, 1912: 95).

Женское среднее образование к 1909 г. было представлено целой сетью из 6 гимназий и 4 прогимназий. Женские гимназии: Армавирская (открыта как прогимназия в 1901 г., реорганизована в гимназию в 1903 г.), Екатеринодарская 1-я (открыта 14 сентября 1884, реорганизована в гимназию 20 августа 1885 г.), Екатеринодарская 2-я (открыта в 1902 г., реорганизована в гимназию 5 апреля 1905 г.), Ейская (открыта 8 сентября 1877 г., реорганизована в гимназию 30 июня 1894 г.), Лабинская (открыта 20 сентября 1905 г., реорганизована в гимназию 12 апреля 1906 г.), Майкопская (открыта 1 июля 1900 г., реорганизована в гимназию 2 сентября 1903 г.); и женские прогимназии: Славянская (открыта 12 августа 1906 г.), Тихорецкая (открыта 12 сентября 1907 г.), Уманская (открыта 17 апреля 1907 г.) и Усть-Лабинская (открыта 1 сентября 1907 г.) (Отчет, 1910: 148-149). В 1910 г. Усть-Лабинская и Славянская женские прогимназии были реорганизованы в гимназии (Отчет, 1911: 213). Таким образом, количество женских гимназий на территории области достигло 8, а прогимназий стало две. В 1911 г. были открыты еще 2 женские прогимназии: Екатеринодарская (1 сентября 1911 г.) и Романовская (1 сентября 1911 г.) (Отчет, 1912: 183). В 1913 г. Романовская прогимназия была реорганизована в гимназию, одновременно с этим в станице Баталпашинской была открыта женская гимназия (Отчет, 1914: 64).

В 1912 г. Екатеринодарская и Тихорецкая женские прогимназии были преобразованы в женские гимназии (Отчет, 1914: 54).

На территории Кубанской области к 1909 г. было и 3 учительские семинарии (две мужские и одна женская): 1-я Кубанская (основана 14 января 1871 г.), 2-я Кубанская (основана 17 августа 1909 г. в станице Полтавской (Фарфоровский, 1912: 52)) и Екатеринодарская женская (основана 1 сентября 1909 г.) (Отчет, 1910: 208). Интересно то, что последние 2 семинарии были созданы специально под программу введения всеобщего начального образования. В 1912 г. станице Бескорбненской была открыта еще одна учительская семинария (Отчет, 1914: 78).

Финансировались проекты по открытию учительских семинарий и в период Первой мировой войны. Так, в 1915 г. в Майкопе была открыта мужская учительская семинария (РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 47). Наряду с открытием новых учебных заведений широкое распространение получило проведение педагогических курсов для подготовки учителей.

Таблица 1. Количество средних учебных заведений на территории Кубанской области (Отчет, 1910: 26-27, 148, 208; Отчет, 1911: 26-27; 95, 166, 212-213; Отчет, 1912: 27-28, 182-183, 242; Отчет, 1914: 10, 54, 64, 78; Отчет, 1915: 12, 14, 16, 34, 74, 126, 149, 214, 264)

Годы	Количество учебных заведений							Количество учащихся		
	Гимназий		Прогимназий		Реальные училища	Учительская семинария		Мальчиков	Девочек	Всего
	Мужских	Женских	Мужских	Женских		Мужских	Женских			
1909	4	6	2	4	4	2	1	3396	3196	6592
1910	4	8	3	2	4	2	1	3641	3420	7061
1911	4	8	4	4	7	2	1	4035	3972	8007
1912	4	10	6	2	8	3	1	4383	4235	8618

1913	5	12	5	1	8	3	1	4793	4685	9478
1914	5	16	5	-	8	3	1	4942	5252	10194

Анализируя [Таблицу 1](#), можно увидеть превалирование женских гимназий над мужскими, этот отрыв стал еще более заметным к 1914 г. когда количество женских гимназий более чем в 3 раза превосходило мужских. Мы также можем обратить внимание на то, что среди учеников кубанских средних учебных заведений наблюдался гендерный дисбаланс. Так, например, еще в 1909 г. количество мальчиков превосходило аналогичное количество девочек, а в период с 1914 г. эта картина меняется на противоположную. Интересным представляется и распределение учащихся по национальностям ([Таблица 2](#)).

Таблица 2. Распределение учащихся средних учебных заведений по национальностям (Отчет, 1910: 58-59, 114, 180-181, 202; Отчет, 1911: 114, 244-245; Отчет, 1912: 58-59, 114, 215; Отчет, 1913: 192; Отчет, 1914: 8, 68, 150)

Годы	Русские	грузины	армяне	татары	горцы	Другие национальности	Всего
1909	5452	39	638	5	29	429	6592
1910	4065	30	399	1	17	292	4804 ¹
1911	6424	58	714	11	19	527	7753 ²
1912	3359	34	436	-	12	276	4117 ³
1913	3755	21	453	-	15	319	4563 ⁴

На протяжении всего периода основную массу учащихся составляли русские, на втором месте находились армяне и представители других национальностей. Ввиду неполноты данных мы не можем четко проследить динамику увеличения тех или иных контингентов в период 1909–1913 гг.

Важное значение имеет и распределение учащихся по вероисповеданиям ([Таблица 3](#)).

Таблица 3. Распределение учащихся средних учебных заведений по вероисповеданиям (Отчет, 1910: 58-59, 80, 128-129; Отчет, 1911: 8-9, 80, 160, 192-193; Отчет, 1912: 58-59, 80, 236, 262-263; Отчет, 1913: 8, 68, 210; Отчет, 1914: 8, 68, 150)

Годы	Православные	Католики	Армяно-григорианцы	Протестанты	Иудеи	Мусульмане	Другие исповедания	Всего
1909	5458	138	644	114	196	26	16	6592
1910	5892	144	678	123	178	27	19	7061
1911	6713	161	733	158	183	32	27	8007
1912	3911	63	312	99	85	22	9	4501 ⁵
1913	4292	77	347	94	79	15	10	4915 ⁶

Согласно данным таблицы 3 мы можем наблюдать, что около 80 % всех учащихся составляли православные, вместе с другими христианами этот процент достигал значения – 90. Интересно также то, что численность евреев в средних учебных заведениях Кубанской области была ничтожной. Несколько слов хотелось бы уделить и сословному составу учащихся средних учебных заведений на территории Кубанской области ([Таблица 4](#)).

¹ Данные неполные, так как не представлены таблицы учительских семинарий и мужских гимназий.

² Данные неполные, так как не представлена таблица учительских семинарий.

³ Данные неполные, так как представлена только таблица учащихся в женских гимназиях.

⁴ Данные неполные, так как представлена только таблица учащихся в женских гимназиях.

⁵ Не представлены сведения по женским гимназиям.

⁶ Не представлены сведения по женским гимназиям.

Таблица 4. Распределение учащихся средних учебных заведений по сословиям (Отчет, 1910: 58-59, 81, 128-129; Отчет, 1911: 8-9, 81, 160, 192-193; Отчет, 1912: 58-59, 81, 236, 262-263; Отчет, 1913: 9, 69, 211; Отчет, 1914: 9, 69, 151)

Годы	Дворяне ¹	Духовного звания	Почетные граждане и купцы I гильдии	Других городских сословий	Казаки	Крестьяне	Иностранцы	Прочих	Всего
1909	1139	195	620	2025	1149	1321	77	66	6592
1910	1264	210	577	2127	1319	1421	85	58	7061
1911	1361	239	607	2240	1635	1662	81	182	8007
1912	547	137	268	948	1537	926	63	71	4501 ²
1913	589	160	221	1057	1682	1053	67	86	4915 ³

В 1909 г. дворяне, представители других городских сословий, казаки и крестьяне составляли около 90 % всех учащихся средних учебных заведений. В связи с открытием новых учебных заведений численность представителей всех сословий увеличивалась практически равномерно, что, на наш взгляд, свидетельствовало о доступности среднего образования для всех сословий Кубанской области.

Несколько слов скажем и о внешкольной работе, где традиционно важнейшая роль отводилась библиотекам.

Библиотечный фонд Армавирской мужской гимназии в 1909 г. состоял: фундаментальная библиотека – 935 томов, ученический – 1698 томов, пансионского фонда не было. Всего 2633 книги (Отчет, 1910: 28). К 1910 г. фонд гимназии достиг 2862 книг (Отчет, 1911: 28). К 1911 г. библиотечный фонд гимназии достиг 4801 томов (Отчет, 1912: 28). В 1913 г. библиотечный фонд гимназии достиг 7898 томов (Отчет, 1914: 25).

В 1909 г. Екатеринодарской 1-й мужской гимназии: фундаментальной – 4757 книг, ученической – 4438. Общее количество томов составляло 9195 (Отчет, 1910: 28). К 1910 г. фонд гимназии достиг 9525 книг (Отчет, 1911: 28). К 1911 г. библиотечный фонд гимназии достиг 10161 томов (Отчет, 1912: 28). В 1913 г. библиотечный фонд гимназии достиг 7898 томов (Отчет, 1914: 25). В 1913 г. библиотечный фонд гимназии достиг 10872 томов (Отчет, 1914: 25).

В 1909 г. Екатеринодарской 2-й мужской гимназии: фундаментальной – 380 книг, ученической – 1889. Общее количество томов составляло 2269 (Отчет, 1910: 28). К 1910 г. фонд гимназии достиг 3473 книг (Отчет, 1911: 28). К 1911 г. библиотечный фонд гимназии достиг 3696 томов (Отчет, 1912: 28). В 1913 г. библиотечный фонд гимназии достиг 5495 томов (Отчет, 1914: 25).

В 1909 г. Лабинской мужской гимназии: фундаментальной – 119 книг, ученической – 967. Общее количество томов составляло 1086 (Отчет, 1910: 28). К 1910 г. фонд гимназии достиг 3117 книг (Отчет, 1911: 28). К 1911 г. библиотечный фонд гимназии достиг 3268 томов (Отчет, 1912: 28). В 1913 г. библиотечный фонд гимназии достиг 3356 томов (Отчет, 1914: 25).

В 1909 г. библиотечный фонд Пашковской мужской прогимназии составлял: фундаментальной – 143 книг, ученической – 174. Общее количество томов составляло 317 (Отчет, 1910: 29). К 1910 г. фонд прогимназии достиг 625 книг (Отчет, 1911: 29). К 1911 г. библиотечный фонд прогимназии достиг 1688 томов (Отчет, 1912: 29). В 1913 г. библиотечный фонд гимназии достиг 3060 томов (Отчет, 1914: 25).

В 1909 г. библиотечный фонд Романовской мужской прогимназии составлял: фундаментальной – 396 книг, ученической – 480. Общее количество томов составляло 876 (Отчет, 1910: 29). К 1910 г. фонд прогимназии достиг 1227 книг (Отчет, 1911: 29). К 1911 г. библиотечный фонд прогимназии достиг 1588 томов (Отчет, 1912: 29). В 1913 г. библиотечный фонд гимназии достиг 2148 томов (Отчет, 1914: 25).

В 1910 г. Темиргоевская мужская прогимназия имела следующий библиотечный фонд: фундаментальная библиотека – 350 книг, ученическая – 245. Всего 595 книг (Отчет, 1911: 29). К 1911 г. библиотечный фонд прогимназии достиг 1691 томов (Отчет, 1912: 29). В 1913 г. библиотечный фонд гимназии достиг 3502 томов (Отчет, 1914: 25).

¹ Под дворянами мы понимаем личных дворян, чиновников и потомственных дворян.

² Не представлены сведения по женским гимназиям.

³ Не представлены сведения по женским гимназиям.

В 1911 г. библиотечный фонд новообразованной Вознесенской мужской прогимназии составлял 750 томов (290 – фундаментальная и 460 – ученическая) (Отчет, 1912: 29). В 1913 г. библиотечный фонд гимназии достиг 1110 томов (Отчет, 1914: 25).

В 1913 г. библиотечный фонд Ейской мужской прогимназии составлял 1312 томов (Отчет, 1914: 25).

В 1909 г. библиотечный фонд Ейского реального училища составлял: фундаментальной – 7927 книг, ученической – 4512. Общее количество томов составляло 12439 (Отчет, 1910: 97). К 1910 г. фонд училища достиг 13523 книг (Отчет, 1911: 97). К 1911 г. – 14686 книг (Отчет, 1912: 97). В 1913 г. фонд училища достиг 16214 книг (Отчет, 1914: 84-85).

В 1909 г. библиотечный фонд Кубанского реального училища составлял: фундаментальной – 4956 книг, ученической – 3743, пансионерской – 401. Общее количество томов составляло 9100 (Отчет, 1910: 97). К 1910 г. фонд училища достиг 12067 книг (Отчет, 1911: 97). К 1911 г. – 14683 книг (Отчет, 1912: 97). В 1913 г. фонд училища достиг 17502 книг (Отчет, 1914: 84-85).

В 1909 г. библиотечный фонд Майкопского реального училища составлял: фундаментальной – 3743 книг, ученической – 4432. Общее количество томов составляло 8175 (Отчет, 1910: 97). К 1910 г. фонд училища достиг 9194 книг (Отчет, 1911: 97). К 1911 г. – 10283 книг (Отчет, 1912: 97). В 1913 г. фонд училища достиг 11996 книг (Отчет, 1914: 84-85).

В 1909 г. библиотечный фонд Темрюкского реального училища составлял: фундаментальной – 681 книг, ученической – 1001. Общее количество томов составляло 1682 (Отчет, 1910: 97). К 1910 г. фонд училища достиг 2214 книг (Отчет, 1911: 97). К 1911 г. – 3665 книг (Отчет, 1912: 97). В 1913 г. фонд училища достиг 5015 книг (Отчет, 1914: 84-85).

В новообразованных реальных училищах 1911 г. Михайловском, Урупском фонды составляли 497 и 165 томов соответственно. Во 2-м Екатеринодарском училище библиотечного фонда не было (Отчет, 1912: 97). В 1913 г. фонд Михайловского училища достиг 2366 книг (Отчет, 1914: 84-85). В 1913 г. фонд Урупского училища достиг 1835 книг (Отчет, 1914: 84-85). В 1913 г. фонд Екатеринодарского 2-го училища достиг 1507 книг (Отчет, 1914: 84-85).

Теперь о фондах женских гимназий и прогимназий.

В 1909 г. библиотечный фонд Армавирской женской гимназии составлял: фундаментальной – 834 книг, ученической – 1641. Общее количество томов составляло 2475 (Отчет, 1910: 152). К 1910 г. фонд гимназии достиг 3737 томов (Отчет, 1911: 216). К 1911 г. – 4043 книг (Отчет, 1912: 186). В 1913 г. фонд гимназии достиг 5452 книг (Отчет, 1914: 210-211).

В 1909 г. библиотечный фонд Екатеринодарской 1-й женской гимназии составлял: фундаментальной – 4874 книг, ученической – 5688. Общее количество томов составляло 10562 (Отчет, 1910: 152). К 1910 г. фонд гимназии снизился до 10144 томов (Отчет, 1911: 216). К 1911 г. – 11055 книг (Отчет, 1912: 186). В 1913 г. фонд гимназии достиг 12184 книг (Отчет, 1914: 210-211).

В 1909 г. библиотечный фонд Екатеринодарской 2-й женской гимназии составлял: фундаментальной – 843 книг, ученической – 2169. Общее количество томов составляло 3012 (Отчет, 1910: 152). К 1910 г. фонд гимназии достиг 3796 томов (Отчет, 1911: 216). К 1911 г. – 5922 книг (Отчет, 1912: 186). В 1913 г. фонд гимназии достиг 4425 книг (Отчет, 1914: 210-211).

В 1913 г. фонд новообразованной Екатеринодарской 3-й гимназии достиг 2563 книг (Отчет, 1914: 210-211).

В 1909 г. библиотечный фонд Ейской женской гимназии составлял: фундаментальной – 3080 книг, ученической – 4362. Общее количество томов составляло 7442 (Отчет, 1910: 152). К 1910 г. фонд гимназии достиг 7671 томов (Отчет, 1911: 216). К 1911 г. – 8626 книг (Отчет, 1912: 186). В 1913 г. фонд гимназии достиг 9451 книг (Отчет, 1914: 210-211).

В 1909 г. библиотечный фонд Лабинской женской гимназии составлял: фундаментальной – 305 книг, ученической – 1439. Общее количество томов составляло 1744 (Отчет, 1910: 152). К 1910 г. фонд гимназии не изменился (Отчет, 1911: 217). К 1911 г. – 1710 книг (Отчет, 1912: 186). В 1913 г. фонд гимназии достиг 1810 книг (Отчет, 1914: 210-211).

В 1909 г. библиотечный фонд Майкопской женской гимназии составлял: фундаментальной – 1439 книг, ученической – 3368. Общее количество томов составляло 4807 (Отчет, 1910: 153). К 1910 г. фонд гимназии достиг 5191 томов (Отчет, 1911: 217). К 1911 г. – 5701 книг (Отчет, 1912: 187). В 1913 г. фонд гимназии достиг 6874 книг (Отчет, 1914: 210-211).

Библиотечные фонды кубанских женских прогимназий не отличались своими объемами, так как были созданы сравнительно недавно. Так, к 1909 г. библиотечный фонд Славянской женской прогимназии составлял: фундаментальной – 177 книг, ученической – 466. Общее количество томов составляло 643 (Отчет, 1910: 153). К 1910 г. фонд теперь уже гимназии достиг 1433 томов (Отчет, 1911: 217). К 1911 г. – 1776 книг (Отчет, 1912: 187). В 1913 г. фонд гимназии достиг 2420 книг (Отчет, 1914: 210-211).

В 1909 г. библиотечный фонд Тихорецкой женской прогимназии составлял: фундаментальной – 35 книг, ученической – 100. Общее количество томов составляло 135 (Отчет, 1910: 153). К 1910 г. фонд прогимназии достиг 232 томов (Отчет, 1911: 217). К 1911 г. – 432 книг (Отчет, 1912: 187). В 1913 г. фонд гимназии достиг 885 книг (Отчет, 1914: 210-211).

В 1909 г. библиотечный фонд Уманской женской прогимназии составлял: фундаментальной – 258 книг, ученической – 826. Общее количество томов составляло 1084 (Отчет, 1910: 153). К 1910 г. фонд прогимназии достиг 1239 томов (Отчет, 1911: 217). К 1911 г. – 1299 книг (Отчет, 1912: 187).

В 1909 г. библиотечный фонд Усть-Лабинской женской прогимназии составлял: фундаментальной – 57 книг, ученической – 360. Общее количество томов составляло 417 (Отчет, 1910: 153). К 1910 г. фонд теперь уже гимназии достиг 1390 томов (Отчет, 1911: 217). К 1911 г. – 1612 книг (Отчет, 1912: 187). В 1913 г. фонд гимназии достиг 1915 книг (Отчет, 1914: 210-211).

В 1911 г. библиотечный фонд Екатеринодарской 2-й прогимназии составлял 987 томов (121 том в фундаментальной библиотеке и 866 – в ученической) (Отчет, 1912: 187).

В 1911 г. библиотечный фонд Романовской прогимназии составлял 52 тома (16 том в фундаментальной библиотеке и 36 – в ученической) (Отчет, 1912: 187). В 1913 г. фонд гимназии достиг 749 книг (Отчет, 1914: 210-211).

Скажем несколько слов и о библиотечном фонде учительских семинарий. Так в 1909 г. в 1-й Кубанской учительской семинарии библиотечный фонд составлял: фундаментальной – 5280 книг, ученической – 3695. Общее количество томов составляло 8975 (Отчет, 1910: 210). К 1910 г. библиотечный фонд семинарии насчитывал 9238 томов (Отчет, 1911: 168). К 1911 г. библиотечный фонд семинарии насчитывал 9689 томов (Отчет, 1912: 244). В 1913 г. библиотечный фонд семинарии составил 10293 тома (Отчет, 1914: 155).

В 1909 г. библиотечный фонд 2-й Кубанской учительской семинарии составлял: фундаментальной – 79 книг, ученической – 25. Общее количество томов составляло 104 (Отчет, 1910: 210). К 1910 г. библиотечный фонд семинарии насчитывал 2371 том (Отчет, 1911: 168). К 1911 г. библиотечный фонд семинарии насчитывал 2984 тома (Отчет, 1912: 244). В 1913 г. библиотечный фонд семинарии составил 3941 том (Отчет, 1914: 155).

В 1909 г. библиотечный фонд Екатеринодарской женской учительской семинарии составлял: фундаментальной – 308 книг, в ученической библиотеке книг не было. Общее количество томов составляло 308 (Отчет, 1910: 210). К 1910 г. библиотечный фонд семинарии насчитывал 1434 тома (Отчет, 1911: 168). К 1911 г. библиотечный фонд семинарии насчитывал 3182 тома (Отчет, 1912: 244). В 1913 г. библиотечный фонд семинарии составил 4877 томов (Отчет, 1914: 155).

К 1913 г. библиотечный фонд Бескоробненской семинарии составлял 273 тома (Отчет, 1914: 155).

Общий фонд в 1909 г. составлял 90075 книг, а в 1913 г. их было уже 160398 книг. То есть можно утверждать, что к 1914-1915 гг. библиотечный фонд средних учебных заведений увеличился практически в 2 раза.

Низшее образование

Как уже отмечалось, низшее образование в России было представлено городскими училищами, горскими школами, мариинскими училищами¹ и промышленными училищами. С 1912 г. начинают открываться высшие начальные училища (Отчет, 1914: 96). К 1914 г. практически все высшие городские училища были реорганизованы в шестиклассные высшие начальные училища (Отчет, 1915: 97).

На территории Кубанской области было одно низшее техническое училище в Майкопе, основанное еще 1 июля 1899 г. (Отчет, 1910: 242).

На протяжении всего рассматриваемого периода на Кубани были два женских Мариинских училища: в Темрюке (созданное 26 сентября 1899 г.) (Отчет, 1910: 272) и в Анапе (созданное 3 сентября 1903 г.) (Отчет, 1911: 272).

Интересной особенностью городских училищ Российской империи к 1909 г. стало то, что в них предполагался курс обучения в 7 лет (один подготовительный и шесть классов), то есть они вполне соответствовали по курсу обучения прогимназиям.

На территории Кубанской области к 1909 г. было 13 городских училищ, в 11 из которых были шестиклассными, одно – четырехклассным (Ейское) и одно – трехклассное (Камышевское, так как было недавно образовано) (Отчет, 1910: 320-321).

Вот эти училища: Анапское (открыто 16 октября 1878 г.), Армавирское (открыто 1 сентября 1904 г.), Баталпашинское (открыто 1 июля 1881 г.), Екатеринодарское 1-е (открыто 1 августа 1891 г.), Екатеринодарское 2-е (открыто 1 сентября 1902 г.), Ейское (открыто 1 июля 1880 г.), Константиновское (открыто 1 сентября 1905 г.), Камышевское (23 сентября 1909 г.), Лабинское (открыто 1 июля 1909 г.), Майкопское (открыто 1 сентября 1872 г.), Славянское (открыто в период 1901–1906 гг.), Темрюкское (открыто 1 июля 1880 г.) и Уманское (открыто 1 июля 1903 г.) (Отчет, 1910: 320-321). 1 сентября 1910 г. было открыто Ладожское городское училище в станице Ладожской (Отчет, 1911: 321). 1 сентября 1911 г. на Кубани было открыто еще два городских училища Гривенское и Тимошевское (Отчет, 1912: 321).

Кубанская область к 1909 г. располагала и 4 промышленными училищами. Ейская школа ремесленных учеников была основана 1 июля 1896 г. (Отчет, 1910: 420), Екатеринодарское низшее ремесленное училище открыто 1 июня 1897 г., Майкопское низшее ремесленное училище было

¹ Женские учебные заведения ведомства вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

открыто 1 июля 1902 г. и Темрюкское низшее ремесленное училище было открыто 1 июля 1897 г. (Отчет, 1910: 421). 31 октября 1910 года была открыта Брюховецкая низшая ремесленная школа в станице Брюховецкой (Отчет, 1911: 421).

К 1909 г. на территории Кубанской области было женское профессиональное училище, которое имело два отделения: 1) кройки и шитья, 2) изящных рукоделий (Отчет, 1910: 460).

С 1912 г. в пределах Кавказского учебного округа появились высшие начальные училища, одно из них было создано 1 сентября в станице Мингрельской Кубанской области (Отчет, 1914: 96).

Рассмотрим динамику количества низших учебных заведений на территории Кубанской области (Таблица 5).

Таблица 5. Количество низших учебных заведений на территории Кубанской области (Отчет, 1910: 242, 272, 320-321, 420, 460; Отчет, 1911: 136, 272, 321, 420-421, 460; Отчет, 1912: 272, 321, 394-395, 406-407, 463; Отчет, 1913: 128, 145, 232, 258, 350, 391; Отчет, 1914: 83, 91, 96, 100, 107, 115, 123; Отчет, 1915: 149, 471, 473, 475. 490, 492, 494, 530, 689, 691)

Годы	Количество учебных заведений							Количество учащихся		
	Городское училище	Низшее техническое училище	Женское Мариинское училище	Промышленное училище	Женское профессиональное училище	Высшее начальное училище	Всего	Мал.	Дев.	Всего
1909	13	1	1	4	1	-	20	2763	459	3222
1910	14	1	2	5	1	-	23	-	-	3575
1911	16	1	2	5	1	-	25	3204	602	3816
1912	16	1	2	5	1	1	28	3473	612	4085
1913	15	1	2	5	1	24	48	3730	1046	4776
1914	3	1	2	5	2	45	58	5292	1842	7134

Данные Таблицы 5 показывают, что с 1909 по 1914 гг. сеть низших учебных заведений на территории области выросла почти в 3 раза. При этом ставка делалась на шестиклассные высшие начальные и городские училища. Количество обучающихся мальчиков возросло более чем в два раза, а количество девочек – почти в 3 раза. Что делало низшее образование более доступным для населения.

Таблица 6. Распределение учащихся низших учебных заведений по национальностям (Отчет, 1910: 374, 461; Отчет, 1911: 298-299, 452-453, 461; Отчет, 1912: 374, 463; Отчет, 1913: 145, 232, 391; Отчет, 1914: 145, 286, 485)

Годы	Русские	грузины	армяне	татары	горцы	Другие национальности	Всего
1909	2545	8	34	-	16	54	2657 ¹
1910	2928	4	47	-	22	52	3053 ²
1911	2831	14	63	-	24	73	3005 ³
1912	695	-	20	4	17	27	759 ⁴
1913	767	2	19	-	17	13	881 ⁵

¹ Представлены только учащиеся городских училищ. Данных о женских Мариинских училищах, низшем техническом и промышленных училищах – нет.

² В представленных данных отсутствуют сведения о низших технических училищах и женских Мариинских училищах.

³ В представленных данных отсутствуют сведения о низших технических училищах и женских Мариинских училищах.

⁴ Представлены данные только по двум Мариинским училищам, женскому профессиональному училищу и низшему техническому училищу.

⁵ Представлены данные только по двум Мариинским училищам, женскому профессиональному училищу и низшему техническому училищу.

Таблица 6 отличается своей неполнотой, так как с 1907 г. в отчет попечителя Кавказского учебного округа не включались данные о национальном составе учащихся. Тем не менее, даже по этим отрывчатым сведениям мы можем видеть, что на протяжении всего периода русские составляли подавляющее большинство учащихся низших учебных заведений, все остальные национальности были представлены незначительным числом.

Таблица 7. Распределение учащихся низших учебных заведений по вероисповеданиям (Отчет, 1910: 232, 266, 298-299, 408-409, 461; Отчет, 1911: 126, 266, 298-299, 408-409, 461; Отчет, 1912: 126, 266, 298-299, 394-395, 463; Отчет, 1913: 145, 232, 258, 350, 391; Отчет, 1914: 128, 286, 316, 318, 442, 485)

Годы	Православные	Католики	Армяно-григоряне	Протестанты	Иудеи	Мусульмане	Другие исповедания	Всего
1909	3137	31	38	26	27	23	-	3222
1910	3391	16	68	42	26	32	-	3575
1911	3594	46	84	28	22	36	6	3816
1912	3902	25	71	31	17	32	7	4085
1913	4592	24	68	37	18	28	9	4776

Таблица 7 дает полную картину о численности представителей разных вероисповеданий на территории Кубанской области. Из **Таблицы 7** видно, что, несмотря на то, что количество учащихся возросло за 1909–1913 гг. в 1,5 раза, такого же повышения количества учащихся у католиков, иудеев, и мусульман не произошло. Резко нарастили свое присутствие в учебных заведениях только русские и армяне. Обратим внимание также на распределение учащихся по сословиям (**Таблица 8**).

Таблица 8. Распределение учащихся низших учебных заведений по сословиям (Отчет, 1910: 232, 298-299, 408-409, 461; Отчет, 1911: 126, 298-299, 408-409, 461; Отчет, 1912: 126, 298-299, 394-395, 463; Отчет, 1913: 129, 259, 351; Отчет, 1914: 128, 286, 316, 318, 442, 485)

Годы	Дворяне	Духовного звания	Почетные граждане и купцы I гильдии	Других городских сословий	Казаков	Крестьяне	Иностранцы	Прочие	Всего
1909	79	13	46	1350	799	734	17	16	3054 ¹
1910	76	14	37	1398	827	780	23	28	3183 ²
1911	88	17	60	1426	915	863	14	33	3416 ³
1912	87	16	15	1600	951	964	29	47	3709 ⁴
1913	80	17	20	1833	1286	1078	36	69	4419 ⁵

Анализируя **Таблицу 8** можно отметить, что 150 % рост дали следующие сословия: мещане (другие городские сословия), казаки, крестьяне, в 2 раза возросло количество иностранцев и в 4 раза количество представителей прочих сословий. Количество дворян и детей лиц духовного звания почти не изменилось, а количество детей почетных граждан несколько сократилось.

Несколько слов скажем и о библиотеках низших учебных заведений.

¹ Нет данных об учащихся женского Мариинского училища.

² Отсутствуют данные о женских Мариинских училищах.

³ Отсутствуют данные о женских Мариинских училищах.

⁴ Отсутствуют данные о женских Мариинских училищах.

⁵ Отсутствуют данные о женских Мариинских училищах.

На 1909 г. в Майкопском низшем техническом училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 3823 книг, в ученической библиотеке – 2723 книги. Общее количество томов составляло 6546 (Отчет, 1910: 243). К 1910 г. общий фонд технического училища сократился до 5616 томов (Отчет, 1911: 137). К 1911 г. фонд достиг 5783 книг (Отчет, 1912: 137). К 1912 г. фонд достигал 5865 томов (Отчет, 1914: 50). В 1913 г. училище располагало фондом в 6004 книги (Отчет, 1914: 137).

В 1909 г. в Темрюкском женском Мариинском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 1080 книг, в ученической библиотеке – 1240 книг. Общее количество томов составляло 2320 (Отчет, 1910: 273). К 1910 г. фонд достиг 2684 книг (Отчет, 1911: 273). К 1911 г. общее количество томов достигло 3206 (Отчет, 1912: 273). В 1913 г. библиотечный фонд училища достиг 3569 книг (Отчет, 1914: 291).

В 1910 г. библиотечный фонд Анапского женского Мариинского училища достиг: 840 томов в фундаментальной библиотеке и 1048 томов в ученической. Общее количество томов составляло 1888 (Отчет, 1911: 273). К 1911 г. общее количество томов достигло 2 тыс. (Отчет, 1912: 273). В 1913 г. библиотечный фонд училища достиг 2550 книг (Отчет, 1914: 291).

В 1909 г. в Анапском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 2502 книги, в ученической библиотеке – 1502 книги. Общее количество томов составляло 4004 (Отчет, 1910: 324). К 1910 г. библиотечный фонд училища несколько снизился составив 3491 том (Отчет, 1911: 324). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 3515 томов (Отчет, 1912: 324). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 3828 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Армавирском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 646 книг, в ученической библиотеке – 507 книг. Общее количество томов составляло 1153 (Отчет, 1910: 324). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 1295 томов (Отчет, 1911: 324). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 1223 томов (Отчет, 1912: 324). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 1378 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Баталпашинском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 5800 книг, в ученической библиотеке – 2998 книг. Общее количество томов составляло 8798 (Отчет, 1910: 324). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 8898 томов (Отчет, 1911: 324). За 1911 г. о библиотечном фонде сведений нет (Отчет, 1912: 324). В 1913 г. сведений нет (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Екатеринодарском 1-м городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 7883 книг, в ученической библиотеке – 4544 книг. Общее количество томов составляло 12427 (Отчет, 1910: 325). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 13103 томов (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 13241 томов (Отчет, 1912: 324). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 15162 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Екатеринодарском 2-м городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 1660 книг, в ученической библиотеке – 1679 книг. Общее количество томов составляло 3339 (Отчет, 1910: 325). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 3534 тома (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 3735 томов (Отчет, 1912: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 4886 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Ейском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 2705 книг, в ученической библиотеке – 1996 книг. Общее количество томов составляло 4701 (Отчет, 1910: 325). К 1910 г. библиотечный фонд училища снизился до 4690 томов (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 5168 томов (Отчет, 1912: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 5255 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Константиновском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 462 книг, в ученической библиотеке – 412 книг. Общее количество томов составляло 874 (Отчет, 1910: 325). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 908 томов (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 934 томов (Отчет, 1912: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 990 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Камышевском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – книг не было, в ученической библиотеке – 720 книг. Общее количество томов составляло 720 (Отчет, 1910: 325). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 3874 томов (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 3518 томов (Отчет, 1912: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 4447 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Лабинском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 821 книг, в ученической библиотеке – 540 книг. Общее количество томов составляло 1361 (Отчет, 1910: 325). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 1418 томов (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 1697 томов (Отчет, 1912: 325).

В 1909 г. в Майкопском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 4385 книг, в ученической библиотеке – 2436 книг. Общее количество томов составляло 6821 (Отчет, 1910: 325). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 7775 томов (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 8019 томов (Отчет, 1912: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 10869 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Славянском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 2061 книг, в ученической библиотеке – 1385 книг. Общее количество томов составляло 3446 (Отчет, 1910: 325). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 3631 томов (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 3761 том (Отчет, 1912: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 3960 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Темрюкском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 4290 книг, в ученической библиотеке – 1309 книг. Общее количество томов составляло 5599 (Отчет, 1910: 325). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 5790 томов (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 5856 томов (Отчет, 1912: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 5853 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. в Уманском городском училище имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 651 книга, в ученической библиотеке – 725 книг. Общее количество томов составляло 1376 (Отчет, 1910: 325). К 1910 г. библиотечный фонд училища достиг 1754 тома (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 1770 томов (Отчет, 1912: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 2139 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1910 г. библиотечный фонд новообразованного Ладожского городского училища составил: фундаментальная – 1181 том, ученическая – 756 томов. Всего 1937 томов (Отчет, 1911: 325). К 1911 г. библиотечный фонд составлял 1876 томов (Отчет, 1912: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 3828 томов (Отчет, 1914: 347). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 2569 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1911 г. библиотечный фонд новообразованного Гривенского городского училища составил: фундаментальная – 318 том, ученическая – 1654 томов. Всего 1972 томов (Отчет, 1911: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 1899 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1911 г. библиотечный фонд новообразованного Тимошевского городского училища составил: фундаментальная – 1212 том, ученическая – 2039 томов. Всего 3251 том (Отчет, 1911: 325). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 5000 томов (Отчет, 1914: 347).

В 1909 г. Ейская школа ремесленных учеников имела следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 875 книг, в ученической библиотеке – 682 книг. Общее количество томов составляло 1557 (Отчет, 1910: 422). К 1910 году школа располагала библиотечным фондом в 1572 книги (Отчет, 1911: 422). К 1911 г. фонд достигал 1684 томов (Отчет, 1912: 408). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 1989 томов (Отчет, 1914: 453).

В 1909 г. в Екатеринодарской низшей ремесленной школе имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 550 книг, в ученической библиотеке – 552 книги. Общее количество томов составляло 1102 (Отчет, 1910: 422). К 1910 году библиотечный фонд школы достиг 1139 книг (Отчет, 1911: 423). К 1911 г. фонд сократился до 602 томов (Отчет, 1912: 409). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 876 томов (Отчет, 1914: 453).

В 1909 г. в Майкопской низшей ремесленной школе библиотечного фонда не было вообще (Отчет, 1910: 422). Фонда не было и в 1910 г. (Отчет, 1911: 423). Фонда не было и в 1913 г. (Отчет, 1914: 453).

В 1909 г. в Темрюкской низшей ремесленной школе имелся следующий библиотечный фонд: фундаментальной – 492 книг, в ученической библиотеке – 487 книги. Общее количество томов составляло 979 (Отчет, 1910: 422). К 1910 году библиотечный фонд школы не изменился и составлял 979 книг (Отчет, 1911: 423). К 1911 г. фонд составлял 984 тома (Отчет, 1912: 409). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 920 томов (Отчет, 1914: 453).

В новообразованной Брюховецкой низшей ремесленной школе библиотечного фонда в 1910 г. не было (Отчет, 1911: 423). К 1911 г. фонд составлял всего 4 тома в фундаментальной библиотеке (Отчет, 1912: 409). К 1913 г. библиотечный фонд составлял 215 томов (Отчет, 1914: 453).

Помимо этого, к 1913 г. библиотечными фондами располагали и восемь высших начальных училища их общий фонд составлял 8085 книг (Отчет, 1914: 345).

Таким образом в низших учебных заведениях на 1909 г. общий библиотечный фонд составлял 57346 книг, а к 1913 г. он возрос до 94140 книг. В это число не входят библиотеки частных учебных заведений.

Начальное образование

Сеть начальных учебных заведений была представлена частными, министерскими (школы, находящиеся в ведомстве МНП, включая, земские, общественные и др. школы) и церковно-приходскими школами.

Министерские школы

В 1909 г. Кубанская область располагала целой сетью начальных училищ (см. [Таблицу 9](#)).

Таблица 9. Распределение начальных училищ МНП по типам и число учеников в Кубанской области (Отчет, 1910: 398, 400; Отчет, 1911: 390, 399; Отчет, 1912: 450, 456, 457; Отчет, 1913: 343; Отчет, 1914: 91, 93, 95, 105, 336, 428, 435; Отчет, 1915: 109, 114, 672, 683)

Годы	Двуклассные училища			Одноклассные училища			Всего училищ	Количество учащихся		
	мужские	Женские	Смешанные	Мужские	Женские	Смешанные		Мальчиков	Девочек	Всего
1909	40	7	148	106	142	381	824	68344	31165	99509
1910	212			602			864	71123	33384	104507
1911	54	8	153	124	133	439	911	73203	35690	108893
1912	54	11	168	90	152	522	997	80243	40520	120763
1913	51	23	164	157	213	617	1225	84431	44125	128556
1914	35	16	199	142	199	678	1269	87818	48413	136231

Анализируя [Таблицу 9](#), мы можем видеть, что в период с 1909 по 1914 гг. количество учебных заведений и обучающихся увеличилось на 50 %. При этом уже с 1913 года обозначился курс на сокращение мужских и женских заведений и перевод их в разряд смешанных. Еще одной интересной особенностью было то, что несмотря на то, что женское образование на территории Кубанской области стало свершившимся фактом, процент обучающихся девочек даже в 1914 г. был значительно ниже процента обучающихся мальчиков, а это означало что большая прослойка девочек не была охвачена школой. Особенно это касалось мусульман, где на 10 мальчиков приходилась только одна обучающаяся девочка.

Таблица 10. Распределение учащихся начальных школ по национальностям (Отчет, 1910: 400; Отчет, 1912: 457; Отчет, 1913: 343; Отчет, 1914: 435)

Годы	Русские	грузины	армяне	татары	горцы	Другие национальности	Всего
1909	94012	32	750	124	1426	3165	99509
1911	104333	46	628	240	1519	2127	108893
1912	115339	97	745	215	1889	2478	120763
1913	122924	64	900	195	2266	2207	128556

Значительный интерес представляет [таблица 10](#), анализируя ее данные можно увидеть, что на протяжении 1909–1913 гг. устойчивый рост численности учащихся показывали русские и горцы. Численность всех остальных национальностей варьировалась от меньшего к большему и наоборот.

Таблица 11. Распределение учащихся начальных школ по вероисповеданиям (Отчет, 1910: 392; Отчет, 1912: 450; Отчет, 1913: 337; Отчет, 1914: 425-426; Отчет, 1915: 672-673)

Годы	Православные	Католики	Армяно-григорианцы	Протестанты	Иудеи	Мусульмане	Другие исповедания	Всего
1909	94577	443	809	2046	229	1352	53	99509
1910	99181	533	766	2154	288	1558	27	104507
1911	103661	649	580	1919	276	1519	289	108893
1912	114642	623	740	2323	379	1939	117	120763
1913	122372	388	1014	2197	402	2158	25	128556
1914	129961	491	728	2309	380	2340	22	136231

В [Таблице 11](#) сведены данные по вероисповеданиям учащихся, из таблицы видно, что на первом месте по количеству находились русские, второе место поделили протестанты и мусульмане, на третьем месте расположились армяне.

Церковно-приходские школы

На территории Кубанской области действовала целая сеть начальных школ, находящихся в подчинении Святейшего Синода, такие школы назывались церковно-приходскими.

Таблица 12. Количество церковно-приходских школ на территории Кубанской области (Всепопданнейший отчет, 1911: 242-245; Всепопданнейший отчет, 1913: 112-113; Всепопданнейший отчет, 1913: 178-179, 206-207; Всепопданнейший отчет, 1915: 122-123; Всепопданнейший отчет, 1916: 124-125)

Годы	Количество училищ из них				Количество учащихся		
	Двуклассных	Одноклассных	Школ грамоты	Всего	Мальчиков	девочек	всего
1909	3	425	2	430	13991	9166	23157
1910	3	419	3	425	13440	9098	22538
1911	3	415	2	420	13377	9273	22650
1912	3	415	2	420	13523	9508	23031
1913	3	417	3	423	13769	9831	23600
1914	5	415	1	421	14164	10063	24227

На протяжении 1909–1914 гг. общее количество школ, которые находились в ведении духовного ведомства составляло от 420 до 430. Несмотря на некоторое снижение количества школ, количество учеников в них продолжало расти.

Частное образование

Частное образование на территории Кубанской области было представлено учебными заведениями 1-го, 2-го и 3-го разрядов. По состоянию на 1909 г. имелась одно заведение 1-го разряда, то есть соответствовало гимназии, 5 – 2-го разряда и 8 – 3-го разряда ([Отчет, 1910: 464](#)). В 1910 г. на территории области было 1 заведение 1-го разряда, 8 – 2-го разряда и 3 – 3-го ([Отчет, 1911: 464](#)). В 1911 г. количество частных учебных заведений возросло до 15, из них: 1 заведение 1-го разряда, 9 заведений 2-го разряда и 5 заведений 3-го разряда ([Отчет, 1912: 466](#)). В 1912 г. – 1 – 1-го разряда, 11 – 2-го разряда и 7 – 3-го разряда ([Отчет, 1914: 392](#)).

Важной составной частью системы народного просвещения стало проведение учебно-методических курсов для учителей начальных школ. Такие курсы начали вводиться на Кавказе с 1908 г. В 1911 г. в пределах Кавказского учебного округа было проведено 27 курсов с общим количеством участников 1355. В 1912 г. было проведено 20 курсов с 1077 участниками ([Отчет, 1914: 134](#)).

Итак, чего же достигла система народного просвещения на территории Кубанской области в 1909–1917 гг.

Согласно данным министерства народного просвещения к 1 января 1915 г. на территории Кубанской области насчитывалось 267500 детей школьного возраста ([РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1](#)). К 1914 г. общее количество средних учебных заведений всех ведомств достигло 39, количество низших заведений – 72, а количество начальных – 2083. Всего на территории Кубанской области обучалось 187894 человека, из которых 116 тыс. мальчиков и 71 тыс. девочек ([Кубанский сборник, 1916: 95](#)). К 1916 г. этот показатель еще больше увеличился за счет открытия новых учебных заведений и реализации программы введения всеобщего образования в Российской империи.

5. Заключение

Завершая, мы хотели бы отметить, что система народного просвещения на территории Кубанской области в 1909–1917 гг. имела свою разветвленную сеть средних, низших и начальных учебных заведений. В этот период много было сделано для подготовки педагогических кадров для начальной школы, резко увеличено количество гимназий и высших начальных училищ. Система народного образования поднялась на более высокий уровень своего развития и заложила основу для создания в регионе первого высшего учебного заведения. Несмотря на успехи в области всеобщего начального образования на Кубани к 1917 г. продолжал оставаться значительный контингент девочек не охваченных народной школой.

Литература

- Блюдов, 1875** – Блюдов Н. Отчет о состоянии народных училищ Кубанской области за 1874 г. // Памятная книжка Кубанской области на 1875 г. Екатеринодар, 1875. С. I–XXXVI.
- Блюдов, 1883** – Блюдов Н.Ф. Начальное народное образование в Кубанской области // *Кубанский сборник*. 1883. № 1. С. 735–828.
- Всепопданнейший отчет, 1911** – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 гг. СПб., 1911.
- Всепопданнейший отчет, 1913** – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1910 г. СПб., 1913.
- Всепопданнейший отчет, 1913** – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913.
- Всепопданнейший отчет, 1915** – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. СПб., 1915.
- Всепопданнейший отчет, 1916** – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. СПб., 1916.
- Гатагова, 1993** – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993. 143 с.
- Кобахидзе, 2015** – Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10. Ч. 3. С. 87–90.
- Кубанский календарь, 1899** – Кубанский календарь на 1899 г. Екатеринодар, 1899.
- Кубанский календарь, 1915** – Кубанский календарь на 1915 г. Екатеринодар, 1915.
- Кубанский сборник, 1916** – Кубанский сборник на 1916 г. Т. XXI. Екатеринодар, 1916. С. 94–104.
- О состоянии области, 1909** – О состоянии области и войска за 1907 год. Извлечение из отчета Начальника области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска. Под ред. Д.М. Мартыненко. Кубанский сборник. Т. 14. Екатеринодар, 1909.
- Отчет, 1910** – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1909 г. Тифлис, 1910.
- Отчет, 1911** – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1910 г. Тифлис, 1911.
- Отчет, 1912** – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1911 г. Тифлис, 1912.
- Отчет, 1913** – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1912 г. Тифлис, 1913.
- Отчет, 1914** – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1913 гг. Тифлис, 1914.
- Отчет, 1915** – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1914 г. Тифлис, 1915.
- Сборник статистических сведений, 1869** – Сборник статистических сведений о Кавказе / Сост. Н.И. Воронов. Ч. 1. Тифлис, 1869.
- Статистическое описание, 1835** – Статистическое описание Закавказского края / Сост. О. Евецкий. В 2 ч. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1835.
- Фарфоровский, 1912** – Фарфоровский С. Народное образование в Кубанской области // ЖМНП. 1912. № 11. С.46–69.
- Число учебных заведений, 1883** – Число учебных заведений и учащихся в Кубанской области к 1 января 1882 г. // Кубанская справочная книжка. 1883. Екатеринодар, 1883. С. 77.
- Cherkasov et al., 2019** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208–214.
- Cherkasov et al., 2019a** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418–424.
- Cherkasov, 2011** – Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894–1917): Developmental Milestones // *Social Evolution and History*. 2011. 10(2): 138–149.
- Cherkasov, Smigel, 2016** – Cherkasov A.A., Smigel M. Public education in the Russian empire during the last third of the XIX century: Parish schools. *European Journal of Contemporary Education* // 2016. 18(4): 418–429.
- Degtyarev et al., 2018** – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. On the establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and its coverage in "Kievskaya starina" journal // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(4): 911–917.

Magsumov et al., 2018 – Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L. Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province) // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(2): 420-427.

Magsumov et al., 2018 – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 598-607.

Magsumov, 2015 – Magsumov T.A. The Additional Professional Training in the Late Russian Empire // *Bylye Gody*. 2015. 36(2): 327-337.

Mamadaliev, 2015 – Mamadaliev A.M. The Everyday Activity of Rural Schools in the early 1920s (through the Example of Schools in the Village of Aibga) // *Bylye Gody*. 2015. 36(2): 388-393.

Molchanova et al., 2019 – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1049-1058.

Natolochnaya et al., 2018 – Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A. Highland schools in the Caucasus: Historical background // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 608-614.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2): 367-377.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 817-829.

Shevchenko et al., 2016 – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 363-372.

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A., Miku N.V. Public education in the Russian empire at the end of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(1): 226-231.

References

Blyudov, 1875 – Blyudov N. (1875). Otchet o sostoyanii narodnykh uchilishch Kubanskoï oblasti za 1874 g. [Report on the state of public schools in the Kuban region since 1874]. Pamyatnaya knizhka Kubanskoï oblasti na 1875 g. Ekaterinodar. P. I–XXXVI. [in Russian]

Blyudov, 1883 – Blyudov N.F. (1883). Nachal'noe narodnoe obrazovanie v Kubanskoï oblasti [Primary education in the Kuban region]. *Kubanskii sbornik*. № 1. Pp. 735-828. [in Russian]

Cherkasov et al., 2019 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.

Cherkasov et al., 2019a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.

Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. (2011). All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. 2011. 10(2): 138-149.

Cherkasov, Smigel, 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M. (2016). Public education in the Russian empire during the last third of the XIX century: Parish schools. *European Journal of Contemporary Education*. 18(4): 418-429.

Chislo uchebnykh zavedenii, 1883 – Chislo uchebnykh zavedenii i uchashchikhsya v Kubanskoï oblasti k 1 yanvarya 1882 g. [The number of educational institutions and students in the Kuban region by January 1, 1882]. *Kubanskaya spravochnaya knizhka*. 1883. Ekaterinodar, 1883. P. 77. [in Russian]

Degtyarev et al., 2018 – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. (2018). On the establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and its coverage in "Kievskaya starina" journal. *European Journal of Contemporary Education*. 7(4): 911-917.

Farforovskii, 1912 – Farforovskii S. (1912). Narodnoe obrazovanie v Kubanskoï oblasti [Public education in the Kuban region]. *ZhMNP*. № 11. Pp. 46-69. [in Russian]

Gatagova, 1993 – Gatagova L.S. (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the XIX century]. M.: Rossiya molodaya. 143 p. [in Russian]

Kobakhidze, 2015 – Kobakhidze E.I. (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [Legislation of the 1840–1870s in the field of education as a factor in the integration of the Caucasian school in the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 10. Ch. 3. Pp. 87-90. [in Russian]

- [Kubanskii kalendar', 1899](#) – Kubanskii kalendar' na 1899 g. [Kuban calendar for 1899.]. Ekaterinodar, 1899. [in Russian]
- [Kubanskii kalendar', 1915](#) – Kubanskii kalendar' na 1915 g. [Kuban calendar for 1915]. Ekaterinodar, 1915. [in Russian]
- [Kubanskii sbornik, 1916](#) – Kubanskii sbornik na 1916 g. [Kuban collection for 1916]. T. XXI. Ekaterinodar, 1916. S. 94-104. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V.* (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.
- [Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Balanyuk, L.L.* (2018). Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province). *European Journal of Contemporary Education*. 7(2): 420-427.
- [Magsumov, 2015](#) – *Magsumov T.A.* (2015). The additional professional training in the late russian empire. *Bylye Gody*. 36(2): 327-337.
- [Mamadaliyev, 2015](#) – *Mamadaliyev A.M.* (2015). The everyday activity of rural schools in the early 1920s (through the example of schools in the village of Aibga). *Bylye Gody*. 36(2): 388-393.
- [Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3: 1049-1058.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – *Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A.* (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.
- [O sostoyanii oblasti, 1909](#) – O sostoyanii oblasti i voiska za 1907 god. Izvlechenie iz otcheta Nachal'nika oblasti i Nakaznogo Atamana Kubanskogo kazach'ego voiska [On the state of the region and troops for 1907. Extract from the report of the Head of the region and the Ataman of the Kuban Cossack army]. Pod red. D.M. Martynenko. Kubanskii sbornik. T. 14. Ekaterinodar, 1909. [in Russian]
- [Otchet, 1910](#) – Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1909 g. [Report on the state of educational institutions of the Caucasian educational district for 1909]. Tiflis, 1910. [in Russian]
- [Otchet, 1911](#) – Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1910 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district for 1910]. Tiflis, 1911. [in Russian]
- [Otchet, 1912](#) – Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1911 g. [Report on the state of educational institutions of the Caucasian educational district for 1911]. Tiflis, 1912. [in Russian]
- [Otchet, 1913](#) – Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1912 g. [Report on the state of educational institutions of the Caucasian educational district for 1912]. Tiflis, 1913. [in Russian]
- [Otchet, 1914](#) – Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1913 gg. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district for 1913]. Tiflis, 1914. [in Russian]
- [Otchet, 1915](#) – Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1914 g. [Report on the state of educational institutions of the Caucasian educational district for 1914]. Tiflis, 1915. [in Russian]
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367-377.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 817-829.
- [Sbornik statisticheskikh svedenii, 1869](#) – Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [Collection of statistical information about the Caucasus]. Sost. N.I. Voronov. Ch. 1. Tiflis, 1869. [in Russian]
- [Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.
- [Shevchenko et al., 2018](#) – *Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A., Miku N.V.* (2018). Public education in the Russian empire at the end of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. 7(1): 226-231.
- [Statisticheskoe opisanie, 1835](#) – Statisticheskoe opisanie Zakavkazskogo kraya [Statistical description of the Transcaucasian region]. Sost. O. Evetskii. V 2 ch. Ch. 1. Sankt-Peterburg, 1835. [in Russian]
- [Vsepoddanneishii otchet, 1911](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishogo sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908–1909 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1908–1909]. SPb., 1911. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1913](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1910 g. [The most substantial report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1910]. SPb., 1913. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1913](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1911–1912 gg. [The most authentic report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1911–1912]. SPb., 1913. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1915](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 g. [The most subordinate report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1913]. SPb., 1915. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1916](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g. [The most subordinate report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1914]. SPb., 1916. [in Russian]

Развитие системы начального образования на казачьих территориях в 1803–1917 гг. (на примере Кубанской области). Часть 3

Виолетта Сергеевна Молчанова ^{a, b, *}, Леонид Леонидович Баланюк ^c,
Евгения Владимировна Видищева ^d, Ирина Ивановна Потапова ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^e Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается развитие системы начального образования на территории Кубанского казачьего войска в 1803–1917 гг. В данной части уделено внимание наиболее сложному периоду с 1908 по 1917 гг. (подготовительные работы для введения всероссийского начального образования).

В качестве материалов была привлечена отчетная документация о состоянии Кавказского учебного округа, неопубликованные архивные материалы из фондов Министерства народного просвещения и Святейшего синода, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также использована российская научная литература по истории народного образования на территории Кавказа, и в частности на территории Кубанской области.

В заключении авторы отмечают, что система народного просвещения на территории Кубанской области в 1909–1917 гг. имела свою разветвлённую сеть средних, низших и начальных учебных заведений. В этот период много было сделано для подготовки педагогических кадров для начальной школы, резко увеличено количество гимназий и высших начальных училищ. Система народного образования поднялась на более высокий уровень своего развития и заложила основу для создания в регионе первого высшего учебного заведения. Несмотря на успехи в области всеобщего начального образования на Кубани к 1917 г. продолжал оставаться значительный контингент девочек, не охваченных народной школой.

Ключевые слова: народное образование, Кубанская область, начальная школа, гимназия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.molchanova_1991@list.ru (В.С. Молчанова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 105-114. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.105
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Protest Actions of Zholaman Tlenshiev and the Formation of the North-Western Borders of Kazakhstan in the 20–40 years of the XIX century

Nurzhan Y. Zhetpisbay ^{a,*}, Galina N. Ksenzhik ^b, Zhanibek A. Ismurzin ^c, Merzat G. Dyussengaliyeva ^c

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

^b Kazakh national agrarian University, Almaty, Kazakhstan

^c Makhambet Utemisov West Kazakhstan State University, Kazakhstan

Abstract

The article discusses protest actions under the leadership of Zholaman Tlenshiev that occurred intermittently in 1822–1840 in Kazakhstan and played a significant role in the formation of its north-western borders at a specified time. It was one of the very first and largest speeches against the policy of the tsarist empire. In the article based on archival sources describes previously unknown details of this uprising. The main sources are materials from the central archives of Kazakhstan and the Russian Federation. Briefly, the prerequisites and the main causes of the uprising, which were directly related to the socio-political crisis of the first decades of the XIX-th century in Western Kazakhstan, are given. The main prerequisites of protest actions were the acute social and political crisis in the mentioned region which arose mainly due to external factors. The power of Khans in the Younger Zhuz of Kazakhs was weakened severely; significant figures were not allowed to govern. As a result of the incapacity of Khans approved by the central authorities, internal differences between clans increased, and at times the steppe was engulfed by internecine and mass conflicts. Kazakh communities in the province were subjected to great confusion; murder of one of the khans as a result of unrest did not bring the expected calmness. Sultan Aryngazy, who later established absolute order and calmness in the steppes, was not allowed to govern. In addition, in the same years, the Novo-Ilets Line begins to be created in the northern border of West Kazakhstan, which becomes the main reason of protest actions under the leadership of Zholaman. These actions constituted an armed struggle and were one of the important events of that era. These events in the 20–40s of the XIX century in West Kazakhstan remain poorly studied. During this period, the khan power weakened by the central administration was eliminated, the colonization of the Kazakh steppes proceeded to the next step. Demanding their ancestral territories and the legal ruler, the struggle of Zholaman to the last supported the strong and legitimate power in the Kazakh steppes, the integrity and unity of the Kazakh communities.

Keywords: armed struggle, formation of boundaries, Zholaman Tlenshiev, the Aryngazy sultan, Ilek, Novo-Iletskaya line, outpost, sarbaz, old maps.

1. Введение

В истории Казахстана вопросы народных сопротивлений против внешних воздействий, как и формирования государственных границ являются одной из самых сложных и актуальных проблем. В казахских степях происходили различные войны и выступления, направленные против влияний извне, продлившиеся на долгие исторические периоды. Протестные действия под руководством Жоламана Тленшиулы, начавшиеся в 1822 году территории Западного Казахстана, являлись одним из самых первых и крупных выступлений против политики царских властей и сыграли значительную роль в формировании северо-западных границ Казахстана в первой половине XIX века. Они

* Corresponding author

E-mail addresses: nurzhan.976@mail.ru (N.Y. Zhetpisbay), migkz@ya.ru (G.H. Ksenzhik)

представляли собой вооруженную борьбу, переросшую в довольно крупное восстание, одной из причин которого стал территориальный вопрос – образование властями Ново-Илецкой военной линии на землях между рр. Жайык (Урал) и Илек. Самовольный захват Уральским казачьим войском песков Нарына и окрестностей рек Узен, Камыш-Самар также резко усиливали общее недовольство. Еще одной крайне важной причиной военно-протестных действий послужило задержание в России известного казахского степного лидера – султана Арынгазы. Возглавлял борьбу известный потомственный батыр (полководец) и бий (родоправитель) Жоламан (в русских источниках Джуламан, Юламан Тленчиев). Он был популярной личностью в казахских степях, происходил из очень авторитетной фамилии отважных военачальников и родоправителей.

В первый период восстания, в 1822–1826 гг., казахские сарбазы (воины), объединившись в многочисленные вооруженные отряды, организовали множество крупных и мелких нападений на укрепленные линии. Открытым штурмам и атакам были подвергнуты все шесть форпостов Ново-Илецкой линии и многие другие селения, воздвигнутые в прежних границах. После крупнейших карательных мер властями в 1823–1826 гг. сопротивление было временно приостановлено, его лидеры сосредоточились в хивинских владениях. В начале 30-х годов XIX века происходили отдельные столкновения с правительственными отрядами. В 1835 г. в связи с заложением Новой линии в Северном Казахстане и с последующим завладением некоторых степных территорий Жоламан Тленшиев вновь вступает на путь вооруженной борьбы против политики царского правительства. Его сопротивление с властями с перерывами продолжилось до 1840 г. Несмотря на заметное место в национальной истории, события 1822–1840 гг. до сих пор не получили заслуженной оценки. На данный момент в истории суверенного Казахстана борьба Жоламана до сих пор остается «белым пятном». В свете изучения ранее не введенных в научный оборот архивных и картографических материалов исследование протестных действий Жоламана Тленшиева, считающихся одним из крупных выступлений в национальных владениях Российской империи, на сегодняшний день является особо актуальным.

2. Материалы и методы

Главными источниками по восстанию Жоламана Тленшиева являются архивные документы, а именно материалы из фондов центральных архивов Казахстана и России. Большая часть из них до сих пор не введена в научный оборот. Основными источниками архивных документов являются ЦГА РК (Центральный государственный архив Республики Казахстан, Алматы, Казахстан), РГИА (Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург, Российская Федерация), РГВИА (Российский Государственный военно-исторический архив. Москва, РФ) и ГАОрО (Государственный архив Оренбургской области. Оренбург, РФ). В ходе исследования использовались картографические материалы РГАДА (Российского государственного архива древних актов. Москва), Российской государственной библиотеки (Москва) и Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Из архивных документов были получены многочисленные ценнейшие сведения, которые дали возможность составить общую картину протестных действий в целом. Извлечения из работ Л. Мейера, А.И. Добросмыслова, А.Ф. Рязанова, М.П. Вяткина и др. указывали на сложную социально-политическую обстановку в Западном Казахстане в первой четверти XIX в. Архивные документы дополняли их конкретными событиями и деталями. Эти сведения также почти подробно описывали возраставший протест местного населения и организованные им нападения на приграничные рубежи. Письма и прошения восставших, многочисленные рапорты, донесения и переписки разного уровня, показания очевидцев и многие другие документы составляют важнейшие данные о борьбе.

Исследование проблемы было основано на принципах объективности и историзма, с использованием методов системного анализа, сравнительно-исторического и историко-системных методов. В качестве вспомогательного метода исследования используется картографический, позволяющий проследить изучение динамики исторических событий в их взаимосвязях, а также получить информацию о местах сражений, чтобы не игнорировать роль и значение географической среды при изучении исторических событий.

3. Обсуждение

Данная проблема специально не исследовалась. О восстании упоминаются в трудах некоторых российских военных исследователей XIX – начала XX вв., таких как И. Бларамберг, Л. Мейер, М. Терентьев и др. Офицер Генштаба России, генерал-лейтенант Бларамберг в своем военно-статистическом обозрении, вышедшем в 1848 г., упоминает отчаянные атаки казахских сарбазов под руководством Жоламана на казачьи форпосты ([Военно-статистическое обозрение Российской империи, 1848: 86](#)). В труде другого офицера Генштаба, полковника Мейера, приводятся общие данные о нападениях казахов на линию в 1822–1826 гг. и об отрядах, отправленных в степь ([Материалы для географии и статистики России, 1865: 41](#)). Известный военный исследователь генерал М. Терентьев более подробно описывает военные экспедиции 1823–1825 гг., также приводит одно событие 1841 года, связанное с последними годами жизни Жоламана, первоисточник которого

находится в оренбургском архиве (Терентьев, 1906: 98, 187). Восставшие упоминаются также в трудах русских дореволюционных исследователей А. Макшеева и Н. Середы.

В советское время, а именно только в 20–40 гг. прошлого века, сопротивление Жоламана в более подробных формах отмечали в своих трудах исследователи Л.Ф. Рязанов, М.П. Вяткин и Е.Б. Бекмаханов. Однако и в этих книгах сведения о тех событиях не превышали 2–3 страниц. У Рязанова в основном описывается подавление действий, Вяткин характеризует их движением, Бекмаханов обращает внимание только на второй период сопротивления, на время объединения с фронтом борьбы Кенесары Касымова (Рязанов, 1926: 155–158; Вяткин, 1941: 227–230; Бекмаханов, 1947: 194–198). В первом издании «Истории Казахской ССР» (1943) восстание было описано также вкратце. Но его включение в первое академическое издание считалось большим достижением. Часть важных архивных документов, касающихся действий Жоламана Тленшиева, были включены в 4-й том сборника документов «Материалы по истории Казахской ССР» под редакцией академика Вяткина (Материалы по истории Казахской ССР, 1940). В этом ценном труде сосредоточены письма Жоламана и его соратников к Оренбургской администрации, данные пограничного начальства о восстании и его руководителях, секретные отношения о предпринимаемых мерах и другие важные документы. После этих кратких описаний и сведений, основанных на немногочисленных известных тогда архивных источниках, данные события не были исследованы и в последующие советские годы, и в годы независимости Казахстана. В период независимости были некоторые статьи общего характера, основанные главным образом на указанных выше трудах и документах.

Авторы статьи проделали исследовательскую работу по данной проблеме: дополнительно были собраны новые архивные материалы, ранее неизвестные в научной среде, изучены родословные предводителей вооруженной борьбы, а также в ходе поисковых работ ими были обнаружены бывшие ранее неизвестными могилы некоторых руководителей описываемых событий. В том числе дополнительно было исследовано влияние протестных действий на формирование северо-западных границ Казахстана в 20–40 гг. XIX века.

4. Результаты

Предпосылками вооруженной борьбы стали крайне сложные социально-политические обстоятельства, возникшие в Западном Казахстане в первой четверти XIX в. В указанный период казахские общины в регионе подверглись тяжелым испытаниям, он ознаменовался также бурными событиями, сопровождавшимися многочисленными нападениями на линию и захватами торговых караванов, усилением взаимных претензий между родами. Младший жуз казахов был охвачен междоусобными конфликтами, имело место великая смута. Величайший хаос особенно приходится на годы правления Айшуак-хана (1797–1805) – в прежнем отважного наездника, ныне дряхлого и не способного управлять ордой очередного ставленника царской России – и его старшего сына Жанторе (1805–1809).

На ситуации, происходившие в Младшем жузе, и массовые грабежи казахами торговых караванов обращал внимание и Александр I. Стоит отметить, что причину таковых массовых смут он видел не только «в склонности этого народа к воровству», но и в пограничном начальстве, которое «ради корысти и из ожидания награды за мнимые подвиги нередко покушалось на действия против киргиз без всякого повода». В особой инструкции, выданной 11 февраля 1803 г. военному губернатору князю Г. Волконскому, император строго воспрещает применение против них военной силы, рекомендуя вместо этого проявлять в отношениях со степными народами «справедливость и ласковость» (Добросмыслов, 1902: 239; Рязанов, 1926: 20).

Одним из решающих результатов массовой анархии, происходившей в Младшем жузе, стало убийство Жанторе-хана в начале ноября 1809 г. его родственником, ведущим борьбу за ханскую власть, султаном Каратаем. Несмотря на убийство официально утвержденного царскими властями правителя, султан выражал свою преданность русскому правительству. Однако Каратай, отличавшийся не только решительностью, но и чрезмерной жестокостью, по ряду причин не был допущен к власти. После нескольких лет формального правления Ханским советом, созданным при хане Младшего жуза, царское правительство в 1812 г. утверждает второго сына Айшуака – Шергазы, не отличавшегося особыми способностями в делах управления народом.

В 1815–1816 гг. на историческую арену выходит султан Арынгазы Абилгазыулы, прославленный своей справедливостью и беспристрастием. Начавший свою политическую деятельность с борьбы против хивинского влияния, он приступает к установлению в степях единого порядка. Султан Арынгазы осуществляет ряд своих реформ, главным образом ведет непримиримую борьбу с сеющими раздор лицами, особенно с угонщиками скота, против которых он прибегает и к смертной казни, также вносит изменения в дела управления общинами, судебные дела. В отличие от Каратая, не сумевшего даже своими карательными мерами объединить народ под свое знамя, Арынгазы восстановил абсолютную тишину и спокойствие в степях. За смелые действия и справедливые решения он был горячо любим народом. В результате слава и известность султана распространяется на Младший и Средний жузы. Общество единогласно желает видеть его своим ханом. В 1819 г. в Оренбург прибывает крупная делегация (около 400) знатных биев, батыров и старшин Младшего

жуза, которые вручают письмо-петицию оренбургскому губернатору П.К. Эссену с просьбой об утверждении Арынгазы в ханском достоинстве. Только в июле 1822 г. российским властям от казахских представителей поступают два прошения: первое – в Оренбургскую пограничную комиссию, другое – на имя министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде в Санкт-Петербург. Их подписали около 250-ти знатных представителей степной аристократии (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 90. Л. 82-84; Д. 92б. Л. 151-159). Таких просьб было множество.

По воле народа Эссен отправляет императору Александру I рапорт об утверждении Арынгазы ханом на место Шергазы. Однако, несмотря на многочисленные просьбы, царская администрация не допускает султана к власти. Утверждение его ханом по ряду причин вызывает опасение столичных чиновников. Вызванному высшим начальством в Санкт-Петербург Арынгазы запрещается возвращаться обратно в казахскую степь. Несмотря на представление султана чиновниками МИД А.Ф. Негри и бароном Е.К. Мейендорфом дворцу императора как сильного степного правителя, установившего порядок в орде, там остерегаются его исключительного авторитета и враждебных отношений с Хивой. Из-за задержания султана в казахской степи вновь возобновляются беспорядки, совершаются нападения на линию. Обвиненный во всех этих беспорядках Арынгазы в 1823 г. ссылается в г. Калугу. Позже, в 1826 г., министр иностранных дел России граф К.В. Нессельроде в своем отношении губернатору Эссену по вопросу возвращения Арынгазы отмечал: «...Арунгазы смел, властолюбив и щедр; а потому, может быть, успеет, вселяя любовь к себе или вверая страх, соделаться единственным властелином в Орде, и тогда не он будет следовать нашим направлениям; но мы должны будем стараться удовлетворять его требованиям...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 92а. Л. 117). Стоит отметить, что знавшие Арынгазы непосредственно многие русские чиновники и военные исследователи, такие как А. Макшеев, Л. Мейер и другие, единогласно признавая его как почти единственного степного правителя, отличавшегося честностью и справедливостью, сожалели о бесполезном его уходе по решению правительства, не допускавшем его к правлению народом. Офицер российского Генштаба Мейер характеризовал Арынгазы следующими словами: «...Единственный истинный патриот из числа киргизских (казахских) султанов. Он был в высшей степени честный человек...» (Материалы для географии и статистики России, 1865: 40). Султана также сильно поддерживал сам губернатор края Эссен, неоднократно просивший высшее начальство о возвращении его в степь. Недопущение почти единственного способного кандидата на управление своим же народом, его невозвращение на родину вызвало недовольство населения Младшего жуза. Одной из причин вооруженной борьбы под руководством Жоламана Тленшиева являлось именно это обстоятельство.

Главной причиной вооруженных действий было нарушение издавна формировавшихся северо-западных границ между казахскими общинами и российским населением. К началу XIX в. почти вся территория Казахстана с запада на восток охватывалась непрерывной цепью различных военных линий с крепостями, фортами, форпостами, редутами. Это отражено на карте «Киргизских степей, областей Оренбургских и Сибирских киргизов, Семипалатинской и Туркестанской с пограничными частями Средне-Азиатских владений», масштаб 1:4200000, издание А. Ильина, без даты (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 78). Созданная к середине XVIII в. Оренбургская пограничная линия считалась одной из сильных, имела общую протяженность до 2000 км. Она состояла из нескольких веток: Нижнеяицкая линия имела 6 крепостей, 14 форпостов и один городок, Верхнеяицкая – 9 крепостей, 16 форпостов, Уйская линия состояла из 8 крепостей и 9 редутов. Первые две линии назывались также отдельно как Яицкая линия. По данным М. Терентьева, Оренбургская линия состояла из 23 крепостей и 27 редутов (Терентьев, 1906: 74). Уральская линия пролегла от Гурьева до Илецкой Защиты и в начале XIX в. состояла из 4 городков, 5 крепостей и 19 форпостов, в них в боевой готовности состояли 30 тыс. казаков регулярной армии, в середине указанного века вместе с семьями их число достигло 77 тыс. человек. Отдельный корпус Оренбургского казачьего войска состоял из 10 линейных батальонов. Оренбургская пограничная линия в первой половине XIX в. постоянно обновлялась: были построены новые крепости, форпосты, редуты, увеличена численность войск в линейных гарнизонах.

В начале XIX в. на северной границе Западного Казахстана начинает создаваться Ново-Илецкая линия, ставшая поводом возгорания борьбы Жоламана Тленшиева. Несмотря на то, что условной границей между русскими селениями и казахскими общинами считалась река Жайык (Урал), 18 апреля 1805 г. утверждается положение об управлении Илецким соляным промыслом с левой стороны реки (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 139. Л. 3). В 1810 г. для доставления соли из Илецкого соляного промысла в Самару открывается новый тракт. Это новое направление проводится не через Оренбург, как прежде, а по реке Илек через казахские земли. В 1811 г. царское правительство в целях охраны данного тракта планирует создание новой военной линии под названием Ново-Илецкая (Новоилецкая) линия, для чего в этом же году в пространствах между реками Урал, Илек, Курайлы и Бердянка изымается 600 тыс. десятин земель и создается Ново-Илецкий район. В 1811 г. Уральское казачье войско своевольно овладевает землями между реками Большим и Малым Узеньями. В связи с начавшейся русско-французской войной дело заложения новой линии задерживается на несколько лет.

Ново-Илецкая линия состояла из 6 форпостов, 1 редута и 1 крепости. Построенная несколькими годами позже Новая линия была продолжением Оренбургской линии с длиной 478 верст и состояла из 5 крепостей. На этих линиях были установлены специальные артиллерийские бригады с боевыми единицами, в общей сложности состоявшими из 184 пушек. В одной только городской крепости Оренбурга было установлено 70 пушек, направленных на степь ([Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска, 1891: 114](#)). В 1817 г. у рек Курайлы и Бердянка воздвигаются первые форпосты ([Крафт, 1898: 144, 149](#); [Материалы для географии и статистики России, 1865: 30](#)). В районе образовались новые села, хутора и слободы, данное событие отражено на генеральной карте Российского государства конца XIX в. «Областей Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской с Туркестанским генерал-губернаторством. Масштаб 1:4200000. Картографическое заведение Ильина (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 72).

В результате становления новой линии и укреплений в пространстве между реками Урал и Илек было запрещено заселение казахов. Кроме этого, им также было запрещено приближаться на расстояние 15 верст (16 км) и к левому берегу Илека. В августе 1819 г. царское правительство через хана Шергазы оповестило биев и старшин об освобождении указанных земель. С вступлением в силу данного указа к концу 1821 г. казахские общины рода Табын, населявшие эти земли, были вынуждены сместиться со своих исконных мест, богатых мелкими озерами и речками, рощами и пастбищами. Они становятся движущей силой восстания.

Образование Ново-Илецкой линии в начале XIX в. еще более усилило недовольство степняков центральными властями. Начиная с 1822 г., прежние стихийные и одиночные набеги на российские линии были объединены под общим знаменем и превращены в целенаправленные и массированные атаки. С этого времени наступления на приграничную линию принимают четко организованный характер.

Подготовка к вооруженной борьбе и реакция местного населения на захват земель отразились в архивных документах. Эти обстоятельства четко указаны в рапорте пристава при хане Младшего жуза казахов ротмистра Карсакова, отправленном начальнику штаба Оренбургского отдельного корпуса генерал-майору Г.П. Веселицкому от 4 февраля 1822 г.: «...Не только не повиновались посланным от высокостепенного хана султанам и биям, но готовы были отражать их силою и на убеждения публично отвечали им ругательствами, с презрением называя их предателями свободы, подкупленными от русских. Между тем объявляли свое намерение, что в наступающее лето будут повсюду наносить возможный вред России, опустошив границы пожарами, грабежами и увлечением в неволю наших подданных, в отмщение за отнятые у них Илека и не дозволение приближаться к линии на 15-ти верстное разстояние...» ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1856. Л. 34-35](#)). Здесь речь идет о делегации хана, посланной по поручению оренбургской администрации в аулы рода Табын для переговоров.

Губернатор Эссен 5 марта 1822 г. докладывает о рапорте Карсакова графу Нессельроде. 12 марта в Петербурге по данному заявлению губернатора выносится решение. В нем указывается, что Илек и его окрестности были изъяты у казахов указом верховного правительства, к его левому берегу можно приближаться только при условии соблюдения строгих требований и поручении, в том числе выдачей аманатов. Намечается определить город, в который должен быть отправлен султан Арынгазы на поселение, но держать в тайне от орды, что он задержан в знак наказания. Данное решение подписали графы В. Кочубей, Д. Гурьев, князь Г. Волконский, М. Сперанский и сам граф Нессельроде ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 90. Л. 6-10](#)).

Подготовка к вооруженной борьбе велась заранее тщательным образом. По архивным сведениям, Жоламан и его верные соратники проводили множество советов, сообща решали все свои будущие шаги. Они стремились решить данную проблему мирным способом, отправляли письма к начальству края со своими просьбами и требованиями. Только после неоднократных отказов властей было запланировано вооруженное восстание. В апреле 1822 г. Жоламан направил письмо к войсковому атаману Уральского казачьего войска генерал-майору Бородину и просил вернуть захваченные казаками пески Нарына и окрестности трех Узеней, если это невозможно, то хотя бы удалить новую линию по Илеку ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1856. Л. 140-141](#)).

Восставшие не теряли надежду на решение вопроса мирным путем. Царское правительство подобные просьбы оставляло без последствий. С письмом Жоламана к атаману Бородину был ознакомлен и губернатор Эссен, который направил его в Пограничную комиссию, которая в свою очередь дала заключение по письму, что оно «заполнено разными непристойными требованиями» ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1856. Л. 155](#)). После таких обстоятельств вытесненные из кочевий предков местные отделения с начала лета 1822 г. начинают массированные атаки на линию. Жоламан и его соратники объявили свои действия войной против властей. В этот период повстанцы удалили свои аулы подальше от границы и расположили их в южных уголках степи – вдоль рек Сагыза и Уила. Эти регионы считались центром и плацдармом восстания.

С июня 1822 г. начинаются многочисленные нападки на линию. В конце июля казахские сарбазы напали на Изобильный и Линеvский форпосты и планировали нападение на Буранный форпост. Совершенные небольшими отрядами штурмы заканчивались безуспешно по причине

отчаянных отпоров защищавшихся казаков. Крупные атаки на линию происходили особенно к концу лета. 3 августа 300 сарбазов во главе с Жоламаном и другими военачальниками переходят на правый берег Илека, уничтожив несколько казаков. 29 августа в 8 часов утра 500 воинов, разделившись на три группы, пройдя установленные караулы, атаковали Ветлянский форпост, пытаясь его сжечь, однако казаки дают им отпор огнем из ружей. Атакующие воины, видевшие зажженные маяки соседних форпостов Мертвецкого и Изобильного, также спешивших на помощь тептяр и казахи войска, взяв в плен двух казаков и одного башкира, угнав 87 лошадей, переходят обратно через Илек и останавливаются в прихобдинских степях. Об этом и о других деталях нападения сообщается в рапорте есаула Аржанухина, направленного в Пограничную комиссию 5 сентября: «...Скопище было почти всю вооружено и в панцырях, имело 5 значек, на приступ шло с сильным криком, визгом и выстрелами, при сопротивлении сем казаками и башкирами разстрелено 115 патронов, от каковых выстрелов были ранены киргизы и кони их. О скопище сем слышно теперь, что оно, ускакав с добычею за один только от линии переезд, остановилось в степи с намерением, чтобы еще нанести при Илеке вред, чем оно некоторые киргизы форпоста Ветлянского начальнику хорунжему Печенкину при нападении угрожали, припоминали, что собьем русских с своего Илека и выжем форпост...» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4700. Л. 1).

В сентябре 1822 г. количество воинов, постоянно занимавшихся нападением на линию, превышает 1 тыс. человек, в начале октября – 2 тысячи. Их вооружение составляли ружья, копья, секиры и сабли. Сарбазы угрожали нападением также на аулы Шергазы-хана. По указанию пристава казахов Младшего жуза при хане полковника Горихвостова они были недовольны ханом из-за того, что он не пытался содействовать к возвращению им правобережья Илека (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1856. Л. 195).

Вскоре после последней атаки, утром 4 сентября, отряд из около 200 человек совершает нападение на следующий форпост Ново-Илецкой линии, построенный на своих кочевьях – Сухореченский. По словам трех опрошенных свидетелей, казахские воины во время стрельбы требовали вернуть реку Илек со всеми степями (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 90. Л. 129). Нападавшие держали три знамени, шли с громкими криками, пленили несколько казаков и башкир. Важно отметить: казахские сарбазы обязали передать русским жителям Илецкой Защиты и Илецкого городка, что не причинят им никакого вреда, так как эти земли переданы до них еще во времена Нуралы-хана. Этот факт еще раз указывает, что восставшие действовали по четко обозначенным планам, не выходя за рамки дозволенного.

Утром 9 октября 1822 г. отряд из 250 человек нападает на Буранный форпост указанной Ново-Илецкой линии и сталкивается с упорным отражением казаков. Со стороны Илека к нему присоединяются еще 250 сарбазов, и нападение возобновляется. Против них выставляется вооруженная казачья сотня. Во время битвы сарбазы убивают 5 казаков, ранят двоих, об их потере не сообщается. В этом нападении восставшие уничтожают огнем большое количество запасов зерна и сена, о чем начальник форпоста сотник Свиридов сообщил самому императору Александру с просьбой дать указание о розыске и задержании людей, организовавших нападение (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1808. Л. 1-2).

Шергазы-хан сильно опасался повстанцев во главе с Жоламаном. Только в октябре 1822 г. он отправил три письма Эсену с просьбой разрешить ему с аулами и со скотом перейти на правый берег Урала (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1804). По сути, масштабных вооруженных действий под руководством Жоламана опасался не только марионеточный хан оренбургской администрации, но и на них обратили внимание в правительственных кругах Петербурга. В отношении управляющего делами Азиатского комитета К. Родофиникина, отправленного в начале ноября 1822 г. оренбургскому губернатору Эсену под грифом «секретно» говорится, что «сложившаяся ситуация в Малой киргизско-кайсацкой Орде является предметом особого внимания Министерства иностранных дел». Однако один из верховных чиновников державы по поводу претензий казахов высказал свою конкретную точку зрения, созвучную с проводимым им курсом: «...Изъявленные киргизами в буйстве нескромные требования прежнего права кочевать им по сю сторону Илека, возвращение в Орду султана Арунгазы и содержимых в Оренбурге аманатов... вовсе не основательны...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 90. Л. 402).

Также одной из причин, приводивших в ярость степняков, было закрытие всех торгово-меновых путей, которыми они прежде свободно проходили, и оставление только одной переправы у Илецкой Защиты. Эта мера являлась тяжелым ударом для местного населения. Несмотря на такое давление, и во время атак казахи пытались решить проблему мирным путем, без кровопролитий. В донесении, направленном Оренбургской таможней в Департамент внешней торговли, говорится об отправлении сначала гонцов сарбазами Жоламана с вышеназванными требованиями и объявлении их о том, «...что они никогда бы не решились делать вреда линии, если бы от них не видали притеснений» (Материалы по истории Казахской ССР, 1940: 412). Это свидетельствует также о справедливом характере действий и в целом борьбы, далеких от какой-либо анархии, имевших целью сохранение самобытности, идентичности народа. 24 декабря 1822 г. группа лиц во главе с Жоламаном написала письмо губернатору Эсену, в котором говорится, что при своих дедах и отцах, Абулхайр-

хане и Куттымухамеде-мурзе Тевкелеве, внутренняя сторона Урала была закреплена за российским народом, а степная сторона – за кочевниками, то ныне, нарушая договоренность, были заложены караулы на Илеке (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4696. Л. 13-18; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 90. Л. 261-266).

Нападения на линию не прекращаются и в следующем, 1823 г. Широкое распространение вооруженных действий, непрерывные нападения на свои рубежи не могли не обращать внимания оренбургского начальства. Губернатор Эссен пишет представление верховному правительству, в том числе императору Александру, о необходимости вывода крупной карательной экспедиции. Отряд, состоящий из 2382 человек, в том числе из 218 офицеров разного ранга, с несколькими артиллериями выходит в мае 1823 г. Разделенная на три группы воинская команда являлась одной из самых крупных экспедиций, отправленных в степь. По просьбе Эссена ее возглавляет полковник Ф. Берг, прошедший русско-французскую войну. Все три отряда были подвержены отчаянным атакам восставших. Группа под начальством самого Берга из-за непрерывных нападков продвигалась с огромным трудом. Отряд полковника Циолковского из 837 уральских казаков отразил несколько атак казахских сарбазов, которым во время решающего сражения нанес сокрушительный удар. В этом бою сарбазы сражались до последнего, потеряв около 80-ти человек убитыми чем пишет в своем дневнике Берг: «...Командуемые им казаки положили до 79 киргизов, между которыми нашли трех начальников, вооруженных в панцыри и шлемы. Не было возможности г. полковнику Циолковскому взять некоторых в плен, ибо сии хищники, страшась рабства и тюрьмы более самой смерти, защищались до последней капли крови...» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 769. Л. 30). После отряды Берга и Циолковского соединяются и преследуют отступавшие аулы повстанцев.

Отряд под руководством полковника Милорадовича терпит большие неудачи. 13–14 июня у реки Шынгырлау этот отряд из 408 тептярских казаков был окружен восставшими из 1 тыс. сарбазов под руководством Жоламана и других военачальников. Во время сражения были убиты несколько казаков, карательный отряд был вынужден отступить и вернуться обратно на Илек. Это был первый случай отступления отправленного в степь правительственного отряда с потерями, не достигнув своей цели. Из этой команды были пленены 24 тептярских казака. Потери отряда составили вместе с плененными 31 человек, 17 раненых, казне это обошлось в 26650 рублей (Терентьев, 1906: 98). Карты с подробным маршрутом отряда Милорадовича, составленные им же с топографами при команде, с указанием всех стоянок, сохранились в архиве (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20650, 21219). Итоги всей экспедиции были доложены императору.

Карательные меры не могли остановить вооруженные действия восставших. Нападения на приграничные линии возобновляются снова. В июле 1823 г. сарбазы захватывают в плен есаула Оренбургского казачьего войска И. Подурова, прапорщика Медведева и др. 3 сентября группа во главе с Жоламаном направляет еще одно письмо с требованиями вернуть земли на Илеке, в песках Нарына и реках Узен, Самар.

В феврале 1824 г. на подавление восстания направляется вторая крупная воинская команда под начальством атамана Уральского казачьего войска, прошедшего русско-турецкую, русско-французскую войны, полковника П.М. Назарова. Она состояла из 1076 казаков и офицеров при четырех орудиях. Отряд напал на аулы родов Алаша, Кердери, Кете и уничтожив более 100 человек и захватив в плен 94, включая женщин и детей. Доходя до реки Уил, команда опустошает многие аулы, вступает в кровавые стычки с отдельными группами сарбазов. Сокрушая ряд аулов, отряд в связи потеплением и из-за подъема воды Уила был вынужден возвратиться. Как указывал сам Назаров, он не надеялся захватить «главных виновных». В его походном дневнике вместе с маршрутом подробно описываются ежедневные действия отряда (ГАОРО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3040а. Л. 124-130; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 96. Л. 41-54).

Несмотря на подобные меры, восстание продолжалось. В 1825 г. восставшие разделяются на две группы, происходят важные изменения. После ликвидации в 1824 г. ханской власти в Младшем жузе утвержденный старшим султаном Западной части казахов Оренбургского края султан Каратай Нуралиев с особым рвением берется за подавление восстания. Другими словами, начинается его масштабные репрессивные меры к восставшим родам, с которыми у него были давние счеты еще со времен его борьбы за ханский трон, также он сильно желал отличиться в своей новой должности перед начальством. В марте 1825 г. с 500 казаками Каратай внезапно нападает на восставшие аулы у рек Булдурты, Шили и Тамды, жестоко убивая около 200 и захватывая 125 человек, 76 из которых были женщины и дети (ГАОРО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3188. Л. 47-51). В октябре того же года Каратай-султан сокрушает аулы рода Жылкышы Табын, главного продолжателя восстания. В июне 1826 г. у реки Малая Хобда происходит сражение между 600 сарбазами и отрядом из 400 казаков войскового старшины Меркульева и 2000 человек старшего султана Средней части Шынгали Орманова. Повстанцы были вынуждены отступить, каратели находятся в восставших аулах 2,5 месяца, захватывая множество заложников из близких людей лидеров восстания.

В 1835 г. в связи с заложением Новой линии между Орском и Троицком Жоламан Тленшиев начинает второй этап борьбы против захвата земель. В отличие от Ново-Илецкой территории, место, где была заложена Новая линия, не считалось кочевьем его рода, однако в интересах целого народа престарелый Жоламан снова встает на путь вооруженной борьбы. В 1837 г. в тургайских степях он

вместе с соратниками соединяется с султаном Касымом и его сыном, известным Кенесары. В июне 1838 г., возвращаясь с крупным отрядом в приграничные районы Илека и Урала, он уводит около 500 оставшихся там аулов в пределы Тургая, Иргиза и Сырдарьи. Здесь они соединяются с фронтом борьбы Кенесары. По архивным данным, Жоламан планировал «выжечь всю Новую линию, потому что она заведена на принадлежащей им земле» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4304. Л. 15). Однако в эти годы он строго удерживал своих приверженцев от беспорядочных набегов на линию. Несколько раз сам лично останавливал отряды, отправлявшиеся в поход на русские приграничные селения. Вместе с Кенесары он участвовал в набегах на аулы не поддержавших их крупных родоправителей. Объединение двух больших очагов восстания в истории Казахстана являлось знаковым событием. Приблизительно в 1840 г. Жоламан навсегда уходит в пределы Бухары, где умирает в 1846 г., не признавая себя подданным империи.

5. Заключение

Вооруженная борьба под руководством Жоламана Тленшиева являлась одним из крупных выступлений, направленных против политики царизма в первой половине XIX в. По некоторым документам, восставшие даже объявляли свои действия войной против империи. Как было указано выше, на приграничные районы были организованы сотни нападений. Царские власти для защиты от них были вынуждены усилить военно-оборонительные объекты. Восстание Жоламана происходило в судьбоносный период для казахов, когда решалась судьба ханства, с ликвидацией которого, сильно ослабленного целенаправленными действиями центральных властей, казахские степи оказались под прямым влиянием царской администрации. В это непростое время степняки боролись за целостность и единство казахских общин. Во главе со своими лидерами они единогласно выступали за возведение на ханский трон султана Арынгазы – бесспорного авторитета в степи, установившего в короткий срок железную дисциплину и порядок в казахской орде. Приход к власти сильного правителя, способного объединить разрозненные казахские общины и создать централизованный государственный аппарат, являлось одной из главных целей восстания. По всем параметрам восстание под руководством Жоламана Тленшиева выступало за легитимную власть в казахской степи, за сохранение национальной идентичности. Дальнейшее объединение фронта восстания с борьбой известнейшего хана Кенесары является ярким тому подтверждением.

Восстание под руководством Жоламана в 20–40 годы XIX в. сыграло заметную роль в формировании северо-западных границ Казахстана. Оно было направлено против изменений сложившихся границ и территорий. В многочисленных письмах восставшие поднимали один тот же вопрос – возврат земель, установление прежних границ. Однако в указанные годы новые границы на Илеке остались неизменными. Территориальные проблемы, возникшие в связи заложением Новой линии в 1835 г., продлились вплоть до 70-х годов XIX в. и по сути являются отдельной темой исследования. В картографическом плане восстание также не было локальным событием: так как распространялось на огромную территорию. В 1822–1826 гг. оно охватило на севере – от районов рек Илек, Хобда, Шынгырлау в Западном Казахстане, на юге – до районов рек Жем (Эмба), Сагыз, Уил, Темир и частично Северный Устюрт. В 1837–1840 гг. центр восстания продвинулся в районы Иргиза, Тургая и Сырдарьи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) (№ АР05131222).

Литература

[Бекмаханов, 1947](#) – Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата: Казгосиздат, 1947. 389 с.

[Военно-статистическое обозрение Российской империи, 1848](#) – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Ч. 3. Сост. И. Бларамберг. СПб., 1848. 194 с.

[Вяткин, 1941](#) – Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1941. 368 с.

[ГАОР](#) – Государственный архив Оренбургской области.

[Добросмыслов, 1902](#) – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь: Типо-литография Н.М. Родионова, 1902. 524 с.

[Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска, 1891](#) – Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска / Сост. Ф. Стариков. Оренбург: Оренбургский губернский стат. комитет, 1891. 247 с.

[Крафт, 1898](#) – Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Типо-литография Н. Жаринова, 1898. 532 с.

[Материалы для географии и статистики России, 1865](#) – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Часть I. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Сост. Л. Мейер. СПб., 1865.

[Материалы по истории Казахской ССР, 1940](#) – Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828). Т. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 543 с.

[РГАДА](#) – Российский государственный архив древних актов, Москва, Российская Федерация.

[РГВИА](#) – Российский Государственный военно-исторический архив, Москва, Российская Федерация.

[РГИА](#) – Российский Государственный исторический архив, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

[Рязанов, 1926](#) – *Рязанов А.Ф.* Сорок лет борьбы за национальную независимость Казакского народа (1797–1838). Кзыл-Орда: Изд. общества изучения Казахстана, 1926. 298 с.

[Терентьев, 1906](#) – *Терентьев М.* История завоевания Средней Азии. Том 1. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906. 510 с.

[ЦГА РК](#) – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.

References

[Bekmakhanov, 1947](#) – *Bekmakhanov E.* (1947). Kazakhstan v 20-40 gody XIX veka [Kazakhstan in 20-40 years of XIX century]. Alma-Ata: Kazgosizdat. 389 p. [in Russian]

[Dobrosmyslov, 1902](#) – *Dobrosmyslov A.I.* (1902). Turgaiskaia oblast'. Istoricheskii ocherk [Turgay oblast. Historical essay]. Tver': Tipo-litografiia N.M. Rodionova. 524 p. [in Russian]

[GAOrO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State archive of Orenburg region].

[Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska, 1891](#) – Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army]. Sost. F. Starikov. Orenburg: Orenburgskii gubernskii stat. komitet, 1891. 247 p. [in Russian]

[Kraft, 1898](#) – *Kraft I.I.* (1898). Sbornik uzakonenii o kirgizakh stepnykh oblastei [The collection of legalizations on the Kirghiz steppe areas]. Orenburg: Tipo-litografiia N. Zharinova. 532 p. [in Russian]

[Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, 1865](#) – Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General staff]. Chast' I. Kirgizskaia step' Orenburgskogo vedomstva. Sost. L. Meier. SPb.: 1865. [in Russian]

[Materialy po istorii Kazakhskoi SSR, 1940](#) – Materialy po istorii Kazakhskoi SSR (1785-1828) [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785-1828)]. Т. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 543 p. [in Russian]

[RGADA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov, Moskva, Rossiiskaia Federatsiia [Russian state archive of ancient acts].

[РГИА](#) – Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv, Sankt -Peterburg, Rossiiskaia Federatsiia [Russian state historical archive].

[РГВИА](#) – Rossiiskii Gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv, Moskva, Rossiiskaia Federatsiia [Russian State military-historical archive].

[Riazanov, 1926](#) – *Riazanov A.F.* (1926). Sorok let bor'by za natsional'nuiu nezavisimost' Kazakskogo naroda (1797-1838) [Forty years of struggle for national independence of the Kazakh people (1797-1838)]. Kzyl-Orda: Izd. obshchestva izucheniia Kazakstana. 298 p. [in Russian]

[Terent'ev, 1906](#) – *Terent'ev M.* (1906). Istoriia zavoevaniia Srednei Azii [History of the conquest of Central Asia]. Том 1. СПб.: Типо-литогр. V.V. Komarova, 1906. 510 s. [in Russian].

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

[Viatkin, 1941](#) – *Viatkin M.* (1941). Ocherki po istorii Kazakhskoi SSR [Essays on the history of the Kazakh SSR]. Т. 1. Alma-Ata. 368 p. [in Russian]

[Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii, 1848](#) – Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii [Military statistical review of the Russian Empire]. Т. 14. Ч. 3. Sost. I. Blaramberg. SPb., 1848. 194 p. [in Russian]

Протестные действия под руководством Жоламана Тленшиева и формирование северо-западных границ Казахстана в 20–40 гг. XIX века

Нуржан Ыксанулы Жетписбай ^{a, *}, Галина Николаевна Ксенжик ^b,
Жанибек Аллаярович Исмурзин ^c, Мерзат Губайдуллиевна Дюсенгалиева ^c

^a Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

^b Казахский национальный аграрный университет, Алматы, Казахстан

^c Западно-Казахстанский государственный университет имени Махамбета Утемисова, Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nurzhan.976@mail.ru (N.Y. Zhetpisbay), migkz@ya.ru (G.H. Ksenzhhik)

Аннотация. В статье рассматривается вооруженная борьба под руководством Жоламана Тленшиева, происходившая с перерывами в 1822–1840 гг. в Казахстане и сыгравшая значительную роль в формировании его северо-западных границ в указанное время. Она являлась одним из самых первых и крупных выступлений против политики царской империи. В статье на основе архивных источников описываются некоторые подробности восстания. Основными источниками являются материалы центральных архивов Казахстана и Российской Федерации. Вкратце приводятся предпосылки и основные причины вооруженной борьбы, которая напрямую была связана с социально-политическим кризисом, сложившимся в первых десятилетиях XIX в. в Западном Казахстане. Главными предпосылками протестных действий стал острый социально-политический кризис в указанном регионе, возникший главным образом из-за внешних факторов. Ханская власть в Младшем жузе казахов была сильно ослаблена, значительные фигуры не были допущены к управлению. Вследствие недееспособности утвержденных центральными властями ханов усилились внутренние разногласия между родами, временами степь была охвачена междоусобными и массовыми конфликтами. Казахские общины в крае были подвергнуты великой смуте, убийство одного из ханов в результате волнений не принесло ожидаемого спокойствия. Установивший позже абсолютный порядок и спокойствие в степи султан Арынгазы не был допущен к власти. Вдобавок к этому в те же годы на северной границе Западного Казахстана начинает создаваться Ново-Илецкая линия, которая становится главной причиной протестных действий под руководством Жоламана. Эти действия представляли собой вооруженную борьбу и являлись одним из важных событий той эпохи. Данные события 20–40 гг. XIX в. в Западном Казахстане остаются малоизученными. В этот период была ликвидирована ослабленная центральной администрацией ханская власть, колонизация степей переходила на следующую ступень. Требуя территории и законного правителя, борьба Жоламана до последнего выступала за сильную и легитимную власть в казахских степях, за целостность и единство казахских общин.

Ключевые слова: вооруженная борьба, формирование границ, Жоламан Тленшиев, султан Арынгазы, Илек, Ново-Илецкая линия, форпост, сарбазы, старые карты.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 115-129. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.115
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part II

Andrii E. Lebid ^{a, *}, Natal'ya A. Shevchenko ^{b, c}, Oleg E. Chuikov ^d, Vladimir A. Svechnikov ^e

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Kursk State University, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

In this work, the authors continued the study of modern historiography of the history of the bureaucracy of the Russian Empire. The work was mainly based on the scientific works of modern scientists from Belarus, Russia, and Ukraine. The subject of research of these scientists was the questions of official and unofficial everyday life of officials of the Russian Empire.

Particular attention is paid to the works devoted to the study of stereotypes, values and morals characteristic of a bureaucratic environment. Many studies have studied the system of motivation, rewards, punishments, and other issues related to the daily routine of civil servants in the Russian Empire.

The authors once again noted the unevenness in the study of the subject field of the history of bureaucracy. The block of scientific papers in which general theoretical questions of the formation and functioning of the bureaucracy of the Russian Empire are highlighted is very large. At the same time, little attention is paid to the study of the life of officials, in particular, living conditions, leisure and entertainment, family and marriage relations.

Keywords: officials, officialdom, bureaucracy, administrative apparatus, Russian Empire, national regions, modern historiography.

1. Введение

История повседневности – важное и перспективное направление в исторической науке, изучающее сферу обыденности во всем многообразии контекстов, это комплексный взгляд на привычную событийность, детерминирующую паттерны мышления и поведения представителей разных социальностей, их идеалы, ценности, установки и мотивы.

По мнению Н.Л. Пушкаревой и С.В. Любичанковского, повседневность включает «событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира; обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей» (Пушкарева, Любичанковский, 2014: 9).

Сегодня актуальным и перспективным направлением является изучение эффективности вопросов управления в Российской империи, в частности изучение служебных качеств представителей чиновничьего сословия, их отношения к своим профессиональным обязанностям. Именно такое всестороннее, комплексное понимание ценностных аспектов жизни, быта и службы

* Corresponding author

E-mail addresses: schwarzschwanenreich@gmail.com (A.E. Lebid)

чиновника позволит установить взаимозависимость социокультурного облика госслужащих и эффективности управления.

2. Материалы и методы

Основу нашего историографического исследования продолжают составлять наработки современных ученых, изучающих историю чиновничества и государственного аппарата Российской империи. Это прежде всего монографии, диссертационные работы, статьи по данной проблематике.

Нам представляется важным комплексное исследование ментальностей, идеалов, стереотипов и ценностей российского имперского чиновничества. В этом контексте, как кажется, уместно использование Eтic-анализа, широко применяемого в кросс-культурных исследованиях и нацеленного на изучение всех компонентов культуры, элементы которой анализируются с позиции участника, а не внешнего наблюдателя. Таким образом, своеобразное «погружение» в обыденность российского чиновника позволит всесторонне изучить как контекст, так и контент его служебного и внеслужебного быта.

При написании работы нами также были использованы различные общенаучные и специальные принципы и методы, прежде всего – принципы историзма, объективности, системности, антропологизма и другие.

3. Обсуждение

Данная работа является продолжением нашего исследования (Lebid et al., 2019), целью которого было изучение правительственной политики в области государственного аппарата и организации службы чиновников и в котором была предпринята попытка систематизировать огромный пласт современной научной литературы, посвященной истории российского чиновничества эпохи империи. В целом, комплекс работ по истории бюрократии Российской империи XVIII–XIX вв. охватывает чрезвычайно широкий спектр вопросов (Курочкина, 2011; Оспанова, 2015; Degtyarev, 2014a).

В первой части нами были проанализированы работы А.В. Оболонского (Оболонский, 1997), Л.Е. Шепелева (Шепелев, 1999), И.Г. Мельниковой (Мельникова, 2010), С.И. Дегтярева, Л.Г. Поляковой (Дегтярев, 2014; Дегтярев, 2016; Degtyarev, 2012; Degtyarev, 2013a; Degtyarev, 2013b; Degtyarev, 2015a; Degtyarev, 2015b; Degtyarev, 2016; Degtyarev et al., 2018; Degtyarev et al., 2019; Degtyarev, Kryvosheia, 2016; Degtyarev, Polyakova, 2019), Л.М. Лысенко (Лысенко, 2001), В.А. Козлобаева (Козлобаев, 2006), Г.С. Султангалиевой (Султангалиева, 2015; Sultangalieva et al., 2017), А.А. Киселева (Киселев, 2007), А.П. Жытко (Жытко, 2003), А. Горака, К. Латавца (Gorak et al., 2015), В.С. Шандры (Шандра, 2009), И.В. Черепановой (Черепанова, 2001), Т.И. Метушевской (Метушевская, 2007) и многих других ученых. Отдельное внимание было уделено научным исследованиям, посвященным различным аспектам функционирования бюрократического аппарата в национальных регионах Российской империи XVIII–XIX вв.

Во второй части данного исследования была поставлена задача анализа научных работ, затрагивающих вопросы служебной и внеслужебной повседневности чиновников Российской империи, изучение которых представляется актуальным в свете антропологического поворота в исторической науке, когда субъектом повседневности выступает не только человек, но и социальная группа.

4. Результаты

Исследуя повседневность российского чиновничества, современные ученые анализировали различные аспекты его служебного и внеслужебного быта, в частности личностный и общественный аспекты развития бюрократического аппарата, стереотипы, ценности и нравы чиновной среды, систему мотиваций, поощрений, наказаний и другие вопросы. В этом контексте необходимо отметить работы Ю.П. Пономаревой (Пономарева, 2016), А.В. Мещерякова (Мещеряков, 2014), Л.Ф. Писарьковой (Писарькова, 2002), В.А. Иванова (Иванов, 2012; Иванов, 2019), Н.Н. Дрыгиной (Дрыгина, 2010) и др.

В работах А.П. Исаева и Д.А. Абрамова представлен социальный портрет чиновника, рассматривается социальный состав чиновничества, приводятся данные о происхождении, социальном и имущественном положении, национальности, образовании (Исаев, Абрамов, 2008). Т.В. Козельчук обосновала понимание социокультурного облика служащих как системообразующего свойства: чиновники не просто выполняли вполне конкретную социoproфессиональную функцию, но и являлись носителями определенных социокультурных ценностей, поведенческого императива, определявших имидж и восприятие чиновника, что в свою очередь сказывалось на реализации управленческих решений (Козельчук, 2015). Социокультурные особенности чиновничества, проблема его социального происхождения, а также влияние образования на профессиональный уровень чиновника исследованы С.И. Дегтяревым. Ученый указывает на достаточно острую проблему социального происхождения государственных служащих, решить которую центральным властям удалось лишь в результате реформ Александра II (Дегтярьов, 2014: 50-190).

Исследованию особенностей быта и традиций в структуре менталитета социальных и профессиональных групп городского населения российской провинции посвящены работы А.А. Титовой. Она отмечает существенные изменения социокультурного облика провинциальной бюрократии в пореформенный период, в частности необходимость повышения своего образовательного уровня, чтобы соответствовать реалиям модернизационных изменений в государстве (Титова, 2014). Также указывается, что на менталитет чиновничества, его служебную и внеслужебную повседневность влияют социальный состав, «родовые традиции», размеры семейного имущества, специфика профессиональной деятельности чиновника (скептическое отношение со стороны окружающих, малоподвижный образ жизни, зависимость самооценки от места в иерархии чинов и званий, недостаточность материального благосостояния, что перманентно приводило к служебным девиациям.

Описывая феномен чиновничества как атрибутивный для любой социальной организации, М.С. Молнева отмечает, что его духовная жизнь отражает не только ценности собственно чиновничества, но и необходимость формирования, хранения и трансляции легитимной социальной и политической власти. Обобщая вопрос о духовной жизни российского чиновника, она выделяет систему ценностей, присущих ему: эгоистические (стремление обеспечить личное благополучие, где базовыми ценностями являются скрытность, расчетливость, недоверчивость); административного клана (умение чиновников объединиться для получения общей выгоды или противодействия); региональные (в эту группу входят такие положения, как нежелание пускать посторонних в группу, а также «взаимное обязывание», компромат) (Молнева, 2008).

Исследовались закономерности формирования, воспроизведения и транслирования на групповом и макросоциальном уровнях нравственно-этических ценностей чиновничества, которые обуславливают механизмы социально-этической преемственности в системе государственной службы. Это дает представление об эволюции относительно устойчивых детерминант группового и индивидуального поведения «государевых» и «государственных» людей, об истоках их моральной девальвации. Исходя из этого И.В. Петровский выделяет три этические модели: утилитарную – т.е. ориентация на утверждение морали «общего блага» (патриотизм, гражданственность, самопожертвование, ответственность); перфекционистскую – т.е. ориентация на беспрекословность и четкость выполнения обязанностей; прагматическую – т.е. ориентация на успех, признание и карьеру с последующим становлением административно-корпоративной морали на основе правового и нравственного нигилизма (Петровский, 2012).

В.И. Сигов довольно глубоко изучил этические нормы в официальных отношениях высшего, среднего и низшего чиновничества в соответствии с эталонами поведения и моделью групповых предпочтений, определил типологию политического лидерства. Он отметил, что состав среднего и низшего чиновничества Восточной Сибири по сравнению с Европейской частью империи определялся меньшей долей образованных людей, «кадровым голодом» чиновных кадров. На это оказали влияние некоторые факторы: узкословный принцип комплектования бюрократии, суровый климат, отсутствие комфортных условий жизни, несовершенство внутреннего рынка и проч. В комплексе все эти проблемы спровоцировали рост злоупотреблений со стороны чиновников и как следствие – административно-криминальные производства по факту коррупции. Но, как отмечает В.И. Сигов, это имело место в большей степени по отношению к низшему чиновничеству, реже – среднему и практически отсутствует по отношению к высшему чиновничеству (Сигов, 2001).

В работе Л.Ф. Писарьковой исследованы различные аспекты чиновничьего быта и службы, в частности условия службы и служебный быт, продолжительность рабочего дня, наказания служащих, их материальное обеспечение, а также причины взяточничества и казнокрадства, «кормления». По мнению автора, условия службы российского чиновника обрекали его на нарушение присяги и создавали благоприятную почву для распространения взяточничества и казнокрадства. В немалой степени этому способствовали исторические традиции, бюрократизация управления, неравномерный характер развития российской государственности (Писарькова, 2004).

Об изменении в жизни провинциального чиновничества на рубеже XIX–XX вв. пишут И.Т. Шатохин и А.А. Титова, связывая его с модернизационными тенденциями. Чиновничество же, по их мнению, превращается из внесловной в надсловную социальную группу с новыми ценностными ориентациями и мотивами несения государственной службы. Как замечают исследователи, чиновничество в своей массе не интересовало служба как такая; его не беспокоили ни обеспечение благополучия, ни законности. Должность интересовала его как дополнительное средство обогащения – у высших чиновников и получение минимума средств к существованию – у низших (Шатохин, Титова, 2015: 95). И.Т. Шатохин подчеркивает, что служебная повседневность обусловлена целым рядом факторов, в частности местом в провинциальной структуре общества, а также пределом властных полномочий (Шатохин, 2011: 258). Значимым фактором, определявшим характер этой повседневности, была возрастающая активность общественности, общественное мнение, формирование сословных корпоративных организаций и их влияние на институты власти.

Быт дальневосточного чиновничества второй половины XIX в. изучает Ю.Н. Поповичева. Она выделяет его специфические черты: в регионе численность чиновников с высшим образованием была

большей, нежели в других регионах Российской империи (за исключением столичных городов); учитывая региональную специфику (территориальная отдаленность, климат, условия жизни, состав населения и проч.), чиновник на Дальнем Востоке выполнял не только политико-административные, но и не присущие ему культурные функции; преобладание эмоциональной связи, а не профессиональных либо экономических интересов в существовании чиновничьей корпорации; сочетание военно-патриархальной и либерально-демократической модели управления (Поповичева, 2003). Дальневосточное чиновничество характеризуется ею как меритократическое; оно составляло высший класс региона, не будучи периферийным дворянством, как это имело место в остальной части империи.

Процесс «раздворянивания» государственной службы и ее демократизацию исследует в своих работах А.А. Бутусова. В частности, ею были проанализированы принципы формирования, а также особенности функционирования бюрократического аппарата на местном уровне; выявлены социальный состав, уровень образования, возрастные и конфессиональные характеристики провинциального чиновничества, их материальное положение, особенности повседневной жизни (Бутусова, 2006). Основопологающей для чиновничества А.А. Бутусова считает проводимую в империи модернизацию, что повлекло за собой совершенствование системы местного управления, которая напрямую коснулась чиновничества, предопределив его социокультурный облик. Так, в этом контексте ею был отмечен достаточно быстрый рост профессионализации провинциального чиновничества, повышение уровня его образованности, рост денежного довольствия, омолаживание чиновничьего состава.

В своих работах Л.Н. Мазур, изучая структуру местной бюрократии, использует топографический подход, что позволяет ей системно исследовать механизмы господства, учитывая пространственные факторы ее функционирования (Мазур, 2014). Сельская бюрократия, по мнению автора, является специфической с особым социальным статусом и моделями господства, отличными от провинциальной и столичной моделей.

Изучая особый, как его называет Т.А. Фролова, «патримониально-рационалистический тип чиновника», автор указывает на значительную роль в формировании его социокультурного облика служебной повседневности и уровень материального обеспечения. При этом ею отмечается, что в организации служебных и внеслужебных отношений российского чиновника преобладали семейственность и патриархальный уклад. К позитивным аспектам чиновничьего быта относятся рост образовательного уровня и профессиональной компетентности чиновников. Но в то же время имеют место и негативные моменты – расширение круга служебных обязанностей, что сказывалось на эффективности работы служащих; достаточно низкий уровень материального обеспечения и жизни; действующая система протекционизма и другие явления. Все они оказывали негативное влияние на морально-нравственный облик чиновничества (Фролова, 2006).

Правовое положение, специфика государственной службы в провинции нашли свое отражение в работах Ю.Н. Токмаковой, исследовавшей социальные, возрастные, религиозные характеристики провинциального чиновничества, проблемы образования в бюрократической среде (Токмакова, 2009). Ею был отмечен низкий уровень образованности провинциальных чиновников в губерниях центральной России конца XVIII – начала XIX вв., что определялось не столько отсутствием системы всеобщего образования, сколько незаинтересованностью значительной части общества в его получении.

Таким образом, значительное количество научных работ посвящено исследованию общих вопросов быта и жизни российского чиновника. Повседневность рассматривается историками как взаимозависимый комплекс социальных явлений и феноменов (происхождение чиновника, его социальное положение, чин, уровень образования, размер материального благосостояния и другие факторы).

Стоит упомянуть и работы, в которых исследуется повседневность отдельных категорий чиновников. Так, особенности служебной повседневности судебных следователей, их профессиональные качества, уровень подготовки, влияние социального и материального положения на служебную повседневность анализируются в работах Ю.П. Пономаревой (Пономарева, 2016). Автором выделяются «объективные и субъективные детерминанты служебной повседневности»: нормативно-правовая база, социально-экономическое состояние региона, криминальная обстановка, миграционные процессы, уровень образования, мировоззрение, воспитание, финансовая состоятельность и другие. Отмечается, что должность следователя была не привлекательна ввиду малого размера жалованья, а также отдаленности от столиц или крупных городов, что отпугивало выпускников юридических факультетов (Пономарева, 2016: 134). Важной особенностью повседневности этой категории полицейских чиновников, по мнению ученой, является отсутствие четких границ рабочего времени, что приводило к смешиванию с нерабочим временем.

А.В. Мещеряков исследует социокультурный облик особого вида чиновников, которые служили по военному ведомству, но занимались гражданскими делами (казачьих чиновников), по основным характеристикам, а именно: семейному положению, возрасту, вероисповеданию, образованности, происхождению. Ученый заметил интересную особенность: высшее чиновничество во всей своей

массе имело семью (были женаты), но почти у половины из них не было детей. Самые же большие семьи (с большим количеством детей) были у чиновников среднего звена. И именно среди них, а также среди низших чиновников, тоже имевших большие семьи, наблюдается высокий процент бедности. Как отмечает А.В. Мещеряков, «для руководящего состава процент чиновников с высшим образованием был критически низким. К концу века обстановка меняется и процент чиновников, окончивших высшие учебные заведения, повышается» (Мещеряков, 2013: 317). Также указывается, что для управленцев, т.е. высших чиновников, средний возраст составлял 56–60 лет (это была самая возрастная группа), однако наблюдалась тенденция омоложения кадров к концу XIX в. Средний же возраст чиновников среднего звена составлял 36–40 лет.

Значительное внимание современных исследователей уделено изучению материального обеспечения российских чиновников эпохи империи. Следует отметить работы В.А. Иванова (Иванов, 2012а; Иванов, 2012b), Н.Н. Дрыгиной (Дрыгина, 2010), Т.В. Козельчук (Козельчук, 2015), А.В. Мещерякова (Мещеряков, 2014), Ю.М. Гончарова (Гончаров, 2002; Гончаров, 2004), Ю.В. Бодровой (Бодрова, 2017) и др. Эти ученые исследовали вопросы денежного содержания чиновников разных классов и рангов, в частности источники и размеры их довольствия, платежеспособность, соотношение размера жалования и цен, а также их динамику. Проводился компаративный анализ вопросов материального обеспечения чиновничества в различных регионах империи. Почти все эти ученые отметили большие различия в размерах жалования высших, средних и низших классов чиновничества. Следует заметить, что большинство исследований посвящено изучению благосостояния именно провинциального чиновничества среднего и низшего уровня, что можно объяснить его уязвимостью перед бесчинством управителей, начальства и высших чиновников.

В работах В.А. Иванова характеризуются основные источники, содержащие сведения о видах материального обеспечения служащих, занимавших табельные и канцелярские должности в местных государственных учреждениях (Иванов, 2012а; Иванов, 2012b). Анализируя формальный и фактический размеры окладного содержания чиновников, автор указывает на существенные расхождения между установленным законом содержанием и фактическим материальным вознаграждением как в сторону уменьшения, так и в сторону его увеличения, что свидетельствует о существующей практике перераспределения финансовых средств, заложенных на содержание управленческого аппарата, на местах, когда высшее губернское начальство по своему усмотрению корректировало окладное содержание отдельных чиновников (Иванов, 2012а: 121). Произведя необходимые расчеты, В.А. Иванов выявил, что в провинции количество чиновников, чьи оклады не соответствовали прожиточному минимуму, составляло 64,7 %, а в столице – 87,8 %, что объяснялось дорогоей жизнью и невысоким уровнем оплаты труда большинства служащих (Иванов, 2012с: 124). Исходя из этого, автор резюмирует, что государство не имело возможности обеспечить элементарные условия жизни достаточно большого числа чиновников, особенно на местах, что благоприятствовало казнокрадству, взяточничеству, незаконным поборам и другим проявлениям служебных девиаций чиновников.

Н.Н. Дрыгина указывает на значительный разрыв размера столовых денег и жалования чиновников разных классов: иногда разница в размере получаемого жалования отличалась в десятки раз (Дрыгина, 2010). При этом сумма, выделяемая на жалование всем чиновникам и служащим канцелярии, была меньше суммы, выделяемой на содержание губернатора. Поэтому для высшего чиновничества жалование было не единственным и не главным источником дохода, поскольку денежное вознаграждение за службу для этой категории служащих не было самоцелью; таковой, по большей части, было приобщение к властным институциям. У большинства же представителей бюрократического аппарата Российской империи материальное положение было трудным (Дрыгина, 2010: 22). Т.В. Козельчук определила зависимость доходов чиновников от их должности, чина, ведомственной принадлежности и других факторов (Козельчук, 2015). Она, как и ряд ее предшественников, указала на факт существенной дифференциации окладов всего провинциального чиновничества Российской империи. При этом было отмечено, что размер жалования чиновника однозначно не свидетельствует о его материальном положении. Немаловажным являлся учет расходных статей служащих, зависящих как от объективных факторов (количество детей в семье, наличие собственного жилья и др.), так и субъективных (пристрастие к азартным играм, алкоголю или, напротив, регулярное посещение театра, оперы, расходы на газеты и журналы и проч.). Значимыми были дополнительные источники обогащения – взятки, наличие щедрых богатых родственников (Козельчук, 2015: 22). Ю.В. Бодрова также указывает на тяжелое материальное положение большинства чиновников. Жалования едва хватало на товары первой необходимости, что приводило к поиску дополнительных (не всегда легальных) источников дохода, а также к изменению демографического поведения посредством повышения брачного возраста и нуклеаризации семьи. Автор отмечает «колоссальную разницу» в уровне жизни провинциальной бюрократии, зависящего от социального происхождения и служебного статуса (Бодрова, 2017).

Т.Р. Вакилев проанализировал основные источники благосостояния провинциального чиновничества в форме земельных аренд, пенсий, официального дохода, единовременных выплат, подарков и других источников. По его словам, «доход более половины местного чиновничества не

соответствовал существующему прожиточному минимуму. Служащие были вынуждены либо искать заработки на стороне, либо прибегать к служебным злоупотреблениям» (Вакилев, 2014).

Материальное положение чиновников губернского уровня (на примере Оренбургского края) изучил А.В. Мещеряков. Он отметил, что наибольшая статья расходов приходилась на покупку еды, одежды и решение жилищных вопросов (Мещеряков, 2014).

Еще одним направлением в изучении повседневности чиновничества Российской империи является блок работ, в которых исследуются система поощрений и наказаний чиновников в аспекте исполнения ими служебных обязанностей, а также причины и последствия коррупционных деяний госслужащих. В этом проблемном поле работали такие ученые, как Ю.В. Бодрова (Бодрова, 2017), А.Н. Бикташева (Бикташева, 2007), О.А. Плех (Плех, 2015), Ю.М. Бубнов (Бубнов, 2010), Д.С. Павлова (Павлова, 2009), С.И. Дегтярев (Degtyarev, 2014b) и др. В частности, некоторые из них уделяли внимание изменению менталитета местного чиновничества, переосмыслению им психологических основ службы «за совесть» и формированию коррупционного корпоративизма.

Характерными для чиновничьей среды, по мнению С.И. Дегтярева, были не только лихоимство и взяточничество (как наиболее тяжелые и распространенные в этой среде преступления), но и превышение полномочий, бездействие, лень, недобросовестное исполнение своих обязанностей. Как отмечает ученый, это настолько укоренилось в сознании, что население считало взяточничество естественной формой отношений населения с властью (Дегтярев, 2014: 194-195).

Д.С. Павлова связывала увеличение количества злоупотреблений чиновников с проведением реформ в стране. По ее мнению, рост служебных нарушений был прямо пропорционален росту численности чиновничьего аппарата, особенно в сфере финансов. Причиной таких негативных проявлений называлось «отсутствие средств к существованию вследствие нерегулярной выплаты жалованья, низкой ставки чиновников» (Павлова, 2009: 208), хотя этот факт и не считается бесспорным. Действительно, чиновники, особенно низших разрядов, были склонны к систематическим злоупотреблениям в виде взяточничества или/и казнокрадства, оправдывая свои действия условиями службы. Но в то же время правительство также систематически боролось с проявлениями злоупотреблений на местах.

Проблему законодательного регулирования и правового механизма наказаний чиновников изучала А.Н. Бикташева. Одним из аспектов ее исследования был анализ зависимости увольнений чиновников и деятельности института надзора, а также правовая основа сенаторских ревизий и механизмы увольнения российских губернаторов по результатам таких проверок. Ученый справедливо отметила, что «правовой механизм наказания губернаторов в российском законодательстве не был проработан законодателями в деталях..., а законодательство по изучаемому вопросу формировалось как прецедентное право» (Бикташева, 2007: 103). При этом законодательство строго не разграничивало дисциплинарные проступки губернаторов и их преступные деяния. Так, анализируя Свод законов 1832 г., «Уложение о наказаниях» 1845 г. и другие документы, автор отмечает, что «популярными» статьями, по которым открывалось криминальное или же административное дело относительно губернаторов, были «подозрение во взятке», «превышение власти», «злоупотребление властью».

Вопросы, связанные с коррупцией чиновников и формированием системы законодательного регулирования борьбы с ней, поднимает в своем комплексном исследовании Ю.М. Бубнов (Бубнов, 2010). В частности, им дан исторический очерк чиновничьего мздоимства, проанализированы социально-экономические и правовые аспекты чиновника «на кормлении». Исследователь анализирует основные законодательные акты, направленные на борьбу против взяточничества и казнокрадства. Особенно важным в этом вопросе, по мнению Ю.М. Бубнова, является Уложение «О наказаниях уголовных и исправительных», где впервые мздоимство было квалифицировано в терминах юридической науки как особый повод для административного преследования и определило для него конкретные меры наказания, отличающиеся от санкций за другую разновидность взяточничества – лихоимство, что позволило юридически вывести мздоимство из сферы традиционной повседневности в разряд правонарушения (Бубнов, 2010: 77).

Изучение уровня чиновничьей коррупции первой половины XIX в. продолжил О.А. Плех. Выявленные автором материалы судебно-следственной практики позволили установить численность коррупционных преступлений, определить особенности расследования и судебного разбирательства по ним (Плех, 2015), обозначить наличие благоприятных условий для нелегального обогащения должностных лиц в органах местного управления, тогда как действовавшие нормы права не могли обеспечить искоренение коррупции и снижение ее уровня. Более того, как отмечает О.А. Плех, «ни государство, ни общество, ни сами местные чиновники не боролись с проявлениями коррупции..., а само досудебное и судебное производства были нацелены на предоставление широких возможностей подсудимым уходить от положенной по закону ответственности» (Плех, 2015: 773). К подобным выводам приходят многие исследователи обозначенной проблемы (Бодрова, 2017). Размер взятки зависел от места службы и занимаемой должности. При этом, как отмечает Ю.В. Бодрова, получение взяток воспринималось явлением вполне нормальным, так как искренне

считалось, что всех чиновников надо кормить, а сами чиновники подчас вызывали сочувствие у провинциального общества (Бодрова, 2017: 66).

Таким образом, в научных работах по вопросам коррупции среди чиновников прослеживается четкая тенденция, связывающая ее рост и «жизнеспособность» не только с низкими должностными окладами подавляющего числа чиновников среднего и низшего звена, но и со сложившейся в российском обществе устойчивой традицией «благодарений», когда взятка на бытовом уровне вообще не рассматривалась как криминальное преступление.

В то же самое время правительственная антикоррупционная политика предполагала и иные механизмы борьбы с ней одним из которых была система поощрений для исполнительных, усердных и честных чиновников. В этом направлении работали такие ученые, как И.А. Минеева (Минеева, 2017), С.И. Дегтярев (Дегтярьов, 2014: 258-296), Д.С. Павлова (Павлова, 2009).

Так, исследуя механизмы мотивации чиновника к честному труду, Д.С. Павлова утверждает, что поощрения чиновник получал «за усердную деятельность, за целостность казны и ведение книг и счетоводства в порядок, замеченный в отличном поведении, имевшего на руках казенного интереса и денежной суммы» (Павлова, 2009: 211-212). Как отмечает С.И. Дегтярев, поощрения для исполнительных, ответственных и честных чиновников принимали, как правило, вид или реальной материальной ценности (земля, имения, крепостные, впоследствии – ценные подарки, различного рода денежные выплаты, право на пенсионное обеспечение и др.), или же являлись символом сословно-статусного престижа: ранги, чины, титулы, ордена и проч. (Дегтярьов, 2014: 258-303). И.А. Минеева рассматривает систему поощрений чиновников как возможность регулирования их численности, лояльности и ротации. Ею отмечается, что система поощрений контролировалась государством, была четко регламентирована и выступала инструментом государственного управления, реализации властных функций и государственной стратегии. Рассматривая различные виды наград и поощрений, И.А. Минеева утверждает, что государство использовало механизм поощрения не только по отношению к уже действующим чиновникам, но и как элемент привлечения на службу в отдаленные окраины империи, а также для поощрения изучения русского языка (Минеева, 2017).

Историки, занимающиеся исследованием феномена российского чиновничества, подчеркивают прямую зависимость материального благосостояния чиновника, его место в социально-профессиональной иерархии с его происхождением. Эти аспекты нашли отражение в ряде научных работ, затрагивающих вопросы происхождения и социального состава российского чиновничества. В частности, в работах Т.В. Козельчук исследованы вопросы социального происхождения чиновников окружных судов и полицейских управлений (Козельчук, 2017). Т.Р. Вакилев проанализировал социальный и имущественный портреты провинциального чиновничества (Вакилев, 2013). В.А. Иванов изучил социальный состав бюрократического аппарата на местах в контексте правительственной политики в области формирования чиновничества (Иванов, 2009). В.А. Дятлов раскрыл особенности социального положения различных категорий гражданских служащих государственных учреждений Российской империи, а также факторы социальной мобильности провинциального чиновничества: происхождение и образование (Дятлов, 2012). А.А. Долгов исследовал формирование правовых основ государственной службы и социальный состав служащих в российской империи (Долгов, 2012).

5. Заключение

Таким образом, анализ достаточно большого комплекса новейших научных работ, касающихся проблематики повседневности бюрократии Российской империи, позволяет констатировать факт определенной несоизмеримости аспектов и вопросов, исследуемых в этих работах. С одной стороны, наблюдается повышенный интерес к истории российского чиновничества, изучаемого в контексте государственной политики по становлению институтов власти и администрирования. С другой – в общем массиве научной литературы по истории чиновничества подавляющая часть исследований посвящена изучению организации и структуры вертикали власти (особенно, центрального аппарата и высшей провинциальной бюрократии); определенный интерес у историков вызывает изучение особенностей функционирования бюрократического аппарата, правительственной политики в области государственного строительства и другие вопросы.

В этом контексте изучение повседневности чиновничества не является приоритетным направлением для большинства ученых, занимающихся вопросами истории бюрократического аппарата Российской империи. Хотя и в этом направлении существует достаточно много исследований, необходимо отметить тот факт, что в подавляющем своем большинстве эти работы не посвящены повседневности чиновничества как отдельно взятого объекта научного исследования; повседневность как бы «вплетена» в общий контекст истории бюрократии и рассматривается по касательной. Наиболее исследованными в этом направлении являются вопросы служебной повседневности (законодательное регулирование деятельности госслужащих, злоупотребления и девиации чиновников, вопросы их материального благосостояния и др.). Несколько обделены вниманием историков вопросы и аспекты внеслужебного быта чиновников, особенно

провинциального: условия жизни, досуг и развлечения, семейно-брачные отношения и др. Из этого следует однозначный вывод о перспективности научных исследований, узкоспециализированных на изучении вопросов и аспектов внеслужебной повседневности чиновника, компаративистике контекста и контента его жизни и службы.

Литература

Бикташева, 2007 – Бикташева А.Н. Надзор и наказания губернаторов (первая половина XIX века) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2007. № 3. С. 103-109.

Бикташева, 2011 – Бикташева А.Н. Механизмы контроля за деятельностью губернаторов в России первой четверти XIX века // *История и историческая память*. 2011. Вып. 3. С. 58-78.

Бодрова, 2017 – Бодрова Ю.В. Благополучие провинциальной бюрократии по материалам Тверской губернии первой половины XIX в. // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2017. № 4. С. 58-71.

Бубнов, 2010 – Бубнов Ю.М. Социологические очерки мздоимства. Минск: Изд. центр БГУ, 2010. 256 с.

Бутусова, 2006 – Бутусова А.А. Провинциальное чиновничество России в 1861–1917 гг.: на примере Курской губернии: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2006. 183 с.

Вакилев, 2013 – Вакилев Т.Р. Социальный и имущественный портреты местного чиновничества во второй половине XIX в. (по данным формулярных списков Пензенской губернии) // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 11. С. 310-313.

Вакилев, 2014 – Вакилев Т.Р. Материальное положение провинциального чиновничества I половины XIX века на примере Пензенской губернии // *Наука. Общество. Государство*. 2014. № 3.

Гончаров, 2002 – Гончаров Ю.М. Материальное положение чиновничества Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2002. № 4.

Гончаров, 2004 – Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX вв.). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 358 с.

Дегтярьов, 2014 – Дегтярьов С.І. Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст.: Монографія. Суми: ТОВ «Друкарський дім «Папірус». 2014. 472 с.

Дегтярев, 2014 – Дегтярев С.И. Унификация бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX вв. // *Русин*. 2014. № 35 (1). С. 91-104.

Дегтярев, 2016 – Дегтярев С.И. Чины как инструмент национально-унификационной политики Российской империи на землях Левобережной Украины, Кавказа, Бессарабии (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // *Русин*. 2016. № 43 (1). С. 177-195.

Долгов, 2012 – Долгов А.А. Формирование правовых основ государственной службы и социальный состав служащих в Российской империи второй половины XVIII века // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2012. № 4. С. 16-20.

Дрыгина, 2010 – Дрыгина Н.Н. Астраханские чиновники: жалование и материальное положение (2-я половина XIX – начало XX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2010. № 3. С. 16-24.

Дятлов, 2012 – Дятлов В.А. Особенности социального положения чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. № 27. С. 601-604.

Жытко, 2003 – Жытко А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1864–1914 гг.: Манаграфія. Мінск: БДПУ, 2003. 233 с.

Загребин, Любичанковский, 2010 – Загребин А.Е., Любичанковский С.В. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность: Сводные материалы заочной дискуссии / Под общ. ред. А.Е. Загребина и С.В. Любичанковского. Екатеринбург; Ижевск, 2010. 496 с.

Иванов, 2009 – Иванов В.А. Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2009. № 1. С. 71-79.

Иванов, 2012a – Иванов В.А. Источники о материальном обеспечении служащих местных государственных учреждений России в середине XIX века // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2012. № 13. Вып. 23. С. 118-122.

Иванов, 2012b – Иванов В.А. Служебная пригодность или личные симпатии начальника: окладное содержание служащих местных государственных учреждений России в середине XIX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2012. № 1. С. 20-31.

Иванов, 2012c – Иванов В.А. Уровень материального обеспечения местного чиновничества в России в середине XIX в. (опыт статистического анализа) // *Власть*. 2012. № 8. С. 122-124.

- Иванов, 2019** – Иванов В.А. Профессиональная подготовка чиновников местных государственных учреждений Российской империи к концу правления Николая I // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология.* 2019. Т. 46. № 2. С. 305-313.
- Исаев, Абрамов, 2008** – Исаев А.П., Абрамов Д.А. Социальный портрет калужского чиновника последней четверти XVIII в. // *Управленческое консультирование.* 2008. № 2. С. 177-211.
- Киселев, 2007** – Киселев А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX вв. Минск: УО «Военная академия Республики Беларусь». 2007. 171 с.
- Козельчук, 2015** – Козельчук Т.В. Материальное положение провинциальных чиновников (на примере Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX веков) // *Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2015. № 5. Выпуск 11. С. 19-25.
- Козельчук, 2017** – Козельчук Т.В. Социальное происхождение чиновников окружных судов и полицейских управлений Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX веков // *Вестник Курганского государственного университета.* 2017. № 1. С. 13-17.
- Козлобаев, 2006** – Козлобаев В.А. Формирование подходов к исследованию института губернаторской власти в историко-правовой науке // *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* Вып. 3 (43). Тамбов, 2006.
- Курочкина, 2011** – Курочкина Е.Н. Российское чиновничество XIX века. Эволюция историографических подходов // *Вестник ИрГТУ. Серия: Гуманитарные науки.* 2011. №2. С. 276-280.
- Лысенко, 2001** – Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX веков). М.: Изд-во МПГУ, 2001. 358 с.
- Любичанковский, 2010** – Любичанковский С.В. Личность и система: проблема влияния социокультурных и личностных характеристик региональных чиновников на эффективность местного управления в пореформенной России (обзор прошедшей дискуссии) // *Известия Самарского научного центра РАН.* 2010. Т. 12. № 2. С. 303-306.
- Мазур, 2014** – Мазур Л.Н. Становление и эволюция сельской бюрократии в России во второй половине XIX – начале XX вв. // *Известия Уральского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2014. Т. 16. № 2. С. 251-267.
- Малкова, 2011** – Малкова Н.Г. К вопросу о причинах взяточничества чиновников в России в конце XVIII – первой половине XIX веков // *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.* 2011. № 3. Ч. 1. С. 116-120.
- Мельникова, 2010** – Мельникова И.Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 2010.
- Метушевская, 2007** – Метушевская Т.И. Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12 00 01. Москва, 2007.
- Мещеряков, 2013** – Мещеряков А.В. Социокультурный облик чиновников войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска второй половины XIX в. // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2013. № 3. С. 313-320.
- Мещеряков, 2014** – Мещеряков А.В. Уровень материального положения чиновников ключевых институтов управления Оренбургского края во второй половине XIX – начале XX вв. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2014. Т. 16. № 3. С. 402-408.
- Минева, 2017** – Минева И.А. Система поощрений государственных чиновников в России XVIII – XIX веков // *Успехи современной науки и образования.* 2017. Том 8. № 2. С. 49-51.
- Молнева, 2008** – Молнева М.С. Духовные ценности чиновничества в системе подбора кадров // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2008. Вып. 1. С. 321-325.
- Оболонский, 1997** – Оболонский А.В. На государевой службе: бюрократия в старой и новой России. М.: ИГПИАН, 1997. 32 с.
- Оспанова, 2015** – Оспанова А.А. Изучение чиновничества в российской исторической науке // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2015. Т. 17. № 3. С. 499-502.
- Павлова, 2009** – Павлова Д.С. К вопросу о злоупотреблениях чиновников местных финансовых учреждений в последней четверти XVIII – первой половине XIX веков (на материалах верхневолжских губерний) // *Ярославский педагогический вестник.* 2009. № 3. С. 208-213.
- Петровский, 2012** – Петровский И.В. Этнос российского чиновничества: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.05. СПб., 2012. 18 с.
- Писарькова, 2002** – Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (По материалам «секретной канцелярии» князей Голицыных первой половины XIX в.) // *Отечественная история.* 2002. № 5. С. 33-49.
- Писарькова, 2004** – Писарькова Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX веков // *Отечественные записки.* 2004. № 2.
- Плех, 2015** – Плех О.А. Коррупция в местном управлении первой половины XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // *Исторический журнал: научные исследования.* 2015. № 6. С. 766-777.

Пономарева, 2016 – Пономарева Ю.П. Особенности служебной повседневности судебных следователей Ставропольской губернии в период преобразований середины XIX века // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2016. № 4. С. 132-138.

Поповичева, 2003 – Поповичева Ю.Н. Типы карьеры и специфика службы дальневосточных чиновников во второй половине XIX в. // *Россия и АТР. Серия: История. Исторические науки*. 2003. С. 46-52.

Пушкарева, Любичанковский, 2014 – Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2014. № 1. Т. 4. История. С. 6-21.

Сигов, 2001 – Сигов В.И. Корпоративная этика чиновничества Восточной Сибири в царствование Николая I: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2001. 237 с.

Султангалиева, 2015 – Султангалиева Г.С. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: Особенности восприятия власти // *Cahiers du monde russe*. 2015. Vol. 56. № 4. Pp. 651-679.

Титова, 2014 – Титова А.А. Быт и традиции в структуре менталитета социальных и профессиональных групп городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX вв. // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 6. Ч. 4. С. 845-850.

Токмакова, 2009 – Токмакова Ю.Н. «От чистописания к юриспруденции»: проблема образовательного уровня провинциальных чиновников центральной России в первой половине XIX века // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История*. 2009. Вып. 36. № 37. С. 65-71.

Фролова, 2006 – Фролова Т.А. Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2006. 185 с.

Черепанова, 2001 – Черепанова И.В. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование): Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Омск. 2001.

Шандра, 2009 – Шандра В.С. Державна служба в українських губерніях Російської імперії // *Історія державної служби в Україні*. У 5 т. К.: Ніка-Центр, 2009. Т. 1. С. 279-318.

Шатохин, 2011 – Шатохин И.Т. «В чиновничьем мире все свое, все оригинальное и нет ничего заимствованного...». Служебная повседневность провинциального чиновничества // *Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX вв.* Белгород: НИУ «БелГУ», ООО «ГиК» 2011. С. 258-283.

Шатохин, Титова, 2015 – Шатохин И.Т., Титова А.А. Старое и новое в жизни провинциального чиновничества в период буржуазной модернизации Российской империи // *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. 2015. Т. 2. № 1. С. 88-104.

Шепелев, 1999 – Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX вв. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 479 с.

Degtyarev, 2012 – *Dyagtyarev S.I.* Civil officers' educational level in the first half of XVIII century // *Bylye Gody*. 2012. 23(1). Pp.11-18.

Degtyarev, 2013a – *Degtyarev S.I.* The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century) // *Bylye Gody*. 2013. 30(4). Pp. 28-35.

Degtyarev, 2013b – *Dyagtere S.I.* Incorporation of Ukrainian Officialdom into Bureaucratic System of the Russian Empire during under the Rule of Catherine II // *Bylye Gody*. 2013. 27(1). Pp. 16-25.

Degtyarev, 2014a – *Degtyarev S.* The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol 34(4). Pp. 554-558.

Degtyarev, 2014b – *Degtyarev S.* Violations of Law in the Bureaucrats Community and Their Perception by the Ukrainian and Russian People in the Late XVIII – First Half of XIX Centuries // *Bylye Gody*. 2014. Vol 32(2). Pp. 155-161.

Degtyarev, 2015a – *Degtyarev S.I.* Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4). Pp. 865-875.

Degtyarev, 2015b – *Degtyarev S.I.* Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeyevich Aksakov // *Bylye Gody*. 2015. 36(2). Pp. 254-259.

Degtyarev, 2016 – *Degtyarev S.I.* Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 39(1). Pp. 45-52.

Degtyarev et al., 2018 – *Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G.* The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4). Pp. 1530-1537.

Degtyarev et al., 2019 – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Balanyuk L.L., Gut J.* Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries) // *Bylye Gody*. 2019. 52(2). Pp. 491-501.

[Degtyarev, Kryvosheia, 2016](#) – *Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I.* The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody*. 2016. 42(4). Pp. 1118-1126.

[Degtyarev, Polyakova, 2019](#) – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G.* Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians // *Bylye Gody*. 2019. 51(1). Pp. 83-92.

[Gorak et al., 2015](#) – *Gorak A., Kozłowski J., Latawiec K.* Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867-1918). Lublin, 2015. 543 p.

[Lebid et al., 2019](#) – *Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V.* The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1490-1505.

[Sultangaliev et al., 2017](#) – *Sultangaliev G.S., Dalayeva T.T., Malikov B.U.* Understanding of Kazakh volost by Russian officials of the XIX century // *Bylye Gody*. 2017. №46(4). Pp. 1322-1332.

References

[Biktasheva, 2007](#) – *Biktasheva A.N.* (2007). Nadzor i nakazaniya gubernatorov (pervaya polovina XIX veka) [Supervision and punishment of governors (first half of the XIX century)]. *Nauchnye vedomosti*. №3. Pp. 103-109. [in Russian]

[Biktasheva, 2011](#) – *Biktasheva A.N.* (2011). Mehanizmy kontrolya za deyatelnostyu gubernatorov v Rossii pervoy chetverti XIX veka [Mechanisms for monitoring the activities of governors in Russia in the first quarter of the 19th century]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat*. Vyp. 3. Pp. 58-78. [in Russian]

[Bodrova, 2017](#) – *Bodrova Yu.V.* (2017). Blagosostoyanie provintsialnoy byurokratii po materialam Tverskoy gubernii pervoy poloviny XIX v. [The welfare of the provincial bureaucracy based on the Tver province the first half of the XIX century.]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. № 4. Pp. 58-71. [in Russian]

[Bubnov, 2010](#) – *Bubnov Yu.M.* (2010). Sotsiologicheskie ocherki mzdoimstva [Sociological essays on bribery]. Minsk: Izd. tsentr BGU, 2010. 256 s. [in Russian]

[Butusova, 2006](#) – *Butusova A.A.* (2006). Provintsialnoe chinovnichestvo Rossii v 1861–1917 gg.: na primere Kurskoy gubernii [Provincial bureaucracy of Russia in 1861-1917: on the example of the Kursk province]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kursk. 183 p. [in Russian]

[Cherepanova, 2001](#) – *Cherepanova I.V.* (2001). Gosudarstvennaya sluzhba Rossiyskoy imperii XIX veka (teoreticheskoe issledovanie) [Civil service of the Russian Empire of the XIX century (theoretical study)]: diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.14. Omsk. [in Russian]

[Degtyarev, 2012](#) – *Dyagtyarev S.I.* (2012). Civil officers' educational level in the first half of XVIII century. *Bylye Gody*. 23(1). Pp. 11-18.

[Degtyarev, 2013a](#) – *Degtyarev S.I.* (2013). The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century). *Bylye Gody*. 30(4). Pp. 28-35.

[Degtyarev, 2013b](#) – *Dyagterev S.I.* (2013). Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II. *Bylye Gody*. 27(1). Pp. 16-25.

[Degtyarev, 2014](#) – *Dehtiarov S.I.* (2014). Tsyvilne chynovnytstvo Ukrainy u kintsi XVIII – pershii polovyni XIX st.: monohrafiia [Civil officialdom in Ukraine at the end of the 18th –the beginning of the 19th centuries: monograph]. Sumy: TOV «Drukarskyi dim «Papyrus»». 472 p. [in Ukrainian]

[Degtyarev, 2014](#) – *Degtyarev S.I.* (2014). Unifikatsiya byurokraticheskikh sistem Bessarabii i Malorossii v period ikh integratsii v sostav Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – pervoy treti XIX vv. [Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiia during their integration into the Russian Empire in the late of XVIII – the first third of the XIX cent.]. *Rusin*. 35(1). Pp. 91-104. [in Russian]

[Degtyarev, 2014a](#) – *Degtyarev S.* (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody*. Vol 34(4). Pp. 554-558.

[Degtyarev, 2014b](#) – *Degtyarev S.* (2014). Violations of Law in the Bureaucrats Community and Their Perception by the Ukrainian and Russian People in the Late XVIII – First Half of XIX Centuries. *Bylye Gody*. Vol 32(2). Pp. 155-161.

[Degtyarev, 2015a](#) – *Degtyarev S.I.* (2015). Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4). Pp. 865-875.

[Degtyarev, 2015b](#) – *Degtyarev S.I.* (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody*. 36(2). Pp. 254-259.

[Degtyarev, 2016](#) – *Degtyarev S.I.* (2016). Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century. *Bylye Gody*. 39(1). Pp. 45-52.

[Degtyarev, 2016](#) – *Degtyarev S.I.* (2016). Chiny kak instrument natsional'no-unifikatsionnoy politiki Rossiyskoy imperii na zemlyakh Levoberezhnoy Ukrainy, Kavkaza, Bessarabii (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Ranks (chiny) as an instrument of national and unification policy of the Russian Empire in the Left-bank Ukraine, Caucasus and Bessarabia (the end of XVIII – the first half XIX centuries)]. *Rusin*. 43(1). Pp. 177-195. [in Russian]

Degtyarev et al., 2018 – *Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G.* (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4). Pp. 1530-1537.

Degtyarev et al., 2019 – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Balanyuk L.L., Gut J.* (2019). Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries). *Bylye Gody*. 52(2). Pp. 491-501.

Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – *Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I.* (2016). The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody*. 42(4). Pp. 1118-1126.

Degtyarev, Polyakova, 2019 – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G.* (2019). Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians. *Bylye Gody*. 51(1). Pp. 83-92.

Dolgov, 2012 – *Dolgov A.A.* (2012). Formirovanie pravovykh osnov gosudarstvennoy sluzhby i sotsialnyy sostav sluzhaschih v Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XVIII veka [The formation of the legal foundations of public service and the social composition of employees in the Russian Empire in the second half of the 18th century]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. №4. Pp. 16-20. [in Russian]

Drygina, 2010 – *Drygina N.N.* (2010). Astrahanskii chinovniki: zhalovane i materialnoe polozhenie (2-ya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Astrakhan officials: salary and financial situation (2nd half of the 19th – early 20th centuries)]. *Novyyi istoricheskiy vestnik*. №3. Pp. 16-24. [in Russian]

Dyatlov, 2012 – *Dyatlov V.A.* (2012). Osobennosti sotsialnogo polozheniya chinovnichestva Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX veka (na primere Penzenskoy i Saratovskoy guberniy) [Features of the social status of bureaucracy of the Russian Empire in the first half of the XIX century (on the example of the Penza and Saratov provinces)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. Gumanitarnyye nauki*. №27. Pp. 601-604. [in Russian]

Frolova, 2006 – *Frolova T.A.* (2006). Sotsiokulturnyy oblik chinovnichestva Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [The sociocultural image of the bureaucracy of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries.]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Omsk. 185 p. [in Russian]

Goncharov, 2002 – *Goncharov Yu.M.* (2002). Materialnoe polozhenie chinovnichestva Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The financial situation of Siberian officials in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. №4. [in Russian]

Goncharov, 2004 – *Goncharov Yu.M.* (2004). Ocherki istorii gorodskogo byita dorevolutsionnoy Sibiri (seredina XIX – nachalo XX v.) [Essays on the history of urban life in pre-revolutionary Siberia (mid-19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: ID «Sova». 358 p. [in Russian]

Gorak et al., 2015 – *Gorak A., Kozlowski J., Latawiec K.* (2015). Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867-1918). Lublin. 543 p. [in Polish]

Ivanov, 2009 – *Ivanov V.A.* (2009). Sotsialnyy sostav mestnogo zvena apparata upravleniya Rossii serediny XIX veka kak otrazhenie politiki pravitelstva v oblasti formirovaniya chinovnichestva [The social composition of the local link of the administrative apparatus of Russia in the middle of 19th century as a reflection of government policy in the field of officialdom formation]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. №1. Pp. 71-79. [in Russian]

Ivanov, 2012a – *Ivanov V.A.* (2012). Istochniki o materialnom obespechenii sluzhaschih mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossii v seredine XIX veka [Sources of material support for employees of local state institutions of Russia in the middle of the XIX century]. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. №13. Vyp. 23. Pp. 118-122. [in Russian]

Ivanov, 2012b – *Ivanov V.A.* (2012). Sluzhebnyy prigodnost ili lichnyye simpatii nachalnika: okladnoe sodержanie sluzhaschih mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossii v seredine XIX v. [Office suitability or personal preferences of the boss: salary of employees of local state institutions of Russia in the middle of the XIX century]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. №1. Pp. 20-31. [in Russian]

Ivanov, 2012c – *Ivanov V.A.* (2012). Uroven materialnogo obespecheniya mestnogo chinovnichestva v Rossii v seredine XIX v. (opyit statisticheskogo analiza) [The level of material support of local bureaucracy in Russia in the middle of the XIX century (experience of statistical analysis)]. *Vlast*. №8. Pp. 122-124. [in Russian]

Ivanov, 2019 – *Ivanov V.A.* (2019). Professionalnaya podgotovka chinovnikov mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossiyskoy imperii k kontsu pravleniya Nikolaya I [Professional training of officials of local government agencies of the Russian Empire by the end of the reign of Nicholas I]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. T. 46. № 2. Pp. 305-313. [in Russian]

Isaev, Abramov, 2008 – *Isaev A.P., Abramov D.A.* (2008). Sotsialnyy portret kaluzhskogo chinovnika posledney chetverti XVIII v. [Social portrait of a Kaluga official in the last quarter of the 18th century]. *Upravlencheskoe konsultirovanie*. №2. Pp. 177-211. [in Russian]

Kiselev, 2007 – *Kiselev A.A.* (2007). Sistema upravleniya i chinovnichestvo belorusskikh guberniy v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [The management system and bureaucracy of the Belarusian

provinces in the late XVIII – first half of the XIX century.]. Minsk: UO «Voennaya akademiya Respubliki Belarus'». 171 p. [in Russian]

Kozelchuk, 2015 – *Kozelchuk T.V.* (2015). Materialnoe polozhenie provintsialnykh chinovnikov (na primere Tobolskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka) [The financial situation of provincial officials (on the example of the Tobolsk province of the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. № 5. Vyp. 11. P. 19-25. [in Russian]

Kozelchuk, 2017 – *Kozelchuk T.V.* (2017). Sotsialnoe proishozhdenie chinovnikov okruzhnykh sudov i politseyskikh upravleniy Tobolskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [The social origin of officials of district courts and police departments of the Tobolsk province of the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. №1. Pp. 13-17. [in Russian]

Kozlobaev, 2006 – *Kozlobaev V.A.* (2006). Formirovanie podkhodov k issledovaniyu instituta gubernatorskoy vlasti v istoriko-pravovoy nauke [Formation of approaches to the study of the institution of governorship in historical and legal science]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Vyp. 3(43). Tambov. [in Russian]

Kurochkina, 2011 – *Kurochkina E.N.* (2011). Rossiyskoe chinovnichestvo XIX veka. Evolyutsiya istoriograficheskikh podkhodov [Russian bureaucracy of the XIX century. The evolution of historiographic approaches]. *Vestnik IrGTU. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. №2. Pp. 276-280. [in Russian]

Lebid et al., 2019 – *Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V.* (2019). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I. *Bylye Gody*. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1490-1505.

Lysenko, 2001 – *Lysenko L.M.* (2001). Gubernatory i general-gubernatory Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka) [Governors and governors-general of the Russian Empire (XVIII – beginning of XX century)]. M.: Izd-vo MPGU. 358 p. [in Russian]

Lyubichankovskiy, 2010 – *Lyubichankovskiy S.V.* (2010). Lichnost i sistema: problema vliyaniya sotsiokulturnykh i lichnostnykh harakteristik regionalnykh chinovnikov na effektivnost mestnogo upravleniya v poreformennoy Rossii (obzor proshedshey diskussii) [Personality and system: the problem of the influence of socio-cultural and personal characteristics of regional officials on the effectiveness of local governance in post-reform Russia (review of the discussion)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. T. 12. №2. Pp. 303-306. [in Russian]

Mazur, 2014 – *Mazur L.N.* (2014). Stanovlenie i evolyutsiya selskoy byurokratii v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [The formation and evolution of rural bureaucracy in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. T. 16. № 2. Pp. 251-267. [in Russian]

Malkova, 2011 – *Malkova N.G.* (2011). K voprosu o prichinakh vzyatochnichestva chinovnikov v Rossii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [On the reasons for the bribery of officials in Russia in the late XVIII – first half of the XIX century]. *Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva*. №3. Ch. 1. Pp. 116-120. [in Russian]

Mel'nikova, 2010 – *Mel'nikova I.G.* (2010). Chinovnichestvo verkhnevolzhskikh guberniy v pervoy chetverti XIX veka [The officialdom of the Upper Volga provinces in the first quarter of the XIX century]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Yaroslavl'. [in Russian]

Metushevskaya, 2007 – *Metushevskaya T.I.* (2007). Pravovoy status gosudarstvennogo sluzhashchego v Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX vv. [The legal status of a civil servant in Russia in the 18th – first half of the 19th centuries]: diss. ... kand. jurid. nauk: 12 00 01. Moskva. [in Russian]

Mescheryakov, 2013 – *Mescheryakov A.V.* (2013). Sotsiokulturniy oblik chinovnikov voyskovogo hozyaystvennogo pravleniya Orenburgskogo kazachego voyska vtoroy poloviny XIX v. [The sociocultural image of officials of the military economic administration of the Orenburg Cossack army of the second half of the XIX century.]. *Problemy istorii, filologii, kulturnykh nauk*. №3. Pp. 313-320. [in Russian]

Mescheryakov, 2014 – *Mescheryakov A.V.* (2014). Uroven materialnogo polozheniya chinovnikov klyuchevykh institutov upravleniya Orenburgskogo kraya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The level of financial situation of officials of key management institutions of the Orenburg Territory in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. T. 16, № 3. Pp. 402-408. [in Russian]

Mineeva, 2017 – *Mineeva I.A.* (2017). Sistema pooschreniy gosudarstvennykh chinovnikov v Rossii XVIII – XIX vekov [The system of rewards for government officials in Russia of the 18th-19th centuries]. *Uspehi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. Tom 8. №2. Pp. 49-51. [in Russian]

Molneva, 2008 – *Molneva M.S.* (2008). Duhovnyie tsennosti chinovnichestva v sisteme podbora kadrov [The spiritual values of bureaucracy in the personnel selection system]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vyp. 1. Pp. 321-325. [in Russian]

Obolonskiy, 1997 – *Obolonskiy A.V.* (1997). Na gosudarevoy sluzhbe: byurokratiya v staroy i novoy Rossii [In the sovereign service: bureaucracy in old and new Russia]. M.: IGPAN. 32 p. [in Russian]

Ospanova, 2015 – *Ospanova A.A.* (2015). Izuchenie chinovnichestva v rossiyskoy istoricheskoy nauke [The study of bureaucracy in Russian historical science]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. T. 17. №3. Pp. 499-502. [in Russian]

Pavlova, 2009 – *Pavlova D.S.* (2009). K voprosu o zloupotrebleniyah chinovnikov mestnykh finansovykh uchrezhdeniy v posledney chetverti XVIII – pervoy polovine XIX veka (na materialah Verhnevolzhskikh guberniy) [On the issue of abuses of officials of local financial institutions in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX century (based on materials from the Upper Volga provinces)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. №3. Pp. 208-213. [in Russian]

Petrovskiy, 2012 – *Petrovskiy I.V.* (2012). Etos rossiyskogo chinovnichestva [Ethos of Russian bureaucracy]: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk: 09.00.05. SPb. 18 p. [in Russian]

Pisarkova, 2002 – *Pisarkova L.F.* (2002). K istorii vzyatok v Rossii. (Po materialam «sekretnoy kantselyarii» knyazey Golitsyinykh pervoy poloviny XIX v.) [To the history of bribes in Russia (According to the materials of the "secret chancellery" of the Golitsins princes of the first half of the XIX century)]. *Otechestvennaya istoriya*. № 5. Pp. 33-49. [in Russian]

Pisar'kova, 2004 – *Pisar'kova L.F.* (2004). Chinovnik na sluzhbe v kontse XVII – seredine XIX veka [The official in the service in the late XVII – mid XIX century]. *Otechestvennye zapiski*. №2. [in Russian]

Pleh, 2015 – *Pleh O.A.* (2015). Korruptsiya v mestnom upravlenii pervoy poloviny XIX v. (na materialah Vologodskoy gubernii) [Corruption in local government in the first half of the 19th century (based on materials from the Vologda province)]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyie issledovaniya*. № 6. Pp. 766-777. [in Russian]

Ponomaryova, 2016 – *Ponomaryova Yu.P.* (2016). Osobennosti sluzhebnoy povsednevnosti sudebnykh sledovateley Stavropolskoy gubernii v period preobrazovaniy serediny XIX veka [Features of the daily routine of judicial investigators of the Stavropol province during the transformations of the middle of 19th century]. *Gumanitarnyye i yuridicheskie issledovaniya*. №4. Pp. 132-138. [in Russian]

Popovicheva, 2003 – *Popovicheva Yu.N.* (2003). Tipy kar'ery i spetsifika sluzhby dal'nevostochnykh chinovnikov vo vtoroy polovine XIX v. [Types of careers and the specifics of the service of Far Eastern officials in the second half of the 19th century]. *Rossiya i ATR*. Seriya Istoriya. Istoricheskie nauki. Pp. 46-52. [in Russian]

Pushkaryova, Lyubichankovskiy, 2014 – *Pushkaryova N.L., Lyubichankovskiy S.V.* (2014). Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkol'yi Annalov k rossiyskoy filosofskoy shkole [Understanding the history of everyday life in modern historical research: from the School of Annals to the Russian philosophical school]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. №1. T.4. Istoriya. Pp. 6-21. [in Russian]

Shandra, 2009 – *Shandra V.S.* (2009). Derzhavna sluzhba v ukrainskykh huberniiakh Rosiiskoi imperii [Public service in the Ukrainian provinces of the Russian Empire]. *Istoriia derzhavnoi sluzhby v Ukraini*. U 5 t. K.: Nika-Tsentr. T. 1. Pp. 279-318. [in Ukrainian]

Shatohin, 2011 – *Shatohin I.T.* (2011). «V chinovnichestve mire vse svoe, vse originalnoe i net nichego zaimstvovannogo...». Sluzhebnyaya povsednevnost provintsialnogo chinovnichestva [“In the bureaucratic world, everything is its own, everything is original and there is nothing borrowed ...” Office routine of provincial bureaucracy]. *Transformatsiya provintsialnoy povsednevnosti v usloviyakh modernizatsionnogo razvitiya Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* Belgorod: NIU «BelGU», OOO «GiK». Pp. 258-283. [in Russian]

Shatohin, Titova, 2015 – *Shatohin, I.T., Titova A.A.* (2015). Staroe i novoe v zhizni provintsialnogo chinovnichestva v period burzhuznoy modernizatsii Rossiyskoy Imperii [Old and new in the life of provincial bureaucracy during the bourgeois modernization of the Russian Empire]. *Tractus Aevorum: evolyutsiya sotsiokulturnykh i politicheskikh prostranstv*. T. 2, №1. Pp. 88-104. [in Russian]

Shepelev, 1999 – *Shepelev L.E.* (1999). Chinovnyy mir Rossii: XVIII – nachalo XX v. [The official world of Russia: XVIII – beginning of XX century]. SPb.: Iskusstvo-SPb». 479 p. [in Russian]

Sigov, 2001 – *Sigov V.I.* (2001). Korporativnaya etika chinovnichestva Vostochnoy Sibiri v tsarstvovanie Nikolaya I [Corporate Ethics of Officials of Eastern Siberia in the Reign of Nicholas I]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Irkutsk. 237 p. [in Russian]

Sultangalieva, 2015 – *Sultangalieva G.S.* (2015). Kazakhskie chinovniki Rossiyskoy imperii XIX v.: Osobennosti vospriyatiya vlasti [Kazakh civil servants in nineteenth-century Imperial Russia: Specific aspects of the perception of power]. *Cahiers du monde russe*. Vol. 56. №4. Pp. 651-679. [in Russian]

Sultangalieva et al., 2017 – *Sultangalieva G.S., Dalayeva T.T., Malikov B.U.* (2017). Understanding of Kazakh volost by Russian officials of the XIX century. *Bylye Gody*. №46(4). Pp. 1322-1332. [in Russian]

Titova, 2014 – *Titova A.A.* (2014). Byit i traditsii v strukture mentaliteta sotsialnykh i professionalnykh grupp gorodskogo naseleniya rossiyskoy provintsii v kontse XIX – nachale XX vv. [Life and traditions in the structure of the mentality of social and professional groups of the urban population of the Russian province in the late XIX – early XX centuries.]. *Fundamentalnyie issledovaniya*. № 6. Chast 4. Pp. 845-850. [in Russian]

Tokmakova, 2009 – *Tokmakova Yu.N.* (2009). «Ot chistopisaniya k yurisprudentsii»: problema obrazovatel'nogo urovnya provintsialnykh chinovnikov tsentralnoy Rossii v pervoy polovine XIX veka [“From calligraphy to jurisprudence”: the problem of the educational level of provincial officials in central Russia in the first half of the 19th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. Vyp. 36. №37. Pp. 65-71. [in Russian]

Vakilev, 2013 – Vakilev T.R. (2013). Sotsialnyiy i imuschestvennyiy portretyi mestnogo chinovnichestva vo vtoroy polovine XIX v. (po dannym formulyarnykh spiskov Penzenskoy gubernii) [Social and property portraits of local officials in the second half of the XIX century (according to the formulary lists of the Penza province)]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya*. №11. Pp. 310-313. [in Russian]

Vakilev, 2014 – Vakilev T.R. (2014). Materialnoe polozhenie provintsialnogo chinovnichestva i poloviny XIX veka na primere Penzenskoy gubernii [The financial situation of provincial bureaucrats in the first half of the XIX century as exemplified by the Penza province]. *Nauka. Obschestvo. Gosudarstvo*. №3. [in Russian]

Zagrebin, Lyubichankovskiy, 2010 – Mestnoe upravlenie v poreformennoy Rossii: mehanizmy vlasti i ih effektivnost [Local government in post-reform Russia: power mechanisms and their effectiveness]: svodnye materialy zaobnoy diskussii. Pod obsch. red. A.E. Zagrebina i S.V. Lyubichankovskogo. Ekaterinburg; Izhevsk, 2010. 496p. [in Russian]

Zhytko, 2003 – Zhytko A.P. (2003). Dvaranstva Belarusi peryadu kapitalizmu. 1864-1914 gg.: managrfiya [The nobility of Belarus capitalism period. 1864–1914: monograph]. Minsk: BDP. 233 p. [in Belarusian]

Чиновничество Российской империи: современная историография вопроса. Часть II

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, *}, Наталья Александровна Шевченко ^{b, c},
Олег Евгеньевич Чуйков ^d, Владимир Александрович Свечников ^e

^a Сумский государственный университет, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Курский государственный университет, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. В исследовании продолжено изучение современной историографии истории чиновничества Российской империи. В основу работы преимущественно легли научные труды современных ученых Беларуси, России, Украины. Предметом исследования этих ученых стали вопросы служебной и внеслужебной повседневности чиновников Российской империи.

Особое внимание уделено работам, посвященным изучению стереотипов, ценностей и нравов, характерных для бюрократической среды. Во многих исследованиях изучалась система мотиваций, поощрений, наказаний и другие вопросы, связанные со служебной повседневностью государственных служащих Российской империи.

Авторами в очередной раз отмечена неравномерность в изучении предметного поля истории чиновничества. Блок научных работ, в которых освещаются общетеоретические вопросы становления и функционирования чиновничества Российской империи, очень велик. При этом мало внимания уделяется изучению быта чиновников, в частности условий жизни, досуга и развлечений, семейно-брачных отношений.

Ключевые слова: чиновники, чиновничество, бюрократия, административный аппарат, Российская империя, национальные регионы, современная историография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: schwarzschwanenreich@gmail.com (А.Е. Лебедь)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 130-141. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.130
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Shipbuilding at the Votkinsk PLant in the Pre-Reform Period of 1846–1861

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, d, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Moscow Institute of Psychoanalysis, Russian Federation

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Based on the paperwork of the Votkinsk plant, the list of shipbuilding facilities was reconstructed, according to which financing for their construction was carried out. All of them appear in technical reports, and various components and semi-finished products went to them. The list of ships that were in correspondence with various authorities is more extensive, but there is no evidence that the plant was building them. In parallel with the ship lists of the fleet and river registers, an operational list of Votkinsk's building ships of the period 1846–1861 was compiled. Both lists are combined and superimposed on the order numbers of the shipbuilding establishment of the plant, and an estimated sequence of ship numbers is compiled, which were precisely built at the plant and then precisely operated.

Analysis of the list showed that in the pre-reform period, the plant worked on 51 orders, as a rule, of low complexity and quality of construction. These are either non-self-propelled vessels, or steamboats without main mechanisms. Nevertheless, the shipyard is expanding shipbuilding, making up to a dozen ships in some years. These are all orders of the War Department with a small share of ships for their own needs. Nevertheless, despite the low quality, the constructed ships are cheaper than those bought abroad and delivered by private enterprises, which is why in 1861 the plant receives the largest order of the Military Department in its entire history, having carried out a complete modernization of the technical facilities of Kronstadt and St. Petersburg ports.

Keywords: Votkinsk plant, shipbuilding, military department, building number, systematic approach, pre-reform period.

1. Введение

Первые пароходы Воткинской постройки неоднократно становились объектом исследования в исторической литературе. Но в основном авторов интересовал сам процесс зарождения кораблестроения на этом заводе и участие в нем отца композитора П.И. Чайковского, занимавшего в то время пост горного начальника Воткинского завода. Цитируется также дневниковая запись юного композитора, которого прокатили на пароходе. Но что касается самого судостроения в дореформенный период, то оно описано довольно эклектично, и не создает целостной картины. Задача данного исследования состоит в определении объемов судостроительного производства Воткинского завода в дореформенный период с 1846 по 1861 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico01@mail.ru (N.W. Mitiukov)

2. Материалы и методы

С момента зарождения судостроения в Воткинске в 1846 г. до 1861 г. завод выполнял исключительно заказы Военного ведомства России, в основном комплектуя плавсредства Балтийского флота, Каспийской и Аральской военных флотилий. В производстве одновременно могло находиться до десятка объектов. В 1861 г. был получен большой заказ на серию судов для Балтийского флота, который может служить достаточно легко определяемым маркером в заказах, полученных до него и после него. В связи с этим, верхние хронологические рамки работы объяснялись не столько реформой, сколько началом выполнения этого заказа, поскольку в начале его суда Балтфлота строятся одновременно с предыдущими заказами, а в конце уже с последующими, которые, получается, четко разделяются.

Основным источником для исследования послужила заводская делопроизводственная документация, содержащаяся в фондах Центрального государственного архива Удмуртской республики. Она включает в себя два типа документов: переписку по поводу выполнения заказов и годовые технические и бухгалтерские отчеты. Поскольку из переписки не всегда представляется возможным понять, принят ли данный заказ к исполнению или нет, на первом этапе составлялся список объектов, на постройку которых выделялись средства (фигурирующие в бухгалтерских отчетах), а также на которых реально велись работы (производилось потребление материалов и шли затраты труда, то есть они фигурировали в технических отчетах). На втором этапе построенные объекты проверялись по эксплуатационной документации, в роли которого выступали Судовые списки флота и речные регистры. В результате устанавливалось соответствие между строившимися и построенными объектами как того требует системный подход.

Поскольку номера заказов частично сохранились в делопроизводственной документации, далее делается попытка восстановить весь список номеров в рамках контент-анализа.

3. Обсуждение

Начало судостроения на Воткинском заводе, благодаря тому, что оно началось в период, когда горным начальником был Илья Петрович Чайковский (1795–1880), отец всемирно известного композитора, достаточно широко представлено в литературе, при чем, как в биографической (Любвиная, Карпеев, 2016), так и культурологической (Стояк, 2013). Оставило судостроение след и в периодической печати того времени (Васина, 2012). Но особенно ценно, что имеются сведения о судостроении в историко-экономической литературе (Осколков, 1966), (Осколков, Сутырин, 1963), а также технических описаниях завода в целом (Котляревский, 1858) и статистических сборниках (Блинов, 1855).

Однако само техническое описание объектов судостроения представлено эпизодически и не создает целостной картины. Так имеются работы по постройке отдельных судов, например, канонерских лодок «Секира» и «Пищаль» (Черников, 1986), пароходов «Астрабад», «Граф Вронченко», «Урал», «Кура» (Matveev, 2014) и частично судов для Аральской флотилии (Katorin et al., 2017) и (Matveev, 2018). Проблема усугубляется тем, что до сих пор не установлены реальные объемы судостроительного производства в Воткинске в дореформенный период. Имеющиеся опубликованные данные группы Осколкова с соавторами имеют лишь ссылки на архивные документы, без указания, каким образом эти цифры получены и потому, по крайней мере, нуждаются в перепроверке.

Ранее нами был реконструирован список судостроительных заказов в пореформенный период (Mitiukov, 2018a), и было установлено, что количество объектов, строительство которых вел завод, превышает количество номеров выданных заказов. Таким образом, следует ожидать, что в дореформенный период номеров заказов окажется больше, чем построенных объектов.

4. Результаты

Делопроизводственная документация Воткинского завода о первых судостроительных заказах

Делопроизводственная документация Воткинского завода подтверждает указанный выше факт, что первым построенным там пароходом стал «Астрабад». В ноябре 1844 г. вышло высочайшее повеление о постройке железных судов в Воткинске (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 5449). Незадолго до того, построенный в Англии для Каспийской флотилии пароход с этим названием пришел в негодность, и предполагалось изготовить новый корпус для него, чтобы до закрытия навигации 1847 г. тот уже был бы в Астрахани (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 5451). Судя по отчету о действиях завода в 1847 г. его постройка в этот год осуществлялась быстрыми темпами, но успеть в плановые сроки завод не смог (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 5538). В 1848 г. единственное судно, находящееся в постройке, это снова «Астрабад», хотя уже велись переговоры о постройке второго парохода для Балтийского флота – «Граф Вронченко» (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 5650). Для этого в Воткинск отправили комплект чертежей на пароход типа «Ладога».

В отчете о действиях завода за 1848 г. фигурируют уже два парохода: пароход в 90 сил «Астрабад», постройка и доставка в Санкт-Петербург опытного парохода в 80 сил по чертежу

парохода «Ладога», а также предполагаются ассигнования на две железные баржи около 100 т. каждая (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 5651).

В 1849 г. завод строит «Астрабад», «Графа Вронченко», кроме того начинает работу над двумя железными корпусами 100-сильных пароходов с деревянными надстройками (будущие «Урал» и «Кура») (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 5735). При этом в документах упоминается постройка двух пароходов для Каспийской флотилии с двумя баржами к ним, имея в виду ранее упоминавшиеся 100-тонные баржи.

Отчет о действиях завода за 1850 г. упоминает два стальных железных парохода для плавания по Каспийскому морю («Урал» и «Кура»), сборку в Санкт-Петербурге парохода «Граф Вронченко» (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 5831). Железные баржи прямо не фигурируют, но возможно, что суммы и работы указаны по пароходам, вместе с которыми они строятся. Возможно также, что вынужденный пробел в работах возник из-за занятости слипов постройкой двух пароходов.

В 1851 г. идет упоминание о первом и втором стосильных пароходах («Урал» и «Кура»), баржи в документации снова отсутствуют (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 5920). В 1852 г. завод ведет постройку двух железных барж. Первый стальной пароход впервые в заводских документах фигурирует как «Урал», а второй как «Кура» (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6134). В 1853 г. завод получил ассигнования на продолжение строительства двух железных барж, пароходов «Урал» и «Кура», а также впервые упоминается третья железная баржа для этих пароходов и пять железных шлюпок для Аральской флотилии (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6329). В этом же году появились первые сведения о предполагаемой постройке в Воткинске 100-сильного парохода для Архангельска и 12-сильного барказа для Санкт-Петербурга. Пароход предполагалось в разобранном виде доставить на Сухону (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6343).

На третью железную баржу для Каспийской флотилии имеется строительная карточка. В соответствии с ней она начата постройкой 20 декабря 1853 г., заложена 26 февраля 1854 г. и спущена на воду 9 мая 1854 г. (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6344, Л. 108).

В отчете о действиях завода за 1854 г. указывается о постройке двух железных барж, продолжается постройка пароходов «Урал» и «Кура», отправлены в Оренбург полуфабрикаты для постройки пяти железных шлюпок для Аральской флотилии, использованы суммы для постройки третьей баржи для Каспийской флотилии, и кроме того, имеются расходы на постройку шести железных барж пока неясного назначения (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6521). В 1854 г. впервые речь зашла о постройке шести железных барж для Каспия (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6518), но из приведенных в деле документов не понятно, действительно ли завод заключил договор на их постройку и является ли это продолжение к трем заказанным ранее, или абсолютно новый заказ. Но имеется документация, согласно которой в 1854 г. начата постройка шести железных барж для Петербургского адмиралтейства (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6520), из чего можно заключить, что это новый заказ. Что касается двух железных барж, из документа не понятно, это новые баржи или продолжение постройки прежних для Каспия, но в документации за 1854 г. указано, что строительство их ведется по «особой смете» (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6525, Л. 2), что не было для каспийских барж, из чего можно заключить, что это новый заказ. Наконец, имеется специально дело «О постройке железных шлюпок для Аральской флотилии» (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6345), из которого следует, что кроме пяти шлюпок этого заказа завод ведет постройку также двух гребных баркасов.

В 1855 г. завод строил шесть барж, стальной 100-сильный пароход (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6713), кроме того, имеется информация, что в этом году завод построил «баржу для перевозки дров из-за пруда», очевидно, имея в виду судно для собственных нужд, а также ведется постройка двух барж для Аральской флотилии (получается, указанных ранее как две баржи по «особой смете»), достраивается пароход «Урал», строится барказ для Санкт-Петербургского порта.

В августе 1856 г. в ходе крупнейшего пожара, в Воткинске полностью сгорело пароходостроительное заведение. Повреждены две баржи для Аральской флотилии и сильно повреждена без возможности восстановления третья баржа для Аральской флотилии, которые должны были закончить в сентябре 1856 г., корпус для парохода в 100 сил и барказа полностью выгорели и восстановлению также не подлежат (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6343, Л. 64-65). До этого нет упоминаний о третьей барже для Аральской флотилии. Возможно, речь идет о собственной барже для перевозки дров, начатой постройкой в 1855 г. Она вполне могла быть закончена в сентябре, если бы не сгорела.

В 1857 г. завод по-прежнему участвует в работах по достройке парохода «Урал», а также ведет работы на трех железных баржах (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7032). Относительно последних имеется строительная карточка, из которой видно, что это три баржи для Астраханского порта, начаты постройкой в сентябре 1857 г., заложены 22 мая 1858 г., спущены на воду в сентябре 1858 г. (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7047, Л. 64).

В 1858 г. идет постройка 100-сильного парохода, железных барж (без детализации, но вероятно это три баржи для Каспийской флотилии), барказа для Санкт-Петербургского порта (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7178).

В сентябре 1859 г. паровой баркас спущен на воду. При швартовых испытаниях выяснилось превышение его осадки. Кроме того, ходовые испытания показали слабую тягу, низкую скорость и плохие ходовые качества. В результате из-за превышения водоизмещения, на полезный груз практически не остается места (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6343, Л. 98-99). Причиной недобора контрактных показателей признали неудачную конструкцию машины, заниженную длину и наличие одного гребного колеса (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6343, Л. 111 об.). В результате принято решение об изготовлении нового котла и 20-футовой вставке в корпус. Но в итоге даже обновленное судно не удовлетворило заказчика и в ноябре 1862 г. принято решение оставить баркас на заводе для своих нужд (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6343, Л. 167-168).

В феврале 1860 г. принято решение о доставке 100-сильного парохода в Санкт-Петербург; в январе 1861 г. он получил наименование «Работник» (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 6343, Л. 197).

В январе 1859 г. завод получил задание построить хотя бы две баржи для Каспийского моря, ялы или баркасы к ним с условием сдачи заказа к сентябрю 1860 г. Однако в дальнейшей переписке с Военным ведомством вскоре речь идет уже о двух морских и одной речной барже. По двум речным баржам, строившиеся одновременно с двумя ялами, имеется строительный формуляр, по которому постройка начата 24 февраля 1859 г., баржи заложены 23 июня 1859 г. и спущены на воду 27 сентября 1859 г. (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7195, Л. 77-78). Но сдачу заказчику в этом году организовать не удалось из-за окончания навигации. В апреле следующего года их отправили в Астрахань. Постройку остальных двух морских и двух речных барж для Каспийского моря отложили из-за загруженности завода (пароход и две баржи для Аральской флотилии). Поэтому следующие две баржи с двумя ялами к ним, судя по строительному формуляру, начаты постройкой 5 декабря 1860 г., заложены 12 июня 1861 г. и спущены на воду 3 мая 1862 г. (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7195, Л. 154-155). В апреле 1863 года спустили на воду и две морские баржи для Астраханского порта, имевшие строительные номера 50 и 51 (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7195, Л. 206). Одновременно с ним строились два баркаса и два яла. В сентябре 1863 г. все они сданы заказчику (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7195).

В мае 1859 г. завод получил заказ на постройку железной баржи, трех паромов и восьми шлюпок для Аральской флотилии. К этому времени шла активная постройка шести барж для Каспийского моря и парохода в 100 сил для Санкт-Петербурга. В декабре 1859 г., поскольку один паром сделали в Ливерпуле, оставили заказ лишь на два парома. В январе 1860 г. закончено строительство восьми железных шлюпок и они по частям отправляются в Оренбург. В феврале 1860 г. закончена постройка двух паромов. Кроме судов завод поставил флотилии кнехты, цистерны и прочее имущество (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7328).

В мае 1859 г. заводу было дано задание на постройку четырех барж в 6000 пудов и две в 1500 пудов для Петербургского адмиралтейства. Но поскольку завод работал по другим заказам, было решено отправить готовые баржи вместе с пароходом «Работник». В соответствии со строительным формуляром баржи № 1, 2 и 3 (40-тонные) начаты постройкой 1 февраля 1860 г., заложены 1 мая 1860 г., спущены на воду 20 августа 1860 г. (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7330, Л. 54-57). Баржи № 4, 5 и 6 (75-тонные) начаты 1 февраля 1860 г., заложены 5 сентября 1860 г., спущены на воду 6 мая 1861 г. (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7330, Л. 59-61).

В 1859 г. перечислены суммы для постройки трех железных барж для Астраханского порта (очевидно, строившиеся ранее), железного баркаса, 100-сильного парохода (будущий «Работник»), несколько судов (точное число не названо) для Аральского моря, двух барж «для перевозки дров из-за пруда», двух барж для Аральского моря (возможно имеются в виду паромы), шести железных барж для Санкт-Петербургского порта, двух барж для Астраханского порта, одна заводская шлюпка. Кроме того упомянуты шлюпки, число и назначение которых не указано, но возможно для Аральской флотилии (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7315).

В 1860 г. завод вел работы по 100-сильному пароходу для Санкт-Петербургского порта («Работнику»), двум баржам «для перевозки дров из-за пруда», шести железным баржам для Санкт-Петербургского порта, четырем баржам для Астраханского порта, двум железным баржам для Астраханского порта, двум баржам для Аральской флотилии (снова паромы?), трем железным баржам для Астраханского порта (строящиеся с 1857 года), железному баркасу для Санкт-Петербургского порта и неназванному количеству судов для Аральского моря (возможно, шлюпки). Впервые появилась информация о строительстве 12-сильного парохода для заводского пруда и 100-сильного парохода для Астраханского порта (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7432).

В 1861 г. произведен сплав шести барж для Санкт-Петербургского порта, продолжается строительство 100-сильного парохода («Работник»), четырех барж для Астраханского и Санкт-Петербургского портов (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7579).

В феврале 1862 г. Воткинский завод получил большой заказ на постройку плавсредств для Балтийского флота (в общей сложности 46 единиц) (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7596). Фактически в течение нескольких лет завод работал только по этому заказу, что дает возможность отделить заказы, выданные ранее, от заказов, выданных после. К работе по этим плавсредствам завод приступил, закончив все предыдущие работы.

В 1862 г. продолжились работы по четырем баржам Астраханского порта, 100-сильному пароходу «Работник», двум баржам для Аральской флотилии (парома?), неназванному количеству судов для Аральской флотилии, 100-сильному пароходу для Астраханского порта, а также начались работы по баржам для Кронштадтского порта (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7747).

В 1864 г. строились 120-футовая баржа для Санкт-Петербургского порта, корпус 12-сильного барказа, две 80-футовые баржи для Кронштадта, плавучий маяк для Астрабадского залива, флашкоуты, 100-сильный пароход для Астраханского порта, две баржи для Аральской флотилии, четыре баржи для Астраханского порта, шесть железных барж, флашкоуты для Кронштадтского порта (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 8019).

Таким образом, уже в 1862 г. начались работы по крупному заказу для Балтфлота, которые в 1864 г. стали основными работами в судостроительном заведении завода. Две морские баржи для Астраханского порта, работу над которыми завод начал в 1860 г., имели номера заказов № 50 и 51 (ЦГА УР, Ф. 212, Оп. 1, Д. 7195, Л. 206) и получается, что до 1860 г. завод принял заказы на 49 объектов постройки. Однако упоминавшиеся в отчетах завода объектов постройки меньше (Таблица 1).

Таблица 1. Список объектов, по которым велись работы на Воткинском заводе

№ объекта	Наименование объекта	Годы в постройке
1.	Пароход Каспийской флотилии «Астрабад»	1847–1849
2.	Пароход Балтфлота «Граф Вронченко»	1848–1850
3, 4	Железные 100-тонные баржи (2 шт.)	1848, 1849, 1852–1853
5, 6	Пароходы «Урал» и «Кура»	1849–1857
7	Третья железная баржа для Каспия	1853, 1854
8	Пять железных шлюпок для Арала	1853, 1854
9, 10	Пароход «Работник» и 12-сильный барказ	1853, 1855–1861
11, 12	Две железные баржи «по особой смете» (Арал)	1854, 1855–1856
13–18	Шесть железных барж (СПб.)	1854, 1855
19	Баржа «для перевозки дров из-за пруда»	1855
20	Третья баржа для Аральской флотилии (?)	1856
21–23	Три баржи для Астраханского порта	1857–1860
24, 25	Две речные баржи для Астраханского порта с ялами (заказ 24.02.59)	1859–1860
26, 27	Два парома для Аральской флотилии (05.59)	1859
28, 29	Две баржи и шлюпка для собственных целей	1859–1860
30–35	Шесть барж для Петербурга (05.59)	1859–1861
36, 37	Две речные баржи для Астраханского порта с ялами (2.12.60)	1860
38	Железная баржа Аральской флотилии (05.59)	1860
39	Железный барказ для собственных нужд	1860
40	Восемь шлюпок для Аральской флотилии (заказ 05.59)	1860
41	100-сильный пароход для Астраханского порта («Тарки»)	1860
42, 43	Две морские баржи для Астраханского порта с двумя баркасами и двумя ялами (06.10.1860)	1860

Идентификация заказов

Идентификация самоходных судов не представляет особого труда, поскольку почти все они фигурируют под своими названиями, под которыми служили на флоте. Чего нельзя сказать о баржах и прочих несамоходных средствах. Для идентификации заказов есть смысл воспользоваться судовыми списками.

Судовой список 1864 года (Список, 1864) указывает в Санкт-Петербургском порту:

- железные баржи № 4, 5 длиной 85 футов, построенные в 1855 г.
- железные баржи № 6, 7, 8, 9 длиной 75 футов, построенные в 1861 г.
- железные баржи № 10, 11 длиной 60 футов, построенные в 1860 г.

В Кронштадтском порту железные баржи № 1–6 в 85 футов, построенные в 1855 г.

Кроме того, в стадии постройки находятся:

- баржа № 1 для Кронштадтского порта длиной 90 футов, заложенная 15 ноября 1862 г.,
- баржи № 2 и 3 для Кронштадтского порта в 120 футов, заложенные 8 марта и в июне 1863 г.,
- плашкоут № 1 длиной 61 фут, также заложенный в июне 1863 г.

Для Каспийского моря построены:

- шхуны «Аист» и «Колпик», спущенные на воду в 1863 г.,
- морские баржи с длиной корпуса в 120 футов: «Нырок» (1852 г.), «Цапля» (1853 г.), «Чайка», «Баклан», «Мартышка», «Гагара» (все 1858 г.).
- грузовые баржи № 1 и № 2 (обе 1862 г.), № 3 и № 4 (обе 1860 г.)

В стадии постройки находится маяк для Каспийского моря, к постройке которого приступили в ноябре 1863 г.

Судовой список 1879 г. ([Список, 1879](#)) показывает

Аральская флотилия:

- 90-футовые баржи № 1 и 2 – 1855 г.
- 94,5-футовая баржа № 3 – 1859 г.
- Один 70-футовый паром – 1859 г.
- флашхоут из двух железных ящиков длиной 18 футов – 1859 г.
- восемь гребных барказов длиной 26 футов – 1859 г.

Петербургский порт:

железные баржи № 4, 5, 6, 7 (75 футов) – 1861 г.

железные баржи № 8 и 9 (60 футов) – 1860 г.

железная баржа № 14 (85 футов) – 1857 г.

Кронштадтский порт:

железная баржа № 1 (140 футов) – 1850 г.

баржи № 4, 5, 6, 7 (85 футов) – 1857 г.

Кроме того, в Балтийском флоте числится плавучий маяк Елагинский (85 футов) 1865 г.

Для Каспийского моря построены:

- транспорты «Аист» и «Колпик», спущенные на воду в 1863 г.,
- морские баржи с длиной корпуса в 88 футов: «Чайка», «Баклан» (обе 1858 г.), «Нырок» (1852 г.), «Гагара» (1858 г.), «Цапля», переделанная в маяк Чистобанкский (1853 г.)

Судовой список 1881 г. ([Список, 1881](#)) указывает плавсредства Петербургского порта:

- 75-футовые баржи № 3, 4, 5, 6 постройки 1861 г.,
- 60-футовые баржи № 7 и 8 постройки 1860 г.,
- 85-футовую баржу № 11 постройки 1857 г.

Кронштадтского порта:

- 140-футовая баржа № 1 1850 года постройки,
- Плавучую баню, корпус бывшего парохода «Граф Вронченко», 1863 г.,
- 85-футовые баржи № 4, 5, 6, 7 1857 г.

В Балтийском флоте числится плавучий маяк Елагинский 1865 г.

Каспийская флотилия:

- транспорты «Аист» и «Колпик» 1863 г.;
- морские баржи «Чайка», «Баклан» (обе 1858 г.), «Нырок» (1852 г.), «Гагара» (1858 г.), маяк Чистобанкский (бывшая «Цапля», 1853 г.).

Аральская флотилия:

- 90-футовые баржи № 1 и 2 (1855 г.);
- 94,5-футовая баржа № 3 (1859 г.);
- 70-футовый паром (1859 г.);
- 18-футовый флашхоут из двух железных ящиков (1859 г.);
- восемь 26-футовых барказов (1859 г.).

Судовой список 1904 г. ([Список, 1904](#)) указывает плавсредства Петербургского порта:

- 75-футовые баржи № 3, 4, 5, 6 постройки 1861 г.,
- 60-футовые баржи № 7 и 8 постройки 1860 г.,
- 85-футовую баржу № 11 постройки 1857 г.

Кронштадтского порта:

- 140-футовая баржа № 1 1850 г., перестроенная из корпуса парохода «Граф Вронченко»,
- 85-футовые баржи № 4, 6, 7 1857 г.
- 85-футовая баржа № 26 1857 г.

Имеется также плавучий маяк Елагинский.

Каспийская флотилия: морские баржи «Гагара» (1858 г.), блокшивы № 1 и 2 Астрабадской станции (бывшие «Баклан» и «Нырок», 1852 г.), маяк Среднежемчужный (бывшая «Цапля», 1853 г.).

Для наглядности анализа все плавсредства занесены в [Таблице 2](#). Находящиеся в постройке плавсредства на 1864 г. и более новые плавсредства из поздних списков будут анализироваться отдельно. Обращает на себя внимание постройка флашхоутов из железных ящиков. Скорее всего, несмотря на то, что эти ящики строились в Воткинске, они не обладали каким-то своим номером заказа и шли вместе с кнехтами, цистернами и прочим имуществом.

Таблица 2. Соответствие между плавсредствами по разным судовым спискам (с годом постройки, указанным в судовом списке)

	1864 г.	1879 г.	1881 г.	1904 г.
Железная баржа 140 футов	?	КП № 1 1850	КП № 1 1850	КП №1 1850
Железная баржа 85 футов	КП № 1 1855	КП № 4 1857	КП № 4 1857	КП № 4 1857
	КП № 2 1855	КП № 5 1857	КП № 5 1857	КП №26 1857
	КП № 3 1855	КП № 6 1857	КП № 6 1857	КП № 6 1857
	КП № 4 1855 СП № 4 1855	КП № 7 1857	КП № 7 1857	КП № 7 1857
	КП № 5 1855 СП № 5 1855	СП №14 1857	СП №11 1857	СП №11 1857
	КП № 6 1855	маяк 1865	маяк 1865	маяк 1865
Железная баржа 75 футов	СП № 6 1861	СП № 4 1861	СП № 3 1861	СП № 3 1861
	СП № 7 1861	СП № 5 1861	СП № 4 1861	СП № 4 1861
	СП № 8 1861	СП № 6 1861	СП № 5 1861	СП № 5 1861
	СП № 9 1861	СП № 7 1861	СП № 6 1861	СП № 6 1861
Железная баржа 60 футов	СП № 10 1860	СП № 8 1860	СП № 7 1860	СП № 7 1860
	СП № 11 1860	СП № 9 1860	СП № 8 1860	СП № 8 1860
Транспорты Каспийской флотилии	Аист 1863	Аист 1863	Аист 1863	–
	Колпик 1863	Колпик 1863	Колпик 1863	–
Морская баржа в 120 футов (Каспийская флотилия)	Нырок 1852	Нырок 1852	Нырок 1852	Б/ш №2 1852
	Цапля 1853	Маяк 1853	Маяк 1853	Маяк 1853
	Чайка 1858	Чайка 1858	Чайка 1858	–
	Баклан 1858	Баклан 1858	Баклан 1858	Б/ш №1 б/г
	Мартышка 1858	–	–	–
	Гагара 1858	Гагара 1858	Гагара 1858	Гагара 1858
Грузовые баржи Каспийской флотилии	№1 1862	–	–	–
	№2 1862	–	–	–
	№3 1860	–	–	–
	№4 1860	–	–	–
Аральская флотилия 90-футовая баржа	?	№ 1 1855	№ 1 1855	–
	?	№ 2 1855	№ 2 1855	–

Аральская флотилия 94,5-футовая баржа	?	№ 3 1859	№ 3 1859	–
Аральская флотилия 70-футовый паром	?	б/н 1859	б/н 1859	–
Аральская флотилия флэшхоут из двух железных ящиков 18 фут.	?	б/н 1859	б/н 1859	–
Аральская флотилия 26-футовые гребные браказы	?	8 шт. 1859	8 шт. 1859	–

Примечание: КП – баржа Кронштадтского порта, СП – баржа Санкт-Петербургского порта.

Аналогичная таблица по плавсредствам Балтийского флота анализировалась ранее (Mitiukov et al., 2018b), но комплексный анализ всей продукции позволяет произвести коррекцию ряда полученных там выводов.

Из таблицы видно, что в Судовом списке 1879 г. в Санкт-Петербургском порту появилась 140-футовая баржа № 1, которую завод не строил и в 1864 г. она отсутствовала. Список 1904 г. прямо указывает, что это корпус бывшего парохода «Граф Вронченко». Однако в списке 1881 г. имеется две записи: баржа № 1 и баня из корпуса парохода (Судовой список 1874: 95). Поскольку Воткинский завод указан лишь в одном случае, а во втором случае значится, что баня «куплена у общества Петербурго-Волжского пароходства в 1863 г.» можно сделать предположение, что это все-таки одно судно, упомянутое дважды. Также дважды в списке 1864 г. упомянуты баржи № 4 и 5, сначала как баржи Санкт-Петербургского, а потом как Кронштадтского портов (Судовой список, 1864: 3, 9). Очевидно, что на год составления списка как раз приходилось решение о переводе плавсредств из одного порта в другой.

Одна из шести 85-футовых барж Санкт-Петербургского порта указана единственный раз в списке 1864 г., после чего пропадает. Сделать обоснованное предположение о том, какая именно баржа исключена из списков флота, не представляется возможным, поскольку в списке 1879 г. они все получили новые номера, но возможно, это бывшая баржа № 6. Но в 1879 г. в списках появляется плавучий маяк Елагинский с размерами, соответствующими шестой барже. В списке он значится как 1865 года постройки. Аналогичным образом из списков исключили в период с 1864 по 1879 гг. баржи № 1–4 и баржу «Мартышка» Каспийской флотилии. Имеется информация, что их продали частным лицам.

В отличие от других периодов судостроения на Воткинском заводе, период 1847–1861 гг. единственный, в котором построенных судов меньше, чем свободных номеров заказов. По отчетам завода (Таблица 1) построено 43 объекта, а последний объект имеет номер заказа 51 (не хватает 8 объектов). Тем не менее, анализ заводской документации позволяет говорить о том, что вероятно объектов, включенных в Таблице 1 было еще меньше, чем 43. Так имеется бухгалтерская документация по постройке баржи для «перевозки дров из-за пруда», и нет никаких сомнений, что ее строили. И напротив, третья баржа для Аральской флотилии появляется лишь в описании ущерба, нанесенного пожаром. Указанное несоответствие можно согласовать, если предположить, что в пожаре «без возможности восстановления», погибла все-таки заводская баржа, возможно однотипная аральским. Но возможно, ее показали как аральскую из-за того, что: либо ее на самом деле планировалось передать Военному ведомству, либо это сделано умышленно, чтобы Военное ведомство компенсировало потерю баржи. Таким образом, это скорее один объект, а не два. Но достоверно номера заказов можно установить до № 7, поскольку далее идет заказ на пять железных шлюпок для Арала и непонятно, шли они одним заказом, или пятью. Несмотря на то, что в таблице имеются свободные номера, скорее всего это был один заказ. Шлюпки в Воткинске не собирали, а отправляли в Оренбург в виде определенного количества комплектующих: столько-то шпангоутов, столько-то листов обшивки и т.д.

12-сильный барказ для Санкт-Петербурга заказчик так и не принял, завод, судя по делопроизводственной документации, его перестроил, но заказчик снова забраковал его. В речном регистре 1885 г. под № 1199 имеется пароход «Пасынок» 1859 года постройки, бывший «Нижегородец», бывшая «Сусанна», местом постройки которого значится Воткинский завод (Список, 1885: 54-55). Поскольку других кандидатов на это судно нет, это и есть 12-сильный барказ для Санкт-Петербурга. С другой стороны, барказ для собственных нужд в итоге передали в Санкт-Петербург. Судовой список 1881 г. показывает его как барказ «Пожарный», сообщая, что корпус построен Воткинским заводом в 1865 г., а механизмы в 6 сил поставила Кронштадтская мастерская (Список, 1881: 76-77).

С другой стороны, в описании ущерба, нанесенного пожаром, упомянуты пароход в 100 сил и барказ в 12 сил. При чем, особо подчеркивается, что оба судна выгорели полностью и восстановлению не подлежат. В связи с этим, уместно предположить, что оба судна были заново перезаложены под новыми стапельными номерами. Кроме того, поскольку все равно в номерах заказов остаются свободные места, получается, что одновременно заказанные небольшие плавсредства могут идти

под одним номером. В итоге реконструированный список заказов, совмещая [Таблицы 1 и 2](#), получается следующим (достоверно известны номера № 1–7 и № 50, 51):

- № 1 – пароход Каспийской флотилии «Астрабад»;
- № 2 – пароход Балтийского флота «Граф Вронченко», позднее баржа № 1;
- № 3 – 100-тонная баржа «Нырок» Каспийской флотилии;
- № 4 – 100-тонная баржа «Цапля» Каспийской флотилии;
- № 5 – пароход «Урал» Каспийской флотилии;
- № 6 – пароход «Кура» Каспийской флотилии;
- № 7 – 100-тонная баржа «Мартышка» Каспийской флотилии;
- № 8 – пять шлюпок для Аральской флотилии;
- № 9 – два гребных барказа для Аральской флотилии;
- № 10 – 100-сильный пароход для Архангельского порта (сгорел);
- № 11 – 12-сильный барказ (сгорел);
- № 12 – Железная баржа для Аральской флотилии № 1;
- № 13 – Железная баржа для Аральской флотилии № 2;
- № 14–19 – 85-футовые баржи Кронштадтского порта № 1 – № 6;
- № 20 – баржа для перевозки дров (сгорела, показана как третья Аральская);
- № 21 – пароход Балтфлота «Работник» (построен вместо сгоревшего);
- № 22 – барказ «Нижегородец» (построен вместо сгоревшего);
- № 23 – 100-тонная баржа «Чайка» Каспийской флотилии;
- № 24 – 100-тонная баржа «Баклан» Каспийской флотилии;
- № 25 – 100-тонная баржа «Гагара» Каспийской флотилии;
- № 26 – речная баржа № 3 Астраханского порта;
- № 27 – речная баржа № 4 Астраханского порта;
- № 28 – два яла к баржам Астраханского порта;
- № 29 – первый паром для Аральской флотилии;
- № 30 – второй паром для Аральской флотилии;
- № 31 – первая баржа для собственных целей;
- № 32 – вторая баржа для собственных целей;
- № 33 – шлюпка для собственных целей;
- № 34–39 – 60 и 75-фут. баржи для Санкт-Петербургского порта № 6–11;
- № 40 – речная баржа № 1 Астраханского порта;
- № 41 – речная баржа № 2 Астраханского порта;
- № 42 – два яла к баржам для Астраханского порта;
- № 43 – 94,5-футовая баржа для Аральской флотилии № 3;
- № 44 – барказ «Пожарный» Санкт-Петербургского порта;
- № 45 – восемь шлюпок для Аральской флотилии;
- № 46 – кнехты, цистерны и ящики для Аральской флотилии, потом из ящиков собран флэшхоут;
- № 47 – 100-сильный пароход для Астраханского порта («Тарки»);
- № 48 – два яла к баржам для Астраханского порта;
- № 49 – два барказа к баржам для Астраханского порта;
- № 50 – транспорт «Аист» Каспийской флотилии;
- № 51 – транспорт «Колпик» Каспийской флотилии.

5. Заключение

Как показала реконструкция списка судостроительных заказов Воткинского завода в пореформенный период ([Mitiukov et al., 2018a](#)), более ранний список должен содержать свободные номера, что и подтвердилось в ходе произведенной реконструкции.

Анализ полученного списка позволяет сделать следующие выводы:

1. В дореформенный период Воткинский завод не имел опыта работы с инновационно-емкой продукцией, такой как главные механизмы. Поэтому он ведет в основном корпусные работы и производит либо самоходные плавсредства, либо пароходы без главных механизмов. Это 10 пароходов и барказов из 51 объектов, что составляет 20 % всей продукции.

2. Продукция завода не отличается высоким качеством. Так пароход «Граф Вронченко» достраивается и принимается заказчиком несколько лет, после чего, буквально через десятилетие становится самоходной баржей. Барказ «Нижегородец» завод так и не смог сдать, и он использовался для собственных нужд. Барказ «Пожарный» сдан заказчику фактически как корпус, в который поставлены машины производства Кронштадтской мастерской.

3. Несмотря на недостаток опыта и невысокое качество работ, Воткинский завод целенаправленно расширяет производство и проводит увеличение его объемов. Поэтому если до заказа № 7 представляется возможным определить порядок что за чем строили, то начиная с № 8 это становится невозможным, поскольку завод одновременно получает заказ, строит и сдает сразу

несколько объектов. В наиболее загруженные заказами годы строится до десятка объектов ежегодно. Именно из-за этого в 1861 г. завод получил крупный заказ Военного ведомства, что позволило ему фактически перевооружить технические средства Санкт-Петербургского и Кронштадтского портов, а также сравнительно безболезненно пережить реформенный период, когда из-за изменения экономических отношений произошло закрытие ряда судостроительных заведений (Осколков, 1966).

4. Тем не менее, несмотря на невысокое качество работ, продукция завода оказалась востребованной и долговечной. Судя по всему, отдельные плавсредства 1846–1861 годов постройки дожили вплоть до Великой Отечественной войны (Mitiukov et al., 2019), прослужив, таким образом, около ста лет. А, кроме того, в документации Военного ведомства неоднократно сообщается, что строить суда в Воткинске, например, для Каспийской или Аральской флотилии значительно выгодней, чем где-либо в другом месте.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, № 18-6-6-38.

Литература

Блинов, 1855 – Блинов М. Историко-статистическое известие о Камско-Воткинском заводе и о тамошних вотяках // *Журнал министерства внутренних дел*. 1855. Кн. 3. Ч. 2.

Васина, 2012 – Васина Т.А. Камско-Воткинский завод в региональной печати второй половины XIX в.: общественно-культурная среда промышленного центра (по материалам "Вятских губернских ведомостей") // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012. № 4-5. С. 16-22.

Котляревский, 1858 – Котляревский И. Описание Воткинского завода // *Морской сборник*. 1858. Т. 23.

Любивая, Карпеев, 2016 – Любивая Т., Карпеев В. Илья Петрович Чайковский: «Для исполнения оно нечего невозможного...» // *Движущая сила. Воткинский завод*. Ижевск: Ижевский полиграфический комбинат, 2016. С. 57-84.

Осколков, 1966 – Осколков Г.И. Камско-Воткинский горный округ в 30-90-е гг. XIX в. К вопросу о промышленном перевороте на Урале. Дисс. ... канд. истор. наук. Пермь, 1966.

Осколков, Сутырин, 1963 – Осколков Г.И., Сутырин В.А. Из истории Камско-Воткинского завода и Екатеринбургской механической фабрики в начальный период промышленного переворота (30–60-е гг. XIX в.) // *Вопросы истории Урала*. Вып. 3. Свердловск, 1963. С. 3-21.

Список, 1864 – Судовой список флота за 1864 г. СПб., 1864.

Список, 1879 – Судовой список флота за 1879 г. СПб., 1879.

Список, 1881 – Судовой список флота за 1881 г. СПб., 1881.

Список, 1885 – Список речных паровых судов Европейской России по переписи 1884 г. СПб., 1885.

Список, 1904 – Судовой список флота за 1904 г. СПб., 1904.

Стояк, 2013 – Стояк Ю.А. Архитектура города-завода Воткинска второй половины XIX – начала XX в. // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2013. № 3 (40). С. 29-46.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.

Черников, 1986 – Черников И.И. Канонерские лодки «Секира» и «Пищаль» // *Судостроение*. 1986. № 4. С. 55–57.

Katorin et al., 2017 – Katorin Yu., Shadymov A.V., Glebanova A.Yu. Participation of Aral Military Flotilla in the Accession of Central Asia to the Russian Empire. // *Bylye Gody*. 2017. № 43 (1). Pp. 48-58. DOI: 10.13187/bg.2017.1.48

Matveev, 2014 – Matveev D.V. First Steamers of Kamsk-Votkinsk Ironworks // *European Researcher*. 2014. № 8-1 (80). Pp. 1440-1447.

Matveev, 2018 – Matveev D.W. Vessels of the Votkinsk Plant as part of the Aral Flotilla. *Voennyi Sbornik*. 2018. № 6(2). P. 83-94. DOI: 10.13187/vs.2018.2.83

Mitiukov et al., 2018a – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Matveev D.V. Reconstruction of the order's numbers of the Votkinsk plant's shipbuilding workshop on 1865-1902 // *Bylye Gody*. 2018. № 49 (3). Pp. 1203-1215. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1203

Mitiukov et al., 2018b – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Matveev D.V. Votkinsk's barges for the Baltic Fleet // *Voennyi Sbornik*. 2018. № 2 (6). Pp. 95-99. DOI: 10.13187/vs.2018.2.95

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Lapshin R.V., Loshkarev A.N. Barges of the Baltic Fleet of Pre-Revolutionary Construction before the Great Patriotic War // *Voennyi Sbornik*. 2019. № 7(1). Pp. 22-31. DOI: 10.13187/vs.2019.1.22

References

- Blinov, 1855** – *Blinov M.* (1855). Istoriko-statisticheskoe izvestie o Kamsko-Votkinskom zavode i o tamoshnih votjakah [Historical and Statistical News of the Kama-Votkinsk Plant and the Votyaks there]. *Zhurnal ministerstva vnutrennih del*. Kn. 3. Ch. 2. [in Russian]
- CGA UR** – Central State Archive of the Udmurt Republic.
- Chernikov, 1986** – *Chernikov I.I.* (1986). Kanonerskie lodki «Sekira» i «Pishhal'» [Gunboats «Sekira» and «Pishhal'»]. *Sudostroenie*. 1986. № 4. Pp. 55-57. [in Russian]
- Katorin et al., 2017** – *Katorin Yu., Shadymov A.V., Glebanova A.Yu.* (2017). Participation of Aral Military Flotilla in the Accession of Central Asia to the Russian Empire. *Bylye Gody*. № 43 (1). Pp. 48-58. DOI: 10.13187/bg.2017.1.48
- Kotljarevskij, 1858** – *Kotljarevskij I.* (1858). Opisanie Votkinskogo zavoda [Description of the Votkinsk plant]. *Morskoj sbornik*. T. 23. [in Russian]
- Ljubivaja, Karpeev, 2016** – *Ljubivaja T., Karpeev V.* (2016). Il'ja Petrovichi Chajkovskij: «Dlja ispolnenija onogo net nichego nevozmozhnogo...» [Ilya Petrovich Tchaikovsky: "There is nothing impossible to fulfill it ..."]. *Dvizhushhaja sila. Votkinskij zavod*. Izhevsk: Izhevskij poligraficheskij kombinat. Pp. 57-84. [in Russian]
- Matveev, 2014** – *Matveev D.V.* (2014). First Steamers of Kamsk-Votkinsk Ironworks. *European Researcher*. 2014. № 8-1 (80). Pp. 1440-1447.
- Matveev, 2018** – *Matveev D.W.* (2018). Vessels of the Votkinsk Plant as part of the Aral Flotilla. *Voennyi Sbornik*. № 6(2). Pp. 83-94. DOI: 10.13187/vs.2018.2.8
- Mitiukov, 2018a** – *Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Matveev D.V.* (2018). Reconstruction of the order's numbers of the Votkinsk plant's shipbuilding workshop on 1865-1902. *Bylye gody*. № 49 (3). Pp. 1203-1215. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1203
- Mitiukov et al., 2018b** – *Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Matveev D.V.* (2018). Votkinsk's barges for the Baltic Fleet. *Voennyi Sbornik*. № 2 (6). Pp. 95-99. DOI: 10.13187/vs.2018.2.95
- Mitiukov et al., 2019** – *Mitiukov N.W., Lapshin R.V., Loshkarev A.N.* (2019). Barges of the Baltic Fleet of Pre-Revolutionary Construction before the Great Patriotic War. *Voennyi Sbornik*. 2019. № 7(1). Pp. 22-31. DOI: 10.13187/vs.2019.1.22
- Oskolkov, 1966** – *Oskolkov G.I.* (1966). Kamsko-Votkinskij gornyj okrug v 30-90-e gg. XIX v. K voprosu o promyshlennom perevorote na Urale [Kama-Votkinsk mountain district in the 30-90s. XIX century. To the question of the industrial revolution in the Urals]. Dissertation ... Hist. Dr. Perm. [in Russian]
- Oskolkov, Sutyryn, 1963** – *Oskolkov G.I., Sutyryn V.A.* (1963). Iz istorii Kamsko-Votkinskogo zavoda i Ekaterinburgskoj mehanicheskoj fabriki v nachal'nyj period promyshlennogo perevorota (30–60-e gg. XIX v.) [From the history of the Kama-Votkinsk plant and the Yekaterinburg mechanical factory in the initial period of the industrial revolution (30-60s of the XIX century)]. *Voprosy istorii*. Is. 3. Sverdlovsk. Pp. 3-21. [in Russian]
- Spisok, 1864** – Sudovoj spisok flota za 1864 g. [The Fleet Ship List for 1864]. St. Petersburg, 1864. [in Russian]
- Spisok, 1879** – Sudovoj spisok flota za 1879 g. [The ship list of the fleet for 1879]. St. Petersburg, 1879.
- Spisok, 1881** – Sudovoj spisok flota za 1881 g. [The Fleet Ship List for 1881]. St. Petersburg, 1881.
- Spisok, 1885** – Spisok rechnyh parovyh sudov Evropejskoj Rossii po perepisi 1884 g. [The list of river steam ships of European Russia according to the census of 1884]. St. Petersburg, 1885.
- Spisok, 1904** – Sudovoj spisok flota za 1904 g. [Fleet Ship List for 1904]. St. Petersburg, 1904.
- Stojak, 2013** – *Stojak Ju.A.* (2013). Arhitektura goroda-zavoda Votkinska vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [The architecture of the factory city of Votkinsk in the second half of the XIX – beginning of XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. № 3 (40). Pp. 29-46. [in Russian]
- Vasina, 2012** – *Vasina T.A.* (2012). Kamsko-Votkinskij zavod v regional'noj pechati vtoroj poloviny XIX v.: obshhestvenno-kul'turnaja sreda promyshlennogo centra (po materialam "Vjatskih gubernskih vedomostej") [The Kama-Votkinsk plant in the regional press of the second half of the 19th century: the socio-cultural environment of the industrial center (based on the materials of the Vyatka Provincial Gazette)]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. № 4-5. Pp. 16-22. [in Russian]

Судостроение на Воткинском заводе в дореформенный период 1846–1861 гг.

Николай Витальевич Митюков^{a, b, c, d, *}

^aМеждународный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^bУдмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^cМосковский институт психоанализа, Российская Федерация

^dВолгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. На основе делопроизводственной документации Воткинского завода реконструирован список объектов судостроения, по которым шло финансирование их постройки. Все они фигурируют в технических отчетах, и на них шли различные комплектующие и полуфабрикаты. Список судов, по которым шла переписка с различными инстанциями, более расширенный, но доказательств, что завод вел их постройку, нет. Параллельно по судовым спискам флота и речным регистрам составлен эксплуатационный список судов Воткинской постройки периода 1846–1861 гг. Оба списка совмещены и наложены на номера заказов судостроительного заведения завода, и составлена предполагаемая последовательность номеров судов, которые точно строились на заводе и потом точно эксплуатировались.

Анализ полученного списка показал, что в дореформенный период завод работал по 51 заказам, как правило, невысокой сложности и качества постройки. Это или несамоходные суда, или пароходы без главных механизмов. Тем не менее, завод расширяет судостроительное производство, в некоторые года делая до десятка судов. Это все заказы Военного ведомства с небольшой долей судов для собственных нужд. Тем не менее, несмотря на невысокое качество, построенные суда получают дешевле купленных за рубежом и поставленных частными предприятиями, из-за чего в 1861 г. завод получает самый крупный за всю свою историю заказ Военного ведомства, проводя полную модернизацию технических средств Кронштадтского и Санкт-Петербургского портов.

Ключевые слова: Воткинский завод, судостроение, военное ведомство, строительный номер, системный подход, дореформенный период.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico01@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 142-151. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.142
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Influence of Yettishar on Kazakh and Kyrgyzs of the Turkestan Governor-General of the Russian Empire

Gulzada O. Charginova ^{a,*}, Aitkul Sh. Mahaeva ^b, Rustem D. Kubeyev ^a, Kanat K. Bazarbayev ^c

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan

^b Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Kazakhstan

^c Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Kazakhstan

Abstract

The article focuses on the influence of the state Yettishar in the 60-70s of the XIX century on Kazakhs and Kirghiz who were in the possession Turkestan Governor-General of the Russian Empire. For the purpose of disclosing this problem, the materials of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, the Central State Archives of the Republic of Uzbekistan and the Central State Archive of the Kyrgyz Republic were used.

The formation of the state of Yettishar had a significant impact on the Kazakhs and Kyrgyz of the Russian Empire. Archival documents prove that as a result of negotiations between the Turkestan Governor-General and the ruler of Kashgaria, a number of issues on the resettlement of Kazakh-Kyrgyz aristocrats in East Turkestan were resolved. This is because the Russian Empire wanted the existence of a buffer state between the two Qin empires and great Britain. It can be said that the political processes taking place in Kashgar were under the control of the tsarist government.

Representatives of the Kazakhs and Kirghiz, who opposed the policy of the tsarist government in Central Asia, went to the state of Yettishar for support. Yakub-Bek was pressed into the service of the Kazakhs and Kyrgyz, who moved from the possessions of the Russian Empire in the state of Hattisar. Some members of the noble Kazakhs and Kirghiz had held high positions in the state Hattisar.

However, they failed to achieve their goals due to internal strife and the restoration of The Qing Empire in Kashgar. The changing policy of the Kashgar rulers contributed to the formation of a diverse opinion among the Kazakh-Kyrgyz nobility who served them. One group of aristocrats decided to return to the Russian Empire, others thought to continue the received directions. This was used effectively with the tsarist administration. Later, due to the termination of the existence of the state of Yattishar, many of the Kazakhs and Kirghiz returned from Kashgaria to their homeland.

Keywords: Yettishar, Yakub-bek, Russian Empire, Qing Empire, Kashgariya, Central Asia, Semirechye, Turkestan Territory, Kazakhs, Kirghiz.

1. Введение

История внешней политики России в изучении вопросов Среднеазиатского региона, связанных с взаимоотношениями с уйгурским государством Йэттишар, образованным в результате антицинского восстания мусульманских народов Восточного Туркестана в 60–70 гг. XIX в., представляет значительный научный интерес. В сфере влияния трех империй – России, Китая и Великобритании – возникновение нового исламского государства резко изменило политическую ситуацию в регионе. В этот момент Англия и Цинская империя стремились установить свои позиции

* Corresponding author

E-mail addresses: aitkul_m@rambler.ru (A.Sh. Mahaeva)

в Центральной Азии. Приближение имперской границы Англии до Памирских гор заставило власти Российской империи насторожиться.

Установление взаимоотношений с государством Йэттишар имело для российской стороны особое значение и оказывало существенное влияние на политику России в Центральной Азии. Без глубокого и всестороннего изучения взаимоотношений этих государств невозможно в полном объеме реконструировать историю международных отношений в этом регионе в рассматриваемый период, проследить исторические судьбы проживающих там народов. Между тем до настоящего времени далеко не все аспекты этих взаимоотношений достаточно глубоко и всесторонне исследованы, нет работы обобщающего характера, посвященной этой теме, необходимо более глубокое изучение внешней политики России в Центральной Азии и истории народов. Актуальность темы повышает ценность и с историей казахско-киргизских диаспор, живущих в Китае.

В 60-х годах XIX века на территории Джунгарии и Кашгарии в результате антицинского движения уйгуров и дунган в Восточном Туркестане были созданы ханства Или, Кашгар, Куча, Хотан и Урумчи. Создание этих новых государств совпало со временем вхождения Средней Азии в состав Российской империи. В это время кашгарский правитель попросил военной помощи у кокандцев. На помощь кашгарцам правитель Кокандского ханства Алимкуль направил войска под начальством Якуб-бека.

Якуб-бек, прибывший в Кашгар, быстро завоевал власть и основал государство Йэттишар на развалинах Кашгарского, Кучарского и Хотанского ханств, затем завоевал Урумчийское ханство дунган и присоединил его к себе. Следующей его целью было завоевание территории Илийского султаната, но это ему не удалось.

Для признания нового государства Йэттишар на международной арене Якуб-бек установил дипломатическую связь с Российской, Османской империями и Великобританией. Но, по многим историческим данным, он в большей степени стремился установить связь с Российской империей, так как в противостоянии с Цинской империей необходима была именно ее поддержка. С этой целью, ведя эффективные переговоры с царской администрацией, он был нацелен на получение военной помощи у казахско-киргизских правителей, входящих в состав Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи.

Йэттишарское государство оказало значительное влияние на казахов и киргизов, находившихся во владении Российской империи. Используя их в своих интересах, Якуб-бек хотел распространить свое влияние в Средней Азии, но отказывался от прямого конфликта с администрацией Российской империи. Однако этот вопрос до сих пор не рассматривался как значительный исследовательский объект.

2. Материалы и методы

Источниковой базой статьи являются архивные материалы, собранные авторами из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (фонд № 21 – «Семиреченское областное правление», фонд № 64 – «Канцелярия Степного генерал-губернатора», фонд № 825 – «Колпаковский Г.А.»); Центрального государственного архива Республики Узбекистан (фонд № И-17 – «Сырдаринское областное правление», фонд № И-715 «Материалы для истории завоевания Туркестанского края, собранные в различных архивах полковником Серебренниковым»); Центрального государственного архива Киргизской Республики (документы фонда № И-75 – «Присоединение Киргизстана к России»). Материалы этих архивных фондов представлены документами канцелярий военных губернаторов Туркестанского края, а также журналами политических и военных событий на границе Семиреченской области.

Методологическая база данного исследования была основана на историческом объективизме и особенностях процесса влияния государства Йэттишар на Центрально-Азиатский регион Российской империи. При написании работы также использовались методы анализа, синтеза, ретроспективы, а также сравнительно-исторический. Авторы особо уделили внимание методологии сравнительно-исторического изучения первоисточников, в результате которого путем сравнения были выявлены объективные стороны внутренней и внешней переписки царской администрации). Системный анализ имеющихся по теме материалов позволил определить предпосылки и причины переселения казахо-киргизов в Йэттишар.

3. Обсуждение

Влияние государства Йэттишар на казахов и киргизов, находившихся в тот период в составе Российской империи, конкретно не рассматривалось, но некоторые аспекты данного вопроса затрагивали авторы дореволюционного периода. Многие исследования ученых, изучавших политические направления Российской империи в отношении Восточного Туркестана, определяют некоторые аспекты ее политики в Центральной Азии (Н. Аристов ([Аристов, 1873](#)), А.П. Хорошкин ([Сборник, 1876](#)) и А.Н. Куропаткин ([Куропаткин, 1879](#))). Данные работы ограничиваются сведениями о том, что некоторые представители казахов и киргизов, находившихся в подданстве Российской империи, служили государству Йэттишар.

Ряд авторов рассматривал религиозные аспекты данного вопроса. Например, известный исследователь Н.П. Остроумов, оценивая религиозное доверие казахского общества, отметил, что на мусульманские традиции казахов огромное влияние оказывает Восточный Туркестан. По его мнению, наиболее близкие к религии народы Восточного Туркестана являются источниками религиозных движений в регионе (Остроумов, 1899: 46).

Такие же аргументы приводятся в работах историков Восточного Туркестана – Муллы Сайрама (Сайрама, 1904) и Курбангали Халида (Халид, 1910). В их трудах дается краткая информация о привлечении казахов и киргизов в состав государства Йэйтишар, а также подчеркивается, что в их объединении ключевым стал религиозный фактор.

Исследование темы включает в себя изучение русско-кашгарских отношений, или международных политических аспектов в регионе Восточного Туркестана. В работах до Октябрьской революции рассматриваются записи, воспоминания чиновников и военнослужащих царского правительства, а также документы межгосударственного оборота. По мнению современных исследователей, дореволюционные труды написаны несколько односторонне, в них отсутствуют теоретическое обобщение, критический подход. Но нельзя перечеркнуть их историографическую и источниковедческую значимость, так как объемные статистические материалы, написанные на данном этапе, позволили сформировать общее представление о политических процессах, происходивших в регионе.

В историографии вопроса взаимоотношений Российской империи и мусульманского государства Йэйтишар прежде всего необходимо выделить работу, написанную накануне восстания мусульманских народов Синьцзяна в 1864 г. Речь идет о капитальном труде Ч.Ч. Валиханова «Страна шести городов. Дневник путешествия на Иссык-Куль» (Валиханов, 2017).

Среди трудов западных исследователей, занимавшихся изучением событий, происходивших в 60–70 гг. XIX в. в Восточном Туркестане, необходимо выделить исследование английского историка Ч.Д. Боулджера «Жизнь Якуб-бека», опубликованное буквально по следам событий в 1878 г. (Боулджер, 1878). В нем автор обобщил имевшиеся в его распоряжении источники по Восточному Туркестану за период существования там государства Якуб-бека (Боулджер, 1878: 28).

Китайские историки в своих работах отрицательно оценивают государство Йэйтишар, как, например, основатель концепции китайской истории Фэн Вэнь-лань (Фэн Вэнь-Лань, 1955), который характеризует Йэйтишар как государство реакционного характера, угнетавшее различные мусульманские и немусульманские народности и племена Западного Китая.

Китайский историк киргизского происхождения Байтур Анвар (Байтур Анвар, 2003) в своем труде так же уделяет внимание угнетению этим государством всех народностей Кашгарии и его отрицательному влиянию на киргизов Семиречья.

История Йэйтишара привлекала определенное внимание исследователей и в советскую эпоху, однако в капитальных трудах таких историков, как А. Ходжаев (Ходжаев, 1979) и Д.А. Исиев (Исиев, 1981), очень мало внимания уделено влиянию этого государства на казахов и киргизов, находившихся в составе Российской империи.

Одним из современных ученых, исследовавших историю Йэйтишара, был российский историк С.В. Моисеев (Моисеев, 2006). В своей работе он рассматривает историю взаимоотношений между Россией и государством Йэйтишар, придавая большое значение роли и месту казахов и киргизов в них, используя обширную информацию, основанную на фактических архивных данных. Однако эта проблема далеко не исчерпана и требует дальнейшего изучения.

4. Результаты

К середине XIX века Российская империя достигла западной территории Китая и в последующие десять с половиной лет утвердилась на обширном пространстве Центральной Азии. В результате значительная часть казахов и киргизов перешли в подданство Российской империи. В это время проживавшие в Восточном Туркестане отдельные племена казахов и киргизов не только были внешними наблюдателями восстания уйгуров и дунган 1864 года, но и были вовлечены в конфликты во время образования Илийского султаната в Джунгарии и государства Йэйтишар в Кашгарии.

Между тем в событиях, произошедших в Джунгарии и Кашгарии, связанных с восстаниями мусульманского населения, царское правительство, внешне сохраняя нейтралитет, старалось предпринимать меры, не позволявшие восставшим перейти во владение Российской империи. Наряду с этим, основная задача царских властей заключалась в том, чтобы предотвратить переход казахских и киргизских племен из Семиречья в соседний Восточный Туркестан на территорию Илийского султаната и государства Йэйтишар. Царская администрация пыталась контролировать количество и состав переходящих на кашгарскую сторону. По данным некоторых архивных документов, Туркестанское генерал-губернаторство проводило переговоры с кашгарскими правителями о том, чтобы не препятствовать возвращению переселившихся казахов-киргизов на свою родину (ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 16. Л. 84). Но симпатии российских подданных казахов и киргизов к новым государствам, созданным после восстания в Восточном Туркестане против Цинской

империи, особенно к государству Йэттишар, основателем которого был Якуб-бек, продолжали расти (Мулла Сайрами, 1905: 127). Такая благосклонность к Йэттишару явно проявлялась среди групп, недовольных политикой царской России.

Якуб-бек был известен среди казахов и киргизов до того, как стал правителем государства Йэттишар. В 1851–1853 годах во время службы в качестве коменданта Кокандского ханства в Ак-Мечети он тесно общался с казахами (ЦГА РУЗ. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 14. Л. 517). Затем он был замечен как один из лидеров в сопротивлении захвату Аулие-Аты и Чимкента русскими войсками (Ресалэ-и-Якуби, 1940). Киргизы, которые были воодушевлены мужеством Якуб-бека, считали его киргизом, утверждая, что он один из представителей киргизского племени торайгыр. В это же время киргизские поэты начали восхвалять правителя Йэттишар Якуб-бека (Арыстанбек, 1994: 29). В 60–70 годах XIX века исследовавший историю и этнографию Семиреченского региона русский историк-востоковед и этнограф, участник военной кампании против Илийского султаната Н. Аристов в 1873 году в своей работе писал о переходе границы представителями киргизов из рода сарыбагыш Чуйской долины и казахов из рода албан, суан, кызай, а также кыргызского рода буты приграничных районов Восточного Туркестана и о их попытке поддержки своих единомышленников (Аристов, 1873: 170).

В частности, он писал: «Все киргизы, которые кочевали близко к границе, зимою 1864–1865 г., пользуясь отсутствием на границе наших отрядов, выставившихся только на лето, присоединились к инсургентам. Не только пограничные, но и почти вся масса киргиз, в том числе и казавшиеся дотоле весьма преданными, явно сочувствовали восстанию, сносились тайно с инсургентами и, без сомнения, пристали бы к инсургентам, если бы уюковка не была невозможна зимою, за недостатком подножного корма для скота. Весною же поспешно были выдвинуты наши отряды за границу, причем киргизам бежать большими массами уже было нельзя» (Аристов, 1873: 171).

Отстояв независимость Кашгарии от Цинской империи, Якуб-бек – правитель и основатель государства Йэттишар – построил ряд мечетей и провел реставрацию священных мавзолеев Восточного Туркестана Аптак Кожи, Биби Мариям и Сатуга Бограхана, чем завоевал симпатии мусульманских народов. Якуб-бек приветствовал переход российских подданных казахов и киргизов в свое государство, предоставив им убежище и обеспечив работой. Например, Миркасыма из города Семипалатинска, который хорошо владел русским языком, Якуб-бек назначил на должность ответственного за конторские и дипломатические действия, осуществляемые государством. Миркасым считался одним из самых надежных людей Якуб-бека (ЦГА РУЗ, Ф. И-715. Оп. 1. Д. 1564. Л. 271).

Большинство из тех, кто переходил с территории Российской империи, были казахами и киргизами, ранее служившими Кокандскому хану. Якуб-бек смог привлечь на свою службу военных командиров, а также некоторых из влиятельных людей Кокандского ханства (Сборник, 1876: 51). По словам генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина, в военных рядах Якуб-бека казахов и киргизов было немало (Куропаткин, 1879: 166). В 1870 г. он посетил уйгурское государство в Восточном Туркестане, в ходе военной миссии проведя эффективные переговоры с правителем Йэттишара Якуб-беком. В частности, обсуждалось положение казахов и киргизов Туркестанского генерал-губернаторства, переехавших в Восточный Туркестан. По архивным данным, А.Н. Куропаткин просил Якуб-бека не ущемлять права казахов и киргизов, переселившихся с территории Российской империи, и не использовать их в целях, противоречащих интересам Российской империи (ЦГА РК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 17. Л. 29).

Казахский историк Курбангали Халид, живший во второй половине XIX – начале XX веков, указал на Алдыраж датху, как одного из самых влиятельных казахов в государстве Якуб-бека, отметив: «Алдыраж датха, разделяя радость и печаль Якуб-бека, служил советником-везиром в его владении. Он был из казахов Старшего жуза» (Халид, 1910: 147).

Некоторые представители администрации царской России опасались, что провозглашение государства Йэттишар мусульманами Западного Китая может оказать негативное влияние на казахов и киргизов. Одним из первых этот вопрос поднял семиреченский военный губернатор Г.А. Колпаковский. Об этом он 16 июня 1867 года написал Туркестанскому генерал-губернатору барону К.П. фон Кауфману: «Я старался разъяснить, что этот переворот в Западном Китае должен иметь большое влияние на положение восточной части нашей киргизской степи, население которой одноплеменно и единоверно с частью народностей, восставших с успехом против маньчжуров. Освобождение китайских мусульман должно было вызвать стремление наших киргиз соединиться с своими единомышленниками. Чтобы удержать их, мы должны были содержать многочисленные военные отряды на границе и при всем том предвидеть, что усилия наши удержать киргиз тщетны. Положению нашему в киргизской степи указывалась другая опасность в возникновении в Западном Китае могущественного мусульманского государства, воинственного и враждебного к нам по самой основе инсургенции. Государство это могли легко образовать кокандцы, не раз завоевавшие Восточный Туркестан, могло государство это образовываться и от кокандцев независимо, но во всяком случае оно было бы враждебно и опасно для нас» (ЦГА РУЗ. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 42. Л. 185).

Во избежание подобной опасности регионы Семиреченского края, прилегающие к границам государства Йэттишар, были укреплены российскими военными отрядами. Несмотря на это, некоторые представители авторитетных и уважаемых казахов, киргизов, недовольные введением

«Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях», переходили на территорию сопредельного государства Йэттишар. Например, в сентябре 1867 года знатные люди Алтынемельской волости Капальского уезда Семиреченской области Байжан Мекебаев, Сатыбалды Калканбаев, Шарип Сауриков, Исмаил Медетмолдаев, Байназар Ногаев и Тулен Сырноев, проведя собрание, приняли решение о переходе со своими аулами в государство Йэттишар (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 147. Л. 8). Однако они не смогли это сделать, так как об их намерении стало известно русской администрации. Согласно приказу начальника Капальского уезда, вышеуказанные лица были взяты под стражу и были освобождены только после того, как подчинились администрации в соответствии с «Временным положением» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 29185. Л. 1).

После введения «Временного положения» Тезек Абылайханов был лишен звания старшего султана и попытался тайно установить контакты с правителем государства Йэттишар. В свою очередь Якуб-бек разослал письма влиятельным казахам Капальского и Верненского уездов Семиреченской области, таким как Тезек Абылайханов, которые были готовы перейти в Йэттишар. В своем письме а Тезеку Абылайханову он призвал его в Кашагарю для присоединения (ЦГА РУз. Ф. И-715, Оп. 1. Д. 36. Л. 364). Газиболат Валиханов, имевший связи с ханом Тезеком, распространял слух о его сомнениях в непобедимости царской армии. После этого уездному начальнику было поручено взять под полицейский надзор Тезека Аблайханова и Газиболата Валиханова (Моисеев, 2006: 47).

Российская администрация признала Тезека Аблайханова виновным в попытках перехода в сопредельное государство и пыталась посадить его в тюрьму. В 1868 году помощник начальника Капальского уезда майор Здоренко получил тяжелые ранения от неизвестных нападавших. Администрация посчитала, что это могли быть тайные действия Тезека Аблайханова, и в отношении него было начато уголовное расследование. В связи с этими событиями были арестованы Тезек Аблайханов, а также помощник Алтынемельской волости Жапек Ажиев, который находился в Капале, за тайное сотрудничество с правителем государства Йэттишар. 20 августа 1872 года Тезека Аблайханова освободили, благодаря письму, написанному им военному губернатору Семиреченского края (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 20531. Л. 253).

Киргизских манапов Тилахмета и Муратали Иссык-Кульского уезда Семиреченской области также подозревали в связях с правителем государства Йэттишар Якуб-беком. Такую информацию в русскую администрацию Семиреченского края предоставил купец М.А. Хлудов, который в начале марта 1868 года был на приеме у Якуб-бека. В этой связи военным губернатором Семиреченской области было поручено командиру тянь-шанского отряда Головацкому разузнать о контактах Тилахмета и Муратали (Басханов, 1990: 108). Между тем начальник Иссык-Кульского уезда от своих информаторов получил известие о том, что Якуб-бек с бухарским эмиром готовятся к военным действиям против российских войск, а также о желании участвовать в нем иссык-кульских киргизов. Военный губернатор получил донесение от начальника Иссык-Кульского уезда следующего содержания: «В последних числах марта 1868 года получено известие о намерениях Якуб-бека, кашгарского правителя, вторгнуться в наши пределы ранней весной. Для большего успеха своих действий он вошел в сговор с многими из влиятельнейших манапов Иссык-Кульского уезда, через которых киргизы намеревались присоединиться к Якуб-беку при его появлении..., главные виновники волнения между киргизами – Тилахмет и Муратали. Первый из них – имевший ранее значительное влияние и власть между киргизами и потерявший таковые при введении нового положения об управлении киргизами. Другой – Муратали – вошел в сношение с Якуб-беком» (ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 51. Л. 134).

После заявления начальника Иссык-Кульского уезда Муратали был взят под стражу, но не признал свою вину в том, что имел связь с Якуб-беком. Власти не успели допросить Тилахмета в связи с его кончиной. Среди киргизов Семиреченской области, которые хотели поддержать Якуб-бека, подозревали и Толе-манапа в Токмаке, поэтому начальник уезда взял его под личный контроль (ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 36. Л. 361). Военный губернатор направил приказ о незамедлительном аресте Муратали и Толе-манапа в случае, если они будут заниматься подозрительными делами (ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 66. Л. 361).

Среди киргизов, выступавших против «Временного положения», были манап сарыбагышского племени Умбетали Ормонулы и представитель рода саяк Осман Тайлакулы. В мае 1868 года Осман Тайлакулы с вооруженным отрядом напал на войска майора Г. Загряжинского на подступах к аулу Ш. Жантаева. Во время атаки мятежники взяли в заложники несколько человек и со своими 600 семействами перешли в государство Йэттишар (ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 51. Л. 69).

Визит Османа Тайлакулы в государство Йэттишар не понравился Якуб-беку. Правитель приказал взять его под старажу со всеми спутниками, при этом освободил захваченных русских пленных (Кыргызстан – Россия, 1998: 318). Такими действиями Якуб-бек попытался установить тесные отношения с российскими властями в Туркестане. Весной 1868 года между кашгарским правителем и царской администрацией сложились тесные связи, поводом для которых послужило желание Якуб-бека наладить отношения с царской администрацией. В связи с этим кашгарский правитель начал критически реагировать на действия казахско-киргизских правителей, переехавших

со стороны Российской империи. Он также выразил готовность направлять информацию об их численности и составе в Туркестанское генерал-губернаторство (Русско-кашгарские, 2008: 22).

Но он не собирался выполнять требование военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского о возвращении Османа Тайлакулы и его спутника Койчи, имевших непосредственное отношение к нападению на подразделение майора Г. Загряжского (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5649. Л. 7).

В это время сын Кенесары Касымова – Сыздык Кенесарин – выступил со своими войсками в Казалинский уезд Сырдарьинской области из приграничных территорий Бухарского эмирата (ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 41. Л. 250). Несмотря на такое положение дел, военный губернатор Семиреченского края Г.А. Колпаковский поднял вопрос о необходимости ввода русских войск в Западный Китай, так как считал, что такими действиями русские войска смогут заблокировать переселение казахов и киргизов на территорию Йэттишара, о чем он сообщил генерал-губернатору Туркестанского края барону К.П. фон Кауфману (ЦГА РК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 36. Л. 2). В своем донесении Г.А. Колпаковский отмечал начало массового переселения в Кашгарию не только семиреченских казахов и киргизов, но и казахов Семипалатинской области (ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 42. Л. 186).

Ранней весной 1871 года бий из рода албан Верненского уезда Семиреченской области Тазабек Пусырманов с 1081 семьями перебрался в Илийский султанат, который находился вблизи государства Йэттишар. Ему разрешили поселиться в долине на территории Илийского султаната, правитель которого Алахан проигнорировал просьбу генерал-губернатора Туркестанского края барона К.П. фон Кауфмана о возвращении Тазабека Пусырманова (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5649. Л. 118). Это, в свою очередь, спровоцировало вступление российских войск на территорию Илийского султаната и его полное завоевание 22 июня 1871 года (Мухаметханулы, 2000: 133).

Переход Илийского края в Российское подданство обеспокоило Якуб-бека. Он незамедлительно отправился в Аксу, чтобы приступить к подготовке защиты от российских войск, которые, однако, не двинулись дальше Илийского края (Исиев, 1981: 41). После этого Якуб-бек основал свою постоянную резиденцию в Аксу, построил там дома для чиновников и казармы для солдат. Именно сюда прибыл Сыздык Кенесарин, выступивший против военных действий Российской империи на территории Средней Азии (ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 28. Л. 11). Якуб-бек приветствовал Сыздыка Кенесарина, прошедшего в Йэттишар через Бадахшан. Он был известен в Йэттишаре под псевдонимом Садык и был привлечен к военной деятельности (ЦГА РК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 108. Л. 168). Ему было доверительно поручено управлять армией сына Якуб-бека Бек-Кули-бека в Кашгаре (Кенесарин, 1992: 52). В своей работе В.И. Петров, указывая на то, что Сыздык Кенесарин был вовлечен в службу государства Йэттишар, отметил: «Сыздык, последовательно служивший Коканду, Бухаре, Хиве, Якуб-беку, Бек-Кули-беку, похож, скорее, на обыкновенного ландскнехта, чем на убежденного воина Пророка» (Петров, 2003: 190).

В 1870-х годах среди должностных лиц Туркестанского края стал распространяться слух о том, что в агитации по привлечению казахов и киргизов в государство Йэттишар, вероятно, участвовали и агенты Великобритании и Османской империи (ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 62. Л. 134). На эти слухи в значительной степени повлияло прибытие британских послов в Кашгар и тот факт, что Якуб-бек смог установить контакты с Османской империей. По словам исследователя А.Д. Васильева, турецкий султан наградил Якуб-бека почетным званием «Амир уль-мумин» («Повелевающий верующими»), предоставив ему в качестве знака почета шесть орудий и более тысячи различных видов оружия (Васильев, 2015: 234). В свою очередь Якуб-бек, признавая Османскую империю в качестве союзника, повесил турецкий флаг в своей резиденции (Местная история Синьцзян, 1999: 497).

Посол Российской империи в Стамбуле И.П. Игнатъев считал, что приезд английского посольства в Йэттишар противоречит интересам царского правительства. 14 октября 1874 года он послал императору Александру II специальное донесение, в котором заявил, что цель британского посла Форсайта – предотвратить вторжение России в Кашгарию, а английский резидент Г. Шоу выполняет коммерческие задания, помимо этого, он обеспечивает Кашгар военными инструкциями и оружием, а также что английские послы являются агентами Великобритании в Йэттишаре (ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 36. Л. 1). Но поход китайских войск во главе с Цзо Цзун-тана в 1876 году в Кашгарию рассеял подозрения о том, что британские и турецкие агенты возбуждают волнения среди казахов и киргизов во владении Российской империи.

Во время военных действий Якуб-бека против армии Цзо Цзун-тана число иммигрантов из Йэттишара в Российскую империю увеличилось. 4 октября 1876 года оттуда вернулись в Токмакский уезд 193 киргизские семьи из рода чирик. Причиной их переселения в Российскую империю было привлечение большого количества людей из числа киргизов в армию правителя Йэттишара (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 32968. Л. 2).

После неожиданной смерти Якуб-бека 17 мая 1877 года в Йэттишаре ситуация усугубилась. Междоусобные распри, борьба за власть, а также военно-политические акции цинского двора, стремившегося к установлению гегемонии в Кашгарии, во многом способствовали оттоку населения на территорию Российской империи.

Во время захвата города Манаса цинские войска жестоко наказали дунган, убив 1500 человек. Данная информация стала известна генерал-губернатору Туркестанского края, в связи с чем барон К.П. фон Кауфман отправил письмо Цзо Цзун-тану с просьбой не проявлять жестокости при наказании дунган (ЦГА РК. Ф. 427. Оп. 1. Д. 11. Л. 22).

В составе войск, сражавшихся за Йэттишар, также были представители казахского и киргизского народов: Алдаш датка, Осмон Тайлакулы, Сыздык Кенесарин принимали активное участие в сражениях против цинской армии. В одном из сражений Сыздык Кенесарин получил ранение в руку и отправился с сыном Якуб-бека Бек-Кули-беком в Сарыкольский регион вблизи границ Российской империи. Их войска были разбиты армией Султанша-бека, который поддерживал правление маньчжур (Байтур Анвар, 2003: 318). После этого, 10 февраля 1878 года, Сыздык Кенесарин решил вернуться на родину. В городе Ош он добровольно сдался в руки представителя генерал-губернатора Туркестанского края, откуда отправил письмо К.П. фон Кауфману, в котором писал: «Если по пословице – повинную голову меч не сечет – простят мою вину, то я поселюсь там и буду жить со своим братом Ахметом...» (Центральная Азия и соседние территории в средние века, 1990). Ему разрешили жить в Чимкентском уезде Сырдарьинской области в качестве заложника у младшего брата Ахмета Кенесарина, который служил в русской армии. Начальник Чимкентского уезда получил письменную гарантию от А. Кенесарина о наблюдении за Сыздыком, в которой говорилось, что Сыздык уже стар и ничего теперь не сможет сделать против российского правительства (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 542. Л. 4).

Большинство представителей казахов и киргизов, искавших убежище в Кашгарии, вернулись на родину. Кроме того, представители уйгурского и дунганского народов, испуганные репрессиями цинской армии, нашли убежище во владениях Российской империи.

Один из видных деятелей Йэттишара Джамадияр датха со своими спутниками отправился в Афганистан. Он не переставал надеяться вернуться в Кашгар. В связи с этими событиями 3 августа 1884 года военному губернатору Семиреченской области было приказано взять под свой контроль жителей местного населения, влиятельных людей дунган, которые нашли убежище в Семиречье, чтобы они не пересекали границу (ЦГА РК. Ф. 41. Оп.1. Д. 41. Л. 90).

5. Заключение

Продвижение русских войск к рубежам Центральной Азии вызвало обоснованную тревогу среди казахов и киргизов. В этой связи некоторые из их представителей выразили протест против принятия «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 года, вызвавшего большое недовольство среди местного населения. Протестующие против правления Российской империи пытались перейти на сторону Йэттишар. Якуб-бек с целью укрепления своего государства привлек на службу некоторых представителей казахов и киргизов, перешедших в Кашгарию. Он также пытался использовать их в своих интересах при переговорах с Российской империей. Но его усилия не увенчались успехом.

Среди людей, перешедших на территорию государства Йэттишар, были отказавшиеся подчиняться местным властям Российской империи и не принимавшие участие в беспорядках. Кроме того, были также лица, выступавшие категорически против военных действий русских войск в Средней Азии.

Российская империя пыталась сдерживать влияние новых государств, сформированных в 1860-х годах в Восточном Туркестане, на казахов и киргизов. Влияние государства Йэттишар на Центрально-Азиатский регион привело к хаосу.

После восстановления власти Цинской империи в Кашгарии казахам и киргизам пришлось вернуться на свою историческую родину. Им была предоставлена возможность жить мирно в соответствии с законами Российской империи.

Литература

Аристов, 1873 – Аристов Н. Отношения наших к дунганам, Кашгару и Кульдже. Материалы для статистики Туркестанского края. Санкт-Петербург, 1873. С. 170-181.

Арыстанбек, 1994 – Арыстанбек. Ырлар. Бишкек, 1994. 180 с.

Байтур Анвар, 2003 – Байтур Анвар. История киргизов. Бишкек, 2003. 348 с.

Басханов, 1990 – Басханов М. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека. Из истории международных отношений в Центральной Азии (Средние века и Новое время). Алма-Ата, 1990. 267 с.

Валиханов, 2017 – Валиханов Ч.Ч. Страна шести городов. Дневник путешествия на Иссык-Куль. Алматы, 2017. С. 448.

Васильев, 2015 – Васильев А.Д. Османская империя и «большая игра» в Кашгаре // Исторический вестник. 2015. № 11. С. 224-249.

Исиев, 1981 – Исиев Д.А. Уйгурское государство Йеттишар. Москва, 1981. 91 с.

Кенесарин, 1992 – Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык. Алма-Ата, 1992. 144 с.

- Куропаткин, 1879** – *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. Санкт-Петербург, 1879. 435 с.
- Кыргызстан–Россия, 1998** – Кыргызстан–Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.). Сборник документов и материалов. Бишкек, 1998. 488 с.
- Местная история Синьцзян, 1999** – Местная история Синьцзян. Урумчи, 1999. 755 с.
- Моисеев, 2006** – *Моисеев С.В.* Взаимоотношения России и Уйгурского государства Йэтишар (1864–1877). Барнаул, 2006. 203 с.
- Мулла Сайрамы, 1905** – *Мулла Сайрамы.* Тарих-и Амние. Казань, 1905. 320 с.
- Мухаметханулы, 2000** – *Мухаметханулы Н.* Общественная история казахов в Китае (1860–1920 гг.). Алматы, 2000. 336 с.
- Остроумов, 1899** – *Остроумов Н.П.* Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфман – устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н.П. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент, 1899. 436 с.
- Петров, 2003** – *Петров В.И.* Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. Москва, 2003. 528 с.
- Ресалэ-и-Якуби, 1940** – *Ресалэ-и-Якуби* (Воспоминания о Якуб-беке кашгарском Камиль-хана-ишана) // *Историк-марксист.* 1940. № 3. С. 127-135.
- Русско-кашгарские, 2008** – Русско-кашгарские отношения в 60–70-х гг. XIX в. Документы и материалы. Барнаул, 2008. 236 с.
- Сборник, 1876** – Сборник статей, касающихся Туркестанского края А.П. Хорошкина. Санкт-Петербург, 1876. 531 с.
- Фань Вэнь-лань, 1955** – *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая (1840–1901). Москва, 1955. 600 с.
- Халид, 1910** – *Халид Қ.* Тауарих-и хамсе. Казань, 1910. 800 с.
- Ходжаев, 1979** – *Ходжаев А.* Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.). Москва, 1979. 227 с.
- ЦГА КР** – Центральный государственный архив Кыргызской Республики.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУЗ** – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- Центральная Азия и соседние территории в средние века, 1990** – Центральная Азия и соседние территории в Средние века. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1990. 395 с.
- Boulger, 1878** – Boulger, Demetrius Charles. The Life of Yakoob Beg, Athalik Ghazi and Badaulet, Ameer of Kashgar. London: W.H. Allen, 1878.

References

- Aristov, 1873** – *Aristov N.* (1873). Otnoshenia nashih k dunganam, Kashgaru i Kuldzhe [Our relations to the Dungans, Kashgar and Kuldja]. Materialy dlja statistiki Turkestanskogo kraja. Sank-Petersburg. Pp. 170-181. [in Russian]
- Arystanbek, 1994** – *Arystanbek.* Yrlar [Poetry]. Bishkek, 1994. 180 s. [in Russian]
- Baitur Anvar, 2003** – *Baitur Anvar* (2003). Istoriya Kirgizii [History of Kyrgyzstan]. Bishkek. 348 p. [in Russian]
- Bashanov, 1990** – *Bashanov M.* (1990). Politika Anglii v otnoshenii gosudarstva Yakub-beka. Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentral'noi Azii (Srednie veka i Novoe vremya). [The policy of England in relation to the state of Yakub-Bek. From the history of international relations in Central Asia (middle ages and modern times)]. Alma-Ata. 267 p. [in Russian]
- Boulger, 1878** – *Boulger, Demetrius Charles* (1878). The Life of Yakoob Beg, Athalik Ghazi and Badaulet, Ameer of Kashgar. London: W.H. Allen.
- Fan Ven-lan, 1955** – *Fan Ven-lan.* Novaya istoriya Kitaya (1840–1901) [The new history of China (1840–1901)]. Moskva, 1955. 600 p. [in Russian]
- Hodzhaev, 1979** – *Hodzhaev A.* (1979). Tsinskaya imperiya, Dzhungariya i Vostochni Turkestan (kolonial'naya politika Tsinskogo Kitaya vo vtorSpolovine XIX v.) [The Qing Empire, Dzungaria and East Turkestan (the colonial policy of Qing China in the second half of the XIX c.)]. M. 227 p. [in Russian]
- Isiev, 1981** – *Isiev D.A.* (1981). Uigurskoe gosudarstvo Iettishar [Uighur state Yettishar]. M. 91 p. [in Russian]
- Kenesarin, 1992** – *Kenesarin A.* (1992). Sultany Kenesary i Syzdyk [Sultans of Kenesary and Syzdyk]. Alma-Ata. 144 p. [in Russian]
- Khalid, 1910** – *Khalid Kh.* (1910). Tauarih-i hamse [History of the five eastern countries]. Khazan. 800 p.
- Kuropatkin, 1879** – *Kuropatkin A.N.* (1879). Kashgariya. Istoriko-geograficheskii ocherk strany ee voennye sily, promyshlennost' i torgovlya [Kashgariya. The historical and geographical outline of the country is its military forces, industry and trade]. Sankt-Peterburg. 435 p. [in Russian]
- Kyrgyzstan – Rossiya, 1998** – Kyrgyzstan – Rossiya. Istoriya vzaimootnoshenii (XVIII – XIX vv.). Sbornik dokumentov i materialov [Kyrgyzstan – Russia. The history of relationships (XVIII – XIX cc.). Collection of documents and materials]. Bishkek, 1998. 488 p. [in Russian]
- Mestnaya istoriya Sin'tszyan, 1999** – Mestnaya istoriya Sin'tszyan [Local History of Chinjiang]. Urumchi, 1999. 755 p. [in Russian]

- Moiseev, 2006** – *Moiseev S.V.* (2006). Vzaimootnosheniya Rossii i Uigurskogo gosudarstva Iettishar (1864–1877). [Relations between Russia and the Uyghur state Yettishar (1864–1877)]. Barnaul. 203 p. [in Russian]
- Muhamethanuly, 2000** – *Muhamethanuly N.* (2000). Obshchestvennaya istoriya kazakhov v Kitae (1860–1920 gg.) [The public history of the Kazakhs of China (1860–1920 years)]. Almaty. 336 p. [in Russian]
- Mulla Sairami, 1905** – *Mulla Sairami* (1905). Tarih-i Amniye [History of Amniye]. Kazan. 320 p. [in Russian]
- Ostroumov, 1899** – *Ostroumov N.P.* (1899). Konstantin Petrovich fon-Kaufman – ustroitel Turkestanskogo kraia. Lichnyye vospominaniya N.P. Ostroumova (1877–1881 gg.). [Ostroumov N.P. Konstantin Petrovich fon-Kaufman – organizer of the Turkestan region. Personal memoirs of N.P. Ostroumov (1877–1881)]. Tashkent. 436 p. [in Russian]
- Petrov, 2003** – *Petrov V.I.* (2003). Myatezhnoe «serdce» Azii. Sin'czyan: kratkaya istoriya narodnykh dvizhenii i vospominaniya [Rebellious «heart» of Asia. Xinjiang: a brief history of popular movements and memories]. Moskva. 528 p. [in Russian]
- Resalie-i-Jakubi, 1940** – Resalie-i-Jakubi (Vospominania o Jakub-beke kashgarskom Kamil'-hana-ishana) [(Memories of the Yakub-bey Kashgar Kamil Khan-Ishana)]. *Istoriik-marksist.* 1940. №3. Pp. 127-135. [in Russian]
- Russko-kashgarskie, 2008** – Russko-kashgarskie otnosheniya v 60-70-h gg. XIX v. Dokumenty i materialy [Russian-Kashgar relations in the 60-70's. XIX century. Documents and materials]. Barnaul, 2008. 236 p. [in Russian]
- Sbornik, 1876** – Sbornik statei, kasaiushisia Turkestanskogo kraia A.P. Horoshkina [Collection of articles concerning the Turkestan region A.P. Khoroshkina]. Sankt-Peterburg, 1876. 531 p. [in Russian]
- Tsentr'al'naya Aziya i sosednie territorii v Srednie veka, 1990** – Tsentr'al'naya Aziya i sosednie territorii v Srednie veka. Sbornik nauchnykh trudov [Central Asia and neighboring territories in the middle ages. Collection of proceedings]. Novosibirsk, 1990. 395 p. [in Russian]
- TsGA KR** – Tsentralnyi gosudarstvennyi archiv Kyrgyzskoi Respubliki [Central State Archive of the Kyrgyz Republic].
- TsGA RK** – Tsentralnyi gosudarstvennyi arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- TsGA RUZ** – Centralnyi gosudarstvennyi archiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].
- Valihanov, 2017** – *Valihanov Ch.Ch.* (2017). Strana shesti gorodov. Dnevnik pýteshestvna na Issyk-Kýl [The country of six cities. Diary of a trip to Issyk-Kul]. Almaty. P. 448. [in Russian]
- Vasilyev, 2015** – *Vasilev A.D.* (2015). Osmanskaia imperia i «Bolshaia igra» v Kashgare [Ottoman Empire and the "Big game" in Kashgar]. *Istoricheskii vestnik.* № 11. Pp. 224-249. [in Russian]

Влияние государства Йэттишар на казахов и киргизов Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи

Гульзада Оразбаевна Чаргынова ^a, Айткуль Шайымкуловна Махаева ^{b, *},
 Рустем Джаулыбайұлы Кубеев ^a, Канат Калдыбекулы Базарбаев ^c

^a Казахский национальный университет им. Абая, Казахстан а

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Казахстан

^c Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави, Казахстан

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу влияния государства Йэттишар в 60–70-х годах XIX века на казахов и киргизов, находившихся в подданстве Российской империи. В качестве основы для написания данной статьи использованы материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан, Центрального государственного архива Республики Узбекистан и Центрального государственного архива Кыргызской Республики. Образование государства Йэттишар оказало значительное влияние на казахов и киргизов Российской империи. Архивные документы обосновывают, что в результате переговоров между туркестанским генерал-губернатором и правителем Кашгарии был разрешен ряд вопросов по переселению казахско-киргизских аристократов в Восточный Туркестан. Это объясняется тем, что Российская империя хотела существование буферного государства между двумя империями – Цинь и Великобритания. Можно сказать, что политические процессы, происходившие в Кашгарии, находились под контролем царского правительства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aitkul_m@rambler.ru (А.Ш. Махаева)

Представители казахов и киргизов, выступавших против политики царского правительства в Средней Азии, отправились в государство Йэттишар за поддержкой. Якуб-бек привлек их на службу, некоторые из знатных казахов и киргизов занимали высокие должности в государстве Йэттишар.

Однако им не удалось достичь своих целей в связи с внутренними распрями и восстановлением власти Цинской империи в Кашгарии. Изменяющаяся политика кашгарских правителей способствовала формированию разностороннего мнения среди казахско-киргизской знати, служившей им. Одна группа аристократов решила вернуться в состав Российской империи, другие – думали продолжить полученные направления. Это эффективно использовалось царской администрацией. Позже, вследствие прекращения существования государства Йэттишар, многие из перешедших казахов и киргизов вернулись из Кашгарии на родину.

Ключевые слова: Йэттишар, Якуб-бек, Российская империя, Цинская империя, Кашгария, Средняя Азия, Семиречье, Туркестанский край, казахи, киргизы.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 152-161. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.152
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

About the History of the "Rebellion on the Don" in 1862–1863: the Correspondence of the Don Ataman M.G. Khomutov with his Chief of Staff

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the last major rebellion of the Don Cossacks in pre-revolutionary period in 1862-1863. Few historians who investigated this plot believed that the confrontation of the Don ataman M.G. Khomutov and his chief of staff A.M. Dondukov-Korsakov was the most important prerequisite for this rebellion. But the letters of the don ataman to his chief of staff, stored in the Russian state historical archive, paint a completely different picture. It follows from them that in 1862 M.G. Khomutov was poorly oriented in the current situation and was friendly to A.M. Dondukov-Korsakov. Ataman knew about the discontent in the stanitsas, but did not connect him with the anti-government propaganda of his chief of staff. On the contrary, he hoped that A. M. Dondukov-Korsakov would be able to calm the worried Cossacks thanks to his authority. Only a few months after leaving office, ataman changed his mind under the influence of the Minister of War D. A. Milyutin. These facts indicate the need for a more detailed study of the topic, and the inaccuracy adopted in the historiography of the interpretation of events.

Keywords: the reaction of the Cossacks to the reforms of 1860, the Don Cossacks, M.G. Khomutov, A.M. Dondukov-Korsakov, D.A. Milyutin.

1. Введение

В 1900 г. пожилой донской краевед А.А. Карасев опубликовал небольшую статью мемуарного характера, несколько провокационно названную «Бунт на Дону в 1862–1863 годах» (Карасев, 1900). Как ни странно, и поныне этот небольшой текст остается едва ли не единственным, специально посвященным последним заметным волнениям донских казаков в дореволюционный период. Между тем масштаб этих волнений представлялся современникам достаточно значительным: в 1863 г. военный министр Д.А. Милютин даже позволил себе следующее высказывание: «Не посылать же войска для усмирения казаков, особливо в то время, когда от них требуется присылка полков для усмирения царства Польского и наших западных губерний» (Volvenko, 2015a: 32). Однако в дальнейшем об этом «бунте» постарались забыть и правительство, и его противники. Официальная дореволюционная историография отрицала серьезное недовольство донских казаков в начале 1860 гг., не укладывающееся в их восприятие как верных слуг отечества и престола. Вот что писал на этот счет другой современник этих событий, С.Ф. Номикосов, в своей авторитетной книге «Статистическое описание области Войска Донского», вышедшей по распоряжению донского атамана Н.И. Святополк-Мирского: «Если и существовало некоторое брожение умов, то оно заметно было только в Новочеркасске; станицы же пребывали в полнейшем спокойствии» (Номикосов, 1884: 48-49). С другой стороны, и для авторов либерального толка эти волнения, закончившиеся компромиссом и примирением казаков с правительством, не представляли особенного политического интереса. Так, С.Г. Сватиков только констатировал «боязнь Дона, что его превратят в губернию»

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

в начале 1860 гг., не останавливаясь более подробно на связанных с этим событиях (Сватиков, 1924: 347). Поэтому не удивительно, что со временем этот сюжет оказался почти забыт, и в XXI в. серьезное внимание ему уделялось только в статье А.А. Волвенко «Казакманство. Донской случай (1860 гг.)» (Volvenko, 2015a).

Почти все авторы, касавшиеся истории «бунта на Дону», считали ключевой его предпосылкой сложные отношения М.Г. Хомутова, бывшего донским атаманом до 1862 г., и его начальника штаба князя А.М. Дондукова-Корсакова. Это были люди совершенно разных поколений и типажей. Все тот же А.А. Карасев писал о М.Г. Хомутове следующее: «Человек высокого практического ума, неустанной энергии, проявлявшейся как для «высших соображений», так равно и для мелочей. Это был маленький «Петр Великий» для донской земли. <...>. Самые злейшие враги, которых у Хомутова было достаточно, не могли отказать ему в такой точно аттестации, с прибавлением, разумеется, указания на его недостатки, которых этот генерал не был лишен, так как был тоже человек, а к тому же не получивший не только серьезного, но, кроме домашнего, почти никакого образования (ибо даже русскую грамоту не знал, как следует)» (Карасев, 1899: 107). Подобная характеристика особенно ценна потому, что А.А. Карасев в свое время был сторонником А.М. Дондукова-Корсакова, как и большая часть донской интеллигенции. Потеря М.Г. Хомутовым популярности на Дону в начале 1860 гг. не должна удивлять: родившийся еще в XVIII в., этот малообразованный практический деятель к началу эпохи Великих Реформ не мог не казаться устаревшим.

А прибывший на Дон в 1859 г. А.М. Дондуков-Корсаков был «умным, всегда и для всех доступным, красивым, молодым (39 лет), простым, деликатным и разговорчивым» (Карасев, 1900: 168). С.Г. Сватиков особенно обращал внимание на то, что, в отличие от атамана, молодой генерал интересовался историей Дона (Сватиков, 1924: 346). И действительно, в фонде князя в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) хранятся его собственноручные «Сведения о земле донских казаков» и «Исторические заметки о Войске Донском», оригиналы которых написаны на французском языке (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 116). Хотя эти тексты не содержат каких-то принципиально новых сведений о прошлом Дона, сами попытки А.М. Дондукова-Корсакова писать труды по донской истории показательны. В то же время многие историки отмечали склонность князя к интригам, проявленную в ходе его дальнейшей карьеры, а П.Н. Милоков полагал даже, что в бытность российским комиссаром в Болгарии в 1879–1880 гг. он пытался обеспечить себе болгарский престол (Volvenko, 2015a: 32–33). Сослуживец А.М. Дондукова-Корсакова П.Д. Зотов давал ему следующую характеристику: «Дондуков как начальник – великолепная личность, его всегда подчиненные любили, но горе тому, кто поставлен с Дондуковым в служебные отношения, даже равноправные: ложь, клевета, интриги – все будет пущено в ход, чтобы, что называется, подставить ножку...» (Volvenko, 2015a: 23).

М.Г. Хомутова и А.М. Дондукова-Корсакова разделяли не только личные особенности, но и взгляды на будущее Дона. В начале 1860 г., с назначением Д.А. Милютина военным министром, Военное министерство взяло курс на радикальные реформы казачества, суть которых сам министр сформулировал следующим образом: «Приступить к целому ряду мер и преобразований по всем частям гражданского устройства с тою целью, чтобы применить по возможности к казачьим областям предпринимаемые общие государственные реформы; устранить все те устаревшие особенности казачьего быта, которые, не принося пользы в военном отношении, только задерживали гражданское преуспеяние и способствовали отчуждению казачьего населения» (Милютин, 1999: 262–263). А.М. Дондуков-Корсаков немедленно выступил против такой политики, даже составив острокритическую по отношению к ней «Записку о Войске Донском» (Карасев, 1896: 569–591). М.Г. Хомутов, как видно из приведенных нами ниже писем, напротив, эту политику поддержал.

Исходя из всего вышеизложенного, занимавшиеся «бунтом на Дону» историки характеризовали отношения между донским атаманом и его начальником штаба как скрытую вражду. Еще А.А. Карасев писал, что именно интриги М.Г. Хомутова, имевшего «старые счёты с князем», в 1862 г. привели к тому, что действия А.М. Дондукова-Корсакова по защите исторических прав казачества стали воспринимать в Санкт-Петербурге «как интригу против министерства, как угрозу правительству бунтом» (Карасев, 1900: 170). А А.А. Волвенко в упомянутой выше статье, хотя и рассматривает интересующие нас события 1862–1863 гг. на Дону в самых разных интерпретациях, но в итоге делает все тот же вывод, что между М.Г. Хомутовым и А.М. Дондуковым-Корсаковым имела место вражда, и именно донской атаман распускал в Санкт-Петербурге слухи против князя, преувеличивая возможность реального бунта казаков (Volvenko, 2015a: 32). При этом А.А. Волвенко приводит версии событий и в изложении самого А.М. Дондукова-Корсакова, и Д.А. Милютина, и А.А. Карасева, сторонника князя, и его противников В.А. Панаева и С.С. Робуша (Volvenko, 2015a: 28–32), но не дает той интерпретации событий, которая содержится в личных документах самого М.Г. Хомутова. Между тем она, на наш взгляд, крайне важна и интересна. Как же выглядели «бунт на Дону» и отношения с одиозным начальником штаба в документах, написанных самим атаманом? Ответ на этот вопрос мы и попытаемся дать в своей статье.

2. Материалы и методы

Важнейшим источником данного исследования стала переписка М.Г. Хомутова с его начальником штаба, хранящаяся в фонде А.М. Дондукова-Корсакова в РГИА (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117). Большая часть писем атамана, в полном соответствии с тем его образом, который обрисовал А.А. Карасев, лаконична и касается конкретных мер по управлению донским краем (например, постройки водопровода или повышения офицеров (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 1, 20). Тем интереснее несколько писем конца лета–начала осени 1862 г., в которых М.Г. Хомутов сильно вышел за пределы обычных тем, обращаясь к своему подчиненному с личными советами и общей оценкой сложившейся на территории Земли Войска Донского ситуации. Трудно не связать подобную откровенность с тем, что именно на это время пришелся один из пиков «бунта на Дону».

Кроме того, мы будем обращаться к воспоминаниям В.А. Панаева, другого корреспондента М.Г. Хомутова, в которых приводится ряд писем старого генерала, написанного в тот же период (Панаев, 1902: 539-547). Хотя они в основном посвящены проблемам, не связанным с тематикой нашей статьи, однако для нас представляет интерес тон этих писем, а также немногочисленные упоминания М.Г. Хомутова о некоем «ядовитом языке», волновавшем Дон.

В исследовании использован преимущественно историко-описательный метод, поскольку письма М.Г. Хомутова А.М. Дондукову-Корсакову до сих пор не вовлекались в научный оборот. Соответственно, как нам представляется, на настоящем этапе развития историографии важнее всего познакомить историков с содержанием этих писем (два из них мы приводим в своей статье полностью, а третье – частично). Кроме того, нами применяется историко-сравнительный метод, позволяющий сопоставить интерпретации событий М.Г. Хомутовым и другими авторами. Также нами используется историко-биографический метод, дающий возможность рассматривать документы в связи с судьбами и мнениями людей, их написавших.

3. Обсуждение

В июле 1862 г. М.Г. Хомутов отбыл из Новочеркасска ко двору, и многие были уверены, что назад старый генерал уже не вернется. Его вероятным преемником рассматривался А.М. Дондуков-Корсаков, оставшийся исполнять обязанности донского атамана (Карасев, 1900: 169). К этому времени донское казачество уже начинало волноваться, откуда-то узнав о возможных радикальных преобразованиях Войска Донского. Симпатизирующий князю А.А. Карасев связывал эти волнения с прибытием на Дон проекта правительственных реформ, впрочем, уточняя, что он не помнит, когда именно был получен этот проект, но может уверенно сказать: «В начале 1862 года в Новочеркасске уже громко трактовали об ожидаемом нарушении казачьих привилегий» (Карасев, 1900: 169). Сторонник М.Г. Хомутова и противник А.М. Дондукова-Корсакова, В.А. Панаев обвинял самого начальника войскового штаба в попытке возмутить простых казаков, утверждая, что он намеренно распространял свою «Записку о Войске Донском» «между простым казачеством», что породило в его среде слухи о возможном обращении казаков в государственных крестьян (Панаев, 1903: 149). В любом случае летом 1862 г. казачество волновалось все сильнее и сильнее, о чем исполняющий обязанности атамана и счел нужным донести М.Г. Хомутову вскоре после его отъезда. Работавший с письмами князя А.А. Волвенко приводит из них соответствующие цитаты: А.М. Дондуков-Корсаков, например, писал тогда, что казачество желает «довести каким-либо законным и ускоренным путем до сведения правительства свои пожелания» (Volvenko, 2015a: 28-29). Одновременно с этим, пользуясь своим статусом временного правителя донского края, князь отправил в Военное министерство ответ на спущенный сверху проект реформ. В оценке этого ответа А.А. Волвенко и А.А. Карасев расходятся: по мнению современного историка, новый текст А.М. Дондукова-Корсакова носил компромиссный характер, и от многих тезисов «Записки о Войске Донском» он отказался (Volvenko, 2015a: 28), современник же событий считал более значимым то, что и в этом тексте содержалось предупреждение об опасности реализации правительственного проекта, поскольку «уже получаются тревожные известия из станиц» (Карасев, 1900: 169-170). Независимо от того, кто прав в этой дискуссии, можно констатировать, что исполняющий обязанности донского атамана не собирался полностью отказываться от прежних оппозиционных идей.

И 24 августа 1862 г. М.Г. Хомутов ответил своему подчиненному из Москвы. Так как его письмо очень невелико по объему, мы приведем его полностью.

«Ваше сиятельство, князь Александр Михайлович. Доходят до меня слухи, что в Новочеркасске и по станицам тревожатся по поводу присланных соображений. Все эти предположения присланы на наше усмотрение, следовательно, от нас зависит выбрать, что нам хорошо и удобно и сейчас же о том ходатайствовать; остальное все оставить только на бумаге, можете всех уверить, что *особенно коренных изменений не будет* (курсив наш – Авт.), а только будут улучшения, которые мы сами укажем, даже и все предложения комитета о рассмотрении положения будут строго рассмотрены и утверждаться только при полном убеждении, что они полезны, и если в общем мнении высказать справедливых замечаний и указаний, то они верно не будут отражены.

Все главное наше начальство, примите только область войска, и потому мы можем быть покойны и уверены, что все будет к лучшему; самое замечательное, мы видим, что наш Министр без нашего мнения ни к чему не приступит.

Итак, нам остается молить Бога за Царя, который войско отмечает и любит.

Мих. Хомутов. 24 августа 1862 г. Москва» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 12-13).

Насколько можно доверять содержанию этого письма? С нашей точки зрения, старый атаман мог где-то и лукавить, однако, учитывая, что он фактически уже покинул свою должность, считать все письмо попыткой усыпить бдительность А.М. Дондукова-Корсакова, одновременно клеветца на него, означает приписать М.Г. Хомутову поистине дьявольское коварство. Интересно, что А.А. Карасев, отмечая противоречия между двумя государственными деятелями, в то же время признает, что «невоздержанный на язык, особенно в минуту душевных волнений», молодой генерал часто осаживал критиков своего начальника и его жены словами: «Когда мы с вами, господа, доживем до их лет, то, поверьте, в десять раз будем хуже их» (Карасев, 1900: 171, 168). Сам М.Г. Хомутов, как мы увидим ниже, продолжал переписку со своим идейным противником и после ухода с должности атамана, причем в весьма доверительном ключе. Поэтому, как нам кажется, в действительности антагонистами до осени 1862 г. могли быть не столько сами генералы, сколько их окружение, люди вроде А.А. Карасева и В.А. Панарина (последний, например, имел с А.М. Дондуковым-Корсаковым столкновения по службе и пытался противостоять ему, пользуясь хорошими отношениями с М.Г. Хомутовым (Панаев, 1902: 532). Мы исходим из того, что письма старого атамана в основном отражают его действительные мысли, хотя местами он и пытается лестию и уговорами воздействовать на строптивого начальника штаба.

При такой трактовке письмо от 24 августа 1862 г. выделяется сразу несколькими интересными деталями. Прежде всего обращает на себя внимание его общий благодушный тон и уверенность М.Г. Хомутова в том, что «особенно коренных изменений не будет». Как ни странно, еще недавно, до назначения Д.А. Милютина военным министром и подготовки им программы реформ в казачьих войсках, схожего мнения придерживались многие. Тут нужно отметить, что первым инициатором пересмотра законодательства о казачьих войсках в эпоху Великих Реформ был... как раз М.Г. Хомутов, подавший 31 августа 1856 г., задолго до рассматриваемых событий, рапорт в Военное министерство о необходимости переработки «Положения об управлении Донским войском» от 1835 г., с корректировкой первоначального текста в соответствии с произошедшими изменениями в законодательстве (Волвенко, 2006: 20). Рапорт был удовлетворен, был создан кодификационный комитет (его также иногда именовали комиссией), однако еще в 1861 г. современники отзывались о новосозданном органе следующим образом: «Назначение комиссии для пересмотра положения было встречено точно так же, как и всякое новое присутственное место, – довольно апатически»; «Никто, решительно никто не думает, чтоб комиссия имела в глазах правительства серьезное значение» (Волвенко, 2006: 21). И М.Г. Хомутов просто не уловил резкой перемены ситуации в начале 1862 г. и продолжал пребывать в уверенности, что серьезных реформ казачества не будет, «а только будут улучшения, которые мы сами укажем».

Означало ли это, что к тому времени атаман в принципе неадекватно воспринимал быстро меняющуюся политическую ситуацию? Скорее всего, да. О потере М.Г. Хомутовым связи с реальностью в начале 1862 г. говорит и то, что он решил обсудить со своим начальником штаба недовольство в станицах только в конце августа, хотя, по свидетельствам А.А. Карасева и В.А. Панаева, это недовольство проявилось уже в первые месяцы года. Более того, старый генерал узнал о недовольстве не из надежных источников, а по слухам. В целом складывается впечатление, что М.Г. Хомутов к этому времени частично устранился от дел и уже не слишком тщательно следил за происходящим вокруг. Почему это произошло? А.А. Карасев описывает несколько попыток старого атамана показать, что он остается первым лицом в донском регионе, предпринятых в предыдущие годы, и провалы этих попыток. Так, когда в 1860 г. М.Г. Хомутов попытался ограничить влияние своего молодого соперника, не дав ему заменить себя во время отъезда, Военное министерство заняло сторону князя (Карасев, 1900: 168). В 1861 г. А.М. Дондуков-Корсаков получил звание генерал-адъютанта, после чего «всем стало до очевидности ясно, что дни Михаила Григорьевича (Хомутова – Авт.) сочтены и что в скором времени атаманскую насеку возьмет в руки князь Дондуков-Корсаков» (Карасев, 1900: 168). Нам представляется, что в таких условиях опытный генерал должен был понять, что симпатии высших властей на стороне его оппонента и нет смысла продолжать бороться с ним. Поэтому кажется вполне вероятным, что к началу 1862 г. М.Г. Хомутов уже де-факто передавал власть над войском своему начальнику штаба, считая новые столкновения с А.М. Дондуковым-Корсаковым бесперспективными и бессмысленными. Это, конечно, не означает, что старый генерал полностью утратил влияние на текущие дела, однако он вполне мог избегать конфликтов с более влиятельным молодым сослуживцем и намеренно не вмешиваться в те сферы, которыми занимался победивший его в борьбе за власть начальник штаба, включая и анализ долгосрочных реформ.

В пользу подобной трактовки свидетельствует еще одна особенность письма. М.Г. Хомутов постоянно использовал в нем форму «мы» («от нас зависит выбрать, что нам хорошо и удобно»; «наш Министр без нашего мнения ни к чему не приступит»), а также выражал пожелание, чтобы его

корреспондент «принял только область войска». Опять-таки, если не рассматривать варианта с дьявольским коварством и попыткой усыпить бдительность А.М. Дондукова-Корсакова, выходит, что М.Г. Хомутов, желая сохранить хорошие отношения со своим вероятным преемником, подчеркивал их связь как администраторов и выражал надежду, что князь не откажется от атаманства.

Если принять подобную трактовку письма, то станет ясно, почему М.Г. Хомутов не препятствовал неоднозначной деятельности А.М. Дондукова-Корсакова по поддержке оппозиционных настроений в казачьей среде, не донес начальству о недовольстве в станицах, о котором не знал и сам, и вообще фактически самоустранился от развития событий на начальном этапе «бунта на Дону». Возможно, если бы М.Г. Хомутов более активно выступил в это время против стремительно теряющего поддержку в Санкт-Петербурге князя, то никакого «бунта» не произошло бы, А.М. Дондуков-Корсаков был бы удален из Новочеркасска на год раньше, а старый атаман сохранил бы власть (его преемник, П.Х. Граббе, был даже старше годами).

Но только последовавшие события показали М.Г. Хомутову его неправоту в оценке ситуации. 30 августа он был снят с должности атамана и назначен членом Государственного совета, однако, вместо того чтобы поставить на его место начальника штаба, преемника генералу искали еще почти две недели (Volvenko, 2015a: 29). Все это время недовольство на Дону только разгоралось, о чем своему уже бывшему начальнику продолжал писать в доверительных письмах А.М. Дондуков-Корсаков. Князь жаловался, что пыгается успокоить брожение между казаками, но с переменным успехом. Он признавал, что участвовал в обсуждении правительственной политики, однако, якобы не разжигая страсти, но, напротив, пытаясь успокоить казаков такими, например, словами: «Пусть доверие Ваше к Государю послужит Вам лучшим ручательством, что правительство имеет в виду одно благо Ваше» (Volvenko, 2015a: 28). И 11 сентября уже отставной атаман написал своему бывшему подчиненному письмо, выдержанное уже в совершенно ином тоне, чем предыдущее. Мы приведем его с незначительными сокращениями.

«Ваше сиятельство, князь Александр Михайлович. Получил Ваше письмо от 31 августа. Благодарю Вас за Ваши сведения, воображая о всех полках и рассуждениях в Черкасске и во всей войске, что весьма натурально; *предстоит огромный переворот* (курсив наш – Авт.), который не был бы чувствителен, если бы Вас, как уже подготовленного и знающего хорошо все дела, оставили на месте; но здесь еще ни на что не решаются. Ваш батюшка, которого я видел в Новгороде, Вам, верно, обо всем писал, дай Бог, чтобы все уладилось на счастье войска. Вами многие есть весьма довольны и многие недовольны, но мы оба можем быть спокойны, оба стремились к добру войска и вели все дела рука об руку, дружно и любовно, мы служили верою и правдою, Бог видит наши действия, а людям предоставим судить, как кому угодно, сознаю только, что Вы были самым лучшим моим помощником, благодарить Вас не смею, благодарность в Вашей совести, уверен, что Вы, как рыцарь службы, поведете все дела войска, как христианин и как верный слуга Царя и Отечества.

Мое место предлагали Виктору Васильевичу Васильчикову, но он отказался, теперь еще ходят в недоразумении.

<...>.

Мих. Хомутов. 11 сентября 1862 г» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 19-20 об.).

В этом письме также хотелось бы акцентировать внимание на нескольких моментах. Как уже было отмечено выше, кардинально изменился тон – от прежнего благодушия ничего не осталось, скорее, его можно назвать взволнованным. Кажется, только теперь М.Г. Хомутов осознал, что происходит, хотя с написания его прошлого письма не прошло и месяца, теперь он признавал, что предстоящие реформы не просто принесут донскому казачеству «коренные изменения», но произойдет «огромный переворот». Исчезли и утверждения о том, что реформы эти повлекут за собой только хорошее и донским казакам не о чем волноваться. Напротив, хотя он и надеялся на то, что переворот удастся провести незаметно, надежды эти были связаны с личностью самого А.М. Дондукова-Корсакова, который мог бы, пользуясь своим знанием Дона, сделать этот переворот «нечувствительным». Учитывая дальнейший текст, с явной попыткой убедить «лучшего помощника», чтобы он действовал, как «верный слуга Царя и Отечества», письмо М.Г. Хомутова можно трактовать как совет несостоявшемуся преемнику отказаться от попыток фрондерства и максимально использовать свой авторитет для успокоения Дона.

Любопытно и заявление М.Г. Хомутова о том, что «здесь еще ни на что не решаются». Очевидно, что отношения А.М. Дондукова-Корсакова с Д.А. Милютиным испортились уже давно, вероятно, после критики князем политики министра в его «Записке о Войске Донском». Однако у начальника штаба Донского войска были и влиятельные покровители. В частности, его близким другом был А.Е. Тимашев, бывший управляющий Третьим отделением и будущий министр внутренних дел (Volvenko, 2015a: 22-23). В 1870 гг. конфликты этого чиновника с Д.А. Милютиным будут носить регулярный характер (Peretyatko, 2016: 450). При этом нужно понимать, что, хотя формально Земля Войска Донского подчинялась военному министру, фактически высшие чины донской администрации назначались не только по его воле: в частности, управлявший Доном в конце 1860 гг. А.П. Потапов был ставленником другого противника Д.А. Милютина, шефа жандармов В.А. Долгорукова (Volvenko, 2017: 113-114). И то, что А.М. Дондуковым-Корсаковым в начале осени

1862 г. «многие были весьма довольны и многие недовольны» нужно понимать именно в этом контексте. Хотя к этому моменту было принято решение не делать его атаманом, однако было не ясно, будет ли он удален с Дона или сохранит пост начальника штаба Войска Донского. И в этих условиях отказ от фронды и успокоение донских казаков до прибытия нового атамана действительно могли существенно упрочить позиции князя.

Разумеется, М.Г. Хомутов преследовал данным письмом и свои цели, но мы бы не назвали их эгоистичными. Незадолго до этого, 6 сентября, он написал письмо на Дон другому корреспонденту, упомянутому выше инженеру В.А. Панаеву, человеку, не принадлежащему к его ближайшему кругу из-за «огромной разницы лет и положений» (Панаев, 1902: 540). Приведем характерный отрывок из этого письма: «Я в такой борьбе чувств, благодарности и огорчения, что никак не могу прийти в себя. На Дону я так свыкся с людьми, делами и местами и даже воздухом – и вдруг одна высокая царская милость, за которую не нахожу слов благодарности, прервала всю нить моей жизни, которую старался посвятить на счастье вверенного мне края. <...>. Не беру на себя вас благодарить за все вами сделанное. Эта благодарность будет свыше; но считаю себя счастливым, что нашел в вас друга по душе, на которого во всем и всегда могу положиться» (Панаев, 1902: 540). Судя по всему, после выхода на почетную пенсию, которой, по сути, было членство в Государственном совете, старый генерал отправлял письма схожего содержания всем симпатичным ему сослуживцам по Дону, благодаря их за службу и давая определенные советы. Вероятно, М.Г. Хомутов надеялся на сохранение этих связей и то, что они помогут ему немного принимать участие в жизни ставшего ему почти родным края. При этом, если в комплиментах бывшего атамана А.М. Дондукову-Корсакову и можно было заподозрить лесть, то мотивов для лести простому инженеру В.А. Панаеву у влиятельного чиновника не было. Поэтому мы полагаем, что М.Г. Хомутов писал все эти комплименты от души, может быть, немного преувеличивая, чтобы сделать приятно своим корреспондентам.

Действительно, молодой и талантливый А.М. Дондуков-Корсаков, на 11 сентября 1862 г. все еще управлявший донским краем в ранге исполняющего обязанности атамана, при том, что атамана так и не было назначено, мог рассматриваться М.Г. Хомутовым как настоящий преемник, человек, который будет продолжать его дело в беспокойном регионе и сумеет, с учетом своего опыта и авторитета, направить активность простых казаков и Военного министерства в нужном для края русле. Несмотря на имевшие место в прошлом конфликты, как мы показали выше, к 1862 г. старый атаман смирился с утратой влияния и постарался построить если не хорошие, то хотя бы удовлетворительные отношения со своим начальником штаба. И после ухода на почетную пенсию, получив очередное доверительное письмо о ситуации на Дону от А.М. Дондукова-Корсакова, М.Г. Хомутов, очевидно, верил, что их конфликты остались в прошлом, князь, вопреки собственным убеждениям, пытается успокоить эту ситуацию и, несмотря на определенную склонность к интригам, он осознал свои ошибки и в будущем направит свой талант на благо Российской империи и донского казачества (тем более, что ошибки эти на тот момент сводились в глазах старого генерала к написанию «Записки о Войске Донском», а это никак нельзя было назвать серьезным преступлением).

Однако надеждам М.Г. Хомутова не суждено было сбыться. Следующее из интересующих нас писем было написано 2 октября и в очередной раз демонстрировало резкую смену тона.

«Ваше сиятельство, князь Александр Михайлович. Вы знаете, как я войско уважаю и как к нему привязан душою; всегда ему желал и буду желать добра и благоденствия до последней минуты моей жизни; и потому не могу без душевной скорби слышать, что все наши умы встревожены программой Министра, которая касается не одного Войска Донского и относится ко всем казачьим войскам, стоит только прочесть письмо Министра на мое имя, при котором приложена программа, и всякий убедится, что правительство предполагает расширить свободу казачьих войск, сохранив их состав как один из верных оплотов Государства. Правительство ни к чему не принуждает, а дало полную свободу каждому войску из всех одних только предположений выбрать по своему составу, по своему быту и по своей местности только то, что служит благосостоянию края, а наш благородный Министр, могу Вас уверить, и не думает приступать к каким-нибудь переменам. Обо всех обдуманых предположениях самим войском, которые верно будут сообразны узаконениям, не откажет ходатайствовать у Его Императорского Величества, в доказательство сего все предложения Комитета (речь идет о Донском кодификационном комитете – Авт.), которые я сюда привез, уже в ходу: уменьшение срока службы, об увеличении торгового общества с распространением прав, об учреждении ремесленного класса. Разве это не относится к усилению гражданского быта казаков и не совпадает с программой?»

Не знаю, можно ли дать более свободы? Комитету предоставлено выбирать из программы то, что найдет хорошим, Комитету представлено приглашать к своему суждению опытных людей, знающих хорошо быт казачий, суждения Комитета не есть тайна, он гласный, этим вырабатываются общие мнения, которыми Комитет и должен руководствоваться; следовательно, все зависит от войска. Признаюсь Вам, не понимаю, отчего возникло брожение умов, отчего родилась мысль, что для войска готовятся новые вредные законоположения и что для Дона настало критическое время, грустный отголосок ни на чем не основан. Но я уверен, что благомыслящие Донцы заспокоятся, вникнув в

сущность дела, при мысли, что Царь высоко их ценит за верную и усердную службу Отечеству и Престолу, итак, да благословит и вразумит Господь Бог всех и каждого.

Примите уверения в совершеннейшем моем почтении и преданности.

Мих. Хомутов. 2 октября 1862 г. Санкт-Петербург» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 28-29 об.).

Легко заметить, что это третье, последнее, письмо одновременно и развивало послылы предыдущих, и кардинально отличалось от них. Как и в письме от 24 августа, М.Г. Хомутов доказывал, что возмущение казаков из-за предстоящих реформ ни на чем не основано; как и в письме от 11 сентября, он намекал А.М. Дондукову-Корсакову на бесперспективность фронды. Однако на сей раз бывший атаман позволил себе высказываться резко, почти агрессивно. Хотя он и не обвинял князя прямо в распространении провокационных слухов, старый генерал, судя по некоторым оборотам, давал ему понять, что в сложившейся на Дону ситуации есть и его вина («наш благородный Министр, *могу Вас уверить*, и не думает приступить к каким-нибудь переменам»; «да благословит и вразумит Господь Бог всех и каждого» (курсив наш – Авт.). Своеобразная доверительность, характерная для прежних писем М.Г. Хомутова А.М. Дондукову-Корсакову, тоже пропала: на сей раз опытный чиновник не делал комплиментов своему молодому коллеге и не советовал ему выступать с теми или иными заявлениями, но резко и почти обвинительно высказывал свою позицию («не могу без душевной скорби слышать, что все наши умы встревожены программой Министра»). Характерно, что вскоре после этого письма переписка между сослуживцами прекратилась (по крайней мере, в фонде А.М. Дондукова-Корсакова в РГИА нет писем М.Г. Хомутова за 1863 г.), зато в письмах бывшего атамана к В.А. Панаеву с 1863 г. начнут проскальзывать такие фразы: «Грустно слышать все, что у вас происходит: смешение языков, что наделал один ядовитый язык»; «Что сделалось с Черкасском, не понимаю, каких-нибудь десять пустых голов, руководимые одним потаенным влиянием, мутят все общество, и как не найдутся благоразумные люди (которые там есть), которые бы не остановили такое фальшивое и вредное направление» (Панаев, 1902: 545-546). Даже если под «ядовитым языком» М.Г. Хомутов и не имел в виду А.М. Дондукова-Корсакова, очевидно, что с точки зрения старого генерала князь, авторитетный в донском обществе и занимающий высокий пост, должен был решительно прекратить ропот в Новочеркасске и станицах, когда он достиг опасной точки и Военное министерство начало опасаться бунта казаков.

Приведенное письмо любопытно и с той точки зрения, что, проведя некоторое время в Санкт-Петербурге, в среде высшего чиновничества, М.Г. Хомутов снова перестал опасаться негативных последствий предстоящих реформ для Донского войска. Но если 24 августа он писал о незначительности этих реформ, то 2 октября генерал, уже признавая их важность, описывал ожидаемые от них благие результаты в полном соответствии с официальной риторикой Военного министерства. При помощи схожих оборотов чиновник Управления иррегулярных войск И.Д. Попко в своих журнальных публикациях (выходивших под псевдонимом «Есаул») подчеркивал, что предстоящие реформы разрабатываются на местах, что их основой будут предложения комиссий, составленных из самих казаков, и, следовательно, эти реформы нельзя рассматривать как навязанные сверху (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.). В данном случае нас интересует даже не то, соответствовала ли такая риторика действительности (на самом деле, нет), результаты работ, например Донского кодификационного комитета, были отвергнуты на том основании, что они оказались «проникнуты духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве» (Милютин, 2005: 184-185), но то, что М.Г. Хомутов явно попал под влияние этой риторики и транслировал в своем письме официальную позицию «нашего благородного Министра». Можно полагать, что и в других вопросах он попал под влияние Д.А. Милютина, однозначно считавшего А.М. Дондукова-Корсакова виновником беспорядков на Дону и писавшего об этом в своих воспоминаниях следующим образом: «Начальник штаба вместо разъяснения настоящих целей нововведений, вместо содействия приведению их в исполнение, сам громче всех порицал получаемые из Петербурга распоряжения и возбуждал между казаками превратные толки о воображаемых намерениях правительства вести к уничтожению казачества» (Милютин, 1999: 376-377). Нам остается только задать вопрос, для ответа на который понадобятся новые архивные изыскания: не под влиянием ли военного министра в письмах М.Г. Хомутова в 1863 г. появляются упоминания о «ядовитом языке», возмущавшем Дон, а переписка старого генерала с А.М. Дондуковым-Корсаковым прекращается?

4. Заключение

Подведем итог вышеизложенному. Судя по всему, мемуаристы и историки сильно преувеличивали как степень вражды между М.Г. Хомутовым и А.М. Дондуковым-Корсаковым до октября 1862 г., так и значение конфликта между атаманом и начальником штаба Донского войска для истории «бунта на Дону». И этому есть вполне очевидное объяснение. Два мемуариста, описывавшие отношения этих государственных деятелей наиболее подробно, А.А. Карасев и В.А. Панаев, принадлежали к числу сторонников А.М. Дондукова-Корсакова и М.Г. Хомутова соответственно. Еще А.А. Волвенко отмечал, что позиция одного из них была далека от беспристрастности: А.А. Карасев явно пытался снять со своего покровителя обвинение в

антиправительственных интригах (Volvenko, 2015a: 31), поскольку именно они летом–осенью 1862 г. стали причиной итогового падения князя, и А.А. Карасеву было выгодно представить дело так, что на самом деле никаких интриг не было, а были происки М.Г. Хомутова, который, пользуясь личным присутствием в Санкт-Петербурге, оклеветал своего подчиненного. В.А. Панаев, напротив, обвинял А.М. Дондукова-Корсакова в подстрекательстве казаков к бунту, к которому, однако, он якобы смог открыто перейти только после отъезда М.Г. Хомутова. Однако и тут мемуаристу было выгодно защитить уважаемого им атамана от обвинений в пассивности по отношению к действиям А.М. Дондукова-Корсакова.

Письма самого М.Г. Хомутова рисуют перед нами совершенно иную картину. Судя по ним, к лету 1862 г. отношения атамана и начальника штаба стали если не теплыми, то вполне рабочими: так, уже после своего ухода на должность члена Государственного совета М.Г. Хомутов написал А.М. Дондукову-Корсакову самое комплементарное письмо и дважды призывал его «быть верным слугой Царя и Отечества» и «вразумиться», то есть прекратить фронду. Что еще важнее, о слухах на Дону, согласно которым правительство готовило для казачества уничтожающие его реформы, атаман узнал только в августе, а в полной мере оценил их масштаб и опасность, видимо, только в октябре, уже после ухода с должности. М.Г. Хомутов вообще проявлял редкостное непонимание ситуации, тем более странное, что в историю Дона он вошел как талантливый «практический деятель: все в том же августе старый генерал, несмотря на полученный им проект радикальных реформ казачьих войск, надеялся, что «особенно коренных изменений не будет». Все это заставляет предположить, что к этому времени М.Г. Хомутов если не отошел от дел де-факто, то по крайней мере, предполагая свою скорую отставку и зная о поддержке А.М. Дондукова-Корсакова в Санкт-Петербурге (причем поддержке за пределами Военного министерства), не пытался противодействовать инициативам князя и вникать в долгосрочные проекты. На наш взгляд, именно этим и объяснялся успех антиправительственных настроений на Дону к лету 1862 г.: атаман о них не знал, а его начальник штаба, если и не распространял антиправительственные слухи лично, то по крайней мере не препятствовал их распространению (в частности, публикация оппозиционных курсу Военного министерства статей стала обычным делом в «Донских войсковых ведомостях» (Volvenko, 2015b: 94-107).

Таким образом, если не считать письма М.Г. Хомутова дьявольской игрой, призванной обмануть А.М. Дондукова-Корсакова, то выходит, что и в августе, и в сентябре 1862 г. атаман верил своему подчиненному и считал, что причиной слухов в станицах были не действия князя, а «присланные сообщения». Более того, он одобрял и разговоры А.М. Дондукова-Корсакова с казаками о правительственном курсе («можете всех уверить, что особенно коренных изменений не будет»). Даже в письме от 11 сентября М.Г. Хомутов еще надеялся, что начальника штаба Войска Донского оставят в должности, поскольку это позволит сделать реформы менее чувствительными, благодаря его подготовке и знаниям.

О реальном противостоянии М.Г. Хомутова и А.М. Дондукова-Корсакова можно говорить только с октября 1862 г., когда бывший атаман послал князю действительно резкое письмо. Однако и его можно трактовать как последнюю попытку остановить пуск и провинившегося, но не совсем безнадежного человека, которого меньше месяца назад бывший атаман характеризовал как «лучшего своего помощника». Да и переписка между М.Г. Хомутовым и А.М. Дондуковым-Корсаковым продолжалась еще несколько месяцев, хотя служебными отношениями они больше не были связаны, а выпады против «ядовитого языка» появятся в письмах бывшего атамана В.А. Панаеву только в 1863 г. При этом о какой-то самостоятельной позиции М.Г. Хомутова не приходится говорить и в это время: он, очевидно попав под влияние настроенного против А.М. Дондукова-Корсакова Д.А. Милютин, только транслировал позицию «нашего благородного Министра», всячески подчеркивая благодетельность предстоящих реформ.

Таким образом, роль как лично М.Г. Хомутова, так и его противостояния с А.М. Дондуковым-Корсаковым в событиях «бунта на Дону» выглядит крайне незначительной. Старый атаман, очевидно, почти не сдерживал своего начальника штаба в его оппозиционной активности; с другой стороны, едва ли падение А.М. Дондукова-Корсакова имеет смысл связывать с интригами его бывшего начальника, который до октября 1862 г., когда это падение было уже предопределено, относился к нему относительно доброжелательно. Скорее наоборот, старого атамана есть смысл рассматривать как абсолютно пассивную фигуру, а «бунт на Дону» воспринимать как противостояние А.М. Дондукова-Корсакова и лично Д.А. Милютин. В этом противостоянии М.Г. Хомутов вообще изначально поддерживал своего начальника штаба, хотя и пытался повлиять на него, убедив принять правительственную политику («примите только область войска»; «Вы, как рыцарь службы, поведете все дела войска, как христианин и как верный слуга Царя и Отечества»). Только к 1863 г. он окончательно перешел на сторону Д.А. Милютин, о чем свидетельствуют материалы из фонда военного министра в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Volvenko, 2015a: 30). Однако к этому времени уже давно было принято окончательное решение о удалении А.М. Дондукова-Корсакова с Дона, а «бунт на Дону» вскоре фактически прекратился, оставшись без своего главного идеолога.

Литература

- Волвенко, 2006** – Волвенко А.А. Нереализованный проект Положения о Войске Донском // *Научная мысль Кавказа*. 2006. № 1. С. 20-24.
- Волвенко, 2017** – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Карасев, 1896** – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // *Русский архив*. 1896. Кн. 12. С. 569-591.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*. 1899. Кн. 2. С. 106-116.
- Карасев, 1900** – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // *Исторический вестник*. 1900. № 80. С. 167-174.
- Милютин, 1999** – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М., 1999. 559 с.
- Милютин, 2005** – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005. 696 с.
- Номикосов, 1884** – Номикосов С.Ф. Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- Панаев, 1902** – Панаев В.А. Воспоминания В.А. Панаева // *Русская старина*. 1902. Т. 112. С. 521-547.
- Панаев, 1903** – Панаев В.А. Воспоминания В.А. Панаева // *Русская старина*. 1903. Т. 113. С. 149-164.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сватиков, 1924** – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
- Peretyatko, 2016** – Peretyatko A.Y. Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 448-456.
- Volvenko, 2015a** – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 13. Is. 1. Pp. 19-37.
- Volvenko, 2015b** – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 14. Is. 2. Pp. 94-107.

References

- GAPO** – State archive of the Rostov region (GAPO).
- Karasev, 1896** – Karasev A.A. (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [The note by the Prince A. M. Dondukov-Korsakov about Don Host Oblast]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. Pp. 569-591. [in Russian]
- Karasev, 1899** – Karasev A.A. (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv*. Vol. 5. Pp. 106-116. [in Russian]
- Karasev, 1900** – Karasev A.A. (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in the 1862-1863]. *Istoricheskii vestnik*. №. 80. Pp. 167-174. [in Russian]
- Miljutin, 1999** – Miljutin D.A. (1999). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860-1862]. М. P. 559. [in Russian]
- Miljutin, 2005** – Miljutin D.A. (2005). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1865-1867]. М. P. 696. [in Russian]
- Nomikosov, 1884** – Nomikosov S.F. (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 774. [in Russian]
- Panaev, 1902** – Panaev V.A. (1902). Vospominaniya V.A. Panaeva [Memories of V.A. Panayev]. *Russkaya starina*. Vol. 112. Pp. 521-547. [in Russian]
- Panaev, 1903** – Panaev V.A. (1903). Vospominaniya V.A. Panaeva [Memories of V.A. Panayev]. *Russkaya starina*. Vol. 113. Pp. 149-164. [in Russian]
- Peretyatko, 2016** – Peretyatko A.Y. (2016). Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2. Pp. 448-456.
- RGIA** – Russian state historical archive (RGIA).
- Svatikov, 1924** – Svatikov S.G. (1924). Rossiya i Don (1549–1917 gg.) [Russia and the Don (1549–1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]
- Volvenko, 2006** – Volvenko A.A. (2006). Nerealizovanniy proekt Polozheniya o voiske Donskom [Unrealized project of "Regulati Nerealizovanniy proekt Polozheniya o voiske Donskom ons of the Don Host"]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. №1. Pp. 20-24. [in Russian]
- Volvenko, 2015a** – Volvenko A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. Vol.13. Is. 1. Pp. 19-37.
- Volvenko, 2015b** – Volvenko A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. Vol. 14. Is. 2. Pp. 94-107.

Volvenko, 2017 – *Volvenko A.A. (2017). Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. P. 226. [in Russian]*

К истории «бунта на Дону» в 1862–1863 гг.: переписка донского атамана М.Г. Хомутова с его начальником штаба

Артем Юрьевич Перетяцько ^{a, b, *}

^a Международным сетевым центром фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена последнему крупному возмущению донского казачества в дореволюционный период, в 1862–1863 гг. Немногочисленные историки, обращавшиеся к этому сюжету, считали его важнейшей предпосылкой противостояния М.Г. Хомутова и А.М. Дондукова-Корсакова. Однако письма донского атамана к своему начальнику штаба, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, рисуют совершенно иную картину. Из них следует, что к 1862 г. М.Г. Хомутов плохо ориентировался в сложившейся ситуации и доброжелательно относился к А.М. Дондукову-Корсакову. Атаман знал о недовольстве в станицах, но не связывал его с антиправительственной пропагандой своего начальника штаба. Напротив, он надеялся, что тот, благодаря своему авторитету, сумеет успокоить волнуемое казачество. Только через несколько месяцев после ухода с должности, под влиянием военного министра Д.А. Милютина, атаман изменил свое мнение. Эти факты свидетельствуют о необходимости более подробного исследования данной темы и о несоответствии действительности принятой в историографии трактовки событий, основанной на воспоминаниях близкого к А.М. Дондукову-Корсакову А.А. Карасева.

Ключевые слова: реакция казаков на реформы 1860 гг., донское казачество, М.Г. Хомутов, А.М. Дондуков-Корсаков, Д.А. Милютин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяцько)

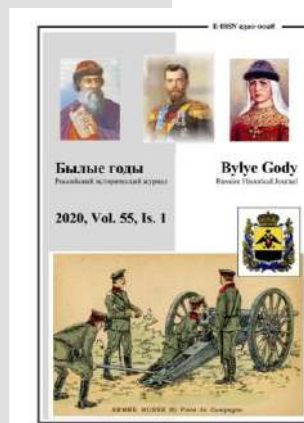
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 162-172. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.162
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Role of the Ministry of Justice in Improvement of Judicial System of National Suburbs Russian Empire (end of XIX century – 1914)

Michael B. Averin ^{a, *}, Pavel V. Nikitin ^a, Anna V. Popova ^b

^aAll-Russia state University of justice of the Ministry of justice of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^bFinancial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The study of the activities of the Central Department of justice of the Russian Empire to improve the judicial system of the national suburbs allows you to get a more detailed idea of the relationship of the General Imperial legal norms with various local legal provisions, to trace the adaptation of national judicial institutions to local conditions. In addition, the article aims to identify essential principles the outskirts of the judicial policy of the authorities, as well as the influence of local conditions on their adjustment in the implementation process in these regions, therefore, generalization of experience of application of advanced legal institutions in difficult conditions in the periphery of Imperial territory is the subject of this article. In the study the authors come to the conclusion that the General policy of the government in the process of modernization of the Russian Empire in the national outskirts of the period under review was the desire to unify local institutions, including the judiciary, with national institutions. However, the Ministry of justice, responsible for the administration of justice almost throughout the Empire, had to take into account all the expected consequences in carrying out judicial reforms and addressing the identified shortcomings of the judicial system in the national suburbs.

Keywords: Ministry of justice, judicial reform, national suburbs, law of judicial administration, people's courts, gminas courts, Sharia courts, judicial proceedings, justices of the peace.

1. Введение

Введение в действие прогрессивных Судебных уставов 1864 г. из-за территориальной протяженности Российской империи продолжалось вплоть до 1899 г. Столь длительный временной период был обусловлен необходимостью подбора кадров для работы в судебных учреждениях, отвечающих новым высоким требованиям, значительными финансовыми затратами, а также существенными различиями в социально-экономических и политических условиях на местах. К подобным территориям Российской империи в период с конца XIX в., когда закончился процесс введения Судебных уставов и активизировалась унификация управления в ее национальных окраинах, и до начала I мировой войны, затормозившей правительственные реформы, следует отнести Царство Польское, Туркестанское, Степное, Приамурское и Иркутское генерал-губернаторства, а также Кавказский край и Великое княжество Финляндское, которое, несмотря на

* Corresponding author

E-mail addresses: averin.mb@yandex.ru (M.B. Averin), nikitinP2007@yandex.ru (P.V. Nikitin), anna0710@yandex.ru (A.V. Popova)

наличие обособленной судебной системы, в данный период становится предметом пристального внимания Министерства юстиции.

Административное управление национальных окраин Российской империи как отдельных территорий, имевших свои этнические, национальные особенности, осуществлялось до второй половины XIX в. генерал-губернаторами и наместниками, которые, получив широкие административные полномочия, стали олицетворением начавшегося процесса децентрализации имперского управления. Исходя из данного законоположения, на территории генерал-губернаторств центральные министерства и ведомства были вынуждены считаться с властью генерал-губернаторов и наместников.

Осуществление судебной реформы на территории национальных окраин происходило при активном участии Министерства юстиции Российской империи (далее по тексту – Министерство юстиции), которое, будучи ответственным за работу новых судебных учреждений, при возникающей необходимости обязывалось разрабатывать меры по ее совершенствованию. Однако, в отличие от центральных губерний России, в национальных регионах Министерство юстиции сталкивалось с местными особенностями, обычаями и влиятельной администрацией данных территорий.

2. Материалы и методы

2.1. Источниками для написания статьи послужили юридические документы, вошедшие в содержание Свода законов Российской империи, Особые журналы Совета министров Российской империи (1907–1913 гг.), фонды Российского государственного исторического архива; документы Государственного Совета и Особого совещания (1902–1913 гг.) материалы газеты «Право» (1901–1914 гг.); а также научные публикации российских исследователей.

2.2. Для достижения поставленных авторами задач широко использовались историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования. Деятельность Министерства юстиции рассматривается в рамках общего правительственного курса, а также в тесной взаимосвязи с быстро изменяющимися социальными и политическими условиями Российской империи и национальных окраин. Важное значение имеет сопоставление правительственных мер, предпринимаемых в отдельных национальных регионах, с общими принципами правительственной политики в сфере судостроительства, а также выявление местных особенностей при проведении преобразований.

3. Обсуждение

Современные авторы в значительной мере повторяют обоснованное утверждение ученых об отрицании при проведении судебной реформы в национальных окраинах Российской империи наиболее демократических принципов судостроительства, что определялось колониальным характером проводимой там политики (Немытина и др., 2017; Нестеренко, 2011). Соответственно роль Министерства юстиции, важнейшего проводника подобного политического курса, становится очевидной. Однако подобная справедливая общая оценка требует уточнений. Так, при проведении судебной реформы в Восточной Сибири именно министр юстиции Н.В. Муравьев отстаивал введение отдельных демократических принципов. Политическое и социально-экономическое положение на данной территории позволяло безболезненно для властей создать стройную судебную систему.

Сохранение у кавказских горцев народного суда, основанного на нормах шариата и адатов, было вынужденной мерой со стороны имперского правительства. Это консервировало традиционный уклад горцев, что негативно сказывалось на развитии данной территории (Нестеренко, 2011: 235). Следует отметить крайне осторожное отношение имперских властей в целом, и Министерства юстиции в частности, при проведении судебной реформы в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, в особенности, если ее практическое осуществление могло привести к существенным изменениям в местном правовом укладе, выраженном, в том числе, и в организации народных судов (Анисимова, 2013: 13-105).

Объективные трудности предопределили непоследовательность при проведении судебной реформы в национальных окраинах. Местные условия и этническая пестрота сделали отступления от передовых принципов Судебных уставов практически неизбежными. Сохранение особенных местных судебных установлений нарушало принцип равенства перед судом, но даже такая, в урезанном виде, реформа способствовала повышению правовой культуры населения национальных окраин (Краковский, 2014: 26-27).

Оценка результатов судебной реформы 1864 г. в части определения особенностей ее проведения на окраинах Российской империи, таким образом, требует дальнейшего изучения механизма принятия решений по вопросам корректировки организации местного судостроительства, планам таких преобразований, а также взаимодействия центральных властей с местной администрацией. Важно, на наш взгляд, продолжить изучение деятельности Министерства юстиции Российской империи как важнейшего и наиболее заинтересованного участника событий в рамках общего имперского курса унификации и в непростых местных условиях.

4. Результаты

1 июля 1876 г. произошло введение в действие Судебных уставов 1864 г. в Царстве Польском. Политическое положение в крае и интересы имперского правительства предопределили важные отступления от демократических принципов судебной реформы. В донесениях, объявляемых на заседаниях Комитета по делам Царства Польского, прямо отмечалось, что население Царства Польского враждебно относится вообще ко всем русским и в целом к системе управления Российской империи (РГИА. Ф. 37. Оп. 7. Д. 393. Л. 12). Поэтому временно власти отказались от введения суда присяжных, не были учреждены советы присяжных поверенных, не применялся и принцип несменяемости судей. Мировые суды открывались исключительно в городах, мировые судьи не избирались населением, а назначались правительством. В сельской местности действовали всесословные гминные суды, совмещавшие функции мирового и волостного судов. Гминные суды избирались местными землевладельцами, включая мелких. Это обеспечивало преимущество для лояльных к центральной власти крестьян.

Министерство юстиции получило здесь, как и в остальных российских губерниях, право судебного управления (Свод законов, 1892: 43-46). Последнее предполагало выявление и устранение недостатков в работе вновь созданных судебных учреждений, а также внесение корректировок в их организацию по мере обнаружения недостатков. Так, загруженность старыми гражданскими делами Второго временного гражданского департамента Варшавской судебной палаты вынудили министра юстиции Д.Н. Набокова в 1878 г. вступить в переписку с Министерством финансов по поводу создания постоянного Второго гражданского департамента данной судебной палаты, министр ходатайствовал и об усилении состава ее уголовных департаментов. По причине тяжелого финансового положения страны министр получил отказ.

В марте 1880 г. повторное ходатайство Министерства юстиции получило поддержку министра финансов С.А. Грейга, а соответствующий законопроект был внесен на рассмотрение Государственного совета (Проект, 1880: 1-6). При сравнении компетенций гминных и мировых судов можно увидеть значительное сокращение первых, что и привело к крайней загруженности окружных судов. Поэтому по инициативе Министерства юстиции в Государственном совете был рассмотрен проект закона, а в мае 1882 г. император принял решение об увеличении компетенций местных судов – гминных и мировых (ПСЗРИ–III. Т. II. 1886).

Выступавший в качестве политической комбинации гминный суд требовал повышенного внимания варшавского генерал-губернатора и центральных властей. Проходившие одновременно по всему краю выборы гминных судей и заседателей (лавников) приводили к временным затруднениям в работе судов с обновленным составом на всей территории Варшавского округа. Варшавский генерал-губернатор, старший председатель Варшавской судебной палаты и министр внутренних дел предложили разделить каждый уезд на три части, где бы ежегодно по очереди, установленной губернаторами, проводились выборы. Однако по предложению министра юстиции, отмечавшего, что в каждом отдельном гминном округе в таком случае состав суда оказался бы полностью обновленным и без необходимого опыта, этот принцип был существенно изменен. Министр предложил разделить все гминные округа на три очереди для проведения выборов, а лавники отдельных судов должны были замещаться постепенно (Представление в Гос. Совет, 1882b: 13-14), данное предложение министра и получило одобрение императора (ПСЗРИ–III. Т. II. 1886b).

Другой особенностью организации судебной системы Царства Польского (Польши) было сохранение особой Прокуратурии (т.е. прокуратуры, помимо прокурорских чинов, состоявших при судах по Судебным уставам 1864 г.) – коллегиального органа, защищавшего имущественные интересы казны и общественных учреждений в суде, созданного еще в 1816 г. под председательством генерального прокурора. По первоначальному проекту введения Судебных уставов в крае Прокуратурия подлежала упразднению, ее функции переходили к заинтересованным государственным учреждениям. Однако сложная местная правовая система вынудила отказаться от ликвидации Прокуратурии, подчинив ее временно прокурору Варшавской судебной палаты, и предложить план ее преобразования. Министр юстиции Д.Н. Набоков в представлении от 6 февраля 1880 г. поддержал предложенный прокурором Варшавской судебной палаты проект, предусматривающий отмену коллегиальной организации Прокуратурии, а также ее подчинение непосредственно министру юстиции. По мнению Набокова, особенное местное гражданское законодательство, плохое знакомство с ним чиновников местных ведомств делали упразднение Прокуратурии преждевременным (РГИА. Ф. 560. Оп. 35. Д. 235. Л. 1-19).

В 1913 г. при рассмотрении в Совете министров вопроса о передаче Прокуратурии Царства Польского в ведомство Министерства финансов меньшинство членов специальной межведомственной комиссии высказалось, учитывая изменения в местном законодательстве, за упразднение Прокуратурии. Однако защита проекта, повторявшего в своих основных чертах преобразования, предложенные Д.Н. Набоковым, с заменой лишь заинтересованного ведомства, председателем правительства В.Н. Коковцевым привела к решению Совета министров о внесении законопроекта в Государственную Думу (Особые журналы, 1913: 296-299).

В 1894 г. в целях изменения Судебных уставов была создана специальная комиссия под руководством нового деятельного министра юстиции Н.В. Муравьева. Отдел комиссии по разработке местных судебных учреждений возглавил товарищ министра юстиции И.Л. Горемыкин. Значительное число положений проектов, разработанных комиссией при Министерстве юстиции, носили охранительный характер. Среди прочего получило поддержку предложение (с некоторыми изменениями) прежнего министра юстиции Д.Н. Набокова ([Представление в Гос. Совет, 1882а: 1-11](#)) о создании должности почетных мировых судей в г. Варшаве из местных жителей, назначаемых министром юстиции. Прежде предложение не получило одобрения крайне консервативного варшавского генерал-губернатора И.В. Гурко, а впоследствии министр юстиции В.А. Манассеин, находившийся под сильным влиянием правого крыла правительства, прекратил переписку по данному вопросу. Также в комиссии рассматривался вопрос об открытии в Царстве Польском совета присяжных поверенных.

Члены комиссии обсуждали возможность введения в национальных окраинах (включая Польшу и Кавказский край) присяжных заседателей особого состава ([Доклад, 1900: 8, 48](#)). Для Царства Польского, где суд присяжных не вводился, даже этот, в общем-то усеченный вариант суда присяжных носил бы прогрессивный характер. Законопроекты, предложенные комиссией, были внесены в Государственный совет и на предварительное рассмотрение Особого совещания под председательством И.Л. Горемыкина, учрежденного 9 июня 1904 г.

Социально-политическая напряженность накануне Первой русской революции вынудили императора издать указ от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», предусматривающего пересмотр наименее демократических положений законодательства ([ПСЗРИ—III. Т. XXIV. 1904: 196-198](#)). В апреле–мае 1905 г. в Комитете министров состоялось обсуждение применения пунктов указа в отношении Царства Польского. Обсуждение изменений в судостроительстве опиралось на выводы вышеуказанных комиссии и Особого совещания. Рассматривался и вопрос о распространении на местное судостроительство суда присяжных с присяжными заседателями особого состава. Такая мера была признана преждевременной. Министру юстиции было поручено, по соглашению с председателем Особого совещания И.Л. Горемыкиным, разработать законопроекты об учреждении совета присяжных поверенных и почетных мировых судей в Царстве Польском. Последние меры оказали бы, по мнению Комитета министров, благотворное влияние на местную общественную жизнь ([Право, 1905: 1921](#)). Однако данные мероприятия, как и планируемые изменения Судебных уставов, так и не получили дальнейшего развития.

Выделение из состава польских земель Холмской губернии потребовало деятельного участия центрального ведомства юстиции. На заседании Особого совещания, образованного 14 марта 1902 г., министр юстиции Н.В. Муравьев занял прагматическую позицию. Он, осторожно выразив сочувствие «русскому делу» в Холмской Руси, отметил, что пока в Холмской губернии будут действовать польские законы, регулирующие частноправовые отношения, суды новой губернии должны относиться к подсудности Варшавской судебной палаты. Выделение данной губернии из состава Царства Польского было бы сопряжено со значительными затруднениями ([Журнал, 1902: 6](#)). Данная позиция соответствовала взглядам на вопрос и других членов Особого совещания, состоявшего из высших сановников Российской империи.

Окончание Первой русской революции позволило имперскому правительству – Совету министров – вновь вернуться к вопросу выделения восточных частей Царства Польского. В ходе заседания правительства, где было принято решение о выделении данных земель в состав отдельной административной единицы, министр юстиции И.Г. Шегловитов отметил неудобство простого присоединения польских земель к прилегающим Гродненской и Волынской губерниям. Он повторил в целом доводы Н.В. Муравьева об особенностях местной правовой системы и возможных затруднениях при судопроизводстве. Министр подчеркивал необходимость создания судебных учреждений ([Особые журналы, 1907: 31](#)). Замечания И.Г. Шегловитова соответствовали мнению ряда должностных лиц об административных трудностях при выделении из Варшавского генерал-губернаторства Холмской Руси. Помимо того, министр юстиции защищал правильный порядок правосудия в крае, а также интересы своего ведомства, избавляя его от излишних хлопот, которые неизбежно могли возникнуть при осуществлении этого политического проекта.

При обсуждении подготовленного Министерством внутренних дел законопроекта о выделении Холмской губернии в Совете министров в январе 1909 г. И.Г. Шегловитов вновь попытался отстоять сохранение в новой губернии прежних судебных порядков и подчинение местных судебных установлений Варшавской судебной палате. Он привел справедливые доводы об интересах единообразного разрешения гражданских дел, подчеркнул наличие многочисленных особенностей местного судостроительства. Однако по политическим соображениям Совет министров настоял на подчинении новой губернии в судебном отношении Киевской судебной палате. Министру юстиции удалось отстоять лишь сохранение, с некоторыми изменениями, действующих в данной местности судостроительства и судопроизводства ([Особые журналы, 1909: 38-39](#)). Сговорчивость по данному вопросу Совета министров объясняется невозможностью с технической стороны быстро осуществить изменение местного законодательства на территории планируемой губернии.

Суды Великого княжества Финляндского не находились в ведомстве имперского Министерства юстиции, которое лишь осуществляло роль посредника между российскими властями различного уровня и финляндскими учреждениями по юридическим вопросам. В конце 1890-х гг. в отношении Финляндии начинает проводиться политика, направленная на ограничение автономии. Местное судоустройство, а также проекты его реформирования, подготовленные действующей с 1892 г. специальной комиссией из финляндских законоведов, вызывали недовольство сторонников унификации финляндского управления с общегосударственной системой. Новый финляндский министр статс-секретарь В.К. Плеве в заключении на проект судоустройства, подготовленной комиссией Н.В. Муравьева, отметил желательность установить непосредственные отношения между судебными установлениями империи и Великого княжества с использованием русского языка без обязательного посредничества министра юстиции (*Отзыв, 1900: 1*). Более радикальное предложение было сделано финляндским генерал-губернатором Н.И. Бобриковым. Он предлагал ввести в княжестве общегосударственные Судебные уставы (*Бобриков, 1902: 258*). Подобные предложения не были осуществлены, а Министерство юстиции Российской империи не входило в ряды наиболее радикальных сторонников быстрого преобразования судоустройства национальных окраин.

Спад революционного движения в 1907 г. преопределил возобновление курса на объединение государственно-правовой системы Финляндии с общегосударственным строем, что и было ознаменовано созданием специального закона, содержащего список вопросов, по которым могли приниматься законодательные акты в общегосударственном порядке имперскими учреждениями. Министр юстиции И.Г. Щегловитов выступил с критикой включения в список «уголовных законов и служебной ответственности должностных лиц в Финляндии» и «основных начал судоустройства и судопроизводства». Он отметил крайне обобщенный характер формулировки данных положений, позволяющий их широко трактовать. Однако какие-либо широкие изменения в судебной сфере княжества, по мнению министра, могут быть лишь делом отдаленного будущего. На данный момент следует ограничиться более конкретными мерами, не изменяя коренным образом вековой строй судебной организации края. Прежде всего требуется четко разграничить пространство действия уголовных законов, кроме того, определиться с подсудностью и порядком судопроизводства по государственным и политическим преступлениям, а также служебным проступкам должностных лиц местной администрации и судов (*Особые журналы, 1910: 113-114*). Совет министров не согласился с мнением министра юстиции, мотивируя свою позицию тем, что данные положения, охватывая широкую область законодательства, рассчитаны на действие в будущем, а потому не могут исчерпываться исключительно предложениями министра. В дальнейшем деятельность Министерства юстиции в отношении судоустройства Финляндии предопределялась основными положениями вышеуказанного закона.

В письме от 12 мая 1912 г. председателю Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского Н.Н. Корево Министерство юстиции сообщало, что в разработке ведомства находятся два законопроекта, которые, надо отметить, так и не получили законодательного оформления. Первый – о совершении в Финляндии государственных преступлений, совершенных по политическим соображениям, с установлением наказуемости по данным преступлениям по имперскому Уголовному уложению и в имперских судебных учреждениях. Второй – о порядке следствия и суда по преступлениям, совершенным в Финляндии жителями прочих частей Российской империи и в империи финляндскими уроженцами. Кроме того, ведомство работало над проектом закона о подсудности должностных преступлений чиновников Петербургско-Белоостровского участка Финляндской железной дороги (*Сведения, 1913: 1*).

В 1913 г. Министерство юстиции дает заключение на законопроект о выделении из состава Выборгской губернии Великого княжества двух уездов. В отзыве отмечались трудности, которые могут возникнуть в области осуществления там судопроизводства. Сам проект министру юстиции представлялся сырым и требующим доработки (*Право, 1913: 1710*). Позиция Министерства юстиции по правовой и судебной унификации Финляндии с остальными частями империи носила осторожный и прагматический характер. Министерство поддерживало меры, необходимые для охраны порядка, но выступало против мероприятий, направленных на широкое распространение общегосударственного законодательства на территорию данной окраины, понимая практические трудности таких преобразований и нежелательные последствия для населения, социальной стабильности, а также интересов судебной системы и самого Министерства юстиции.

В 1867 г. Судебные уставы с некоторыми изъятиями начали действовать на территории Кавказского наместничества. В 1898 г. по инициативе Министерства юстиции в Закавказье и Царстве Польском был введен ранее не действовавший там по политическим соображениям институт несменяемости судей. Проект судебных преобразований, разработанный комиссией Муравьева, в 1901 г. в силу закона поступил на отзыв главноначальствующему гражданской частью на Кавказе. Последний для предварительного обсуждения проекта созвал комиссию под председательством И.В. Мицкевича. Замечания комиссии по большей части носили критический характер. Так, члены комиссии высказались против введения упрощенного производства уголовных дел, часть членов высказалась против введения на Кавказе суда присяжных особого состава, который, замедляя

судопроизводство, выполнял бы чисто декоративные функции, реально не решая задачи привлечения населения к осуществлению правосудия (Право, 1901: 1263). В совете главноначальствующего гражданской частью выводы комиссии Мицкевича получили одобрение: суд присяжных общего состава на Кавказе вводить преждевременно, а его суррогат в виде суда с особым составом присяжных не даст нужного эффекта. Проблема кавказского судостроительства, таким образом, заключалась, по мнению представителей местной администрации, не в мнимых недостатках судебной организации, а в чрезмерной загруженности судебных чиновников, что было характерно для всей империи.

Трудности создавала политика имперских властей, включая судебную сферу и Министерство юстиции, сложившаяся на рубеже веков, преимущественного назначения на судебные должности чиновников, приехавших из центра. Они не знали местных условий и языков, им было трудно установить контакт с местным населением, что в итоге создавало кадровый голод. Чиновники неохотно ехали служить на Кавказ (Право, 1902: 662-664). В 1907 г. крайне активный кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков внес в Совет министров предложения об улучшении управления краем. В судебной сфере наместник считал необходимым ввести суд присяжных в качестве низшей инстанции, упразднив сельские суды, – мировой суд, с участием выборных представителей от местного населения, а также сохранить в местностях с военно-народным управлением народный суд. Однако он не считал необходимым сохранять последний под подчинением представителя администрации. На заседании правительства отмечалось, что одной из целей проектируемых судебных реформ является унификация судебных учреждений. Временно управляющий Министерством юстиции М.Ф. Люце высказался против участия выборных представителей в мировом суде, а также присяжных, мотивируя это недостаточным развитием местного населения. Сохранение же народного суда расходилось с планами переустройства Министерства юстиции, но не вызвало возражений Совета министров (Особые журналы, 1907: 496-497).

Унификация управления, правильное судостроительство и судопроизводство становятся ориентирами для реформирования судов в национальных окраинах. Однако условия окраин, мнение представителей местной администрации, прагматические соображения и осторожность чинов центрального аппарата Министерства юстиции заставляли постоянно корректировать любые проекты преобразований в сторону сокращения наиболее радикальных положений, а также учета местных особенностей. Для изучения состояния местного суда на Кавказе сенатором Н.М. Рейнке было предпринято специальное исследование. Подготовленный им в 1912 г. по поручению министра юстиции проект переустройства судебной власти для горского населения сочетал в себе предложения кавказского наместника и Министерства юстиции. По проекту народные суды упразднялись. Однако заинтересованные стороны могли обратиться в третейский суд, состоявший из мирового судьи и двух выборных членов из местного населения. Шариатские дела рассматривались бы кадием с утверждением решения по делу мировым судьей. Должны были быть приняты меры, направленные на ознакомление русских чиновников с нормами шариата. Особое совещание под председательством товарища министра юстиции А.Н. Веревкина в 1914 г. еще раз выступило против народного суда и сохранения местного обычного права – адата (Право, 1914: 536). Однако проектируемые изменения в судостроительстве, носившие компромиссный характер, не получили законодательного одобрения.

В самом конце XIX в. Судебные уставы были введены на территории Туркестанского и Степного генерал-губернаторств. Сохранение в Туркестанском крае народных судов (выборных кадиев или казиев) с широкими полномочиями, применявших адат и шариат, стало предметом обсуждения и постоянной критики со стороны имперских властей. Однако реалии данных окраин и здесь заставили правительство действовать с разумной осторожностью. Лучшее из существующего положение охарактеризовал министр юстиции Н.В. Муравьев в 1898 г., отметив при подготовке судебной реформы в Средней Азии необходимость «внедрения» новых судебных установлений в силу того, что они могут оказать духовно-воспитательное влияние на местное население, а также стать причиной последующего уменьшения власти существующих в данной местности судов шариата. Установление централизованной системы судопроизводства на территориях, народы которых исповедуют ислам, кроме того, должно служить постепенному сближению местных адатов, норм мусульманского права и принципов судопроизводства, установленного, прежде всего, в центральных губерниях, и быть основой для формирования общественного правосознания и единой системы государственности на всей территории Российской империи (Туркестан, 2016: 244).

Слабое представление о местных условиях заставило Министерство юстиции в 1907 г. высказаться против поспешной выработки нового Туркестанского положения, а проект упразднения народного суда, выработанный в 1913 г. администрацией Туркестанского генерал-губернаторства, не получил дальнейшего движения. В июле 1897 г. была создана Иркутская судебная палата, с открытием которой вся территория Сибири и Приморской области была охвачена действием Судебных уставов 1864 г. Здесь перед Министерством юстиции стояла задача по укреплению местных судебных учреждений, чиновники которых имели дополнительные полномочия в целях экономии финансовых средств (Курас, 2016: 158).

При обсуждении в Совете министров в 1909 г. вопроса об образовании Камчатской области министр юстиции решительно высказался против организации выездных сессий Владивостокского окружного суда. По его мнению, с финансовой и практической точки зрения существовала необходимость создания в Петропавловске самостоятельного окружного суда. Совет министров поручил министру юстиции подготовить соответствующий законопроект.

Российская экспансия в Маньчжурии и строительство Китайской Восточной железной дороги потребовали организации там судебных учреждений. В этих целях указом Правительствующему сенату от 20 июля 1901 г. в полосе отчуждения железной дороги назначались мировые судьи. Сам указ опубликованию не подлежал (Порт-Артур, 2018: 298-300). Для удобства русских чиновников гражданские дела, подсудные окружным судам, С.Ю. Витте предлагал рассматривать на выездных сессиях последних. В письме от 5 июня 1902 г. министр юстиции Н.В. Муравьев отметил, что данное предложение противоречит существующей практике. Выездные сессии окружных судов рассматривают уголовные дела. В гражданском судопроизводстве подобная практика не применяется. Однако в случае крайней необходимости Министерство готово пойти на следующую схему: гражданские дела рассматриваются без образования особой сессии на выездной сессии по уголовным делам, а также лишь при условии согласия обеих тяжущихся сторон (Порт-Артур, 2018: 302-303). Всеподданнейший доклад министра юстиции с данным предложением был утвержден императором 2 июля 1902 г.

5. Заключение

Общий политический курс правительства в рамках процесса модернизации Российской империи в отношении национальных окраин рассматриваемого периода заключался в желании по возможности унифицировать местные учреждения, включая судебные, с общегосударственными институтами. Однако Министерство юстиции, ответственное за отправление правосудия практически на всей территории империи, вынуждено было учитывать все предполагаемые последствия при проведении судебных преобразований и устранении выявленных недостатков судостроительства в национальных окраинах. Осложняло работу данного министерства наличие в рассматриваемых регионах генерал-губернаторов и кавказского наместника (с 1905 г.). Министерство было вынуждено согласовывать свою позицию с последними, учитывать точку зрения высших органов власти, не забывая о необходимости поддерживать эффективность отправления правосудия. Проблемой было и то, что, например, позиция туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова по отношению к народным судам в корне отличалась от мнения кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова. Относительно слабое знание местных условий чинами Министерства юстиции, таким образом, не могло компенсироваться авторитетным мнением представителей местной администрации, также не имевших необходимых знаний и единой позиции. Все это заставляло Министерство юстиции, самих министров, и прежде всего Н.В. Муравьева и И.Г. Щегловитова, занимать взвешенную позицию, при этом руководствуясь правительственным курсом на унификацию судостроительства империи. Они крайне осторожно подходили к проектированию любого рода изменений на территории национальных окраин, что в дальнейшем могло привести к установлению новой системы государственного управления.

Литература

Анисимова, 2013 – Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу преобразования традиционной судебной системы Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства в конце XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/1(80/1). С. 102-105.

Бобриков, 1902 – Бобриков Н.А. Всеподданнейшая записка финляндского генерал-губернатора. 1898–1902. СПб.: Гос. тип., 1902. 268 с.

Доклад, 1900 – Всеподданнейший доклад управляющего Министерством юстиции, тайного советника Муравьева о пересмотре законоположений по судебной части // Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Сенат. тип., 1900. 63 с.

Журнал, 1902 – Журнал высочайше учрежденного в 14-й день марта 1902 г. Особого совещания по вопросу об образовании Холмской губернии 26 марта 1902 г. Историческая записка о Холмской Руси и г. Холме, о судьбах Унии в Холмском крае и современном положении в нем униатского вопроса. Записка по делу об образовании Холмской губернии: С прил. СПб.: Б. и., 1902. 61 с.

Краковский, 2014 – Краковский К.П. Проведение судебной реформы в России (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 4. С. 18-30.

Курас, 2016 – Курас Т.Л. Иркутская судебная палата: история создания и общая характеристика (1897 г. – февраль 1917 г.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2016. Т. 16. С. 151-161.

Немытина и др., 2017 – *Немытина М.В., Ефремова Н.Н., Михеева Ц.Ц.* Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду // *Былые годы*. 2017. Т. 46. № 4. С. 1416-1432.

Нестеренко, 2011 – *Нестеренко Л.С.* Особенности реализации судебной реформы 1864 г. на территории Северного Кавказа // *Пробелы в российском законодательстве*. 2011. № 5. С. 233-236.

Особые журналы, 1907 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1907 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 863 с.

Особые журналы, 1909 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1909 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 600 с.

Особые журналы, 1910 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1910 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 496 с.

Особые журналы, 1913 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1913 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 552 с.

Отзыв, 1900 – Отзыв министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского от 10 августа 1900 года за № 871 «О проектах новой редакции учреждений судебных установлений и уставов уголовного и гражданского судопроизводства». СПб.: Б. и., 1900. 10 с.

Порт-Артур, 2018 – Порт-Артур и Дальний, 1894–1904: последний колониальный проект Российской империи: Сб. док-тов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. 520 с.

Право, 1901 – Право. Еженедельная юридическая газета. 1901. № 26. СПб.: Тип. «Общественная Польза». 1901.

Право, 1902 – Право. Еженедельная юридическая газета. 1902. № 13. СПб.: Тип. «Общественная Польза». 1902.

Право, 1905 – Право. Еженедельная юридическая газета. 1905. № 27. СПб.: Тип. «Общественная Польза». 1905.

Право, 1913 – Право. Еженедельная юридическая газета. 1913. № 28. СПб.: Тип. «Общественная Польза». 1913.

Право, 1914 – Право. Еженедельная юридическая газета. 1914. № 7. СПб.: Тип. «Общественная Польза». 1914.

Представление в Гос. Совет, 1882a – О введении в гор. Варшаве учреждения почетных мировых судей: [Представление в Гос. совет]. СПб.: Б. и., 1882. 19 с.

Представление в Гос. Совет, 1882b – О порядке выборов на должности гминных судей и лавников: [Представление в Гос. совет] СПб.: Б. и., 1882. 15 с.

Проект, 1880 – Проект дополнительного штата «Об усилении состава Варшавской судебной палаты». СПб.: Б. и., 1880. 7 с.

Проект, 1900 – Проект новой редакции Учреждения судебных установлений. Т. 5. Ч. 4: Объяснение к проекту учреждения особенных судебных установлений. СПб.: Сенат. тип., 1900. 286 с.

ПСЗРИ–III. Т. II. 1886a – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]: [В 33-х т.]. Т. II. № 891. СПб.: Гос. тип., 1886. С. 215-216.

ПСЗРИ–III. Т. II. 1886b – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]: [В 33-х т.]. Т. II. № 860. СПб.: Гос. тип., 1886. С. 197-198.

ПСЗРИ–III. Т. XXIV. 1904 – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]: [В 33-х т.]. Том XXIV. [В 2-х отд-ниях]. Отд-ние 1 (67). № 25495. СПб.: Гос. тип., 1907. С. 1196-1198.

РГИА. Ф. 37. Оп. 7. Д. 393 – Российский государственный исторический архив. Фонд 37. Опись 7. Дело 393.

РГИА. Ф. 560. Оп. 35. Д. 238 – Российский государственный исторический архив. Фонд 560. Опись 35. Дело 238.

Сведения, 1912 – Сведения о вопросах, касающихся Великого княжества Финляндского и еще не разрешенных окончательно в производстве различных ведомств. СПб.: Гос. тип., 1913. 43 с.

Свод законов, 1892 – Свод законов Российской Империи: [издание 1876–1917 гг.]. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд. Собств. е. и. в. канцелярии; Изд-во 1892. Т. XVI. Ч. I. Кн. II. [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/238/682.html> (дата обращения 15.11.2019).

Туркестан, 2016 – Туркестан в имперской политике России: Монография в документах / Б.М. Бабаджанов, Т.В. Котюкова (отв. ред.), О.А. Махмудов, С.Н. Абашин. М.: Кучково поле, 2016. 878 с.

References

Anisimova, 2013 – *Anisimova I. V.* (2013) Pozitsii tsentral'nykh i regional'nykh vlastei po voprosu preobrazovaniya traditsionnoi sudebnoi sistemy Turkestantskogo kraia i Stepnogo general-gubernatorstva v

kontse XIX v. [Positions of the Central and regional authorities on the transformation of the traditional judicial system of the Turkestan region and the Steppe Governor-General at the end of the XIX century] *Izvestiya Altay state University*. No. 4/1 (80/1), pp. 102-105. [in Russian]

Bobrikov, 1902 – *Bobrikov N.A.* (1902). Vsepoddanneishaya zapiska finlyandskogo general-gubernatora. 1898-1902 [The most sincere note of the Finnish Governor-General. 1898–1902]. St. Petersburg: State type. 268 p. [in Russian]

Krakowski, 2014 – *Krakowski K.P.* (2014) Provedenie sudebnoi reformy v Rossii (posvyashchaetsya 150-letiyu sudebnoi reformy 1864 g.) [Judicial reform in Russia (dedicated to the 150th anniversary of the judicial reform in 1864)] *North Caucasian legal Bulletin*. No. 4, pp. 18-30. [in Russian]

Kuras, 2016 – *Kuras T.L.* (2016). Irkutskaya sudebnaya palata: istoriya sozdaniya i obshchaya kharakteristika (1897 g. – fevral' 1917 g.) [Irkutsk judicial chamber: the history of creation and General characteristics (1897-February 1917)]. *Izvestiya Irkutsk state University*. Ser. «History», T. 16, pp. 151-161. [in Russian]

Nemytina et al., 2017 – *Nemytina M.V., Efremova N.N., Mikheeva T.S.* (2017). Evolyutsiya sudebnoi sistemy Rossiiskoi imperii: ot soslovnogo k vsesoslovnomu sudu [Evolution of the judicial system of the Russian Empire: from class to all-genealogical court]. *Bylye godu*, T. 46, No. 4, pp. 1416-1432. [in Russian]

Nesterenko, 2011 – *Nesterenko L.S.* (2011). Osobennosti realizatsii sudebnoi reformy 1864 g. na territorii Severnogo Kavkaza [Features of the implementation of the judicial reform of 1864 in the North Caucasus]. *Gaps in Russian legislation*. No. 5, pp. 233-236. [in Russian]

Osobyе zhurnaly, 1907 – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. / 1907 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917 years / 1907] / Feder. archive. Agency, ROS. state East. archive, ed. comp., auth. no. and now. B. D. Halperin. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2011. 863 p. [in Russian]

Osobyе zhurnaly, 1909 – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. / 1909 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917 / 1909] / Feder. archive. Agency, ROS. state East. archive, ed. comp., auth. no. and now. B. D. Halperin. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2000. 600 p. [in Russian]

Osobyе zhurnaly, 1910 – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. / 1910 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917 / 1910] / Feder. archive. Agency, ROS. state East. archive, ed. comp., auth. no. and now. B. D. Halperin. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2001. 496 p. [in Russian]

Osobyе zhurnaly, 1911 – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg./1911 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917 / 1911] / Feder. archive. Agency, ROS. state East. archive, ed. comp., auth. no. and now. B. D. Halperin. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2002. 592 p. [in Russian]

Osobyе zhurnaly, 1913 – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. / 1913 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917/1913] .Feder. archive. Agency, ROS. state East. archive, ed. comp., auth. no. and now. B. D. Halperin. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2005. 552 p. [in Russian]

Otzyv, 1900 – Otzyv ministra stats-sekretarya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo ot 10 avgusta 1900 goda za № 871 «O proektakh novoi redaktsii uchrezhdenii sudebnykh ustanovlenii i ustavov ugolovno go i grazhdanskogo sudoproizvodstva» [Return of the Minister of state-Secretary of the Grand Duchy of Finland dated August 10, 1900 for No. 871 "On the projects of the new edition of judicial institutions and statutes of criminal and civil proceedings"]. St. Petersburg: B. I., 1900. 10 p. [in Russian]

Port-Artur, 2018 – Port-Artur i Dal'nii, 1894–1904: poslednii kolonial'nyi proekt Rossiiskoi imperii [Port Arthur and the far, 1894-1904: the last colonial project of the Russian Empire]: collection of documents / Introduction and comments by I. V. Lukoyanov, D. B. Pavlov]. Moscow; St. Petersburg: CGI-Print, 2018. 520 p. [in Russian]

Pravo, 1901 – Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta. [Law. Weekly legal newspaper] 1901, No. 26., St. Petersburg : Printing House "Public Benefit". 1901. [in Russian]

Pravo, 1902 – Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta. [Law. Weekly legal newspaper]. 1902, No. 13, St. Petersburg: Printing House "Public Benefit". 1902. [in Russian]

Pravo, 1905 – Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta. [Law. Weekly legal newspaper] 1905, No. 27, St. Petersburg: Printing House "Public Benefit". 1905. [in Russian]

Pravo, 1913 – Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta. [Law. Weekly legal newspaper] 1913, No. 28, St. Petersburg: Printing House "Public Benefit". 1913. [in Russian]

Pravo, 1914 – Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta. [Law. Weekly legal newspaper] 1914, No. 7, St. Petersburg: Printing House "Public Benefit". 1914. [in Russian]

Predstavlenie v Gos. Sovet, 1882a – O vvedenii v gor. Varshave uchrezhdeniya pochetykh mirovykh sudei: [Predstavlenie v Gos. sovet] [On introduction to the mountains. Warsaw institutions of honorary justices of the peace: [Submission to the State Council]. St. Petersburg: B. I., 1882. 19 p. [in Russian]

Predstavlenie v Gos. Sovet, 1882b – O poryadke vyborov na dolzhnosti gminnykh sudei i lavnikov: [Predstavlenie v Gos. sovet] [On the procedure for elections to the positions of gminny judges and officials: [Submission to the State Council]. St. Petersburg: B. I., 1882. 15 pp. Without tit. L. and region. [in Russian]

Proekt, 1880 – Proekt dopolnitel'nogo shtata «Ob usilenii sostava Varshavskoi sudebnoi palaty» [Project of additional staff "on strengthening the composition of the Warsaw court chamber"] / M-in YUST. DEP. Otd-nie legislator. 11 APR. 1880 St. Petersburg. St. Petersburg: B. I., 1880. 7 p. [in Russian]

Proekt, 1900 – Proekt novoi redaktsii Uchrezhdeniya sudebnykh ustanovlenii [Draft of the new edition Of the institution of judicial institutions] / Vys. no. Comis. to revise the legal provisions of the law. parts. Vol. 5. Part 4: Explanation to the draft establishment of special judicial institutions. St. Petersburg: Senate. type., 1900. 286 p. [in Russian]

PSZRI-III. T. XXIV. 1904 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 3-e : [C 1 marta 1881 goda po 1913 god] : [V 33-kh t.]. Tom XXIV. [V 2-kh otd-niyakh]. Otd-nie 1 (67). № 25495 [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3rd : [from March 1, 1881 to 1913]: [in 33 vols.]. Volume XXIV. [In 2 parts]. Rev. 1(67). No. 25495] St. Petersburg: State printing house, 1907. Pp. 1196-1198. [in Russian]

PSZRI-III. Vol. 1886a – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 3-e : [C 1 marta 1881 goda po 1913 god] : [V 33-kh t.]. T. II. № 891 [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3rd : [from March 1, 1881 to 1913]: [in 33 vols.]. Vol. No. 891]. St. Petersburg: State printing house, 1886. Pp. 215-216. [in Russian]

PSZRI-III. Vol. 1886b – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 3-e : [C 1 marta 1881 goda po 1913 god] : [V 33-kh t.]. T. II. № 860 [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3rd : [from March 1, 1881 to 1913]: [in 33 vols.]. Vol. No. 860] St. Petersburg: State printing house, 1886. Pp. 197-198. [in Russian]

RGIA. F. 37 – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. [Russian state historical archive]. The Fund 37. Inventory . Case 393. [in Russian]

RGIA. F. 560 – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. [Russian state historical archive]. Fund 560. Inventory 35. Case 238. [in Russian]

Svedeniya, 1912 – Svedeniya o voprosakh kasayushchikhsya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo i eshche nerazreshennykh okonchatel'no v proizvodstve razlichnykh vedomstv [Reference on questions concerning the Grand Duchy of Finland and still unresolved finally in production of various departments] St. Petersburg: State printing house, 1913. 43 pp. [in Russian]

Svod zakonov, 1892 – Svod zakonov Rossiiskoi Imperii [Code of laws of the Russian Empire]: [edition 1876-1917]. St. Petersburg: Type. Second ed. Own. E. I. V. Chancery; Ed 1892. T. XVI. CH. II. Special institutions of judicial institutions St. Petersburg: Type. Second ed. Own. E. I. V. Chancery; Ed 1892. [Electronic resource]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/238/682.html> (accessed 15.11.2019). [in Russian]

Turkestan, 2016 – Turkestan v imperskoi politike Rossii [Turkestan in the Imperial policy of Russia]: monograph in documents. [B.M. Babajanov, T. V. Kotyukova (Rev. ed.), O. A. Mahmudov, S. N. Abashin] Moscow: Kuchkovo field, 2016. 878 p. [in Russian]

Vsepoddanneishi, 1900 – Vsepoddanneishii doklad upravlyayushchego ministerstvom yustitsii, tainogo sovetnika Murav'eva o peresmotre zakonopolozhenii po sudebnoi chasti [Vsepoddanneishy report of the Manager of the Ministry of justice, the privy Councilor Muravyov about revision of legal provisions on judicial part] The most High established Commission for revision of legal provisions on judicial part. Explanatory note to the draft of the new edition of the institution of judicial institutions. Vol. 5. Part 4. St. Petersburg: Senate printing house, 1900. 63 p. [in Russian]

Zhurnal, 1902 – Zhurnal vysochaishe uchrezhden'nogo v 14-i den' marta 1902 g. Osobogo soveshchaniya po voprosu ob obrazovanii Kholm'skoi gubernii 26 marta 1902 g. Istoricheskaya zapiska o Kholm'skoi Rusi i g. Kholme, o sud'bakh Unii v Kholm'skom krae i sovremennom polozhenii v nem uniatskogo voprosa. Zapiska po delu ob obrazovanii Kholm'skoi gubernii [Journal of the most high established on the 14th day of March 1902 Special meeting on the formation of the Kholm province on March 26, 1902. Historical note about Kholm Russia and the city of Kholm, about the fate of the Union in the Kholm region and the current situation in it of the Uniate question. Note on the case of the formation of the Kholm province: with ADJ]. SPb.: B. I., 1902. 61 p. [in Russian]

Роль Министерства юстиции в совершенствовании судоустройства национальных окраин Российской империи (конец XIX в. – 1914 г.)

Михаил Борисович Аверин ^{a,*}, Павел Владиславович Никитин ^a, Анна Владиславовна Попова ^b

^a Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Изучение деятельности центрального ведомства юстиции Российской империи по совершенствованию судоустройства национальных окраин позволяет получить более детальное представление о соотношении общих имперских правовых норм с различными местными правовыми положениями, проследить адаптацию общегосударственных судебных институтов к местным условиям. Кроме того, в статье ставится цель выявить важнейшие принципы окраинной судебной политики властей, а также влияние местных условий на их корректировку в процессе осуществления в данных регионах, в силу чего обобщение опыта применения передовых правовых институтов в сложных условиях периферии имперской территории является предметом данной статьи. В результате проведенного исследования ее авторы приходят к выводу, что общий политический курс правительства в рамках процесса модернизации Российской империи в отношении национальных окраин рассматриваемого периода заключался в желании по возможности унифицировать местные учреждения, включая судебные, с общегосударственными институтами. Однако Министерство юстиции, ответственное за отправление правосудия практически на всей территории империи, вынуждено было учитывать все предполагаемые последствия при проведении судебных преобразований и устранении выявленных недостатков судоустройства в национальных окраинах.

Ключевые слова: Министерство юстиции, судебная реформа, национальные окраины, право судебного управления, народные суды, гминные суды, суды шариата, судопроизводства, мировые судьи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: averin.mb@yandex.ru (М.Б. Аверин),
nikitinP2007@yandex.ru (П.В. Никитин), anna0710@yandex.ru (А.В. Попова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 173-187. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.173
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Genesis of Wooden Architecture in Yeniseisk in the Context of the Catastrophic Town Fire in 1869

Zakhar Yu. Zharnikov ^{a, *}, Vladimir S. Myglan ^a, Maya O. Sidorova ^b,
Larisa A. Abolina ^c

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA Larisa, Russian Federation

^c Scientific Production Association «Archaeological Designing and Surveys», Russian Federation

Abstract

The article is about the consequences of the fire in 1869 in Yeniseisk (Krasnoyarsk Territory) basis on a comprehensive study of wooden buildings (70 monuments of wooden architecture) via historical, historical-architectural and dendrochronological methods. A paired analysis of various sources showed that: officially dates in passports and electronic databases are scattered and inaccurate; the dendrochronology method allowed us to date buildings before and after fire planning of Yeniseisk. As a result, four construction periods of wooden architecture were found: 1) "pre-fire" - I quarter. XIX century. (8 % of buildings) – five-wall small houses and six-walls on a high glazed basement under the hip roof with elements of folk architecture and classicism; 2) "post-fire" 70-80 years of XIX century. (54 % of buildings) - high eclectic houses often on a stone basement with a glazed loggia, a truss hip roof with a gable pediment on the edge of the house, large windows with brightly decorated platbands; 3) the end of XIX (22 % of buildings) - generally administrative buildings and fairly democratic two-story houses with glazed edges, the decor is less bright; 4) the first quarter of the XXth century (16 % of the buildings) – single-storeyed mansions with elegant sawn decoration of the cornice and trims. Thus, the obtained unique information allowed us to understand the nature of planning before and after the fire of Yeniseisk. The results of the article will be useful to historians, cultural scientists, architects, archaeologists, as well as anyone interested in the history of Siberia and the city of Yeniseisk.

Keywords: Siberia, Yeniseisk, historical wooden buildings, dendrochronology, city fire, verification.

1. Введение

В настоящее время г. Енисейск – единственный населенный пункт Красноярского края, имеющий официальный статус исторического поселения. Интерес к вехам его истории, учитывая переход 400-летнего рубежа со дня основания Енисейского острога, достаточно высок. Одним из наиболее интересных и противоречивых событий для города является пожар 1869 г. В результате трагедии, сравнимой с огненным штормом после Кантайского землетрясения 1923 г. (уничтожившего «Старый Токио»), в г. Енисейске сгорела или пострадала большая часть зданий. В последующие годы город активно восстанавливался и преображался, однако уже в конце XIX в. в силу экономических причин (исчерпания золоторудных запасов, строительства Транссибирской магистрали и др.) он превратился в заурядное сибирское поселение. Развитие г. Енисейска практически прекратилось, законсервировалась его историко-архитектурная среда, сохранившись до нашего времени.

Сегодня на территории города расположено более двухсот архитектурных объектов культурного наследия, треть из которых – памятники деревянного зодчества. Однако в связи с отсутствием

* Corresponding author

E-mail addresses: zaxari@yandex.ru (Z.Yu. Zharnikov)

достаточной источниковой базы до сих пор вопрос о времени их возведения остается дискуссионным. Исходя из условности данных о времени их возведения, остается неопределенным – являются ли эти сооружения результатом послепожарного восстановления города, или же часть из них относится к допожарному периоду. Без ответа на этот вопрос картина отстройки города в 1870–1890 гг. приобретает крайне условные очертания.

Для решения данной проблемы было проведено сопоставление архитектурно-планировочных датировок сохранившихся построек с независимой информацией, полученной в ходе исторического и дендрохронологического анализов. Примененный в статье методический подход позволил во многом определить роль пожара 1869 г. в градостроительной истории Енисейска.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы

Для оценки влияния пожара 1869 г. на современный облик г. Енисейска были проанализированы следующие блоки информации:

1) *Опубликованные исторические материалы*, которые условно разделены на четыре группы: а) *летописи* (данные Краткой летописи Кытманова (Кытманов, 2016); б) *историческая литература и публицистика* (Гибель Енисейска, 1870; Аболина, Федоров, 2016; Малахов, 1870 и др.); в) *архитектурно-исторические описания памятников*, основанные на паспортах объектов культурного наследия и электронных ресурсах (Карта г. Енисейска (далее ЭБД); Памятники архитектуры Енисейска).

2) *Иллюстративные материалы* (исторические фотографии, гравюры, рисунки), на которых был запечатлен г. Енисейск до, во время и после пожара 1869 года (Чагин, 2017; Енисейск на рубеже веков, 2015; Гибель Енисейска 1870 и др.); фотографии зданий, подвергнутых дендрохронологическому анализу.

3) Данные *натурного осмотра* (in situ) по 70 объектам деревянного зодчества XIX в. г. Енисейска.

4) *Данные дендрохронологического анализа* результатов календарной датировки материалов с 54 памятников деревянного зодчества, выполненных в г. Енисейске «Сибирской дендрохронологической лабораторией» Сибирского федерального университета.

2.2. Методы

Методической основой работы стал комплексный подход, интегрирующий методы гуманитарных и естественных наук (Гевель и др., 2016).

Исторический анализ письменных источников, фотодокументов и иллюстраций выполнен общепринятыми историко-сравнительным, историко-типологическим и историко-системным методами (Ковальченко, 2003; Медушевская, 2010; Зайцева, 2006), основанными на принципах историзма, объективности, системности, униформизма (Степанищев, 2009). Полученная информация могла позволить провести локализацию, установить масштаб и последствия пожара 1869 г.

Архитектурно-планировочный анализ (Гельфельд, 1992; Майничева, 2014 и др.) проводился с целью оценки данных списка объектов культурного наследия на основании натурного осмотра, фотофиксации и архитектурно-планировочной оценки. Определялась исходная выборка памятников для дальнейшего исследования, и выделялись их характерные особенности (хронологические реперы).

Дендрохронологический анализ – естественнонаучный метод, активно применяемый в последнее время для надежной датировки объектов культурного наследия Сибири (Жарников, Мыглан, 2013; Сидорова и др., 2017 и др.). Отбор образцов осуществлялся с участков стен и перекрытий, которые имели наилучшую сохранность (отсутствовали следы подтеки и гниения, сохранился подкорковый слой). Использование бура для сухой древесины позволило минимизировать ущерб для внешнего вида строений.

Камеральная обработка, измерения и перекрестная датировка полученных материалов были осуществлены по стандартной методике (Баринев и др., 2016).

На заключительном этапе работы был осуществлен комплексный анализ собранной информации путем верификации исторических, архитектурно-планировочных и дендрохронологических данных.

3. Обсуждение

История сибирских городов еще с XVII в. неразрывно связана с пожарами, существенно влиявшими на их социально-экономическое развитие. В условиях деревянной застройки пожары систематически случались в каждом населенном пункте раз в несколько десятилетий или даже лет. Последствия катастроф могли быть различными. С одной стороны, городище могло окончательно запустеть, как это произошло в 1662 г. с крупным сибирским центром Мангазейей после пожаров 1619 и 1642 гг. и смещения активной фазы освоения Сибири на восток (Белов, 1969). С другой стороны, как было подмечено Г.Ф. Миллером, «уже давно замечено на Руси, что пожары обычно способствовали улучшению внешнего вида городов, так как возобновлявшиеся после них постройки возводились

лучше прежних» (Миллер, 2005: 87). Так, г. Тара, уничтоженный пожаром 1669 г., был полностью восстановлен и до конца первой четверти XVIII в. играл ведущую роль в своем регионе (Тарская мозаика, 1994: 22). Подобное развитие отмечено и в Тюмени, которая после пожара «была лучше отстроена и снова получила деревянный острог, какой имела и раньше, то, что русские называют «рубленным городом»» (Миллер, 2005: 87).

Учитывая масштаб последствий сибирских пожаров, для уменьшения их частоты и интенсивности в XVIII–XIX вв. в городах стали реализовываться «регулярные» государственные планы. В результате поселения полностью изменяли свой облик в пользу рациональной поквартальной застройки, что должно было повысить их пожарную безопасность. Однако, как показала практика, города по-прежнему продолжали выгорать, а поскольку население росло, масштаб последствий лишь увеличился (Омск – 1819, Красноярск – 1881, Иркутск – 1879) и др.

В конце XVIII в. г. Енисейск был перестроен согласно регулярному плану. Здания разместили по квартальной системе, приближенной к прямоугольникам, застраивая кварталы по периметру (Царев, Можайцева, 2005: 30–33). Однако это не уберегло город от пожара 1869 г. В нашем распоряжении имеется несколько достаточно подробных описаний этого события (Кытманов, 2016: 450–462), одно из них – на электронном ресурсе: <https://drive.google.com/open?id=1H3zJuBalf5-gEavFM54ViE9l5NUYo4bV>

Исходя из наличия детальной информации о пожаре, в дальнейшем наиболее острым (дискуссионным) в научных исследованиях стал вопрос последующего (послепожарного) восстановления архитектурной среды города. На сегодняшний день в опубликованных работах в основном описана история культовых сооружений, а также административных и торговых каменных построек (Шумов, 1989; Ужгеренас, 2015 и др.). Общее развитие городской среды XIX в. рассмотрено в монографии В.И. Царева и Н.В. Можайцевой (2005).

Вопрос об особенностях деревянной (бревенчатой) архитектуры 2-ой половины XIX в. был затронут в работах А.Ю. Майничевой и А.А. Гольцовой (Майничева, 2012; Гольцова, 2013). Более детальная информация о до- и послепожарной деревянной архитектуре представлена в реестре объектов культурного наследия г. Енисейска и двух электронных базах данных о памятниках архитектуры города (Карта г. Енисейска; Памятники архитектуры Енисейска).

В целом, несмотря на широкое освещение послепожарного периода истории Енисейска, процесс деревянной застройки рассмотрен либо в обобщенно-условном виде, либо затрагивает только отдельные объекты и не имеет четкой привязки к сохранившимся объектам культурного наследия. Реализация нами комплексного подхода с привлечением естественнонаучного метода позволило с точностью до года разрешить данную проблему.

4. Результаты

4.1. Анализ исторической информации

Анализ информации о допожарной деревянной архитектуре показывает, что к началу XIX в. происходят процессы формирования традиционной для Енисейска двухэтажной усадебной застройки. Для нее характерно наличие архаичных строительных приемов и элементов народного деревянного зодчества русского севера: с высоким подклетом, волоковыми и неполными колодными окнами и др. Самые ранние из сохранившихся бревенчатых зданий Енисейска – «двухуровневые шестистенки и пятистенки с низкими потолками... На протяжении XIX века они получили дальнейшее преобразование в полноценные двухэтажные дома» (Аболина, Федоров, 2016). Такие сооружения отмечены на ул. Перенсона и Тамарова, в Нагорной зоне г. Енисейска (Жарников и др., 2017).

На фотографии г. Енисейска 1860-х гг. (Чагин, 2017) хорошо просматриваются эти особенности допожарной архитектуры города. В облике деревянных строений преобладают как отмеченные ранее северорусские традиции (в частности двускатные самцовые кровли, небольшие окна, наличие красного крыльца), так и повсеместно встречаются дома с высокими четырехскатными вальмовыми «колпакообразными» крышами, характерными для южнорусской традиции. Такие же строения отмечаются и в соседних городах Сибири этого периода, в том числе и в Красноярске XVIII–XIX вв. (Гевель, 2012: 41–53).

Рис. 1. Панорама допожарного Енисейска (предположительно 1866 г.) (Чагин, 2017)

Для оценки изменений, произошедших после пожара 1869 г., нами было проведено уточнение его масштаба и выполнена планиграфия послепожарной картины города (Всемирная иллюстрация, 1870; История г. Енисейска; Кытманов, 2016; Очерки истории г. Енисейска, 2009; Шумов, 1989 и др.). Описания показывают, что начавшийся на юго-западе (в Барабинской слободе) и в районе больницы пожар (учитывая направление ветра на северо-запад), помимо центральной, значительно охватил северо-восточную часть города, расположенную на правом берегу р. Мельничной. Нагорная и западная часть города, как можно увидеть на гравюре пожара из «Всемирной иллюстрации» (Рисунок 2), по большей части уцелела.

Согласно имеющимся данным, в 1861 г. в городе насчитывалось 1046 деревянных зданий (История г. Енисейска), а после августовского пожара 1869 г. более 800 деревянных домов было утрачено (Кытманов, 2016: 451). Сохранившаяся Нагорная часть пострадала в октябре 1869 (Кытманов, 2016: 453). Таким образом, к концу 1869 г. в городе могло сохраниться лишь незначительное количество допожарных бревенчатых сооружений, в основном в западной – юго-западной частях города.

Рис. 2. Гравюра пожара 1869 г. в г. Енисейске (Гибель Енисейска, 1870: 52-53)

Для устранения последствий катастрофы был создан комитет, чья деятельность в том числе была направлена на организованную заготовку леса и возведение новых построек. Результатом стало проведение значительных по масштабу строительных работ (Рисунок 3): «Дома после пожара отстраиваются, и многие уже отстроены, много построено вновь, многие жители имеют недвижимую собственность в виде мест городских; 681 человек имеют постройки, 140 владеют только местами» (Кытманов, 2016: 462). Для ускорения работ была использована специально привезенная паровая пильная машина (Кытманов, 2016: 460). В этом случае можно предположить, что значительная часть зданий города была выстроена в первые послепожарные годы.

Что касается изменений в облике бревенчатых сооружений, то при сравнении до- и послепожарной фотографий отчетливо прослеживается уход от традиционных народных северных и южных строительных традиций (с элементами классицизма). Немалую роль сыграли в этом стропила из пиленого бруса – на послепожарной фотографии (Рисунок 3) видно, что повсеместно отмечаемые крыши с вальмовой стропильной системой кровли в сравнении с допожарными зданиями

существенно потеряли в высоте, увеличившись в площади. Преобладающим типом становится нарядный деревянный или полукаменный двухэтажный дом с застекленной лоджией: «пожар 1869 г. стал своеобразным «рубиконом», отделившим, как и в случае с каменными зданиями, позднеклассицистическую стилистику от новых для Сибири веяний эклектики» (Майничева, 2012: 55; Гольцова, 2013: 55).

Рис. 3. Фотопанорама г. Енисейска после пожара 1869 г. (ЛФА)

4.2. Анализ историко-архитектурных датировок

На втором этапе был осуществлен анализ паспортов, аннотированного списка памятников и электронной базы объектов культурного наследия города (Таблица 1). В дополнение к данной работе проведен натурный осмотр, фотофиксация и планиграфия енисейской застройки. В результате было обозначено сложившееся историко-архитектурное положение бревенчатой застройки Енисейска относительно пожара 1869 г. Всего было рассмотрено 69 объектов культурного наследия и одного деревянного дома, не входящего в список. Из них 64 – городские бревенчатые и полукаменные жилые дома и флигели усадеб, 5 – амбары, 1 каменный пакгауз и здание уездного училища.

Анализ планиграфии показал, что исследованные объекты были расположены либо на территории распространения пожара августа 1869 г., либо в Нагорной зоне, пострадавшей в октябрьском пожаре 1869 г. Более детальная информация размещена на электронном ресурсе: (<https://drive.google.com/open?id=1ULFcEn7rLvZ88HE1soS5XpZm-Ce62cvW>).

По источнику датировки исследуемые сооружения были поделены на две группы. К первой – были отнесены 34 объекта, о времени сооружения которых имеются исторические данные или этнографические свидетельства (Таблица 1, 3 стлб.). Из них здания под № 40–48 (Таблица 1) датируются определенным годом (1894 г., 1896 г.; все приходятся на конец XIX в.). Для 15 строений указана принадлежность к определенному периоду или временным рамкам: а) для 4 – указан период 60–70 гг. XIX в. (дома под № 8, 17, 26, 69), т.е. есть вероятность, что они могли быть выстроены до пожара 1869 г.; б) десять зданий: № 9, 12, 18, 19, 25, 28, 31, 37, 39, 67 – датированы послепожарным периодом (70–80 гг. XIX в.); в) здание № 32 отнесено к 90-м гг. XIX в. По 12-ти объектам даны условные временные рамки (построен во 2-ой половине XIX в. и т.п.): время сооружения 10 построек: № 13, 16, 21, 22, 34, 49, 52, 61, 66, 68 – пришлось на конец XIX в.

Ко второй группе – дома, датировка которых осуществлена при помощи архитектурно-планировочного анализа – отнесено 36 объектов (Таблица 1, 3 стлб.), из них 3 дома датируются концом XVIII – началом XIX вв. (№ 1–3); 5 – датированы серединой XIX в. (№ 5, 11, 14, 15, 63). К середине XIX в. нами было отнесено здание, выстроенное в народной традиции, но не входящее в список объектов культурного наследия (расположенное по адресу ул. Ленина, 72 ныне утрачено). Восемь объектов датированы 2-ой половиной XIX в. (№ 4, 6, 27, 30, 33, 35, 38, 70); 20 зданий датируется концом XIX в. (№ 7, 10, 20, 23–24, 29, 36, 50–51, 53–60, 62, 64–65).

При обращении к ЭБД о памятниках г. Енисейска (Карта г. Енисейска), в которой представлена информация о 58 из 70 исследуемых нами объектов, в 13 случаях было отмечено рассогласование с данными паспортов. Разница достигает от нескольких десятилетий до столетия (Таблица 1, темно-серое выделение): так, 7 построек (№ 6, 9, 16, 32, 34, 35, 48) были отнесены к более раннему (допожарному) времени; 5 зданий (№ 14, 25, 31, 37, 39) отнесены к более позднему времени; по 16 объектам датировка обозначена более условными рамками (Таблица 1, светло-серое выделение).

В хронологической последовательности исследованные памятники расположились в следующем порядке: 8 (по данным ЭБД – 11) домов приходятся на допожарный период; датировки 10 зданий были определены как послепожарные (70–80 гг. XIX в.). Большая часть исследованных деревянных строений – 40 зданий (24 согласно ЭБД) была отнесена к концу XIX в. (90-е гг. XIX в.). Для 12 домов (согласно ЭБД – 23) время сооружения пришлось на периоды, однозначно не соотносимые с пожаром 1869 г. (XIX в., 2-ая половина XIX в., 60–70 гг. XIX в.).

В целом, анализ историко-архитектурных датировок 70 исторических бревенчатых строений г. Енисейска XIX в. показал, что время сооружения значительной части построек установлено достаточно условно («середина», «конец», «2-ая половина XIX в.»). Выявилось отсутствие достаточно точных хронологических признаков, позволяющих при архитектурной экспертизе датировать исследованные здания (из-за чего отмечаются многочисленные разночтения и условности). Точные датировки фиксируются лишь при наличии исторических данных или свидетельств местных жителей. В итоге всего 9 строений (включая 7 зданий одной больницы) датированы с точностью до года.

Сопоставление выполненного ранее анализа исторической информации и данных историко-архитектурных датировок выявило два противоречия:

1) согласно выводам исторического анализа, большинство деревянных строений на территории города должны были сгореть в пожарах 1869 г. Однако в паспортах и ЭБД приводится информация о значительном количестве сохранившихся до пожарных строений и построек, время сооружения которых приходится на 2-ую половину XIX в. – 29 % и 59 % соответственно (Таблица 2). Обращение к планиграфии показало, что значительная часть из них находилась на линии прохождения августовского пожара, а остальные в разных местах Нагорной зоны (западной – юго-западной части Енисейска), пострадавшей в октябрьском пожаре 1869 г.

2) Согласно выводам исторического анализа, восстановление города проходило масштабно в короткие сроки, однако по паспортам на две послепожарные декады приходится время сооружения всего 16% построек (Таблица 1), тогда как на конец XIX в. – 57 % дат строительства.

Таким образом, вероятно, значительная часть архитектурных датировок могла не соответствовать действительности, а, следовательно, история енисейского домостроения содержит существенные неточности. Для решения выявленных противоречий был выполнен дендрохронологический анализ.

4.3. Анализ дендрохронологических датировок

Дендрохронологическим способом было датировано 54 исследованных объекта культурного наследия (Таблица 1). К допожарному времени было отнесено 4 постройки из Нагорной зоны (Жарников и др., 2017). На период конца 60–70 гг. XIX в. пришлось время сооружения 17 строений, на 80-е гг. XIX в. – 12-ти.

На 90-х гг. XIX в. (на которые, согласно данным паспортов, пришлась основная масса архитектурных датировок) отнесено всего 12 зданий, из них 7 приходится на единый комплекс городской больницы (Жарников, Мыглан, 2017). Остальные 9 памятников архитектуры были сооружены в первой четверти XX в.

Результаты были занесены на план города (Рисунок 4). На рисунке достаточно хорошо прослеживается масштабная послепожарная застройка, проходившая как по территории уничтоженных пожаром в августе 1869 г. ул. Ленина, Бабкина, Рабоче-крестьянской, Кирова, так и в Нагорной части, пострадавшей в октябре 1869 г. (ул. Богда, Декабристов, Перенсона, Рабоче-крестьянской).

Также отмечено, что значительное число зданий, ранее датируемых концом XIX в., по данным дендрохронологического анализа, были сооружены в первой четверти XX в.

Рис. 4. Распределение дендрохронологических датировок в исторической части г. Енисейска (голубым, розовым, бежевым и зеленым цветом выделены периоды застройки, красным помечены датированные памятники)

4.4. Верификация комплекса информации о деревянной застройке г. Енисейска

В ходе заключительного этапа исследования была осуществлена верификация комплекса полученных историко-архитектурных и дендрохронологических данных (Таблицы 1, 2).

Таблица 1. Верификация дат сооружения памятников деревянной архитектуры г. Енисейска

№	Название памятника	Паспорта памятников		Электронная база данных	Дендро датировка	Разночтение ДКХ датировки (лет) по паспорту / по ЭБД
		Исторические данные	Архитектурная экспертиза			
I период – памятники допожарного периода (к. XVIII – сер. XIX вв.)						
1	Жилой дом усадьбы, ул. Тамарова, 13		к. XVIII в.	к. XVIII – нач. XIX вв.	не ранее 1807	≈ + 10 / ≈ + 10
2	Жилой дом усадьбы Неждановых, ул. Перенсона, 71		к. XVIII в.	к. XVIII в.	не ранее 1808	≈ + 10 / ≈ + 10
3	Жилой дом усадьбы Безъязыковых, ул. Перенсона, 69		к. XVIII в.	к. XVIII в.	не ранее 1824	≈ + 25 / ≈ + 25
4	Жилой дом усадьбы Валиулиных, ул. Перенсона, 73		2-ая пол. XIX в.	2-ая пол. XIX в.	не ранее 1826	≈ - 30-50 / ≈ - 30-50
6	Жилой дом, ул. Кирова, 76		сер. XIX в.	нет данных	образцы не взяты	
7	Жилой дом, ул. Ленина, 76		2-ая пол. XIX в.	сер. XIX в.	образцы не взяты	
II период – памятники к. 60-х–80-е гг. XIX в.						
8	Жилой дом, ул. Худзинского, 22		к. XIX в.	к. XIX в.	не ранее 1867	≈ - 20 / ≈ - 20
9	Жилой дом усадьбы А.Ф. Калашникова, ул. Рабоче-Крестьянская, 114	2-ая пол. XIX в. до 1877 г. (пострадал в октябре 1869 г.)		2-ая пол. XIX в.	не ранее 1868	существенно уточнена / существенно уточнена

10	Жилой дом, ул. Иоффе, 13	1870–80-е гг.		нач. XIX в.	не ранее 1869	уточнена / $\approx + 70$
11	Жилой дом, ул. Бабкина, 28		к. XIX в.	к. XIX в.	не ранее 1869	$\approx - 20 / \approx - 20$
12	Жилой дом с воротами, ул. Ленина, 72		сер. XIX в.*		не ранее 1869	$\approx + 20 / \approx + 20$
13	Жилой дом усадьбы Одинцовых, ул. Перенсона, 67	1870 – 1873? г.		2-ая пол. XIX в.	не ранее 1869	уточнена / существенно уточнена
14	Флигель городской усадьбы, ул. Ленина, 96	к. XIX в.? возможно ранее		XIX в.	не ранее 1869-1870	$\approx - 20 / \approx - 20$
5	Жилой дом усадьбы, ул. Бограда, 77		сер. XIX в.	2-ая пол. XIX в.	Не ранее 1870 г.	$\approx + 20 /$ существенно уточнена
15	Жилой дом жестянщика Громова, ул. Кирова, 70		сер. XIX в.	XIX в.	не ранее 1870	$\approx + 20 /$ существенно уточнена
16	Амбар усадьбы А.А. Неробелова, ул. Ленина, 87	одновременн о с усадьбой по Ленина, 87 в к. XIX в.		сер. XIX века	не ранее 1870	$\approx - 20 / \approx + 20$
17	Амбар усадьбы Бородкина, ул. Рабоче-Крестьянская, 62	2-ая пол. XIX в., для усадьбы Бородкина 1662 г.		нет данных	не ранее 1870	уточнена / -
18	Флигель усадьбы, ул. Фефелова, 97	после пожара 1869 г.		нет данных	не ранее 1870	уточнена / -
19	Жилой дом усадьбы, ул. Фефелова, 99	после пожара 1869 г.		нет данных	не датирован	
20	Жилой дом, ул. Бабкина, 30		к. XIX в.	2-ая пол. XIX в.	не ранее 1870-71	$\approx - 20 /$ существенно уточнена
21	Амбар усадьбы И. Грязнова. ул. Кирова, 72	к. XIX в	.	к. XIX в.	не ранее 1870-71	$\approx - 20 / \approx - 20$
22	Жилой дом усадьбы, ул. Ленина, 98	к. XIX в.? возможно ранее		XIX в.	не ранее 1876	$\approx + 20 /$ существенно уточнена
23	Жилой дом усадьбы, ул. Фефелова, 101		к. XIX в.	к. XIX в.	не ранее 1877	$\approx - 20 / \approx - 20$
24	Жилой дом, ул. Худзинского, 18		к. XIX в.	к. XVIII в.	не ранее 1877	$\approx - 20 / \approx + 80$
25	Жилой дом усадьбы Хамиткова, ул. Фефелова, 105	70-80 гг. XIX в.		к. XIX в.	не ранее 1880	уточнена / $\approx - 10-20$
26	Жилой дом, ул. Ленина, 131	2-ая пол. XIX в. (60-70 гг.)		нет данных.	не ранее 1881	существенно уточнена / -
27	Доходный дом, в котором в 1905-06 гг. жила А.П. Лебедева, ул. Рабоче-крестьянская, 121		2-ая пол. XIX в.	2-ая пол. XIX в.	не ранее 1881	существенно уточнена / существенно уточнена
28	Жилой дом, ул. Ленина, 80	1869-1872 гг.?		2-ая пол. XIX в.	не ранее 1882	+10 / существенно уточнена
29	Жилой дом, ул. Ленина, 81		к. XIX – нач. XX вв.	к. XIX – нач. XX вв.	не ранее 1884	$\approx - 10 / \approx - 10$
30	Доходный дом, ул. Рабоче-крестьянская, 118		2-ая пол. XIX в.	2-ая пол. XIX в.	не ранее 1884	существенно уточнена / существенно уточнена
31	Флигель усадьбы, ул. Ленина, 78	После пожара 1869 г. вместе с усадьбой по Ленина, 80		к. XIX в.	не ранее 1885	уточнена / существенно уточнена

32	Амбар купца Коновалова, ул. Ленина, 67	90-е гг. XIX в.		сер. XIX в.	не ранее 1886	≈ - 10 / ≈ + 30
33	Доходный дом, ул. Рабоче-крестьянская, 123		2-ая пол. XIX в.	2-ая пол. XIX в.	не ранее 1886	существенно уточнена / существенно уточнена
34	Жилой дом усадьбы Неробелова, ул. Ленина 87	к. XIX в.		сер. XIX в.	не ранее 1887	≈ - 5-10 / + 30-40
35	Жилой дом усадьбы, ул. Бабкина 29		2-ая пол. XIX в.	сер. XIX в.	не ранее 1888	существенно уточнена / + 30-40
36	Дом купца Бычкова, ул. Рабоче-крестьянская, 70		к. XIX в.	2-ая пол. XIX в.	не ранее 1888	- 5-10 / существенно уточнена
III период – памятники 90-х гг. XIX в.						
37	Жилой дом усадьбы Хамиткова, ул. Фефелова, 107	70-е гг. XIX в.		к. XIX в.	не ранее 1891	≈ + 20 / уточнена
38	Жилой дом усадьбы, ул. Бабкина, 27		2-ая пол. XIX в.	2-ая пол. XIX в.	не ранее 1892	существенно уточнена / существенно уточнена
39	Амбар усадьба Хамиткова, ул. Фефелова, 107	70-е гг. XIX в.		к. XIX века	не ранее 1892	≈ + 20 / уточнена
40	Здание уездного училища, ул. Бабкина 1	2 этаж (деревянный) перестроен после пожара 1869 г. в 1895 г.		2 этаж (деревянный) перестроен после пожара 1869 г. в 1895 г.	не ранее 1894	нет / нет
41	Жилой дом, ул. Ленина 57	1894 г.		1894 г.	не ранее 1894	нет / нет
42-47	Больничный комплекс (6 зданий), ул. Декабристов, 1	1896 г.		XIX в.	не ранее 1896	нет / уточнена
48	Амбар, ул. Декабристов, 1	1896 г.		нач. XIX в.	не ранее 1896	- / ≈ + 90
49	Жилой дом усадьбы Коневского, ул. Ванеева, 6	к. XIX в.		нет данных	образцы не взяты	
50	Жилой дом купца Кузнецова, ул. Йоффе, 7		к. XIX в.	к. XIX – нач. XX вв.	образцы не взяты	
51	Жилой дом с лавкой, ул. Ленина, 82		к. XIX в.	к. XIX в.	образцы не взяты	
52	Жилой дом Ананьевых, ул. Марковского, 6	к. XIX в.		к. XIX в.	не датирован	
53	Жилой дом, пер. Партизанский, 8		к. XIX в.	к. XIX в.	не датирован	
54	Жилой дом, ул. Перенсона, 90		к. XIX в.	к. XIX в.	образцы не взяты	
55	Жилой дом, ул. Перенсона, 92		к. XIX в.	к. XIX в.	образцы не взяты	
56	Жилой дом, ул. Рабоче-крестьянская, 90		к. XIX в.	к. XIX в.	не датирован	
57	Жилой дом, ул. Рабоче-крестьянская, 92		к. XIX в.	к. XIX в.	образцы не взяты	
58	Жилой дом, ул. Фефелова, 83		к. XIX в.	к. XIX в.	не датирован	
59	Жилой дом, ул. Фефелова, 103		к. XIX в.	к. XIX в.	не датирован	
60	Жилой дом, ул. Фефелова, 109		к. XIX в.	нет данных	не датирован	
IV период – памятники 1-ой четверти XX в.						
61	Жилой дом усадьбы Максимовского, ул. Бограда, 36	к. XIX в.		нет данных	не ранее 1905	≈ +5-10 / -

62	Жилой дом, ул. Рабоче-Крестьянская, 100		к. XIX в.	нет данных	не ранее 1905	≈ +5-10 / -
63	Жилой дом, ул. Кирова, 78		до пожара 1869 г.	сер. XIX в.	не ранее 1906	+40-50 / +40-50
64	Флигель усадьбы, ул. Ванеева, 7		к. XIX в.	к. XIX в.	не ранее 1909	≈ + 10 / ≈ + 10
65	Лавка Гафарова, ул. Бограда, 53		к. XIX в.	к. XIX в.	не ранее 1909	≈ + 10 / ≈ + 10
66	Пакгауз усадьбы Лапшиных, ул. Фефелова, 68	к. XIX – нач. XX вв.		к. XIX – нач. XX вв.	не ранее 1909	≈ + 10 / ≈ + 10
67	Жилой дом усадьбы, ул. Ленина, 74	1880-е		XIX в.	не ранее 1911	≈ +20-30 / существенно уточнена
68	Жилой дом усадьбы Лапшиных, ул. Фефелова 68	к. XIX – нач. XX вв.		к. XIX – нач. XX вв.	не ранее 1911	≈ + 10 / ≈ + 10
69	Жилой дом усадьбы Востротина, ул. Ленина, 140	2-ая пол. XIX. (60–70 гг.)		2-ая пол. XIX в.	не ранее 1926	≈ +30-50 лет / ≈ +30-50 лет
Трудноопределимые						
70	Жилой дом, ул. Ленина, 91		2-ая пол. XIX в.	2-ая пол. XIX в.	не датирован	

Примечания: светло-серым выделены различия в масштабе датировки, темно-серым выделены рассогласованные датировки; под * указана датировка утраченной постройки, не являющейся памятником; к. – конец; нач. – начало; сер. – середина; пол. – половина

Полученные данные подтверждают тот факт, что в результате пожаров 1869 г. в г. Енисейске была уничтожена большая часть деревянных построек. Сохранилось лишь четыре здания в менее пострадавшей Нагорной (юго-западной) части города. Многие здания, архитектурно датированные как допожарные в реальности оказались построены после пожара (к примеру, Бограда, 77; Кирова, 70, 76, 78; Ленина, 72).

Таблица 2. Соотношение датировок бревенчатой архитектуры г. Енисейска

Выделенные этапы	Допожарные		Послепожарные			Неопределенные
	I	II	III	IV		
	I пол. XIX в.	сер. XIX в.	1870–80 гг.	к. XIX в.	I четв. XX в.	XIX, 2-ая пол. XIX в.
По историко-архитектурным данным	3/6	4/5	8/-	26/15	-	7/22
итого	7/11		34/15			7/22
По данным дендрохронологического анализа	4	-	25	12	7	-
итого	4		44			-

Примечания: через дробь показаны значения по паспортным данным (слева) и по электронной базе (справа); анализ значений приведен для зданий, имеющих три варианта датировки; сер. – середина; пол. – половина; к. – конец; четв. – четверть

Зданий середины XIX в. выявлено не было. Три постройки, отнесенные к данному периоду, но не датированные дендрохронологически, учитывая их расположение, архитектурные особенности и время строительства соседних зданий, также, вероятно, сооружены уже после пожара.

Сопоставление трех независимых источников о времени сооружения зданий показало, что катастрофа 1869 г. в г. Енисейске действительно оказалась «рубиконом» в формировании архитектурного облика города. Дошедшее до нас в основной массе мещанское енисейское деревянное зодчество (полутора–двухэтажные особняки с застекленной лоджией под стропильными низкими крышами с широким карнизом), даже если и начало складываться ранее 1869 г., массовый характер приобрело не в конце XIX в., а в первые два десятилетия после пожара. Этот вывод подтверждается проведенным дендрохронологическим анализом (Таблица 2).

Интересным результатом исследования оказалась датировка амбаров. По архитектурным данным их датировки отличались расплывчатостью, а по результату исследования 4 из 5 были датированы послепожарными годами. Енисейск – торговый город, в XIX в. здесь регулярно

устраивались ярмарки, шла речная перевозка грузов, активно осуществлялась золотодобыча. Хозяйственные сооружения были неотъемлемой частью жизни енисейцев, и послепожарная датировка амбаров отчетливо подчеркнула, что для горожан было крайне важно в первую очередь восстановить не только жилое пространство, но и хозяйственное.

Гражданские строения, информация о строительстве которых основывается на исторических источниках, действительно, были восстановлены лишь в 90-е гг. XIX в. Памятники архитектуры, для большей части которых характерен пропильный декор (ул. Ленина, 74, ул. Рабоче-крестьянская, 100, ул. Богграда, 36 и др.), оказались сооруженными не в конце XIX в., а в 1-ой четверти XX в. Следовательно, весьма распространенная в Сибири мода на пропильный декор пришла в г. Енисейск не в конце XIX в., как предполагалось архитекторами ранее, а несколько позже.

Часть недатированных дендрохронологическим методом строений, учитывая полученные результаты и планиграфию, может иметь совершенно другие даты. Так, можно предположить, что дом по Перенсона, 90, на котором имеются архаичные элементы (в том числе с отверстиями под карабельные нагели), на самом деле может быть допожарным. К послепожарному периоду можно отнести здания по ул. Йоффе, 7, Ванеева, 6, Партизанской, 8, Фефелова, 83. Дома по ул. Рабоче-крестьянской, 90, 92 и Марковского, 6 логично отнести к началу XX в.

Таким образом, анализ всего комплекса источников информации показал, что в большинстве случаев датировки зданий, для которых имелись исторические данные или свидетельства местных жителей, подтвердились, в то время как архитектурно-планировочные нуждаются в существенной корректировке (Рисунок 5).

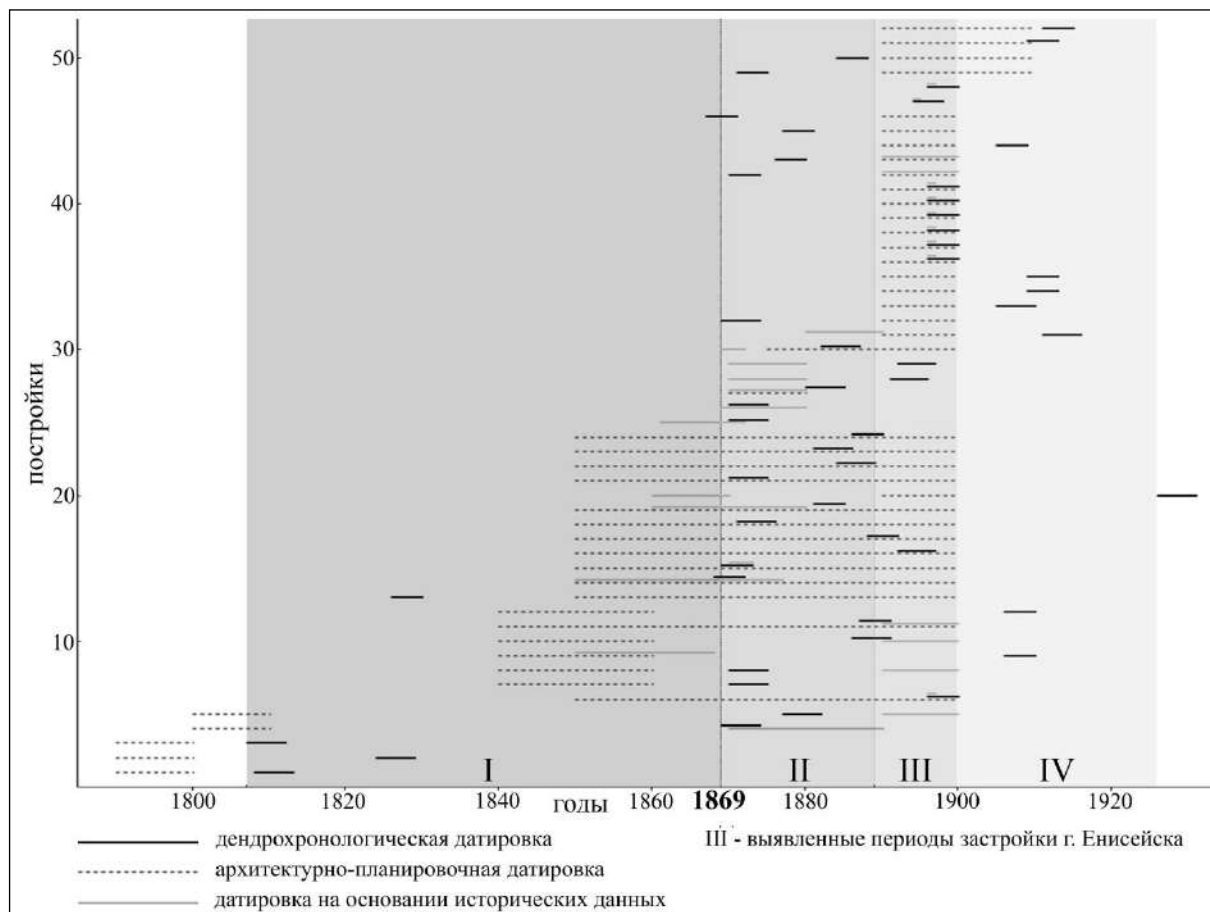

Рис. 5. Верификация датировок памятников деревянного зодчества г. Енисейска

5. Заключение

В ходе оценки процесса восстановления деревянной архитектуры г. Енисейска после пожаров 1869 г. были выделены четыре периода бревенчатой застройки города (Таблица 1).

I период, конец XVIII – середина XIX вв. до пожара 1869 г. К нему было отнесено четыре здания. Данные сооружения – небольшие по площади дома пятистенки-шестистенки с 6 маленькими окнами (по 3 в ряд) на фасаде, имеющие заниженный первый этаж с четырехскатной кровлей, выполненные в народных строительных традициях XVIII – начала XIX вв. и с элементами классицизма.

II период, послепожарный (70–80 гг. XIX в.). Это время массового строительства, когда было сооружено более половины датированных построек. В основном застройка этого времени состоит из эклектичных двухэтажных особняков с застекленной лоджией (Майничева, 2012; Гольцова, 2013) и неотъемлемой части усадеб – больших двухъярусных хозяйственных амбаров.

III период (90-е гг. XIX в.). Представлен 12-ю зданиями, из которых 7 входят в комплекс городской больницы. Жилые здания представлены в основном двухэтажными постройками, сохранившими планировку классических енисейских зданий, однако менее нарядными и без каменного подклета. В целом, внешний облик зданий этого времени соотносится с процессами экономического упадка города.

IV период, 1-ая четверть XX вв. К данному времени относятся 9 памятников, которые, как правило, представляют собой одноэтажные дома, имеющие яркое пропильное декорирование наличников и карниза.

Таким образом, комплексное исследование памятников Енисейска, как и в случае с Тарским Прииртышьем (Сидорова и др., 2017), показало свою высокую эффективность. Благодаря полученным результатам удалось разрешить проблему датировки основной массы бревенчатых ОКН г. Енисейска. Тем самым была получена уникальная погодичная реконструкция генезиса до и послепожарного градостроительства г. Енисейска.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет средств Президентского гранта (№ МК-2388.2018.6).

Литература

Аболина, Федоров, 2016 – Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Развитие традиций русского народного зодчества на примере деревянной архитектуры Енисейска // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 407 С. 25-31.

Баринов и др., 2016 – Баринов В.В., Жарников З.Ю., Зайцева Е.А. и др. Дендрохронологическое датирование памятников истории и культуры п. Горноправдинск // *Вестник угроведения*. 2016. № 2 (25). С. 85-97.

Белов, 1969 – Белов М.И. Мангазея. Ленинград, 1969. 128 с.

Гевель, 2012 – Гевель Е.В. Образ города в Красноярском урочище. Красноярск, 2012. 224 с.

Гевель и др., 2016 – Гевель Е.В., Майничева А.Ю., Мыглан В.С. Проблемы сохранения памятников деревянного зодчества: роль междисциплинарных исследований // *Баландинские чтения*. 2016. № 1 (11). С. 83-89.

Гельфельд, 1992 – Гельфельд Л.С. Комплексный метод датировки памятников архитектуры на основе натурных исследований: метод. рекомендации. М., 1992. 86 с.

Гибель Енисейска, 1870 – Гибель Енисейска // *Всемирная иллюстрация*. М., 1870. № 55 (3). С. 52-54.

Гольцова, 2013 – Гольцова А.А. Стилистические особенности декора деревянной жилой архитектуры Енисейска во второй половине XIX в. // *Альманах современной науки и образования*. 2013. № 5 (72). С. 53-55.

Енисейск на рубеже веков, 2015 – Енисейск на рубеже веков. Красноярск, 2015. 155 с.

Жарников и др., 2017 – Жарников З.Ю., Гевель Е.В., Мыглан В.С. Бревенчатое наследие Сибири – старейшие сооружения деревянного зодчества Енисейска // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета: серия гуманитарная*. 2017, № 5. С. 24-36.

Жарников, Мыглан, 2013 – Жарников З.Ю., Мыглан В.С. К вопросу о времени строительства усадьбы Непомилуева из д. Гарманка Иркутской области // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 4 (24). С. 49-52.

Жарников, Мыглан, 2017 – Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Определение времени сооружения больничного комплекса в южной Нагорной зоне Енисейска // *Древности Приенисейской Сибири*. Вып. VIII. 2017. С. 33-39.

Зайцева, 2006 – Зайцева Е.В. Фотографии как исторический источник истории повседневности города Ставрополя середины XIX – начала XX веков // *Новая локальная история*. 2006. С. 80-83.

История г. Енисейска – История г. Енисейска [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yeniseisk-heritage.ru/history/ru> (дата обращения 27.06.2019 г.).

Карта г. Енисейска – Карта г. Енисейска [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yeniseisk-heritage.ru/map/ru> (дата обращения 26.11.2018 г.).

Ковальченко, 2003 – Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. 440 с.

Кытманов, 2016 – Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 годов. Красноярск, 2016. 850 с.

Майничева, 2012 – Майничева А.Ю. Недвижимые объекты культурного наследия сибирских городов в аспекте концепции культурного капитала (на примере Енисейска) // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2012. № 1 (5). С. 43-58.

Майничева, 2014 – Майничева А.Ю. Методика обследования культовых зданий и сооружений

русских в Сибири // *Баландинские чтения*. 2014. № 3 (9). С. 40-46.

Малахов – *Малахов Н.* И еще пожар в Енисейске // Иркутские епархиальные ведомости. 1870. № 26, С. 321-322 [Электронный ресурс]. URL: <http://duhovenstvo.solovki-monastyr.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/d5/eb/d5ebbe4d-c8e1-41ea-bb22-eeba91f7e38e.pdf> (дата обращения 27.06.2019 г.).

Медушевская, 2010 – *Медушевская О.М.* Теория исторического познания: Избранные произведения. М., 2010. 576 с.

Миллер, 2005 – *Миллер Ф.Г.* История Сибири. М., 2005. Т. 3. 598 с.

Очерки истории, 2009 – Очерки истории г. Енисейска и Енисейского уезда (XVII–XIX вв.). Енисейск, 2009. 260 с.

Памятники архитектуры Енисейска. История Енисейска – Памятники архитектуры Енисейска. История Енисейска [электронный ресурс] // <http://naov.ru/goroda/eniseysk.html> (дата обращения 26.11.2018 г.)

Сидорова и др., 2017 – *Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Доржу З.Ю. и др.* Дендрохронологические методы в архитектурно-этнографическом обследовании поселений русских в Сибири (на примере города Тары Омской области) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2017. № 4. С. 122-131.

Степанищев, 2009 – *Степанищев А.Т.* История: методология научного исследования и преподавания. М., 2009. 562 с.

Тарская мозаика, 1994 – Тарская мозаика: (История края в очерках и документах 1594–1917 гг.). Омск, 1994. 194 с.

Ужгеренас, 2015 – *Ужгеренас М.П.* К вопросу об аннотации объекта культурного наследия по адресу: г. Енисейск, ул. Петровского, 1 // *Архитектурное наследие Сибири*. 2015. С. 92-98.

Царев, Можайцева, 2005 – *Царев В.И., Можайцева Н.В.* Градостроительная летопись Енисейска XVII–XX веков. Красноярск, 2005. 162 с.

Чагин, 2017 – *Чагин В.В.* «Минувшее проходит предо мною...»: Путешествие в 1863 год. Красноярск, 2017. 120 с.

Шумов, 1989 – *Шумов К.Ю.* Воскресенская церковь г. Енисейска // *Памятники истории и культуры Красноярского края*. Вып. 1. 1989. С. 321-328.

References

Abolina, Fedorov, 2016 – *Abolina L.A., Fedorov R.Yu.* (2012). Razvitiye traditsij russkogo narodnogo zodchestva na primere derevyannoj arhitektury Enisejska [The development of traditions of Russian folk architecture on the example of wooden architecture of Yeniseisk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 407, pp. 25-31. [in Russian]

Barinov i dr., 2016 – *Barinov V.V., Zharnikov Z.Yu., Zajceva E.A. i dr.* (2016). Dendrochronologicheskoe datirovanie pamyatnikov istorii i kul'tury p. Gornopravdinsk [Dendrochronological dating of historical and cultural monuments of the settlement of Gornopravdinsk]. *Vestnik ugrovedeniya*. № 2 (25). pp. 85-97. [in Russian]

Belov, 1969 – *Belov M.I.* (1969). Mangazeya [Mangazeya]. Leningrad. 128 p. [in Russian]

Carev, Mozhajceva, 2005 – *Carev V.I., Mozhajceva N.V.* (2005). Gradostroitel'naya letopis' Enisejska XVII-XX vekov [Urban Chronicle of Yeniseisk in XVII-XX centuries]. Krasnoyarsk. 162 p. [in Russian]

Chagin, 2017 – *Chagin V.V.* (2017). «Minuvshee prohodit pre do mnoyu...»: Puteshestvie v 1863 god ["The past passes before me ...": Journey to 1863]. Krasnoyarsk. 120 p. [in Russian]

Enisejsk na rubezhe vekov, 2015 – Enisejsk na rubezhe vekov, 2015 [Yeniseisk at the turn of the century] Krasnoyarsk, 2015. 155 p. [in Russian]

Gel'fel'd, 1992 – *Gel'fel'd L.S.* (1992). Kompleksnyj metod datirovki pamyatnikov arhitektury na osnove naturnyh issledovanij: metod. Rekomendacii [Complex method of dating monuments of architecture based on field studies: method. Recommendations]. М. 86 p. [in Russian]

Gevel' i dr., 2016 – *Gevel' E.V., Majnicheva A.YU., Myglan V.S.* (2016). Problemy sohraneniya pamyatnikov derevyannogo zodchestva: rol' mezhdisciplinarnyh issledovanij [Problems of preservation of monuments of wooden architecture: the role of interdisciplinary research]. *Balandinskie chteniya*. № 1 (11), pp. 83-89. [in Russian]

Gevel', 2012 – *Gevel' E.V.* (2012) Obrazgoroda v Krasnoyarskom urochishche [The image of the city in the Krasnoyarsk Tract]. Krasnoyarsk. 224 p. [in Russian]

Gibel' Enisejska, 1870 – *Gibel' Enisejska* (1870) [The death of Yeniseisk]. Vsemirnaya illyustraciya. М., 1870. № 55 (3). pp. 52-54. [in Russian]

Gol'cova, 2013 – *Gol'cova A.A.* (2013). Stilisticheskie osobennosti dekora derevyannoj zhiljoj arhitektury Enisejska vo vtoroj polovine XIX v. [Stylistic features of the decor of wooden residential architecture of Yeniseisk in the second half of the XIX century]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. № 5 (72). pp. 53-55. [in Russian]

Istoriya g. Enisejska – Istoriya g. Enisejska [History of Eniseisk town] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.yeniseisk-heritage.ru/history/ru> (data obrashcheniya 26.11.2018 g.). [in Russian]

- Karta g. Enisejska** – Karta g. Enisejska [Map of Eniseisk town] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.yeniseisk-heritage.ru/map/ru> (data obrashcheniya 26.11.2018 g.). [in Russian]
- Koval'chenko, 2003** – *Koval'chenko I.D.* (2003). Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. M. 440 p. [in Russian]
- Kytmanov, 2016** – *Kytmanov A.I.* (2016). Kratkayaletopis' Enisejskogo uezda i Turuhanskogo kraja Enisejskoj gubernii, 1594-1893 godov [Brief chronicle of the Yenisei district and Turukhansk region of the Yenisei province, 1594-1893]. Krasnoyarsk. 850 p. [in Russian]
- Majnicheva, 2012** – *Majnicheva A.Yu.* (2012) Nedvizhimye ob"ekty kul'turnogo naslediya sibirskih gorodov v aspekte koncepcii kul'turnogo kapitala (na primere Enisejska) [Immovable objects of cultural heritage of Siberian cities in the aspect of the concept of cultural capital (on the example of Yeniseisk)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. № 1 (5). pp. 43-58. [in Russian]
- Majnicheva, 2014** – *Majnicheva A.Yu.* (2014). Metodika obsledovaniya kul'tovyh zdaniy i sooruzhenij russkih v Sibiri [Methods of survey of religious buildings and structures of Russians in Siberia]. *Balandinskie chteniya*. № 3 (9). pp. 40-46. [in Russian]
- Malahov** – *Malahov N.* I eshche o pozhare v Enisejske [and more about of the fire in Yeniseisk]. *Irkutskie eparhial'nye vedomosti*. 1870. № 26, pp. 321-322 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://duhovenstvo.solovki-monastyr.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/d5/eb/d5ebbe4d-c8e1-41ea-bb22-eeba91f7e38e.pdf> (data obrashcheniya 27.06.2019).
- Medushevskaya, 2010** – *Medushevskaya O.M.* (2010) Teoriya istoricheskogo poznaniya: Izbrannye proizvedeniya [Theory of Historical Knowledge: Selected Works]. M. 576 p. [in Russian]
- Miller, 2005** – Miller F.G. (2005) Istoriya Sibiri [Siberian history]. M. T 3. 598 p. [in Russian]
- Ocherki istorii..., 2009** – Ocherki istorii g. Enisejska i Enisejskogo uezda (XVII-XIX vv.) [Historical sketches of Yeniseisk and Yeniseisk uyezd (XVII-XIX centuries.)]. Enisejsk, 2009. 260 p. [in Russian]
- Pamyatniki arhitektury Enisejska. Istoriya Enisejska** – Pamyatniki arhitektury Enisejska. Istoriya Enisejska [Monuments of Yeniseisk architecture. The Yeniseisk history] [Elektronnyj resurs] // <http://naov.ru/goroda/eniseysk.html> (data obrashcheniya 26.11.2018) [in Russian]
- Rakitov, 1982** – *Rakitov A.I.* (1982) Istorieskoe poznanie: sistemno-gnoseologicheskij podhod [Historical knowledge: a systemic-epistemological approach]. M. 303 p. [in Russian]
- Shumov, 1989** – *Shumov K.Yu.* (1989) Voskresenskaya cerkov' g. Enisejska [Resurrection Church of Yeniseisk]. Pamyatniki istorii i kul'tury Krasnoyarskogo kraja. Vyp. 1. pp. 321-328. [in Russian]
- Sidorova i dr. 2017** – *Sidorova M.O., Zharnikov Z.Yu., Dorzhu Z.Yu. i dr.* (2017). Dendrochronologicheskie metody v arhitekturno-etnograficheskom obsledovanii poselenij russkih v Sibiri (na primere goroda Tary Omskoj oblasti) [Dendrochronological methods in the architectural and ethnographic survey of Russian settlements in Siberia (on the example of the city of Tara, Omsk Region)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. № 4. pp. 122-131. [in Russian]
- Stepanishchev, 2009** – *Stepanishchev A.T.* (2009). Istoriya: metodologiya nauchnogo issledovaniya i prepodavaniya [History: Methodology of Research and Teaching]. M. 562 p. [in Russian]
- Tarskaya mozaika, 1994** – Tarskaya mozaika: (Istoriyakraya v ocherkah i dokumentah 1594-1917 gg.). (1994) [Tara mosaic: (The history of the region in the essays and documents of 1594-1917)]. Omsk. 194 p. [in Russian]
- Uzhgerenas, 2015** – *Uzhgerenas M.P.* (2015). K voprosu ob annotacii ob"ekta kul'turnogo naslediya po adresu: g. Enisejsk, ul. Petrovskogo, 1 [On the issue of annotation of the cultural heritage object at the address: Yeniseisk, ul. Petrovsky, 1]. *Architectural Heritage of Siberia*. pp. 92-98. [in Russian]
- Zajceva, 2006** – *Zajceva E.V.* (2006). Fotografii kak istoricheskij istochnik istorii povsednevnosti goroda Stavropolya serediny XIX – nachala XX vekov [Photos as a historical source of the everyday history of the city of Stavropol in the middle of the nineteenth and early twentieth centuries]. *Novaya lokal'naya istoriya*. pp. 80-83. [in Russian]
- Zharnikov i dr., 2017** – *Zharnikov Z.Yu., Gevel' E.V., Myglan V.S.* (2017). Brevenchatoe nasledie Sibiri – starejshe sooruzheniya derevyannogo zodchestva Enisejska [Log heritage of Siberia – the oldest buildings of wooden architecture of Yeniseisk]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta: seriya gumanitarnaya*. № 5. pp. 24-36. [in Russian]
- Zharnikov, Myglan, 2013** – *Zharnikov Z.Yu., Myglan V.S.* (2013). K voprosu o vremeni stroitel'stva usad'by Nepomilueva iz d. Garmanka Irkutskoj oblasti [On the time of construction of the estate of Nepomiluyev from the village of Harmanka of the Irkutsk Region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 4 (24). pp. 49-52. [in Russian]
- Zharnikov, Myglan, 2017** – *Zharnikov Z.Yu., Myglan V.S.* (2017). Opredelenie vremeni sooruzheniya bol'nichnogo kompleksa v yuzhnoj Nagornoj zone Enisejska [Determination of the time of construction of a hospital complex in the southern Highland zone of Yeniseisk]. *Drevnosti Prienisejskoj Sibiri*. Vyp. VIII. pp. 33-39. [in Russian]

Генезис деревянной архитектуры Енисейска в контексте последствий пожара 1869 г.

Захар Юрьевич Жарников^{а,*}, Владимир Станиславович Мыглан^а,
Майя Олеговна Сидорова^б, Лариса Александровна Аболина^с

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^б Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация

^с ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания»,
Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению последствий пожара 1869 г. в г. Енисейске (Красноярский край) на основе комплексного исследования деревянной застройки (70 памятников деревянного зодчества) с помощью общеисторических, историко-архитектурных и дендрохронологических методов. Сопряженный анализ различных источников показал, что официально принятые в паспортах и электронных базах данных датировки разрозненны и неточны; метод дендрохронологии позволил выполнить погодичную реконструкцию генезиса до- и послепожарного градостроительства Енисейска. В результате было выделено четыре периода застройки деревянной городской архитектуры: 1) «допожарный» – 1-ая четверть XIX в. (8 % построек) – представлен небольшими домами пятистенками и шестистенками на высоком застекленном подклете под вальмовой кровлей с элементами народного зодчества и классицизма; 2) «послепожарный» – 70–80 гг. XIX в. (54 % строений); как правило, это высокие эклектичные дома, зачастую на каменном подклете с застекленной лоджией, стропильной вальмовой крышей с двускатным фронтоном на прирубке, большими окнами с ярко украшенными наличниками; 3) конец XIX (22 % строений), в большинстве случаев это административные здания и достаточно демократичные двухэтажные дома с застекленным прирубом, декор менее ярок; 4) 1-ая четверть XX в. (16 % строений), как правило, это одноэтажные особняки с нарядным пропиленным декорированием карниза и наличников. Таким образом, полученная уникальная информация позволила выполнить погодичную реконструкцию генезиса до- и послепожарного градостроительства г. Енисейска. Результаты статьи будут полезны историкам, культурологам, архитекторам, археологам, а также всем, кто интересуется историей Сибири и г. Енисейска.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейск, памятник деревянного зодчества, дендрохронология, городской пожар, верификация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zaxari1@yandex.ru (З.Ю. Жарников)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 188-205. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.188
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Science and Technology in Satirical Periodicals of the Russian Empire of the 1870s–1910s

Ilya V. Sidorchuk ^{a, b, *}

^a Saint-Petersburg State University, Russian Federation

^b Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to study the social history of science and technology in Russia on the example of satirical publications of the 1870s–1910s, which published stories, sketches, notes and cartoons, which were a response to such realities of the era as the domestication of technology, belief in miraculous inventions, human defenselessness before the onset of technology and obscurantism of the uneducated audience. The source base of the research was the materials of satirical publications published in the Russian Empire (“Budil’nik”, “Strekoza”, “Schut”, “Iskra”, “Satyricon”, “Oskolki”). The author comes to the conclusion that science and technology were integral heroines of domestic satirical publications of pre-revolutionary Russia. They gave writers and artists a lot of new bright metaphors and images. On the one hand, in the reviewed publications can be found skepticism about the potential for technical innovations to change the world for the better, mocking fanatical inventors and had a real basis of the fear of technical innovations, able to kill and maim. At the same time, the publications were consistent advocates of knowledge and education. The objects of criticism were superstitions, prejudices, belief in pseudoscientific ideas and obscurantism, and the vices of the uneducated public. Various aspects of “shadow science” and the careerism of pseudoscientists were also exposed.

Keywords: history of technology, caricature, satire, shadow science, spiritualism, science and society, journalism.

1. Введение

В конце XIX в. Российская империя, несмотря на централизацию и бюрократизацию управления экономическими процессами, переживала период интенсивного промышленного развития. Традиционно определяющими в научно-технической политике были воля государства и концентрация ресурсов на приоритетных направлениях (Сергеев, 2012: 131). При этом, начиная с 1860-х гг., по замечанию А. Вучинича, «наука перестала быть второстепенной интеллектуальной силой в русской культуре и стала столь же важной, как и антирационалистическая традиция» (Vucinich, 1975: 474). Еще одним важным следствием реформ Александра II стали развитие научной инициативы и рост организаций, пропагандировавших техническое знание (Nikiforova, 2015: 190). Научные и технические достижения все активнее интегрировались в жизнь населения, и потребители новинок становились неотъемлемыми акторами процесса научно-технологического развития; постепенно появлялось представление о технической эстетике. Несмотря на изменение культурных паттернов общества, рецепция научных и технологических открытий не проходила безболезненно. Новинки могли наделяться не только магическими или спасительными смыслами, но и пугали, отталкивали и воспринимались символом вызова традиционным устоям и ценностям (Сидорчук, 2019). В связи с этим актуальным представляется обращение к исследованию социальной истории науки и техники в России. В настоящей статье предпринята попытка ее изучения на примере сатирических

* Corresponding author

E-mail addresses: i.sidorchuk@spbu.ru (I.V. Sidorchuk)

изданий, где публиковались рассказы, скетчи, заметки и карикатуры, являвшиеся откликом на такие реалии эпохи, как domestикация технологий, вера в чудодейственные изобретения, незащитность человека перед наступлением техники и обскурантизм необразованной публики.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили материалы сатирических изданий, издававшихся в Российской империи в 1870–1900 гг. («Будильник», «Стрекоза», «Шут», «Искра», «Сатирикон», «Осколки»). Внимание было обращено как на текстовые, так и визуальные материалы.

Среди методологических принципов, обеспечивающих получение значимых результатов исследования, использовался принцип развития, имманентно связанный с идеей историзма (явления рассматриваются исходя из представления об их непрерывном становлении и трансформации), принцип комплексности (анализ научно-технического развития с позиций различных дисциплинарных областей – истории техники, публичной научно-технической коммуникации, культурологии), принцип всесторонности (рассмотрение технологических инноваций во взаимодействии с политическими, культурными, социальными явлениями).

Конструктивным являлось обращение к социологии науки, в частности к концепции «науки в действии» Б. Латура, основоположника акторно-сетевой теории. Применение данной концепции в исследовательских практиках является знаковой составляющей полнофункционального подхода к эмпирическому исследованию науки и техники. Концепция позволяет проследить путь социализации научного познания, понять механизмы взаимодействия науки и общества, то есть применительно к рассматриваемой нами проблематике – не только государственную, но и социальную востребованность научных инноваций.

Методологические ориентиры исследования также связаны с концепцией социального конструирования технологий (SCOT, social construction of technology) В. Бийкера и Т. Пинча, позволяющей оценить роль пользователей в развитии технологий. Выявить дискурсивные стратегии, с помощью которых продуцировался, распространялся желательный образ технологических инноваций и проводилась демаркация научного и околонучного знания в средствах массовой информации, позволил интерпретативный анализ. Понимание важности символического значения технических артефактов связано с концепцией domestикации технологий, разработанной Р. Сильверстоуном и Э. Хиршем для объяснения процесса рутинизации технологий в повседневности по аналогии с одомашниванием и приручением диких животных. Использование концепции социотехнического воображаемого (Ш. Ясановф) позволило анализировать сложное взаимодействие между научно-техническим развитием и различными измерениями социальной жизни, т.к. научно-технические проекты имплицитно содержат в себе представления о желательном социальном порядке и приемлемых сценариях социального развития, достижимых с помощью инноваций.

3. Обсуждение

В отечественной историографии обращение к сатирическим изданиям XIX – начала XX вв. в качестве источника по истории различных сюжетов прошлого достаточно распространено. Первые работы по данной теме появились уже в предреволюционный и ранний советский период (Трубачев, 1904; Исаков, 1928). В современных исследованиях внимание сконцентрировано на различных сюжетах внешней политики, выстраивании образа врага и анализе стереотипов восприятия других стран в контексте геополитической ситуации, развитии жанра политической карикатуры (Филиппова, 2012; Голиков, 2010, 2014; Ратманов, 2017; Аксенов, 2016; Старовойтова, 2017; Рябов, 2017). Другим вектором внимания историков является отражение внутривнутриполитических событий в царской России (Sonina, 2016; Голиков, 2011).

Заслуга начала обращения к сатире как источнику по изучению социальной истории науки принадлежит западным специалистам. В частности, М. Радвик в своих исследованиях исходил из того, что сатира помогает понять социальный контекст научного спора (Rudwick, 1975: 560). Дж. Парадиз обратился к науке в сатире в контексте викторианской культуры на основе изучения британских периодических изданий, и в первую очередь еженедельника «Панч» (“Punch”) (Paradis, 1997). В частности, он отметил, что резкая и даже воинствующая ирония и сатира были для викторианского общества способом заявить о трудностях усвоения науки и непонимании тенденций ее развития. Также в изданиях обращалось внимание на проблему дискредитации науки из-за тщеславия и грандиозного честолюбия ученых при скудных результатах их работы (Paradis, 1997: 147, 155). Дж. Браун, обратившись к образу Ч. Дарвина и дарвинизма в карикатуре XIX в., отметила, что визуальная сторона науки часто недооценивается. Так, карикатуры ярко представляют голос народа, они являются уникальной формой общения между людьми, которая делает новые идеи и присущие им трудности очевидными. Весьма ценным нам представляется ее вывод о национальной специфике научной карикатуры, что позволяет через ее изучение прояснить вопрос об отношении к науке различных наций (Browne, 2001: 499).

И. Робертс обратилась к изучению «телефонскопа Эдисона» Дж. Дюморье и сатире, связанной с амбициозными электрическими проектами XIX в. в рамках концепции «технологического

фольклора». Данный термин используется для устойчивой устной культуры технологических возможностей и способствует преодолению границ между средствами массовой информации и технологиями. И. Робертс отметила, что «манья открытия», как ее часто называли, «расцвела из смеси гиперболической риторики и скептицизма по поводу социально-технических изменений» (Roberts, 2017: 3). Фантастические истории о приведениях в электрических проводах или шутки о клиентах, которые не смогли понять разницу между почтой и телеграфом, были, по ее мнению, частью мира страхов и тревог в отношении технологических изобретений, вероятности технологического краха и разочарования от несоответствия ожиданий реальным возможностям новых технологий (Roberts, 2017: 3).

В последние годы к сатире как источнику по истории науки стали обращаться и отечественные специалисты. Главным образом, это связано с актуальностью введения новых исследовательских подходов и адаптацией западных концепций под отечественный материал. Не менее важную роль играет и обращение к человеку прошлого как потребителю технологии, от которого также зависела ее судьба. По справедливому наблюдению Н.В. Никифоровой, речь может идти об анализе его стратегий в адаптации технических артефактов и систем, примерах отказа от технологий. Если раньше потребитель технологических новинок был пассивным реципиентом, то теперь он трансформировался в создателя смыслов, интерпретаций и сценариев их применения и развития (Никифорова, 2019: 94). В связи с этим конструктивным является рассмотрение особенностей взаимодействия технологий и общества, изучение форм публичной репрезентации научно-технических проектов, анализ исторической роли социогуманитарной составляющей в условиях реализации стратегий модернизации, прояснение роли различных акторов, отвечающих за научное развитие. Среди успешных примеров подобного рода исследований стоит выделить работы С.Б. Ульяновой (Ulyanova, 2017), Н.В. Никифоровой (Никифорова, 2017), Е.Л. Желтовой (Желтова, 2017, 2018), А.Н. Каск и Д.А. Бородина (Каск, 2016).

Из исследователей, обратившихся к сатире как источнику по истории отечественной науки, стоит отметить И.А. Гринько (Гринько, 2018) и, конечно, Р.А. Фандо (Фандо, 2014; 2016а; 2016б). При этом в их работах наука исследуется либо в контексте установок советской власти (в рамках борьбы с теми или иными научными школами, критики оторванности научных разработок от практики, низкопоклонства перед Западом и т.д.), либо как часть внутринаучной коммуникации и формирования ценностей субкультуры ученого сообщества.

4. Результаты

Проникновение техники в повседневную жизнь и изменение последней под ее диктатом зачастую рождало не просто ее неприятие, но и страх. Поезда, трамваи, автомобили и даже опутанные проводами городские улицы и напоминающие виселицы фонарные столбы могли пугать не только необразованных обывателей, но и вполне солидную публику. И ответной реакцией на это мог становиться именно смех, который, согласно М.М. Бахтину, освобождает не столько от внешней цензуры, сколько от большого «внутреннего цензора» (Бахтин, 1990: 107). Сатирические издания часто отвечали на беспощадность техники черным юмором, что было своеобразной формой психологической защиты.

Главным героем подобных шуток были железные дороги – не только символ прогресса и модернизации империи, но и причина регулярной гибели людей в трагических катастрофах. Обложка первого в 1875 г. номера «Будильника» показывала, «что, кому досталось с общественной елки» на Новый год. В центре был изображен полный мужчина, «железнодорожник», держащий «бездонную бочку для денег», а рядом с ним «пассажир» на костылях без обеих ног. В номере 47 за тот же год на обложке была изображена катастрофа поезда, раздавленные люди и спокойно беседующие между собой представители железнодорожной администрации. Их выводы следующие: причиной аварии стало то, что начальник станции пустил пассажирский состав по пути, занятом товарным, но «что же делать! Молодой человек – простительно...» (Будильник, 1875b) (Рисунок 1).

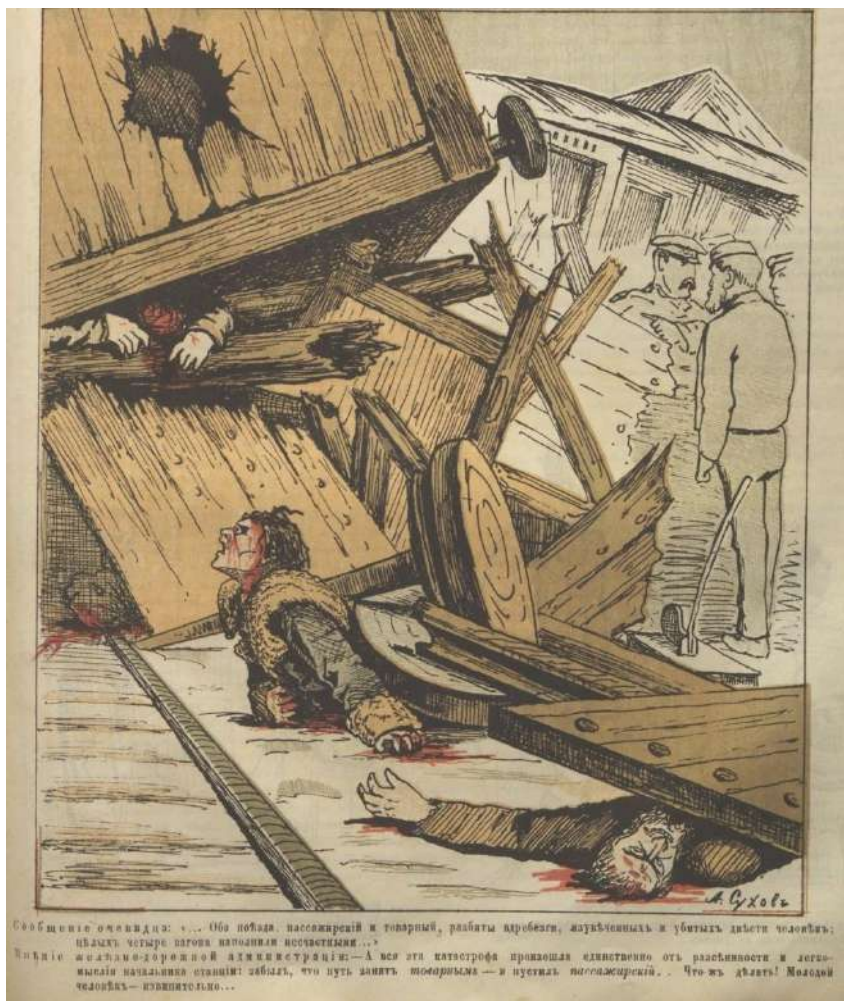

Рис. 1. Будильник. 1875. № 47

После обращения к сатире того времени моментально всплывают в памяти до сих пор не вышедшие из употребления шутки про Анну Каренину. Поезда показывались не просто наисовременнейшим, но и модным способом покончить с собой. Девушки, влюбившиеся в посетившего Россию оперного певца Эрнесто Николини, десятками ложились головами на рельсы перед поездом, отвозившем его в Москву (*Будильник, 1875а*) (*Рисунок 2*).

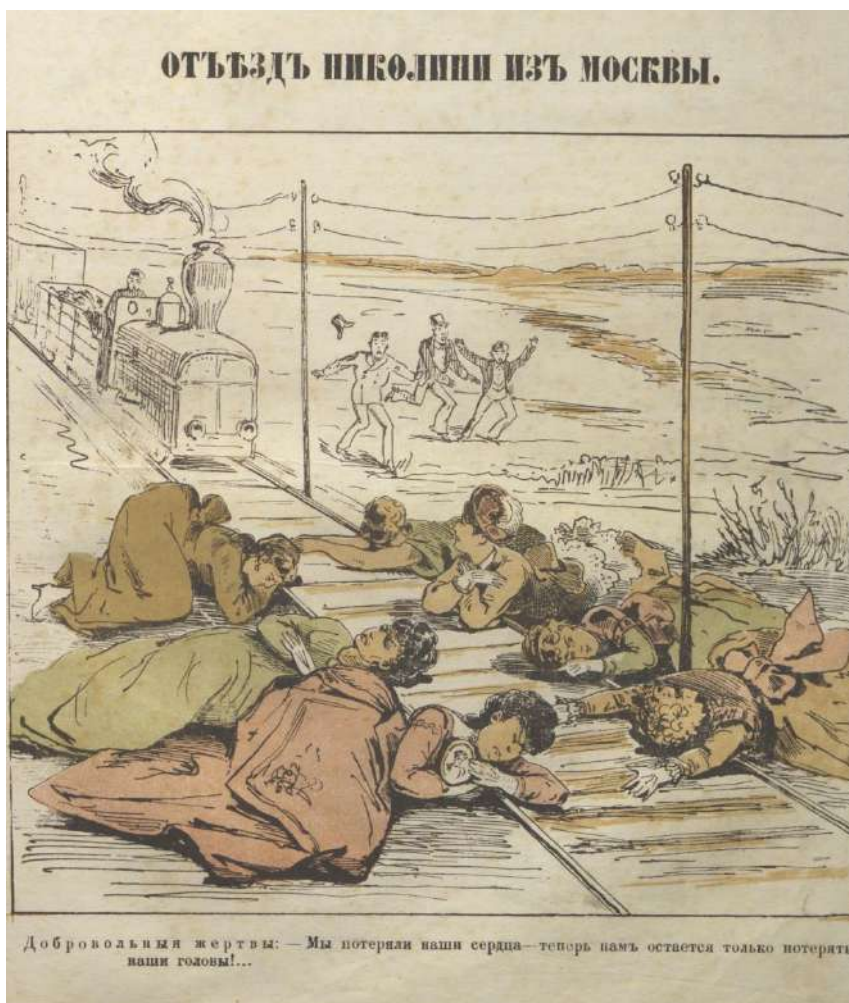

Рис. 2. Будильник. 1975. № 38

Два господина после посещения электрической выставки 1883 г. рассуждали о грядущем исчезновении железных дорог из-за замены пара электричеством. По мнению одного из них, отказываться от них все-таки не стоит, так как «их можно будет сохранить как одно из удобных средств для самоубийства» (Будильник, 1883с). Сами поезда могли изображаться в виде клыкастых людоедов, жаждущих все новых жертв (Будильник, 1883а).

Позднее эстафету приняли другие новинки транспорта. В виде неотъемлемой составляющей городской повседневности уже XX в. могли изображаться трамваи, которых петербуржцы боялись «больше, чем чумы» (Попрыгуля-стрекоза, 1911: 16) (Рисунок 3).

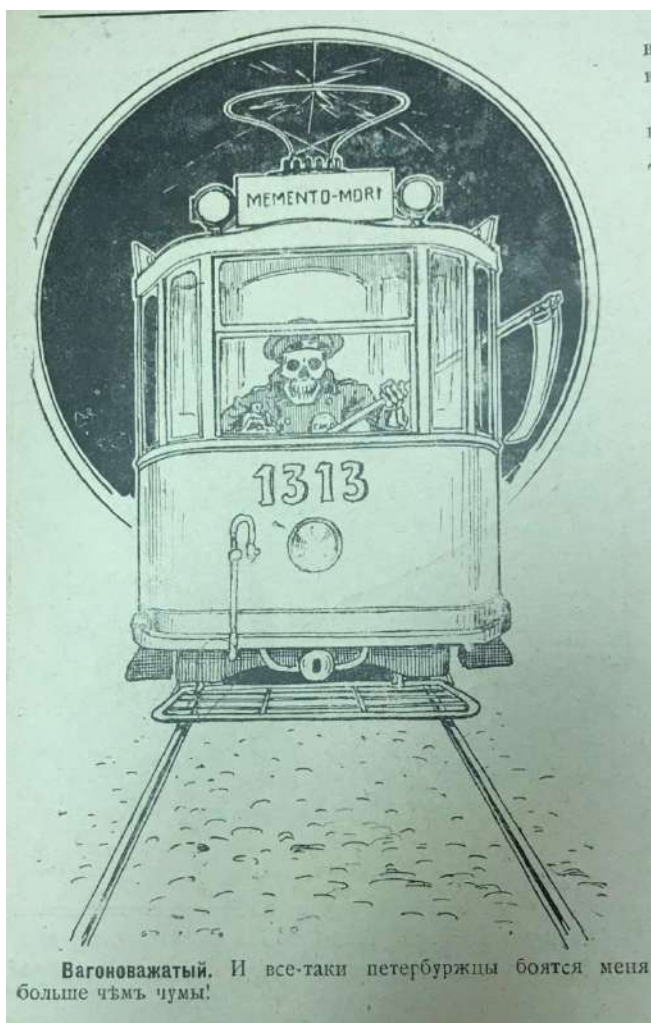

Рис. 3. Попрыгунья-стрекоза. 1911. № 16. С. 14

Пешеходу, разрезанному колесами трамвая на куски, вагоновожатый смущенно произносит: «Я вас, кажется, немного помял». На это невинная жертва с улыбкой отвечает: «О, не беспокойтесь! Я все равно шел топиться» (Сатирикон, 1908с). Еще больший страх внушал автомобиль. Велосипедист, сбивший пешехода, замечает жертве: «Ничего! Сзади меня едет автомобиль... Он тебя докончит» (Сатирикон, 1908а: 7). Шуточные «правила для моторных гонок», написанные Константином Арсеньевичем Михайловым (все имена авторов, скрытые за псевдонимами, идентифицированы по изданию: Масанов...), включали в себя такие пункты, как обязательный залог для организаторов гонок в размере до 50.000 рублей для лиц, которые не могут не пострадать во время этих гонок, и «приемный покой с фельдшерами» на каждой версте трассы. Отдельно предупреждались женатые мотористы: им было запрещено брать с собой тещ, так как соблазн расправиться с ними будет слишком велик (Воз., 1903b). Этот же автор предсказывал, что в будущем водители будут брать с пассажиров куда большую плату, так как рисковать жизнью за те же деньги никто не хотел («на автомобиле ни за что...»). Если только после прибавки рубля к жалованью, тогда можно, «пуцай меня на воздух взрывает!» (Воз., 1903а). Автомобиль, мчащийся по воздуху и управляемый скелетом, представлялся художнику «Сатирикона» «петербургским кошмаром» (Сатирикон, 1908b) (Рисунок 4).

Рис. 4. Сатирикон. 1908. № 18

Менее опасным для публики, но намного более – для лица, им управляющего, был аэроплан. На рисунке В. Денисова, впоследствии прославившегося революционными плакатами, барышня обращается к авиатору: «Одно неловкое движение – и вы свалитесь с ужасной высоты и разлетитесь на мелкие кусочки!.. Неужели вы не боитесь этого?» На что собеседник за штурвалом отвечает: «О, я привык, сударыня!» (Будильник, 1911) (Рисунок 5).

Рис. 5. Будильник. 1911. № 2. С. 4

Технологические новинки меняли не только окружающее человека пространство, но и формировали новые поведенческие паттерны, ломали традиции, обещали сделать его лучше. Сатирические издания относились к фетишизации техники и преклонению перед ней весьма скептически. Как существующие, так и будущие изобретения подчас не улучшали жизнь, а лишь портили. Например, герой одного из рассказов, Карл Иванович, придумал «предохранительный аппарат от воров», но ночью сам в него и попался. Впрочем, нет худа без добра – прибор действительно работал, и он повез его на выставку в Париж ([Будильник, 1889](#)). «Американский корреспондент» «Будильника» (Влас Михайлович Дорошевич) описал свою воображаемую встречу с всемирно известным Т. Эдисоном. Изобретатель показан фанатиком, постоянно придумывающим никому не нужные вещи: пилюлю, заменяющую обед, сапоги, чтобы «пятки сверкали», прибор, открывающий дверь, и даже специальную машину, которая «будет вертеть танцоров на балах» ([Американский корреспондент, 1889](#)). Его российский коллега, Миша Эдисонов, был описан сатириком Григорием Петровичем Альтерсоном. Он «помешался на изобретениях», что «в последнее время случалось со многими». Но это был случай особого рода. Он изобрел «телэлектрофотографоскоп». Автор при этом признается, что предпочел бы назвать его «черт знает что такое» или «проклятие изобретателей». Этот прибор позволял видеть, что происходит в различных местах города, и слышать, о чем говорят люди. В итоге один из героев рассказа увидел, что его подчиненный крадет деньги из конторы, а второй – как с его женой заигрывает другой мужчина. Они в панике устремились ловить вора и изменницу, но лишь привлекли внимание полиции. Поведение их было настолько невменяемым, что их отправили в дом для умалишенных. К счастью, оказалось, что это всего лишь сон ([Альт, 1900](#)). Таким образом, техника, открывая то, что раньше было скрыто, могла лишить человека покоя и принести одни душевные страдания. К этому же приводило и использование рентгеновских лучей, открытых в 1895 г. и вскоре по достоинству оцененных сатирической печатью. Г.П. Альтерсон полагал, что изобретение очень удобно для кредиторов в сношениях с должниками, для дам, ищущих состоятельных кавалеров, и для

исследователей чужих карманов. «Невидимая фотография» позволит увидеть истинный облик женщины, которая скрывает его под платьями, ватой и другими туалетными принадлежностями. Также станет видна солома в «ученых» головах (Альт, 1896).

Большой популярностью у сатириков пользовался телефон. Постоянно высмеивалось низкое качество связи и ошибки телефонисток, связывавших граждан вовсе не с теми, с кем они желали. Звонок по телефону обещал беседы с незнакомыми людьми и порядочную нервотрепку. В сценке Владимира Александровича Мазуркевича «У телефона», опубликованной в журнале «Развлечение» в 1904 г., герой после нескольких неверных соединений и словесных перепалок с потревоженными абонентами, теряет терпение и срывается. Сначала он желает телефонистке семь чертей и еще одну ведьму в зубы, потом выйти замуж, чтобы, наконец, уйти с работы, а в итоге телефон признает «анафемским» и разбивает его вдребезги. На этом страдания абонента заканчиваются: его отдают под суд за оскорбление «двух благородных особ» (Какаду, 1904). Николай Александрович Фольбаум в рассказе «Телефонная страничка» описал похожую ситуацию: телефонные барышни упорно связывают героя с трактиром Куркова. В итоге он смиряется с судьбой: «Ну, как у вас там? Публики много?» – и узнает, «что получена малосольная лососина»: «Ко мне, очевидно, там уже привыкли, узнают по голосу и отвечают охотно» (Н.Ф., 1911).

Большие надежды на улучшение будущего были связаны у сатириков с электричеством. «Будильник» в 1884 г. предсказывал изобретение электрического зубодера, соски, самохода (30 верст в час, без всякого утомления и извозчиков), средства против грабителей, приборов, позволяющих говорить сердцем с поклонниками и будить гласных для баллотировки (Будильник, 1884: 55) (Рисунок 6).

Рис. 6. Будильник. 1884. № 4. С. 55

«Попрыгунья-стрекоза» в 1911 г. среди изобретений ХХХ века называла «электрический зажигатель сердец богатых невест» (Изобретения ХХХ столетия, 1911). Предсказывался и идеальный «электрический брак», в котором «брачующиеся будут подвергаться влиянию электрического тока, под электрометром, для того, чтобы установить равносильность восприятия электрической энергии». Вскармливание, укачивание и пеленание детей «также будут производиться посредством электричества» (Арсеник, 1903). Впрочем, были и те, кто сомневался в силе «могучей, но не вполне прирученной рабыни», как назвал электричество А. Робида. Так, в «Рассказе из жизни ХХ столетия» друга А.П. Чехова Александра Семеновича Лазарева-Грузинского описаны приключения одного банкира, который преследует похитившего из сейфа миллион рублей заведующего кассой и сбежавшую с ним свою жену. Электрический замок сейфа оказывается ненадежным, электрический автомобиль не едет, потому что его забыли зарядить, электрический поезд попадает в аварию, а электрическая лодка благополучно тонет. Любовникам удастся сбежать за границу, и даже призывавший на протяжении всего рассказа к философскому отношению к случившемуся бухгалтер замечает: «Вот тебе и век электричества!» (А.Л., 1896).

Не обошла отечественная сатира вниманием и образ ученого. Он мог представлять фанатичным изобретателем, неким фантазером, помешанным на новых технических идеях. Развиваясь

семимильными шагами, наука не могла не породить своих преданных и чрезмерно амбициозных поклонников: «В уме его всю жизнь гнездились планы, / Он был всегда исполненным тревоги: / То на луну выдумывал дороги, / То к полюсам творил аэропланы...» (Бегемот, 1896). Встречался и традиционный образ рассеянного ученого, в записной книжке которого можно встретить такие записи: «Итак, человек – наполовину животное, наполовину растение, а наполовину минерал» и «Дух смертного не может проникнуть в таинство природы», – справедливо сказал Галлер. – Например, мы не знаем, почему осел серого цвета, а не зеленого?» (Из записной книжки, 1883).

Серьезные опасения у изданий вызывало явление, которое принято называть «теневой наукой» (Юревич, 2010): нарушение идеалов, ценностей и норм научной жизни, приводящее к дискредитации науки и личности ученого в глазах общества. Это касалось карьеристов, компиляторов чужих трудов и самодовольных бездарей. «Будильник» на своей обложке в 1900 г. поместил карикатуру на подобного «ученого». Он выходит из книги «Чужие ученые труды» со свертком «компиляция» и удовлетворенно замечает: «Поработал в этом “храме науки”, теперь и сам могу ученым в свет пуститься!» (Будильник, 1900) (Рисунок 7).

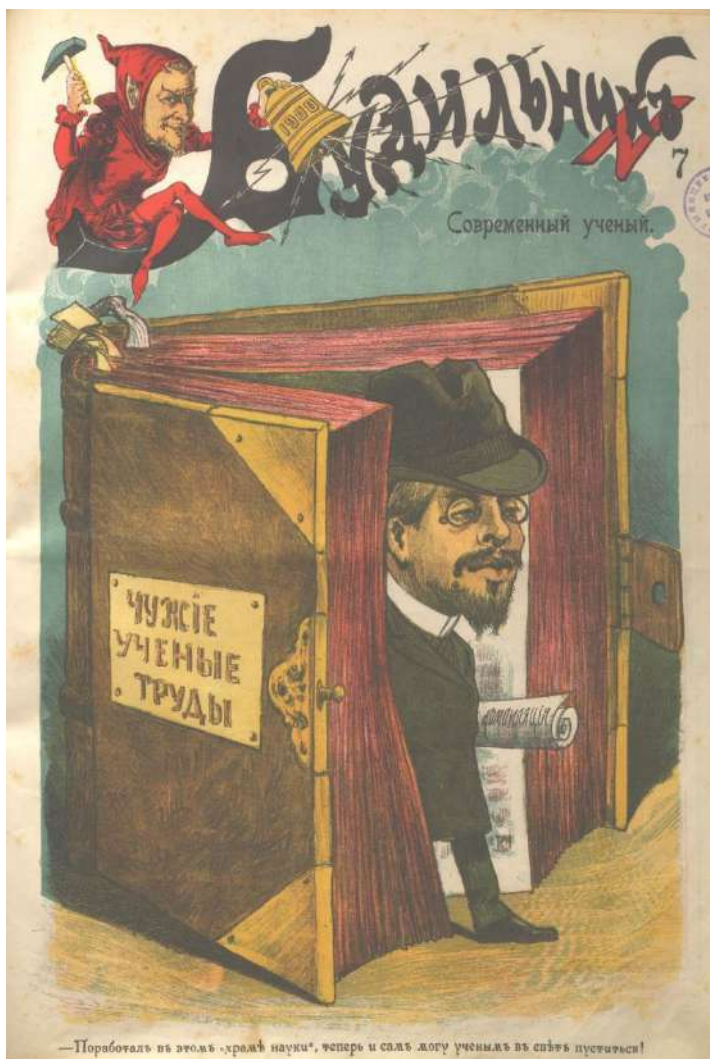

Рис. 7. Будильник. 1900. № 7

В том же номере опубликована заметка, в которой редакция выражает озабоченность состоянием науки в России. По ее мнению, теперь фальсифицированы не только пищевые продукты, но и умственная пища, которую так охотно готовят ученые. Вместо настоящего знания они фабрикуют подделки в библиотеках: разбавляют чужие труды «собственной водицей». Компиляция выдается неискушенной публике в качестве открытия, и уже решенные проблемы успешно решаются еще раз: «Таким образом являются собственные Платоны и быстрые разумом Невтоны, которые не налюбуются собой». Эти деятели занимают ученое положение, пользуются общественным вниманием и двигаются по лестнице благополучия, в то время как наука ждет настоящих тружеников (Фальсификация науки, 1900).

Большинство авторов сатирических изданий были достаточно образованными людьми, для которых популярность околонуучных и лженаучных идей была прекрасным поводом высмеять бытовавшие в обществе заблуждения и спекуляции. Подобная сатира имеет глубокие корни, и, конечно, в статьях современников А.П. Чехова без труда можно увидеть раблезианские и эразмовские мотивы. В России критика невежества с петровских времен стала неотъемлемой составляющей вестернизации и модернизации страны. Начало подобных произведений было положено А. Кантемиром, который в сатире «На хулящих учение. К уму своему» (1729 г.) последовательно обличал врагов знания и просвещения. Те же идеи встречаем в значимом для развития научно-популярной литературы в России рассказе «Записки домового» (1835 г.) ученого-востоковеда О.И. Сенковского (Каск, 2016: 191-192).

Среди захвативших городскую публику в рассматриваемый период псевдонаучных увлечений на первом месте, без сомнения, был спиритизм. По мнению журналов, Петербург с наступлением зимы каждый раз охватывает мания спиритизма. И речь идет не только о склонном заниматься чудесами “haute societe”, но и о бедных чиновниках, сытых кушачах и даже почтенном духовенстве, включая иноков. Для сношения с духами использовались столы, стулья, натирания, гипнотизирования, магнетизирования и другие всевозможные манипуляции. Особым ажиотажем пользовались визиты «обожателей воздушного пространства», с помощью которых люди мечтали открыть тайны веков, времен и народов (Прокоп, 1883). Сатирические издания с завидной регулярностью публиковали рассказы, где медиум оказывался мошенником, дурачившим глупых обывателей. Например, в рассказе Ильи Михайловича Ревы спиритический сеанс был способом одурачить мужа, заперев его в кабинете с завязанными глазами на время, пока супруга наслаждалась объятиями любовника-«спирита» (Авер, 1883).

Объектами насмешек могли становиться и известные деятели – ретрограды и противники прогрессивных научных идей. Так, досталось Адольфу Штеккеру, немецкому политическому деятелю и протестантскому богослову, получившему славу одного из главных идеологов антисемитизма. На опубликованной в «Будильнике» в 1883 г. карикатуре он изображен пытающимся веревкой стащить с пьедестала бюст Дарвина (Будильник, 1883b). К 1870-м гг. фигура известного англичанина и его теории уже не были столь обсуждаемы, однако еще не сошли со страниц изданий. Иван Иванович Сведенцов в 1875 г. опубликовал рассказ «Дарвинист» с подзаголовком «Не мечите бисера перед свиньями». Его главный герой, статский советник Павел Андросович Ненасытов, называл Дарвина дерзким бесстыдником, которого следует отправить в острог. Но, с трудом протчя «Происхождение видов», вдруг превратился в его горячего поклонника, полностью приняв тезис о том, что сильные побеждают слабых. Руководствуясь им, он не повышал жалованья кухарке, не давал денег жене (но при этом удовлетворял финансовые запросы куртизанки) и не платил рабочим, то есть основывал на теории Дарвина «всякую подлость». Автор рассказа при этом утверждал, что подобные «дарвинисты» – частый вид в столичном обществе (Звонок, 1875).

Высмеивание ретроградства могло сочетаться с уколами в сторону власти и критикой бюрократизма. В заметке «О пользе и вреде наук» Власий Михайлович Дорошевич умело спародировал типичного чиновника, сторонника «охранительного консерватизма». Тот предлагал оставить геометрию исключительно для того, чтобы не оставить за штатом учителей, ее преподающих. Как только они выйдут на пенсию, дисциплину следует запретить. Какая и кому польза от того, что квадрат гипотенузы равен квадратам катетов? Есть учебник, одобренный ученым комитетом, со всеми теоремами, и вдруг «какой-нибудь шибздик, от горшка два вершка» начинает искать доказательство, почему теорема верна! Также он хотел бы придать геометрии нравоучительный оттенок, например, прямую линию именовать также и «единственно законной линией» (Калика Перехожий, 1889). Встречались и обращения к прошлому страны. Так, В. Порфирьев проиллюстрировал историю из «Записок А.И. Желябужского» о первом русском воздухоплавателе, мужике, сделавшем слюдяные крылья и пожелавшем «взлететь, аки журавль». Опыт не удался, и ему «за сие от начальства влетело»: вместо денег на другие крылья «из выделанной козлиной шкуры» его побили батогами (Сатирикон, 1908b).

Сатирические издания в основном были ориентированы на образованную столичную публику, поэтому высмеивание провинциализма и мещанства оказывалось весьма востребованным. Их жертвой мог быть, например, выживший после крушения поезда малоросс, который, спасаясь от волков, забрался на телеграфный столб. Но и там ему было страшно: «Ой, Боже мий, що его й робыты! Там вовки, а тут скажений [бешеный – Авт.] телиграх... Як побезит – то як подхвате, аж у Москву занесе!» (Будильник, 1883a). Или те, чья ограниченность не позволяла понять отличие фотографии от живописи. В ответ на предъявленный даме ее фотопортрет она восклицает: «Ах Боже! И это мой портрет! Помилуйте, да это урод какой-то, а мне еще вас рекомендовали как одного из лучших фотографов, по-моему, вы просто невежа! да-с» (Развлечение, 1883: 57) (Рисунок 8).

Рис. 8. Развлечение. 1883. № 4. С. 57

Высмеивалась реакция жителей Смоленска на появление электрической пожарной сигнализации. Красные коробки с кнопками были расставлены на перекрестках города, и в случае пожара нужно было разбить стекло и их нажать. Но для обывателя “нажимать” где-нибудь кнопку в диковинку, поэтому смоляне делали это, не дожидаясь пожаров, чем довели брандмейстера до визита к психиатру ([Будильник, 1911: 11](#)).

Не могли сатирические издания пройти мимо и различных промышленных выставок, которые посещали и люди, далекие от науки и техники. На карикатуре «Мещане» 1908 г. было изображено семейство на Международной строительно-художественной выставке в Петербурге. Жена спрашивает мужа, что это за экспонат. Тот с трудом читает: «Га-зо – ге-не-ра-тор!..» После этого жена зовет своих четверых детей, нравоучительно заявляя о том, что «детям это очень полезно» ([Сатирикон, 1908b: 3](#)) ([Рисунок 9](#)).

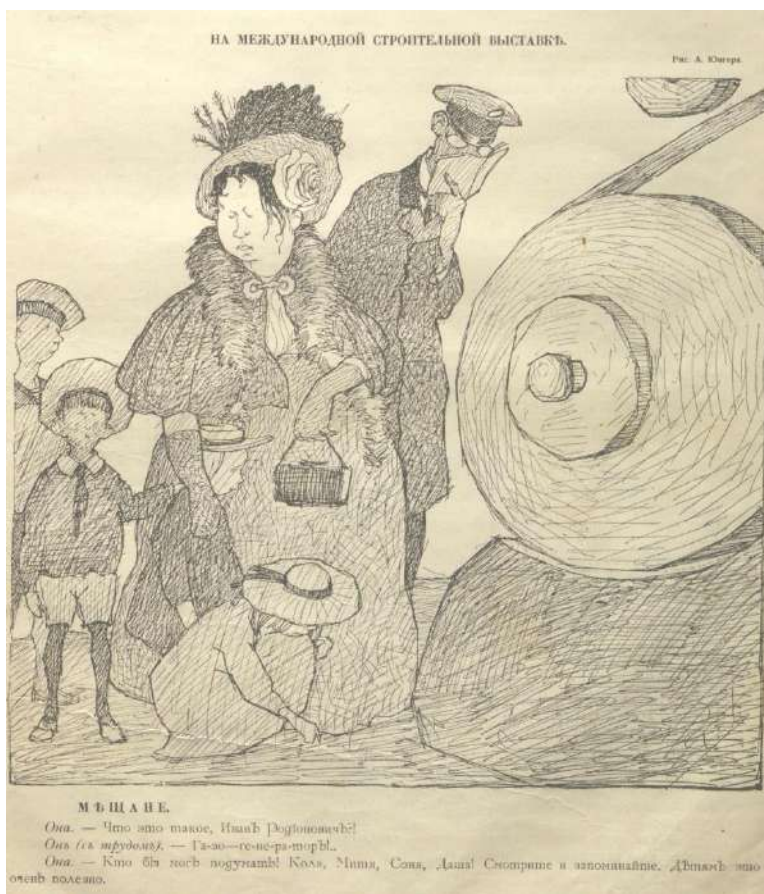

Рис. 9. Сатирикон. 1908. № 18. С. 3

Не могли не заставить улыбнуться просвещенного столичного жителя и приключения гражданина с фонографом в Мценске. Несмотря на то, что он снял квартиру, хозяин отказался его пускать: «Разве я знал, что у тебя чторва говорящая и поющая машинка есть? С чторвой машинкой не пуцу!» (Будильник, 1896) (Рисунок 10).

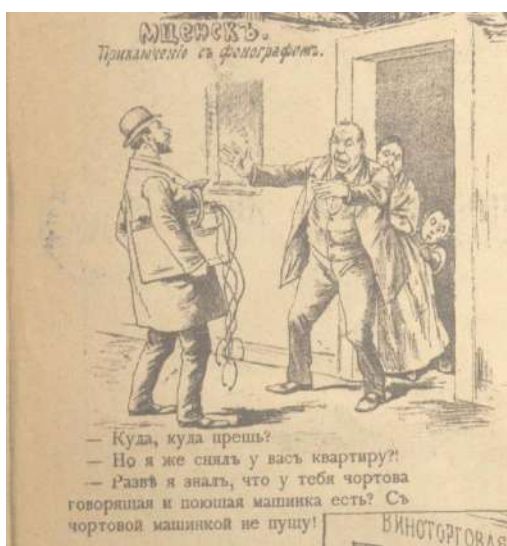

Рис. 10. Будильник. 1896. № 2

Одним из следствий технического развития стала своеобразная мода на науку. При этом далеко не всегда светлые идеалы совершенствования мира выдерживали под напором меркантильных ценностей мира обывателей, что не могло не быть замеченным сатириками. Особенно часто объектами подобных шуток становились женщины, что отчасти объяснялось присущим обществу сексизмом, пока еще не видевшим в них ученых или инженеров. Типичный путь от увлеченной

наукой девушки до консервативной жены богача описан в стихотворении «Теперь и прежде» Александра Васильевича Ястребского. Пока она была молода, то жаждала правды, познаний, труда и поклонялась Г. Спенсеру. Но пора увлечений прошла, и на смену всяким «безбожникам» пришел «туз из железнодорожников» (Атом, 1883).

5. Заключение

Наука и техника были постоянными персонажами отечественных сатирических изданий дореволюционной России, подарившими писателям и художникам новые яркие метафоры и образы. Несмотря на весь скепсис в отношении возможностей технических новинок изменить в будущем мир к лучшему, насмешки над фанатиками-изобретателями и имевшие под собой реальные основания страхи перед техническими новинками, способными убивать и калечить, издания выступали защитниками знания и просвещения. Объектами критики становились суеверия, предубеждения, вера в лженаучные идеи и обскурантизм, пороки необразованной публики. Также разоблачались различные стороны «теневой науки» и карьеризм псевдоученых. При всем возможном цинизме некоторых изданий, они отстаивали идеалы подлинного научного знания и идею необходимости и пользы технического прогресса, его важности как культурного фактора для гармоничного развития общества.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-00085). Автор благодарит за помощь в работе над статьей Е.А. Долгову.

Литература

- А.Л., 1896 – А.Л. (Лазарев-Грузинский А.С.). Рассказ из жизни XX столетия // *Будильник*. 1896. № 10. С. 6-7.
- Авер., 1883 – Авер. (Рева И.М.). Спиритический сеанс // *Будильник*. 1883. № 11. С. 82.
- Аксенов, 2016 – Аксенов В.Б. «Враги России» в журнальной карикатуре // *Российская история*. 2016. № 5. С. 216-222.
- Альт, 1896 – Альт Г. (Альтерсон Г.П.). Фотографирование невидимых предметов // *Будильник*. 1896. № 5. С. 4.
- Альт, 1900 – Альт Г. (Альтерсон Г.П.). Чудо-изобретение // *Будильник*. 1900. № 13. С. 6-7.
- Американский корреспондент, 1889 – Американский корреспондент (Дорошевич В.М.). Я – у Эдисона // *Будильник*. 1889. № 42. С. 4.
- Арсеник, 1903 – Арсеник. Электрический брак // *Осколки*. 1903. № 21. С. 6.
- Атом, 1883 – Атом (Ястребский А.В.). Теперь и прежде // *Будильник*. 1883. № 22. С. 171.
- Бахтин, 1990 – Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990.
- Бегемот, 1896 – Бегемот (Емельянов (Коханский) А.Н.). Изобретатель // *Будильник*. 1896. № 36. С. 9.
- Будильник, 1875a – *Будильник*. 1875. № 38.
- Будильник, 1875b – *Будильник*. 1875. № 47.
- Будильник, 1883a – *Будильник*. 1883. № 7.
- Будильник, 1883b – *Будильник*. 1883. № 15.
- Будильник, 1883c – *Будильник*. 1883. № 37.
- Будильник, 1884 – *Будильник*. 1884. № 4.
- Будильник, 1889 – *Будильник*. 1889. № 34.
- Будильник, 1896 – *Будильник*. 1896. № 2.
- Будильник, 1900 – *Будильник*. 1900. № 7.
- Будильник, 1911 – *Будильник*. 1911. № 2.
- Голиков, 2010 – Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010.
- Голиков, 2011 – Голиков А.Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Вестник Московского университета. Сер. 8. История*. 2011. № 4. С. 51-70.
- Голиков, 2014 – Голиков А., Рыбаченок И. Джон Буль ломает зубы... Образ англичанина в русской политической карикатуре в конце XIX – начале XX веков // *Родина*. 2014. № 11. С. 5-8.
- Гринько, 2018 – Гринько И.А., Шевцова А.А. «Дятел докладодобляющий» и другие животные: наука в зеркале советской карикатуры // *Историческая экспертиза*. 2018. № 2. С. 276-291.
- Желтова, 2017 – Желтова Е.Л. Дирижабль как актер в социальной сети Бруно Латтура / *Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, посвященная 85-летию ИИЕТ РАН*. М., 2017. С. 317-319.
- Желтова, 2018 – Желтова Е.Л. Ранняя авиация в свете акторно-сетевой теории Бруно Латтура // *Технонаука как категория истории естествознания*. М., 2018. С. 63-83.
- Звонок, 1875 – Звонок (Сведенцов И.И.). Дарвинист // *Будильник*. 1875. № 31. С. 3-6.

- Из записной книжки, 1883 – Из записной книжки рассеянного ученого // *Будильник*. 1883. № 4. С. 30.
- Изобретения XXX столетия, 1911 – Изобретения XXX столетия // *Попрыгунья-стрекоза*. 1911. № 16. С. 12.
- Исаков, 1928 – Исаков С.К. 1905 год в сатире и карикатуре. Л., 1928.
- Какаду, 1904 – Какаду (Мазуркевич В.А.). У телефона (сценка) // *Развлечение*. 1904. № 4. С. 8.
- Калика Перехожий, 1889 – Калика Перехожий (Дорошевич В.М.). О пользе и вреде наук // *Будильник*. 1889. № 11. С. 3-4.
- Каск, 2016 – Каск А.Н., Бородин Д.А. Изобразить электричество. Развитие электротехники и журнальная иллюстрация конца XIX века // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2016. Т. 1. № 1. С. 190-212.
- Масанов, 1956-1960 – Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 1. М., 1956-1960.
- Н.Ф., 1911 – Н.Ф. (Фольбаум Н.А.) Телефонная страничка // *Будильник*. 1911. № 9. С. 11.
- Никифорова, 2017 – Никифорова Н.В., Сидорчук И.В. Культурная история электричества в России XIX века: электрический свет как спектакль и развлечение // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2017. Т. 38. № 3. С. 448-469.
- Никифорова, 2019 – Никифорова Н.В. Технологии как материальные и культурные артефакты: исследовательские подходы в современной западной гуманитаристике (по материалам книжной премии Edelstein 2016–2018) // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2019. № 3. С. 90-97.
- Попрыгунья-стрекоза, 1911 – Попрыгунья-стрекоза. 1911. № 16. С. 14.
- Прокоп, 1883 – Прокоп (Прокофьев В.А.). Удачный сеанс // *Будильник*. 1883. № 1. С. 3-4. С. 3.
- Развлечение, 1883 – Развлечение. 1883. № 4.
- Ратманов, 2017 – Ратманов П.Э. Маньчжурская чума 1910–1911 гг. в газетных карикатурах (часть 1) // *История медицины*. 2017. Т. 4. № 2. С. 161–173.
- Рябов, 2017 – Рябов О.В. «Родина-мать» в революционной карикатуре начала XX в.: легитимация и делегитимация власти // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 2. С. 84-97.
- Сатирикон, 1908a – Сатирикон. 1908. № 14.
- Сатирикон, 1908b – Сатирикон. 1908. № 18.
- Сатирикон, 1908c – Сатирикон. 1908. № 19.
- Сергеев, 2012 – Сергеев С.В. Становление основ государственной научно-технической политики в России // *Власть*. 2012. № 1. С. 131-133.
- Сидорчук, 2019 – Сидорчук И.В. Англофильство с удочкой: Английские корни спортивного рыболовства в России // *Философско-литературный журнал Логос*. 2019. Т. 29. № 1 (128). С. 203-232.
- Старовойтова, 2017 – Старовойтова Е.О. «Мой большой кулак еще при мне!»: боксерское восстание в Китае в российских сатирических изданиях начала XX века // *Новейшая история России*. 2017. № 2 (19). С. 81-97.
- Трубачев, 1904 – Трубачев С.С. Краткий очерк истории карикатуры в России // *Иллюстрированная история карикатуры. С древнейших времен до наших дней / Сост. А.В. Швыров*. СПб., 1904. С. 369-404.
- Фальсификация науки, 1900 – Фальсификация науки // *Будильник*. 1900. № 7. С. 1.
- Фандо, 2014 – Фандо Р.А. Биология в зеркале карикатуры // *Природа*. 2014. № 7 (1187). С. 87-95.
- Фандо, 2016a – Фандо Р.А. Карикатура как историко-научный источник // *История науки: источники, памятники, наследие*. М., 2016. С. 54-66.
- Фандо, 2016b – Фандо Р.А. Научная карикатура как зеркало настроений ученого сообщества: сатирический журнал зоологов Московского университета // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2016. Т. 37. № 1. С. 27-49.
- Филиппова, 2012 – Филиппова Т.А. «Враг с востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.
- Юревич, 2010 – Юревич А.В. Теневая наука в современной России // *Социология науки и технологий*. 2010. Т. 1. № 4. С. 154-169.
- Воз., 1903a – Воз. (Михайлов К.А.). Ломовые автомобили будущего // *Осколки*. 1903. № 17. С. 6.
- Воз., 1903b – Воз. (Михайлов К.А.). Правила для моторных гонок // *Осколки*. 1903. № 23. С. 5.
- Browne, 2001 – Browne J. Darwin in caricature: A study in the popularisation and dissemination of evolution // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 2001. No. 145(4). Pp. 496-509.
- Nikiforova, 2015 – Nikiforova N. The concept of technology and the Russian cultural research tradition // *Technology and culture*. 2015. Vol. 56. No. 1. Pp. 184-203.
- Paradis, 1997 – Paradis J.G. Satire and science in Victorian culture // *Victorian science in context / Ed. by B. Lightman*. Chicago, 1997. Pp. 143-175.
- Roberts, 2017 – Roberts I. 'Edison's Telephonoscope': the visual telephone and the satire of electric light mania // *Early Popular Visual Culture*. 2017. Vol. 15. No. 1. P. 1-25.
- Rudwick, 1975 – Rudwick M.J.S. Caricature as a Source for the History of Science: De la Beche's Anti-Lyellian Sketches of 1831 // *Isis*. 1975. Vol. 66. No. 4. P. 534-560.

Sonina, 2016 – *Sonina E.S.* The image of the censor in a magazine caricature of Russia XIX – early XX century // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Is. 1. P. 97-108.

Ulyanova, 2017 – *Ulyanova S., Nikiforova N., Sidorchuk I.* Representation of Cybernetics and Network Projects in the Soviet Society during the 1960s-1970s: the Socio-Political Context of Information Technologies / *2017 Fourth International Conference on Computer Technology in Russia and in the Former Soviet Union*. Zelenograd, Russia, 2017. P. 191-196.

Vucinich, 1975 – *Vucinich A.* Science in Russian culture. 1861-1917. Stanford, 1975.

References

A.L., 1896 – *A.L. [Lazarev-Gruzinskij A.S.]* (1896). Rasskaz iz zhizni XX stoletija [A Story from the life of the XX century]. *Budil'nik*. No. 10, pp. 6-7. [in Russian]

Aksenov, 2016 – *Aksenov V.B.* (2016). «Vragi Rossii» v zhurnal'noj karikature [“Enemies of Russia” in a magazine cartoon]. *Rossijskaja istorija*. No. 5, pp. 216-222. [in Russian]

Al't, 1896 – *Al't G. [Al'terson G.P.]* (1896). Fotografirovanie nevidimyh predmetov [Photographing invisible objects]. *Budil'nik*. No. 5, p. 4. [in Russian]

Al't, 1900 – *Al't G. [Al'terson G.P.]* (1900). Chudo-izobretenie [Miracle invention]. *Budil'nik*. No. 13, pp. 6-7. [in Russian]

Amerikanskij korrespondent, 1889 – *Amerikanskij korrespondent [Doroshevich V.M.]* (1889). Ja – u Jedisona [I'm the guest of Edison]. *Budil'nik*. No. 42, p. 4. [in Russian]

Arsenik, 1903 – *Arsenik.* (1903). Jelektricheskij brak [Electric marriage]. *Oskolki*. No. 21, p. 6. [in Russian]

Atom, 1883 – *Atom [Jastrebskij A.V.]* (1883). Teper' i prezhe [Now and before]. *Budil'nik*. No. 22, p. 171. [in Russian]

Aver., 1883 – *Aver [Reva I.M.]* (1883). Spiriticheskij seans [Seance]. *Budil'nik*. No. 11, p. 82. [in Russian]

Bahtin, 1990 – *Bahtin M.M.* (1990). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevek'ja i Renessansa [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance]. 2-e izd. Moscow. [in Russian]

Begemot, 1896 – *Begemot [Emel'janov (Kohanskij) A.N.]* (1896). Izobretatel' [Inventor]. *Budil'nik*. No. 36, p. 9. [in Russian]

Boz., 1903a – *Boz. [Mihajlov K.A.]* (1903). Lomovye avtomobili budushhego [Scrap cars of the future]. *Oskolki*, No. 17, p. 6. [in Russian]

Boz., 1903b – *Boz. [Mihajlov K.A.]* (1903). Pravila dlja motornyh gonok [Rules for motor racing]. *Oskolki*, No. 23, p. 5. [in Russian]

Browne, 2001 – *Browne J.* (2001). Darwin in caricature: A study in the popularisation and dissemination of evolution. *Proceedings of the American Philosophical Society*. No. 145(4), pp. 496-509.

Budil'nik, 1875a – *Budil'nik* (1875). No. 38. [in Russian]

Budil'nik, 1875b – *Budil'nik* (1875). No. 47. [in Russian]

Budil'nik, 1883a – *Budil'nik* (1883). No. 7. [in Russian]

Budil'nik, 1883b – *Budil'nik* (1883). No. 15. [in Russian]

Budil'nik, 1883c – *Budil'nik* (1883). No. 37. [in Russian]

Budil'nik, 1884 – *Budil'nik* (1884). No. 4. [in Russian]

Budil'nik, 1889 – *Budil'nik* (1889). No. 34. [in Russian]

Budil'nik, 1896 – *Budil'nik* (1896). No. 2. [in Russian]

Budil'nik, 1900 – *Budil'nik* (1900). No. 7. [in Russian]

Budil'nik, 1911 – *Budil'nik* (1911). No. 2. [in Russian]

Fal'sifikacija nauki, 1900 – *Fal'sifikacija nauki [Falsification of science]* (1900). *Budil'nik*, No. 7, p. 1. [in Russian]

Fando, 2014 – *Fando R.A.* (2014). Biologija v zerkale karikatury [Biology in the mirror of caricature]. *Priroda*. No. 7(1187), pp. 87-95. [in Russian]

Fando, 2016a – *Fando R.A.* (2016) Karikatura kak istoriko-nauchnyj istochnik [Caricature as a historical and scientific source]. In *Istorija nauki: istochniki, pamjatniki, nasledie*. Moscow, pp. 54-66. [in Russian]

Fando, 2016b – *Fando R.A.* (2016) Nauchnaja karikatura kak zerkalo nastroenij uchenogo soobshhestva: satiricheskij zhurnal zoologov Moskovskogo universiteta [Scientific caricature as a mirror of the moods of the scientific community: a satirical journal of zoologists of Moscow University]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki*. Vol. 37, No. 1, pp. 27-49. [in Russian]

Filippova, 2012 – *Filippova T.A.* (2012). «Vrag s vostoka». Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoj satiricheskij zhurnalistike nachala XX veka [“The Enemy from the East”. Images and rhetoric of enmity in Russian satirical journalism of the early XX century]. M. [in Russian]

Golikov, 2010 – *Golikov A.G., Rybachenok I.S.* (2010). Smeh – delo ser'eznoe. Rossija i mir na rubezhe XIX–XX vekov v politicheskij karikature [Laughter is a serious matter. Russia and the world at the turn of the XIX-XX centuries in political caricature]. Moscow. [in Russian]

Golikov, 2011 – *Golikov A.G.* (2011). Problemy istochnikovedcheskogo izuchenija politicheskoy karikatury (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.) [Problems of source study of political caricature (second half of XIX – beginning of XX century)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istorija*. No. 4, pp. 51-70. [in Russian]

Golikov, 2014 – *Golikov A., Rybachenok I.* (2014). Dzhon Bul' slomaet zuby... Obraz anglichanina v ruskoj politicheskoy karikature v konce XIX - nachale XX veka [John Bull will break his teeth... The image of an Englishman in Russian political caricature in the late XIX-early XX century]. *Rodina*. No. 11, pp. 5-8. [in Russian]

Grin'ko, 2018 – *Grin'ko I.A., Shevcova A.A.* (2018). «Djatel dokladodolbjashhij» i drugie zhivotnye: nauka v zerkale sovjetskoy karikatury [“A woodpecker that pecks reports” and other animals: science in the mirror of Soviet caricature]. *Istoricheskaja jekspertiza*. No. 2, pp. 276-291. [in Russian]

Isakov, 1928 – *Isakov S.K.* (1928). 1905 god v satire i karikature [1905 in satire and caricature]. Leningrad. [in Russian]

Iz zapisnoj knizhki, 1883 – Iz zapisnoj knizhki rassejannogo uchenogo [From the notebook of the absent-minded scientist] (1883). *Budil'nik*. No. 4, p. 30. [in Russian]

Izobretenija XXX stoletija, 1911 – Izobretenija XXX stoletija [Inventions of the XXX century] (1911). *Poprygun'ja-strekoza*. No. 16, p. 12. [in Russian]

Jurevich, 2010 – *Jurevich A.V.* (2010). Tenevaja nauka v sovremennoj Rossii [Shadow science in contemporary Russia]. *Sociologija nauki i tehnologij*. Vol. 1, No. 4, pp. 154-169. [in Russian]

Kakadu, 1904 – *Kakadu [Mazurkevich V.A.]* (1904). U telefona (scenka) [At the phone (scene)]. *Razvlechenie*, No. 4, p. 8. [in Russian]

Kalika Perehozhij, 1889 – *Kalika Perehozhij [Doroshevich V.M.]* (1889). O pol'ze i vrede nauk [On the benefits and dangers of science]. *Budil'nik*. No. 11, pp. 3-4. [in Russian]

Kask, 2016 – *Kask A.N., Borodin D.A.* (2016). Izobrazit' jelektrichestvo. Razvitie jelectrotehniki i zhurnal'naja illjustracija konca XIX veka [Depict electricity. Development of electrical engineering and magazine illustration of the late XIX century]. *Kommunikacii. Media. Dizajn*. Vol. 1, No. 1, pp. 190-212. [in Russian]

Masanov, 1956 – *Masanov I.F.* (1956–1960). Slovar' psevdonimov russskih pisatelej, uchenyh i obshhestvennyh dejatelej: V 4 t. T. 1 [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: In 4 vols. Vol. 1]. Moscow. [in Russian]

N.F., 1911 – *N.F. [Fol'baum N.A.]* (1911). Telefonnaja stranichka [Telephone page]. *Budil'nik*. No. 9, p. 11. [in Russian]

Nikiforova, 2015 – *Nikiforova N.* (2015). The concept of technology and the Russian cultural research tradition. *Technology and culture*, vol. 56, No. 1, pp. 184-203.

Nikiforova, 2017 – *Nikiforova N.V., Sidorchuk I.V.* (2017). Kul'turnaja istorija jelektrichestva v Rossii XIX veka: jelektricheskij svet kak spektakl' i razvlechenie [Cultural history of electricity in Russia of the XIX century: electric light as a performance and entertainment]. *Voprosy istorii estestvoznaniija i tehniki*. Vol. 38, No. 3, pp. 448-469. [in Russian]

Nikiforova, 2019 – *Nikiforova N.V.* (2019). Tehnologii kak material'nye i kul'turnye artefakty: issledovatel'skie podhody v sovremennoj zapadnoj gumanitaristike (po materialam knizhnoj premii Edelstein 2016–2018) [Technologies as material and cultural artifacts: research approaches in modern Western humanitarianism (based on the materials of the Edelstein book prize 2016-2018)]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. No. 3, pp. 90-97. [in Russian]

Paradis, 1997 – *Paradis J.G.* (1997). Satire and science in Victorian culture. *Victorian science in context*. Ed. by B. Lightman. Chicago, 1997, pp. 143-175.

Poprygun'ja-strekoza, 1911 – *Poprygun'ja-strekoza*. 1911, No. 16, pp. 14. [in Russian]

Prokop, 1883 – *Prokop [Prokofev V.A.]* (1883). [Successful séance]. *Budil'nik*, No. 1, pp. 3-4. [in Russian]

Ratmanov, 2017 – *Ratmanov P.Je.* (2017). Man'chzhurskaja chuma 1910–1911 gg. v gazetnyh karikaturah (chast' 1) [The Manchurian plague of 1910-1911 in newspaper cartoons (part 1)]. *Istorija mediciny*. Vol. 4, No. 2, pp. 161-173. [in Russian]

Razvlechenie, 1883 – *Razvlechenie* (1883). No. 4. [in Russian]

Rjabov, 2017 – *Rjabov O.V.* (2017). «Rodina-mat'» v revoljucionnoj karikature nachala XX v.: legitimacija i delegitimacija vlasti [“Motherland” in the revolutionary caricature of the beginning of the XX century: legitimization and delegitimization of power]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*. No. 2, pp. 84-97. [in Russian]

Roberts, 2017 – *Roberts I.* (2017). ‘Edison’s Telephonoscope’: the visual telephone and the satire of electric light mania. *Early Popular Visual Culture*. Vol. 15, No. 1, pp. 1-25.

Rudwick, 1975 – *Rudwick M.J.S.* (1975). Caricature as a Source for the History of Science: De la Beche's Anti-Lyellian Sketches of 1831. *Isis*. Vol. 66, No. 4, pp. 534-560.

Satirikon, 1908a – *Satirikon* (1908), No. 14. [in Russian]

Satirikon, 1908b – *Satirikon* (1908), No. 18. [in Russian]

Satirikon, 1908c – *Satirikon* (1908), No. 19. [in Russian]

Sergeev, 2012 – *Sergeev S.V.* (2012). Stanovlenie osnov gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politiki v Rossii [Formation of bases of the state scientific and technical policy in Russia]. *Vlast'*. No. 1, pp. 131-133. [in Russian]

Sidorchuk, 2019 – *Sidorchuk I.V.* (2019). Anglofil'stvo s udochkoy: Anglijskie korni sportivnogo rybolovstva v Rossii [Anglophilia with an angler's tackle: the English roots of the sport of angling in Russia]. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal Logos*. Vol. 29, No. 1(128), pp. 203-232 [in Russian].

Sonina, 2016 – *Sonina E.S.* (2016). The image of the censor in a magazine caricature of Russia XIX – early XX century. *Bylye Gody*. Vol. 39. Is. 1, pp. 97-108.

Starovojtova, 2017 – *Starovojtova E.O.* (2017). «Moj bol'shoj kulak eshhe pri mne!»: bokserskoe vosstanie v Kitae v rossijskih satiricheskikh izdaniyah nachala XX veka [“My big fist is still with me!”: boxer rebellion in China in Russian satirical publications of the beginning of XX century]. *Novejshaja istorija Rossii*. No. 2(19), pp. 81-97. [in Russian]

Trubachev, 1904 – *Trubachev S.S.* (1904). Kratkij ocherk istorii karikatury v Rossii [A brief sketch of the history of cartoons in Russia]. *Illjustrirovannaja istorija karikatury. S drevnejshih vremen do nashih dnei*. St. Petersburg, pp. 369-404 [in Russian].

Ulyanova, 2017 – *Ulyanova S., Nikiforova N., Sidorchuk I.* (2017). Representation of Cybernetics and Network Projects in the Soviet Society during the 1960s-1970s: the Socio-Political Context of Information Technologies / 2017 Fourth International Conference on Computer Technology in Russia and in the Former Soviet Union. Zelenograd, Russia, pp. 191-196.

Vucinich, 1975 – *Vucinich A.* (1975). Science in Russian culture. 1861-1917. Stanford.

Zheltova, 2017 – *Zheltova E.L.* (2017). Dirizhabl' kak aktor v social'noj seti Bruno Latura [The Airship as an actor in the social network of Bruno Latour]. In *Institut istorii estestvoznaniya i tehniki im. S. I. Vavilova. Godichnaja nauchnaja konferencija, posvjashhennaja 85-letiju IJET RAN*. Moscow, pp. 317-319. [in Russian]

Zheltova, 2018 – *Zheltova E.L.* (2018). Rannjaja aviacija v svete aktorno-setevoj teorii Bruno Latura [Early aviation in the light of Bruno Latour's actor-network theory]. *Tehnonauka kak kategorija istorii estestvoznaniya*. Moscow, pp. 63-83. [in Russian]

Zvonok, 1875 – *Zvonok [Svedencov I.I.]* (1875). Darvinist [Darwinist]. *Budil'nik*. No. 31, pp. 3-6. [in Russian]

Наука и техника в сатирических изданиях Российской империи 1870-1910-х гг.

Илья Викторович Сидорчук ^{a, b, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка изучения социальной истории науки и техники в России на примере сатирических изданий 1870–1910-х гг., где публиковались рассказы, скетчи, заметки и карикатуры, являвшиеся откликом на такие реалии эпохи, как domestикация технологий, вера в чудодейственные изобретения, незащитность человека перед наступлением техники и обскурантизм необразованной публики. Автор приходит к выводу, что наука и техника были неотъемлемыми персонажами отечественных сатирических изданий дореволюционной России. Они подарили писателям и художникам множество новых ярких метафор и образов. С одной стороны, в рассмотренных изданиях можно встретить скепсис в отношении возможностей технических новинок изменить в будущем мир к лучшему, насмешки над фанатиками-изобретателями и страх перед техническими новинками, с другой – издания выступали последовательными защитниками знания и просвещения. Объектами критики становились суеверия, предубеждения, вера в лженаучные идеи и обскурантизм, пороки необразованной публики. Также разоблачались различные стороны «теневого науки» и карьеризм псевдоученых.

Ключевые слова: история техники, карикатура, сатира, теньевая наука, спиритизм, наука и общество, журналистика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: i.sidorchuk@spbu.ru (И.В. Сидорчук)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 206-214. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.206
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Colonization, Migration and Porto Franco in the Far East of Russia in the late 19th – early 20th centuries

Elena O. Starovoytova ^a, Denis G. Yanchenko ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article based on the materials of the Russian State Historical Archive and the Russian State Historical Archive of the Far East characterizes the migration policy pursued by the central and regional authorities in the Far East of the Russian Empire. The active phase of peasant migration from European Russia and Siberia mainly touched upon the period of Stolypin transformations. While in the Amur region Russian colonization carried out in the territories prepared and relatively well developed in terms of infrastructure, Kamchatka and Sakhalin lacked attention and funding from the authorities. The Sakhalin Katorga, which lasted for more than 20 years, even after its abolition had an impact not only on the legal status of local residents, but also on the funding of the new settlers. The porto franco system, as an integral part of the policy of economic support for the Far East suburbs, accompanied by cheap labor from Northeast China since the 1870s and 1880s. It is noteworthy that all attempts to abolish porto franco accompanied by numerous discussions about the "yellow danger" and the need to strengthen Russian influence in the region.

Keywords: the Far East, colonization, migration, Chinese labor, Sakhalin, Kamchatka, agrarian issue, porto franco.

1. Введение

Освоение Дальнего Востока со второй половины XIX в. стало одной из первоочередных задач Российской империи, при решении которой правительство столкнулось с рядом известных сложностей – суровыми климатическими условиями, малонаселенностью края, отсутствием развитой транспортной инфраструктуры и др. После окончания Опиумных войн в Китае Восточная Азия стала зоной столкновения стратегических интересов великих держав, а также США и Японии. Эти факторы, наряду со значительной географической отдаленностью от центральной власти, усложняли процесс освоения Российской империей ее дальневосточных окраин. Помимо этого, как заметил российский историк А.В. Ремнев, «одной из важнейших особенностей функционирования региональной власти в Азиатской России XIX – начала XX веков было отсутствие четкой грани между внешней и внутренней политикой, незавершенность процесса оформления государственных границ» (Ремнев, 2004: 20). Несмотря на трудности, Россия планомерно расширяла свою экспансию на Дальний Восток, а со второй половины 90-х гг. XIX века перешла к политике активного экономического проникновения на Северо-Восток Китая (в Маньчжурию). Эти явления часто связывают как с личными амбициями Николая II, «желавшего вообще распространить влияние России на Дальний Восток» (Витте, 1994: 42), так и с изменившейся геополитической ситуацией в регионе в целом. Колонизация русских окраинных территорий требовала решения нескольких принципиальных задач. Первоочередной из них было заселение крестьянами из Сибири и европейской России Приамурья, Камчатки и Сахалина для нужд экономического развития края: создания современного сельского хозяйства, промышленности, торговли, инфраструктуры.

* Corresponding author

E-mail addresses: e.starovoytova@spbu.ru (E.O. Starovoytova), d.yanchenko@spbu.ru (D.G. Yanchenko)

2. Материалы и методы

2.1. Неопубликованные или малоизученные документы Российского государственного исторического архива (РГИА) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) позволяют комплексно охарактеризовать ситуацию с миграцией как русскоязычного населения империи, так и приток иностранной рабочей силы (преимущественно китайских и корейских рабочих) в изучаемый регион.

2.2. Методологической основой статьи стали общенаучные методы и принципы историзма, критический, сравнительный и системный анализы источниковой базы. Применение такой методологии обусловлено спецификой источников – это отчетные материалы чиновников разного уровня, представлявших как имперский центр, так и региональные управленческие элиты. Историко-генетический, историко-сравнительный и системный подходы помогли показать причинно-следственные связи и закономерности развития характеризуемого явления, учитывая его региональную специфику.

3. Обсуждение

В целом, большинство исследователей приходят к выводу о том, что со второй половины XIX века заселение Дальнего Востока России осуществлялось преимущественно добровольным путем, однако процесс этот оставался крайне медленным ввиду отдаленности дальневосточных регионов, а также наиболее затратным по сравнению с заселением других окраин страны (Любавский, 1996; Кабузан, 1976; Сидоркина, 1997). Сегодня Дальний Восток не обделен вниманием исследователей. Существующие характеристики проблем, традиционно выделяемых в историографии, были востребованы при подготовке данной работы (Кабузан, 1976; Дацышен, 2000; Ремнев, 2004; Ходяков, 2019; Иванов, 2019 и др.). Обеспечение колонизационной активности ресурсами и товарами в значительной степени было связано с системой порто-франко, введенной на начальном этапе заселения Дальнего Востока России (Алепко, 2003; Беляева, 2009; Беляева, 2004).

4. Результаты

Несмотря на наличие льгот для крестьян-переселенцев из европейской части России, в виде предоставления обширных земельных наделов, денежных ссуд, посевого зерна и даже сельскохозяйственных орудий и инвентаря, освобождения от уплаты податей на определенный срок, корейские и китайские переселенцы, осевшие в Приамурье еще в 1870–1880 гг. вели хозяйство успешнее русских. В отчете военного губернатора Амурской области за 1895 г. мы находим такие строки: «китайские подданные, проживающие на левом берегу Амура, ниже устья Зеи, живут в особом, сравнительно с русскими, привилегированном положении, пользуясь землей и всеми угодьями в пределах своей оседлости без всяких платежей за право пользоваться ими» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 80. Л. 1-1 об.). Даже во второй половине царствования Николая II льготы, какими бы существенными они ни были, мало способствовали переселению и закреплению населения в отдаленных частях огромного дальневосточного региона – на Сахалине и Камчатке. В целом, и участники описываемых событий, и исследователи приходили к выводу о том, что крестьянские хозяйства оказались не способны в должной мере обеспечивать продовольствием все население русского Дальнего Востока. В отчете приамурского генерал-губернатора министру внутренних дел за 1897 г. отмечено, что «данные о производительности Амурской и Приморской областей показывают, что продовольствие населения этих областей не обеспечивается местным производством» (в отчете приводятся данные о с/х производительности в регионе с 1883 по 1896 гг.) (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6 об.). Во многом это связывалось с тяжелыми условиями труда в регионе, приспособиться к которым русским переселенцам было крайне нелегко. Со второй половины XIX века наблюдался неуклонный рост числа китайских переселенцев, прежде всего из Северо-Восточных регионов Китая, в том числе крестьян, занимавшихся сельским хозяйством. По данным, приводимым Т.Н. Сорокиной, число китайских земледельцев только на территории Амурского края составляло 33 % от всего числа китайских переселенцев, которое насчитывало около 15 тыс. человек (Сорокина, 1999: 49).

Данные местной администрации свидетельствовали о том, что в 1895 г. население Амурской области составляло порядка 121516 жителей, из которых 80165 человек – сельское население с приисковыми рабочими (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6). По официальным данным, китайские и корейские земледельцы, хоть и были более привычны к обработке местных земель, очевидно, «кормили» лишь самих себя. Они не могли обеспечить нужды местного русского населения, порядка 30 % которого составляли военные. Несмотря на то, что темпы роста населения русского Дальнего Востока были не слишком высокими (в 1900 г. население Амурской области составило около 138 тыс. человек), исследователи отмечают, что количество неземледельческого населения увеличивалось значительно быстрее, чем количество земледельцев, что негативно сказывалось на обеспечении городов и поселков продовольствием (Устюгова, 2002: 14). В упомянутом выше отчете приамурского генерал-губернатора с тревогой говорилось об этой ситуации. С каждым годом, «с умножением земледельческого населения, площадь распаханых земель увеличивается, а вместе с тем увеличивается и количество собираемого хлебного зерна, но вместе с этим еще быстрее идет

увеличение городского и промыслового неземледельческого населения, а также количество расположенных в крае войск» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6 об.-7). Основные поставки недостающего хлеба, согласно этому же документу, осуществлялись из Китая, Японии, Одессы и Америки (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6 об.). С каждым годом темпы ввоза хлеба на Дальний Восток существенно увеличивались. Так, только через порты Владивостока и Николаевска было ввезено хлебных продуктов в 1893 г. – 715,2 тыс. пудов, в 1894 г. – 1 млн 497,7 тыс. пудов, а в 1896 г. – уже более 2,5 млн пудов (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 7 об.). Как подсчитано А.В. Алепко, доля завозимого из Сибири или из-за границы зерна для мукомольной отрасли Приамурского и Уссурийского краев к концу XIX века составляла более 66 % (Алепко, 2003: 33).

С началом аграрной реформы 1906 г. приток крестьянского населения на Дальний Восток увеличился, и с 1907 по 1913 гг. составлял около 40 тыс. человек в год (Простакишина, 2012: 54-58). Тем не менее архивные данные свидетельствуют о том, что ситуация с нехваткой крестьянского населения и, соответственно, с производством зерна в количестве, необходимом для обеспечения продовольственной безопасности региона, продолжала оставаться крайне актуальной. По отзывам современников, «при тех неблагоприятных для России условиях, которые сложились на Дальнем Востоке после войны с Японией, увеличение численности населения и укрепление русской народности в областях этого края представляется вопросом государственной важности» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 637. Л. 16). В качестве одной из мер по увеличению населения края с 1908 г. начался допуск в регион переселенцев из числа зарубежных старообрядцев и малороссов, преимущественно из Придунайских земель, с установлением особого льготного порядка их принятия в русское подданство. Отмечалось, что «переселенцы этого рода должны быть признаны наиболее пригодным для колонизации нашей дальневосточной окраины элементом», благодаря качествам, отличающим старообрядцев: трудолюбию, «неприхотливости к быту, а главное, преданности исконным началам русской народности» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 637. Л. 16 об.). Помимо этого, предполагалось, что такие переселенцы смогут привнести в край «более совершенные приемы сельскохозяйственной культуры» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 637. Л. 18). Однако вопрос с нехваткой местного продовольствия так и не удалось решить вплоть до кануна Первой мировой войны. Регион оказался в значительной зависимости от поставок зерна из Маньчжурии, что никак не могло соответствовать задаче обеспечения продовольственной безопасности дальневосточных окраин империи (Ходяков, 2018). Очевидно, что успехи не могли сопровождать все направления деятельности как центральной, так и региональной власти. В этом контексте вполне применимо утверждение А.В. Ремнева: «Реальное административное поведение империи на окраинах представляло собой совокупность (зачастую не систему и даже не комплекс) правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности, хозяйственное освоение регионов, ответы на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, а также учет управленческих и правовых традиций при элиминировании политических претензий» (Ремнев, 2004: 17).

Показательна ситуация, сложившаяся на Камчатке и Сахалине после Русско-японской войны, подробно охарактеризованная в рапортах местных чиновников Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) и Министерства внутренних дел (МВД). Область, «дотационная» даже по меркам Дальнего Востока, требовала принципиально иного подхода к вопросам экономического освоения и трудовой миграции. Поселенцы, в течение нескольких лет жившие в Камчатской области, «не имели в нем долгих связей, «укоренения» и могли вернуться в центральные губернии в любой момент» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 46 об.). В 1909 г. губернатор Камчатской области В.В. Перфильев писал о необходимости проводить своеобразный отбор «благонадежных» (т.е. имевших долговременные планы) переселенцев. Часть из них, в основном мастеровые, зачислялась в петропавловские мещане. Чиновник писал о целесообразности финансовой мотивации переселенцев с трудовыми навыками: «на побережье при устьях более или менее крупных рек мною сажается такой народ /преимущественно рабочих с рыбалок/, который обещает сделаться специально промысловым и создает на месте кадр промысловых рабочих для капиталистического рыболовства. Так, пока основалась колония при устье р. Озерной /начало ей было положено еще в 1907/8 годах/. Эти новоселы работали в текущем году на промысле Грушецкого, там же в Озерной, и в общем заработали до 6000 руб.» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 46 об.-47). Впрочем, даже консервативные публицисты проправительственной, «стольпинской», газеты «Окраины России» негативно оценивали перспективы рыбной отрасли: «японцы отправляют на Камчатку научно-исследовательские суда, изучающие рыбный промысел в соответствии с последними достижениями наукой», в отсутствие русских крейсеров хищнической эксплуатации подвергался пушной промысел на Командорских островах, страшным ударом по экономике края было пьянство, широко распространявшееся среди местных жителей... (Иванов, Котов, 2019: 55). Выделение русским артелям наиболее выгодных промысловых участков оставалось одной из ключевых мер стимулирования новых жителей Камчатки к долговременной хозяйственной деятельности.

Из Приамурья на север переселялись сектанты-молокане, люди достаточно состоятельные даже по местным меркам. Заметим, что проблемы Камчатки были характерны для раннего этапа освоения Приамурья: «привлечение на Камчатку переселенцев требует большой осторожности и таких же

опытов, как и посевы злаков, дабы предварительно выяснить, действительно ли переселенцы на Камчатке могут прочно и навсегда устроиться и в каком количестве» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 47 об.). Образцовые участки с высокой агрономической культурой создавались при поддержке властей и «укоренившихся» в регионе крестьян-старожилов (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 43-43 об.). Даже при постоянном внимании к миграционным делам областного губернатора по факту размеры крестьянского переселения ГУЗиЗ признавались «ничтожными». «Переселение на Камчатку обычным порядком по проходным свидетельствам едва ли применимо», – писал В.В. Перфильев в 1910 г. в Комитет по заселению Дальнего Востока, – «чтобы получить на Камчатке сильный и надежный элемент, нужно допустить вольное заселение» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 51 об.). Существенными проблемами были дороговизна, необходимость присылки строительных материалов из Владивостока, организация охраны промыслов от браконьерства (Иванов, 2019), недостаточная медицинская помощь, требовавшая финансовой поддержки от предпринимательских кругов. К примеру, петропавловскую лечебницу «какое-то время поддерживало Камчатское торговое-промышленное общество, выделяя по 2000 рублей в год» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 43-43 об.).

В целом вся организация и развитие торговли в регионе оказались тесно связанными с глобальной проблемой обеспечения жителей Дальнего Востока продовольствием. С началом колонизации региона, преследуя цель скорейшего включения этих районов в активную экономическую жизнь страны, правительство Российской империи ввело в 1860 г. на территории Приамурья и Приморья режим беспошлинной торговли – порто-франко. Эта мера была обычной практикой для второй половины XIX века и должна была способствовать привлечению востребованных местным населением товаров, а также иностранных инвестиций. Среди причин привлечения иностранного капитала для освоения дальневосточных окраин империи А.В. Алепко выделяет «отсутствие необходимых сумм в государственном казначействе; узость внутрироссийского денежного рынка; незаинтересованность крупной буржуазии экономического центра страны во вложении своих средств в промышленно-транспортные предприятия далекой и безлюдной окраины; крайний недостаток рабочих рук» (Алепко, 2003: 34). Эта мера была довольно успешной и способствовала значительному увеличению товарооборота в регионе в сжатые сроки. Основными предметами ввоза были товары первой необходимости: «бумажные, шелковые, шерстяные, пеньковые и льняные ткани, сахар, свечи, мыло, кожи и кожаные изделия, виноградные вина, изделия из благородных металлов» (Беляева, 2009: 6). С 90-х гг. XIX века регион стал остро нуждаться в орудиях для сельскохозяйственного производства, речных и морских судах, а также машинах для промышленных работ, рельсах и элементарного подвижного состава для возраставших нужд железнодорожного строительства Российской империи на Дальнем Востоке. Такая продукция поступала, главным образом, из Североамериканских Соединенных Штатов. Согласно данным департамента таможенных сборов, приводимым Л.Н. Гарусовой, в 1891–1900 гг. импорт североамериканских товаров в Российскую империю составлял 43 млн руб., в то время как экспорт – всего 2,6 млн руб. (Гарусова, 2001). И хотя речь в данном случае идет о всей российско-американской торговле за указанный период, очевидно, что во Владивостоке американский импорт значительно преобладал над русским экспортом. Современники даже шутили, что «всякая вообще американская вещь стоит втрое дешевле, чем в Америке» (Гарусова, 2001). Не удивительно, что уже со второй половины 80 гг. XIX века, опасаясь оттока капиталов и ухудшения позиций русской экспортной торговли, и как следствие чрезмерного укрепления иностранных предприятий на Дальнем Востоке России, сторонники протекционистских мер пытались ограничить режим порто-франко, стремясь обеспечить более выгодные позиции для представителей молодого российского капитала. Эта тенденция лишь усилилась на рубеже XIX и XX веков вслед за активизацией Западных держав и Японии в регионе и появлением потенциальной угрозы потери Россией дальневосточных окраин (Янченко, Старовойтова, 2018: 586).

Основным ударом по позиции сторонников сохранения режима свободной торговли стало начало строительства Транссибирской магистрали в 1891 г. Предполагалось, что теперь регион будет возможно снабжать сухопутным путем, и потребность в поставках товаров морем через Владивосток отпадет. В результате сторонники отмены зоны беспошлинной торговли на Дальнем Востоке одержали верх, он был отменен с 1 января 1901 г. Однако неподготовленность местных предпринимателей и плохая организация таможенного регулирования приводили ко множественным жалобам со стороны представителей деловых кругов дальневосточного региона. Н.А. Беляева отмечает, что «в отмене порто-франко и введении таможенного обложения местные предприниматели и поддерживающая их администрация Приморской области видели главную причину явно обозначившегося упадка Владивостока, который терял свои позиции важнейшего торгового центра» (Беляева, 2009: 7). Среди причин, повлиявших на ослабление экономического положения Приамурья в первые годы XX столетия, современники также называли строительство КВЖД и последовавший за этим отток капиталов в Маньчжурию (Беляева, 2009: 8). В попытках разрешить противоречия и побороть существенный рост контрабанды, доставляемой в Приамурье сухопутным путем, режим порто-франко был восстановлен в регионе в мае 1904 г. в условиях военных действий. Однако в целом торговый баланс на Дальнем Востоке продолжал складываться не в пользу

Российской империи. К примеру, в 1906 г. импорт товаров из Китая достигал 97,4 млн руб., тогда как экспорт российских товаров составил 57,5 млн руб. (РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 438. Л. 4).

Окончательная отмена режима беспошлинной торговли на Дальнем Востоке произошла лишь в марте 1909 г., когда вступил в силу «Закон Государственной Думы о закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства». Однако и тогда местные консулы отмечали «неподготовленность русских купцов к этой мере и неосведомленность их об ее введении, вследствие чего они могут нести значительные убытки» (РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 437. Л. 22 об.). Как пишет М.В. Ходяков: «Этот шаг привел к краху некоторых русских, а также китайских предприятий, строивших свои обороты исключительно на ввозе иностранных товаров» (Ходяков, 2019: 79). Согласимся с Н.А. Беляевой, которая, исследуя таможенную политику Российской империи на Дальнем Востоке в описываемый период, пришла к выводу о том, что «ни в одном регионе мира таможенные проблемы не приобретали такой остроты и не использовались так широко в качестве мощного оружия политического и экономического противоборства» (Беляева, 2004: 6). В условиях относительно слабого контроля русско-китайской границы (Дацышен, 2000) от Министерства финансов и правительства в целом требовалось непрерывное финансирование инфраструктуры и промышленности региона, всего проекта дальневосточной колонизации.

Удручающей даже после отмены каторги в 1906 г. была ситуация с заселением Сахалина. Как отмечалось в представлении 1907 г. военного губернатора Сахалина Приамурскому генерал-губернатору, «Сахалин... не включен в заселяемый переселенцами район, на нем нет сельских обществ, нет определенных казенных участков...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 113 об.). Северная часть острова была обследована в 1909 г. для определения площадей, пригодных для заселения. В Хабаровске действовала специальная Комиссия по колонизационному делу, обобщавшая поступающие материалы. Основная проблема острова – разрешение вопроса о статусе ссыльного населения, признания за ним прав сельских обывателей, тем более что по указу 13 марта 1908 г., по высочайшему повелению Сахалин был открыт для вольного заселения. Предельный размер надела определялся в 15 десятин (16,35 га – Авт.) как для старожилов, так и пребывавших поселенцев. «Земли старожилого населения занимают 67000 дес.; и только 53000 дес. остаются для образования переселенческих участков. Из старожильческих селений в 12 доприселение недопустимо за окончательным их заполнением, в остальных 15 таковое возможно» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 687. Л. 1-1 об.). 1500–2000 определенных чиновниками земельных долей Сахалина должны были привлечь переселенцев. Депопуляция острова после отмены каторги, нежелание прибывавших из европейской России крестьян уезжать на остров тревожили чиновников. «Размеры переселения на Сахалин крайне незначительны: за истекшее двухлетие (со времени открытия его для заселения) туда переселилось только 6 семейств и один одинокий домохозяин (всего 30 душ обоего пола), ...в 1910 году ожидается, на основании данных зачисления текущего года, всего 15 семейств (120 душ обоего пола)» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 687. Л. 1 об.).

За почти пять десятилетий существования каторги остров приобрел дурную славу, прав сельских обывателей у местного населения не было, как отмечалось в материалах хабаровской Комиссии по переселенческому делу, «возникают серьезные практические опасения, что ссыльное население, лишенное учтенной уже им возможности использовать выгоды своего фактического землепользования, крайне недружественно встретит переселенцев» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 112 об.), «если даже допустить, что современное фактическое землепользование каждого домохозяина будет тщательно обмежевано и ограничено в натуре прочными межевыми признаками, то и эта мера не облегчит новоселу занятие необходимых угодий, ибо ближайшие соседи – ссыльные – всегда найдут возможность серьезно вредить ему» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 113). Каторжане находились в ведении приамурского генерал-губернатора, и их землеустройство оказалось прерогативой власти. Вот как в мае 1911 г. характеризовал ситуацию приамурскому генерал-губернатору глава Приморского переселенческого района А.А. Татищев: «Семьи водворяются по общему правилу на земельных участках, покинутых бывшими ссыльнопоселенцами», участки «находятся в распоряжении соответственных сельских обществ», вследствие чего устройство новоселов предполагалось оформлять «приемными приговорами. Между тем в силу примеч. 2-го к ст. 42 правил о переселении, лица, водворяющиеся в старожилых обществах по приемным приговорам, получают ссуды лишь в половинном размере, явно недостаточном при дороговизне жизни на Сахалине... Сахалинские старожилы не могут иметь юридических прав на земли, покинутые бывшими засельщиками острова, и водворение на эти земли новоселов должно производиться исключительно распоряжением местных властей, без всяких приговоров обществ» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 113 об.). А.А. Татищев просил указать на проблему губернатору Сахалинской области и сообщал, что своей властью дал распоряжение о выдаче ссуд в предельном размере, установленном для крестьянских начальников.

Примечательно, что в оценках столичного, близкого к власти издания «Окраины России» японский опыт и успехи в колонизации южной части острова представлялись незначительными (Иванов, Котов, 2019: 55). К примеру, конкуренцию с японцами в Маньчжурии, соседствующей с

русским Дальним Востоком, власти к 1911 г. стремительно проигрывали и вынуждены были это признать. Северная же, русская часть острова Сахалин, в отличие от Маньчжурии, где существовали многочисленные консульские учреждения иностранных держав, огромное количество местных изданий, не обладала разнообразием источников информации и оставалась под бдительным административным контролем. Как отмечал А.В. Ремнев, «региональная политика империи преследовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой и административной однородности. Но конкретные потребности управления заставляли правительство продолжать учитывать региональное своеобразие территорий, что придавало административной политике на окраинах известную противоречивость» (Ремнев, 2004: 17). Административный ресурс позволял контролировать миграцию на остров, ни о каком вторжении иностранной рабочей силы не могло быть и речи.

Между тем вопрос о китайских переселенцах в Приамурье на рубеже XIX–XX веков оставался открытым. Помимо упомянутых земледельцев, с конца XIX века в регион стало проникать большое количество китайских рабочих, гонимых нехваткой пропитания на родине. В условиях дефицита рабочей силы для растущих хозяйственных нужд региона китайские работники оказались крайне востребованы. Рабочие-китайцы были заняты как на казенных, так и на частных предприятиях: в основном в строительстве – в первую очередь железнодорожных путей и портов, а также на работах по добыче полезных ископаемых. Китайский труд был крайне популярен у местных работодателей, т.к. азиатские работники требовали меньших расходов на содержание и довольствовались крайне скромным бытом. Современники отмечали, что в отличие от их соотечественников китайцы не пили, не требовали прибавки, не бунтовали, работали практически без выходных. Согласно архивным документам, на содержание среднестатистического китайского рабочего уходило 14–20 руб. в летний сезон (с мая по октябрь) и 12–15 руб. зимой, в то время как русские хотели получать 35–40 руб. в месяц летом и 40–45 руб. зимой (РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 966. Л. 127). Столь существенная разница в оплате иностранцев с лихвой компенсировала производительность их труда, которая была в среднем на 25 % ниже по сравнению с российскими рабочими. В целом, можно утверждать, что количество китайских переселенцев на Дальнем Востоке России в первые десятилетия XX столетия постоянно увеличивалось. Этому способствовали такие события, как окончание строительства КВЖД, когда на территории Маньчжурии высвободилось большое количество рабочих рук, а также Русско-японская война, приведшая к массовым миграциям китайского населения. Широкий диапазон мнений высшего военного руководства страны относительно планов на Дальнем Востоке и в Северной Маньчжурии отражался в дискуссиях о будущем региона. В оценках ситуации в так называемой «Желтой России» большинство представителей русской элиты были убеждены в том, что Россия не должна отказываться от военного, административного и экономического господства над Маньчжурией. При таких внешнеполитических установках создание искусственных преград для трудовой миграции при отсутствии полного контроля границы становилось в послевоенных условиях делом достаточно проблематичным.

Рост числа китайских переселенцев и трудности в вопросах административного регулирования этого процесса приводили к недовольству среди различных слоев местного русского населения. Уже с начала XX века все чаще слышались призывы к ограничению или даже полному запрету использования азиатского, в первую очередь китайского труда. Однако, как отмечает в монографии А.Г. Ларин, приток китайских переселенцев на русский Дальний Восток на рубеже XIX–XX все-таки был существенно меньше, чем количество прибывавших из европейской части России. Так, в 1910 г. количество китайских переселенцев даже с учетом погрешности в подсчетах стабильно составляло лишь 10–12 % от общего числа российских подданных, составлявшего порядка 1,2 млн человек (Ларин, 2009: 27).

5. Заключение

Ускоренная русская колонизация и заселение Дальнего Востока – безусловно, важнейшее начинание правительства, формировавшее экономическую повестку огромного региона. Проблемные территории – Северный Сахалин, отчасти Камчатка – находились на периферии политического внимания властей и экономической жизни региона. При этом районы, прилегавшие к Транссибу и КВЖД, стремительно обрастали новыми городами, поселками, заселялись как выходцами из европейской России, так и мигрантами. Полагаем, что китайский труд, несмотря на враждебную риторику центральной власти, с точки зрения региональных администраторов и предпринимателей, вряд ли представлял угрозу для процветания местного русского населения. Как и сегодня, он являлся важной составной частью хозяйственного освоения Дальнего Востока. Система порто-франко как составная часть политики по экономическому обеспечению окраины с 1870–1880 гг. сопровождалась привлечением дешевой рабочей силы из Северо-Восточного Китая. Примечательно, что все попытки отмены порто-франко сопровождались множественными дискуссиями о «желтой опасности» и необходимости усиления русского экономического влияния, но возымели эффект только в условиях думской монархии. В 1910–1911 гг. с подачи приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти была организована массовая депортация китайских нелегальных мигрантов, однако весной 1911 г.

сезонные рабочие потребовались даже военному ведомству (Иванов, Котов, 2019: 55). С началом Первой мировой войны, когда первоочередной задачей Российской империи стала ускоренная милитаризация экономики, именно железодобывающие и каменноугольные предприятия Дальнего Востока вновь стали инициаторами притока дешевого китайского труда (Ходяков, Чжао, 2017).

Восточные и северо-восточные территории колонизировались медленнее, чем Приамурье. Привлечение иностранного труда для их освоения стратегически не было оправданно. На Камчатке и Сахалине в ходе активной фазы столыпинского переселения расходы фактически ограничивались самыми неотложными потребностями. Обследование свободных площадей не проводилось, хождение ограничивалось отчасти в силу транспортной удаленности (Камчатка), но больше из-за опасений крестьянских волнений со стороны администрации края (Сахалин). Планы по созданию крупных животноводческих хозяйств остались на бумаге (Янченко, Слободзян, 2017: 100). В ноябре–декабре 1916 г. во Владивостоке рассматривался вопрос о проведении повторной экспедиции ГУЗиЗ для обследования Камчатки, связанного с тем, что условия переселения после проведенной административной реформы в области существенно изменились. Экспедиция планировалась на март 1917 г., и возглавить ее был должен уже проводивший исследование края семью годами ранее, в 1908–1909 гг., ст. сов. В.И. Рубинский. Однако в условиях 1917 г. перед центральной и региональной властью были поставлены совсем иные задачи. Революция и Гражданская война приостановили дело комплексного экономического освоения и колонизации Дальнего Востока.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)». The Russian Science Foundation supports this research. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)”.

Литература

- Алепо, 2003 – Алепо А.В. Государственная экономическая политика и иностранный капитал на Дальнем Востоке России: конец XVIII в. – 1917 г.: Автореф. дисс. ... д.и.н. Иркутск, 2003. 45 с.
- Беляева, 2009 – Беляева Н.А. Дискуссия о судьбе приамурского порто-франко (1901–1905) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2009. С. 5-10.
- Беляева, 2004 – Беляева Н.А. Таможенная политика России на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX веков: Автореф. дисс. ... д.и.н. Владивосток, 2004. 52 с.
- Витте, 1994 – Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. Т. 2: 1894–1905. Царствование Николая II. Таллин. М.: Скиф Алекс, 1994. 576 с.
- Гарусова, 2001 – Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: ВГУЭС, 2001. 178 с.
- Дацышен, 2000 – Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000. 215 с.
- Иванов, 2019 – Иванов А.А. Иностранное хищничество и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // *Научный диалог*. 2019. № 2. С. 221-236.
- Иванов, Котов, 2019 – Иванов А.А., Котов А.Э. Экономическая публицистика газеты «Окраины России» // *Вопросы истории*. 2019. № 8. С. 50-63.
- Кабузан, 1976 – Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (Вторая половина XVII – начало XX вв.) / В.М. Кабузан. 2-е изд., доп. Хабаровск: Кн. изд-во, 1976. 198 с.
- Ларин, 2009 – Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
- Любавский, 1996 – Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А.Я. Дегтярев. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. 682 с.
- Простакишина, 2012 – Простакишина Н.П. Особенности переселенческой политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // *История и археология* / Материалы Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 54-58.
- Ремнев, 2004 – Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: изд-во ОмГУ, 2004. 548 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
- Сидоркина, 1997 – Сидоркина З.И. Демографические процессы и демографическая политика на Российском Дальнем Востоке / З.И. Сидоркина; Рос. акад. наук. Дальневосточное отделение, Тихоокеанский ин-т географии. Владивосток: Дальнаука, 1997. 125 с.
- Сорокина, 1999 – Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск: Изд-во ОГУ, 1999. 264 с.
- Устюгова, 2002 – Устюгова О.А. Торговля на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в.: Автореф. дисс. ... к.и.н. Владивосток, 2002. 23 с.

Ходяков, 2019 – Ходяков М.В. Российское законодательство начала XX в. об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 60. С. 78-83.

Ходяков, 2018 – Ходяков М.В. Хлеб Маньчжурии и государственные интересы России на Дальнем Востоке накануне Первой мировой войны // *Вестник Рязанского государственного университета им С.А. Есенина*. 3 (60). Рязань, 2018.

Ходяков, Чжао, 2017 – Ходяков М.В., Чжао Чжицин. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. № 1. Санкт-Петербург, 2017. С. 7-30.

Янченко, Слободзян, 2017 – Янченко Д.Г., Слободзян Г.М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 12. С. 93-106.

Янченко, Старовойтова, 2018 – Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3. С. 583-595.

References

Alepko, 2003 – Alepko A.V. (2003). Gosudarstvennaya ekonomicheskaya politika i inostrannyi kapital na Dal'nem Vostoke Rossii: Konec XVIII v. – 1917 g.: avtoreferat dissertacii doctora istoricheskikh nauk [State Economic Policy and Foreign Capital in the Far East of Russia: End of the 18th century – 1917: abstract of dissertation for the degree of Doctor of History]. Irkutsk, 2003. 45 p. [in Russian]

Belyaeva, 2004 – Belyaeva N.A. (2004). Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: avtoreferat dissertacii doctora istoricheskikh nauk [Customs policy of Russia in the Far East in the second half of the XIX – beginning of the XX century: author's abstract for the PhD]. Vladivostok, 52 p. [in Russian]

Belyaeva, 2009 – Belyaeva N.A. (2009). Diskussiya o sud'be priamurskogo porto franko (1901–1905) [Discussion on the prospects of the Amur porto franco (1901–1905)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, pp. 5-10. [in Russian]

Dacyshen, 2000 – Dacyshen V.G. (2000). Ocherki istorii rossiysko-kitayskoi granicy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Essays on the history of the Russian-Chinese border in the second half of the 19th - early 20th centuries]. Kyzyl, 215 p. [in Russian]

Garusova, 2001 – Garusova L.N. (2001). Rossiysko-Amerikanskije regional'nye otnosheniya na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost' [Russian-American Regional Relations in the Far East: History and Modernity]. Vladivostok: VGUJeS, 178 p. [in Russian]

Ivanov, 2019 – Ivanov A.A. (2019). Inostrannoe khishchnichestvo i okhrana promyslovykh resursov na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Foreign “Predation” and Commercial Resources Protection in Far East of Russia (Late 19th – Early 20th Centuries)]. *Nauchnyi dialog*. 2: 221-236. [in Russian]

Ivanov, Kotov, 2019 – Ivanov A.A., Kotov A.E. (2019). Ekonomicheskaya publitsistika gazety «Okrainy Rossii» [Economic journalism of the newspaper «Okrainy Rossii»]. *Voprosy istorii*. 8: 50-63. [in Russian]

Kabuzan, 1976 – Kabuzan V.M. (1976). Kak zaselyalsya Dal'niy Vostok: (Vtoraya polovina XVII – nachalo XX v.) [How the Far East was settled: (Second half of XVII – beginning of XX century)]. Habarovsk: Kn. izd-vo, 198 p. [in Russian]

Khodjakov, 2018 – Khodjakov M.V. (2018). Hleb Man'chzhurii i gosudarstvennye interesy Rossii na Dal'nem Vostoke nakanune Pervoi mirovoi voyni [Bread of Manchuria and the state interests of Russia in the Far East on the eve of the First World War]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im S.A. Esenina*. 3(60), pp. 39-45. [in Russian]

Khodjakov, 2019 – Khodjakov M.V. (2019). Russian legislation of the early 20th century on the use of yellow labour in the economy of the Far East. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*. No. 60, pp. 78-83. [in Russian]

Khodjakov, Zhao, 2017 – Khodjakov M.V., Zhiqing Zhao (2017). Chinese Labor Migration to Russia during the First World War. *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 1, pp. 7-30. [in Russian]

Larin, 2009 – Larin A.G. (2009). Kitayskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost' [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. M.: Vostochnaya kniga, 512 p. [in Russian]

Lubavskiy, 1996 – Lubavskiy M.K. (1996). Obzor istorii russkoy kolonizacii s drevneyshih vremen i do XX veka. A.Ya. Degtyarev (ed.) [Review of the history of Russian colonization from ancient times to the XX century]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 682 p. [in Russian]

Prostakishina, 2012 – Prostakishina N.P. (2012). Osobennosti pereselencheskoy politiki na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX v. – nachale XX v. [Features of the migration policy in the Far East in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century]. *Istoriya i arheologiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii (g. Sankt-Peterburg, noyabr' 2012 g.)*. SPb.: Renome, pp. 54-58. [in Russian]

Remnev, 2004 – Remnev A.V. (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov [Russia of the Far East. Imperial geography of power of the XIX – early XX centuries]. Omsk: Izdatel'stvo OmGU, 548 p. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv [Russian State Historical Archives].

RGIA DV – Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Dal'nego Vostoka [Russian State Historical Archive of the Far East].

Sidorkina, 1997 – Sidorkina Z.I. (1997). Demograficheskie processy i demograficheskaya politika na Rossijskom Dal'nem Vostoke [Demographic processes and demographic policy in the Russian Far East]. Z.I. Sidorkina; RAS. Dal'nevostochnoe otdelenie, Tihookeanskiy institut geografii. Vladivostok: Dal'nauka, 125 p. [in Russian]

Sorokina, 1999 – Sorokina T.N. (1999). Hozyaistvennaya deyatelnost' kitayskih poddannyh na Dal'nem Vostoke Rossii i politika administracii priamurskogo kraja (konec XIX – nachalo XX vv.) [Economic activity of Chinese subjects in the Far East of Russia and the policy of the administration of the Amur Region (late 19th – early 20th centuries)]. Omsk: Izd-vo OGU, 264 p. [in Russian]

Ustyugova, 2002 – Ustyugova O.A. (2002). Torgovlya na yuge Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX v.: avtoreferat dissertacii kandidata nauk [Trade in the South of the Far East of Russia in the second half of the XIX century: abstract for the PhD]. Vladivostok, 23 p. [in Russian]

Vitte, 1994 – Vitte S.Ju. (1994). Vospominaniya: V 3 t. T. 2: 1894-1905. Tsarstvovanie Nikolaya II [Memoirs: In 3 volumes. Vol. 2: 1894-1905. The reign of Nicholas II]. Tallin, M.: Skif Aleks, 576 p. [in Russian]

Yanchenko, Slobodzyan, 2017 – Yanchenko D.G., Slobodzyan G.M. (2017). Kolonizatsiya Russkogo Dal'nego Vostoka v pravitel'stvennoi politike 1909-1911 gg. [Colonization of the Russian Far East in the government policy of 1909-1911]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No 12. pp. 93-106. [in Russian]

Yanchenko, Starovoytova, 2018 – Yanchenko D.G., Starovoytova E.O. (2018). Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after Russo-Japanese War: the regional dimension and the St. Petersburg policy. *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 8. No. 3, pp. 583-595. [in Russian]

Колонизация, миграция и порто-франко на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв.

Елена Олеговна Старовойтова ^а, Денис Геннадьевич Янченко ^а . *

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах Российского государственного исторического архива и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока охарактеризована миграционная политика, проводимая центральными и региональными властями на Дальнем Востоке Российской империи. Активная фаза крестьянского переселения из европейской России и Сибири затрагивала преимущественно период столыпинских преобразований. Если в Приамурье русская колонизация велась на подготовленных и относительно хорошо развитых по инфраструктуре территориях, то Камчатке и Сахалину внимания властей и финансирования не хватало постоянно. Сахалинская каторга, просуществовавшая почти 35 лет, даже после отмены оказывала влияние не только на юридический статус местных жителей, но и на финансирование переселенцев. Система порто-франко как составная часть политики по экономическому обеспечению дальневосточной окраины с 1870–1880 гг. сопровождалась привлечением дешевой рабочей силы из Северо-Восточного Китая. Примечательно, что все попытки отмены порто-франко сопровождались множественными дискуссиями о «желтой опасности» и необходимости усиления русского влияния.

Ключевые слова: Дальний Восток, колонизация, миграция, китайская рабочая сила, Сахалин, Камчатка, аграрный вопрос, порто-франко.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: e.starovoytova@spbu.ru (Е.О. Старовойтова), d.yanchenko@spbu.ru (Д.Г. Янченко)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 215-225. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.215
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Mission of Henry Drummond Wolf and New Tendencies in English Politics in Iran under the Conservatives at the end of the XIX century

Sofya I. Gabrielyan ^{a, *}, Azizbek G. Kholliiev ^a, Abdurasul A. Razakov ^a, Askhat A. Beikyziev ^a

^aNational University of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

Abstract

One of the interesting pages in the history of the Middle East is the "big game" in which, as in a whirlpool, were drawn into the major European countries – England and Russia. Persia was caught between the Russian hammer and the British anvil. The struggle for Persia was very fierce, the governments used all means and methods to turn Iran into their colony. Although the motives were different for Russia and the UK, but the goal was the same. Each power tried to achieve its own hegemony in Persia through a combination of means, the main of which were: influence over the Shah and his chief Ministers, trade, concessions, intimidation. In order to use any of them freely, it was necessary for England and Russia to secure access to as much of Persian territory as possible, while at the same time trying to limit the rival. In order to outdo its rival, the British government sent Henry Drummond Wolff as her Majesty's Ambassador. He had great authority and influence, was a zealous supporter of Eastern diplomacy. As the British envoy to Tehran, he was able to conclude treaties with the Shah of Iran, which granted Great Britain a number of very favorable concessions, such as the permission of navigation on the Karun river for British ships, the opening of the Shahinshah Bank, and so on.

The article attempts to analyze how the mission of Henry Wolff influenced the course of the "big game" and how England became the main player on the Middle Eastern chess Board by the beginning of the twentieth century.

Keywords: Iran, concessions, British penetration, Anglo-Russian rivalry, Karun, mission of Henry Drummond Wolf, Shahinshah bank.

1. Введение

В конце 80-х годов XIX века идет лихорадочная борьба за колонии и рынки сбыта. Захватываются целые страны, происходит раздел континентов. Конец XIX века принес с собой волну политической и экономической борьбы Англии и России за Иран. Каждое из государств пытается утвердить свое господство в регионе Среднего Востока. Для решения этой задачи используются экономические и политические средства. Главными проводниками в таком проникновении становятся дипломаты и послы.

В конце XIX века в Персии проводником британской политики становится Генри Друммонд Вольф – мастер восточной дипломатии. Благодаря его деятельности Великобритания смогла получить очень прибыльные концессии.

2. Материалы и методы

Основными источниками, используемыми при написании статьи, стали фонды Архива внешней политики Российской империи. Были привлечены материалы фондов Персидский стол,

* Corresponding author

E-mail addresses: gabsofya@yandex.ru (S.I. Gabrielyan)

Среднеазиатский стол, Миссия в Персии, содержащие дипломатическую переписку российского посла в Тегеране, донесения консулов, докладные записки, обзоры событий в Иране, переписку посла в Лондоне, инструкции послам и т.д. Также были использованы материалы из зарубежных архивов, отражены документы из фондов Форин Оффиса Великобритании, представленные в Public Record Office – Архиве официальных документов Англии. В этих фондах сосредоточены все секретные документы, в которых наиболее полно раскрывается характер и содержание британской политики на Среднем Востоке.

В качестве основных методологических подходов для написания статьи использованы объективно-исторический, историко-сравнительный методы и цивилизационный подход, что позволило учесть объективные и субъективные факторы в изучении основных направлений внешней политики Великобритании в Персии. Данные методы применялись при рассмотрении внешнеполитического курса правительства Великобритании в Иране при консерваторах. В статье проводится сравнительный анализ смены приоритетов – от простого экономического проникновения, затем политического влияния и, наконец, установления британского контроля над южной частью Персии в конце XIX в. В этой связи большая роль отводится деятельности представителя «восточной дипломатии» английского посланника Генри Д. Вольфа. Именно благодаря его инициативности, ловкости и хитрости Великобритания смогла получить большое количество монополий и концессий.

Также в статье авторы используют цивилизационный подход при раскрытии вопросов, позволяющих проанализировать влияние европейской цивилизации на восточную и какие последствия она оказала на Средний Восток в целом, и на Иран в частности.

3. Обсуждение

Проблема британского проникновения в Иран в конце XIX – начале XX вв. привлекала внимание ученых разных стран. Этой теме посвятил большинство своих работ известный английский иранист Э. Броун, среди которых наиболее значительной является «Персидская революция 1905–1909 гг.» (Browne, 1910). Автор всесторонне осветил политику вмешательства и агрессии Англии и России в Иран. Следующим трудом, который анализирует европейскую политику на Среднем Востоке, является монография Стенли Стембриджа «Парламент, пресса и колонии, 1846–1880» (Stambridge, 1902).

Особое внимание заслуживает работа профессора Лондонского университета Р.Л. Гривс «Персия и оборона Индии. 1884–1892» (Greaves, 1959). Она открыла новую страницу в исследовании данной проблемы. По мнению автора, задачей англичан являлось осуществление и поощрение таких мер, «которые могли бы улучшить правление в Иране, в армии и жизни народа так, чтобы персы в случае надобности не стали призывать их как избавителей» (Greaves, 1959). Иран же должен был стать «буферным государством», служившим внешним укреплением в обороне Индии. Также необходимо отметить работу Н. Кедди «Религия и восстание в Иране» (Keddy, 1966). Данный труд наиболее глубоко и всесторонне осветил вопросы миссии британского посла Генри Друммонда Вольфа в 1888 г., его деятельность в получении ряда крупных концессий.

Из работ советских и российских исследователей проблеме англо-русского соперничества была посвящена монография Л.М. Кулагиной «Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX веков» (Кулагина, 1981) и другие (Бондаревский, 1968, Жигалина, 1990), в которых авторы указывают на масштабы англо-русского конфликта в Иране в конце XIX столетия, явившегося составной частью межимпериалистической борьбы за раздел мира. Также необходимо отметить фундаментальный труд С.М. Алиева «История Ирана. XX век» (Алиев, 2004), в котором освещаются главные события в истории страны конца XIX–XX веков.

Авторами был проанализирован и ряд статей в фундаментальных научных журналах. Следует особо остановиться на статье в журнале «Былые годы» «Наш шах – русский император»: малоизвестные страницы персидской революции 1905–1911 годов» (часть 1) (Gao et al., 2019: 1366). В статье освещаются события иранской революции начала XX века через призму русско-английских отношений и влияния русской революции 1905 г. на Персию.

4. Результаты

Политическая борьба за Иран вновь начинается с приходом к власти консервативного правительства во главе с лордом Солсбери, при котором наблюдается резкое усиление Великобритании.

Сразу же с утверждением лорда Солсбери премьер-министром в дипломатических кругах оживился интерес к иранской проблеме. В июне 1886 г. бывший директор английского телеграфа в Иране полковник Мердок-Смит по просьбе графа Кембриджского, занимавшего пост секретаря Форин Оффиса, написал докладную записку о проблеме «укрепления Персии», где изложил свой план усиления позиций Англии в этой стране. Он заключался в том, чтобы улучшить коммуникации южной части Ирана, прилегающих турецких, арабских владений, открыть Тигр и Карун для навигации и построить дорогу от Шуштера до Кума.

Главной целью оставалась необходимость укрепления политических, стратегических и коммерческих позиций Англии на юге Ирана. По мнению автора проекта, существуют две английские компании, которые вполне готовы к претворению данного проекта в жизнь. Первая – это компания «Грей, Дэвис и К», лондонские представители Британской Индийской паровой компании, председатель которой К. Маккинон являлся также одним из сопредседателей правления Суэцкого канала. Второй компанией управлял Г.С. Маккензи, который уже получил некоторые права над Каруном.

Мердок-Смит был абсолютно уверен, что Британская Индийская паровая компания найдет деньги для строительства дороги от Шуштера до Кума, если навигация на р. Карун будет уступлена ей и от турок будет получено разрешение для парового плавания по Тигру между Басрой и Мосулом. «Если бы такой план был осуществлен, – писал Мердок-Смит, – Англия имела бы коммерческое и политическое превосходство над всей территорией к югу от линии Мосул-Керман-шах-Исфаган-Иезд-Герат. Для России остался бы север от этой линии» (PRO. F. O. 539. V. 27. P. 115).

Коммерческие соображения играли важную роль в проектах навигации на Каруне. Но не меньшее значение имели также и вопросы военно-стратегического и политического характера.

В 1875 г. группа английских магнатов вступила с шахом в переговоры о приобретении в аренду города Мохаммера, который являлся главным центром на реке Карун для развития англо-иранской торговли. Но переговорам так и не удалось увенчаться успехом. Шах не без влияния русского царя, у которого были свои цели, отказал англичанам. При этом шахское правительство заявило, что продажа каких-либо иранских городов иностранным державам не может быть предметом обсуждения. Однако мысль завладеть городом не покидала англичан, которые стали предпринимать ряд обходных маневров. Вскоре они попытались убедить шаха назначить губернатором провинции Хузестан с центром в Мохаммере шейха Мизалья, который был ими давно подкуплен. Именно путем подкупа шахского правительства английские политики добились своего, и шейх Мизаль в 1881 г. был назначен правителем Мохаммеры. Таким образом, ключ к Каруну – г. Мохаммера – оказался в руках англичан в лице преданного им Мизалья.

В 1879 г. после тщательного исследования возможностей навигации по Каруну английские дипломаты впервые выдвигают этот вопрос на переговорах с Наср-эд-Дин-шахом. Соответственно договору 1879 г. англичане предложили проект, по которому Ирану передавались Герат и Сеистан. Кроме того, устанавливалась определенная денежная субсидия иранскому правительству в обмен на открытие навигации по р. Карун. Шах польстился на приманку, однако был вовремя предупрежден русским послом И.А. Зиновьевым об опасных последствиях такого шага и вынужден был отклонить предложение англичан» (Greaves, 1959: 51).

В 1884 г. лорд Гренвилл, ставший министром иностранных дел в новом либеральном правительстве Гладстона, пришедшим к власти в 1880 г., снова обращается к шаху с предложением открытия навигации на Каруне. Но русские дипломаты сумели вновь разъяснить правителю Ирана политический смысл предлагаемой сделки и указать на возможность превращения местных племен в послушное орудие англичан в борьбе за ослабление центрального правительства.ю что и помогло добиться отказа шаха. Когда же в 1885 г. лорд Солсбери вторично пришел к власти, его планы в отношении Ирана стали значительно скромнее. Он интересуется теперь двумя проблемами: во-первых, сохранение Англией влияния в юго-восточных провинциях Ирана, в связи с чем он вел постоянную игру с шахом, обещая последнему весь Сеистан. Во-вторых, укрепление своих позиций в юго-западном районе Ирана, чрезвычайно важном с точки зрения политического, стратегического и экономического положения Англии на Среднем Востоке. И отсюда главная цель заключалась в стремлении добиться концессии на проведение дороги от Мохаммеры до Тегерана и открытия судоходства по реке Карун (Кулагина, 1981: 30).

Для выполнения этих задач Солсбери послал специального представителя английского правительства в Иран А. Никольсона в январе 1886 г., который, прибыв в Тегеран, начал систематическую обработку шаха. Он пугал иранских государственных деятелей перспективой потери интереса Англии к судьбе Ирана. Со своей стороны лорд Солсбери в беседах с иранским послом Малкольм-ханом предлагал ему провести ряд реформ, после которых Иран может рассчитывать на помощь Англии. Среди них главным было предложение перенести столицу из Тегерана от «неудобной близости» к русским форпостам на Каспии на юг, например, в Исфаган. Причем перенесение столицы должно было сопровождаться развитием коммуникаций к Персидскому заливу (PRO. F. O. 539. V. 27. P. 145). И по словам русского посла в Лондоне Бутенева, Малкольм-хан всеми мерами содействовал получению англичанами концессии на строительство дороги от Тегерана к Персидскому заливу (Кулагина, 1981: 31).

На рубеже XIX–XX вв. возникла еще одна форма соперничества России и Англии в Персии – «линейная», то есть соперничество торговых и стратегических путей, контролируемых державами. Она вылилась в «соперничество проектов» – строительства железных дорог, средств связи и т.д., что отразилось и на положении в Персии. В то же время появились и проекты раздела Персии на сферы влияния, что рассматривалось в качестве возможного пути решения персидского вопроса и смягчения «фронтального» типа соперничества. Об этом британский посланник в Тегеране Г. Вольф

беседовал с российским послом в Лондоне Стаалем, а осенью 1888 г. обратился с таким предложением к Александру III во время его поездки в Берлин. В 1898 г. британский премьер-министр Солсбери в связи с разрешением противоречий на Дальнем Востоке предложил российской стороне заключить соглашение общего плана о разграничении сфер влияния на Востоке от Константинополя до Пекина (Медведик, 2012: 136).

Солсбери торопится. В Тегеране Артур Никольсон буквально не дает передышки шаху, требуя скорейшего решения вопроса о развитии коммуникаций на юге страны.

Переговоры относительно концессии велись министром иностранных дел Ирана Мирзой Хосейн-ханом Мошир од-Доуле. Когда же переговоры зашли в тупик, А. Никольсон, действуя в соответствии с полученными им от английского правительства инструкциями, официально заявил, что «в случае, если эта концессия не будет выдана, то английская миссия покинет Иран и Великобритания разорвет дипломатические отношения между двумя странами» (АВПРИ. Ф. 124. Оп. 488. Д. 2993. Л. 29).

В мае 1886 г. Наср-эд-Дин-шах ответил, что он «полон решимости решить вопрос сейчас же», но с одной существенной оговоркой, предусматривающей сначала строительство железной дороги, а затем уже открытие Каруна для навигации, причем навигация должна находиться в руках персидской компании, которую шах намеревался создать специально для решения этого вопроса. Сообщая об этом решении шаха в Лондон, Никольсон предлагал немедленно воспользоваться сложившейся ситуацией (PRO. F. O. 539. V. 30. P. 87).

В январе 1887 г. Никольсону прислали проект концессии на строительство железной дороги с указанием того, что в случае принятия шахом проекта «ответственные деловые фирмы» займутся им и откроют подписку на средства для его осуществления. По этому проекту Иран обязывался предоставить британской компании право строительства железной дороги от Ахваза до Тегерана через Дизфуль, Хорамбад, Буруджирд, Султанабад и Кум. В период строительства дороги компания получала право на организацию паромного сообщения по реке Карун между Мохаммерой и Ахвазом, но под иранским флагом.

Все материалы, которые требовались компании для строительства дороги, ее содержания и ремонта, во время строительных работ должны были освобождаться от налогов и пошлин. Вдоль всей линии железных дорог компания получала бесплатно земли по 10–15 км по обе стороны от дороги. Шахское правительство обязывалось также предоставить компании право на рубку леса из ближайших к линии государственных лесов, однако у частных собственников лес покупался обычным путем.

В качестве оплаты за строительство дороги компании предоставлялось право на получение доходов с иранских таможен. Иранское правительство приобретало от эксплуатации железных дорог максимум дохода в размере 55 тысяч фунтов стерлингов в год и, кроме того, четверть всех дополнительных доходов. В проекте оговаривалось, что правительство Ирана будет гарантировать от всех «конкуренций по земле и воде до тех пор, пока доход от компании не составит 10 % от всего вложенного капитала в течение 15 лет подряд только от железных дорог, независимо от всех других доходов компании» (PRO. F. O. 539. V. 33. P. 44). Этот пункт означал, что практически ни одна другая страна никогда не смогла бы строить в Иране ни железных дорог, ни использовать водные артерии для открытия навигации парового флота.

Это был грабительский проект. В нем отсутствовало даже упоминание о каком-либо равноправии или взаимной выгоде. Он практически увековечивал господство Англии в хозяйственной жизни Ирана. Указывалось, что если в случае истечения 25-летнего срока правительство Ирана вздумает изменить условия договора, то оно должно будет уплатить сумму, равную общим доходам компании за предыдущие 5 лет (PRO. F. O. 539. V. 33. P. 44).

Данный проект был передан на обсуждение финансовым кругам Великобритании, заинтересованным в его осуществлении. В итоговом Меморандуме указывалось на чрезвычайную политическую и коммерческую важность «обеспечить по меньшей мере южную часть Персии от интриг других держав» и «открыть более половины страны для британской торговли». Особо была подчеркнута важность той части концессионного проекта, которая фактически передавала будущей железнодорожной компании морскую и речную таможи, т.к. они стали бы в руках английского правительства важным средством давления на шаха с целью получения его согласия на дальнейшие политические и экономические уступки (PRO. F. O. 539. V. 33. P. 44).

Никольсону медлить было нельзя, ибо до него стали доходить слухи, что новый русский посол князь Долгорукий везет с собой проект железной дороги на севере Ирана. Тогда Англия потеряет политическое влияние в Персии. Уже 20 марта 1887 г. Никольсон добился аудиенции шаха специально по проблеме коммуникаций на юге страны. Наср-эд-Дин-шах оставался верен себе и ответил в традиционном стиле, что считает данный проект приемлемым по коммерческим и политическим соображениям, но некоторые пункты вызывают у него сомнения. Например, шах указывал на пункт, который в ряде случаев мог принудить Иран выкупить железную дорогу, тогда как совершенно очевидно, что Иран никогда не сможет этого сделать, ибо у него практически нет для этого денег. Трудным был вопрос и о таможнях. По мнению шаха, иранская сторона могла бы

уступить четверть доходов с таможи в распоряжение железнодорожной компании, но сами таможи следует оставить в распоряжении местной администрации. А. Никольсон стал возражать, что план был выработан на чрезвычайно легких для Ирана условиях» (PRO. F. O. 539. V. 34. P. 39).

Однако шах выразил желание проконсультироваться со своими министрами, что привело в ярость английского посла. Он убеждал шаха в том, что единственным министром, умным, дальновидным, является он сам. «Его Величество наивно согласился, что это есть сущая правда», – подчеркивал А. Никольсон в депеше лорду Солсбери (PRO. F. O. 539. V. 34. P. 39). Он пустил в ход все козыри, которыми располагали британские дипломаты. В конце марта 1887 года он передал шаху ноту, в которой предупреждал, что всякое открытие каких-либо коммуникаций на севере Ирана, прежде чем подобное мероприятие будет осуществлено на юге, будет рассматриваться как «доказательство недружественных чувств по отношению к правительству Ее Величества» (PRO. F. O. 539. V. 34. P. 60).

С другой стороны, он отправил военного атташе полковника Маклина в Мешхед, чтобы инспирировать письма от муллы и местной знати шаху, в которых выражалась бы просьба начать строительство железной дороги на юге для преодоления отсталости страны (PRO. F. O. 539. V. 34. P. 114). Но на сей раз ничего не помогло. В июне 1887 г. Наср-эд-Дин-шах повелел передать Никольсону о своем нежелании вести переговоры о железных дорогах до весны 1888 г., т.е. до путешествия в Европу. Англичан такой поворот событий встревожил не на шутку. Лорд Солсбери решает отозвать А. Никольсона из Тегерана и послать на его место более решительного и искусного в восточной дипломатии человека (Nicolson, 1930: 71-72). Выбор пал на Генри Друммонда Вольфа, исполнявшего обязанности посла Ее Величества в Константинополе. Это был человек «хорошо образованный, умный, циничный, с бьющей через край энергией» (Казем-Заде, 2004: 184).

Вольф был направлен в качестве английского посла в феврале 1888 г. В инструкциях, подписанных Солсбери, говорилось о заинтересованности Англии в сохранении территориальной целостности Ирана, развитии ее ресурсов и намерении видеть правительство страны сильным, независимым и дружественным. Лорд Солсбери не очень беспокоился о целостности Ирана, полагая, что между Англией и Россией издавна существует по этому вопросу понимание, которое служит гарантией аннексии какой-либо части Ирана со стороны России. Британские дипломаты постепенно убеждали шаха и его министров открыть Карун для паровой навигации, но благодаря, в огромной степени русскому, противодействию, их представления были безуспешными (Greaves, 1959: 263). И осуществление этого проекта рассматривалось в качестве главной задачи Генри Друммонда Вольфа.

Получив инструкции, Вольф предпринимает ряд попыток склонить на свою сторону принца Зил-эс-Солтане. Но результаты были разочаровывающими. Еще до назначения в Иран Вольфа в переговоры с принцем вступает генеральный английский консул в провинции Фарс Е.С. Росс. Его задача заключалась в том, чтобы добиться от Зил-эс-Солтане обещания оказать содействие в получении концессии. Внимание англичан к принцу не оставалось незамеченным со стороны России, и ее дипломаты сделали все, чтобы восстановить шаха против своего сына. В 1887 г. шах лишил Зил-эс-Солтане всех его постов, кроме поста губернатора Исфагана.

Эта отставка не была случайной, ибо англичане высказывались о своем желании видеть принца на иранском престоле в случае смерти Наср-эд-Дин-шаха. Длительная борьба, которая велась между первым министром Амин-эс-Солтане и Зил-эс-Солтане за единоличную власть над шахом, закончилась поражением последнего. Это позволило сказать лорду Солсбери, что происходило сведение счетов за все те выпады, которые Зил-эс-Солтане позволял себе против Амин-эс-Солтане (Greaves, 1959: 154). Впоследствии лорд Солсбери считал, что попытка использовать Зил-эс-Солтане в политических и дипломатических интригах была ошибкой (PRO. F. O. 539. V. 74. P. 11).

Генри Д. Вольф выработал двойственную персидскую политику. Он стремился к заключению соглашения с Россией так, чтобы обе стороны прекратили соперничество и сотрудничали в развитии торговли, совершенствовании персидской администрации и признавали бы взаимные интересы друг друга. Хотя было объявлено о сохранении влияния двух держав в Иране, но раздела страны он не предвидел. Целью предложенной им англо-иранской деятельности было улучшение Персии и ее трансформация в стабильное буферное государство (Greaves, 1959: 122). Другая линия его дипломатии состояла в непосредственной «поддержке» Ирана различными проектами. Были приняты меры, направленные к поощрению торговли, улучшению внутренней безопасности и развитию естественных ресурсов государства. Активно способствуя внедрению западного капитала в Иран, он неустанно оказывал нажим на шаха в пользу узаконивания иностранных предприятий.

24 октября 1888 года Д. Вольф передал премьер-министру Амину-эс-Солтане письменное обязательство английского правительства. В нем, в частности, говорилось следующее: «В случае нападения на Персию без каких-либо причин или отторжение персидской территории без согласия персидского правительства правительство Ее Величества согласно оказать серьезное противодействие этим нашествиям и предпринять такие шаги, которые помогут предотвратить нарушение целостности Персии» (Казем-Заде, 2004: 195). «Принято к сведению, что для осуществления правительством Ее Величества этого обязательства персидское правительство дает правительству Ее Величества

немедленные предупреждения о всяких требованиях, угрожающих целостности Персии, которые могут быть совершены против нее третьей державой» (Greaves, 1959: 268). Это было обязательство, не имеющее юридической основы. Английские дипломаты составили этот документ таким образом, чтобы от английского правительства зависело, выполнять его или нет и как его выполнять. В то же время шахское правительство связывало себя с Англией обязательством, которое вынуждало ее предупреждать о всяком случае, угрожающем ее целостности.

30 октября 1888 г. иранское правительство официально разрешило открыть Карун для навигации для всех иностранных судов. В Фирмане говорилось, что имея в виду расширение торговли, заселение всего края, равно как и развитие хлебопашества в Хузистане и Ахвазе, иранское правительство постановило следующее: все иностранные торговые пароходы без различия нации, равно как и плавающие до сего времени по реке Карун парусные суда, могут заниматься перевозкой по этой реке товаров на протяжении от Мохаммеры до плотины Ахваз при следующих условиях: во-первых, пароходы и суда не должны подниматься выше названной плотины, т.к. право на плавание выше плотины принадлежит исключительно пароходам и парусным судам, принадлежащим персидскому правительству и его подданным. Во-вторых, они, то есть иностранные пароходы и парусные суда, должны будут уплачивать в Мохаммере установленные персидским правительством пошлины и не перевозить запрещенные этим правительством предметы. В-третьих, они не должны стоять более, чем понадобится для погрузки и выгрузки товаров (АВПРИ. Ф. 124. Оп. 488. Д. 1813. Л. 67).

Как только было получено разрешение на судоходство по реке, английское правительство приступило к ее освоению. С целью более широкого привлечения английских капиталов 13 февраля 1889 г. было созвано общее собрание лондонской Торговой Палаты. Генерал Мердок-Смит сделал доклад «О перспективах развития британской торговли в Иране вследствие открытия судоходства по р. Карун». Он дал экономический анализ будущих возможностей в этом государстве (АВПРИ. Ф. 124. Оп. 488. Д. 1813. Л. 67). Была предложена программа-минимум, которую следовало осуществить в самый короткий срок: добиться открытия судоходства по всему Каруну, построить телеграфную линию вдоль реки с ответвлениями к главным торговым центрам Ирана и учредить в последних британские торговые представительства с тем, чтобы в дальнейшем приступить в более активному и систематическому освоению района английским капиталом.

На совещании было принято решение открыть подписку среди лондонских деловых кругов на покрытие расходов по освоению Каруна. И первой компанией, получившей от правительства Англии крупную субсидию на организацию регулярного судоходства по Каруну, была компания «Братья Линч». Пытаясь утвердиться в верховье реки вопреки ограничивающим правилам, установленным иранским правительством, эта компания в течение года добивалась и, наконец, достигла того, чтобы шах принял в дар английский пароход для плавания по верховьям реки. Компания «Братья Линч» для развития торговли и судоходства по р. Карун арендовала самую крупную пристань в Мохаммере. Более того, стремясь упрочить свое привилегированное положение на реке, компания предложила шаху организовать перевозку почты на своих судах.

С течением времени англичане завладели всеми возможностями, которые предоставляла концессия на судоходство по Каруну. С этого времени только английский флаг развевался на водах Каруна, только англичане могли диктовать и определять режим судоходства.

Вскоре выявились и другие качества бассейна р. Карун. После 1896 г. у подножия Бахтиарской гряды были обнаружены огромные запасы нефти. Эта весть всколыхнула все Соединенное Королевство. Таким путем была практически создана основа для будущего мирового гиганта в нефтяной промышленности – Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК).

Получение этой концессии стало результатом деятельности посла Великобритании Генри Д. Вольфа. Англия смогла записать себе еще одну триумфальную страницу в списке мирных завоеваний, достигнутых британскими чиновниками и коммерсантами.

Но что касается шаха, то и он не остался без выгоды, ибо теперь за порядок и безопасность торговли будут отвечать персидские гарнизоны, расквартированные в Мохаммере и Ахвазе, а это могло привести к усилению позиций Наср-эд-Дин-шаха в стране.

Кроме концессий на открытие судоходства в Персии и строительство дорог в Иране, была и более серьезная проблема – внедрение финансового капитала в страну. Борьба русского и английского финансового капиталов в Иране имеет много особенностей, и главным из них было то, что финансовый капитал был скорее политическим оружием в руках правительств этих стран и имел не очень большое экономическое значение. Правительствам обеих государств приходилось постоянно искать финансистов, которые захотели бы вложить деньги в иранские экономические структуры и предприятия, каждое из которых походило скорее на политическое, чем на экономическое.

Лорд Солсбери обратился в казначейство, чтобы попробовать побудить его принять участие в создании банковской системы этого восточного государства. Он утверждал, что сейчас Иран находится в «самой критической точке своей истории» и если не оказать помощи в развитии его ресурсов, то упадок, который начался несколько поколений назад, может только углубиться, и дело кончится поглощением страны более мощным военным соседом. «Это лишь дело времени...»

(Greaves, 1959: 176). Именно на этом основании лорд Солсбери подчеркивал, что создание коммерческой организации, с помощью которой мероприятия такого рода могут быть осуществлены, является большой важностью. И первым банком, который начал свою работу в Иране стал Новый Восточный банк, центр которого находился в Лондоне. В 1888 г. были открыты отделения в Тегеране, Табризе, Мешхеде, Реште и др. Деятельность банка в Иране облегчалась в значительной степени наличием в этой стране большого количества иностранных коммерсантов и финансистов (Tehroni, 1943: 47-48).

Г.Д. Вольф умело воспользовался благоприятно сложившейся обстановкой, а также и своей дружбой с Амин эс-Солтане для получения новой концессии. Идея шаху понравилась, и он заявил Вольфу, что предоставит Рейтеру право основать национальный банк, и просил подготовить проект будущей концессии.

15 января 1889 г. Амин эс-Солтане сообщил Дж. Рабино, представителю Рейтера в Иране, что шах одобряет организацию банка и согласен на создание компании для эксплуатации недр страны. Рейтер разработал условия концессии. 30 января 1889 г. Рейтер, Али Асгар-хан, Амин эс-Солтане и Мирза Аббас-хан од-Доуле подписали соглашение на создание иранского банка. Концессия от 1872 г. была, наконец, объявлена недействительной, и совместные претензии были ликвидированы. Россия же начинает предпринимать политические шаги со своей стороны, чтобы не допустить принятия концессии об открытии банка. Учитывая всю совокупность сложившегося в Иране положения, посол России в Иране Гирс решил встретиться с шахом, чтобы помешать наметившемуся открытию банка. 27 мая 1889 г. в сопровождении советника Азиатского департамента Влангали и начальника этого же департамента И.А. Зиновьева Гирс посетил Наср-эд-Дин-шаха, который находился в то время в Петербурге. Вся беседа касалась рейтеровской концессии.

Благодаря данной концессии, барон Рейтер фактически получал возможность распространить свое влияние на все отрасли промышленности, и поэтому любое предприятие окажется неосуществимым без его согласия. То же касалось и железных дорог. Шах обязался предоставить России пятилетний срок для осуществления соответствующего проекта и поиска подрядной компании, но, увы, теперь воспользоваться этим будет невозможно, так как Рейтер получал по концессии исключительное право на разработку залежей каменного угля, и никакая компания не возьмет на себя строительство железных дорог без права на добычу угля (АВПРИ. Ф. 124. Оп. 488. Д. 4015. Л. 64). Однако шах, не желая ссориться с русскими, просит «совета», как ему отклонить концессию. Гирс предложил следующий вариант: если Рейтер не сможет выполнить свои обязательства в срок, то шах может воспользоваться этим для ликвидации концессии. Шах согласился. «Я даю слово, – прибавил Наср-эд-Дин-шах, – что отныне не войду с иностранцами ни в какие обязательства, которые могут оказаться несогласными с интересами имперского правительства» (АВПРИ. Ф. 124. Оп. 488. Д. 4015. Л. 68).

В августе 1889 г. Устав банка был зарегистрирован в Лондоне и утвержден королевской грамотой. Называться он стал Имперским банком Персии или Шахиншахским. Концессионный срок устанавливался на 60 лет (Кулагина, 1959: 3).

Сфера деятельности банка была довольно широкой. Помимо чисто финансовых функций, например, монопольного права на эмиссию банкнот, получивших единую силу на территории всего Ирана, банк располагал широчайшими полномочиями в торговых и промышленных делах страны, пользовался монополией на разработку железных, медных, угольных, свинцовых, ртутных, нефтяных, марганцевых и буровых месторождений, на строительство дорог по всему Ирану. При этом ввозимые банком из-за границы материалы и оборудование для рудников освобождались от таможенных пошлин, а сами рудники и примыкавшие к ним земельные участки – от внутренних налогов.

Шахское правительство на весь период концессии обязывалось не прибегать к выпуску бумажных денег и не предоставлять этой привилегии никакому другому учреждению. Шахиншахский банк как государственное учреждение Ирана получил функции посредника при заключении платежей в Иране и за границей. Финансовые обязательства банка перед шахским правительством составляли 6 % отчислений банка в пользу казны, но не менее 4 тыс.ф.ст. ежегодно. При самом открытии банк обязывался выдавать шаху ссуду – 40 тыс.ф.ст., из расчета 6 % годовых, которая должна быть погашена в 10-летний срок (Сеидов, 1974: 128).

Основной капитал банка должен был составить 4 млн.ф.ст. Идея Шахиншахского банка возбудила столь сильные ожидания, что необходимый для открытия капитал в 1 млн.ф.ст. был в первый же день подписки перекрыт в несколько раз. Номинальная стоимость акции составляла 10 ф.ст., но подписная цена была объявлена 12 ф.ст., чтобы образовавшийся излишек в 200 тыс. ф. ст. компенсировал Рейтеру расходы при оформлении и утверждении концессии (Hamzavi, 1964: 57).

В банке в основном принимали участие только английские капиталодержатели, участие же иранских подданных ограничивалось 1/5 всего акционерного капитала (Иванов, 1982: 160).

23 октября 1889 г. банк начал свою деятельность в Тегеране. Директором стал Рабино, идея которого заключалась в том, чтобы основной капитал банка в Иран не перевозить, а привлечь в активы банка как можно больше денег в самой стране путем вкладов и выпуска банкнот. Деньги,

полученные таким образом, предполагалось употребить не только на банковские операции, но, главным образом, на эксплуатацию минеральных богатств и разработку рудников.

С первых шагов деятельности банка стало ясно, что английские финансисты не просчитались. Согласно отчету Шахиншахского банка, только за первые полгода его работы чистая прибыль составила 67 тыс.ф.ст., акционеры получили 8% годовых на внесенный капитал. Значительная сумма (свыше 1 200 тыс.ф.ст.), на которую банк выдавал векселя и ссуды, свидетельствовала о том, что деятельность его в короткое время приняла широкие размеры (Кулагина, 1981: 51).

По инициативе Дж. Рабино в Лондоне было сформировано дочернее отделение банка – Персидский банк полезных ископаемых с капиталом в 1 млн.ф.ст. В Англии не без основания полагали, что Иран обладает колоссальными запасами минеральных богатств. Особое внимание привлекала территория вокруг реки Карун, где были обнаружены огромные запасы нефти. В Бушире был найден уголь, а у Кермана – марганец (Томара, 1974: 152).

Предоставление Англии концессии на организацию банка в Иране, по которой в руки англичан передавались почти все главные отрасли страны, вызвало резкие протесты в финансовых и политических кругах как Европы, так и Америки. Против данной концессии выступили основные конкуренты Англии на Востоке – Россия, Германия, США, которые также были заинтересованы в укреплении своих позиций в Иране. У них были все основания опасаться, что Шахиншахский банк Рейтера является не столько коммерческим, сколько мощным политическим орудием в борьбе против России. Помимо того, что банк со временем мог превратиться в огромную финансовую империю, с безраздельным господством в иранской экономике, русская дипломатия имела сведения, что он планируется как политическое средство, направленное против России. Настораживала активность, проявляемая служащими банка в провинциях страны, прилегающих к русским владениям, в частности к Закаспийской области. Генеральный консул России в Хорасане доносил в октябре 1889 г., что там появились два служащих банка Рейтера, которые призывали местное население вкладывать деньги в банк. Они собирали на месте сведения самого различного характера, касавшиеся производительных сил провинции, торговли, народонаселения, взаимоотношений между властями, а затем они намеревались выехать в Закаспий (АВПРИ. Ф. 124. Оп. 488. Д. 4015. Л. 116).

Для достижения своих целей, в том числе ослабления позиций России, Шахиншахский банк шел на такие губительные для финансов страны меры, как искусственное обесценивание крана. Пользуясь неограниченным правом обеспечения иранского монетного двора серебром, банк уже в год своей организации начал переправлять в Баку огромное количество вырубленных им кранов. В Баку – главном центре торговых операций России с Ираном – средняя стоимость крана была высокой – 36 копеек. В 1889 г. банк отправил в Баку несколько партий кранов на общую сумму около 300 тысяч туманов, что вместе с уже имеющимися там составили сумму в 800 тыс. туманов. Вследствии столь огромного скопления иранской валюты стоимость 1 крана в Баку моментально упала до 27 копеек (АВПРИ. Ф. 124. Оп. 488. Д. 4015. Л. 138-139).

В депеше поверенного России в делах Ирана в Тегеране Поджио 22 января 1891 г. говорилось об отчете банка за период до 20 сентября 1890 года: «Деятельность банка дала блестящие результаты, так как чистая прибыль за истекшие полгода высчитана в 67 тыс.ф.ст. и акционеры получили 8 % годовых» (АВПРИ. Ф. 124. Оп. 488. Д. 4015. Л. 171).

В тексте концессионного договора указывалось, что банк, будучи государственным банком Ирана, призван содействовать правительству в его финансовых мероприятиях и помогать их реализации. Все это свидетельствовало, что содействие выражалось исключительно в ссудах, выдаваемых банком шахскому правительству. Так, в балансе банка значилась сумма в 40 тыс.ф.ст., выданная иранскому правительству «взаймы». Несомненно, что сумма была гораздо большей, так как в погашение этого долга правительство предоставило банку право получать от арендатора рыбных промыслов на Каспии русского купца Лианозова плату в 150 тыс. рублей серебром в течение 4 лет, что составило 80 тыс.ф.ст. (Туманович, 1957: 68).

Вся деятельность банка была покрыта тайной и наводит на мысль о том, что все банковские отчеты выдуманные и фальшивые. Банк не сделал практически ни одного крупного дела, которое могло бы улучшить экономику Ирана или способствовать ее развитию. Возрастающие расходы на подачки шаху и его окружению уменьшали основной капитал банка. Ценность акций постоянно падала. Так, в 1893 г. цена акции на бирже составляла уже 3 ф.ст. и при ликвидации его деятельности акционеры получили бы едва ли по 5 ф.ст. за акцию (Хидояттов, 1969: 286).

Создание Шахиншахского банка было, главным образом, политическим мероприятием, направленным против России. Банк должен был открыть дорогу в Иран английскому капиталу, который и потек туда полноводной рекой. Это была блестящая победа Д. Вольфа, т.к. именно его стараниями удалось Рейтеру получить поддержку английского правительства и именно его энергия смогла перетянуть шаха на сторону сомнительных денежных операций, которые не всегда заканчивались для последнего благополучно.

Учрежденный Рейтером Шахиншахский (или Имперский) банк приступил к деятельности в Тегеране в том же 1889 г. Он фактически исполнял роль государственного банка Ирана. Его экономическая и финансовая политика вырабатывалась англичанами. Имперский банк Персии с

1889 г., т.е. с момента своего создания, при поддержке британского правительства действовал как прямой проводник английской официальной политики в Тегеране (Алиев, 2004: 46).

Ни на развитии экономики, ни на развитии инфраструктуры страны деятельность рейтеровского предприятия не отразилась, ибо являлось средством обогащения биржевых спекулянтов и коррумпированных, продажных правителей Ирана. В то же время экономику подрывало наводнение страны бумажными деньгами, распродажа ископаемых богатств иностранцам, обесценивание серебра, являвшегося основой иранского крана. Систематическая спекуляция серебряной монетой Ирана приводила к тому, что ее запасы в банке истощались и большинство банкнот, находившихся в обращении, не были обеспечены серебром. На этой почве неоднократно вспыхивали выступления народных масс, направленные против Шахиншахского банка. Так, например, в 1897 г. в Тегеране начались волнения, вызванные тем, что банк не смог разменять все предъявленные ему для оплаты векселя и банкноты.

В этом движении активное участие приняли крупные ростовщики (сафары) Ирана и некоторые местные банки. Сосредоточив в своих руках важнейшие и наиболее прибыльные операции по всей стране, Шахиншахский банк отстранил иранских банкиров от ведения финансовых дел, поэтому последние пользовались любым случаем для борьбы с английским конкурентом.

Когда в Тегеране стало известно, что серебряный фонд банка крайне истощен, то иранские финансисты образовали нечто вроде объединения, в состав которого вошли братья Туманянц, Хаджи Лотфали, Хаджи Мохаммад Багир, Хаджи Мохаммад Казем Малек от-Тоджар и др. (АВПРИ. Ф. 124. Оп. 488. Д. 4547. Л. 100). Объединение непосредственно от себя и через многочисленных агентов предъявило Шахиншахскому банку большие партии банкнот для обмена на серебряную монету. Этот акт значительно усилил выступление тегеранского населения против англичан. Единственное, что спасло банк, – это вмешательство шахского правительства, которое, боясь усиления и активизации народного движения, поспешило предоставить в распоряжение банка почти все имевшиеся деньги (Кулагина, 1981: 54).

Конечно, можно по-разному оценивать значение банка Рейтера для экономического и социального развития Ирана. Правильнее было бы сказать, что британский посол Г.Д. Вольф использовал финансовый капитал Англии для осуществления политических интересов своей страны в Иране, утверждения монопольного влияния над правящими кругами и непосредственного вытеснения отсюда России.

5. Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что в тех странах, где политическое преобладание приобретало решающую роль в дальнейших судьбах страны и интересах этих европейских государств, не финансовый капитал зачастую двигал политику, а политика и дипломатия двигала финансовый капитал, пытаясь сделать его орудием утверждения своего монопольного господства на этом континенте, и в частности на территории Ирана.

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
 Алиев, 2004 – Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, Крафт+, 2004. 648 с.
 Бондаревский, 1968 – Бондаревский Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива. М.: «Наука», 1968. 542 с.
 Жигалина, 1990 – Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX вв.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: «Наука», 1990. 166 с.
 Иванов, 1982 – Иванов М.С. Антифеодальное восстание в Иране в середине XIX в. М.: «Наука», 1982. 247 с.
 Казем-Заде, 2004 – Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии: дипломатическое противостояние России и Англии: 1864–1914. М.: «Наука», 2004. 542 с.
 Кулагина, 1959 – Кулагина Л.М. Из истории закабаления Ирана английским империализмом (Шахиншахский банк в последние десятилетия XIX в.) // *Краткое сообщение Института востоковедения АН СССР*. М.: «Наука», 1959. № 19. С. 3.
 Кулагина, 1981 – Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX вв. М.: «Наука», 1981. 190 с.
 Медведик, 2012 – Медведик И.С. Англо-российское соперничество в Персии во второй половине XIX – начале XX вв. / «Актуальные проблемы общественных наук: социология, политология, философия и история»: *Материалы международной заочной научно-практической конференции*. Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. С. 136-140.
 Сеидов, 1974 – Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX вв. (начальный этап формирования). М.: «Наука», 1974. 245 с.
 Томара, 1895 – Томара М.Л. Экономическое положение Персии. СПб., 1895. 205 с.

- [Туманович, 1957](#) – *Туманович Н.Н.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент: «Фан», 1957. 190 с.
- [Хидоятов, 1969](#) – *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70 гг.). Ташкент: «Фан», 1969. 454 с.
- [Browne, 1910](#) – *Browne E. A.* The Persian Revolution of 1905-1909. Cambridge, 1910. 324 p.
- [Gao et al., 2019](#) – *Gao T., Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ter-Oganov N.* “Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1365-1372.
- [Greaves, 1959](#) – *Greaves R.L.* Persia and the Defence of India. 1884-1892. London, 1959. 210 p.
- [Hamzavi, 1964](#) – *Hamzavi A.W.* Persia and the powers. London, 1964. 110 p.
- [Keddy, 1966](#) – *Keddy N.* Religion and Rebellion in Iran. The tobacco-protest of 1891-1892. London, 1966. 351 p.
- [Nicolson, 1930](#) – *Nicolson H.A.* A Study in the old diplomacy. London, 1930. 202 p.
- PRO – Public Record Office.
- [Stambridge, 1902](#) – *Stambridge S.R.* Parliament, the Press and Colonies. 1846-1880. New York; London, 1902. 120 p.
- [Tehrani, 1948](#) – *Tehrani A.* Iran. Berlin, 1943. 187 p.

References

- [Aliev, 2004](#) – *Aliev S.M.* (2004). Istorija Irana. 20 vek. [History of Iran. 20th century]. M.: In-t vostokovedeniya RAN, Kraft+, 648 p. [in Russian]
- AVPRI – Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Foreign Policy Archive of the Russian Empire].
- [Bondarevsky, 1968](#) – *Bondarevsky G.L.* (1968). Angliyskaya politika i mezhdunarodnyye otnosheniya v bassejne Persidskogo zaliva [English politics and international relations in the Persian Gulf]. M.: «Nauka» 542 p. [in Russian]
- [Browne, 1910](#) – *Browne E. A.* (1910). The Persian Revolution of 1905-1909. Cambridge. 324 p.
- [Gao et al., 2019](#) – *Gao T., Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ter-Oganov N.* (2019). “Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911 // *Bylye Gody*. 53(3): 1365-1372.
- [Greaves, 1959](#) – *Greaves R.L.* (1959). Persia and the Defence of India. 1884–1892. London. 210 p.
- [Hamzavi, 1964](#) – *Hamzavi A.W.* (1964). Persia and the powers. London. 110 p.
- [Ivanov, 1982](#) – *Ivanov M.S.* (1982). Antifeodal'noye vosstaniye v Irane v seredine XIX v. [Anti-feudal uprising in Iran in the middle of the XIX century]. M.: «Nauka». 247 p. [in Russian]
- [Kazemzadeh, 2004](#) – *Kazemzadeh Firuz* (2004). Bor'ba za vliyanie v Persii: Diplomaticheskoe protivostoyaniye Rossii i Anglii: [1864–1914] [The struggle for influence in Persia: Diplomat. confrontation between Russia and England: 1864–1914]. M.: «Centerpolygraph». 542 p. [in Russian]
- [Keddy, 1966](#) – *Keddy N.* (1966). Religion and Rebellion in Iran. The tobacco-protest of 1891–1892. London. 351 p.
- [Khidoyatov, 1969](#) – *Khidoyatov G.A.* (1969). Iz istorii anglo-russkikh otnosheniy v Sredney Azii v kontse XIX v. (60-70 gg.) [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the XIX century. (60-70 gg.)]. Tashkent: «Fan». 454 p. [in Russian]
- [Kulagina, 1959](#) – *Kulagina L.M.* (1959). Iz istorii zakableniya Irana angliyskim imperIALIZMOM (Shakhinshakhskiy bank v posledniye desyatiletiya XIX v.) [From the history of the enslavement of Iran by British imperialism (Shahinshah Bank in the last decades of the XIX century)]. *Kratkoye soobshcheniye Instituta vostokovedeniya AN SSSR*. M.: «Nauka». № 19. P. 3. [in Russian]
- [Kulagina, 1959](#) – *Kulagina L.M.* (1981). Ekspansiya angliyskogo imperIALIZMA v Irane v kontse XIX – nachale XX v. [The expansion of British imperialism in Iran in the late XIX – early XX centuries]. M.: «Nauka». 190 p. [in Russian]
- [Medvedik, 2012](#) – *Medvedik I.S.* (2012). Anglo-rossijskoe sopernichestvo v Persii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Anglo-Russian rivalry in Persia in the second half of the XIX – early XX centuries]. «Aktual'nye problemy obshhestvennykh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya i istoriya»: materialy mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Novosibirsk: Izd. «Sibirskaya assotsiatsiya konsul'tantov», pp. 136-140. [in Russian]
- [Nicolson, 1930](#) – *Nicolson H.A.* (1930). A Study in the old diplomacy. London, 202 p.
- PRO – Public Record Office.
- [Seidov, 1974](#) – *Seidov R.A.* (1974). Iranskaya burzhuaziya v kontse XIX – nachale XX v. (nachal'nyy etap formirovaniya) [The Iranian bourgeoisie in the late XIX – early XX centuries. (initial stage of formation)]. M.: «Nauka». 245 p. [in Russian]
- [Stambridge, 1902](#) – *Stambridge S.R.* (1902). Parliament, the Press and Colonies. 1846–1880. New York; London. 120 p.
- [Tomara, 1895](#) – *Tomara M.L.* (1895). Ekonomicheskoye polozheniye Persii [The economic situation of Persia]. SPb. 205 p. [in Russian]

[Tumanovich, 1957](#) – *Tumanovich N.N.* (1957). *Angliyskaya kolonial'naya politika na Srednem Vostoke (70-ye gody XIX v.)* [English colonial policy in the Middle East (70s of the 19 century)]. Tashkent: «Fan». 190 p. [in Russian]

[Zhigalina, 1990](#) – *Zhigalina O.I.* (1990). *Velikobritaniya na Srednem Vostoke (XIX – nachalo XX v.)*. *Analiz vneshnepoliticheskikh kontseptsiy* [Great Britain in the Middle East (XIX - beginning of XX century). Analysis of foreign policy concepts] M.: «Nauka». 166 p. [in Russian]

Миссия Генри Друммонда Вольфа и новые тенденции в английской политике в Иране при консерваторах в конце XIX в.

Софья Ивановна Габриэльян ^{a,*}, Азизбек Гузалович Холлиев ^a, Абдурасул Абдурахманович Разаков ^a, Асхат Абдунабиевич Бийкузиев ^a

^a Национальный университет Узбекистана, Узбекистан

Аннотация. Одним из интересных страниц в истории Среднего Востока является «большая игра», в которую, как в водоворот, были втянуты крупные европейские государства – Англия и Россия. Персия оказалась между русским молотом и английской наковальней. Борьба за нее разворачивалась очень жестокая, правительства использовали все средства и методы, чтобы превратить Иран в свою колонию. Хотя мотивы были у России и Великобритании разные, но цель была одинаковая. Каждая держава пыталась добиться собственной гегемонии в Персии при помощи комбинации средств, главными из которых были влияние на шаха и его главных министров, торговля, концессии, запугивание. Чтобы свободно пользоваться любыми из них, Англии и России было необходимо обеспечить себе доступ к возможно большей части персидской территории, стараясь при этом ограничить соперника. Для того чтобы превзойти своего соперника, правительство Великобритании направило в качестве посла Генри Друммонда Вольфа. Он имел огромный авторитет и влияние, являлся ревностным приверженцем восточной дипломатии. Будучи английским посланником в Тегеране, он смог заключить с шахом Ирана договоры, которые предоставили Великобритании ряд очень выгодных концессий, таких как разрешение судоходства по реке Карун для британских судов, открытие Шахиншахского банка и проч. В статье сделана попытка проанализировать, как миссия Генри Вольфа повлияла на ход «большой игры» и как Англия становится главным игроком на средневосточной шахматной доске к началу XX века.

Ключевые слова: Иран, концессии, британское проникновение, англо-русское соперничество, Карун, миссия Вольфа, Шахиншахский банк.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gabsofya@yandex.ru (С.И. Габриэльян)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 226-241. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.226
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Theory of Patriotism in Pre-Revolutionary Russia – from the First Steps to the Practice of Implementation

Pavel A. Merkulov ^{a, *}, Anatoly L. Eliseev ^a, Dmitry V. Aronov ^b

^a Central Russian Institute of management-branch of Ranepa, Russian Federation

^b Orel State University named after I.S. Turgenev, Russian Federation

Abstract

One of the components of understanding the historical mentality of the people is such a component as patriotism. Understanding the essence of this phenomenon, the level of its social self-reflection, is inseparable from its relationship and interdependence with the concrete historical conditions of society. It is fundamentally important to consider the social reflection of patriotism on the example of its components such as scientific understanding of the phenomenon in society and the reflection of the level of its perception in the practice of public administration. This article examines the origin of patriotism as one of the components of social practices in pre-revolutionary Russia and its evolution in the theoretical research and practical activities of public administration of General and sectoral nature. The task is to trace the dynamics of changes in the place and role of patriotism in the context of the development of the General political situation in the country. On the example of the results of the analysis of the works of pre-revolutionary researchers and little-known official materials of normative and administrative nature, the conclusion is made about the Genesis of patriotism in pre-revolutionary Russian society. The author traces the phases of its formation as an object of scientific study with constant correction of its content, as well as a goal-setting factor of the state youth policy of pre-revolutionary Russia, which coincides with the formation of this new direction of public administration.

Keywords: patriotism, state and statehood, state and Fatherland, state youth policy, Patriotic component of state youth policy, public and scientific self-reflection.

1. Введение

Значимость изучения патриотизма – явления социальной жизни и одного из компонентов государственной политики как общественно-политического феномена – признается в настоящее время как, собственно, в академическом, так и в политико-прикладном плане самыми разными отраслями научного знания и акторами политического процесса. Необходимо отметить, что первые попытки осмысления этого теоретического феномена могут быть соотнесены еще с дореволюционной Россией, по преимуществу начиная с имперского периода, и впоследствии с качественным скачком в связи с попытками осмысления его новой советской (социалистической) модели ([Патриотизм и национализм как факторы российской истории, 2015: 8](#)).

Переход российской исторической науки, как и гуманитарных наук в целом, от жестко детерминированной методологии исследования с господством идеологических критериев истинности и целесообразности изучения исторического прошлого страны заставляют обратиться к изучению дореволюционного периода истории России, не исключая исторического опыта в сфере теоретического осмысления и практического применения такого явления, как патриотизм, который в

* Corresponding author

E-mail addresses: reception@orel.ranepa.ru (P.A. Merkulov), eliseev.anatoly@gmail.com (A.L. Eliseev), aronovdv@mail.ru (D.V. Aronov)

советское время определялся в качестве явления, имеющего классовый характер. К настоящему времени российской современной историографией накоплен в этой сфере значительный багаж, однако сколь-нибудь общего подхода к решению поставленной в статье проблемы еще не сложилось.

В данной работе предпринята попытка показать динамику исторического процесса общественной саморефлексии понятия патриотизма, начиная с XVIII века, его эволюции от первых форм проявления как в общественно-политической жизни, так и в практике управления государством посредством специализированных органов, обладающих общей и/или специальной компетенцией. В качестве теоретического обоснования идеи исследования выступает гипотеза о начале использования идеологической составляющей патриотизма в практике государственного управления социумом, начиная с первой трети XIX века, т.е. задолго до окончательного формирования теоретического понятия патриотизма, близкого к современному пониманию данного термина. При этом использование идеологии патриотизма в первую очередь проявляется в государственной молодежной политике как целенаправленной деятельности, ориентированной на воспитание именно у молодежи совокупности качеств, которые государство (общество) определяет как необходимые для своего последовательного развития. Соответственно практическое воплощение результатов теоретических изысканий, донесенных до уровня управленческих элит, принимающих решения, следует искать именно в этой сфере государственной политики.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве базовых источников по изучению возникновения в России в дореволюционный период ее существования теории патриотизма и практики использования его в государственном управлении социумом привлечены различного рода документы, которые стали результатом деятельности как отдельных ученых, так и государственных деятелей, выступающих в данном случае в качестве частных авторов. Вместе с тем ряд источников в данной сфере занимает в своем роде некое промежуточное положение, т.к., будучи, с одной стороны, продуктом деятельности органов управления в отдельных сферах деятельности российского государства, они не имели обязательного характера и для существовавшей системы государственного управления, и для отдельных подразделений того органа управления, в рамках которого были сгенерированы. В первую очередь это относится к материалам, которые, наряду с хорошо известным в отечественной и зарубежной историографии документом за авторством министра просвещения С.С. Уварова, содержат основы концепции теории «официальной народности» Они составляют корпус источников, по которым мы впервые в отечественной истории имеем возможность судить об официальном восприятии патриотизма как фактора социального управления на официальном уровне.

С расширением круга субъектов, непосредственно участвующих в системе социального управления, в рамках которой проблема формирования и теории патриотизма, и его воплощения в практической политико-правовой деятельности, а в этом случае речь идет, прежде всего, о таких акторах процесса формирования патриотического компонента государственной идеологии, как политические партии, и в несколько меньшей степени о возникающих в начале XX в. многочисленных общественных организациях (студенческие общества, скауты, «сокольство» и др.) (Merkulov et al., 2018: 1066-1067), начинает формироваться совокупность партийных программ и иных генерируемых ими документов.

В целом ряде центральных и региональных архивов (ГАРФ, ЦГАМ, РГВИА, ГАОО) отложился корпус документов, позволяющих охарактеризовать конкретную административную, управленческую, распорядительную деятельность органов управления по реализации в своей практике патриотического компонента государственной идеологии. Позволяют они, правда в определенной степени, проследить и ее эволюцию в связи с изменением как общих социально-политических условий, так и позицию высшего руководства страны, где зачастую присутствовали элементы субъективизма.

Наиболее массовую группу материалов (в нашем случае) составляют собственно научные публикации, появление первых из которых относится к XVIII в., когда их значительную часть составляли те, которые в традиционном понимании относятся, скорее, к литературным произведениям.

2.2. Основой любой, в т.ч. и настоящей научной работы, выступают общепризнанные общенаучные методы исследования, используемые в комбинаторике в соответствии со спецификой предмета исследования, а также общенаучным видением авторами способов оптимизации методологии. Принципиально важным для решения исследовательских задач развития методологии изучения становления теории патриотизма и практики ее претворения в жизнь в дореволюционной России выступает принцип историзма, предполагающий, что в каждом историческом периоде существует отличное от иных восприятие и сущностное наполнение такого общественного феномена, как патриотизм, связанное с присущими именно этому историческому этапу социально-политическими характеристиками. Формирование конкретного этапа развития данного компонента общественного сознания связано и с постепенно формирующейся государственной идеологией, в которой патриотизм неизменно присутствует, хотя может выступать под различными названиями.

Неотъемлемым признаком реализации этого принципа выступает и комплексность в изучении конкретного исторического периода, подразумевающая использование всех имеющихся в нашем распоряжении источников информации. Применительно к проблематике настоящей работы это нашло свое выражение в широком использовании как материалов органов государственного управления, отражающих официальный подход к патриотизму, так и работ, принадлежащих представителям различных творческих и научных направлений, выполненных в самых разнообразных жанрах – от строго научных трактатов (в понимании эпохи) до поэтических текстов, в качестве таковых написанных и опубликованных.

Не менее важным исследовательским методом выступает применяемый метод компаративистского исследования, связанный прежде всего с выявлением в научном, общественно-политическом и литературном дискурсе различных периодов развития теории патриотизма. Применение данного метода позволило рассмотреть различные стадии становления патриотизма в России и как части общественного сознания, и как элемента государственной идеологии, также находившейся в рассматриваемый период в стадии становления.

Позиция авторов состоит в том, что в рамках конкретно-исторического исследования, основанного на широком круге разнообразных источников, использовании междисциплинарного исследовательского инструментария, данных, полученных учеными, представляющими различные сферы гуманитарного знания, мы можем говорить о формировании социального феномена патриотизма и как составной части общественного сознания, и как элемента формирующейся официальной государственной идеологии, используемого в конкретной управленческой деятельности.

3. Обсуждение

К настоящему времени сложилась определенная отечественная и зарубежная академическая традиция изучения патриотизма во всех его ипостасях. Начало она берет еще в дореволюционный период, когда теоретические подходы к этому понятию находились в стадии формирования, и авторы порою, говоря об одном и том же общественном феномене, могли называть его разными терминами. Однако это никоим образом не умаляет вклад в научный дискурс вокруг понятия «патриотизм» участников, представляющих собственно академическую науку (Карамзин, 1964, 1982, 1987, 1991; Соловьев, 2011; Ключевский, 1988, 2008; Платонов, 2006; Устрялов), общественно-политические движения, неразрывно слитые в России с литературой (Пушкин, 1962; Плетнев, 1998; Фонвизин, 1959; Толстой, 1980).

Советское время дало достаточно большой пласт работ, которые по формальным признакам рассматривают именно проблемы патриотизма, однако с учетом того, что научный и творческий поиск в этой сфере в период советской государственности был возможен сравнительно недолгий период, за которым последовало время принудительного направления научного поиска на комментирование данной проблематики в духе принятых партийно-государственных установок. Вместе с тем весьма интересны теоретические поиски постреволюционного периода, включающего в себя и начало двадцатых годов прошлого столетия.

В наше время эта тема также пользуется вниманием отечественных и зарубежных авторов. Однако большинство работ посвящено философским (Селиверстова, Курганская, 2017; Выршиков, 2006), социологическим (Санина, 2016; Халий, 2017), политологическим (Иванова, Лутовинов, 2008; Бочарников, 2014) и ряду иных аспектов этого исключительно многогранного социального феномена. Ряд трудов посвящен такому сложному, но неизбежному в вопросе, где речь идет о научных и общественно-политических дефинициях, аспекту, как генезис взаимоотношения используемых понятий в хронологических рамках исследования (Миллер, 2008). В зарубежной историографии проблематика развития российского патриотизма присутствует, как правило, в трудах, связанных с изучением способов решения национального вопроса в Российской империи. Здесь также отсутствует единая точка зрения (большинство авторов занимаются периодом рубежа XIX–XX вв.). Так Дж. Кадио отмечает, что общеимперской идентичности к началу XX века в империи достигнуть не удалось и самоидентификация во многом шла по этно-конфессиональному признаку (Cadiot, 2005). В целом, поддерживающий эту точку зрения Д. Сондерс видит причину ситуации, не позволившей всему населению России полностью осознать себя россиянами, в непоследовательной политике имперской власти (Saunders, 2000). На этой же позиции стоит и Р. Сюни, который пишет о целенаправленной и сознательной политике имперской власти по созданию и поддержанию различий между этно-конфессиональными группами населения России, при демонстрации первенства русского этноса и неполноценности иных этнических групп империи (Sany, 2000). Отличную точку зрения на степень соответствия проводимой политики постулированным целям высказывает Дж. Ливен, который отмечает, что логику империи во многом предопределяет интеграционный характер ее политики, конкретные формы которой определяются множеством факторов (Lieven, 2008).

При этом работ, где рассматриваются собственно исторические аспекты возникновения и развития патриотизма как историко-социального явления в истории России, в последние годы сравнительно немного (Патриотизм и национализм..., 2015). При этом особенно важно отметить, что

в данных трудах предпринята весьма плодотворная попытка показать взаимосвязь определенных трендов понимания патриотизма в российской интеллектуальной традиции и государственной политике с различными социально-экономическими и политическими процессами на территории Российской империи, а отчасти и во внешней политике.

Ряд работ отечественной историографии посвящен вкладу отдельных представителей российской интеллектуальной традиции в формирование теории патриотизма, его рефлексии в широком общественном сознании.

4. Результаты

Проблема понимания сущности патриотизма, придания данной дефиниции необходимой, общепринятой степени формализации, без чего невозможно практически-прикладное применение данного понятия, составляет одну из важнейших задач как современной методологии, так и собственно нарративной истории. Соответственно в настоящей статье речь идет преимущественно о специфике исторического процесса формирования в российском социуме идеологии патриотизма, в той или иной степени оказывающей влияние на формирование соответствующего направления государственной социальной политики в дореволюционный период.

В рамках решения данной методологической задачи необходимо соотнести возникновение и становление собственно государственной молодежной политики в России с базовыми этапами в становлении теории патриотизма, как элемента этой политики, а отчасти как части идеологии общества в целом. В качестве методологической основы определения базовых этапов возникновения и становления государственной молодежной политики в нашей стране мы используем комплекс идей, предложенных в трудах П.А. Меркулова (Меркулов, 2013), а в основе периодизации истории формализации теории патриотизма в отечественной общественной мысли лежит ряд подходов, сформулированных в рамках подготовки коллективной монографии под общей редакцией В.В. Журавлева (Патриотизм и национализм..., 2015: 3-7) и посвященной проблеме генезиса идей русского национализма и патриотизма в государственно-политической жизни Российской государства. Соответственно в статье предпринимается попытка показать взаимосвязь и взаимовлияние двух базовых составляющих такого сложного инвариантного явления, как реализация в государственной молодежной политике ее патриотической составляющей, собственно государственной молодежной политики и базовых этапов становления теории патриотизма в России в ее неразрывной взаимосвязи с формированием государственной идеологии.

Решение этой проблемы лежит не на пути выбора в качестве единственно возможного определенного конкретного способа объяснения природы данного явления. Подобные попытки предпринимались не один раз, при этом источником патриотических, национальных (националистических), космополитических и иных чувств избирались, как правило, иррациональные основания (высшие силы, абстрактно понимаемое человечество, «эрос» и т.п.). Задача историка состоит как раз в том, чтобы показать и, соответственно, понять историческую динамику модернизационных процессов, которые с неизбежностью протекают в обществе, меняют место и роль социальных групп, в т.ч. и молодежи, в их взаимосвязи с их теоретическим осмыслением современниками и восприятии результатов этого осмысления государственной властью в лице ее конкретных носителей. Необходимо выявление системы структурно-логических взаимосвязей, возникающих в этот период, которые в итоге и ведут к реализации определенного сценария общественного развития. Последний предполагает наличие системы обратных связей между теорией и практикой государственного управления, определяющих их взаимодействие и взаимозависимость. Выявление данной динамики в строгом историческом контексте и есть базовая задача конкретно-исторического исследования.

Соответственно сама государственная молодежная политика в строго формализованном понимании данного понятия, предполагающего взаимодействие ее трех составляющих (признание молодежи особой социальной группой, наличие специализированного законодательства, а также органов общей и/или специальной компетенции) соотносится с последней третью XIX в. При этом ее отдельные компоненты возникают намного раньше, и в самом широком смысле слова собственно государственно-молодежная политика в качестве своей предтечи имеет сословную молодежную политику, а в ранние периоды государственности (в т.ч. и российской) она же соотносится с компонентами (законодательство и структуры управления) социальной политики эпохи Средневековья. В настоящее время в отечественной исторической науке утвердился по преимуществу подход к признанию сословной государственной молодежной политики как предтечи государственной молодежной политики в современном понимании, а также признана дискуссионность момента ее возникновения в последней трети XIX в. с возможностью соответствующего понижения. Однако, как нам представляется, в любом случае вряд ли она опустится более чем на полвека. Данное суждение имеет значение для настоящего исследования в том аспекте, что примерно с теми же сроками соотносят современные отечественные исследователи формирование идеологии патриотизма, а соответственно, и национализма в российской общественной мысли. Это совпадение, параллелизм процессов, позволяют нам отказаться от

сюжетов, посвященных ранней российской истории и связанных с такими знаковыми памятниками отечественной общественной мысли, как «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», концепции «Москва – Третий Рим» и им подобных. Собственно, русский патриотизм как явление, понимаемое в хотя и не оторефлексируемом научным и общественным сознанием смысле, связано с переходом при Иване III от Московского княжества к Великокорусскому государству (Платонов, 2006: 195), что нашло отражение в титуловании государя и иных символах, которые позволяют нам выделять и расшифровывать соответствующие культурно-государственно-исторические коды. Иначе говоря, возникает совокупность общественных отношений в системе человек – государство.

Строго говоря, сам термин «нация» появляется в русском языке, начиная с петровских времен (Черных, 1993: 562), что сочетается с постоянным присутствием в политической лексике государственной власти таких новых терминов, как «россы», «россияне», «чада российские», «сыны России» и т.п. (Ильин, 2015: 9).

Сочеталось это изменение, создание новой сущности в общественном сознании с глобальными изменениями в ментальности населения страны. Еще в период Смутного времени начинается кризис сознания, ориентированного на государя, реализующего связь с Богом. По сути, Василий Шуйский был первым не только договорным, но и присяжным царем. Говоря словами В.О. Ключевского, «он превращался из государя холопов в правомерного царя подданных, правящего по закону» (Ключевский, 1988: 37). Соответственно к петровским временам получает вполне динамичное развитие практика (но еще не теория) рационализации государственного управления. Собственно, в политической риторике петровской и постпетровской эпох мы видим появление ряда маркеров, обозначающих причастность населения России к новой имперской роли государства, к Российской империи, ставшей продолжением Московского царства. При этом данная причастность основана на естественной, «органической» связи человека и государства. Строго говоря, осознание (рефлексия общественным сознанием) подобной связи – это патриотизм.

Своего рода квинтэссенцией данных процессов в части формирования патриотизма/национализма становится выдвижение в качестве главной благодетели подданных служение Отечеству как главного дела всех русских людей. Это принципиально новый концепт, возникающий в условиях нового типа отношений подданных – государя, призванный обеспечить единство нации. В некотором смысле и образ самого Петра уже в восприятии через век, говоря словами поэта, «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник» – представлял собой, по сути, образ национального героя. Устойчивость данного концепта, сформированного без теоретической основы, во многом интуитивно, как говорится в режиме ручного управления, позволило ему, по мнению современных исследователей, выдержать конкуренцию с пропагандистскими штампами «царя-антихриста», «немецкого царя» и т.п. (Ильин, 2015: 10).

В анализируемую эпоху и практика государственного управления, и общественная мысль занимались поиском ответа на вопрос о том, что выступает в качестве ценности высшего порядка – Российское государство или русский народ, что эти течения формулируют в образной форме как «русские для России» или «Россия для русских». Рационалисты петровской эпохи придерживались понимания народа как базового ресурса для величия государственности.

В этом же ряду стоят и реализованные проекты переселения в различные части Российской империи новых народов (Молдавия – болгары, Крым – греки и т.п.), исходившие из той же концепции приращения мощи государства не только изнутри, за счет внутренней консолидации вокруг системообразующего начала, но и механически извне, понимания государства как высшей ценности. Соответственно идея русского народа, до петровской эпохи подчиненная более широкой идее православного народа, идее «Третьего Рима», трансформируется уже в идею народа российского.

Однако главное, что нас интересует в контексте петровской и постпетровской эпох в свете появления ростков теоретико-государственного осмысления и реализации идеи патриотизма, так это то, что в поле общественной мысли и государственного управления появляется новая сущность «русского». «Русское» не поглощается, как ранее, православным, но и не поглощается новым «российским». Оно приобретает вполне самостоятельное как общественно-политическое (насколько можно говорить о политике в России соответствующей эпохи), так и государственное содержание, выступая в последующем своего рода исходным пунктом как для общественно-политических дискуссий, так и (по нашим оценкам – с первой трети XIX в.) решений в области государственной политики, а со второй половины XIX в. – и непосредственно в полноценной государственной, прежде всего в одновременно формирующейся, молодежной политике.

В качестве первого примера рассмотрим цитату Д.И. Фонвизина из его произведения «Рассуждение о непременных государственных законах» (Фонвизин, 1959: 253-266). Написанная по вполне конкретному политическому поводу, она тем не менее содержит ряд интересующих нас дефиниций и связей, проводимых Фонвизиним между ними. Прежде всего, это его указание на то, что «без непременных государственных законов не прочно ни состояние государства, ни состояние государя..., где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; *тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан, нет того*

политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и обязанностей» (Фонвизин, 1959: 254).

Фактически можно говорить о проведении им взаимосвязи между произволом и государством с отсутствием в этом случае отечества и граждан, которых он объединяет в понятие «политическое тело», члены которого, что мы отмечаем выше, объединены взаимными правами и должностностями (обязанностями). «Политическое тело» вполне можно понимать как нацию, что Д.И. Фонвизин и делает далее. По подсчетам отечественных исследователей он 16 раз использует данный термин, а дефиницию народ употребляет 14 раз, причем сущностный анализ показывает, что эти понятия суть синонимы. Соответственно у Д.И. Фонвизина нация (народ) выступает как актер политического процесса, причем не в чем-либо, а в праве на восстание, т.е. источником революционного процесса у него может выступать национальное самосознание (правосознание). Ряд исследователей склонен видеть в данном провидческом сценарии Д.И. Фонвизина причину недоверия российской исторической власти к русскому национализму как таковому, как потенциальному актору политических процессов (Ильин, 2015: 14).

Вместе с тем в случае со взглядами Д.И. Фонвизина мы видим ситуацию, когда идеи русского национализма стимулированы западноевропейским влиянием, теорией общественного договора, правом народа на восстание и т.п. В данном случае вполне уместной представляется цитата одного из авторов той эпохи, который, давая характеристику последней трети XVIII в., вполне обоснованно писал, что «век Екатерины был временем удивительного примирения двух противоположных начал, под действием которых развивалась Россия, наплыва Европейского просвещения и ревнивого сохранения своей самобытности, своей государственной силы, своих народных интересов» (Страхов, 1883: 14).

Этот российский синтез европейских и, что называется «почвеннических», элементов, как показывает анализ эволюции взглядов практически всех общественных деятелей России, ее политического класса, научных сил, вел в конечном итоге к генерированию в той или иной форме отношения к патриотизму и/или национализму в контексте выбора будущего пути развития России, ее социально-политической, экономической системы. Однако в силу крайней ограниченности политического дискурса в России фактически до изменений 1904–1906 гг., не допускавшего открытой дискуссии по политическим вопросам, площадкой для обмена мнениями становятся русская литература и публицистика («толстые журналы»), которые сыграли в общественно-политической мысли России иную роль, чем в Западной Европе. Классический пример сублимации этого процесса – это и т.н. «банкетная кампания» 1904 г. (Шацилло, 1983: 293–302), «Пироговские», учительские съезды и иные формы сублимации политического дискурса, который в условиях жесткого цензурирования и администрирования общественных инициатив, принимал иные, порою весьма своеобразные формы.

Возвращаясь к научному дискурсу вокруг понятия «патриотизм», следует вспомнить Николая Михайловича Карамзина, который в 1790 г. писал о том, что «все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!» (Карамзин, 1987: 254). Однако впоследствии в работе «О любви к отечеству и народной гордости» Карамзин писал: «...Не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русские должны знать цену свою» (Карамзин, 1982: 94). Еще одним базовым посылом статьи Н.М. Карамзина стало сопоставление двух базовых концептов теории патриотизма, т.е. народа и отдельной личности. Именно личность, по мнению Карамзина, генерирует общественные чувства, которые, в свою очередь, продуцируют отношение к отечеству в целом. «Любовь к собственному благу, – пишет Н.М. Карамзин, – производит в нас и любовь к отечеству, а личное самлюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма» (Карамзин, 1982, 1964: 93–94). При этом он четко выделяет три вида любви к отечеству, которая в его трактовке может быть физической, моральной и политической. При этом, если следовать логике работы, эти формы не возникают одновременно, а скорее, эволюционируют одна из другой, как и личность изначально не обладает полноценным чувством патриотизма, который есть результат ее умственного развития. Параллельно этому процессу происходит и становление патриотизма народа как социальной общности.

В этом подходе Н.М. Карамзина, по сути, намечены основные положения патриотической составляющей государственной молодежной политики, которая будет реализована в Российской империи уже в конце XIX – начале XX вв. в формате юношеских организаций патриотической направленности.

В начале XIX в. происходит принципиально важное с позиций оценки стадийности развития патриотической составляющей государственной молодежной политики событие. Российская общественная мысль переходит от чистой теории к попыткам сформулировать вполне конкретные рекомендации государственной власти. К числу соответствующих материалов мы с полным правом

можем отнести хорошо известный всем исследователям документ, принадлежащую перу Н.М. Карамзина «Записку о древней и новой России». С этой точки зрения «Записка ...» отталкивается именно от патриотической, национальной основы государственной политики, противопоставляя ее некритическому заимствованию опыта европейского законодательства. Он критикует власть за унаследованную от Петра I «излишнюю любовь к государственным преобразованиям». «Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности... Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны» (Карамзин, 1991: 98).

Полагаем, что Н.М. Карамзин, скорее, – адепт побуждения самодержавия к реформам, которые, однако, основаны не на рецепции западноевропейского права, а на национальном опыте регулирования отношений в системе личность – общество – государство в отечественной истории.

В рассмотренный период в истории общественной мысли России в контексте поставленной задачи по выявлению теоретических аспектов национального самосознания, патриотизма как потенциальных элементов государственной политики произошло главное – общественной мыслью в ходе специфического дискурса, обусловленного спецификой взаимоотношений в системе власть – общество, были сформулированы те базовые вопросы, вокруг которых будет идти эта дискуссия в будущем: личность и государство, личность и нация, нация и сословие, и многие другие. Этапным здесь было последовавшее решение верховной власти, сформулировавшей впервые в практике отечественного госуправления прообраз национальной идеологии патриотической ориентации.

Знаменитая триада министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова «самодержавие – православие – народность» и есть, в контексте нашей исследовательской гипотезы, первый синтез оригинальной российской интеллектуальной традиции, о первых этапах формирования которой речь шла выше с принятием конкретного управленческого решения носителями высшей государственной власти в части синтеза патриотизма и конкретных задач государственного управления.

Естественно, говоря о выборе будущего вектора развития российского государства первой трети XIX в., нельзя обойти вниманием то влияние, которое оказало на этот выбор такое явление, как «декабризм». Обычно принято говорить, собственно, о борьбе с тайными обществами, восстании 14 декабря и иных знаковых событиях, составляющих, как нам представляется, скорее, символический ряд эпохи, чем отражающих сущность этого противостояния, которое закладывалось между обществом и властью в этот период, о сущности патриотизма и национализма и их применимости в практике госуправления. С учетом ограниченного документального наследия декабристов полагаем вполне уместным остановиться на традиционных для рассмотрения их взглядов материалах: «Конституции» Н.М. Муравьева (Проект Конституции Н.М. Муравьева, 2018) и «Русской правде» П.И. Пестеля (Пестель, 2018).

В наиболее концентрированном виде сущность патриотизма в контексте его взаимосвязи с государством содержит «Русская правда». В проекте народ понимался как «совокупность... Людей, которые, принадлежа к ... Государству, составляют Гражданское Общество» (Пестель, 2018). Подобный подход приравнивает национальность к гражданству (принадлежности к определенному государству), что характерно для западноевропейской политико-правовой мысли, но, по сути, являет собой вид космополитизма, отрицающего патриотизм как таковой. Естественно, что это отнюдь не констатация состояния современного П.И. Пестелю российского общества, а некое видение общественного идеала, к которому его еще следует привести. Здесь П.И. Пестель выстраивает целую систему многоуровневого взаимодействия разноуровневых законов, которые, как представляется, не имеют непосредственного отношения к проблематике настоящей работы. Вместе с тем требует дополнительной дискуссии вопрос о концепции приведения различных наций и народностей к единому знаменателю. Есть авторы, которые полагают, что Пестель предлагал ассимиляторский проект, предполагавший не создание единой общности народов в рамках единого государства, а слияние их с «Господствующим Народом» (Пестель, 2018). Впрочем, как отмечают те же исследователи, радикализм этой программы вполне соответствует ее утопизму (Ильин, 2015: 21). Концептуально идея сводится к формуле достижения единства в государстве.

Вполне можно согласиться и с мнением тех, кто оценивает второй базовый документ декабризма – «проект конституции Никиты Муравьева» с прописанной в нем трансформацией России в федерацию из 15 держав, как утопический, хотя и трудно избежать аллюзии, равно как и псевдоисторических параллелей с 15 республиками послевоенного СССР.

Главным фактором, определяющим развитие данной ситуации, было состояние российского общества, которое С.Ф. Платонов охарактеризовал следующим образом: «Разгром декабристов болезненно отразился не на одном их круге, а на всей той среде, которая образовала свои взгляды и симпатии под влиянием западноевропейских идей» (Платонов, 2018: 204). Главным следствием стало формирование отрицательного отношения общества к власти, т.к. власть оно относило к карающей силе, имманентно обществу противостоящей. В итоге два базовых направления в российской общественной мысли, сформировавшихся в этот период, – западники и славянофилы – оказались в потенциальной оппозиции государственной власти, по сути, вставшей на путь

совместного поиска новой парадигмы патриотической, национальной составляющей государственного развития. «Когда они сгруппировались в два известных нам лагеря "западников" и "славянофилов", – пишет С.Ф. Платонов, – оказалось, что оба эти лагеря одинаково чужды правительственному кругу, одинаково далеки от его взглядов и работ и одинаково для него подозрительны» (Платонов, 2018: 204).

Соответственно, предлагаемые ими варианты понимания патриотической составляющей национального самосознания изначально встречались власть предержащими с определенным предубеждением. Это не отменяло возможности донесения определенных идей и концепций до высших уровней государственного управления традиционными для сословного общества способами. Прежде всего речь шла о личных связях людей, принадлежавших к одному сословию, а зачастую к той высшей страте, в среде которой и рождались принципиально важные для будущего страны решения. Подобная практика взаимодействия интеллектуальной российской традиции и высших носителей государственной власти, облеченных властью принятия окончательных решений, будет характерна вплоть до последних лет существования Российской империи (Соловьев, 2011: 442-463).

Своего рода примером, показывающим ситуацию в сфере трансляции интеллектуальной традиции в высшие эшелоны власти, может служить позиция известного русского поэта XIX в. Алексея Константиновича Толстого, чье творчество выступало основанием для причисления его то к «западникам», то к «славянофилам». Сам поэт, принадлежавший к старинному знатному роду, бывший в детстве одним из товарищей будущего императора Александра II по детским играм (Русские писатели, 1990: 298-303) и сохранивший близкие отношения с ним, относился к попыткам воспользоваться его, говоря современным языком, «лоббистскими возможностями» с присущей его произведениям иронией. В своем поэтическом произведении «Двух станов не боец, а только гость случайный...» (1858) (Толстой, 1980: 95, 448) он сказал практически все уже в первой строке. Однако две завершающие строки полны глубокого, практически диалектического понимания этих двух лагерей, каждый из которых, претендуя на истину, предлагал лишь часть ее. И это почувствовал именно поэт, бывший, правда, при этом еще членом-корреспондентом Российской академии наук: «Пристрастной ревности друзей не в силах снесть, / Я знамени врага отстаивал бы честь!» При этом произведения А.К. Толстого, хотя им свойственна и известная эволюционность, и эклектичность, содержат не просто взгляд художника слова на ситуацию в близкой ему социальной среде, но зачастую более чем явно выражавшей суть конкретных концепций патриотической составляющей. Примером здесь может быть публикуемая, как правило, вне рамок основного текста, в подстрочнике, часть широко известного романа «Колокольчики мои...», – суть концепция панславянских доктрин (Толстой, 1980: 51-54, 434-436).

Практика государственного управления этого периода в сфере реализации патриотической составляющей государственной молодежной политики, реализовывавшейся в форме политики сословной, перешла к следующему этапу своего становления. Концепция государственной идеологии «самодержавие – православие – народность» стала результатом синтеза реакции государственной власти на ситуацию в обществе с воспринятой ею составляющей интеллектуальной традиции, обосновывающей в качестве ключевого звена сферу воспитания и образования, в первую очередь молодежи, представляющую социальные группы власть предержащих (дворянство, священнослужители), а также ту часть молодежи, которая в той или иной мере была связана с реализацией важнейших государственных функций (военнослужащие всех категорий, семинаристы, студенчество) (Меркулов, 2011: 39-40, 51-58). Фактически складываются базовые элементы сословной молодежной политики, в которой мы видим отдельные социальные группы молодежи, органы государственного управления специальной компетенции, а также ряд специальных актов управления. Дополнительным элементом, вводящим этот период в исследовательское поле настоящей работы, выступает сформировавшаяся к этому времени отечественная интеллектуальная традиция в сфере разработки патриотизма не только как объекта изучения в рамках отечественной научной традиции, но как социального феномена, в котором встречаются усилия общества и государства.

Соответственно элементу реализации патриотической парадигмы в рамках данного периода становления государственной молодежной политики мы встречаем в Манифесте Николая I, ориентированного преимущественно на дворянство, но видящего это сословие в качестве проводника государственной политики в сфере воспитания, где признавались место и роль воспитания и образования: «Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей». Также ставилась задача по определению места дворянства в этом процессе: «Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станет и на сем поприще, как на всех других, примером всем другим состояниям» с целью «усовершенствования отечественного, природного, не чужеземного воспитания» (Высочайший Манифест 13 июля 1826, 2002). К целям и задачам Манифеста исследователи относятся по-разному. Однако наличие в нем смысловых блоков, наглядно показывающих целеполагание в сфере патриотического воспитания, вполне очевидно.

Становление нормативной базы реализации патриотической составляющей в рамках сословной молодежной политики находит свое продолжение в 1833 г., когда понимание русской нации как элемента реальной политической практики и государственного управления находит свое выражение

в форме тезиса народности (термин «народность», как правило, связывается с именем П.А. Вяземского, который употребляет его как синоним, русифицированный аналог термина «национальность») в знаменитой триаде С.С. Уварова. Между двумя этими официальными документами, доклад С.С. Уварова «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» (19 ноября 1834 г.) (Уваров, 1995: 70-72). Позднее базовый концепт был подтвержден в ряде распорядительных документов Министерства народного просвещения («Вступление к Записке 1843 года: «Десятилетие министерства народного просвещения» (Россия. Министерство народного просвещения, 1864: 3), доклад Уварова С.С. Императору о славянстве от 5 мая 1847 г., (Уваров, 1918). С определенными оговорками можно говорить о том, что в их рамках был сформулирован идеологический концепт, включающий в себя основы патриотизма, т.к., по сути, самодержавие и православие, выступающие у С.С. Уварова выразителями государственности и духовности, вряд ли могут быть отделены от народности, т.е. от своего национального своеобразия, которое он, собственно, и предлагал понимать как единство монархизма и народа в процессе исторического развития российского государства. Соответственно в этой части триады мы вполне логично видим тот патриотический компонент, который прослеживается в деятельности в сфере образования и прежде всего в сфере военного образования.

Так во Всеподданнейшем отчете министра юстиции М.В. Муравьева по делам о государственных преступлениях отложился такой документ, как копия «Приказа по Морскому кадетскому корпусу от 12 апреля 1826 г. по поводу собственноручной Е.И.В. Императора Николая I записки, после посещения Его Величеством Морского кадетского корпуса 31 марта 1826 г.», где в общем виде сформулированы требования к воспитанникам: «чувство Веры и благочестия, долга и чести, беспредельной преданности Государю и Отечеству (ГАРФ. Ф. 543 (Коллекция рукописей Царскосельского дворца). Оп. 1. Д. 374. Л. 4). Наиболее адекватные формы патриотическое воспитание принимает в военных гимназиях, которые, благодаря реформе системы воспитания при подготовке офицеров, сумели отойти от формальной муштры и обратиться к личности воспитанника (Гребенкин, 2017: 40-41). В записке «О необходимости преобразования военно-учебных заведений (о преобразовании военных гимназий в кадетские корпуса)» в 1882 г. ставилась задача «воспитать в своих питомцах тот военный дух, которым искони отличались офицеры русской армии» (РГВИА. Ф. 725. Оп. 20. Д. 18. Л. 137 об.). Главной целью воспитательной работы в военных гимназиях выдвигалось формирование нравственных основ, «кои необходимы для ревностного выполнения предстоящего ему впоследствии высокого долга – быть верным слугой своего Государя и отечества» (Инструкция, 1883: 6-7).

Нельзя не отметить, что хронологически эта реформа с постулированием целей патриотического воспитания практически полностью совпадает с предлагаемой нами датой окончательного оформления такого вида социального управления, как государственная молодежная политика, приходясь на 80-е гг. XIX столетия.

В последующем с учетом определенной милитаризации военной подготовки в кадетских корпусах патриотизм как неотъемлемый элемент кадетского воспитания устоял и в годы Гражданской войны, даже с учетом известных трансформаций и в годы эмигрантской истории кадетских корпусов. Так, в докладе о положении кадетских корпусов в Югославии генерал-лейтенанта Кусовского генерал-лейтенанту Кондзеровскому от 2 сентября 1925 г. отмечалось, что принципами кадетского воспитания в России были религиозность, монархизм и патриотизм, сейчас же «кадеты... проникнуты безотчетным чувством патриотизма, мстительным монархизмом, грубым милитаризмом и не были антирелигиозны» (ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 53. Л. 29). Аналогичную ситуацию можно видеть и в материалах Общепедагогического комитета Донского кадетского корпуса, где отмечаются такие черты воспитания, как приоритет общих целей над индивидуальными, идея самопожертвования во имя блага других, с формулированием тезиса о том, что цель военной школы – дать «сильных, здоровых, бодрых, самостоятельных, хорошо образованных людей, горячо любящих свою Родину» (ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 98. Л. 214-214 об.), и в материалах Морского корпуса (ГАРФ. Ф. Р-5915. Оп. 1. Д. 276. Л. 13 об.-14).

Весьма интересной сферой, где государство с неизбежностью стояло перед проблемой выбора стратегии не просто реализации идеи патриотизма в соответствующей эпохе формулировке, была проблема инкорпорации присоединяемых частей Империи. Особенно остро эта проблема стояла на южных границах, где инкорпорируемые территории были кардинально отличны и по этническому, и по конфессиональному признаку. В этом отношении интересен опыт Правительства в масштабах Оренбургской губернии и Епархии, где был исключительно высокий процент «иноверцев»: так, на 1898 г. насчитывалось православных и единоверцев 1 153 058, раскольников и сектантов – 48 583, католиков – 3 473, протестантов – 5 405, иудеев – 2 222, мусульман – 393 427 (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 12941. Л. 40а).

Местная же система образования, по словам российских наблюдателей, была весьма специфична: «Школы эти, – отмечается в архивных материалах, – никак нельзя отнести к образовательным учреждениям, так как по содержанию преподаваемых предметов и методу преподавания они не только не развивают понятий учащихся, но напротив прививают им самые

дикие идеи и предрассудки, поддерживающие в народе религиозный фанатизм и препятствующие сближению его с русским и христианским населением» (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 150. Л. 48). Сама идея реализации здесь идей патриотического воспитания была невозможна по определению. Соответственно, по итогам инспекции в 1876 г. Оренбургского учебного округа министром народного просвещения графом Д.А. Толстым было принято решение о создании учреждения, которое, говоря современным языком, реализовывало бы концепцию «мягкой силы» в форме подготовки учителей для национальных школ с задачей вытеснения религиозного мусульманского образования (мектебе и медресе). В 1882 г. в Орске открывается «Киргизская учительская школа» по подготовке учителей для казахов. Стратегической задачей в этой части Империи в сфере идеологии патриотизма была борьба с татаризацией и пантюркизмом, рассматривавшимися как реальная опасность имперскому патриотизму (ГАОО Ф. 264. Оп. 1. Д. 27. Л. 9).

В целом следует согласиться с позицией оренбургских историков, полагающих, что опыт их региона «можно считать одной из моделей культурно-образовательной коммуникации в контексте стратегии инкорпорирования, проводимой Российской империей в отношении этносов национальных окраин», а Волжско-Уральский регион реализовывал просветительскую политику центра, в которой на первый план была вынесена задача формирования подрастающего поколения в духе идеологии аккультурации; политика в сфере образования «иногородцев» осуществлялась в общегосударственном ключе и сопровождалась, помимо русификации, унификацией содержания образовательных программ учреждений национальной школы» (Любичанковский, 2018: 163).

Возвращаясь от практики реализации патриотического компонента идеологии в практике госуправления к общественному и научному дискурсу XIX в. вокруг этого понятия, нельзя не отметить, что среди отреагировавших на Манифест С.С. Уварова были известные литераторы, в частности и А.С. Пушкин с запиской «О народном воспитании» (Пушкин, 1962: 355), крайне неоднозначно оцениваемой в отечественной историографии, П.А. Плетнев «О народности в литературе» (Плетнев, 2008: 69). У последнего неким общим трендом выступает тезис о том, что народность, нация используются как синонимы, формируются в результате реализации конкретного варианта исторического развития. В целом в данный период, имеющий в своем начале 1833 г., идея народности становится предметом широкой общественно-политической дискуссии, идущей параллельно с практической деятельностью органов государственной власти специальной компетенции по реализации национальной, а в современном понимании – патриотической составляющей государственной политики, реализующейся прежде всего в сфере сословной молодежной политики, связанной по преимуществу со сферой образования, а применительно к военным служащим – и со сферой воспитания. Масштабность дискуссии хорошо видна на примере обсуждаемых дефиниций, особенно таких, как идея народности и идея человечества, а в крайних формах – как идеи национализма и космополитизма. Обозначается, хотя еще в самом общем виде и противостояние личного и коллективного. Об этом мы писали выше применительно к патриотическому компоненту воспитания кадетов.

В эпоху Великих реформ на глазах у тех, кто был непосредственным участником событий того времени, по сути начинался еще один этап в развитии как теории, так и практики отечественной концепции патриотизма. Это было время, когда сложившиеся к этому периоду теория и практика государственного управления встречаются с новым качеством изучаемого и регулируемого объекта – в результате реформ стремительно ускоряется процесс формирования не связанной жесткими сословными рамками единой русской нации. Ранее эта идея сформировалась в отечественной интеллектуальной традиции, отчасти была воспринята практикой госуправления, однако отмена крепостного права, всеобщая воинская повинность (Военная реформа Д.А. Милютин в целом), бессословный суд стали тем катализатором, который ускорил и формирование самой нации, и попытки осмысления нового качества регулируемого объекта.

Не будем также забывать, что именно на пореформенный период (1887) приходится и нормативный акт, так называемый «Указ о кухаркиных детях» («О сокращении гимназического образования», 2018), который может быть использован в качестве формальной точки отсчета для признания появления в масштабе страны государственной молодежной политики, де-факто существующей в формате сословной молодежной политики с периода позднего Средневековья как части социальной политики либо в формате «негативной» молодежной политики с конца XVIII в. (Меркулов, 2011: 79; Меркулов и др., 2015: 142-143; Меркулов и др., 2017: 46-49).

Конечно же, в России развивались и иные подходы к пониманию места и роли патриотизма в отечественном социуме. Однако та его ветвь, которая соотносится с народничеством, анархизмом, а впоследствии и с социалистическими учениями, имманентно противопоставляла себя российскому государству, выступая за тот или иной способ его свержения. Соответственно любая идеология, которую генерировали представители этих течений, воспринималась как антигосударственная пропаганда и, что вполне естественно, не оказывала никакого влияния на содержание патриотической составляющей государственной молодежной политики. Данное обстоятельство позволяет нам отказаться от рассмотрения этой части интеллектуального дискурса в российском обществе.

5. Заключение

Исследование общетеоретических аспектов возникновения понятий патриотизма, национализма в дореволюционной России наглядно показало, что практически за полтора века российская интеллектуальная традиция сумела пройти путь от постановки вопроса о патриотизме и национализме как необходимом элементе государственной, в т.ч. и молодежной политики. В эпоху существования сословной молодежной политики взаимосвязь восприятия государственной властью патриотических и националистических идей в основном проходила в сфере образования и воспитания (последнее тяготело к армейской сфере). Классическим примером подобного взаимодействия стала доктрина «официальной народности», реализовывавшаяся в практике государственного управления по линии Министерства народного просвещения. В последней трети XIX в. государственная молодежная политика окончательно сформировалась как одно из отраслевых направлений управленческой деятельности государства (ЦГАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 2511, 2512).

Примером реализации конкретных проектов в сфере государственной молодежной политики стало введение элементов патриотического воспитания в подготовку кадетов, создание «мягкой силы» (агентов влияния на инородческих окраинах империи, стимулирование создания и поддержки молодежных организаций патриотической направленности (скауты, «сокольство» и др.). Последующее восприятие этих форм уже в годы советской государственности доказывает, что формы реализации отечественного патриотизма в государственной молодежной политике оказались сильнее их идеологической ориентации. Они во многом были восприняты советской государственностью, начиная с момента отказа от курса на мировую революцию и присущего ей концепта пролетарского интернационализма.

Наиболее четкое воплощение практика государственного управления восприняла идеологический компонент патриотизма в организации военного воспитания в профильных учебных заведениях, прежде всего в кадетских корпусах. Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что на протяжении длительного времени процесс подготовки будущих офицеров кардинально отличался от привычного нам современного, практически исключая какое бы то ни было организованное воздействие на воспитанников, имеющее целевым назначением формирование у них какой-либо идеологии. Однако, начиная с первой трети XIX в., начало оформления понятия патриотизма на научном и управленческом уровне, возникновением сословной молодежной политики, этот компонент входит в воспитательную работу в кадетских корпусах, типология которой претерпела за это столетие немало кардинальных изменений. При этом архивные документы свидетельствуют о присутствии в ней патриотического компонента. Таким образом, в первой трети XIX в. в России произошло фактическое восприятие результатов общественного дискурса о содержании понятия «патриотизм» государственными органами управления, отраженное как в материалах, свидетельствующих о попытках формулирования новой государственной идеологии, так и в документах распорядительного характера Министерства народного просвещения в рамках формирования нормативно-правового компонента такого явления в системе государственного управления России, как трансформация проводимой ранее государством сословной молодежной политики в молодежную государственную политику, понимающую молодежь как единую социальную группу. Окончательно этот процесс завершится в последней трети XIX века с началом формирования целой группы самостоятельных общественных организаций патриотической направленности с переходом в новое качество уже в период кардинальных изменений политической системы страны и типа ее государственного управления начала XX века.

Литература

Бочарников, 2014 – *Бочарников И.В.* Феномен патриотизма в мировой политической истории. Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития: [сб. материалов] / Ассамблея народов России [и др.]; [под ред. Н. П. Комарова]. М.: Московский дом национальностей, 2014. С. 8-22.

Вырщиков, Кусмарцев, 2006 – *Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б.* Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе: Монография. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо». 2006. 172 с.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гребенкин, 2017 – *Гребенкин А.Н.* Традиции организации учебно-воспитательной и культурно-массовой работы в российских военно-учебных заведениях (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск: Изд. АНС «СИБАК», 2017. 182 с.

Иванова, Лутовинов, 2008 – *Иванова С.Ю., Лутовинов В.И.* Современный российский патриотизм. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 320 с.

Ильин, 2015 – *Ильин Н.П.* От российского патриотизма к русскому национализму // Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). М., 2015. С. 9-112.

- Император Николай Первый, 2002** – *Высочайший манифест* 13 июля 1826 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18260713nik1.html> (дата обращения: 5.01.2018). Император Николай Первый. М., 2002.
- Инструкция, 1883** – *Инструкция для преподавания учебных предметов в военных гимназиях. Положения общие* // Педагогический сборник. 1883. № 1. Ч. офиц. С. 1-52.
- Карамзин, 1964** – *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения в двух томах. М.–Л.: Художественная литература, 1964.
- Карамзин, 1982** – *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. 351 с.
- Карамзин, 1987** – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1987. 717 с.
- Карамзин, 1991** – *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском значении. М., 1991. 125 с.
- Ключевский, 1988** – *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. III. М., 1988.
- Ключевский, 2008** – *Ключевский В.О.* Декабристы. М., 2008.
- Любичанковский, 2018** – *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 264 с.
- Меркулов, 2011** – *Меркулов П.А.* Государственная молодежная политика дореволюционной России 1649–1917 гг.: от Соборного уложения до целевых проектов социализации. Брянск, 2011. 121 с.
- Меркулов, 2013** – *Меркулов П.А.* Государственная молодежная политика России – исторические этапы формирования. СПб., 2013. 515 с.
- Меркулов и др., 2015** – *Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Аронов Д.В.* «Негативная молодежная политика» как составляющая государственной политики в отношении молодежи: методологические аспекты // *Власть*. 2015. № 2. С. 141-145.
- Меркулов и др., 2017** – *Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Аронов Д.В.* «Негативная молодежная политика» – к проблеме определения содержания понятия // *Гуманитарные науки и образование в XXI веке (история, молодежная политика, туризм): Междисциплинарный сборник научных статей. В 2-х ч.* / Отв. ред. А.А. Зеленин, М.Г. Леухова, А.В. Блинов. Кемерово-Орел: Издательский Дом «ОРЛИК», 2017. Ч. I. С. 44-51.
- Миллер, 2008** – *Миллер А.* «Нация» и «народность» в России XIX века. Лекция. 29 декабря 2008. Аналитический портал ПОЛИТ.РУ [Электронный ресурс] URL: <https://polit.ru/article/2008/12/29/nation/> (дата обращения: 2.01.2019).
- «О сокращении гимназического образования», 2018** – «О сокращении гимназического образования» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/О_сокращении_гимназического_образования (дата обращения: 5.01.2018).
- Патриотизм и национализм..., 2015** – Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 782 с.
- Пестель, 2018** – *Пестель П.И.* Русская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscont.ru/efd/9135> (дата обращения 5.01.2018).
- Платонов, 2006** – *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. М., 2006. С. 539-540.
- Плетнев, 2008** – *Плетнев П.А.* О народности в литературе. Консерватор. СПб., 2008. № 3. С. 69.
- Проект Конституции Н.М. Муравьева, 2018** – Проект Конституции Н.М. Муравьева [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Проект_конституции_Н.М._Муравьева (дата обращения: 5.01.2018).
- Пушкин, 1962** – *Пушкин А.С.* О народном воспитании / Собрание сочинений в 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 7. История Пугачева, Исторические статьи и материалы, Воспоминания и дневники. С. 355-361. [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/pushkin/tocvol7.htm> (дата обращения 5.01.2018)
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Россия. Министерство народного просвещения, 1864** – Россия. Министерство народного просвещения. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843: (Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 г.) / Россия. М-во народ. просв. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1864. 161 с.
- Русские писатели, 1990** – «Русские писатели». Библиографический словарь. Т. 2. М–Я / Под ред. П.А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. 442 с.
- Санина, 2016** – *Санина А.Г.* Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // *Социологические исследования*. 2016. № 5. С. 44-53.
- Селиверстова, Курганская, 2017** – *Селиверстова Н.А., Курганская М.Я.* Патриотизм // *Знание. Понимание. Умение*. 2017. № 1. С. 232-239.
- Соловьев, 2011** – *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 442-463.
- Страхов, 1883** – *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Книжка вторая. СПб., 1883. 394 с.

Теория официальной народности, 2018 – Теория официальной народности [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_официальной_народности (дата обращения: 5.01.2018).

Толстой, 1980 – Толстой А.К. «Двух станов не боец, а только гость случайный...» / Собр. соч. в четырех томах. Т. 1. М., 1980. С. 95, 448.

Уваров, 1918 – Уваров С.С. Доклад Императору о славянстве от 5 мая 1847 г. // *Наше минуле. Журнал историй, литературы і культури*. 1918. № 2. С. 171-177.

Уваров, 1995 – Уваров С.С. «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» // *Река времен*. Вып. 1. М., 1995. С. 70-72.

Фонвизин, 1959 – Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах // Собр. соч. в 2 т. М.-Л., 1959. Т. 2. 742 с.

Циркулярное предложение..., 1892 – Циркулярное предложение Попечителю Московского учебного округа // *Русский архив*. 1892. № 7.

ЦГАМ – Центральный государственный архив Москвы.

Черных, 1993 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. I. 624 с.

Шаццлло, 1985 – Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 годов. М., 1985. 302 с.

Cadiot et al., 2005 – Cadiot J. Searching for Nationality : Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897-1917) // *Russian Review*. 2005. Vol. 64. № 3. Pp. 440-455.

Lieven et al., 2008 – Lieven D. Russian Empire : Space, People, Power, 1700-1930 / J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev // *Russian Review*. 2008. Vol. 67. № 4. P. 706.

Merkulov et al., 2018 – Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V. State youth policy in pre-revolutionary Russia: from social stratification of society to full social regulation // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3. Pp. 1061-1073.

Saunders et al., 2000 – Saunders D. Regional Diversity in the Later Russian Empire // *Transactions of the Royal Historical Society*. 2000. Vol. 10. pp. 143-163.

Sany et al., 2000 – Sany R.G. Nationalities in the Russian Empire // *Russian Review*. 2000. Vol. 59. № 4. Pp. 487-492.

References

«O sokrashchenii gimnazicheskogo obrazovaniya», 2018 – «O sokrashchenii gimnazicheskogo obrazovaniya» [Elektronnyi resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/O_sokrashchenii_gimnazicheskogo_obrazovaniya (date of access: 5.01.2018). [in Russian]

Bocharnikov, 2014 – Bocharnikov I.V. (2014). Fenomen patriotizma v mirovoi politicheskoi istorii Rossiiskii patriotizm: osnovy i prioritetye napravleniya razvitiya: [sb. materialov] / Assambleya narodov Rossii [i dr.]; [pod red. N. P. Komarova]. [The phenomenon of patriotism in world political history Russian patriotism: fundamentals and priority directions of development: [collection of materials]. Assembly of peoples of Russia [and others]. M.: Moskovskii dom natsional'nosti. Pp. 8-22. [in Russian]

Cadiot et al., 2005 – Cadiot J. (2005). Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897-1917). *Russian Review*. Vol. 64. № 3. Pp. 440-455.

Chernykh, 1993 – Chernykh P.Ya. (1993). Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. M., T. I. 624 p. [in Russian]

Fonvizin, 1959 – Fonvizin D.I. (1959). Rassuzhdenie o nepremennykh gosudarstvennykh zakonakh [Reasoning about the indispensable state laws]. Sobr. soch. v 2 t. M.-L. T. 2. 742 p. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Grebenkin, 2017 – Grebenkin A.N. (2017). Traditsii organizatsii uchebno-vospitatel'noi i kul'turno-massovoi raboty v rossiiskikh voenno-uchebnykh zavedeniyakh (XVIII – nachalo XX v.). [Traditions of the organization of educational and cultural work in Russian military educational institutions (XVIII – early XX century)]. Novosibirsk: Izd. ANS «SiBAK». 182 p. [in Russian]

Il'in, 2015 – Il'in N.P. (2015). Ot rossiiskogo patriotizma k russkomu natsionalizmu [From Russian patriotism to Russian nationalism]. Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiiskoi istorii (konets XVIII v. – 1991 g.). M. Pp. 9-112. [in Russian]

Imperator Nikolai Pervyi, 2002 – Vysochaishii manifest 13 iyulya 1826 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18260713nik1.html> (date of access: 5.01.2018); Imperator Nikolai Pervyi. M., 2002. [in Russian]

Instruktsiya, 1883 – Instruktsiya dlya prepodavaniya uchebnykh predmetov v voennykh gimnaziakh. Polozheniya obshchie [Instructions for teaching academic subjects in military schools. The provisions of the General]. *Pedagogicheskii sbornik*. 1883. № 1. Ch. ofits. Pp. 1-52. [in Russian]

Ivanova, Lutovinov, 2008 – Ivanova S.Yu., Lutovinov V.I. (2008). Sovremennyi rossiiskii patriotizm. [Modern russian patriotism]. Rostov n/D: Izd-vo YUNTs RAN. 320 p. [in Russian]

- Karamzin, 1964** – *Karamzin N.M.* (1964). Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh [Selected works in two volumes]. M.-L.: Khudozhestvennaya literatura. [in Russian]
- Karamzin, 1982** – *Karamzin N.M.* (1982). Izbrannye stat'i i pis'ma. [Selected articles and letters]. M. 351 p. [in Russian]
- Karamzin, 1987** – *Karamzin N.M.* (1987). Pis'ma russkogo puteshestvennika. [Letters of a Russian traveler]. L. 717 p. [in Russian]
- Karamzin, 1991** – *Karamzin N.M.* (1991). O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom znachenii [About ancient and new Russia in its political and civil significance]. M. 125 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1988** – *Klyuchevskii V.O.* (1988). Kurs russkoi istorii. Soch. v 9 t. T. III. [The course of Russian history. Op. in 9 vols., Vol. III.]. M. [in Russian]
- Klyuchevskii, 2008** – *Klyuchevskii V.O.* (2008). Dekabristy. [Decembrists]. M. [in Russian]
- Lieven et al., 2008** – *Lieven D.* (2008). Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. *Russian Review.* Vol. 67. № 4. P. 706.
- Lyubichankovskii, 2018** – *Lyubichankovskii S.V.* (2018). Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt Orenburgskogo kraja (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The policy of acculturation by means of education of Islamic subjects of the Russian Empire: the historical experience of the Orenburg region (mid-XIX – early XX centuries)]. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU. 264 p. [in Russian]
- Merkulov et al., 2018** – *Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V.* (2018). State youth policy in pre-revolutionary Russia: from social stratification of society to full social regulation. *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3. Pp. 1061-1073.
- Merkulov i dr., 2015** – *Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V.* (2015). «Negativnaya molodezhnaya politika» kak sostavlyayushchaya gosudarstvennoi politiki v otnoshenii molodezhi: metodologicheskie aspekty ["Negative youth policy" as a component of state policy towards youth: methodological aspects]. *Vlast'*. № 2. Pp. 141-145. [in Russian]
- Merkulov i dr., 2017** – *Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V.* (2017). «Negativnaya molodezhnaya politika» – k probleme opredeleniya soderzhaniya ponyatiya ["Negative youth policy" – to the problem of defining the content of the concept]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie v XXI veke (istoriya, molodezhnaya politika, turizm): mezhdistsiplinarnyi sbornik nauchnykh statei*. V 2-kh ch. Otv. red. A.A. Zelenin, M.G. Leukhova, A.V. Blinov. Kemerovo-Orel: Izdatel'skii Dom «ORLIK». Ch. I. Pp. 44-51. [in Russian]
- Merkulov, 2011** – *Merkulov P.A.* (2011). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika dorevolutsionnoi Rossii 1649–1917 gg.: ot Sobornogo ulozheniya do tselevykh proektov sotsializatsii [State youth policy of pre-revolutionary Russia 1649–1917: from the Cathedral code to targeted socialization projects]. Bryansk. 121 p. [in Russian]
- Merkulov, 2013** – *Merkulov P.A.* (2013). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika Rossii – istoricheskie ehtapy formirovaniya [State youth policy of Russia – historical stages of formation]. SPb. 515 p. [in Russian]
- Miller, 2008** – *Miller A.* (2008). «Natsiya» i «narodnost'» v Rossii XIX veka. Lektsiya. 29 dekabrya 2008. Analiticheskii portal POLIT.RU [Elektronnyi resurs]. URL: <https://polit.ru/article/2008/12/29/nation/> (date of access: 2.01.2019). [in Russian]
- Patriotizm i natsionalizm..., 2015** – Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiiskoi istorii (konets XVIII v. – 1991 g.) [Patriotism and nationalism as factors of Russian history (the end of the XVIII century – 1991)]. Kollektivnaya monografiya. Otv. red. V.V. Zhuravlev. M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2015. 782 p. [in Russian]
- Pestel', 2018** – *Pestel' P.I.* (2018). Russkaya pravda [Elektronnyi resurs]. URL: <https://rucont.ru/efd/9135> (data obrashcheniya 5.01.2018). [in Russian]
- Platonov, 2006** – *Platonov S.F.* (2006). Polnyi kurs lektsii po russkoi istorii. [Full course of lectures on Russian history]. M. Pp. 539-540. [in Russian]
- Pletnev, 2008** – *Pletnev P.A.* (2008). O narodnosti v literature. Konservator [About nationality in literature. Conservative]. SPb. № 3. P. 69. [in Russian]
- Proekt Konstitutsii N.M. Murav'eva, 2018** – Proekt Konstitutsii N. M. Murav'eva. [Elektronnyi resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Proekt_konstitutsii_N.M._Murav'eva (date of access: 5.01.2018). [in Russian]
- Pushkin, 1962** – *Pushkin A.S.* (1932). O narodnom vospitanii / Sobranie sochinenii v 10 t. M.: GIKHL, 1962. T. 7. Istoriya Pugacheva, Istorigicheskie stat'i i materialy, Vospominaniya i dnevniki. pp. 355-361 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://rvb.ru/pushkin/tocvol7.htm> (date of access: 5.01.2018). [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Rossiya. Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya, 1864** – Rossiya. Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya. Desyatiletie Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1833-1843: (Zapiska, predstavennaya gosudaryu imperatoru Nikolayu Pavlovichu ministrom narodnogo prosveshcheniya grafom Uvarovym v 1843 g.). Rossiya. M-vo narod. prosv. [Russia. Ministry of public education. Decade of the

- Ministry of public education. 1833-1843: (note presented to the sovereign Emperor Nikolai Pavlovich by the Minister of public education count Uvarov in 1843.]. SPb. Tip. Imp. akad. nauk, 1864. 161 p. [in Russian]
- [Russkie pisateli, 1990](#) – «Russkie pisateli». Biobibliograficheski slovar' [«Russian writer». Biobibliographic dictionary]. T. 2. M–Ya. Pod red. P.A. Nikolaeva. M.: Prosveshchenie, 1990. 448 p. [in Russian]
- [Sanina, 2016](#) – *Sanina A.G.* (2016). Patriotizm i patrioticheskoe vospitanie v sovremennoi Rossii [Patriotism and Patriotic education in modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 5. Pp. 44-53. [in Russian]
- [Sany et al., 2000](#) – *Sany R.G.* (2000). Nationalities in the Russian Empire. *Russian Review*. Vol. 59. № 4. Pp. 487-492.
- [Saunders et al., 2000](#) – *Saunders D.* (2000). Regional Diversity in the Later Russian Empire. *Transactions of the Royal Historical Society*. Vol. 10. pp. 143-163.
- [Seliverstova, Kurganskaya, 2017](#) – *Seliverstova N.A., Kurganskaya M.Ya.* (2016). Patriotizm [Patriotism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 1. Pp. 232-239. [in Russian]
- [Shatsillo, 1985](#) – *Shatsillo K.F.* (1985). Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905-1907 gody. [Russian liberalism on the eve of the revolution 1905-1907]. M. 302 p. [in Russian]
- [Solov'ev, 2011](#) – *Solov'ev K.A.* (2011). Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914). [Legislative and Executive power in Russia: mechanisms of interaction (1906–1914)]. M. Pp. 442-463. [in Russian]
- [Strakhov, 1883](#) – *Strakhov N.N.* (1883). Bor'ba s Zapadom v nashei literature. Knizhka vtoraya [The struggle with the West in our literature. Book two]. SPb. 394 p. [in Russian]
- [Teoriya ofitsial'noi narodnosti, 2018](#) – Teoriya ofitsial'noi narodnosti [Elektronnyi resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Teoriya_ofitsial'noi_narodnosti (date of access: 5.01.2018). [in Russian]
- [Tolstoi, 1980](#) – *Tolstoi A.K.* (1980). «Dvukh stanov ne boets, a tol'ko gost' sluchainyi...». *Sobr. soch. v chetyrekh tomakh*. T. 1. [“Two camps is not a fighter, but only a random guest...”]. M. P. 95, 448. [in Russian]
- [TSGAM](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvy [Central State Archive of Moscow].
- [Tsirkulyarnoe predlozhenie..., 1892](#) – Tsirkulyarnoe predlozhenie Popecthlyu Moskovskogo uchebnogo okruga [Circular proposal to the Trustee of the Moscow school district]. *Russkii arkhiv*. 1892. № 7. [in Russian]
- [Uvarov, 1918](#) – *Uvarov S.S.* (1918). Doklad Imperatoru o slavyanstve ot 5 maya 1847 g. [Report to the Emperor on the Slavs of may 5, 1847]. *Nashe minule. Zhurnal istorii, literaturi i kul'turi*. № 2. pp. 171-177. [in Russian]
- [Uvarov, 1995](#) – *Uvarov S.S.* (1995). «O nekotorykh obshchikh nachalakh, mogushchikh sluzhit' rukovodstvom pri upravlenii Ministerstvom Narodnogo Prosveshcheniya» [“On some General principles that can serve as a guide in the management of the Ministry Of public Education”]. *Reka vremeni*. Vyp. 1. M. Pp. 70-72. [in Russian]
- [Vyrshchikov, Kusmartsev, 2006](#) – *Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B.* (2006). Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve: monografiya [Patriotic education of youth in modern Russian society: monograph]. Volgograd: NP IPD «Avtorskoe pero». 172 p. [in Russian]

Теория патриотизма в дореволюционной России – от первых шагов к практике реализации

Павел Александрович Меркулов ^{a, *}, Анатолий Леонидович Елисеев ^a,
Дмитрий Владимирович Аронов ^b

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

^b Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация

Аннотация. Одним из компонентов понимания исторической ментальности народа выступает такая ее составляющая, как патриотизм. Понимание сущности данного явления, уровня его общественной саморефлексии неотделимо от его взаимосвязи и взаимообусловленности с конкретно-историческими условиями жизни социума. Принципиально важным представляется рассмотрение социальной рефлексии патриотизма на примере таких ее составных компонентов, как научное осмысление явления в социуме и отражение уровня его восприятия в практике государственного управления. В настоящей статье рассматривается возникновение патриотизма как одного из компонентов социальных практик в дореволюционной России и его эволюция в теоретических изысканиях и практической деятельности органов государственного управления общего и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: reception@orel.ranepa.ru (П.А. Меркулов),
eliseev.anatoly@gmail.com (А.Л. Елисеев), aronovdv@mail.ru (Д.В. Аронов)

отраслевого характера. Ставится задача проследить динамику изменений места и роли патриотизма в контексте развития общеполитической ситуации в стране. На примере результатов анализа трудов дореволюционных исследователей и малоизвестных официальных материалов нормативного и административно-распорядительного характера делается вывод о генезисе патриотизма в дореволюционном российском социуме. Прослежены фазы его становления как объекта научного изучения с постоянной коррекцией содержания, а также как целеполагающего фактора государственной молодежной политики дореволюционной России, стадийно совпадающего со становлением этого нового направления государственного управления.

Ключевые слова: патриотизм, государство и государственность, государство и отечество, государственная молодежная политика, патриотический компонент государственной молодежной политики, общественная и научная саморефлексия.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 242-249. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.242
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Violations of Public Order by Students of the Imperial Tomsk University and Its regulation in the late XIX – early XX centuries

Elena V. Vititneva ^{a, *}, Galina M. Lushchaeva ^a, Natalya V. Pahomova ^a, Maria D. Lushchaeva ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to analysis of the types of violations of discipline, law and order by students of the Imperial Tomsk University in the pre-revolutionary period. The specificity of the legislation regulating the order in the student community was revealed. The work of law enforcement – the inspector of students, the professor's disciplinary court was analyzed, their role and functions in maintaining deanery were determined. The types of violations were also investigated and detailed examples of them were given, based on archival materials of the State Archive of the Tomsk Region and the National Archive of the Republic of Tatarstan, that were not previously introduced into scientific circulation. In this research work we have founded that the characteristic features of the violators were the denial of guilt, unwillingness to take responsibility for their actions, an unhealthy sense of confidence in their rightness. As a result, a negative student image was formed in Russian society at the beginning of the XX century. Nevertheless, the number of cases, that were shaded the noble status of students was small in comparison with the general number of students, which indicates the absence of a ubiquitous and topical nature of the problem.

Keywords: Siberia, Imperial Tomsk University, students' everyday life, higher education in Russian Empire, university regulation, the violations of law and order.

1. Введение

Рассматривая различные аспекты повседневной жизни сибирских студентов конца XIX – начала XX вв., невозможно оставить без внимания такой вопрос, как нарушение дисциплины и правопорядка учащимися Императорского Томского университета и способы его урегулирования.

К середине XIX в., когда институт студенчества окреп, а высшее образование в Российской империи вступило в золотую эпоху своего развития, в общественной среде сложился примерно такой образ студента вуза: это высоко нравственный молодой человек, бескорыстно и усердно служащий на благо государства и обладающий всеми благородными качествами. В дореволюционный период в большинстве случаев перед обществом студент представал именно как образец достойного представителя гражданина Российской империи. Молодые люди, получавшие высшее образование, вызывали доверие и уважение как со стороны высшего общества, так и со стороны городских обывателей и крестьянского населения. Как отмечал бывший студент Н. Зарницын, «недаром прежнему студенту верили безгранично и считались с его званием» (Фоминых и др., 2014: 425).

Однако, как и в любом феномене, здесь существовали свои исключения из правил. Благородный образ студента омрачали нарушители дисциплины и правопорядка как среди обучающихся, так и среди представителей, отчисленных из университета.

* Corresponding author

E-mail addresses: vititneva.elena@gmail.com (E.V. Vititneva), lusgalina@yandex.ru (G.M. Lushchaeva), pahomise@mail.ru (N.V. Pahomova), lusmaria777@yandex.ru (M.D. Lushchaeva)

Цель настоящей статьи – проанализировать виды нарушений дисциплины и правопорядка студентами Императорского Томского университета в дореволюционный период и определить способы их урегулирования.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили законодательные акты, уставы и локальные нормативно-правовые документы высших учебных заведений в дореволюционный период, которые в разной степени затрагивали деятельность по установлению дисциплины и регулированию правопорядка.

Статья подготовлена на основе материалов ОГКУ «Государственный архив Томской области» (ГАТО), фонд 192 «Императорский Томский университет». Для сравнения ситуаций в другой университетской среде использовались материалы ГБУ «Государственный архив Республики Татарстан» (ГА РТ), фонд 977 «Императорский Казанский университет».

Среди документов университетского делопроизводства для определения видов нарушений, их классификации и анализа использовались такие источники, как заявления, прошения, объяснительные записки, выписки из заседаний профессорского дисциплинарного суда и т.д.

Источники личного происхождения позволили проанализировать эмоциональный фон рассматриваемого вопроса. Среди них мемуары бывших студентов (Фоминых и др., 2014: 508) и письма (Либеров, 1896).

Анализ законодательной базы, регулировавшей вопросы нарушения дисциплины и правопорядка, позволил выявить механизмы, связанные с восстановлением порядка и применяемыми санкциями для нарушителей.

Методологическую основу исследования составляют базовые принципы исторической науки: объективизм, историзм и ценностный. Исследование выполнено в русле историко-антропологического подхода, который основывается на повышенном внимании к судьбам участников исторических событий и источникам личного происхождения.

Важной частью методологии исследования является метод ситуационного анализа, предполагающий более углубленное изучение конкретных событий в их исторической ретроспективе.

3. Обсуждение

В дореволюционный период проблемы нарушения дисциплины и правопорядка студентами поднимались косвенно только в контексте трудов по истории высших учебных заведений Российской империи, например, в трудах П.А. Плетнева (Плетнев, 1844: 211), В.В. Григорьева по истории Петербургского (Григорьев, 1870: 115) и С.П. Шевырева по истории Московского университета (Шевырев, 1855: 584).

В советской историографии основное внимание было уделено вопросам, связанным с участием студентов в революционно-освободительной борьбе, то есть, если говорить о студенческой среде, то советскими историками акцент делался именно на сферу политических преступлений. В качестве примера можно привести монографию Л.И. Насонкиной «Московский университет после восстания декабристов» (Насонкина, 1972: 343), в которой, в частности, были проанализированы проблемы надзора за студентами по политическим делам, учреждение инспектуры и ее функционирование.

Современные историки частично раскрыли проблему нарушения дисциплины и правопорядка через обращение к вопросу о деятельности профессорско-дисциплинарных судов в империи, в частности это труды М.В. Фадеевой (Фадеева, 2016), В.В. Суязова (Суязов, 2015), Л.В. Головки, Н.В. Ильютченко (Головки, Ильютченко, 2004), М.В. Грибовского (Грибовский, 2017; Грибовский, 2018). Также косвенный анализ проблемы нарушения дисциплины и правопорядка студентами наблюдается в работах по изучению особенностей нормативно-правовой базы в студенческой среде (Жуковская, Казакова, 2007; Новиков, Перфилова, 2014; Зайцева, 2017). Однако приведенные работы в основном отражают ситуацию на территории всей империи и не касаются вопросов, связанных с нарушением порядка студентами в Томске, являющемся единственным городом в Сибири в дореволюционный период, на территории которого функционировали высшие учебные заведения.

Таким образом, проблема нарушения дисциплины и правопорядка студентами в дореволюционный период на территории Сибири является малоизученной и представляется необходимым дальнейшее исследование данного вопроса.

4. Результаты

4.1. Нормативно-правовая база

Общий устав императорских российских университетов являлся основополагающим документом, который определял устройство и работу высших учебных заведений, а также права и обязанности участников образовательного процесса. Для изучаемого периода актуальным являлся устав 1884 г. (Общий устав Императорских российских университетов, 1894: 813). Он определял обязанности одного из блюстителей порядка в студенческой среде – инспектора студентов, а также устанавливал виды взысканий, которые он имел право применять по отношению к обучающимся

единолично или совместно с ректором. В уставе было указано, что инспектор студентов должен был следить за исполнением установленных правил студентами и посторонними слушателями в университетских зданиях. В случае нарушения порядка инспектор был обязан принять меры к восстановлению благочиния, оповестив о деталях ректора. В сферу обязанностей инспектора также входило наблюдение за поведением студентов вне университетской территории, следуя в этом отношении ближайшим указаниям попечителя учебного округа. Согласно уставу, инспектор мог привести в исполнение следующие виды наказаний: выговор, арест (карцер), увольнение и исключение из университета. Таким образом, инспектор являлся важной составляющей в системе организации дисциплины и правопорядка как на территории университетского кампуса, так и вне ее. Он обладал достаточно широким кругом обязанностей и полномочий и являлся ответственным за соблюдение дисциплины и правопорядка в студенческой среде в первую очередь.

Важно отметить, что редакция университетского устава 1884 г. ст. 405 гласит: «Разбирательство по студенческим делам вверяется профессорскому дисциплинарному суду на точном основании Высочайше утвержденных 27 августа 1902 г. Правил» (**Временные правила, 1912: 9**). Это означало, что с 1902 г. возобновлялась работа профессорского дисциплинарного суда, который был обязан разбирать проступки студентов. Так, в обязанности преподавателей, помимо научной деятельности и проведения учебных занятий, вошла новая функция – проведение «карательных» заседаний. Согласно правилам (**Временные правила, 1912: 3**), в профессорский дисциплинарный суд ежегодно избирались от 3 до 5 судей, которые утверждались попечителем учебного округа. Из них выбирался Советом или другим соответствующим органом один председатель и один секретарь. Ведению суда подлежали такие дела, как:

- 1) нарушение учащимися в зданиях или учреждениях учебного заведения порядка, особыми правилами каждого из них установленного;
- 2) столкновения между учащимися, с одной стороны, и преподавателями или должностными лицами учебного заведения – с другой, даже если эти столкновения произошли вне здания и учреждения учебного заведения;
- 3) такие проступки учащихся, которые хоть и не были предусмотрены общими законами, но имеют предосудительный, противный правилам чести и нравственности характер.

Профессорский суд, получив от начальника учебного заведения весь подлежащий судебному рассмотрению материал, решал вопрос о привлечении учащихся к судебной ответственности. С одной стороны, передача судебных функций профессорско-преподавательскому составу университета как бы возвела стену между профессурой и студенчеством, так как мера и способы наказаний теперь стали ответственностью преподавателей вместо правоохранительных органов. С другой стороны, как отмечает М.В. Грибовский, администрация из министерства довольно часто осуждала членов суда за излишнюю мягкость (**Грибовский, 2018: 535**). Таким образом, профессорский дисциплинарный суд, разбирая проступки (не преступления), студентов с 1902 по 1916 гг., играл значительную роль в сохранении порядка и благочестия в университетской среде.

Локальные нормативно-правовые акты также регулировали порядок в университете. Для рассматриваемого высшего учебного заведения являлись актуальными «Правила для студентов Императорского Томского университета» (**Правила, 1909: 32**), согласно которым, нарушения дисциплины и правопорядка студентами разбирались инспектором, ректором или Правлением. В документе также раскрывались виды взысканий, но более подробно, чем в уставе. Согласно правилам, существовали такие виды наказаний, как выговор, выговор с внесением в штрафную книгу, арест в карцер до четырех недель, выговор и арест с угрозой отчисления, временный запрет на посещение университета с изыманием студенческого билета и угрозой отчисления, отчисление из университета по собственному желанию, по предложению ректора, отчисление из университета без права восстановления.

Также документ (**Правила, 1909: 32**) устанавливал правила для студентов во время прохождения курса. Соблюдение этих правил непосредственно влияло на обеспечение дисциплины и правопорядка в университете. Вопросы, которые регламентировались данным нормативно-правовым актом, были очень разными по сферам регулирования: студенческий дресс-код, поведение на занятиях, запрет курения в определенных частях университета, условия, разрешающие создание публичных и частных собраний, правила в каникулярное время и т.д. Так, правила студентов, с одной стороны, регламентировали различные сферы деятельности обучающихся, с другой – содержательная часть положений оставалась поверхностной. Тот же запрет на курение в обозначенных местах (**Правила, 1909: 17**) гласил, что курить разрешается «в особо назначенных комнатах», но конкретно эта территория не обозначалась.

Таким образом, в начале XX в. порядок и дисциплину в университетской среде определяли такие документы, как университетский устав, правила профессорского дисциплинарного суда, локальные нормативно-правовые акты. Блюстителями порядка, напрямую разбиравшими студенческие дела, выступали инспектор студентов и члены профессорского дисциплинарного суда. Наиболее серьезные нарушения находились в компетенции правоохранительных органов.

4.2. Примеры нарушений

Примеры нарушений весьма разнообразны по своему характеру. В источниках прослеживаются случаи от срыва занятий до появления в нетрезвом виде в общественном месте, от курения в неположенном месте до дел в обвинении в оскорблении женской чести. Нужно отметить, что в рамках данной статьи рассмотрены типичные примеры нарушений, характерные для изучаемого периода, но представлены они в конкретно-исторических ситуациях.

Проанализируем нарушения согласно классификации из правил о работе профессорского дисциплинарного суда ([Временные правила, 1912: 9](#)). Первый вид – это нарушения установленных правил и порядка учащимися на территории университета.

Чаще всего речь шла именно о срыве занятий, но в разных его формах. Например, уже в начале XX в., в марте 1901 г. произошла сходка в университете, в которой участвовали 81 студент медицинского факультета, 54 студента и 3 посторонних слушателя юридического факультета и один лаборант, всего – 139 человек. В результате сходки нарушители устроили обструкцию учебных занятий ([ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 266. Л. 6](#)).

20 октября 1916 г. студенты медицинского и юридического факультетов в ознаменование трагических событий 20 октября 1905 г. (террористический акт в Королевском театре, совершенный монархистами) самовольно уклонились от лекций. Таким образом, студенты всех 4 годов набора двух существовавших факультетов Императорского Томского университета приостановили образовательную деятельность на весь учебный день ([ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 749. Л. 4](#)). В ответ последовало предупреждение для студентов от администрации университета, сообщавшее о том, что самовольное прекращение занятий хотя бы на 1 день недопустимо и влечет за собой лишение права пользоваться такими льготами от университета, как стипендии, пособия, ссуды, освобождение от платы и т.д., то есть угрозы были основаны именно на санкциях в финансовой сфере, вопросы в которой для студента начала XX в. стояли наиболее остро. Также было принято решение усилить надзор, вести регистрацию лиц, посетивших университет ([ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 749. Л. 11, 12](#)). В воспоминаниях студента К.М. Гречищева также имеются сведения о срыве занятий: «И с этого дня лекции профессора Вернера студенты перестали посещать. Началась курсовая забастовка, продолжавшаяся больше месяца» ([Фоминых и др., 2014: 382](#)). Ректор университета А.И. Судаков трижды проводил беседы со студентами-бунтовщиками, прежде чем те согласились восстановить посещение занятий. В качестве наказания более 20 студентов были лишены освобождения от оплаты за обучение в следующем семестре ([Фоминых и др., 2014: 385](#)).

Следующий вид нарушений – это столкновения между учащимися, с одной стороны, и преподавателями или административными сотрудниками учебного заведения – с другой, даже если эти столкновения произошли вне территории университета.

В качестве примера можно привести письмо инспектора по студенческим делам ректору университета, в котором сообщается о том, что заявления инспекции являются недостаточно авторитетными для обучающихся ([ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 316. Л. 74](#)). Согласно п. 7 Правил для студентов ([Правила, 1909: 17](#)) инспектор разместил объявления, запрещающие курение в вестибюле и на лестнице. Студенты проигнорировали полученную информацию. На замечания инспектора и его помощников заявили, что в университете курительной комнаты нет, и продолжили курить в запрещенном месте. Студенты медицинского факультета, в свою очередь, заявили, что «если профессора и лица клинической администрации курят в коридорах, то и им, студентам, можно это делать». ([ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 316. Л. 302](#)). Бывший студент Н. Либеров в своих письмах вспоминал студенческий вечер, который был завершен, благодаря неожиданному появлению инспектора: «Когда Инспектор начал говорить, поднялся в задних рядах свист, шум... Кто-то, очевидно пьяный (трезвый на это не согласится), закричал «Бей его»... Но его тотчас же остановили...» ([Либеров, 1896: № 10](#)). Данные примеры показывают, что правила для студентов перестали являться обязательными к исполнению, уважение к административным лицам практически сошло на нет, в их сознании смешалось представление о правильном и неправильном. Масла в огонь подливала неустойчивая политическая ситуация в начале XX в.

И последний вид нарушений – проступки учащихся, которые не были предусмотрены общими законами, но имели предосудительный, противный правилам чести и нравственности характер.

В первую очередь это проступки, связанные с нарушением правопорядка студентами, находящимися в нетрезвом состоянии. Так, в апреле 1901 г. студент Иванов был обвинен в нарушении тишины в нетрезвом виде и в оскорблении полицейских ([ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 1. Л. 59](#)). Причем сам студент отказывался признавать свою вину, утверждая, что, напротив, полицейские его оскорбили и он не виновен. Иванов возбудил уголовное дело против полицейских объездных, которые, по его словам, оскорбили его словами и действиями ([ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 265. Л. 1](#)). Выписка из журнала заседаний профессорского дисциплинарного суда от 3 марта 1915 г. сообщает о появлении студента Чижова в нетрезвом виде на улице. Согласно показаниям, студент, находясь в приподнятом настроении духа, шел по улице и случайно задел прохожего, который упал, стал браниться и преследовать студента А.В. Чижова. Тот его сильно толкнул, прохожий упал. В качестве наказания на студента Чижова было наложено замечание ([ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 691. Л. 5](#)). Из рассмотренных

выше дел видно, что студенты, уличенные в проступках, не стеснялись перекладывать ответственность на пострадавших, не признавая свою вину.

Следующий пример – нарушение общественного порядка в общежитии студентов. В один из мартовских дней 1899 г. в 6 часов утра студент Кочуров, будучи в нетрезвом состоянии и разгневанный подачей прошений студентами Колашниковым и Розовым о восстановлении в университет, стрелял из револьвера в последних. Сосед по комнате Розова студент Сперанский был свидетелем угроз Кочурова и написал подробные сведения, в которых легко и непринужденно сообщает: «Заснувши снова после этого события и проснувшись уже в десятом часу дня...» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 191. Л. 27). Фраза Сперанского вызывает вопрос: неужели стрельба из револьвера с угрозой лишения жизни – это настолько обыденная ситуация для студентов переходной эпохи, что он смог легко проспать после такого события еще около 4 часов?

Данный вид нарушения являлся преступлением и входил в компетенцию правоохранительных органов, поэтому студент Кочуров был арестован и заключен под стражу в Томский тюремный замок, деятельность которого зависела от Томского губернского тюремного комитета (Отчет комитета, 1881: 1). Правда, органы были заинтересованы только в одном вопросе: выстрел из револьвера был результатом личной ссоры или же это организация противозаконного сообщества? Вина в политической неблагонадежности Кочурова установлена не была, поэтому в последний день марта 1899 г. студент был освобожден (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 191. Л. 19).

Следующий пример нарушений – это дела об обвинении в оскорблении женской чести. В начале октября 1901 г. мещанка М.Н. Жаринова написала прошение на имя ректора с просьбой решить ее проблему, заключавшуюся в безнравственном поступке студента юридического факультета М.Ф. Александрова по отношению к ней. Согласно объяснительной студента М.Ф. Александрова (ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 1. Л. 52) он с октября 1900 г. оказывал небезвозмездную финансовую поддержку М.Н. Жариновой и двум ее сестрам. К тому же он бесплатно занимался уроками с младшей из сестер и готовил ее к поступлению в 4 класс гимназии. Затем М.Н. Жаринова родила ребенка, отец которого – студент М.Ф. Александров, и стала требовать на ней жениться. Студент в объяснительной отцовство не отрицал, но тем не менее взять ответственность за произошедшее отказался. Объяснительную записку закончил лиричной фразой: «Нет, лучше совсем не надо жизни, чем такая жизнь» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 1. Л. 52 об.).

Подобный случай произошел и с одной из четырех дочерей мещанки Н.М. Федоровой. Согласно прошению (ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 1. Л. 64), в 1899 г. в квартиру мещанки заехал студент С.А. Травин с целью аренды комнаты. С.А. Травин занимался с одной из дочерей, готовя к поступлению в повивальный институт. Когда дочь оказалась в особом положении, Н.М. Федорова подняла вопрос о свадьбе. Студент Травин несколько раз переносил назначение даты свадьбы, затем напрямую сказал, что жениться не будет. Тогда Н.М. Федорова обратилась к ректору с просьбой «выяснить Травину необходимость загладить свой поступок и дать как матери, так и ребенку честное имя» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 1. Л. 64 об.). В объяснительной записке студент Травин вину свою не признал и сообщил следующее: «Для этого брака, конечно, необходимо согласие Александры Федоровой, а она, судя по ее словам, также не дает его. Более подробные объяснения могу сделать устно» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 1. Л. 65).

В далеком от Томска Императорском Казанском университете произошла история с характерными чертами двух предыдущих. В 1902 г. студент А.П. Разумовский познакомился с учительницей К.И. Кузнецовой. Совершив над ней гнусное насилие, он успокаивал девушку тем, что женится на ней. День бракосочетания по разным причинам откладывался. В итоге Разумовский сказал, что жениться не может. По свидетельству Кузнецовой, он сказал: «Что же особенного сделал я с тобой... Дело самое обыкновенное и естественное... Иначе смотрят на него только люди, не отставшие от старых предрассудков. И не ты у меня первая; такие же отношения бывали у меня и с несколькими другими девушками, – и со всеми покончили и без всяких историй и претензий. Одна лишь затем покончила с собой, и хорошо сделала. Не дурно было бы и тебе последовать этому примеру» (ГА РТ. Ф. 977. Оп. 614. Д. 7. Л. 2).

Моральный облик студента был очернен безнравственными поступками, рассмотренными выше. Отрицание вины, перекладывание ответственности, нездоровое чувство уверенности – все это характерные черты студентов-правонарушителей.

Бывшие студенты университета также наносили негативный отпечаток на репутацию действительных студентов. Нелегальное ношение студенческой формы бывшими студентами в общественных местах в нетрезвом состоянии являлось большой проблемой для вуза. Несмотря на то, что полицейские должны были зорко следить за легальным ношением студенческой формы, уволенные из университета студенты производили дебош и участвовали в драках (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 316. Л. 315).

Важно отметить, что количество рассмотренных дел в сравнении с общим количеством студентов было небольшим. Это значит, что вопрос правового обеспечения дисциплины и правопорядка в студенческой среде не являлся всеобъемлющей злободневной проблемой в изучаемый период. Рассмотренные примеры нарушений, без сомнения, безнравственные,

но являются, скорее, исключением, чем правилом. Тем не менее, данные примеры повлияли на складывание негативного образа студента начала XX в.

5. Заключение

Как правило, образ студента дореволюционной России вызывал восхищение у граждан империи. Однако на рубеже веков в связи с изменением общественного настроения, развитием атеистических и нигилистических идей, ослаблением политической власти изменился и моральный облик студента. Отрицательные черты образа ярко проявились в примерах нарушения дисциплины и правопорядка, которые были рассмотрены выше. Анализ видов нарушений показал, что характерными чертами нарушителей являлись отрицание вины, перекалывание ответственности, нездоровое чувство уверенности в своей правоте.

Тем не менее, несмотря на то, что эти правонарушения представляют собой яркие примеры безнравственного поведения, количество подобных дел было невелико в сравнении с количеством обучающихся.

Также было выявлено, что связующим звеном между студентами и правоохранительными органами выступали инспектор студентов и члены профессорского дисциплинарного суда. Именно они были ответственными за соблюдение дисциплины и правопорядка в университетской среде, в своей деятельности опираясь на такие документы, как университетский устав, правила профессорского дисциплинарного суда, локальные нормативно-правовые акты.

Литература

Временные правила, 1912 – Временные правила о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения. Томск, 1912. 9 с.

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Грибовский, 2017 – Грибовский М.В. «Не дело студентов назначать себе преподавателей»: конфликты между профессорами и студентами российских университетов на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. С. 67-73.

Грибовский, 2018 – Грибовский М.В. Феномен профессорского дисциплинарного суда в российских университетах начала XX века / *Мавродинские чтения – 2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора В.В. Мавродина* / Под ред. А.Ю. Дворниченко. 2018. С. 534-537.

Григорьев, 1870 – Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. 115 с.

Жуковская, Казакова, 2007 – Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и повседневная жизнь корпорации // *Отечественная история*. 2007. № 6. С. 63-76.

Зайцева, 2017 – Зайцева Л.А. Общий устав Императорских российских университетов 1884 г. как комплексный акт по управлению высшим образованием // *Lexrussica (Русский закон)*. 2017. № 7(128). С. 195-214.

Либеров, 1896 – Фонд музея истории Томского государственного университета. Письма Н.Д. Либерова.

Насонкина, 1972 – Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. 343 с.

Новиков, Перфилова, 2014 – Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Устав 1884 г.: реставрация авторитарных порядков в сфере управления российскими университетами // *Ярославский педагогический вестник*. 2014. № 2. С. 25-38.

Общий устав, 1894 – Общий устав императорских российских университетов: Сб. постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1894. Т. 10. 813 с.

Отчет комитета, 1881 – Отчет Томского губернского попечительного о тюрьмах комитета и его отделений за 1880 год. Томск, 1881. 28 с.

Плетнев, 1844 – Плетнев П.А. Первое 25-летие Петербургского университета. СПб., 1844. 211 с.

Правила, 1909 – Правила для студентов и вольнослушателей Императорского Томского университета. Томск, 1909. 32 с.

Суязов, 2015 – Суязов В.В. Профессорский дисциплинарный суд в вузах Российской империи // *Вестник науки и образования*. 2015. № 5 (7). С. 101-105.

Таблица уставов, 1901 – Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. Санкт-Петербург, 1901. 268 с.

Фадеева, 2016 – Фадеева М.В. Студенты Московского Императорского университета в правовом поле Российской империи: под надзором трех инстанций // *Вопросы образования*. 2016. № 4. С. 251-275.

Фоминых и др., 2014 – Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В. и др. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск, 2014. 508 с.

Шевырев, 1855 – Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. М., 1855. 584 с.

References

- Fadeeva, 2016** – *Fadeeva M.V.* (2016). Studenty Moskovskogo Imperatorskogo universiteta v pravovom pole Rossiiskoi imperii: pod nadzorom trekh instantsii [Students of Moscow Imperial University in the legal field of the Russian Empire: under the supervision of three regulators]. *Voprosy obrazovaniya*. № 4. Pp. 251-275. [in Russian]
- Fominykh i dr., 2014** – *Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Gribovskii M.V. i dr.* (2014). Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk. 508 p. [in Russian]
- GA RT** – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan [State Archive of the Republic of Tatarstan].
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Region].
- General Statute, 1894** – Obshchii ustav Imperatorskikh rossiiskikh universitetov: sb. Postanovlenii po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya [General Statute of the Imperial Russian Universities: Sat. Decisions of the Ministry of Education]. Sankt–Peterburg, 1894. 813 p. [in Russian]
- Gribovskiy, 2017** – *Gribovskiy M.V.* (2017). Ne delo studentov naznachat' sebe prepodavatelei»: konflikty mezhdru professorami i studentami rossiiskikh universitetov na rubezhe XIX–XX vv. [It is none of students «business to appoint teachers themselves»: conflicts between professors and students of Russian universities at the turn of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Pp. 67-73. [in Russian]
- Gribovskiy, 2018** – *Gribovskiy M.V.* (2018). Fenomen professorskogo disciplinarnogo suda v rossiiskikh universitetah nachala XX veka [The phenomenon of disciplinary court of the professors' in the Russian universities at the beginning of the XX century]. *Mavrodinskie chteniya 2018. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya professor Vladimira Vasil'evicha Mavrodina*. Pp. 534-537. [in Russian]
- Grigor'ev, 1870** – *Grigor'ev V.V.* (1870). Imperatorskii Sankt–Peterburgskii universitet v techenie pervykh 50 let ego sushchestvovaniya [Imperial St. Petersburg University during the first 50 years of its existence]. SPb. 115 p. [in Russian]
- Liberov, 1896** – Fond muzeya istorii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pis'ma N.D. Liberova [The Museum of History of Tomsk State University. Letters of N. D. Liberov]. [in Russian]
- Nasonkina, 1972** – *Nasonkina L.I.* (1972). Moskovskii universitet posle vosstaniya dekabristov [Moscow University after the Decembrist uprising]. M. 343 p. [in Russian]
- Novikov, Perfilova, 2014** – *Novikov M.V., Perfilova T.B.* (2014). Ustav 1884 g.: restavratsiya avtoritarnykh poryadkov v sfere upravleniy arossiiskimi universitetami [The Charter of 1884: restoration of authoritative orders in the sphere of Russian universities management]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. № 2. Pp. 25-38. [in Russian]
- Otchet komiteta, 1881** – Otchet Tomskogo gubernskogo popechitel'nogo o tyur'mah komitetai ego otdelenij za 1880 god [The report of the Tomsk Provincial Trustees Committee on Prisons and its Departments for 1880]. Tomsk, 1881. 28 p. [in Russian]
- Pletnev, 1844** – *Pletnev P.A.* (1844). Pervoe 25-letie Peterburgskogo universiteta [The first 25th anniversary of St. Petersburg University]. SPb. 211 p. [in Russian]
- Pravila, 1909** – Pravila dlya studentov i vol'noslushatelei Imperatorskogo Tomskogo universiteta [Rules for students and lecturegoers of the Imperial Tomsk University]. Tomsk, 1909. 32 p. [in Russian]
- Shevyrev, 1855** – *Shevyrev S.P.* (1855). Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta [History of Imperial Moscow University]. M. 584 p. [in Russian]
- Suyazov, 2015** – *Suyazov V.V.* (2015). Professorskij disciplinarnyj sud v vuzah Rossijskoj Imperii [Professorial Disciplinary Court in the Universities of the Russian Empire]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. № 5 (7). Pp. 101-105. [in Russian]
- Tablica ustavov, 1901** – Sravnitel'naya tablica ustavov universitetov 1884, 1863, 1835 i 1804 gg. [Comparative table of university statutes 1884, 1863, 1835 and 1804]. Sankt–Peterburg, 1901. 268 p. [in Russian]
- Vremennye pravila, 1912** – Vremennye pravila o professorskom disciplinarnom sude pri vysshih uchebnyh zavedeniyah Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya [Temporary rules of the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of Public Education]. Tomsk, 1912. 9 p. [in Russian]
- Zaitseva, 2017** – *Zaitseva L.A.* (2017). Obshchii ustav Imperatorskikh rossiiskikh universitetov 1884 g. kak kompleksnyi akt po upravleniyu vysshim obrazovaniem [General charter of the Imperial Russian universities in 1884 as a comprehensive act on higher education management]. *Lexrussica (Russkiizakon)*. № 7 (128). Pp. 195-214. [in Russian]
- Zhukovskaya, Kazakova, 2007** – *Zhukovskaya T.N., Kazakova K.S.* (2007). Russkii student doreformennoi epokhi: normy i povsednevnyaya zhizn' korporatsii [Russian students of the pre-reform era: norms of behavior and everyday life]. *Otechestvennaya istoriya*. № 6. Pp. 63-76. [in Russian]

Нарушение дисциплины и правопорядка студентами Императорского Томского университета в конце XIX – начале XX вв.

Елена Владиславовна Вититнева ^{a, *}, Галина Михайловна Луцаева ^a,
Наталья Вениаминовна Пахомова ^a, Мария Дмитриевна Луцаева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведен анализ видов нарушений дисциплины и правопорядка студентами Императорского Томского университета в дореволюционный период. Выявлена специфика законодательства, регулировавшего порядок в студенческой среде. Проанализирована работа блюстителей порядка – инспектора студентов, профессорского дисциплинарного суда, определена их роль и функции в поддержании благочиния. Были установлены виды нарушений и приведены их подробные примеры, основывающиеся на не введенных ранее в научный оборот архивных материалах Государственного архива Томской области, Национального архива республики Татарстан. Анализ видов нарушений показал, что характерными чертами нарушителей являлись отрицание вины, нежелание брать ответственность за совершенные действия, нездоровое чувство уверенности в своей правоте. Таким образом, в начале XX в. сформировался негативный образ студента в российском обществе. Тем не менее, количество дел, омрачающих благородный облик студенчества, было невелико в сравнении с количеством обучающихся, что говорит об отсутствии повсеместного и злободневного характера проблемы.

Ключевые слова: Сибирь, Императорский Томский университет, повседневная жизнь студентов, высшее образование в Российской империи, университетский устав, нарушения порядка и дисциплины.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vityitneva.elena@gmail.com (E.V. Vityitneva),
lusalina@yandex.ru (G.M. Lushchaeva), pahomise@mail.ru (N.V. Pahomova),
lusmaria777@yandex.ru (M.D. Lushchaeva)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 250-257. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.250
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Organization of the Spiritual Life of the Muslim population of the Yenisei Province in the Context of State-Confessional Policy of the second half of the XIX – early XX centuries

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Elena A. Shershneva^a

^aAltay State University, Russian Federation

Abstract

The article on the basis of studying of archival materials and the regulatory framework addresses issues of organization of spiritual life of the Muslim community of the Yenisei province in the second half of XIX – beginning of XX century. The Muslim population, representing a significant percentage of the population of the Russian Empire, could not stay away from state control. Even during the reign of Catherine II, the Orenburg Mohammedan spiritual assembly was created in order to control the Muslim population of the country by the state. Being a public authority, funding it as the content of the parish was fully attributed to the parish community. These measures did not contribute to the development of Muslim parishes, and especially the creation of new ones. Material difficulties arising in the life of Muslim communities required the introduction of new rules and norms for the functioning of the community. In the XIX century the question was raised about the introduction of vakuf property and its legalization in the Russian legislation. However, this issue was never resolved, which also hampered the development of Muslim parishes in the Yenisei province. A special category of Muslims living in the Yenisei province were prisoners who, despite the "Normative project" adopted in 1860, experienced restrictions on the part of the state in the implementation of religious rights. Often the restrictive measures imposed were purely subjective. As a result, despite some attempts by the state to demonstrate a loyal attitude towards the Muslim clergy, the country's population professing Islam, up to the beginning of the 20th century experienced restrictions on religious rights.

Keywords: Russian empire, Muslim communities, Muslims, Wakuf, state-confessional policy, Yenisei province.

1. Введение

С началом правления Екатерины II власти стали обращать особое внимание на выстраивание государственно-конфессиональных отношений с представителями не православных вероисповеданий, в т.ч. последователями ислама. Благодаря ряду принятых законодательных норм, ислам в этот период в России получает статус официальной конфессии. При этом с целью установления контроля над мусульманским населением империи, которое являлось достаточно многочисленным (Арапов, 2004: 3), создается Оренбургское магометанское духовное собрание. Главной задачей правительства на протяжении всего периода существования мусульманских подданных Российской империи было установление контроля за духовной жизнью мусульман (Малашенко, 1998: 26). Начиная с XIX в., государство шагнуло на новый этап отношений с мусульманским населением страны. В этот период в обществе появляется идея ликвидации Оренбургского магометанского духовного собрания как государственного органа (Тихонов, 2008: 174). Идеи реформирования мусульманских общин исходили не только со стороны государства, но и предлагались мусульманским духовенством. В 1867 г. муфтием С.Г. Тевкелевым был предложен проект реформирования мусульманской общины, согласно которому она должна была стать

* Corresponding author

E-mail addresses: i.sidorchuk@spbu.ru (I.V. Sidorchuk)

самодостаточной как в плане управления, так и со стороны распоряжения финансовыми средствами (Мухетдинов, Хабутдинов, 2011). Несмотря на все попытки со стороны исламского духовенства и общественности расширить свои права во второй половине XIX – начале XX вв., тем не менее, на конфессиональную деятельность мусульманской части населения Российской империи по-прежнему накладывался ряд серьезных ограничений. Государство продолжало вмешиваться как в духовные дела религиозной общины, так и контролировать экономическое устройство уммы.

2. Материалы и методы

Объективную оценку государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманского населения Российской империи позволяют дать архивные материалы, а также правовые акты, принимаемые государством в данный исторический период. Архивные материалы, использованные в данной статье, представлены циркулярными распоряжениями, рапортами, а также жалобами и обращениями самих мусульман в губернские органы и Оренбургское магометанское духовное собрание. В статье использовались материалы, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края. Работа построена на методологических принципах историзма и объективности, позволяющих оценить роль Оренбургского магометанского духовного собрания в организации не только духовной, но и экономической жизни мусульманской общины. Применение авторами проблемно-хронологического и ретроспективного методов позволяет рассмотреть организацию духовной жизни мусульманской общины на территории Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

В последние годы в отечественной историографии начинает уделяться пристальное внимание положению отдельных конфессий в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (Тихонов, 2008; Арапов, 2004; Морозов, 2017). Важное значение имеет изучение учеными правового положения мусульманских общин, что позволяет оценить их место и роль в системе государственно-конфессиональных отношений Российской империи (Тихонов, 2008; Кулиев, 2015; Загидуллин, 2007). Серьезное значение авторы уделяют исследованию проблемы экономического положения мусульманской уммы страны (Усманова, 2017; Маликов, 2011). В рамках изучения экономической составляющей жизни мусульманской общины особое внимание также уделяется организации вакуфа в Российской империи (Азаматов, 2000; Миннуллин, 2007). Кроме того, рядом авторов рассматривается проблема положения осужденных мусульман, отбывавших тюремное наказание, что также позволяет сделать дополнительные выводы о правовом положении последователей данной религии (Хоменко, 2016; Ярков, 2018).

В то же время следует подчеркнуть, что наименее изученными остаются вопросы, связанные с региональной историей ислама в системе государственно-конфессиональных отношений Российской империи. Несмотря на появление работ по истории и правовому положению мусульманских общин в конкретных регионах, в том числе и Сибири (Бобкова, 2009; Касьянов, Петров, 2017; Ярков, 2018), своеобразным «белым пятном» в науке оказалось изучение положения мусульман в Южной Сибири, в частности в Енисейской губернии в имперский период. Проблема организации духовной жизни мусульманского населения Енисейской губернии не получила должного освящения в историографии. В этой связи встречаются лишь отдельные работы, которые частично затрагивают некоторые аспекты развития религиозной жизни населения изучаемого региона (Хоменко, 2016). Выявленные в Государственном архиве Красноярского края документы, а также правовые документы Российской империи позволят наиболее детально представить положение мусульман, проживавших на территории Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв., а также оценить их роль в составе российской уммы.

4. Результаты

Особое внимание со стороны правительства уделялось организации и финансированию мусульманских приходов. Задачей мусульманской общины в духовно-административном плане было решение проблем, связанных с устройством жизни, образованием детей и т.д. (Загидуллин, 2007: 189; Загидуллин, 2007: 189). Каждая мусульманская община имела собственную казну, которая управлялась попечителями. Данная система самофинансирования была направлена на содержание духовных лиц при мечети, учебных заведений при ней, а также благоустройство самого культового здания (Бобкова, 2009: 130-131).

В Российской империи всегда очень остро стоял вопрос материального содержания духовных лиц мусульманского вероисповедания. Во второй половине XIX в. Эта проблема так и не была до конца решена, поэтому материальное содержание от государства получало лишь высшее духовенство (Усманова, 2017: 365). Однако это несколько не улучшало положения и самого Оренбургского магометанского духовного собрания. Несмотря на то, что данный орган был создан государством с целью контроля за жизнью мусульман, тем не менее, содержание его ложилось на плечи самой общины. Даже здание Оренбургского магометанского духовного собрания, несмотря на то, что оно

создавалось как государственный орган, было построено на средства прихожан, собранные от введенного в 1828 г. сбора за метрические книги. Примечательно, что, несмотря на введение здания в эксплуатацию в 1865 г., данный сбор, тем не менее, продолжали взимать. Собранные средства стали перераспределяться на содержание здания Оренбургского магометанского духовного собрания, лиц, состоящих на службе в данном органе, а также на помощь особенно нуждающимся священнослужителям. Начиная с 1888 г., все пожертвования и сборы должны были вноситься в метрические книги (Азаматов, 2000: 9, 12). Испытывая постоянную нехватку средств, Оренбургское магометанское духовное собрание постоянно находилось в переписке с губернскими органами и полицейским управлением по сбору средств и распространению метрических книг, которые являлись основным доходом (Усманова, 2017: 366).

В обязанности каждого правоверного мусульманина входило ежегодное пожертвование в виде десятой части хлеба, а также подношения в виде денег и натуральных продуктов во время мусульманских праздников. Однако данное правило выполнялось не всеми, а сам доход мечети был крайне скудным (Морозов, 2017: 25; История татар..., 2013: 416). Еще одним источником доходов мусульманских приходов мог стать вакуф. Однако правительство так и не регламентировало его положение в законодательной форме. Вакуфные акты появляются в Российской империи лишь в 1880-е гг., но официального признания они не получают, так как не были легализованы в государстве. В 1893 г. Министерством внутренних дел было официально запрещено Оренбургскому магометанскому духовному собранию фиксировать акты передачи имущества мусульманами в пользу мечетей и медресе. Термин «вакуф» также был запрещен для использования в обороте российских мусульман (Миннуллин, 2007: 117). Сибирским чиновникам данное слово оказалось вообще не знакомо, поэтому они в документах указывали, что такого вида собственности в мусульманских общинах на данной территории никогда не было (Бобкова, 2009: 143). Однако, согласно архивным сведениям, можно выявить случаи пожертвований мусульман в пользу общины. В 1891 г. Оренбургским магометанским духовным собранием было получено для рассмотрения от Енисейского губернского правления духовное завещание от 1888 г. Оно было составлено на основании ст. 1091–1093 X т. части 1 Свода законов Российской империи (Свод законов Российской империи, 1857: 219–220). Крестьянином мусульманского вероисповедания, согласно оставленному завещанию, жертвовалось 4000 рублей на строительство соборной мечети в г. Енисейске. При рассмотрении данного завещания Оренбургским магометанским духовным собранием было принято решение об уведомлении родственников умершего в необходимости передачи завещанных средств государству для постройки мечети. Однако вдова отказалась отдавать деньги, на что имам г. Енисейска в 1892 г. подал рапорт в Оренбургское магометанское духовное собрание. В нем имам указал, что 4000 рублей в завещании определено на постройку мечети, а 100 рублей ему на поездку для поклонения в Мекку. В результате данного обращения Оренбургским магометанским духовным собранием было указано, что никаких особых распоряжений об управлении делами вакуфа оно не имеет, а завещание исполняется либо душеприказчиком, либо родственниками. При отказе исполнения завещания следует обращаться в суд (ГАКК. Ф. 595. Оп. 14. Д. 11148. Л. 1-4 об.). По результатам проведенного расследования стало известно, что умерший оставил после себя два дома: один стоимостью 300 рублей, а второй – 1800 рублей, что не позволяло его родственникам выполнить условия завещания (ГАКК. Ф. 595. Оп. 14. Д. 11148. Л. 20-20 об.).

Следует отметить, что Оренбургское магометанское духовное собрание испытывало некоторые затруднения при разборе дел о пожертвовании мечетям или религиозным общинам каких-либо средств или материальных благ на их развитие. Связано это было с отсутствием четкого регламента по контролю за вакуфным имуществом, а также нехваткой средств для ведения расследования о недобросовестности душеприказчиков (Азаматов, 2000: 12-13). В 1912 г. муфтий Султанов указывал в письме Департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий, что при решении вопросов наследования и пожертвований Оренбургское магометанское духовное собрание вынуждено полагаться на здравый смысл, т.к. никакого закона о вакуфах не имело (Азаматов, 2000: 23).

Согласно Уставу духовных дел иностранных исповеданий, мусульманское духовенство занималось ведением метрических книг, регламентацией отношений между супругами, а также отношениями между детьми и родителями. Особое внимание уделялось также исковым требованиям по завещаниям (Бобкова, 2009: 144). Нехватка материального содержания мусульманских приходов ставила под сомнение их существование. При этом следует отметить, что Оренбургское магометанское духовное собрание при открытии новых приходов зачастую выполняло функцию государственных чиновников, препятствуя их созданию. В 1886 г. собранием было направлено прошение в Енисейское губернское правление о предоставлении сведений о количестве душ мужского пола, которые требовались высшему духовному органу с целью определения необходимого количества мечетей в губернии. При этом не учитывалось расселение мусульман на достаточно обширной территории указанной губернии (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 1624. Л. 1-1 об.).

Следует подчеркнуть, что проблема нехватки мечетей и лиц духовного звания, исполняющих необходимые требы, очень остро стояла в Енисейской губернии. К тому же многие мусульманские общины не имели необходимого количества средств даже для оплаты приглашенного муллы.

В 1887 г. в Енисейское губернское правление поступил рапорт от Преображенского приходского муллы Ахмерова. В котором указывалось, что мусульмане Назаровской, Балактинской и Ужурской волостей обратились к нему с просьбой исполнить обряды мусульманской религии, но средств на его доставку в данные волости они не имели. В связи с тем, что приход данного муллы был очень бедным и не располагал необходимыми средствами, он обратился в Губернское правление с просьбой предоставить ему лошадей для поездки по волостям. Однако рапорт со стороны управления так и не был удовлетворен, а мулле рекомендовали обзавестись подводами (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 3060. Л. 1-2 об.). Аналогичная ситуация произошла и с енисейским имамом, который обращался в 1894 г. с просьбой выделить ему прогонных денег для поездки в города Каинск, Красноярск и Минусинск, где проживали в общей сложности 150 мусульман для исполнения треб. Однако енисейское губернское правление было вынуждено имаму отказать в выделении средств, поскольку они не были заложены в бюджет (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4930. Л. 1-2).

Важно обратить внимание на то, что мусульманское духовенство являлось не просто сословием. К мулле население обращалось по любым вопросам. Он являлся хранителем культуры и быта народа, исповедующего мусульманскую традицию. Круг обязанностей муллы был достаточно широк, поскольку не ограничивался только ведением метрических книг и исполнением религиозных треб. Мусульманское духовенство являлось также проводником между государством и населением. Именно в обязанности священнослужителя входило знакомство своей паствы с указами императора. Такой широкий круг обязанностей должен был и награждаться соответствующим образом. Однако доход муллы полностью зависел от финансового благополучия его прихода (Маликов, 2011: 134).

Перевод приходского духовенства на полное содержание общины был связан с потребностью содержания государством Оренбургского магометанского духовного собрания. Во второй половине XIX – начале XX вв. мусульманские приходы столкнулись с проблемой не только содержания приходского муллы и культового здания, но и с тем, что часть получаемых пожертвований шла на содержание самого духовного управления мусульман (Кулиев, 2015: 19).

В сентябре 1916 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий разослал всем губернаторам, градоначальникам и начальникам областей циркулярное предписание, согласно которому с целью решения проблемы дефицита в бюджете Оренбургского магометанского духовного собрания и предоставления ему возможности располагать необходимыми ресурсами для производства расходов на неотложные текущие надобности, собранные налоговые суммы от приходов предписывалось высылать раз в полгода. Данный циркуляр следовало разослать уездным исправникам и Красноярскому полицмейстеру с целью немедленного сбора и отправки средств от брачного сбора (ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 311. Л. 15-16).

Следует отметить, что для материального обеспечения духовенства мусульманского вероисповедания, а также увеличения штата мулл в 1881 г. был увеличен сбор за регистрацию браков. При этом духовенство выполняло не только обязанности, связанные с духовным отправлением культов, но и несло административную службу по регистрации браков, рождаемости и смертности населения (Касьянов, Петров, 2017: 34; Усманова, 2017: 358). Вопрос об увеличении сбора за браки был еще раз поднят 15 апреля 1888 г. Согласно принятому распоряжению, Енисейскому губернскому правлению предписывалось оповестить мусульманские приходы об увеличении суммы налога за браки с 15 до 25 копеек. Кроме того, мусульманским священнослужителям предписывалось заносить в метрические книги все сделанные пожертвования с указанием их размеров (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1622. Л. 5-5 об.).

Нужно обратить внимание на то, что Оренбургское магометанское собрание в большей степени было органом, проводившим именно государственную конфессиональную политику. В этой связи вполне понятно, что данный орган не оказывал какого-либо серьезного содействия в открытии мечетей для мусульманской части населения империи. Губернские власти всячески стремились препятствовать усилению роли духовных институтов в жизни общины в регионах. В 1893 г. доверенный крестьян Енисейской губернии обратился в городскую управу с просьбой выдать ему копии со списка всех домохозяев мусульман, проживающих в городе Енисейске. Однако прошение его было отклонено, т.к. выдача подобных списков частным лицам считалась обременительной для городского управления. В отказе также указывалось, что крестьянин не предоставил доверенности и не уточнил, какого рода списки ему требуются. В губернии в тот период имелось два вида списков: посемейные и списки с оценочных книг, свидетельствующие о количестве владельцев недвижимого имущества (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4439. Л. 1-2 об.). В связи с отклонением его просьбы в получении списков крестьянин М. Абдюкаев, являющийся доверенным мусульманского общества г. Енисейска, обратился к енисейскому губернатору. В прошении им указывалось, что изначально он обращался в Оренбургское магометанское духовное собрание с ходатайством об удалении приходского имама Тазетдинова и об определении на его место другого муллы. Однако духовное собрание оставило его обращение без внимания, т.к. за него проголосовало менее 2/3 старших домохозяев на основании данных, которые были поданы в это учреждение имамом Тазетдиновым. В связи с этим доверенный М. Абдюкаев и обратился в Енисейское городское управление с просьбой выдать ему списки домохозяев, но получил отказ, так как представлял собой только частное лицо. По итогам

рассмотрения прошения просителю было отказано в выдаче любой информации (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4439. Л. 3-4, 7-7 об.).

Особое внимание следует уделить организации духовной жизни ссыльных мусульман. Основная масса татарского ссыльного населения Енисейской губернии представляла собой уголовную ссылку, что усложняло ее положение в губернии и неоднократно приводило к столкновениям со старожилами (Хоменко, 2016: 113). Не мог данный факт не сказываться и на организации духовной жизни этой части населения Енисейской губернии. В 1874 г. енисейскому губернатору было подано прошение мусульман, содержащихся в тюремном заключении. В нем арестанты Красноярского тюремного замка просили разрешить отворять им камеры во время поста, омовения и молитвы с целью обеспечения соблюдения ими религиозных обрядов. Данное прошение, по мнению енисейского губернского прокурора, не могло быть удовлетворено, поскольку отворение камер потребовало бы неуместного и наиболее бдительного наблюдения надзирателей (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 12. Л. 1). Губернатором данная просьба была также отклонена в связи с отсутствием законных оснований для этого. Сообщить решение губернской власти было поручено смотрителю Красноярского тюремного замка (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 12. Л. 4).

Важно подчеркнуть, что некоторые ограничения, налагаемые на мусульман-арестантов, не имели для них какого-то серьезного значения с точки зрения воспитательного воздействия. Более того, отдельные действия тюремной администрации были порой излишне жесткими в отношении арестантов, исповедующих ислам. Так, например, 2 сентября 1894 г. в Енисейское губернское правление было направлено отношение оренбургского муфтия с приложенным к нему прошением арестанта Канского тюремного замка, жалующегося на изъятие тюремной администрацией у арестантов мусульманского вероисповедания тубетеек. Губернское управление уточняло, что данный вопрос оно решить не может, так как это решение было принято в соответствии с циркулярным распоряжением енисейского губернатора и приказом начальника главного тюремного управления. В результате никакого ответа по данному вопросу арестанту, исповедующему ислам, так и не было направлено (ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 5847. Л. 1-2).

В то же время следует отметить, что отношение к заключенным мусульманского вероисповедания было неоднозначным. С увеличением их численности во второй половине XIX в. в ряде тюрем стали устраиваться молитвенные комнаты (мечети) и привлекаться муллы для богослужения. Задачей муллы, который получал при этом жалованье от Министерства юстиции, был контроль за арестантами мусульманского вероисповедания и воздействие на них через нравственное увещание (Ярков, 2018: 16). Но, несмотря на принимаемые меры, соблюдение религиозных обрядов заключенными мусульманского вероисповедания было в целом весьма затруднительно. Даже после принятого в 1860 г. «Нормативного проекта», моленная комната для мусульман могла располагаться только в свободной камере (Загидулин, 2007а).

В 1878 г. циркулярным распоряжением Министерства внутренних дел было закреплено, что духовные лица любого вероисповедания, вызываемые в присутственные места, должны получать командировочные средства из фонда данного учреждения. Необходимое финансирование выдавалось на проезд, съем квартиры, а также суточное содержание духовного лица. Предоставлялись послабления со стороны государства и самим арестантам. Так, с 1854 г. в период исламских праздников заключенные мусульманского вероисповедания получали по три выходных дня (История татар..., 2013: 483-484).

5. Заключение

Таким образом, мусульманское население Российской империи, получив официально определенный правовой статус еще в правление Екатерины II, испытывало ряд затруднений в организации духовной жизни даже во второй половине XIX – начале XX вв. Оренбургское магометанское духовное собрание, созданное как государственный орган с целью контроля за жизнью мусульман, потребовало от мусульманской общины дополнительных затрат на свое содержание. Особенно обременительным это оказалось для небольших приходов, которые находились на территории Енисейской губернии. Не располагая достаточным количеством финансов для содержания собственного муллы, общины были вынуждены перечислять дополнительные средства на содержание чиновников Оренбургского магометанского духовного собрания. Мусульманские общины Енисейской губернии испытывали притеснения не только со стороны государственных чиновников, но и со стороны самого мусульманского духовного управления. Заботясь о своем финансовом благосостоянии, духовные чиновники нередко препятствовали созданию новых приходов, аргументируя это нехваткой прихожан. Но при этом не учитывалось расселение мусульман по значительной территории Енисейской губернии. Отдельной категорией мусульман, проживающих в Енисейской губернии, были заключенные. Однако ни со стороны государства, ни со стороны духовных властей не было уделено достаточного внимания организации духовной жизни данной категории граждан. Находясь в тюрьмах, мусульмане Енисейской губернии испытывали потребность в исполнении духовных обрядов и ведении духовной жизни. Однако данная потребность в рассматриваемый период также не была удовлетворена в полном объеме.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70010 по теме «Социокультурная адаптация православных и не православных общин в Южной и Западной Сибири в контексте модернизационных процессов в России в имперский и советский периоды».

Литература

- Азаматов, 2000** – Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX веков. Уфа, 2000. 102 с.
- Арапов, 2004** – Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004. 288 с.
- Бобкова, 2009** – Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2009. 219 с.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Загидуллин, 2007a** – Загидуллин И.К. Исламский ритуал в российских тюрьмах (конец XVIII – начало XX вв.) // *Рамазановские чтения*. Нижний Новгород, 2007а. № 2. С. 108-110 [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/2/jail.htm (дата обращения: 15.06.2019).
- Загидуллин, 2007b** – Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Казань, 2007. 416 с.
- История татар..., 2013** – История татар с древнейших времен. Том VI: Формирование татарской нации в XIX – начале XX вв. Казань, 2013. 1172 с.
- Касьянов, Петров, 2017** – Касьянов В.В., Петров В.И. Православное и исламское духовенство Южного Урала и среднего Поволжья во второй половине XIX века // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Том 9. № 4/2. С. 31-39.
- Кулиев, 2015** – Кулиев Ф.М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. // *Известия СОИГСИ*. 2015. № 15 (54). С. 14-24.
- Малашенко, 1998** – Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. 222 с.
- Маликов, 2011** – Маликов Р.И. Материальное положение татарских мулл Казанской губернии конца XIX – начала XX вв. // *Вестник ТГГПУ*. 2011. № 4. С. 133-137.
- Миннуллин, 2007** – Миннуллин З.С. Институт вакуфа у татар-мусульман в исторической ретроспективе // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2007. Том 149. Кн. 4. С. 114-121.
- Морозов, 2017** – Морозов Н.М. Поликонфессиональная среда Кузнецкого края в пореформенный период // *Вестник КемГУКИ*. 2017. № 40. С. 21-26.
- Мухетдинов, Хабутдинов, 2011** – Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479> (дата обращения: 15.06.2019).
- Свод законов Российской империи, 1857** – Свод законов Российской империи. Том десятый. Часть I. СПб., 1857. 604 с.
- Тихонов, 2008** – Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв. СПб., 2008. 352 с.
- Усманова, 2017** – Усманова Д.М. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и обществом (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // *Мусульмане в новейшей имперской истории*. М., 2017. С. 339-389.
- Хоменко, 2016** – Хоменко Д.Ю. Социальный и этнический состав преступников Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // *Вестник ТГПУ*. 2016. № 5 (170). С. 112-116.
- Ярков, 2018** – Ярков А.П. Мусульмане в истории Тобольской тюрьмы // *Мусульманский мир*. 2018. № 3. С. 15-18.

References

- Azamatov, 2000** – Azamatov D.D. (2000). Iz istorii musul'manskoj blagotvoritel'nosti. Vakufy na territorii Evropejskoj chasti Rossii i Sibiri v konce XIX – nachale XX veka. [From the history of Muslim charity. Waqfs in the European part of Russia and Siberia in the late XIX-early XX century]. Ufa. 102 p. [in Russian]
- Arapov, 2004** – Arapov D.YU. (2004). Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossijskoj imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.) [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII-early XX century.)] M. 288 p. [in Russian]
- Bobkova, 2009** – Bobkova G.I. (2009). Tatarskie obshchiny Irkutskoj gubernii (konec XIX – nachalo XX v.) [Tatar communities of Irkutsk province (late XIX – early XX century)]. Irkutsk. 219 p. [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of Krasnoyarsk Krai].

Zagidulin, 2007a – *Zagidulin I.K.* (2007a). Islamskij ritual v rossijskih tyur'mah (konec XVIII – nachalo XX vv.) [Islamic ritual in Russian prisons (late XVIII-early XX centuries.)]. *Ramazanovskie chteniia*. Nizhnii Novgorod. Nr 2. pp. 108–110. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/2/jail.htm (data obrashcheniya: 15.06.2019). [in Russian]

Zagidullin, 2007b – *Zagidullin I.K.* (2007b). Islamskie instituty v Rossijskoj imperii. [Islamic institutions in the Russian Empire]. Kazan. 416 p. [in Russian]

Istoriya tatar..., 2013 – *Istoriya tatar s drevnejshih vremen*. Tom VI: Formirovanie tatarskoj nacii XIX – nachalo XX v. [History of Tatars from ancient times, 2013-History of Tatars from ancient times. Volume VI: Formation of the Tatar nation XIX-early XX century]. Kazan. 1172 p. [in Russian]

Kas'yanov, Petrov, 2017 – *Kas'yanov V.V., Petrov V.I.* (2017). Pravoslavnoe i islamskoe duhovenstvo Yuzhnogo Urala i srednego Povolzh'ya vo vtoroj polovine XIX veka [Orthodox and Islamic clergy of the southern Urals and the middle Volga region in the second half of the XIX century]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naiia mysl'*. T. 9. Nr 4/2. pp. 31-39. [in Russian]

Kuliev, 2015 – *Kuliev F.M.* (2015). Pravovoe regulirovanie deyatelnosti konfessij v Rossijskoj imperii v konce XVIII–nachale XX v. [Legal regulation of confessions in the Russian Empire in the late XVIII-early XX century]. *Izvestiya SOIGSI*. Nr 15(54). pp. 14-24. [in Russian]

Malashenko, 1998 – *Malashenko A.V.* (1998). Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoj Rossii [Islamic revival in modern Russia]. M. 222 p. [in Russian]

Malikov, 2011 – *Malikov R.I.* (2011). Material'noe polozenie tatarskih mull Kazanskoj gubernii konca XIX – nachala XX vv. [Financial situation of Tatar mullahs of Kazan province of the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik TGGPU*. Nr 4. pp. 133–137. [in Russian]

Minnullin, 2007 – *Minnullin Z.S.* (2007). Institut vakufa u tatar-musul'man v istoricheskoj retrospektive [The institution of Waqf from the Tatars-Muslims in historical perspective]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 149. Kn. 4. pp. 114-121. [in Russian]

Morozov, 2017 – *Morozov N.M.* (2017). Polikonfessional'naya sreda Kuzneckogo kraja v poreformennyj period [Poly-confessional environment of the Kuznetsk region in the post-reform period]. *Vestnik KemGUKI*. Nr 40. pp. 21-26. [in Russian]

Muhetdinov, Habutdinov, 2011 – *Muhetdinov D.V., Habutdinov A.Yu.* (2011). Islam v Rossii v XVIII – nachale XXI v.: modernizaciya i tradicii [Islam in Russia in the XVIII-early XXI century: modernization and tradition]. Nizhnii Novgorod. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479> (data obrashcheniya: 15.06.2019). [in Russian]

Svod zakonov Rossijskoj imperii, 1857 – *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [The laws of the Russian Empire]. SPb. Tom desiatyi. Chast' I. 604 p. [in Russian]

Tihonov, 2008 – *Tihonov A.K.* (2008). Katoliki, musul'mane i iudei Rossijskoj imperii v poslednej chetverti XVIII – nachale XX v. [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of the XVIII – early XX century]. SPb. 352 p. [in Russian]

Usmanova, 2017 – *Usmanova D.M.* (2017). Musul'manskije metricheskie knigi v Rossijskoj imperii: mezhdju zakonom, gosudarstvom i obshchestvom (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX v.) [Muslim metric books in the Russian Empire: between law, state and society (second half of XIX – first quarter of XX century)]. *Musul'mane v noveishei imperskoj istorii*. M. pp. 339-389. [in Russian]

Homenko, 2016 – *Homenko D.YU.* (2016). Social'nyj i etnicheskij sostav prestupnikov Enisejskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Social and ethnic composition of the criminals of the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX century]. *Vestnik TGPU*. Nr 5 (170). pp. 112-116. [in Russian]

Yarkov, 2018 – *Yarkov A.P.* (2018). Musul'mane v istorii Tobol'skoj tyur'my [Muslims in the history of Tobolsk prison]. *Musul'manskii mir*. Nr 3. pp. 15-18. [in Russian]

Организация духовной жизни мусульманского населения Енисейской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX вв.

Петр Константинович Дашковский^{a, *}, Елена Александровна Шершнёва^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе изучения архивных материалов и нормативно-правовой базы рассматриваются проблемы организации духовной жизни мусульманских общин Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Мусульмане, представлявшие значительный

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpn.asu.ru (П.К. Дашковский), D2703@yandex.ru (Е.А. Shershneva)

процент населения Российской империи, не могли оставаться в стороне от государственного контроля. Еще во времена правления Екатерины II создается Оренбургское магометанское духовное собрание с целью контроля со стороны государства за мусульманским населением страны. Несмотря на то, что оно являлось государственным органом, финансирование и содержание прихода полностью возлагалось на приходскую общину. Данные меры не способствовали развитию мусульманских приходов и тем более созданию новых. Материальные затруднения, возникающие в жизни мусульманских общин, требовали введения новых правил и норм функционирования общины. В XIX в. поднимался вопрос о введении вакуфного имущества и его легализации в Российском законодательстве. Однако данный вопрос так и не был решен, что также затрудняло развитие мусульманских приходов в Енисейской губернии. Особой категорией мусульман, проживающей в Енисейской губернии, были заключенные, которые, несмотря на принятый в 1860 г. «Нормативный проект», испытывали ограничения со стороны государства в реализации религиозных прав. Зачастую введенные ограничительные меры носили сугубо субъективный характер. В итоге, несмотря на отдельные попытки со стороны государства продемонстрировать лояльное отношение к мусульманскому духовенству, население страны, исповедующее ислам, вплоть до начала XX в. испытывало ограничения в религиозных правах.

Ключевые слова: Российская империя, мусульманские общины, мусульмане, вакуф, государственно-конфессиональная политика, Енисейская губерния.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 258-271. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.258
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Involvement of Students in the Protest Movement in Russia at the turn of the XIX–XX centuries

Oksana V. Ishchenko ^{a, *}, Timur A. Magsumov ^{b, c, d}

^a Surgut State University, Surgut, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Abstract

Using ego-documents as the base, the authors are trying to study the process of opposition formation in students of the late-imperial Russia, focusing on the identification of what had inspired the protest actions, as well as methods and techniques employed by representatives of revolutionary parties to target young people.

The main reasons for the involvement of Russian students in active protest at the turn of the XIX–XX centuries included their lack of rights, financial constraints, being not only actual, but also clearly recognized by young people. This made the harsh school regime even more severe, thus leading to strengthening the influence of revolutionary parties in young people. Among the factors shaping the young people's worldview was the modernist family and its environment that included exiled revolutionaries as well. Active reading and the joint singing of revolutionary songs contributed to embracing lofty ideals and formed the spirit of camaraderie especially in conditions of crowded living in private apartments and boarding schools, participation in the work of revolutionary circles.

The revolutionary parties clearly recognized these factors, having developed a set of measures to involve students in the protest movement as well as in their ranks. Starting from conversations on abstract topics that included young people's everyday hardships, the revolutionaries' leaders, being attractive due to their set of moral principles and sometimes appearance, proceeded to proposals for building a new world after overthrowing the current regime, and from that they would turn to involving young people directly in supporting underground activities.

Keywords: studying youth, Russian Revolution of 1905, protest movement, history of education, Russian Empire, reading, revolutionary songs, revolutionary parties.

1. Введение

Молодежь, как особая социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и социально-психологических свойств, давно обособилась в науке в качестве отдельного объекта исследования. Отсутствие жизненного опыта и устоявшихся представлений о морально-этических ценностях определяют подверженность молодых людей внешнему влиянию и наличию специфических форм поведения и сознания (Загребин, 2014). При этом молодежь – наиболее мобильная часть общества, оказывающая значительное воздействие на происходящие в нем изменения.

Учащаяся молодежь, обладающая указанными выше характеристиками с добавлением к ним еще одного важного фактора – получения образования в низшем или среднем учебном заведении,

* Corresponding author

E-mail addresses: oksana5510@yandex.ru (O.V. Ishchenko), nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

на рубеже XIX – XX вв. представляла собой довольно небольшую в количественном отношении, но важную в плане социальной активности категорию населения Российской империи. Именно воспитанники учебных заведений в силу их групповой сплоченности, склонности к массовым действиям были той средой, влияние на которую пытались оказать представители революционных партий. С другой стороны, получавшие образование молодые люди видели несоответствие между официально провозглашаемыми ценностями и реалиями жизни. Обостренно чувствуя несправедливость, впитывая из художественной литературы идеи помощи угнетенным, многие из них стремились изменить существующее положение в обществе, смыкаясь в этом с носителями идей насильственного изменения власти.

При этом, считая достаточно изученными в научной литературе причины недовольства воспитанников учебных заведений своим положением, следует признать, что пути и способы вовлечения учащейся молодежи в протестное движение заслуживают более детального исследования. Следует отметить, что данная проблема не теряет актуальности и в настоящее время.

2. Материалы и методы

2.1. Анализ формирования оппозиционных настроений воспитанников учебных заведений, моральных мотивов их протестных действий, способов и приемов, с помощью которых на молодежь оказывали целенаправленное влияние представители революционных партий, был проведен, в первую очередь, на основании изучения документов, исходящих от самих участников протестного движения: писем, воспоминаний, прокламаций, рукописных изданий. Выделение указанных документов в качестве основной источниковой базы исследования в значительной степени определено тенденциями современной исторической науки, относящей ныне источники личного происхождения не к категории вспомогательных, а к разряду эго-документов, позволяющих перенести центр исследовательского интереса от изучения событий к изучению состояний (Суржикова, 2014: 6).

Весьма важным в этом отношении представляется возможность посмотреть на происходившие события как бы «изнутри», глазами их участника, того молодого человека, который проходил постепенный путь вовлечения в протестную деятельность, формируя при этом соответствующее мировоззрение и убеждения. Однако исследовательская позиция авторов базируется на том, что эго-документ отражает, скорее, не объективную реальность, а отношение к ней его создателя, обусловленное не только личностными характеристиками, но и спецификой времени создания текста. Большинство дошедших до нас писем, листовок и рукописных изданий были написаны в годы первой русской революции и сохранились в архивных фондах благодаря их попаданию в поле зрения правоохранительных органов. Мемуары участников молодежного движения чаще всего собирались комиссиями Истпарта в 1920–1930-е гг. Вполне понятно, что особенности переживаемого исторического периода не могли не отразиться на содержании документов, но не могли и полностью вытеснить личную позицию их создателей.

2.2. Методологической основой проведения исследования стало использование социального подхода, что обусловило выделение категории воспитанников учебных заведений как особого социального слоя со специфическими формами поведения и сознания, находящегося в процессе поиска своего роли и места в социуме. Применение историко-генетического метода позволило проследить формирование протестного мировоззрения учащихся, происходившее как в силу развития собственных нравственных установок, так и под влиянием идей революционных партий.

3. Обсуждение

Основные причины вовлечения учащейся молодежи России в активные действия протеста против власти на рубеже XIX – XX вв. достаточно подробно изучены исследователями (Ганелин, 1950; Константинов, 1956; Ерман, 1966; Ушаков, Образцова, 1999; Ищенко, 2010; Molchanova et al., 2013; Magsumov, 2018; Cherkasov et al., 2019). Впервые интерес к этим вопросам проявился в обществе уже в первое десятилетие XX в., т.е. в период серьезных студенческих волнений, поддержанных значительной частью воспитанников средних и низших учебных заведений (Динзе, 1909; Знаменский, 1909; Радин, 1913). Наряду с поиском объективных истоков сложившейся ситуации, авторы скорее публицистических, нежели исследовательских работ, старались выявить и внутренние мотивы действий учащихся.

В послереволюционный период появляются серьезные исследования, ставившие своей целью показать высокую степень социал-демократического влияния на учащуюся молодежь, и опиравшиеся при этом на широкий круг источников (Титлинов, 1924; Ученические, 1925; Шамахов, 1966). В 1920-е гг. в свет выходит и довольно значительное количество воспоминаний бывших воспитанников учебных заведений, которые в силу относительно небольшого промежутка времени, отделявшего их авторов от периода обучения, являлись очень эмоциональными и информативными (Баранский, 1923; Революционное, 1924). Однако в дальнейшем публикация мемуаров была в значительной степени свернута, а их содержание стало все больше соответствовать строго выверенному курсу истории ВКП (б).

В современной исторической науке в русле усиления внимания к личности в рамках микроисторических подходов, исторической антропологии, интеллектуальной истории складывается представление о том, что моральная составляющая была важным фактором участия молодежи в антиправительственном революционном движении, и это было «одним из его существенных отличий от рабоче-крестьянского движения, в основе которого лежал социальный протест его участников против невыносимых условий жизни, созданных буржуазно-помещичьим строем России» (Волков, б.д.).

4. Результаты

Главной причиной вовлечения учащейся молодежи России в активные действия протеста против власти на рубеже XIX – начала XX вв. исследователями традиционно называлось тяжелое материальное положение воспитанников учебных заведений. Достаточно типичными для страны были данные, озвученные на заседании педагогического совета Омской учительской семинарии в 1903 г., согласно которым «жизнь казенных воспитанников, получающих 10 руб. в месяц стипендии, с каждым днем становится все тяжелее: воспитанники живут впроголодь, не имея ни мяса, ни молока. Такая жизнь при плохом питании должна вредно отразиться как на здоровье, так и на занятиях их» (ИсА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 65. Л. 96).

Не менее важным фактором, способствовавшим проявлениям протеста, являлось фактическое бесправие молодежи. «Признание своих прав, особенно естественных, составлявшее особенно выдающуюся общую черту всех настроений воспитанников, с наступлением освободительного движения у одних выразилось в скромных формах своей зависимости и подчиненности, тогда как в других постоянно обнаруживало стремление к крикливым проявлениям. Мысль и намерение видеть права их попираемыми и стремление ставить свои права выше прав других, стоящих выше их по образованию, общественному положению ... были явлениями, с которыми приходилось так или иначе считаться» (РГИА. Ф. 102. Оп. 15. Д. 258. Л. 58), – отмечалось в отчете Красноярской духовной семинарии за 1910-11 учебный год.

Однако фиксация взгляда исследователей на причины протестной активности учащихся только в плоскости их материально-правового положения не могла и не может до конца объяснить мотивы их действий. Уже в конце XIX в. либеральные издания нередко обращали внимание на моральную составляющую в движении учащейся молодежи. Так, газета «Право» в 1899 г. указывала на то, что немалую роль в волнениях воспитанников учебных заведений играло одно свойство молодежи, утрачиваемое в зрелом возрасте – высокая оценка прав личности, ее достоинства и самостоятельности, при этом нарушение прав другого лица ощущалось молодежью как нарушение собственного права. «Психологически это вполне понятно. Стремление к независимости в мыслях и действиях пробуждается ... еще на школьной скамье, усиливаясь прямо пропорционально гнету школьной дисциплины. Параллельно с ним развивается чувство товарищества, т.е. сознание солидарности с небольшим кружком, поставленным в то же самое положение и переживающим аналогичные душевные состояния. В среднем (особенно закрытом) учебном заведении это чувство проявляется ... в партизанской войне с начальством, в принятии на себя всеми вины нескольких ..., в систематическом сокрытии ... отступлений ... от правил и требований школы», – писало издание (Сибирская, 1899). В статье, по сути, был четко описан путь учащихся от попытки противостоять школьному гнету до объединения в кружки и последующего перехода к борьбе с учебным начальством. Но молодежь шла дальше, борясь и с государством, как виновником сложившегося положения.

И все же первый шаг в этой борьбе был связан с положением учащихся в системе начального и среднего образования, точнее, с их восприятием своего положения в ней. Проведенная в Петербурге в 1903 г. студенческая переписка показала, что в громадном большинстве случаев о школе у студентов сохранились «дурные воспоминания». Из всех учеников хорошо отзывались о школе только 23 %, тогда как 67% «бесповоротно осуждали ее режим». Анкетирования, проведенные в других городах, только подтверждают эту тенденцию. Большинство студентов говорило о «скверно растлевающей атмосфере школы, о развитии в ней шпионства, поощрения доносов, привычки к обманам». Анкеты отразили «злобу и ненависть» по отношению к бывшим преподавателям (Натансон, 1910: 337-339).

Недовольство педагогическим персоналом действительно было общим для всей России явлением. Учащиеся видели в педагогах главных виновников своего несправедливого положения, впрочем, и сам педагогический персонал зачастую «едва удовлетворял самым скромным требованиям своего призвания» (ИсА. Ф. 270. Оп. 1. Д. 51. Л. 2-3). На это часто обращала внимание и пресса, бывшая на рубеже XIX – XX вв. основным рупором общественного мнения. Например, газета «Сибирская жизнь» писавшая в 1913 г. о покушении на самоубийство ученика 4 класса Иркутского городского училища Александра Бякова, который после спора с учителем этого училища В.Н. Истоминым пытался повеситься, отмечала: «Истомин не пользуется никакой любовью учеников как придирчивый человек и формалист, по недоразумению взявший на себя ответственное дело, в котором знание души детской – первое дело» (ИсА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 297. Л. 2). Нередко ученики, зная о неотвратимости наказания, совершали оскорбления действием в отношении педагогов, что, как

правило, положительно оценивалось в их среде. Так, нанесение в 1905 г. нескольких пощечин директору одного из реальных училищ Петербурга Волкову получило в воспоминаниях учащихся следующую оценку: «Молодежь безжалостно мстила в его лице подлему союзу науки с мракобесием» (*Революционное, 1924: 10-12, 33*).

Тексты ученических прокламаций также были полны критики педагогического персонала, призывов к борьбе с ним, а далее – и с государством, которое воспринималось как основной виновник сложившегося положения. «Итак, наша борьба по необходимости будет борьбой и с наиболее ярыми служителями тьмы, которых среди педагогов весьма много, но мы за этой ближайшей целью не должны забывать конечную цель: борьбу за наше право свободного развития», «Мы не должны забывать, что всех наших педагогов назначает наше русское гнилое правительство», «Долой этот мертвый труп – русское самодержавие! Да здравствует свободная школа, свободное обучение!», «Наша основная задача – борьба с самодержавием и, в частности, с нашим ближайшим школьным начальством» (*ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 487. Л. 3-5, 18-19*), – именно такие лозунги звучали в ученических изданиях, распространяемых в Красноярске в 1904-1905 гг.

Выпускаемые учащимися прокламации, газеты и журналы наряду с критикой существующей реальности содержали описание цели, к которой следует стремиться, предлагая и пути достижения этой цели. Так, в изданной в годы первой революции в России Красноярской ученической организацией «Свечеч» прокламации «К учащимся!» звучал следующий призыв: «Переживаемый Россией исторический момент естественно возлагает на каждого из нас нравственную обязанность определить свое отношение к нему и так или иначе принять участие в общественном движении. Между тем, наша школа, к великому позору ее, до сих пор не освободилась от полицейско-правительственного гнета и своими программами, внутренним распорядком своей жизни, до сих пор еще имеет целью воспитывать из нас верных слуг существующего государственного строя, и, таким образом, является ... орудием в руках правительства ... Сознывая, что такая школа не может помочь никому, в нравственной обязанности каждого – разобраться в окружающих нас явлениях, заявляя о своем взгляде на современную жизнь школы и неудовольствуясь даваемыми ей знаниями, заняться самообразованием с тем, чтобы выработать в своих членах сознательных, самостоятельных и научно мыслящих людей, которые бы сейчас уже приучались разбираться в происходящих вокруг них явлениях общественной жизни, а впоследствии могут выступить в качестве активных общественных борцов за лучшее будущее России» (*ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1496. Л. 5-6*).

В изданном в это же время в Красноярске обращении «Товарищам воспитанникам учительской семинарии» после критики различных сторон жизни этого учебного заведения делался вывод: «Пусть будет вашим боевым лозунгом: «Долой самодержавие, которому нужны шпионы и деспоты педагоги..., на растерзание которых отдало всю чистую, молодую Россию, кровью ее полило улицы городов, юные головы разбивало о каменные плиты мостовых, выбивая из них идеи братства, равенства и свободы, и месть паразитам трудящихся масс!... Нам нужны истинные педагоги,... нам нужна свободная школа, мы хотим жить в свободной России! Да здравствует свобода России и школы!» (*ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1496. Л. 5-7*).

Тексты ученических изданий со всей очевидностью свидетельствуют о том, что недовольство условиями постановки образования и воспитания в учебных заведениях приводило их воспитанников к мысли о недовольстве политикой власти в целом. С. Знаменский, в 1909 г. описывавший основные причины кризиса средней школы, проявившиеся в 1905-1906 гг., рисовал следующую картину: «Школьные беспорядки были неизбежны. Они были вызваны к жизни не злою волей учащихся, но всей совокупностью тогдашних условий. Это был стихийный протест против дальнейшего существования разложившейся средней школы. ... Всюду поднимался протест, и в результате школьное дело стало одной из отдельных маленьких струек, из которых слагался громадный поток русской революции» (*Знаменский, 1909: 14*).

Учебное начальство на местах тоже было склонно объяснять поступки учащихся «действием со стороны внешней ... среды и духовно-нравственной атмосферы» (*РГИА. Ф. 102. Оп. 15. Д. 258. Л. 43*), признавая одним из основных факторов внешнего воздействия влияние на молодежь со стороны революционных партий. И, действительно, стремление молодых людей к переменам и отстаиванию своих прав было использовано представителями социалистических партий, выдвигавших привлекательные для молодежи идеи и целенаправленно воздействовавших именно на эту категорию населения. В.И. Ленин в статье «Кризис меньшевизма» писал: «Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всего охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы со старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь» (*Ленин, 1972: 163*). И эта политика достаточно успешно реализовывалась на местах. Как отмечалось в «Объединенном очерке истории рабочего движения в Омске в 1898–1907 гг.»: «Еще в зародышевом периоде (1902-1903 гг.) на молодежь было обращено усиленное внимание партработников и парторганизаций. Молодежь – она смелее, восприимчивее: молодежь должна в будущем заменить старых бойцов, усвоив их знания и опыт революционной деятельности и продолжать их дело» (*Иса. Ф. П-19. Оп.1. Д. 7. Л. 23*).

Воздействие на молодежь давало свои плоды, и, как писала бывшая гимназистка

Т. Неслуховская: «Для нас, революционно и социал-демократически настроенной учащейся молодежи, большевизм представлял тогда из себя самую ясную, активную и не терпящую никаких компромиссов тактику. Смело «брать быка за рога» для наших молодых сердец, рвущихся к политической борьбе, – этот девиз был самым близким» (*Революционное, 1924: 59*).

Бесспорно, радикальные призывы и громкие лозунги революционных партий, эмоционально воздействуя на юношество, находили отклик в их сердцах, но зачатки для этого воздействия формировались, в ряде случаев, уже в детстве. Влияние на формирование мировоззрения учащихся начиналось еще в семье, значительно менявшей свой облик в эпоху модернизации.

Выпускник Томской мужской гимназии, а впоследствии – студент Томского университета и активный деятель Сибирского социал-демократического союза Н.В. Баранский в своих воспоминаниях довольно подробно описывал влияние на него тех идей, которые он ребенком усвоил в родительском доме: «Отец мой – учитель гимназии – был человеком крупного ума и широкой натуры. При всей своей беспорядочности и противоречивости в двух отношениях он был очень упорен и постоянен: все свободное время он отдавал делу народного просвещения и всю жизнь вел борьбу с «чинодральством». «Свобода – прежде всего, а всякое начальство – подлец», – такова была его любимая поговорка и принцип воспитания» (*Баранский, 1923: 9*). Неудивительно, что в такой семье и дети сделали выбор в пользу новых освободительных веяний. «Первые марксистские влияния я воспринял от своих старших сестер – Любви и Надежды, которые, учась в Питере на курсах, участвовали в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» и, приезжая на летние каникулы, «давали мне агитацию» на темы прибавочной стоимости и т.д., – отмечал Н.В. Баранский (*Баранский, 1923: 9*).

Будущий активный деятель социал-демократического движения в Омске А. Карлов в своих воспоминаниях так описывал свои первые шаги в революционном движении: «Будучи учеником Омского технического железнодорожного училища в 1902 г. (мне было 17 лет) однажды майским-июньским утром мой двоюродный брат Васильев Василий Сергеевич, ровесник мне, передал по его выражению какой-то запрещенный, напечатанный на тонкой бумаге лист, который мы вместе с ним, избрав удобное для чтения время, принялись с жадностью читать. Чем больше проходило перед нами строк, тем больше у нас являлось желание закончить это чтение, т.к. содержание читаемого нас начинало интриговать, а смысл прочитанного подтверждал то, что мне еще в деревне приходилось слышать в конспиративных разговорах моего дедушки и петербургского студента-технолога, моего дальнего родственника Шерстобитова. Чтение закончено. Решаем бумажку сохранить и спрятать, т.к. она по своему содержанию нам очень понравилась». Это была социал-демократическая прокламация, «за которую жандармы сажали в тюрьму» (*Иса. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 58. Л. 76*).

Документы свидетельствуют о том, что многие учащиеся впервые услышали об общественной несправедливости, о партиях от родственников и знакомых. Так, будущий известный революционер В.В. Куйбышев, учившийся в Омском кадетском корпусе, приходился племянником омскому социал-демократу Николаю Николаевичу Гладышеву, с которым он вел беседы на политические темы (*Иса. Ф. 270. Оп. 1. Д. 578. Л. 127-128*). Гимназистка Т. Неслуховская, согласно ее воспоминаниям, вступила в 1906 г. в Петербургскую социал-демократическую организацию учащихся средних учебных заведений под воздействием общего настроения молодежи того времени и влиянием тети, которая сама была социал-демократкой (*Революционное, 1924: 59*). При этом способствовать формированию критического мышления молодого человека могли не только родственники, но и люди, находившиеся рядом. Так, в воспоминаниях бывшего петербургского гимназиста З. Шидловского, отмечена роль рабочего, у которого его семья снимала комнату. Автор много беседовал с рабочим, тот давал ему прокламации (*Революционное, 1924: 72-91*).

Кроме семьи и ближайшего окружения огромное влияние на процесс вовлечения молодежи в деятельность революционных организаций оказывали высланные студенты и политические ссылки, что отчетливо осознавалось властями. Еще в 1882 г. член комиссии МНП В.К. фон-Плеве писал о том, что исключение студентов способствует появлению контингента, из которого «крамола вербует себе деятелей»: «В бездействии, нужде и лишениях исключенные из учебных заведений молодые люди ожесточаются против всего общественного и государственного строя, из них те, которые только склонялись прежде к учениям крамолы, теперь вполне проникаются ими, причем подвергшиеся ссылке уже в местах оной начинают оказывать вредное влияние на местное население, а по возвращении из ссылки становятся деятельными агитаторами тайных обществ и в их духе действуют среди своих товарищей, растлевая их умственно и подстрекая их ко всякого рода беспорядкам» (*Материалы, 1906: 2*). В 1902 г. военный губернатор Акмолинской области писал омскому полицмейстеру: «Удаляемые за участие в беспорядках из университетских городов в другие местности империи воспитанники высших учебных заведений, а также лица, скомпрометированные в политическом отношении, весьма нередко вступают в близкие сношения с местною учащейся молодежью, знакомят ее с противоположительными воззрениями и вообще оказывают на учащихся вредное влияние, подготавливая их, в будущем к революционной деятельности» (*Иса. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1107. Л. 8*).

И эта подготовка была достаточно успешной. Под влиянием товарищей, родственников,

студентов, прочитанной литературы будущие абитуриенты высших учебных заведений уже представляли себе свои студенческие годы примерно так, как описывал это литератор и издатель А.Н. Тихонов (Серебров): «Пребывание в институте представлялось мне в таком приблизительно виде: утром – неукоснительное посещение лекций, где знаменитые ученые будут знакомить меня с тайнами высшей математики и физики; после посещения лекций – скромный обед в институтской столовой, о которой я знал по рассказам Лескова, будто там, в потайных комнатах собираются подпольные кружки, на стенах висят прокламации и куда никакое начальство не смеет совать своего носа; по вечерам – земляческие собрания и рефераты по политической экономии или, на худой конец, коллективная работа в чертежных с пением запрещенных песен» (Волков, б.д.).

Большую роль в формировании критического и даже зачастую протестного мировоззрения играло чтение, в том числе классиков русской литературы, обращавших внимание читателей на несправедливость русской жизни, угнетенное, униженное положение народа. Проведенная в 1907-10 гг. университетская перепись в Юрьеве показала, что наибольшее влияние из литературных авторов на студентов имел Л.Н. Толстой (45 %), затем шли К. Маркс, Д.И. Писарев и Ч. Дарвин (Натансон, 1910: 343-345). Во многих воспоминаниях подчеркивается значимость прочитанных в детстве книг. Об этом писала, например, бывшая ученица Пермской гимназии Н.Л. Касаткина-Михалева, которая много читала И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Д.И. Писарева, В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова: «Думаю, что это чтение сделало меня хоть и маленьким, но неподкупным борцом за справедливость и свободу» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 223. Л. 2).

Учащимся было фактически запрещено читать подобных авторов, поэтому они заводили свои нелегальные библиотеки, что спланивало учеников и давало возможность нелегально сорганизоваться. Так, согласно воспоминаниям воспитанника Омской учительской семинарии Кочнева, у учащихся была своя библиотека, в которой находилась экономическая литература, беллетристика, романы из народной жизни, «затем Писарев, Белинский, их нельзя было взять тогда ни в какой другой библиотеке» (ИсА. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 58. Л. 67). При расследовании революционного движения в Тобольской духовной семинарии было выяснено, что еще в 1884 г. при семинарии возникла тайная библиотека, в которую вошли сочинения Н.А. Добролюбова, К. Маркса и др. (Титлинов, 1924: 57) Бывший ученик петербургской гимназии З. Шидловский тоже отмечал, что гимназисты увлекались чтением, особенно по естествознанию, используя полученные знания для того, чтобы задавать «каверзные вопросы» законоучителю (Революционное, 1924: 72-91).

Следует отметить, что стремление к чтению, а, вместе с ним, и к самоорганизации, было характерно не только для старшекласников. Младшие школьники во всем подражали старшим, рано знакомясь с опытом запрещенной деятельности. Упоминания об этом имеются в письме, отправленном из Енисейска студенту С. Абалакову в Петербургский университет в марте 1908 г.: «У нас, у младшекласников, существует кружок, при котором библиотека, подстроенная под настроение кружка ... Мы, младшекласники, берем книги в библиотеке «для учащихся», но там царят старшекласники и выписывают книги по своему вкусу, а мы всегда в стороне. Теперь у нас есть своя собственная кружковская библиотека, где уже более 400 книг» (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 37. Ч. 68. Л. 1).

Однако чтение было не только пассивным фактором формирования соответствующего мировоззрения. Оно использовалось представителями революционных партий для вовлечения учащихся в партийную деятельность, позволяя «нащупать почву» в этой среде. В воспоминаниях П. Тузовского содержится описание того, как пытавшийся в 1911 г. восстановить работу социал-демократической организации в Барнауле после ее разгрома профессиональный большевик Иннокентий Стуков начал свою работу с молодежью с чтения и разбора произведений И. Тургенева: «После каждой читки открывались прения; некоторые из присутствующих брали на себя обязанность защищать того или другого героя из произведений Тургенева, тем самым определялись положительные и отрицательные стороны героев, в то же время выявлялись знания и активность членов кружка» (ГААК. Ф. П-1061. Оп. 1. Д. 49. Л. 1).

В целом, роль чтения как первого шага на пути вступления молодого человека в ряды противников самодержавия отражена в мемуарах бывшей учащейся г. Енисейска следующим образом: «Обозревая свои воспоминания, я вижу в далеком прошлом влияние на молодежь публицистической литературы, зарождение элементов недовольства, бунтарства и как они прорвались наружу во время Февральской революции, революционная волна понесла их с бешеной быстротой в общий политический поток» (РГАЛИ. Ф. 1785. Оп. 1. Д. 171. Л. 1).

Важным фактором сплочения учащихся было и совместное пение революционных песен, что создавало соответствующее настроение, способствовало единению. Бывший воспитанник Казанского реального училища, а впоследствии активный социал-демократ В.Н. Залежский вспоминал в 1922 г., что он, как и другие реалисты, преисполнились жгучим интересом к студенческому движению, когда услышали рассказы о волнениях в университетах, услышали песню «Нагаечка». «С этого дня, – писал он, – мы всей душой были со студенческим движением. Жадно ловили все слухи и сведения о ходе забастовок, зачитывались воззваниями и прокламациями» (Волков, б.д.).

Не менее серьезное значение коллективному пению как элементу пропаганды придавали и

представители правоохранительных органов. В документах Енисейского губернского жандармского управления в декабре 1905 г. был зафиксирован факт раздачи проживавшим в с. Большеулуйском студентом Томского университета Константином Поповым ученикам местной начальной школы текста песни «Отречемся от старого мира», которую они «пели во всеуслышанье» (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 593. Л. 1-2, 8). В 1906 г. тем же жандармским управлением был отмечен случай нового коллективного пения: 8 февраля в Общественном собрании г. Енисейска группа гимназистов, гимназисток, студентов и учителей пела революционные песни «Вставай, подымайся...», «Дубинушка», «Отречемся от старого мира», «Вы жертвою пали» и др. По утверждению жандармов, певшие (около 40 человек) устроили демонстрацию, «выразившуюся в хождении по театру с пением революционных песен» и разошлись только под угрозой вызова полиции (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 584. Л. 35). Мотивы данного поступка пояснил на допросе единственный признавшийся в нем – 17-летний бывший гимназист Александр Соболев, который заявил: «Я, хотя и не певчий, принимал участие, дабы показать наступившей реакции, что мы, часть молодежи, не испугались репрессий и желаем продолжать работу в пользу социал-демократической республики». При этом он благомерно отказался назвать имена других участников коллективного пения (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 584. Л. 48).

Н. Яковлев, учившийся в 1904-1905 гг. в реальном училище Санкт-Петербурга вспоминал, что у учеников были тетрадки, начинавшиеся с материала по предмету, а дальше шли революционные песни, прокламации, открытки с изображением политических деятелей и «картинами отдельных моментов революционного движения». «Таким образом, мы сразу знакомимся и с тогдашним репертуаром, и с «иконографией», и с революционно-партийной литературой». «Знакомство с революционными песнями, распространение текстов и пение их было для большинства первым актом, выразившим их революционную настроенность», – отмечал автор (Революционное, 1924: 10-12).

Сплоченность действий порождала в учениках «зловредный дух товарищества» (Революционное, 1924: 28). Это товарищество чаще всего и формировалось с детских лет, определяя в дальнейшем многие моменты взрослой жизни. Так, например, в Обзоре революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг. отмечалось, что в Иркутске в 1899 г. под влиянием политических ссыльных образовался тайный кружок, в котором проводилось чтение нелегальной литературы и обсуждение прочитанного. В числе членов кружка было два сельских учителя, воспитанник военной фельдшерской школы, рабочий и нижний воинский чин. «Но отмечаемая смешанность состава теряет свое значение, если привести на справку, что все названные лица познакомились между собою ранее в бытность свою воспитанниками учебных заведений г. Иркутска» (Нимандер, 1908: 4-5).

Еще одним фактором, способствовавшим распространению протестных идей и сплочению обучающихся, была скудность проживания на частных квартирах и в интернатах. В воспоминаниях воспитанника Омской учительской семинарии Кочнева сделан акцент на том, что учащиеся жили на квартирах по 5-6 человек, что облегчало пропагандистскую работу (ИсА: Ф. П-19. Оп. 1. Д. 58. Л. 67). В работе Б. Титлинова тоже отмечено, что распространению революционных идей в среде семинаристов способствовала не только их близость к студенчеству, но и тесная сплоченность, складывавшаяся при проживании в интернатах (Титлинов, 1924: 126).

Близкое и тесное общение, желание совместно отстаивать свои интересы вынуждало учащихся бороться за право создания собственных организаций, выдвигая это требование в качестве одного из основных в своих петициях. Но фактически с момента их создания кружки, даже легальные, становились местом сбора молодежи и, следовательно, местом агитации. Как отмечается в воспоминаниях, когда петербургские гимназисты в 1912 г. добились права организовать шахматный кружок, то «у шахматной доски проводили время за какими угодно беседами» (Революционное, 1924: 113). Издаваемый иркутскими учащимися журнал «Братство» в 1903 г. писал, что «ученики, страстно жаждущие знания, но не получающие его от учителей» для удовлетворения своих умственных потребностей «образуют кружки иногда для целей саморазвития, иногда же революционных» (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 12. 1903. Д. 1090. Л. 3-4). Вполне понятно, что на эти кружки пытались оказать воздействие представители революционных партий. По воспоминаниям Гути Юринской, в Енисейске в 1915 г. она участвовала в подпольном кружке самообразования: «В нем состояла Дора Кваш, ... , Гутя Юринская, Кеша Бруданцев, Петя Григорьев, Петя Неробелов и др... Руководил этим кружком Валентин Яковлев – большевик... Читали они... «Экономические очерки», вели разговоры, увлекались занятиями» (РГАЛИ. Ф. 1785. Оп. 1. Д. 171. Л. 1-6).

При этом не стоит сбрасывать со счета свойственный молодости интерес к тайне, риску, опасности, конспирации. В воспоминаниях Е.А. Моникайнен содержится упоминание о том, что в 1915 г. В женской гимназии Петрограда под именем литературного был организован социал-демократический кружок. В кружке состояли убежденные социал-демократы, но «часть ... пришла в кружок в поисках конспиративной таинственности, в поисках некоторого осмысления своего существования, в расчетах разрешить муки философских ницшеанско-шопенгауэровских настроений» (Революционное, 1924: 171-172).

Участие в нелегальном кружке окружалось ореолом тайны и возвышало ее носителя над окружающими, как это отмечено в воспоминаниях не установленного автора о революционных

событиях в Енисейске: «Наша одноклассница Люда Попова сообщила нам на ухо о том, что у гимназистов есть тайный кружок, что из гимназисток только она одна бывает там, а состоит там Федя Лыткин, Белинский Кеша, Курочкин, Доронин, Буданцев, Буянов... Мы позавидовали Людке, что именно ее пригласили в кружок» (РГАЛИ: Ф. 1785. Оп. 1. Д. 171. Л. 1-6). Воспитанница женской гимназии Петербурга А. Афанасьева вспоминала по поводу приглашения на организационное собрание по устройству политического кружка молодежи: «Это очень секретно – могут открыть нас! Как же не пойти, когда это даже опасно? Мы взволнованно обсуждаем предложение и уже в гимназии держимся заговорщиками» (Революционное, 1924: 94).

Чтение легальной и нелегальной литературы, совместное обсуждение общественных проблем приводили учащихся к мысли о бедности народа и необходимости сочувствия ему. В воспоминаниях А. Афанасьевой описывается, что две ее подруги жили очень скромно, «но и эта обстановка им казалась буржуазной, и они всегда мечтали об уходе из дома» (Революционное, 1924: 92-93). Сама автор воспоминаний писала в дневнике: «Быть богатой нехорошо, безнравственно. Когда я здесь в деревне прохожу лучше одетая, чем крестьяне – мне стыдно. Что ни говори, а равенство – естественное состояние людей. Когда будет равенство, тогда и гармония в мире настанет» (Революционное, 1924: 109). Молодежь «грешила ... излишней суровостью и пуританством», ориентируясь на простых крестьян и рабочих (Революционное, 1924: 167).

Порицая тяжелую действительность, многие воспитанники учебных заведений под влиянием прочитанной литературы, и особенно революционной пропаганды, проникались верой в светлое будущее. Нередко даже в личной переписке учащиеся писали друг другу о возвышенных идеалах, придавая своим посланиям характер пропагандистских речей, что свидетельствовало о взглядах их авторов. Весьма примечателен текст письма, написанного в 1906 г. бывшему воспитаннику Оренбургской мужской гимназии ученику аптекаря Мордуху Ратнеру его таким же молодым товарищем: «Дорогой друг! Мое перо не в силах описать тебе ту минуту наслаждения и радости, какую я испытал, прочитав твое последнее письмо, в особенности в той его части, где ты, не теряя надежды на победу пролетариата в его борьбе с деспотизмом, призываешь юное поколение сделать решительный к тому шаг, не жалея своей собственной жизни для блага ближнего... Да, друг! Бушует море жизни... Оно все наполнено кровью спасателей народа, но это не остановит людей, борющихся сознательно за свои убеждения... Арестами и расстрелами наше правительство ничего не добьется, наоборот – оно только возбуждает страсти у тех, которые не только индифферентно, но даже враждебно относились к голосу пролетариата и всего цивилизованного мира... А мы, подрастающее поколение, являемся свидетелями этих ужасов, которые совершаются правительством повсюду. И наступит день, когда мы скажем: «За что!» За что вы угнетаете народ? За что притесняете рабочий класс?.. И еще много за что скажем!..» (Иса. Ф. 270. Оп. 1. Д. 499. Л. 11-12).

Подобные мотивы звучали и в нелегальных изданиях воспитанников учебных заведений. Например, издававшийся в Красноярске гектографированный журнал «Школа и жизнь» поместил на своих страницах стихотворение о событиях Кровавого воскресенья, в котором умирающий мужчина говорит жене: ««Скажи ты детям, что благословляю / их на борьбу за право, честь свою, / и, умирая, свято заклинаю / служа свободе, умереть в бою!» (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1496. Л. 21-24). «Розовая юность, пора светлых мечтаний и искреннего желания отдать все свои силы работе за лучшее будущее человечества», – именно это, по словам бывшего учащегося А. Ильина, определяло поведение многих представителей учащейся молодежи (Революционное, 1924: 125).

Благородный пафос мыслей и текстов значительной части учащихся во многом формировался на основе адресованных им текстов революционных воззваний. Высокий слог, яркие лозунги, призывы, противопоставление серой действительности и светлой картины будущего не могли не привлекать молодежь. Вот как звучали эти лозунги в передовой статье «К товарищам!» большевика Ф. Лыткина в гектографированном журнале учащихся «Наша работа», вышедшем в свет в январе 1915 г.: «Юноши, сбросьте эту пелену оупения, прозябания, проклятого равнодушия к истине и лжи! Взгляните вокруг. Неужели вы не видите той духовной обнищанности, той бесстыдной торговли своим «я», которой полна окружающая жизнь? Все продано. Все обращено в источник доходов. Сорвите с ваших глаз все повязки, стряхните все серые сны..., и перед вами развернется новая картина величайшей борьбы! От моря до моря, от океана до океана во имя счастья человечества, во имя солнечности грядущего движутся дружные пролетарские рати! Над ними реют знамена свободы! Победные песни зовут на борьбу! Вставайте, юноши! Идите смело! Пора!» (Очерки, 1966: 187-188).

Что еще способствовало вовлечению молодежи в революционные кружки? Личности их лидеров, активных деятелей, притягивавшие к себе других, как магнитом. В среде участников протестного движения со времен народничества складывался светлый образ борца, мученика за народное дело, обладавшего высокими нравственными качествами. Поэтому во многих мемуарах содержится описание практически идеальных рыцарей революции, стремление подражать которым определяло поведение их последователей. Так, в воспоминаниях З. Могилевской об известном сибирском революционере Залмане Лобкове, бывшем ученике Тюменского коммерческого училища, говорилось: «В своих требованиях был очень скромн, ... и был очень общительным с людьми... Залман был очень чуткий, отзывчивый, большой души человек, в каждом встречном ... человеке он

видел только хорошие черты» (Иса. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 443. Л. 35-36). Простодушно о характере Лобкова высказывалась и его сестра: «Он не пил, не курил. Был чрезвычайно добрым человеком, очень отзывчивым. Одевался он просто... Денег никогда не было, а когда деньги были, он их раздавал. Ничего не стоило любому прийти и сказать, что он хочет кушать, чтобы Залман высыпал все, что у него было» (Иса. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 443. Л. 6). В похожих выражениях в мемуарах рисуется моральный облик будущего революционера, а в начале XX в. – ученика Тобольского сельскохозяйственного училища С. Завьялова: «В нравственном отношении Сергей был весьма скромным человеком и его этический уровень всегда был высок. Он не курил, не пил, в беде всегда помогал товарищу, был отзывчив к нуждам других. Как товарищ Сергей был очень славным человеком. Чувство солидарности в нем было развито в очень сильной степени» (Иса. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 181. Л. 3).

Глубокая вера в торжество идеалов и стремление отдать все, даже жизнь, за победу революции нашли свое отражение в воспоминаниях Е. Ревзон о В. Куйбышеве: «Помню, как при встрече он стал рисовать мне прекрасные картины борьбы и его будущей роли в этой борьбе. Я ему верила, верила потому, что он был всегда прямым, честным и верным себе в каждом своем слове, в каждом своем шаге» (Иса. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 407. Л. 15). При этом не стоит сбрасывать со счета и мотив личного обаяния, привлекательной внешности, что гораздо реже отражалось в источниках личного происхождения. Но по воспоминаниям бывшей гимназистки, она познакомилась с В. Куйбышевым в г. Петропавловске во время избирательной кампании во II Думу, когда подруга позвала ее на вечеринку. Там было много публики: реалисты, гимназисты, рабочая молодежь и пр., в том числе один студент: «Он был высокий, с пышной вьющейся шевелюрой, с большими серыми глазами», хорошо танцевал, был общителен и сразу же привлекал внимание. Во время танца Куйбышев завел с девушкой разговор о прочитанных книгах, «и таких вопросах, к которым я совсем не была готова... Потом в каждый его приезд в Петропавловск я обязательно бывала на вечеринках. Я уже знала, что танцы устраиваются для того, чтобы привлечь молодежь и не возбуждать подозрения полиции» (Иса. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 398. Л. 21-22).

Однако следует отметить, что активным участником событий мог стать не идеальный герой, а человек склонный к риску, агрессии, которая тоже находила свой выход в протестных действиях. Например, один из самых активных «обструкционистов» в реальном училище Петербурга Павел В. в 1905 г. бесстрашно разбрасывал в здании баночки с сероводородом для срыва занятий. «А давно ли этот легендарный в те дни герой ... был просто отчаянным мучителем маленьких ребятишек...?!» (Революционерное, 1924: 10-12), – восклицал в своих воспоминаниях Н. Яковлев.

И все же успешная работа представителей политических партий и организаторов кружков самообразования в среде учащихся не могла быть успешной без наличия определенных приемов их вовлечения в протестное движение. Так, например, семинаристы были нужны представителям революционных партий, поскольку были близки к деревне и могли нести туда идеи освободительного движения. Но «революционная агитация, вербуя себе сторонников в семинарской среде, на первый план выдвигала не политические, а школьные цели» (Титлинов, 1924: 13).

О приемах пропаганды бывшему воспитаннику Семипалатинской мужской гимназии и Томского учительского института В. Солодовникову в 1906 г. откровенно писал революционер-подпольщик Феоктист Березовский: «Вы пишете... что у Вас спячка, это для Вас хорошо. Вот где можно поработать!... Ведь чинуши – это воск, из которого лепи, что угодно. Только сумейте подойти... А подходить к ним надо исключительно со стороны их мелких житейских интересов..., но помните... непременное условие всякой агитации – как можно меньше говорите сами, а лишь только наталкивайте собеседника на проклятые вопросы, заставляйте их самих разбираться в совершающемся и только помогайте распутаться» (Иса. Ф. 270. Оп. 1. Д. 479. Л. 3-4).

Довольно бесхитростно описывал способы студенческой революционной пропаганды в своих воспоминаниях омский рабочий Константин Плюхин: «Помню как сейчас в 1903 г. летом за линией железной дороги собралось человек 8 кружок – расположились в лесу на траве, ждем интеллигента (кружок собрался первый раз). Приходит интеллигент в шляпе, черной накидке, небольшого роста, черная клином борода. Конечно, сначала поздоровался, спрашивает: «Собрались?», мы говорим: «Да. Вот Вы нам что-нибудь расскажите». И начал нам рассказывать что называется с азбуки, с построения человека, о клеточках, их изменении, захватывая наше внимание тем, что мы видели, но не разбирались, самыми простыми примерами он будил нашу мысль. Таких лекций мы прослушали около 3-х в течение 1,5 или 2-х месяцев. Потом ... уже нашего товарища не стало появляться, или он был арестован, или сбежал. Правда он предупреждал нас при первом нашем знакомстве, что мы должны сразу сказать себе, как мы должны жить, нас ожидают преследования от жандармов, нам придется несколько раз посидеть в тюрьмах, я сам, говорит, был в ссылке, бежал и опять попал, и так бесконечно будет до тех пор, пока не повесят и не расстреляют» (Иса. Ф. П-19. Оп.1. Д. 58. Л. 14).

Бывший ученик Омского технического железнодорожного училища А. Карлов в «Воспоминаниях о революционном движении 1902-1905 гг. и о моем участии в нем в г. Омске» детально описывал свои первые шаги в направлении нелегальной деятельности. Так, по словам автора, в июле 1904 г. он стал брать частные уроки по алгебре у томского студента-технолога Аркадия

Эпштейна, который «судя по одежде, был чрезвычайно беден». После одного из уроков зашел разговор о литературе: «В этом разговоре Эпштейн давал мне советы какую литературу читать и воспользовавшись отсутствием других своих учеников сказал мне, что у него есть очень хорошая литература и просил меня одного задержаться у него после урока – побеседовать, на что я охотно согласился. Во время этой беседы он поинтересовался какая литература мне больше всего нравится, на что я без стеснения и опаски ответил, что «нелегальная». Такой мой смелый ответ объясняю тем, что мне ранее приходилось слышать, что почти все бедные студенты занимаются политикой. К описываемому моменту я уже знал, что в нелегальной литературе пишут только о политике. Эпштейн сказал, что это хорошо, предупредил о могущих быть последствиях, предосторожностях, и, очевидно, убедившись, что в этом отношении /я/ свой человек, подошел к своей корзине, вынул несколько книжечек ... и попросил выбрать 1 или 2 из них» (ИсА. Ф. П-19. Оп.1. Д. 58. Л. 76-77). В дальнейшем А. Карлов сам стал вести подпольную работу в пролетарской среде и стал убежденным революционером.

Достаточно типичным представляется и путь в революцию, проделанный ученицей Тобольской акушерско-фельдшерской школы, а впоследствии известным советским и партийным деятелем Ксенией Чудиновой. В своих мемуарах она пишет о том, что рано осталась без отца, и ее мать, чтобы прокормить семью, пустила в их дом в небольшом сибирском городке Ишиме постояльцев – политссыльных. Именно они открыли автору «другой уровень незнакомой мне жизни – доброй, товарищеской, в ней был возвышающий их помыслы смысл, их объединяла высокая нравственность. И это мне очень нравилось» (ИсА. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805. Л. 198). Политссыльные вели большую работу среди рабочих и учащихся, стараясь «помочь нам, молодежи, даже подросткам, разобраться в обстановке, найти правильный путь в жизни». Так, политссыльная Раиса Григорьевна Миркина «снабжала нас книгами, рассказывала о революционерах того периода, учила нас революционным песням, в общем, исподволь готовила к восприятию более серьезной работы в подполье» (ИсА. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805. Л. 128-197). Учительница Ишимской женской прогимназии Ольга Ивановна Кумилова и ее муж – член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Александр Ермилович Карякин вели «большую работу по воспитанию молодежи». «Сколько добра сделали они нуждающимся людям, помогли молодым подготовиться к экзаменам в высшие учебные заведения, приняли участие и в моей судьбе», – отмечала К. Чудинова (ИсА. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805. Л. 198). На добро хотелось ответить добром, поэтому Ксения часто выполняла их просьбы: передать записки, посмотреть – нет ли городского, однажды передала пакет, в котором была нелегальная газета. Так постепенно девушка делала первые шаги на поприще подпольной деятельности.

Следующим шагом юной будущей революционерки было вступление в кружок, которым руководил ссыльный социал-демократ Эразм Самуилович Кадомцев: «Он с большим упорством занимался со мной... Первые знания, что такое социал-демократия, я получила именно от него. ... Я сначала под влиянием личного обаяния тов. Кадомцева, а потом постепенно разбираясь в существе споров стала считать себя социал-демократкой большевичкой». Особенное влияние на девушку, «так же как и все население города Ишима», оказал принципиальный отказ Кадомцева принять медаль за участие в русско-японской войне: «Мы, молодежь, считали этот поступок героическим и старались подражать ему» (ИсА. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805. Л. 4-7).

В 1911 г. Кадомцев настоял, чтобы Кения поехала учиться в Петербург в акушерско-фельдшерскую школу, и дал ей письмо к своему брату. Тот привлек ее к подпольной работе, заключавшейся в доставке нелегальной литературы. В 1912 г. как политически неблагонадежная девушка была отчислена из учебного заведения и вернулась в Сибирь, где продолжила обучение в акушерско-фельдшерской школе г. Тобольска. В 1914 г. она вновь была отчислена из школы за участие в ученических кружках и в большевистском кружке политссыльных, которым руководил социал-демократ Н.М. Немцов (ИсА. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805. Л. 4-7). Переехав в Москву для обучения в народном университете Шанявского, Ксения проложила заниматься политической деятельностью и в 1914 г. по рекомендации тобольских большевиков была принята в РСДРП, став одним из активных партийных деятелей.

Таким образом, мемуары воспитанников учебных заведений наглядно отражают факторы, способствовавшие вовлечению молодых людей в деятельность противоправительственных организаций, к числу которых следует отнести привлекательный моральный облик ссыльных революционеров, постепенность их действий в отношении формирования нового мировоззрения учащихся: от создания кружков, проведения бесед, чтения книг и пения революционных песен к выполнению небольших просьб, а в дальнейшем – более важных и рискованных поручений. Итогом же пройденного пути становилось пополнение рядов революционных партий убежденными идейными борцами.

При этом, как авторы воспоминаний, так и многие современные исследователи склонны видеть в активном вовлечении молодежи в действия против власти вину самой власти: «Самодержавие, отчуждая наиболее активную в гражданском и политическом отношении часть общества от участия в управлении, тем самым направляло общественный протест в радикальное русло, накапливая революционный потенциал. Оно не желало видеть в своих подданных граждан и считаться с ними,

а граждане – лояльно относиться власти. ... Общественное сознание мучительно трудно преодолеvalo стереотипы авторитарного мышления, и крайности революционизма были своеобразной данью, которую платила российская демократия на пути к подлинной политической и гражданской культуре» (Федорова, 1996: 82).

5. Заключение

Основные причины вовлечения учащейся молодежи России в активные действия протеста на рубеже XIX – XX вв., включавшие тяжелое материальное положение значительной части учащихся, ущемленное правовое положение, тягостную обстановку в учебных заведениях и жесткий внешкольный надзор, одинаково действовали на всех представителей этого социального слоя. Однако в рядах оппозиционных и революционных организаций оказывалась лишь часть из них.

Проведенное исследование документов, исходивших от самих участников протестного движения (воспоминаний, писем, изданий), показало, что влияние на формирование их мировоззрения оказывало ближайшее окружение молодых людей, в которое входили не только родственники, но и ссыльные революционеры. Чтение легальной и нелегальной литературы способствовало восприятию возвышенных идеалов, осознанию бедности и униженного положения простого народа, желания бороться за его освобождение. Широкому распространению протестных идей способствовали скученность проживания на частных квартирах и в интернатах, участие в кружковой деятельности, чувство товарищества, а также свойственный молодежи интерес к тайне, риску, опасности, конспирации.

Учитывая эти факторы, представители революционных партий использовали набор постепенных действий для вовлечения юношей и девушек в свои ряды. Первым шагом на этом пути становились беседы на отвлеченные темы или чтение разрешенных книг, затем следовал переход к обсуждению тяжелого положения учащихся и всего народа. Далее предлагался иной вариант развития, возможности построения светлого будущего после свержения нынешней деспотической власти. Молодые люди охотно проникались идеей необходимости страдания за народ и готовности идти на жертву во имя этой идеи. Необходимый эмоциональный фон создавало пение революционных песен, личное обаяние пропагандистов, яркие лозунги и призывы, такие, которые звучали, например, в стихотворении, опубликованном в издаваемом группой иркутских гимназистов журнале «Братство»: «Подымайте выше знамя, защищайте угнетенных, / погибающих во мраке, просвещеньем обойденных... / И три слова всю окрестность оглашая пронесутся: / «Братство, равенство, свобода». / И враги, слышав крики, испугавшись, разбегутся» (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 12. 1903. Д. 1090. Л. 3-4).

Литература

Баранский, 1923 – Баранский Н. В рядах сибирского социал-демократического союза (воспоминания о подпольной работе 1897–1908 гг.). Новониколаевск, 1923.

Волков, б.д. – Волков В.С. Моральные мотивы участия студенческой молодежи в антиправительственном движении (конец XIX – начало XX вв.) / Международная научная конференция VII Плехановские чтения «Россия начала века XX: вступление в эпоху исторических преобразований». [Электронный ресурс]. URL: <http://nlr.ru/tus/300505/volkov.pdf> (дата обращения: 04.01.2020).

ГААК – Государственный архив Алтайского края, г. Барнаул, Россия.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края, г. Красноярск, Россия.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Ганелин, 1950 – Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. Ленинград; Москва, 1950.

Динзе, 1909 – Динзе В. Очерки по истории среднешкольного движения. Санкт-Петербург, 1909.

Ерман, 1966 – Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. – Москва, 1966.

Загребин, 2014 – Загребин В.В. Подходы к определению категории «Молодежь» // Концепт. 2014. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-kategorii-molodyozh> (дата обращения: 04.01.2020).

Знаменский, 1909 – Знаменский С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905-1906 г. и их значение. Санкт-Петербург, 1909.

ИсА – Исторический архив Омской области.

Ищенко, 2010 – Ищенко О.В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 2010.

Константинов, 1956 – Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX века до Февральской революции 1917 г. Москва, 1956.

Ленин, 1972 – Ленин В.И. Кризис меньшевизма / Полное собрание сочинений. Т. 14. Москва, 1972. С. 149-172.

Материалы, 1906 – Материалы по истории студенческого движения в России. Извлечение из книги А.И. Георгиевского «Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против

студенческих беспорядков». Выпуск 1. Москва; Санкт-Петербург, 1906.

Натансон, 1910 – *Натансон Я.* Русская студенческая молодежь по данным студенческих переписей (1872 – 1907 г.) // Вопросы обществоведения. Орган академической и научной жизни / Под ред. М.И. Туган-Барановского и П.И. Люблинского. Санкт-Петербург, 1910. С. 334-345.

Нимандер, 1908 – *Нимандер Е.П.* Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг. Санкт-Петербург, 1908.

Очерки, 1966 – Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Ч. 1: 1901-1920 гг. Иркутск, 1966.

Радин, 1913 – *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи. Санкт-Петербург, 1913.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, г. Москва, Россия.

РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург, Россия.

Революционное, 1924 – Революционное юношество. Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Сборник 1. Из истории революционного движения учащихся средних учебных заведений Петербурга. 1905-1917 гг. Ленинград, 1924.

Сибирская, 1899 – Сибирская жизнь. 1899. 12 марта.

Суржикова, 2014 – *Суржикова Н.В.* Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6-14.

Титлинов, 1924 – *Титлинов Б.В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860-1905 гг. Ленинград, 1924.

Ученические, 1925 – Ученические социал-демократические организации до революции. – Москва; Ленинград, 1925.

Ушаков, Образцова, 1999 – *Ушаков А.В., Образцова О.А.* Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX-XX вв. Москва, 1999.

Федорова, 1996 – *Федорова В.И.* Народническая ссылка Сибири в общественно-политической и идейной борьбе в России в последней четверти XIX в. Красноярск, 1996.

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, Россия.

Шамахов, 1966 – *Шамахов Ф.Ф.* Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.). Томск, 1966.

Cherkasov et al., 2019 – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208-214.

Magsumov, 2018 – *Magsumov, T.A.* Vocational school and studying youth in the Russian revolution of 1905 // *Terra Sebus*. 2018. 10: 289-313.

Molchanova et al., 2013 – *Molchanova, V.S., Cherkasov, A.A., Šmigel', M.* Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II // *Bylye Gody*. 2013. № 4(30). Pp. 88-93.

References

Baranskii, 1923 – *Baranskii N.* (1923). V ryadakh sibirskogo sotsial-demokraticeskogo soyuza (vospominaniya o podpol'noi rabote 1897–1908 gg.) [In the ranks of the Siberian Social Democratic Union (memories of underground work 1897–1908)]. Novonikolaevsk. [in Russian]

Cherkasov et al., 2019 – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.

Dinze, 1909 – *Dinze V.* (1909). Ocherki po istorii sredneshkol'nogo dvizheniya [Essays on the history of middle school movement]. St. Petersburg. [in Russian]

Erman, 1966 – *Erman L.K.* (1966). Intelligentsiya v pervoi russkoi revolyutsii [Intelligentsia in the Russian Revolution of 1905]. Moscow. [in Russian]

Fedorova, 1996 – *Fedorova V.I.* (1996). Narodnicheskaya ssylka Sibiri v obshchestvenno-politicheskoi i ideinoi bor'be v Rossii v poslednei chetverti XIX v. [Folk reference of Siberia in social-political and ideological wrestling in Russia in the last quarter of the XIX century]. Krasnoyarsk. [in Russian]

GA RF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Moscow, Russia.

GA AK – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of Altai Krai]. Barnaul, Russia.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk, Russia.

Ganelin, 1950 – *Ganelin Sh.I.* (1950). Ocherki po istorii srednei shkoly v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [Essays on the history of secondary school in Russia of the second half of the 19th century]. Leningrad, Moscow. [in Russian]

Isa – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of Omsk Region]. Omsk, Russia.

Ischenko, 2010 – *Ischenko O.V.* (2010). Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' kak faktor

obshchestvennogo dvizheniya i kul'turnoj zhizni Sibiri (konec XIX – nachalo XX vv.) [Pupils and students youth as a factor of social movement and cultural life of Siberia (the end of XIX – the beginning of XX centuries)]. Omsk. [in Russian]

Konstantinov, 1956 – *Konstantinov N.A.* (1956). Ocherki po istorii srednei shkoly. Gimnazii i real'nye uchilishcha s kontsa XIX veka do Fevral'skoi revolyutsii 1917 g. [Essays on the history of high school. Gymnasiums and real schools from the end of the 19 century to the February revolution of 1917]. Moscow. [in Russian]

Lenin, 1972 – *Lenin V.I.* (1972). Krizis men'shevizma [Crisis of Menshevism]. Polnoe sobranie sochinenii [Full collection of works]. Vol. 14. Moscow. Pp. 149-172. [in Russian]

Magsumov, 2018 – *Magsumov, T.A.* (2018) Vocational school and studying youth in the Russian revolution of 1905. *Terra Sebus*. 10: 289-313.

Materialy, 1906 – Materialy po istorii studencheskogo dvizheniya v Rossii. Izvlechenie iz knigi A.I. Georgievskogo «Kratkii ocherk pravitel'stvennykh mer i prednachertanii protiv studencheskikh besporyadkov» [Materials on the history of the student movement in Russia. Extract from A.I. Georgievsky's book "A Brief Essay of Government Measures and Propositions against Student Unrest."]. Vol. 1. (1906). Moscow, St. Petersburg. [in Russian]

Molchanova et al., 2013 – *Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M.* (2013). Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II. *Bylye Gody*. (4), 30: 88-93.

Natanson, 1910 – *Natanson Ya.* (1910). Russkaya studencheskaya molodezh' po dannym studencheskikh perepisei (1872 – 1907 g.) [Russian student youth according to the data of student censuses (1872 – 1907)]. *Tugan-Baranovsky, M.I. & Lyublinsky, P.I.* (eds.). Voprosy obshchestvovedeniya. Organ akademicheskoi i nauchnoi zhizni [Social science issues. Organ of Academic and Scientific Life]. St. Petersburg. Pp. 334-345. [in Russian]

Nimander, 1908 – *Nimander E.P.* (1908). Obzor revolyucionnogo dvizheniya v okruge Irkutskoi sudebnoi palaty za 1897-1907 gg. [Review of the revolutionary movement in the district of the Irkutsk Judicial Chamber for 1897-1907]. St. Petersburg. [in Russian]

Ocherki, 1966 – Ocherki po istorii Irkutskoi organizatsii KPSS. Ch. 1: 1901-1920 gg. [Essays on the history of the Irkutsk organization of the Communist Party. Part 1: 1901-1920] (1966). Irkutsk. [in Russian]

Radin, 1913 – *Radin E.P.* (1913). Dushevnoe nastroyenie sovremennoi uchashcheysya molodezhi [The spiritual mood of a modern student of youth]. St. Petersburg. [in Russian]

Revolyucionnoe, 1924 – *Revolyucionnoe yunoststvo*. Iz proshlogo sotsial-demokraticheskoi uchashcheysya i rabochei molodezhi [Revolutionary youth. From the past Social Democratic student and working youth]. Sbornik 1. Iz istorii revolyucionnogo dvizheniya uchashchikhsya srednikh uchebnykh zavedenii Peterburga. 1905-1917 gg. [Collection 1. From the history of the revolutionary movement of students of secondary educational institutions of St. Petersburg. 1905-1917]. Leningrad. [in Russian]

RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archives of Literature and Art]. Moscow, Russia.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. St. Petersburg, Russia.

Shamakhov, 1966 – *Shamakhov, F.F.* (1966). Shkola Zapadnoi Sibiri mezhdvumya burzhuazno-demokraticheskimi revolyutsiyami (1907–1917 gg.) [School of Western Siberia between two bourgeois-democratic revolutions (1907–1917)]. Tomsk. [in Russian]

Siberian life, 1899 – *Sibirskaya zhizn'* [Siberian life] (1899). [in Russian]

Surzhikova, 2014 – *Surzhikova N.V.* (2014). Ego-dokumenty: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost'? [Ego-documents: intellectual fashion or conscious necessity?]. *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki*. Yekaterinburg. Pp. 6-14 [in Russian]

Titlinov, 1924 – *Titlinov B.V.* (1924). Molodezh' i revolyutsiya. Iz istorii revolyucionnogo dvizheniya sredi uchashcheysya molodezhi dukhovnykh i srednikh uchebnykh zavedenii. 1860–1905 gg. [Youth and Revolution. From the history of the revolutionary movement among young students of spiritual and secondary educational institutions. 1860–1905]. Leningrad. [in Russian]

TsGAIPD SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. St. Petersburg, Russia.

Uchenicheskie, 1925 – Uchenicheskie sotsial-demokraticheskie organizatsii do revolyutsii [Student social-democratic organizations before the revolution] (1925). Moscow, Leningrad. [in Russian]

Ushakov, Obratsova, 1999 – *Ushakov A.V., Obratsova O.A.* (1999). Uchashchieysya srednikh uchebnykh zavedenii Rossii v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii na rubezhe XIX–XX vv. [Students of secondary educational institutions of Russia in the socio-political movement at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow. [in Russian]

Volkov, n.d. – *Volkov V.S.* (n.d.). Moral'nye motivy uchastiya studencheskoi molodezhi v antipravitel'stvennom dvizhenii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Moral motives of student youth participation in the anti-government movement (late XIX – early XX centuries)]. Proceedings from Russia of the beginning of the XX century: entering the era of historical transformations: *Mezhdunarodnaya nauchnaya*

konferentsiya VII Plekhanovskie chteniya «Rossiya nachala XX veka: vstuplenie v epokhu istoricheskikh preobrazovaniy». [Elektronnyi resurs]. URL: <http://nlr.ru/tus/300505/volkov.pdf> [in Russian]

Zagrebin, 2014 – Zagrebin V.V. (2014). Podkhody k opredeleniyu kategorii «Molodezh'» [Approaches to defining the "Youth" category]. *Kontsept – Concept*. (2), 26-30. [in Russian]

Znamenskii, 1909 – Znamenskii S. (1909). Srednyaya shkola za poslednie gody. Uchenicheskie volneniya 1905–1906 g. i ikh znachenie [Secondary school in recent years. Student unrest of 1905–1906 and their significance]. St. Petersburg. [in Russian]

Вовлечение учащейся молодежи в протестное движение в России на рубеже XIX – XX вв.

Оксана Владимировна Ищенко ^{a, *}, Тимур Альбертович Магсумов ^{b, c, d}

^a Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, Сургут, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

Аннотация. На основе эго-документов авторы пытаются исследовать процесс формирования оппозиционных настроений в среде учащейся молодежи поздней имперской России, особое внимание уделив выявлению мотивов протестных действий, а также способов и приемов, с помощью которых на молодежь оказывали целенаправленное влияние представители революционных партий.

Основные причины вовлечения российской учащейся молодежи в активные действия протеста на рубеже XIX – XX вв. включали в себя ее несправедливое материальное положение, не только фактические, но и ярко осознаваемые молодежью. Это усиливал жесткий школьный режим, что усиливало влияние в молодежной среде революционных партий. В числе факторов формирования мировоззрения молодежи была современная семья и ее окружение, включавшее и ссыльных революционеров. На эту почву накладывалось активное чтение, совместное пение революционных песен, способствовавшие восприятию возвышенных идеалов и формировавшие дух товарищества, особенно в условиях скученного проживания на частных квартирах и в интернатах, участия в работе кружков.

Революционные партии ясно осознавали эти факторы, разработав комплекс мер для вовлечения учащейся молодежи в протестное движение и в свои ряды. Начиная с бесед на отвлеченные темы, включавшие житейские невзгоды молодых людей, притягательные своей моралью, а иногда и внешностью, лидеры революционеров переходили к предложениям построения нового мира после свержения нынешнего режима, а от них – к прямому привлечению молодежи к вспомогательной подпольной работе.

Ключевые слова: учащаяся молодежь, первая русская революция, движение протеста, история образования, Российская империя, чтение, революционные песни, революционные партии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oksana5510@yandex.ru (О.В. Ищенко), nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 272-286. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.272
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Study on the Town Planning Model of Chinese Modern Railway Stations – Taking the Second-Class Stations of the Chinese Eastern Railway as an Example

Zhang Bocheng ^a, Zhao Zhiqing ^{a, *}, Sun Yizhi ^b, Evgeny V. Khodakovsky ^c

^a School of Architecture, Harbin Institute of Technology; Key Laboratory of Cold Region Urban and Rural Human Settlement Environment Science and Technology, Ministry of Industry and Information Technology, Harbin, China

^b Independent Researcher, Shanghai, China

^c St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

At the end of the 19th century, the Russian tsar built a “T”-shaped railway that runs through northeast of China. It started from Manzhouli in west, to Suifenhe in the east, and Lushunkou in the north. Its construction was in consideration of factors such as expanding the influence of the Far East and consolidating the strategic position of the Yellow Sea region of China (referred to as «Chinese Eastern Railway»). During the construction of the railway from 1897 to 1903, a large number of railway station areas were continuously developed and constructed, and a new type of settlement in the northeastern China due to the road was born. The urban form produced during this period has had a profound impact on the subsequent development of urban areas in Northeast China. The construction method of the early settlements and the urban form has the same characteristics. At the same time, due to their own environment and location advantages, each town has many unique characteristics. This paper takes the second-class railway stations of the Chinese Eastern Railway as the research objects, and sorts out the planning information of different towns: structural layout, road network structure, square form, street design, urban texture and landscape greening, summarizing town planning mode of the second-class stations, providing reference for related research.

Keywords: Sino-Russian modern and contemporary history, Town planning history, Chinese Eastern Railway, Second-class stations.

1. Введение

Китайско-Восточная железная дорога – это железнодорожная магистраль Т-образной формы, построенная царской Россией на северо-востоке Китая как одна из ветвей Транссибирской магистрали (Чжу и др., 2018). Главная линия КВЖД начинается на востоке и тянется от станции Пограничная к западу до станции Маньчжурия с административным и техническим центром линии в Харбине, ее общая протяженность составляет 1481,2 км. Боковая ветка (бывшая Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД)) тянется от Харбина через города Чанчунь, Шэньян и достигает на юге Люйшунью. Общая протяженность ЮМЖД составляет 945,3 км (Шэнь, 2014). На главной линии было построено 56 станций, в том числе одна станция I класса, шесть станций II класса, четыре станции III класса, 23 станции IV класса, 22 станции V класса, которые отличались друг от друга функциональным назначением. С повышением класса у станций увеличивались функции: например,

* Corresponding author

E-mail addresses: 951787866@qq.com (Z. Bocheng), zhaozq88@126.com (Z. Zhiqing), yizhisun961203@gmail.com (S. Yizhi), e.khodakovsky@spbu.ru (E.V. Khodakovsky)

станции V класса выполняли только техническую и транспортную функции, а станция I класса (Харбин) являлась транспортным, торговым, административным центром.

В общем контексте истории инфраструктурного развития Российской империи на рубеже XIX–XX вв. прокладка КВЖД осуществлялась вслед за предшествующим аналогичным грандиозным проектом, связанным с сооружением в середине – второй половине 1890-х гг. Северной железной дороги. Однако СЖД имела большой общественный резонанс, будучи связанной с именем промышленника и мецената С.И. Мамонтова, а также благодаря участию в проектировании станций и служебных зданий ведущих архитекторов эпохи модерна, прежде всего Л.Н. Кекушева.

Станции II класса являлись важными узлами на линии КВЖД и были построены в основном для сбора и распределения товаров, ремонта поездов и размещения администрации. В ходе строительства КВЖД станции II класса и поселки при них постепенно становились крупными административными и торговыми центрами. Однако до сих пор исследователи в основном уделяли внимание ключевым, самым известным станциям дороги (Харбин, Чанчунь, Дальний) и обходили стороной станции II класса.

Строительство КВЖД способствовало возникновению поселений вдоль железной дороги и дало им развитие (Ван и др., 2019). Основными функциями поселков при станциях II класса, таких как Маньчжурия, Хайлар, Бокэту, Цицикар, Пограничная, Хэндаохэцзы, было обслуживание железной дороги и прилегающих территорий (Чжан и др., 2018). На раннем этапе строительства поселков при станциях II класса реализовывался простой и эффективный «типовой» градостроительный проект, который мог обеспечить нужные темпы строительства и удовлетворить функциональные нужды поселения (Цуй, Ху, Ван, 2016). В данной статье в качестве объекта исследования были выбраны станции Пограничная, Хайлар, Цицикар и некоторые другие, проанализированы градостроительные планы поселков при станциях и на основании проведенного анализа был определен тип градостроительного планирования поселков при станциях II класса.

Таблица 1. Данные о станциях II класса (Чжан, Чжао, Ли и др., 2018)

Станция	Дата строительства	Удаленность от станции Харбин	Удаленность от станции Маньчжурия	Современное местоположение
Маньчжурия	1901	935 км	—	Автономный район. Внутренняя Монголия, г. Маньчжурия
Хайлар	1901	748 км	187 км	Автономный район. Внутренняя Монголия, г. Хулунбуир, район городского подчинения Хайлар
Бокэту	1901	539 км	396 км	Автономный район. Внутренняя Монголия, г. Якэши, село Бокэту
Цицикар	1903	270 км	665 км	Провинция Хэйлунцзян, г. Цицикар, район городского подчинения Цицикар
Хэндаохэцзы	1902	271 км	275 км	Провинция Хэйлунцзян, городской уезд Хайлинь, поселок Хэндаохэцзы

Пограничная	1903	548 км	1418 км	Провинция Хэйлунцзян, г. Суйфэнхэ
-------------	------	--------	---------	-----------------------------------

2. Материалы и методы

В ходе исследования станций II класса главной линии КВЖД был проанализирован фонд 350 Российского государственного исторического архива (РГИА). В нем отложилось большое количество первичных чертежей КВЖД, что является ценнейшим источником для исследователей истории городского планирования. В отличие от РГИА, в коллекциях китайских архивов, в том числе в Архиве провинции Хэйлунцзян (黑龙江省档案馆) и Первом историческом архиве Китая (中国第一历史档案馆), первичных материалов планирования и чертежей проектов КВЖД не сохранилось.

Современные исследования по истории городского планирования в Северо-Восточном Китае в основном выполнены с широким привлечением материалов полевых экспедиций. Китайские историки редко обращались к архивным материалам. В данной работе предпринята попытка дополнить существующие исследования и выделить основные особенности модели типового планирования станций II класса с привлечением первичных чертежей.

3. Обсуждение

Историография строительства КВЖД имеет более чем 100-летнюю историю, и ее анализу можно смело посвятить отдельное исследование. В рамках данной публикации мы позволим себе ограничиться лишь кратким историографическим обзором.

Изучение истории КВЖД началось практически сразу после пуска магистрали. Еще до 1917 года вышло несколько работ, в которых была хорошо представлена фактическая сторона строительства дороги, особенно экономический и медицинский аспекты (Гейштор, 1904; Тищенко, 1914; Полетика, 1904). В 1923 г. в Харбине по поручению правления общества КВЖД и под редакцией сотрудника дороги Е.Х. Нилуса был издан монументальный труд «Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги», представляющий комплексное исследование истории строительства КВЖД, не потерявшее актуальности и спустя почти 100 лет с момента выхода в свет (Нилус, 1923). К сожалению, в тот момент был опубликован только первый том, второй же остался в рукописи. Советская историография на начальном этапе своего развития уделяла мало внимания истории строительства КВЖД, затрагивая эту тему преимущественно в рамках работ по внешней политике (Романов, 1928; Гримм, 1927). 1930–1940 гг. в силу разных причин не оставили нам крупных работ, но уже с середины 1950-х гг. открывается новый этап историографии проблемы. В это время история строительства КВЖД рассматривалась в рамках обобщающих трудов о Транссибе (Паталеев, 1962), а также в работах по истории международных отношений (Скачков, Мясников, 1958; Романов, 1955; Сладковский, 1957; Кутаков, 1961; Григорьевич, 1965).

Новейший этап российской историографии начинается с 1990-х гг.: открытие архивов и появившиеся возможности для расширения спектра исследуемых проблем привели к настоящему всплеску публикаций по истории строительства КВЖД. Своего рода застрельщиком в этом вопросе выступила книга Г.В. Мелихова «Маньчжурия далекая и близкая», которая хоть и носила скорее публицистический характер, тем не менее проливала свет на некоторые ключевые моменты российского присутствия в Маньчжурии (Мелихов, 1991). В 1997 г. в Хабаровске был издан сборник «Дальневосточная магистраль в России», в котором раздел о строительстве КВЖД написала В.Ф. Буркова (Буркова, Зуев, 1997). В 2001 г. увидела свет работа историка архитектуры Н.П. Крадина, ставшая ключевым исследованием по истории строительства Харбина (Крадин, 2001). Книга была переведена на китайский язык и издана в Китае в 2007 г.

Историю административной политики Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. разрабатывал А.В. Ремнев. Он рассматривал строительство КВЖД в рамках имперского политического «курса на Дальний Восток» (Ремнев, 2004). В 2005 г. увидела свет монография Н.Е. Абловой, посвященная преимущественно истории КВЖД после 1917 г. Ее работа стала существенным вкладом в историографию проблемы (Аблова, 2005). В исследовании И.В. Лукоянова, опубликованном в 2008 г., представлен взгляд на КВЖД с точки зрения международных отношений. Однако и строительству магистрали автор посвятил отдельную главу (Лукоянов, 2008).

Характеризуя китайскую историографию, заметим, что исследователи, конечно же, обращались к истории строительства КВЖД. Среди наиболее значительных работ выделим труды Фу Цзяоцина (傅角今) и Ван Юнью (王雲五) (Фу, 1929; Ван, 1933). После образования КНР в 1949 г. исследование КВЖД не потеряло актуальности. Многочисленные работы продолжали появляться и после разрыва отношений между СССР и КНР. Заметным преимуществом китайской историографии КВЖД по сравнению с дореволюционной, советской и современной российской историографией, на наш взгляд, является наличие многотомных публикаций документальных источников. По сравнению с довольно медленным процессом обработки и публикации архивных материалов РГИА и ГАРФ по истории КВЖД континентальные и тайваньские архивы более активно публиковали материалы

своих коллекций. Так, архив провинции Хэйлунцзян опубликовал сборник документов, посвященный строительству и функционированию КВЖД в трех томах (КВЖД, 1986; КВЖД, 1987; КВЖД, 1989). На Тайване в серии «Исторические источники по китайско-русским отношениям (中俄關係史料)» (ИИКРО, 1974) ученые выпустили в свет три тома документов по КВЖД, в том числе один том по КВЖД времен «русского политического переворота (俄政變)» (Революции 1917 г. и Гражданской войны в России – Авт.).

Сегодня исследование истории КВЖД ведется достаточно активно (Самойлов и др., 2016; Самойлов, 2018a), а сама историография характеризуется высокой степенью специализации: исследователи анализируют отдельные аспекты – экономические (Сорокина, 1999; Зиновьев, 2009; Янченко, Старовойтова, 2018; Ходяков, 2018b; Ходяков, 2018c; Ходяков, 2018d), геополитические (Старовойтова, 2017; Ходяков, Чжао, 2017; Ходяков, 2018a; Янченко, 2018a), дипломатические (Дацшен, 2000; Самойлов, 2001b), военные (Вишняков, 2011; Сухачева, 1999), правовые (Сонин, 1994; Сорокина, 2004; Салогуб, 2016; Ходяков, 2019), медицинские (Ратманов, 2009), биографические (Кротова, 2014) и многие другие. Историография КВЖД рассматривается в более широком контексте окраинной политики России (Янченко, 2018b), вопросов об укреплении границ (Янченко, Слободзян, 2017: 94) и миграции (Старовойтова, Янченко, 2018). История строительства и функционирования КВЖД и в целом плодотворного сотрудничества и взаимодействия Китая и России в XX в. обсуждается в ходе научных семинаров (Самойлов и др., 2017), открытых гостевых лекций ученых. Однако по разным причинам проблема градостроительства вдоль линии КВЖД редко попадает в поле зрения специалистов (Василенко, 2003), и во многих случаях имеющиеся в этой области сведения, к сожалению, ограничиваются лишь упомянутыми работами Е.Х. Нилуса и Н.П. Крадина. В китайской историографии также не уделялось должного внимания этой проблеме. Лишь в 2018 г. была опубликована монография Ван Янь (王岩) и Люй Дапина (刘太平) о конструкции и технологии строительства исторических зданий в зоне отчуждения КВЖД (Вань, Люй, 2018). Эта работа, впрочем, не рассматривала конкретные градостроительные проблемы и была посвящена по большей части стилям и технологиям строительства конкретных зданий.

4. Результаты

Проведя анализ зонирования, транспортной структуры, формы площади, плана расположения улиц, городской застройки и ландшафтного планирования и сравнив градостроительные планы поселков при станциях, мы обобщили особенности градостроительного проектирования поселков при станциях II класса.

4.1. Зонирование.

1) Станция Пограничная. План поселка при станции Пограничная включал несколько функциональных зон, среди которых выделялись коммерческая, жилая, рекреационная, смешанная, медицинская и др. Вокзал располагался в центре поселка, к югу от него находилась овальная площадь. Служебное общежитие и жилые дома сооружались с левой и правой стороны от центральной площади. Коммерческая зона (магазины и гостиницы), а также медицинские учреждения примыкали к жилому району и находились на западной стороне поселка. Смешанная зона была рассеяна в северо-западной части поселка и включала в себя, по принятой в Китае архитектурной терминологии, среднюю школу «русского типа», дома для переводчиков и дома учителей. Рекреационные территории, отводившиеся под клуб и парк, находились на западе поселка, внутри смешанной зоны.

При сравнении размеров функциональных зон и степени их удаленности от вокзала видно (Таблица 2), что жилая зона занимала наиболее обширную территорию, второй по площади являлась смешанная зона. Ближе всего к железнодорожному вокзалу располагалась жилая зона, затем коммерческая. Это делалось для удобства железнодорожников и их семей. Показательно, что медицинские учреждения также находились поблизости от вокзала. Коммерческая, смешанная и рекреационная зоны были рассеяны по поселку, что расширяло пространство активного использования территории. На плане обозначена гостиница, построенная специально для китайских постояльцев – она вместе с домами для переводчиков находилась на северо-западной окраине поселка. Кроме того, в плане поселка имелось обширное свободное пространство, оставленное с целью дальнейшего развития территории.

2) Станция Хайлар. Территория станции Хайлар также была поделена на несколько функциональных зон: коммерческую, жилую, рекреационную, смешанную, медицинскую и резервную для будущей жилой застройки. Здесь также вокзал находился в центре поселка, к югу от него располагалась овальная площадь. Коммерческая зона (магазины и гостиницы) планировалась по обе стороны площади и примыкала к вокзалу. Жилая зона (общежитие для рабочих и жилые дома) переходила в коммерческую и находилась по обе стороны от вокзала. Смешанная зона (средняя школа «русского типа», дома для переводчиков и дом главного инженера) примыкала к торговой территории и находилась на северо-востоке поселка. Рекреационная зона (клубы и парк) по плану располагалась по обе стороны от жилой зоны на востоке поселка. Резервная зона для будущей жилой застройки примыкала к жилой зоне и находилась на северной окраине.

Сравнение размеров функциональных зон и их удаленность от вокзала (Таблица 2) свидетельствует о том, что жилая и смешанная зоны здесь также занимали наиболее обширную территорию. Ближе всего к вокзалу располагалась жилая зона, затем коммерческая. Как и на станции Пограничной, для удобства семей железнодорожников вокруг вокзала строились жилые дома, площадь, коммерческая зона и медицинские учреждения. На северо-восточной окраине поселка был разбит крупный парк, увеличивающий площадь коммерческой зоны, что являлось показателем особого внимания к развитию торговли в условиях роста демографических показателей. Увеличение численности населения предусматривало сохранение резервных территорий, а спроектированный парк предназначался для решения будущих рекреационных проблем.

3) Станция Цицикар. Поселок при станции Цицикар был спланирован в соответствии с функциональным использованием застраиваемых площадей и включал коммерческую, жилую, смешанную, медицинскую и некоторые дополнительные зоны. И здесь вокзал находился в центре поселка, к югу от него располагалась овальная площадь. Часть жилой зоны проектировалась с левой и правой стороны привокзальной площади на севере поселка, другая часть, включавшая служебное общежитие и жилые дома, находилась южнее вокзала. Так называемая смешанная зона (средняя школа «русского типа», церковь и казармы) находилась на востоке, юге и западе поселка, медицинская зона – на северо-восточной окраине, коммерческая зона (торговый рынок) была расположена в центре жилой зоны на юге поселка.

При сравнении размеров функциональных зон на станции Цицикар и их удаленности от вокзала можно заключить (Таблица 2), что здесь жилая зона занимала наибольшую площадь, а второй по значению была коммерческая зона. Ближе всего к вокзалу располагалась жилая зона, затем смешанная. В плане поселка при станции Цицикар была уменьшена рекреационная зона. В функциональном отношении наиболее продуманной видится застройка территории в стороне от вокзала, где располагалась обширная жилая площадь, в центре которой сосредоточивались коммерческие объекты. Фактически поселок по плану на 90 % состоял из жилой зоны. Площадь северной части поселка была сравнительно небольшой. Функционально план далек от совершенства, и это связано со сложным географическим ландшафтом в данном районе. В то же время в южной части на открытой местности был спроектирован дополнительный район с жилой и коммерческой зонами, а на северо-западной окраине поселка располагались военные казармы для охраны и защиты населения.

4) Анализ «типового» проекта. Поселки при станциях II класса проектировались таким образом, что могли обслуживать не только потребности железной дороги, но и удовлетворять побочные нужды – коммерческие, рекреационные, образовательные и религиозные. Одновременно с этим строительные планы предусматривали активное жилищное строительство. Кроме того, поселки при станциях выполняли функции обеспечения военной безопасности. Степень важности функциональных зон, безусловно, влияла на их последующее развитие и место расположения. Проанализировав размеры функциональных зон, их удаленность от вокзала, нам удалось воссоздать пространственное зонирование поселков при станциях II класса.

4.2. План транспортной сети и улиц. В трех поселках при станциях II класса улицы имели стандартную решетчатую форму планировки. Она формировала кварталы, позволяла избежать острых углов на пересечениях улиц, упрощала технические особенности расположения фасадов зданий и помогала в проведении оценки земельной аренды, в целом благоприятствуя освоению земель и коммерческому использованию площадей. Решетчатая форма планировки позволяла организовать территорию поселка по единой и упорядоченной системе, облегчить развитие и строительство поселка. Улицы поселков при трех станциях II класса были спланированы широкими, прямыми, ровными. Расстояние между дорогами составляло 100–150 саженей (1 сажень – около 2,1 м. – Авт.).

Таблица 2. Площадь функциональных зон (в саженях) (РГИА. Ф. 350. Оп. 16. Д. 678. Л. 1; Д. 700. Л. 1; Д. 715. Л. 1а)

Виды землепользования	Станция Пограничная			Станция Хайлар			Станция Цицикар		
	Площадь	Доля в %%	Удаленность от вокзала	Площадь	Доля в %%	Удаленность от вокзала	Площадь	Доля в %%	Удаленность от вокзала
Жилая зона	45000	67.37	<10	22500	48.70	<10	189000	90.65	<10
Коммерческая зона	3200	4.79	<75	5000	10.82	<25	9000	4.32	<150
Рекреационная зона	1100	1.65	<200	2500	5.41	<100	—	—	—
Смешанная зона	3500	5.24	<125	2700	5.84	<75	7500	3.60	<75

Медицинская Зона	2000	2.99	<150	—	—	—	3000	1.44	<400
Пустые земли	12000	17.96	—	—	—	—	—	—	—
Общая площадь	66800	100	—	46200	100	—	208500	100	—
Примечание	Поселок был окружен пустыми землями			В северной части поселка по плану расположены резервные площади для будущего жилого строительства			На северо-западе поселка – военная часть (казармы), на юге – прямоугольная площадь		

Такие улицы соединяли городские пространства по прямым линиям и были удобны для транспортного сообщения. Это снижало возможности для неправомерной частной торговли. Данная планировка была удобна для более эффективного управления городом. Кроме того, улицы делились на главные и второстепенные, их ширина составляла 9–13 саженей.

Таблица 3. Ширина улиц в поселках (в саженях) (РГИА. Ф. 350. Оп. 16. Д. 678. Л. 1; Д. 700. Л. 1; Д. 715. Л. 1а)

Станция	Ширина улицы	
	Главная улица	Второстепенная улица
Станция Пограничная	10	4
Станция Хайлар	9	7.5
Станция Цицикар	Северная часть поселка	13
	Южная часть поселка	15

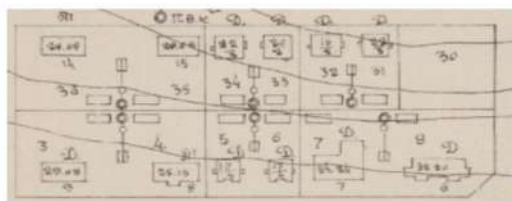
4.3. Городская застройка и ландшафтное озеленение. Городская застройка главным образом касалась размеров кварталов, межевания и проектирования зданий. Под ландшафтным озеленением понималось озеленение территории перед станцией, а также улиц и парков.

1) Станция Пограничная. Длина «типového» квартала в поселке при станции Пограничная составляла 110 саженей, длина коммерческой и жилой зоны – 50 саженей. Границы земельных участков в плане имели правильную квадратную форму с размерами 45x115 саженей. Здания внутри квартала располагались в два ряда, торцевые части зданий прилегали вплотную к улице, во дворе имелись общественная уборная, мусорная яма, погреб со льдом и сараи. Участок озеленения перед вокзалом планировался овальной формы (18x38 саженей). Зеленые насаждения также находились по центру дорог, их ширина составляла 6 саженей. Парковое озеленение устраивалось на северо-западе поселка. Участок был трапециевидной формы, общей площадью 4750 кв. саженей.

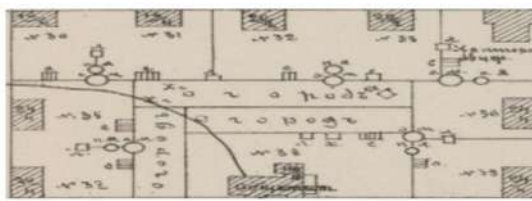
2) Станция Хайлар. Длина стандартного квартала в поселке при станции Хайлар составляла 120 саженей, длина коммерческой и жилой зоны – 50 саженей. Границы земельных участков в плане имели правильную квадратную форму с размерами 50x132 саженей. Здания в квартале располагались по периметру, торцевые части зданий вплотную подходили к улице. Как и на станции Пограничная, во дворе имелись общественная уборная, мусорная яма, погреб с ледником и сараи. Зеленая зона

перед вокзалом имела овальную форму размером 20x50x30 саженей. Дорожное озеленение проходило по центру дороги, его ширина составляла 5 саженей. Парковое озеленение сосредоточивалось на северо-востоке поселка, на участке квадратной формы площадью 5041 кв. саженей.

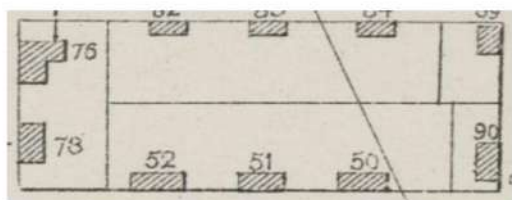
3) Станция Цицикар. В северной части поселка длина стандартного квартала составляла 60 саженей, на юге – 150. Длина жилой зоны на севере – 60 саженей, на юге длина стандартной коммерческой и жилой зон – 150. Границы земельных участков имели правильную квадратную форму с размерами 45x95 саженей на севере и 60x150 на юге. Здания располагались по периметру квартала, торцевые части зданий были расположены вплотную к улице. Во дворе, по принятому стандарту, находились общественная уборная, мусорная яма, погреб с ледником и сарай. Зеленая зона перед вокзалом также была овальной формы с размерами 20x45x2 саженей. На юге станции располагалась простая прямоугольная площадь, ее размеры составляли 60x150 саженей. Дорожное озеленение на юге шириной 20 саженей шло по центру дороги (Рисунки 1, 2).

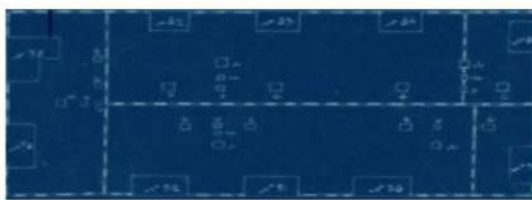
Станция Пограничная

Станция Хайлар

Северная часть станции Цицикар

Южная часть станции Цицикар

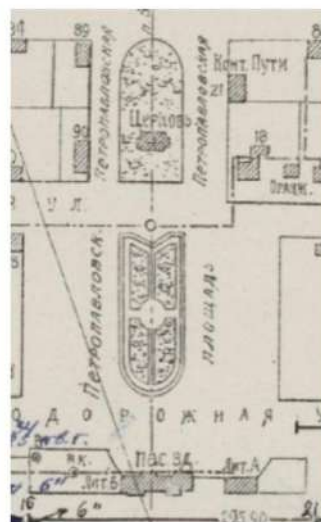
Рис. 1. Городская застройка (РГИА. Ф. 350. Оп. 16. Д. 678. Л. 1; Д. 700. Л. 1; Д. 715. Л. 1а)

Станция Пограничная

Станция Хайлар

Станция Цицикар

Рис. 2. План озеленения территории поселка (РГИА. Ф. 350. Оп. 16. Д. 678. Л. 1; Д. 700. Л. 1; Д. 715. Л. 1а)

4.4. Анализ «типового» градостроительного плана. Стандартное межевание поселка при станции II класса имело квадратную конфигурацию, при этом территория приобретала единство формы, ориентации и размеров. Здания в квартале были выстроены в два ряда, торцевые части

зданий прилегли вплотную к дороге, в центре двора имелись общественный туалет, выгребная яма, погреб со льдом и сарай. Такая организация обеспечивала больше пространства между домами, формировала комфортное общественное пространство, тяготеющее к центру, что способствовало активной внутренней коммуникации. С учетом климатических условий Маньчжурии такой план застройки был удобен для защиты от холода и ветра. Кроме того, данный способ организации пространства отличался еще одной важной особенностью: детали фасадов зданий выполнялись с большим вниманием и аккуратностью. Во дворах имелись огороды, поэтому внутреннее пространство кварталов отчасти выполняло и сельскохозяйственную функцию.

5. Заключение

Градостроительный план поселков при станциях был разработан по принципу «функционального разделения»: в центре поселка располагался вокзал, перед ним – овальная площадь и крупные зеленые насаждения, площадь окружали коммерческие и рекреационные объекты.

В современной историографии уже анализировалась структура государственных расходов по модернизации русской части КВЖД (Янченко, Старовойтова, 2018: 583-597). Эксплуатационные расходы, как и планировка пристанционных пространств, производились за счет казны. Все « типовые » поселки с вокзалом в центре получили развитие благодаря железной дороге, тянувшейся с юга на север. Помимо вокзала в них имелась жилая, коммерческая, рекреационная, смешанная, медицинская зоны и казармы. С точки зрения размеров, самыми крупными являлись жилая и коммерческая зоны. Очевидно, что подобный план был ориентирован, прежде всего, на нужды эксплуатации железной дороги. Основной функцией поселения являлось обеспечение работников железной дороги жильем и поддержание коммерческой деятельности. Транспортная сеть поселков проектировалась по стандартной решетчатой форме. Перед вокзалом располагалась простая и широкая площадь. Улицы проектировались широкими, прямыми и ровными. Длина квартала должна была составлять 100 саженей, длина коммерческой и жилой зоны – по 50 саженей. Земельные участки имели стандартную квадратную форму. Озеленение дорог шло по центру, а озеленение парков было ориентировано по северной оси поселков.

Прошло более 100 лет, поселки и станции II класса КВЖД стали центрами торговли в современных китайских городах. Хотя первоначальный облик станций и поселков не сохранился до наших дней, он до сих пор несет в себе следы русского колониального влияния. Воссоздание первоначальных проектов ранних поселений представляется крайне важным для дальнейшей реконструкции исторического облика данных населенных пунктов в рамках программы охраны культурного наследия КВЖД, разработанной совместно российской и китайской сторонами.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке Государственного фонда естественных наук (КНР) (国家自然科学基金) «基于无人机遥感与AI深度学习的中东铁路城镇风貌特色规划范式研究 = Study on the Characteristic Townscape Planning Paradigm within the Zone of Chinese Eastern Railway based on the Approaches of UAV Remote Sensing and AI Deep Learning», № 51878205.

Литература

Аблова, 2005 – Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005. 430 с.

Богомазов и др., 2019 – Богомазов Н.И., Петров И.В., Пригодич Н.Д. «Возвращенцы» из Харбина и их судьба на родине на примере биографии // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество / Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Чита, 2019. С. 86-89.

Буркова, Зуев, 1997 – Дальневосточная магистраль России / Сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. Хабаровск, 1997. 351 с.

Ван, 1933 – 王雲五 (Ван Юнью). 中俄關係與中東鐵路 (Китайско-русские отношения и КВЖД). Шанхай, 1933. 112 с.

Ван и др., 2019 – 王清恋, 赵志庆, 张博程, 王雪 (Ван Цинлянь, Чжао Чжицин, Чжан Бочэн, Ван Сюэ). 基于视觉景观分析的哈尔滨历史城区容量控制研究 (Изучение контроля производительности исторического района Харбина на базе ландшафтно-визуального анализа) // 中国园林 (Китайский сад). 2019. № 35(02). С. 59-63.

Вань, Люй, 2018 – 王岩 (Ван Янь), 刘大平 (Люй Дапин). 中东铁路历史建筑构筑形态与技术 (Конструкция и технология строительства исторических зданий в зоне отчуждения КВЖД). Харбин, 2018. 415 с.

Василенко, 2003 – Василенко Н.А. Первостроители КВЖД: к 100-летию магистрали // Россия и АТР. 2003. № 4. С. 62-66.

- Вишняков, 2011** – Вишняков О.В. История создания и деятельности Охранной стражи КВЖД и Заамурского округа ОКПС (1897–1918). Хабаровск, 2011. 204 с.
- Гейштор, 1904** – Гейштор И.Э. Экономическое обследование района КВЖД. СПб., 1904. 232 с.
- Григорцевич, 1965** – Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965. 602 с.
- Гримм, 1927** – Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. 218 с.
- Дацышен, 2000** – Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX веков. Кызыл, 2000. 216 с.
- Зиновьев, 2009** – Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX вв. Томск, 2009. 336 с.
- ИИКРО, 1974** – 中俄關係史料 中東鐵路與俄政變 民國十年 (Исторические источники по китайско-русским отношениям, КВЖД и русский политический переворот, 1921 г.) / Под ред. 中央研究院近代史研究所 (Институт истории нового времени при Академии Синика). Тайбэй, 1974. 488+177 с.
- КВЖД, 1986** – 中東鐵路 (КВЖД) / Под ред. Архива провинции Хэйлуцзян. Т. 1. Харбин, 1986. 488 с.
- КВЖД, 1987** – 中東鐵路 (КВЖД) / Под ред. Архива провинции Хэйлуцзян. Т. 2. Харбин, 1987. 453 с.
- КВЖД, 1989** – 中東鐵路 (КВЖД) / Под ред. Архива провинции Хэйлуцзян. Т. 3. Харбин, 1989. 317 с.
- Крадин, 2001** – Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск, 2001. 346 с.
- Кротова, 2014** – Кротова М.В. Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии // *Петербургский исторический журнал*. 2014. № 2. С. 125-136.
- Кутаков, 1961** – Кутаков Л.И. Портсмутский мирный договор. М., 1961. 291 с.
- Лукоянов, 2008** – Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. 668 с.
- Мелихов, 1991** – Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. 319 с.
- Нилус, 1923** – Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. / Сост. Е.Х. Нилус. Т. 1. Харбин, 1923. 690 с.
- Паталеев, 1962** – Паталеев А.В. История строительства великого Сибирского железнодорожного пути. Хабаровск, 1962. 32 с.
- Полетика, 1904** – Полетика М.И. Общий медицинский отчет по постройке КВЖД. СПб., 1904. 119 с.
- Ратманов, 2009** – Ратманов П.Э. История врачебно-санитарной службы Китайской Восточной железной дороги (1897–1935). Хабаровск, 2009. 143 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ремнев, 2004** – Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. 548 с.
- Романов, 1928** – Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. 605 с.
- Романов, 1955** – Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. М., 1955. 695 с.
- Салогуб, 2016** – Салогуб Я.Л. Становление смешанных судов в полосе отчуждения КВЖД (1896–1905) // *Общество и государство в Китае*. Т. 46. Ч. 1. М., 2016. С. 647-652.
- Самойлов, 2018a** – Самойлов Н.А. Историческое наследие КВЖД и формирование образа России на Северо-Востоке Китая // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2018. № 2 (171). С. 88-94.
- Самойлов, 2001b** – Самойлов Н.А. Китай в геополитических построениях российских авторов конца XIX – начала XX вв. // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах: в 2 т.* Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 452-457.
- Самойлов и др., 2016** – Самойлов Н.А., Старовойтова Е.О., Ходяков М.В., Янченко Д.Г. Китайско-Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // *Новейшая история России*. 2016. № 3 (17). С. 205-210.
- Самойлов и др., 2017** – Самойлов Н.А., Ходяков М.В., Янченко Д.Г. Научный семинар в Пекине, посвященный столетию октябрьской революции 1917 года // *Новейшая история России*. 2017. № 4(21). С. 179-201.
- Скачков, Мясников, 1958** – Русско-китайские отношения 1689–1916: официальные документы / Сост. П.Е. Скачков, В.С. Мясников. М., 1958. 142 с.
- Сладковский, 1957** – Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957. 455 с.
- Сонин, 1994** – Сонин В.В. Приамурское генерал-губернаторство и его роль в становлении управления полосы отчуждения КВЖД (1884–1917 гг.) // *Проблемы российского государственного строительства и законодательства. Владивосток*, 1994. С. 172-179.

Сорокина, 2004 – Сорокина Т.Н. К вопросу о выработке иммиграционного законодательства для дальневосточных областей России в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 281. С. 66-69.

Сорокина, 1999 – Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999. 264 с.

Старовойтова, 2017 – Старовойтова Е.О. «Мой большой кулак еще при мне!»: боксерское восстание в Китае в российских сатирических изданиях начала XX века // *Новейшая история России*. 2017. № 2 (19). С. 81-97.

Старовойтова, Янченко, 2018 – Старовойтова Е.О., Янченко Д.Г. Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX–XX вв. // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2018. Т. 8. № 6 (45). С. 720-733.

Сухачева, 1999 – Сухачева Г.А. Охранная стража КВЖД и хунхузы (1897–1920) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков / *Материалы Первой международной научно-практической конференции* (Владивосток, 24–26 сент. 1997 г.). Кн. 2. Владивосток, 1999. С. 110-117.

Тищенко, 1914 – Тищенко П.С. Китайская Восточная железная дорога. 1903–1913 гг. Харбин, 1914. 243 с.

Фу, 1929 – 傅角今 (Фу Цзяоцин). 中東鐵路問題研究 (Исследование по вопросам КВЖД). Шанхай, 1929. 129 с.

Ходяков, 2018a – Ходяков М.В. Желтороссия конца XIX – начала XX веков в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 4. С. 880-897.

Ходяков, 2018b – Ходяков М.В. Китайско-Восточная железная дорога и эмиссия бон Русско-Азиатского банка в 1918–1919 гг. // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 355-367.

Ходяков, 2018c – Ходяков М.В. Хлеб Маньчжурии и государственные интересы России на Дальнем Востоке накануне Первой мировой войны // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2018. № 3 (60). С. 39-45.

Ходяков, 2018d – Ходяков М.В. Китайско-Восточная железная дорога и планы усиления русского экономического влияния на Дальнем Востоке в преддверии Первой мировой войны // *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2018. № 3 (19). С. 52-65.

Ходяков, 2019 – Ходяков М.В. Российское законодательство начала XX века об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 60. С. 78-83.

Ходяков, Чжао, 2017 – Ходяков М.В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2017. № 1 (18). С. 7-30.

Цуй и др., 2016 – 崔卫华, 胡玉坤, 王之禹 (Цуй Вэйхуа, Ху Юйкунь, Ван Чжипуй). 中东铁路遗产的类型学及地理分布特征(Типология и особенности географического расположения культурного наследия КВЖД). // *经济地理 (Экономическая география)*. 2016. № 36 (04). С. 173-180.

Чжан и др., 2018 – 张博程, 赵志庆, 李沛伦, 王清恋, 张晓峰 (Чжан Бочэн, Чжао Чжицин, Ли Пэйлун, Ван Цинлянь, Чжан Сяофэн). 空间句法运用下的城镇早期规划研究——以中东铁路二等站城镇为例 (Изучение раннего планирования поселков с помощью метода пространственного синтаксиса на примере поселков при станциях КВЖД). // *城市发展研究 (Изучение урбанистики)*. 2018. № 25 (10). С. 128-133.

Чжу и др., 2018 – 朱海玄, 康健, 程世卓 (Чжу Хайсюань, Кан Цзянь, Чэн Шичжо). 中东铁路文化线路对清代驿路体系的继承与发展 (КВЖД как наследие и развитие системы почтовых дорог династии Цин) // *新建筑 (Новая архитектура)*. 2018. № 4. С. 87-91.

Шэнь, 2014 – 沈悦 (Шэнь Юэ). 东省铁路研究1897–1913 (Изучение Китайско-Восточной железной дороги 1897–1913). Цзилинь, 2014. 242 с.

Янченко, Слободзян, 2017 – Янченко Д.Г., Слободзян Г.М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 12. С. 93-106.

Янченко, Старовойтова, 2018 – Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3. С. 583-597.

Yanchenko, 2018a – Yanchenko D.G. (2018). The Issues of Defense, Internal Governance and the Status of the Chinese Eastern Railway in Government Policy at the beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4. pp. 1712-1724.

Yanchenko 2018b – Yanchenko D.G. (2018). From East to West: Outskirts of the Empire of Nicolas II in contemporary historiography. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. No 5 (1). pp. 38-50. [in Russian]

References

- Ablova, 2005** – *Ablova N.E.* (2005). KVZHD i rossiiskaia emigratsiia v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii [CER and Russian Émigré in China: International and Political Terms in History]. M. 430 p. [in Russian]
- Bogomazov et al., 2019** – *Bogomazov N.I., Petrov I.V., Prigodich N.D.* (2019). «Vozvrashchency» iz Harbina i ih sud'ba na rodine na primere biografii [“Returnees” from Harbin and their fate on the example of biography]. *Prigranichnyj region v istoricheskom razvitii: partnyorstvo i sotrudnichestvo. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashchyonnoj 80-letiyu Pobedy sovetskikh i mongol'skikh vojsk na reke Halhin-Gol.* Chita. pp. 86-89. [in Russian]
- Burkov, Zuev, 1997** – *Burkova V.F., Zuev V.F.* (1997). Dalnevostochnaia magistral Rossii [Russian Far East Railway]. Habarovsk. 351 p. [in Russian]
- CER, 1986** – Zhong dong tie lu [CER]. Ed. Heilongjiang Archive. Vol. 1. Harbin, 1986. 488 p. [in Chinese]
- CER, 1987** – Zhong dong tie lu [CER]. Ed. Heilongjiang Archive. Vol. 2. Harbin, 1987. 453 p. [in Chinese]
- CER, 1989** – Zhong dong tie lu [CER]. Ed. Heilongjiang Archive. Vol. 3. Harbin, 1989. 317 p. [in Chinese]
- Cui et al., 2016** – *Cui Weihua, Hu Yvkun, Wang Zhiyv* (2016). Zhong dong tie lu yi chan de lei xing xue ji di li fen bu te zhen [Typology and Geographical Distribution of CER]. *Jin ji di li.* 36(04). pp. 173-180. [in Chinese]
- Datcyshe, 2000** – *Datcyshe V.G.* (2000). Ocherki istorii rossiisko-kitaiskoj granicy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Essays on the History of the Russo-Chinese Border in the second half of the XIX – early XX centuries]. Kyzyl. 216 p. [in Russian]
- Fu, 1929** – *Fu Jiaojin* (1929). Zhong dong tie lu wen ti yan jiu [CER Problem Research]. Shanghai. 129 p. [in Chinese]
- Geishtor, 1904** – *Geishtor I.E.* (1904). Ekonomicheskoe obsledovanie raiona KVZHD [Economy Research of the CER]. SPb. 232 p. [in Russian]
- Grigortceevich, 1965** – *Grigortceevich S.S.* (1965). Dalnevostochnaia politika imperialisticheskikh derzhav v 1906-1917 gg [Far East Policy of the Imperialist Powers in 1906–1917]. Tomsk. 602 p. [in Russian]
- Grimm, 1927** – *Grimm E.D.* (1927). Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii na Dalnem Vostoke (1842-1925) [Collection of Treaties and other Documents in History of International Relations in the Far East]. M. 218 p. [in Russian]
- HSSRR, 1974** – Zhong e guan xi shi liao Zhong dong tie lu yu e zheng bian min guo shi nian [Historical Sources of the Sino-Russian Relations. CER and Russian Revolution, 1921] Ed. Institute of the Modern History in Academia Sinika. Taipei, 1974. 488+177 p. [in Chinese]
- Khodjakov, 2018a** – *Khodjakov M.V.* (2018). “Yellow Russia” of the late XIX – early XX Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite. *Modern History of Russia.* Vol. 8. No 4. pp. 880-897. [in Russian]
- Khodjakov, 2018b** – *Khodjakov M.V.* (2018). Chinese Eastern Railway and Emission of Coupons of the Russian-Asian Bank in 1918–1919. *Modern History of Russia.* Vol. 8. No 2. pp. 355-367. [in Russian]
- Khodjakov, 2018c** – *Khodjakov M.V.* (2018). Khleb Manchzhurii i gosudarstvennye interesy Rossii na Dalnem Vostoke nakanune Pervoi mirovoi voiny [Manchurian Bread and Russian National Interests in the Far East before the Outbreak of World War I]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina.* 3(60). pp. 39-45. [in Russian]
- Khodjakov, 2018d** – *Khodjakov M.V.* (2018). Kitaisko-Vostochnaia zheleznaia doroga i plany usileniia russkogo ekonomicheskogo vliianiia na Dalnem Vostoke v preddverii Pervoi mirovoi voiny [Chinese Eastern Railway and Plans to Strengthen Russian Economic Influence in the Far East on the Eve of the First World War]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal: issledovaniia po rossiiskoi i vseobshchei istorii.* 3(19). pp. 52-65. [in Russian]
- Khodjakov, 2019** – *Khodjakov M.V.* (2019). Russian legislation of the early 20th century on the use of yellow labour in the economy of the Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* No 60. pp. 78-83. [in Russian]
- Khodjakov, Zhao, 2017** – *Khodjakov M.V., Zhao Zhiqing* (2017). Chinese Labor Migration to Russia during the First World War. *Modern History of Russia.* No 1. pp. 7-30. [in Russian]
- Kradin, 2001** – *Kradin N.P.* (2001). Harbin – russkaia Atlantida [Harbin – Russian Atlantic]. Habarovsk. 346 p. [in Russian]
- Krotova, 2014** – *Krotova M.V.* Lichnye dela sluzhashchikh KVZHD kak istochnik izucheniia russkogo prisutstviia v Manchzhurii [CER Employees Personal Files as the Source for the Study of the Russian Presence in Manchuria]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal.* No 2. pp. 125-136. [in Russian]
- Kutakov, 1961** – *Kutakov L.I.* (1961). Portsmutskii mirnyi dogovor [Portsmouth Peace Treaty]. M. 291 p. [in Russian]
- Lukoianov, 2008** – *Lukoianov I.V.* (2008). Rossiia na Dalnem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. [Russia in Far East in the late 19 and early 20 centuries]. SPb. 668 p. [in Russian]

- Melikhov, 1991** – *Melikhov G.V.* (1991). Manchzhuriia dalekaia i blizkaia [Close and Far Manchuria]. M. 319 p. [in Russian]
- Nilus, 1923** – *Nilus E.Kh.* (1923). Istoricheskii obzor Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi. 1896–1923 gg [The History of CER]. Vol. 1. Harbin. 690 p. [in Russian]
- Pataleev, 1962** – *Pataleev A.V.* (1962). Istoriia stroitelstva velikogo Sibirskogo zheleznodorozhnogo puti [The History of the Great Siberian Railway]. Habarovsk. 32 p. [in Russian]
- Poletika, 1904** – *Poletika M.I.* (1904). Obshchii meditsinskii otchet po postroike KVZHD [General Medical Report on the Construction of the CER]. SPb. 119 p. [in Russian]
- Ratmanov, 2009** – *Ratmanov P.E.* (2009). Istoriia vrachebno-sanitarnoi sluzhby Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi (1897–1935) [The History of Health Service in CER]. Habarovsk. 143 p. [in Russian]
- Remnev, 2004** – *Remnev A.V.* (2004). Rossiia Dalnego Vostoka. Imperskaia geografiia vlasti XIX – nachala XX vekov [Russian Far East. Imperial Geography Power 19–20 cc]. Omsk. 548 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskiy gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Romanov, 1928** – *Romanov B.A.* (1928). Rossiia v Manchzhurii (1892–1906) [Russia in Manchuria (1892–1906)]. L. 605 p. [in Russian]
- Romanov, 1955** – *Romanov B.A.* (1955). Ocherki diplomaticheskoi istorii Russko-Iaponskoi voiny. 1895–1907 [A Short History of the Diplomatic in Russo-Japanese War 1895–1907]. M. 695 p. [in Russian]
- Salogub, 2016** – *Salogub Y.L.* (2016). Stanovlenie smeshannykh sudov v polose otchuzhdeniia KVZHD (1896–1905) [Mixed Court in CER (1896–1905)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Vol. 46-1. M. pp. 647–652. [in Russian]
- Samoilov, 2001b** – *Samoilov N.A.* (2001). Kitai v geopoliticheskikh postroeniakh rossiiskikh avtorov kontca XIX – nachala XX vv [China in the Geopolitical Constructions of Russian Authors of the late XIX – early XX centuries]. *Rossiia i Kitai na dalnevostochnykh rubezhakh*. Vol. 2. Blagoveshchensk. pp. 452–457. [in Russian]
- Samoilov, 2018a** – *Samoilov N.A.* (2018). Istoricheskoe nasledie KVZHD i formirovanie obraza Rossii na Severo-Vostoke Kitaya [The Historical Heritage of the CER and the Formation of the image of Russia in the North-East of China]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 2 (171). pp. 88–94. [in Russian]
- Samoylov et al., 2016** – *Samoylov N.A., Starovoytova E.O., Khodjakov M.V., Yanchenko D.G.* (2016). Chinese Eastern Railway – the Heritage of Two Empires: Research Perspectives. *Modern history of Russia*. No 3. pp. 205–210. [in Russian]
- Samoylov et al., 2017** – *Samoylov N.A., Khodjakov M.V., Yanchenko D.G.* Scientific Seminar Dedicated to the 100th Anniversary of the October Revolution of 1917, *Modern history of Russia*. No. 4. pp. 179–201.
- Shen, 2014** – *Shen Yue* (2014). Dong shen tie lu yan jiu 1897–1913 [The study of CER 1897–1913]. Jiling. 242 p. [in Chinese]
- Skachkov, Miasnikov, 1958** – *Skachkov P.E., Miasnikov V.S.* (1958). Russko-kitaiskie otnosheniia 1689–1916: ofitcialnye dokumenty [Russo-Chinese Relation 1689–1916: Official Documents]. M. 142 p. [in Russian]
- Sladkovskii, 1957** – *Sladkovskii M.I.* (1957). Ocherki ekonomicheskikh otnoshenii SSSR s Kitaem [Economy Relations between USSR and China]. M. 455 p. [in Russian]
- Sonin, 1994** – *Sonin V.V.* (1994). Priamurskoe general-gubernatorstvo i ego rol v stanovlenii upravleniia polosy otchuzhdeniia KVZHD (1884–1917 gg.) [The Amur Governor General and its Role in the Establishment of the Management of the CER Railway Exclusion Band (1884–1917)]. *Problemy rossiiskogo gosudarstvennogo stroitelstva i zakonodatelstva*. Vladivostok. pp. 172–179. [in Russian]
- Sorokina, 1999** – *Sorokina, T.N.* (1999). Hozyajstvennaya deyatelnost' kitajskikh poddannykh na Dal'nem Vostoke Rossii i politika administracii Priamurskogo kraia (konec XIX – nachalo XX vv.) [The economic activities of Chinese nationals in the Far East of Russia and the policy of the administration of the Amur Region (late XIX – early XX centuries)]. Omsk. 264 p. [in Russian]
- Sorokina, 2004** – *Sorokina T.N.* (2004). K voprosu o vyrabotke immigracionnogo zakonodatel'stva dlya dal'nevostochnykh oblastej Rossii v konce XIX – nachale XX v. [On the issue of developing immigration legislation for the Far Eastern regions of Russia in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 281. pp. 66–69. [in Russian]
- Starovoytova, 2017** – *Starovoytova E.O.* (2017). «Moi bolshoi kulak eshche pri mne!»: bokserskoe vosstanie v Kitae v rossiiskikh satiricheskikh izdaniiah nachala XX veka [Boxer Rebellion in China in Russian Satiric Press in the Beginning of 20th Century]. *Modern History of Russia*. No 2. pp. 81–97. [in Russian]
- Starovoytova, Yanchenko, 2018** – *Starovoytova E.O., Yanchenko D.G.* (2018). Rol' kitajskikh pereselencev v ekonomicheskom osvoenii Dal'nego Vostoka Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [The Role of Chinese Immigrants in the Economic Development of the Russian Far East at the turn of the XIX–XX centuries]. *Voprosy nacional'nykh i federativnykh otnosheniy*. Vol. 8. No 6 (45). pp. 720–733. [in Russian]
- Sukhacheva, 1999** – *Sukhacheva G.A.* (1999). Okhrannaya strazha KVZHD i khunkhuzy (1897–1920) [Security of the CER and Honghuzi]. *Rossiiane v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. Sotrudnichestvo na*

rubezhe vekov: materialy pervoi mezhdunarodn. nauchn.-prakt. konferencii. (Vladivostok, 24-26 sent. 1997 g.). Kn. 2. Vladivostok. pp. 110-117. [in Russian]

Tishenko, 1914 – *Tishenko P.S.* (1914). Kitaiskaia Vostochnaia zheleznaia doroga. 1903–1913 gg [CER 1903–1913]. Harbin. 243 p. [in Russian]

Vasilenko, 2003 – *Vasilenko N.A.* (2003). Pervostroiteli KVZHD: k 100-letiiu magistrali [The First Builds in CER: 100 years of the Railway]. *Rossii i ATR*. No 4. pp. 62-66. [in Russian]

Vishniakov, 2011 – *Vishniakov O.V.* (2011). Istoriia sozdaniia i deiatel'nosti Okhrannoï strazhi KVZHD i Zaaumurskogo okruga OKPS (1897–1918) [The History of the Creation and Activities of the Security Guard of the CER and Zaaumursky District OKPS (1897–1918)]. Habarovsk. 204 p. [in Russian]

Wang et al., 2019 – *Wang Qinglian, Zhao Zhiqing, Zhang Bocheng, Wang Xue* (2019). Ji yv shi jue jing guan fen xi de Harbin li shi chen qu rong liang kong zhi yan jiu [Research on Capacity Control of Harbin Historical City Based on Visual Landscape Analysis]. *Zhong guo yuan lin*. 35(02). pp. 59-63. [in Chinese]

Wang, 1933 – *Wang Yunwu* (1933). Zhong e guan xi yu Zhong dong tie lu [Sino-Russian Relations and CER]. Shanghai. 112 p. [in Chinese]

Wang, Liu, 2018 – *Wang Yan, Liu Dapin.* (2018). Zhong dong tie lu li shi jian zhu gou zhu xing tai yv ji shu [The Construction and Technology of Heritage Buildings along Chinese Eastern Railway]. Harbin. 415 p. [in Chinese]

Yanchenko 2018b – *Yanchenko D.G.* (2018). From East to West: Outskirts of the Empire of Nicolas II in contemporary historiography. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. No 5 (1). pp. 38-50.

Yanchenko, 2018a – *Yanchenko D.G.* (2018). The Issues of Defense, Internal Governance and the Status of the Chinese Eastern Railway in Government Policy at the beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4. pp. 1712-1724.

Yanchenko, Slobodzyan, 2017 – *Yanchenko D.G., Slobodzyan G.M.* (2017). Kolonizatsiya Russkogo Dal'nego Vostoka v pravitel'svennoi politike 1909–1911 gg. [Colonization of the Russian Far East in the government policy of 1909-1911]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No 12. pp. 93-106. [in Russian]

Yanchenko, Starovoytova, 2018 – *Yanchenko D.G., Starovoytova E.O.* (2018). Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after Russo-Japanese War: the regional dimension and the St. Petersburg policy. *Modern history of Russia*. Vol. 8. No 3. pp. 583-595. [in Russian]

Zhang et al., 2018 – *Zhang Bocheng, Zhao Zhiqing, Li Peilun, Wang Qinglian, Zhang Xiaofeng* (2018). Kong jian ju fa yun yong xia de cheng zhen zao qi gui hua yan jiu yi Zhong dong tie lu er deng zhan cheng zhen wei li [Early Urban Planning Research under the Application of Spatial Syntax – Taking the Second-class Railway Towns in CER as an Example]. *Cheng shi fa zhan yan jiu*. 25(10). pp. 128-133. [in Chinese]

Zhu et al., 2018 – *Zhu Haixuan, Kang Jian, Cheng Shizhuo.* (2018). Zhong dong tie lu wen hua xian lu dui qing dai yi lu ti xi de ji cheng yv fa zhan [CER as a development of the Qing Dynasty postal system]. *Xin jian zhu*. No 4. pp. 87-91. [in Chinese]

Zinov'ev, 2009 – *Zinov'ev V.P.* (2009) Ocherki social'noj istorii industrial'noj Sibiri. XIX – nachalo XX v. [Essays on the social history of industrial Siberia. XIX – early XX century]. Tomsk. 336 p. [in Russian]

О «типовом» градостроительном проектировании поселков вдоль железной дороги в Китае Нового времени на примере станций II класса главной линии Китайско-Восточной железной дороги

Чжан Бочэн ^a, Чжао Чжицин ^{a, *}, Сунь Ичжи ^b, Евгений Валентинович Ходаковский ^c

^a Институт архитектуры Харбинского политехнического университета; Лаборатория по изучению урбанистики и окружающей среды холодного региона, Министерство индустрии и информатики, Харбин, Китай

^b Независимый исследователь, Шанхай, Китай

^c Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Китайско-Восточная железная дорога – это железнодорожная магистраль Т-образной формы, построенная царской Россией на северо-востоке Китая как одна из ветвей Транссибирской магистрали. Строительство КВЖД способствовало возникновению поселений вдоль железной дороги и дало им развитие. Основными функциями поселков при станциях II класса, таких

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: 951787866@qq.com (Ч. Бочэн), zhaozq88@126.com (Ч. Чжицин), yizhisun961203@gmail.com (С. Ичжи), e.khodakovsky@spbu.ru (Е.В. Ходаковский)

как Маньчжурия, Хайлар, Бокэту, Цицикар, Пограничная, Хэндаохэцзы, было обслуживание железной дороги, населения поселков КВЖД, местных промышленности и торговли.

Статья посвящена изучению «типового» градостроительного проектирования поселков станций II класса главной линии Китайско-Восточной железной дороги. С помощью полевых экспедиций определены особенности градостроительного плана поселков вдоль КВЖД. Однако в связи с недостаточной сохранностью поселков не удалось полностью восстановить первоначальный замысел русских архитекторов. Анализ первичных чертежей, ныне хранящихся в Российском государственном историческом архиве, позволил более детально и достоверно воссоздать градостроительные планы, на основе которых выявлены принципы «типового» проектирования поселков станций II класса КВЖД.

Ключевые слова: Русско-китайские отношения, история градостроительного проектирования, Китайско-Восточная железная дорога, станции второго класса

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 287–294. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.287
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Activities of the Parish Clergy of the Penza Diocese during the Russian-Japanese War of 1904–1905

Olga V. Kolpakova ^{a, *}

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The article reveals the main functions of the parish clergy of the Penza diocese and their changes in wartime conditions (for example, the Russian-Japanese war of 1904–1905). An attempt is made to highlight the range of duties performed by the clergy, as well as the features of their service during the war. It is concluded that the clergy had a very wide range of responsibilities, which increased in wartime.

The main duties of the parish clergy included service in the Church, preaching, preaching, and missionary work. During the war, in addition to their direct duties, the clergy performed, first of all, information and moral and educational functions, as well as duties related to the appeal of parishioners to donate to the needs of wartime, the organization of hospitals for sick and wounded soldiers, providing assistance to families affected by military actions. The main sources of the research were data from the periodical press (1904–1905) and materials from the Russian state historical archive.

Keywords: Russian Orthodox Church, Penza diocese, parish clergy, the Russian-Japanese war of 1904-1905, duties of the parish clergy, preaching, collecting donations, and caring for those in need.

1. Введение

На современном этапе развития исторической науки исследовательский интерес к деятельности приходского духовенства на региональном уровне возрастает. Изучение различных аспектов социальной, культурной жизни провинции невозможно без исследования деятельности православного духовенства в военных конфликтах.

Круг обязанностей священника в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. был весьма широк. Помимо служения в храме, приходское духовенство должно было распространять идеи православной веры, взаимодействовать с паствой и заботиться о содержании храма (Пятнов, 2005: 250). В 1904 г. священно-церковнослужителей на территории Пензенской епархии насчитывалось 2300, согласно отчету пастырская деятельность и влияние духовенства в данном году простирались на все стороны жизни вверенных их духовно-нравственному руководству лиц (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2044. Л. 7).

Особенностью деятельности приходского духовенства было то, что оно исполняло не только обязанности, возлагаемые на него духовными властями, но и распоряжения светской власти. Именно духовенство играло значительную роль в формировании определенных настроений в обществе. К тому же, в условиях военных испытаний религиозная составляющая была важной частью определенных надежд и ожиданий в среде православной паствы. Деятельность приходского духовенства, направленная на обеспечение нужд армии, раненых и больных воинов, а также семей пострадавших, была связана с поддержкой общероссийских инициатив Святейшего Синода и епархиального начальства.

Цель исследования – изучение функций и роли приходского духовенства Пензенской епархии в условиях военного времени на основе данных периодической печати времен Русско-японской войны

* Corresponding author

E-mail addresses: al.olga3443@yandex.ru (O. V. Kolpakova)

1904–1905 гг. и архивных материалах. Объектом исследования стало приходское духовенство Пензенской епархии в 1904–1905 гг. Предмет – характеристика деятельности приходского духовенства в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.

2. Материалы и методы

При подготовке данной статьи использовались материалы Российского государственного исторического архива (фонд №796 «Канцелярия Синода», а именно отчеты о состоянии Пензенской епархии за 1904-1905 гг. (РГИА. Ф. 796. Оп. 442).

Также было обращено внимание на «Пензенские епархиальные ведомости», издававшиеся в Пензенской губернии с 1866 г. и «Церковные ведомости», издаваемых при Правительствующем Синоде.

В основу изучения темы деятельности приходского духовенства Пензенской епархии в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. были положены принципы научной объективности, историзма и системности. Применен проблемно-хронологический метод при рассмотрении различных аспектов деятельности приходского духовенства в рассматриваемый период.

3. Обсуждение

В отечественной историографии исследовались различные аспекты, связанные с Русско-японской войной 1904–1905 гг., но тема деятельности духовенства в этой войне не получила должного освещения и прежде всего на региональном уровне. М. Г. Нечаев считал, что это связано с существующим мнением о том, что помощь церкви армии в годы войны была невелика и не повлияла на исход проигранной войны (Нечаев, 2014: 46). В статье А. А. Гаврикова «Русско-японская война 1904–1905 гг. и православная церковь» отмечается, «что с самого начала правительство Российской Империи постаралось придать войне характер крестового похода» (Гавриков, 2004: 165).

Деятельность духовенства российской провинции в период войны с Японией в 1904–1905 гг. на примере Тамбовской епархии изучалась П. П. Щербининым, который отмечал религиозный подъем в годы войны и важнейшую роль духовенства в формировании среди паствы верноподданнических чувств (Щербинин, 2004). Также автор обращался к вопросу о детях-сиротах и их призрению в период войн начала XX в. (Щербинин, 2013).

Неофициальный взгляд православной церкви на события Русско-японской войны 1904–1905 гг. был показан Е.А. Ледовских, которая отмечала, что в церковной периодической печати оправдывалась внешнеполитическая деятельность царского правительства на Корейском полуострове (Ледовских, 2019: 76).

В 1904-1905 гг. проблема деятельности духовенства отражалась в периодической печати, в «Церковных ведомостях», издаваемых при Правительствующем Синоде, а также в «Пензенских епархиальных ведомостях», где содержались мнения, заметки, официальные статистические данные, указы относительно данного вопроса. В официальной части печатались определения Священного Синода и епархиального начальства о сборе средств на нужды армии с церкви и духовенства, а также статистические данные относительно пожертвований со стороны духовенства. В неофициальной части ведомостей в годы ведения войны содержалась информация о речах, обращениях Преосвященных о даровании победы русским войскам, сведения о ведении военных действий и деятельности духовенства.

К зарубежной историографии относятся труды американского историка Г.Л. Фриза, посвященные различным аспектам деятельности российского духовенства начала XX вв. (Freeze, 1983, 1988, 2006). Интерес представляет работа J.S. Curtiss, который изучал церковь и государство в России в 1900–1917 гг. (Curtiss, 1965).

4. Результаты

Обязанности приходского духовенства в рассматриваемый период регламентировались церковным и светским законодательством. По мнению многих современных исследователей, приходское духовенство выполняло весьма обширный круг обязанностей. Но каким образом они изменялись в военное время?

Традиционно приходскому духовенству отводилась роль пастырей. Профессиональная деятельность приходского духовенства была связана со служением в храме, проповедничеством и миссионерством. Согласно «Уставу духовных консисторий» духовенство должно было проповедовать слово Божие в церквях и наставлять, при всяком удобном случае (Устав, 1900: 3).

В должностные обязанности священника и дьякона входило:

1. Священное служение в церкви и в приходе...

2. Хранение храма Господня.

3. Представлять себя прихожанам примером добродетели и избавляться всемерно от пьянства и дел соблазнительных.

4. Внушать малолетним 1, что спаситель наш есть Иисус Христос. 2. Чтобы старались всякому добро делать. 3. Чтоб не лгали, удаляли непристойных слов и были трудолюбивы. 4. Чтобы при всех делах призывали бога в помощь.

5. Родителям их напоминать, чтобы воспитывали детей своих в страхе Божьем, ибо они за добрые их дела от Бога награждаемы, так и за худые наказуемы будут.

6. Если усмотрят кого не раскаянно пребывающим в каком-либо грехе, такого должны при всяком благовременном случае с кротостью увещевать, чтобы был исполнителем закона Божьего (ГАПО, Ф. 182. Оп. 1. Д. 857. Л. 337).

Поучение и наставление прихожан в основах веры являлось одной из главных функций служителей церкви (Федорова, 2016: 178). На практике, помимо перечисленных выше обязанностей существовал довольно обширный круг деятельности приходского духовенства. Согласно наблюдениям Б.Н. Миронова с 60-х гг. XVIII в. по 1904 г. нагрузка на пастыря увеличилась на одного священника приблизительно в 2,6 раза, что было связано с увеличением прихожан на одного священника. Последствием, по мнению исследователя, стала формализация и понижение качества работы духовенства (Миронов, 2014: 382-383).

Помимо совершения церковных служб, сельские пастыри должны были совершать богослужения и в отдаленных приходах. Особенное внимание уделялось приходам с населением, где проживали раскольники и сектанты. П. Озерецкий, основываясь на отчетах пастырей Пензенской епархии о своей деятельности в мордовских приходах, отмечал, что проповедование слова Божьего на данных территориях дело достаточно сложное. Многие мордовские прихожане в большинстве своем держались старинных языческих обрядов и суеверий, и мало понимали христианскую религию и считались христианами больше внешне, так как носили христианское имя и исполняли некоторые церковные обряды и таинства (Положение и деятельность, 1881: 6-7).

Во время войны долг пастыря церкви, в первую очередь, заключался в молитве вместе с прихожанами за воинство, перед совершением молебствия давались краткие пояснения о происходящих на Дальнем Востоке событиях, что было особенно важно в сельских приходах. В «Пензенских епархиальных ведомостях» в 1904 г. отмечалось, что «каких только фантастических объяснений не придумает иной деревенский грамотей по поводу настоящей войны! Япония, Корея, Китай - все это названия для простого человека необычные, почти сказочные» (Пожертвование, 1904: 283). За проповедование в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. причт Пензенской епархии получал признательность епархиального начальства. Так, священник церкви села Агапова Чембарского уезда Порфирий Громов был награжден за усердие в деле церковной проповеди (Объявляется признательность, 1904: 96-97).

Приходские священники должны были «отвращать прихожан своих от всяких суеверий» (Барсов, 1885: 207). Данные обязанности приходского духовенства были связаны с ведением публичных бесед и частных собеседований с «отпавшими от веры». Пастырям указывался достаточно широкий круг проповеднических предметов: о покаянии, исправлении жития, почитании властей, искоренении суеверий и т. д. Во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. особенным вниманием православных пользовались чтения о святой земле и рассказы из житий святых, а также чтения из жития нового чудотворца, защитника отечества (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2044. Л. 9).

К тому же, сельские священники, по-прежнему, должны были в церковных поучениях располагать крестьян к грамотности и обучению, о чем было предписано в указе Св. Синода №1226 от 1866 г. (Сельским священникам, 1866: 233-234). Пастырский долг духовенства распространять в народе религиозно-нравственное образование выражался и в принятии участия в деятельности народных училищ.

К разряду основных обязанностей священнослужителей относилось совершение требоисправлений. Исполнение треб предполагало проведение крещений, исповедей, причастий, елеосвящений, венчаний и т. д. Количество совершаемых треб зависело от количества прихожан, местных условий и религиозности населения. Требоисполнение (крещение младенца и погребение умершего) осуществлялось также у «проезжих или временно проживающих в приходе». Данная треба записывалась в метрическую книгу, и лицу выдавалось свидетельство с подписью всех членов причта, исправлявших требу (ЦГАРМ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 9).

В годы войны потребность в требах и проповедовании возрастала. Так, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. благочинные отмечали религиозный подъем в среде простого народа и интеллигенции. В отчете о состоянии епархии в 1904 г. отмечалось, что тяжелое время, переживаемое нашим отечеством, побуждало православных спешить в Божий храм к Божьей службе в несомненной надежде найти здесь в молитве утешение, помощь. Из отзывов благочинных видно, что и пастыри приходских церквей епархии старались привлекать духовенство на молитву в воскресные и праздничные дни. Из отчета следует, что в данном году было произнесено проповедей до 10 тыс. (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2044. Л. 8-8 об.). Воины, призванные в поход, также исполняли долг исповеди и причащались в храмах г. Пензы (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2044. Л. 11 об.).

В 1905 г. количество проповедей, произносимых священниками, не уменьшилось. Благочинные протоиереи Н. Любимов, П. Лентовский, В. Успенский, Н. Ювенский и священники В. Быстров,

А. Соколов отмечали, что православные шли на собеседования в большей части приходов епархии. В храмах после окончания воскресной вечерни охотно посещали и собеседования, совершаемые другими священниками в зданиях школ, в домах, а летом под открытым небом в церковных оградах (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2104. Л. 10).

Духовенство Пензенской епархии принимало участие в патриотических мероприятиях и проводях воинов на фронт. Так, 27 января 1904 г. состоялись проводы из г. Пензы на Дальний Восток 10-й роты 32-го Восточно-Сибирского полка, выделенной из 195-го Оровайского полка. В соборном храме епископом Тихоном совершено было молебствие, по окончании которого он обратился к воинам с напутственным словом об их священном долге. Затем, в сопровождении управлявшего губернией, начальника бригады и командиров воинских частей Его Преосвященство проследовал на площадь и окропил войска святой водою. 30 января в Кафедральном соборе Тихоном было совершено молебствие по случаю начавшейся войны на Дальнем Востоке. Перед молебствием был прочитан манифест о начале военных действий (Известия, 1904: 93).

Священники в военное время по-прежнему должны были вести обширную приходскую документацию. В приходах должны были вестись клировые ведомости (с 1769 г.). Священники обязывались доставлять в Братство или непосредственно в духовную консисторию отчеты о состоянии раскола и сектантства в тех приходах, где они состояли пастырями (О необходимости и способах, 1899: 203). Духовные лица составляли записи о рождении, венчании, смерти, а также приходящих к исповеди прихожан. Исповедные ведомости представляли собой список прихожан, где отмечались сведения о возрасте, а также наличии его на исповеди и св. причащении. Ведомости писались в двух экземплярах, один из которых оставался для хранения в церковно-приходской ризнице, другой отсылался в духовную консисторию. Во многих селах и преимущественно в городах, обязанность проверки возлагалась на дьякона или псаломщика, чаще на того и другого. Ведение исповедных росписей, в силу §4 высочайше утвержденного 1869 г. журнала Присутствия по делам православного духовенства и примечания §43 Инструкции благочинному поручалось младшим членам причта под наблюдением священника, по его распоряжению. Священник должен был следить за правильностью церковных книг и, в случае допущенных неточностей, исправлять их (Добронравов, 1899: 251-254). Исповедные росписи должны были быть при всех приходских церквях, один экземпляр отправлялся в консисторию или духовное правление к 1 октября (Устав, 1900: 4).

Помимо прямых обязанностей, духовный настоятель заведовал различными учреждениями в приходе. Например, в приходе сел Знаменский и Большой Буртас Керенского уезда, находились такие учреждения как: чайная Керенского уездного комитета попечительства о народной трезвости (с 1902–1907 гг.), народная библиотека и читальня, приют-ясли, столовая для голодающего населения (1907 г.) (Державин, 1909: 462). В Русско-японскую кампанию 1904–1905 гг. священник данных сел также наблюдал за деятельностью лазаретов для раненых и больных воинов. К тому же, приходских священников обязали оказывать медицинскую помощь крестьянам, пропагандировать санитарные знания и участвовать в борьбе с эпидемиями и массовыми болезнями (О необходимости и способах, 2014: 372). По поручению начальства духовенством могли выполняться и другие обязанности. Так, протоиерей А. С. Артоболевский исполнял обязанности члена училищного совета, цензора проповедей, в период с 1883-1907 гг. был увещателем при приводе к присяге в Пензенском окружном суде, а также законоучителем женского приходского училища с 1878–1907 гг. (Протоиерей, 1909: 468).

В начале XX в. в связи с возросшей политической активностью (что отчасти было связано с ведением и завершением войны) священникам было предписано конфиденциально через благочинных всем пастырям епархии, в особенности в октябре-декабре 1905 г. зорко смотреть за духовно-нравственным состоянием прихожан (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2104. Л. 13 об.). Пастыри должны были воздействовать на паству с целью «успокоения умов», предупреждать погромы и поджоги.

Круг обязанностей священника расширялся, с 1866 г. духовенство стало вести церковные летописи, с 1869 г. добавилась обязанность контроля над изготовлением просфор. К тому же, было необходимо отвечать на запросы всевозможных ведомств и учреждений. Существовали и неформальные обязанности. Епархиальными начальствами в разное время предписывалось причтам и церковным старостам строго наблюдать, чтобы двери церковные и денежные комоды были заперты замками внутренними и наружными, железные решетки в окнах были достаточной толщины, около церквей в темные ночи горели бы фонари, и было в ночное время 4-5 сторожей (Церковные кражи, 1903: 762-763).

Выполняло духовенство и информационную функцию, доводя до народа различные распоряжения и давая разъяснения об их содержании. Особенно актуальным это было в военное время. Священники внимательно следили за военными событиями, происходящими на фронте, и доносили эти известия до паствы. После объявления манифеста о начале военных действий необходимо было обнародовать прочтением после божественной литургии в городах и селах (Определения, 1904: 42-43).

Безусловно, важнейшей функцией приходского духовенства в «дни тяжелых испытаний» являлся призыв к пожертвованиям и его сбор. Приходские священники не только участвовали в деятельности благотворительных учреждений, но и лично жертвовали на военные нужды. Благочинным предписывалось объяснять причтам, чтобы они возвания митрополитов прочитывали в церквях с «приличными пояснениями и убеждениями» и приглашали прихожан к посильным пожертвованиям. Духовенство рассказывало прихожанам о том, что правительство «принимает все меры к возможно полному удовлетворению военных нужд, но эти нужды, можно сказать, неисчислимы». Сколько, например, необходимо хотя бы на Красный Крест, что война требует народных жертв.

В военное время духовенство и их семьи принимали участие в сборе пожертвований и изготовлении материалов для нужд армии. Молебные пения о даровании победы сопровождались краткой речью о нуждах военного времени и о нравственной обязанности помогать отечеству в удовлетворении этих нужд. Безусловно, если пастырь ограничивался только тем, что выносил кружку в своем храме, то многие прихожане могли не обратить на нее внимание. Речь пастыря была необходима, для более интенсивного сбора пожертвований (*Пастырь церкви, 1904: 278-280*).

Участие пензенского духовенства в сборе пожертвований на нужды армии, раненым и больным воинам, а также семьям пострадавших, было связано и с поддержкой общероссийских инициатив Святейшего Синода и епархиального начальства. Именно духовенство играло значительную роль в воспитании патриотических чувств и настроений в обществе. Деятельность духовенства в годы войны была весьма многогранной. Женские монастыри епархии принимали на полное монастырское иждивение и попечение осиротевших в годы войны. Например, Пензенский Троицкий монастырь принял на попечении 2 девочек (детей нижних чинов), Керенский Тихвинский – 5, Шиханский Покровский – 3 женщин (*Заботы монастырей, 1905: 1822*). Духовенство принимало участие в деятельности губернских и уездных комитетов по призрению семейств нижних чинов (*Участие духовенства, 1905: 29*).

14 марта 1904 г. в Пензенской духовной семинарии состоялся духовный концерт из двух отделений. Весь сбор с концерта, привлекшего довольно многочисленную публику, пожертвованы воспитанниками вместе с их собственными посильными жертвами на усиление русского военного флота по случаю войны с Японией. 20 марта ректор семинарии П. А. Позднев представил епископу Тихону доклад о патриотической деятельности воспитанников Пензенской духовной семинарии и их желании со своей стороны принести посильную жертву на усиление русского военного флота, по случаю войны Японии с Россией. От продажи билетов на концерт ими выручено 188 руб. 25 к., от продажи программ концерта – 9 руб. 60 к., кроме того, самими воспитанниками пожертвовано 25 руб. 60 к., а всего 223 руб. 45 коп. Из данной суммы 200 р. были внесены, в отделение Государственного банка для отсылки в комитет по сбору пожертвований на усиление военного флота (*Концерт, 1904: 281-282*).

5. Заключение

Т. о., приходское духовенство с началом войны выполняло различные обязанности, связанные с социальным служением церкви и государству. Круг обязанностей приходского священника был весьма широк, что было связано с тем, что приходское духовенство исполняло не только обязанности, возлагаемые на него духовными властями, но и распоряжения светской власти.

Среди направлений деятельности приходского духовенства Пензенской епархии в годы войны особое значение имела духовно-просветительская работа пастырей. Выполняло духовенство в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. и информационную функцию, доводя до народа различные распоряжения и давая разъяснения об их содержании, также священники доводили до паствы события, происходящие на фронте.

Мероприятия по сбору пожертвований охватывали большую часть населения империи, особо активно в годы войны в деле призрения военнослужащих и членов их семей. В военное время духовенство и их семьи принимали активное участие не только в сборе пожертвований, но и в изготовлении материалов для нужд армии.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-39-90007.

Литература

Барсов, 1885 – Барсов Т.В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Т. 1. СПб.: Синодальная типография, 1885. 860 с.

Гавриков, 2004 – Гавриков А.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. и православная церковь // *Вестник Международного центра азиатских исследований*. 2004. № 12. С. 165-170.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

- Державин, 1909** – Державин Е. Село Знаменское, Большой Буртас тоже, Керенского уезда Пензенской епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1909. №11. С. 462-464.
- Добронравов, 1899** – Добронравов И. Несколько слов о ведении исповедных ведомостей // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1899. №7. С. 251-254.
- Заботы монастырей..., 1905** – Заботы монастырей о призрении сирот воинов, убитых в войне с Японией // *Церковный вестник*. 1905. №43. С. 1822.
- Известия..., 1904** – Известия и заметки // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1904. №3. С. 93.
- Концерт..., 1904** – Концерт в Духовной семинарии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1904. №7-8. С. 281-282.
- Ледовских, 2019** – Ледовских Е.А. Неофициальный взгляд православной церкви на события Русско-японской войны (1904-1905) и революции (1905-1907) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2019. №3. С. 76-79.
- Миронов, 2014** – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.
- Нечаев, 2014** – Нечаев М.Г. Помощь уральского духовенства действующей армии в годы Русско-японской войны // *Вестник Пермского научного центра УРО РАН*. 2014. №4. С. 46-61.
- О необходимости и способах..., 1899** – О необходимости и способах изучения раскола // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1899. №6. С. 203.
- Объявляется признательность..., 1904** – Объявляется признательность Епархиального Начальства // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1904. №9. С. 96-97.
- Определения..., 1904** – Определения Святейшего Синода. От 28 января 1904 года за №409 по Высочайшему манифесту о войне Японией // *Церковный вестник*. 1904. №5. С. 42-43.
- Пастырь церкви..., 1904** – Пастырь церкви во время войны // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1904. №7-8. С. 278-280.
- Пожертвование..., 1904** – Пожертвование на нужды Русской армии и флот // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1904. №7-8. С. 283.
- Положение и деятельность..., 1881** – Положение и деятельность духовных пастырей в мордовских приходах Пензенской епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1881. №10. С. 6-7.
- Протоиерей..., 1909** – Протоиерей Алексей Семенович Артоболевский (некролог) // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1909. №11. С. 468.
- Пятнов, 2005** – Пятнов А.П. Приходское духовенство Пензенской епархии конца XVIII-начала XX века (проблемы генеалогии на примере семьи Пятновых) // *В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Материалы научной конференции*. Пенза. 25-26 июня 2001 года. Книга 2. М.: Наука, 2005. С. 250-258.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сельским священникам..., 1866** – О вменении сельским священникам в непрременную обязанность в церковных поучениях располагать крестьян к грамотности и обучению от 30 июня 1866 г. за № 1226. // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1866. №16. С. 233-234.
- Устав, 1900** – Устав духовных консисторий. С доп. и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената. СПб.: Юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1900. 232 с.
- Участие духовенства..., 1905** – Участие духовенства в деле организации помощи семействам воинских чинов, находящихся в действующей армии // *Прибавления к Церковным ведомостям*. 1905. №1. С. 29.
- Федорова, 2016** – Федорова Н.В. Проповеди и речи приходского духовенства Донской епархии в 60-70-е гг. XIX века в контексте реализации социальных функций церкви // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. №3-1. С. 178-183.
- ЦГАРМ** – Центральный государственный архив Республики Мордовия.
- Церковные кражи, 1903** – Церковные кражи и меры против них // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1903. №18. С. 762-763.
- Щербинин, 2004** – Щербинин П.П. Православное духовенство российской провинции в период Русско-японской войны 1904-1905 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://flatik.ru/p-p-sherbinin-tambov-pravoslavnoe-duhovenstvo-rossijskoj-provi> (дата обращения: 12.01.2020).
- Щербинин, 2013** – Щербинин П.П. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. № 9 (125). С. 334-341.
- Curtiss, 1965** – Curtiss J.S. Church and State in Russia: the last years of the Empire, 1900-1917. 1965. 442 p.
- Freeze, 1983** – Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis. Reform, Counter Reform. Princeton University. 1983. 546 p.
- Freeze, 1988** – Freeze G.L. From supplication to revolution: a documentary social history of Imperial Russia. Oxford univ. press. 1988. 331 p.

Freeze, 2006 – Freeze G.L. Russian Orthodoxy: Church, People, and Politics in Imperial Russia. Cambridge History of Russia. vol. 2 Ed. Dominic Lieven. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. Pp. 284-305.

References

Barsov, 1885 – Barsov T.V. (1885). Sbornik deistvuyushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovlenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya [Collection of current and governing church and church-civil regulations on the department of orthodox confession]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya. 860 p. [in Russian]

Curtiss, 1965 – Curtiss J.S. (1965). Church and State in Russia: the last years of the Empire, 1900–1917. 442 p.

Derzhavin, 1909 – Derzhavin E. (1909). Selo Znamenskoe, Bol'shoi Burtas tozhe, Kerenskogo uyezda Penzenskoi eparkhii [The village of Znamenskoye, a Large Burtas, too, Kerensky district of the Penza diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. №11. Pp. 462-464. [in Russian]

Dobronravov, 1899 – Dobronravov I. (1899). Neskol'ko slov o vedenii ispovednykh vedomostei [A few words about the management of confession records]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. №7. Pp. 251-254. [in Russian]

Fedorova, 2016 – Fedorova N.V. (2016). Propovedi i rechi prikhodskogo dukhovenstva Donskoi eparkhii v 60-70-e gg. XIX veka v kontekste realizatsii sotsial'nykh funktsii tserkvi [Sermons and speeches of the parish clergy of the don diocese in the 60s and 70s of the XIX century in the context of the implementation of the social functions of the Church]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. №3-1. Pp. 178-183. [in Russian]

Freeze, 1983 – Freeze G.L. (1983). The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis. Reform, Counter Reform. Princeton University. 546 p.

Freeze, 1988 – Freeze G.L. (1988). From supplication to revolution: a documentary social history of Imperial Russia. Oxford univ. press. 331 p.

Freeze, 2006 – Freeze G.L. (2006). Russian Orthodoxy: Church, People, and Politics in Imperial Russia. Cambridge History of Russia. vol. 2 Ed. Dominic Lieven. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 284-305.

GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [State archive of the Penza region].

Gavrikov, 2004 – Gavrikov A.A. (2004). Russko-yaponskaya voyna 1904-1905 gg. i pravoslavnaya tserkov' [The Russian-Japanese war of 1904-1905 and the orthodox church]. *Vestnik mezhdunarodnogo tsentra aziatskikh issledovaniy*. № 12. Pp. 165-170. [in Russian]

Izvestiya..., 1904 – Izvestiya i zametki [News and notes]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. №3. P. 93. [in Russian]

Kontsert..., 1904 – Kontsert v Dukhovnoi seminarii [Concert at the Seminary]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. №7-8. Pp. 281-282. [in Russian]

Ledovskikh, 2019 – Ledovskikh E.A. (2019). Neofitsial'nyi vzglyad pravoslavnoi tserkvi na sobyitiya Russko-yap onskoi voyny (1904–1905) i revolyutsii (1905-1907) [Unofficial view of the Orthodox Church on the events of the Russian-Japanese war (1904-1905) and the revolution (1905-1907)]. *Vestnik Voronezhskogo gos udarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. №3. Pp. 76-79. [in Russian]

Mironov, 2014 – Mironov B.N. (2014). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern [Russian empire: from tradition to modernity]. Part 1. Spb: Dmitrii Bulanin, 896 p. [in Russian]

Nechaev, 2014 – Nechaev M.G. (2014). Pomoshch' ural'skogo dukhovenstva deistvuyushchei armii v gody Russko-yaponskoi voyny [Assistance of the Ural clergy to the active army during the Russian-Japanese war]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra URO RAN*. №4. Pp. 46-61. [in Russian]

O neobkhodimosti i sposobakh..., 1899 – O neobkhodimosti i sposobakh izucheniya raskola [On the necessity and methods of studying the split]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1899. №6. P. 203. [in Russian]

Ob'yavlyaetsya priznatel'nost'..., 1904 – Ob'yavlyaetsya priznatel'nost' Eparkhial'nogo Nachal'stva [The appreciation of the Diocesan Authorities is announced]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. №9. Pp. 96-97. [in Russian]

Opredeleniya..., 1904 – Opredeleniya Svyateishego Sinoda. Ot 28 yanvarya 1904 goda za №409 po Vysochaishemu manifestu o voine Yaponiei [Definitions of the Holy Synod. From January 28, 1904 for no. 409 on the Highest Manifesto of the war by Japan]. *Tserkovnyi vestnik*. 1904. №5. Pp. 42-43. [in Russian]

Pastyr' tserkvi..., 1904 – Pastyr' tserkvi vo vremya voyny [Pastor of the church during the war]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. №7-8. Pp. 278-280. [in Russian]

Polozhenie i deyatel'nost'..., 1881 – Polozhenie i deyatel'nost' dukhovnykh pastyrei v mordovskikh prikhodakh Penzenskoi eparkhii [Position and activity of spiritual pastors in the Mordovian parishes of the Penza diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1881. №10. Pp. 6-7. [in Russian]

Pozhertvovanie..., 1904 – Pozhertvovanie na nuzhdy Russkoi armii i flot [A donation for the needs of the Russian army and navy]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. №7-8. p. 283. [in Russian]

Protoierei..., 1909 – Protoierei Aleksei Semenovich Artobolevskii (nekrolog) [Archpriest Alexey Semyonovich Artobolevsky (obituary)]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1909. №11. P. 468.

Pyatnov, 2005 – *Pyatnov A.P.* (2005). Prikhodskoe dukhovenstvo Penzenskoi eparkhii kontsa XVIII – nachala XX veka (problemy genealogii na primere sem'i Pyatnovykh) [Parish clergy of the Penza diocese of the late XVIII-early XX century (problems of genealogy on the example of the Pyatnov family)]. V.O. Klyuchevskii i problemy rossiiskoi provintsial'noi kul'tury i istoriografii. Materialy nauchnoi konferentsii. Penza. 25-26 iyunya 2001 goda. Kniga 2. M.: Nauka, pp. 250-258. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Sel'skim svyashchennikam..., 1866 – O vmenenii sel'skim svyashchennikam v nepremennuyu obyazannost' v tserkovnykh poucheniyakh raspologat' krest'yan k gramotnosti i obucheniyu ot 30 iyunya 1866 g. za № 1226 [About imputation by the rural priest in an indispensable duty in church instructions to dispose of peasants to literacy and training from June 30, 1866 for no. 1226]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1866. №16. Pp. 233-234. [in Russian]

Shcherbinin, 2004 – *Shcherbinin P.P.* (2004). Pravoslavnoe dukhovenstvo rossiiskoi provintsii v period Russko-yaponskoi voyny 1904-1905 gg. [Orthodox clergy of the Russian province during the Russo-Japanese war of 1904-1905]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://flatik.ru/p-p-scherbinin-tambovpravoslavnoe-duhovenstvo-rossijskoj-provi> (data obrashcheniya: 12.01.2020). [in Russian]

Shcherbinin, 2013 – *Shcherbinin P.P.* (2013). Deti-sirotы i ikh prizrenie v period voyn Rossii nachala XX v. [Orphans and their support during the Russian wars of the early twentieth century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. № 9 (125). Pp. 334-341. [in Russian]

TGARM – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya [Central state archive of the Republic of Mordovia].

Tserkovnye krazhi, 1903 – Tserkovnye krazhi i mery protiv nikh [Church thefts and measures against them]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1903. №18. Pp. 762-763.

Uchastie dukhovenstva..., 1905 – Uchastie dukhovenstva v dele organizatsii pomoshchi semeistvam voinskikh chinov, nakhodyashchikhsya v deistvuyushchei armii [Participation of the clergy in the organization of assistance to families of military ranks in the active army]. *Pribavleniya k Tserkovnym vedomostyam*. 1905. №1. P. 29. [in Russian]

Ustav, 1900 – Ustav dukhovnykh konsistorii. S dop. i raz'yasneniyami Svyateishego Sinoda i Pravitel'stvuyushchego Senata [Statute of spiritual consistories. With additional explanations from the Holy Synod and the Governing Senate]. St. Petersburg: Yurid. kn. mag. N.K. Martynova, 1900. 232 p. [in Russian]

Zaboty monastyre..., 1905 – Zaboty monastyre i o prizrenii sirot voynov, ubitykh v voine s Yaponiei [Concerns of monasteries about the care of orphans of soldiers killed in the war with Japan]. *Tserkovnyi vestnik*. 1905. №43. P. 1822. [in Russian]

Деятельность приходского духовенства Пензенской епархии в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ольга Васильевна Колпакова ^а, *

^а Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются основные функции приходского духовенства Пензенской епархии их изменение в условиях военного времени (на примере Русско-японской войны 1904–1905 гг.). Предпринята попытка осветить круг обязанностей, которые выполняло духовенство, а также особенности их служения в годы войны. Сделаны выводы о том, что духовенству принадлежал весьма обширный круг обязанностей, который увеличивался в военное время.

К разряду основных обязанностей приходского духовенства относилось служение в храме, проповедничество, требоисправление и миссионерская деятельность.

В годы войны, помимо своих непосредственных обязанностей, духовенство выполняло, в первую очередь, информационную и нравственно-просветительскую функции, а также обязанности, связанные с призывом прихожан жертвовать на нужды военного времени, организации лазаретов для больных и раненых воинов, оказание помощи семьям, пострадавших от военных действий. Основными источниками исследования послужили данные периодической печати (1904–1905 гг.) и материалы Российского государственного исторического архива.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Пензенская епархия, приходское духовенство, Русско-японская война 1904-1905 гг., обязанности приходского духовенства, проповедование, сбор пожертвований, попечение об нуждающихся.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 295-333. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.295
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Japanese Armored Cruisers and Mine-Torpedo Forces of the Opposing Sides During the Russian-Japanese War

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Ruslan M. Allalyev ^c, Natal'ya V. Miku ^d, Aude Médico ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article is an addition to a series of works on the correlation of the armored forces in the Russian-Japanese war of 1904–1905 and is devoted to the analysis of the quality and power of the "auxiliary" forces of the fleets, namely, the armored deck (light) cruisers of the Japanese fleet and the ratio of forces and tactical and technical characteristics of torpedo-boats and destroyer squadrons of both sides. The article examines the tactical and technical characteristics of all light cruisers of the fleet of the Land of the Rising Sun, and also provides a comparison with the closest "relatives" in the fleet of the Russian Empire. A brief classification of ranks in the British, Russian and Japanese navies is given, as well as a justification for the membership of the light cruisers *Teikoku Kaigun* to a certain rank, since this issue is debatable in historiography. The article also analyzes the mine-torpedo forces of the parties. The design and technical features of Russian types "Sokol", "Forel", "Kit"/"Kasatka"/"Bditel'nyi" and "Buinyi" ("Groznyi" type is not investigated, since the ships of this type have not come into operation by the beginning of the war) of destroyers are highlighted, as well as their Japanese *vis-à-vis* – the destroyers types "Murakumo"/"Sinonome", "Ikadzuti"/"Sazanami", "Sirakumo", "Kharusame"; compares their design and real characteristics, explores potential and real possibilities both in terms of solving their diverse tasks, and in open combat confrontation. A few words are also given to the ship that proved to be the most effective in terms of damage caused – a specialized mine transport (barrage) of the "Amur" type. Each analyzed type of vessel is accompanied by a corresponding photo with a brief description. We study some controversial issues in historiography, such as used artillery and ammunition, rank classification, evaluation of the effectiveness of the project and its technical implementation with justification of our point of view. It is also highlighted the conceptual features of the warring parties, the role and place of auxiliary forces in the views of the Russian and Japanese naval leadership. Due to the limited scope of this work, the analysis of the destroyers of the warring parties is not given.

Keywords: Russian-Japanese war, *Teikoku Kaigun*, Russian fleet, cruiser, light cruiser, armored deck cruiser, torpedo-boat, destroyer squadron, destroyer, minelayer.

1. Введение

Легкие крейсера (да и другие легкие силы в общем), а также минно-торпедные суда зачастую относят к вспомогательным, так как не им суждено решать исход морского сражения в частности, и войны в целом. Однако очень широкий круг выполняемых задач, так называемой «рутинной работы» по патрулированию, минным постановкам, рейдерским операциям, охране конвоев, ближней и дальней разведке, принадлежит как раз этим «вспомогательным» силам, делая их

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

своеобразными «рабочими лошадками» военно-морских сил. Порой именно от качества их работы напрямую зависит и результат войны. Применительно к Русско-японской войне нельзя не вспомнить удачную постановку скромного артурского минного заградителя «Амур», который, как известно, одним своим боевым выходом в море уничтожил больше вражеских сил, чем все остальные корабли русского флота, вместе взятые. Именно поэтому легким, вспомогательным силам противоборствующих сторон посвящены отдельные наши статьи; в данной работе исследуются легкие крейсера японского флота, а также минно-торпедные силы сторон.

2. Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили опубликованные источники, а также воспоминания участников описываемых событий.

В данном исследовании мы опирались на архивные материалы, опубликованные в трудах авторитетных исследователей флота, таких как Н.Дж. Кемпбелл (Campbell, 1978), С.А. Балакин (Балакин, 2013; Балакин, 2004; Афонин, Балакин, 2000; Афонин, Балакин, 2004), Н.Н. Афонин (Афонин, 2005а; Афонин, 2005b), Р.М. Мельников (Мельников, 1983; 1986), С.В. Сулига (Сулига, 1993), Ю.Ф. Каторин (Каторин, 2008), Ю.Ю. Ненахов (Ненахов, 2006) и др., а также источники, фигурирующие в дореволюционных справочных изданиях (напр., Брокгауз, Ефрон, 1890–1907).

Также нами были использованы мемуары современников-участников Русско-японской войны: В.И. Семенова, («Расплата» (Семенов, 1907), «Бой при Цусиме» (Семенов, 1906), «Цена крови» (Семенов, 1910), а также «Флот и Морское ведомство до Цусимы и после» (Семенов, 1911), В.П. Костенко «На «Орле» в Цусиме» (Костенко, 1955), М.В. Бубнова «Порт-Артур. Воспоминания о деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г.» (Бубнов, 1907), Н.Л. Кладо «Русский военный флот в Русско-японской войне» (Klado, 1905), П.К. Худякова «На пути к Цусиме» (Худяков, 1908), А.С. Новикова-Прибоя (Новиков-Прибой, 1977) и др.

В работе используются традиционные методы исторического исследования, такие как историко-генетический, историко-системный, историко-типологический и др.

3. Обсуждение

Тактико-технические характеристики русских легких крейсеров и тактику их использования в разное время исследовали в своих работах Н. Кладо, В. Семенов, С. Балакин, Р. Мельников, Ю. Каторин, А. Скворцов, С. Сулига, А. Степанов, А. Новиков-Прибой, В. Пикуль, Н. Кемпбелл, Ю. Ненахов, Н. Афонин и др.

Условно историографию можно разделить на дореволюционную, советскую и современную.

К дореволюционной следует отнести труды В.П. Костенко о строительстве и походе 2-й Тихоокеанской эскадры на броненосце «Орел» (Костенко, 1955); В.И. Семенова, который в трехтомном труде («Расплата» (Семенов, 1907), «Бой при Цусиме» (Семенов, 1906), «Цена крови» (Семенов, 1910), попытался проанализировать причины неудач русского флота в войне 1904–1905 годов, давая порой крайне нелестные оценки флотскому руководству и отечественному судостроительству. Нельзя не отметить и известную работу Н.Л. Кладо «Русский флот в Русско-японской войне» (Klado, 1905), в которой автор дает не только оценку русским кораблям, но и остро критикует военно-морское руководство Российской империи; данная работа была издана в Лондоне, так как столь бескомпромиссный с точки зрения цензуры труд априори не смог бы издаваться в России.

В советское время широкую популярность получил роман «Цусима» участника Цусимской битвы А.С. Новикова-Прибоя (Новиков-Прибой, 1977), сражавшегося на броненосце «Орел» и попавшего в японский плен. Также нельзя не отметить и двухтомное исследование «Порт-Артур» советского историка и литератора, а также одного из наиболее авторитетных исследователей Русско-японской войны А.Н. Степанова (Степанов, 1983), который описывает осаду крепости и дает общие характеристики кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры и действий противоборствующих флотов.

Современная историография значительно более глубока и разнообразна, при этом она опирается на значительный пласт архивных материалов. Непосредственно легким крейсерам японского флота и эсминцам противоборствующих сторон посвящены комплексные справочные труды о крейсерах и миноносцах С.С. Бережного (Бережной, 2002), Ю.Ю. Ненахова (Ненахов, 2006), Ю.Ф. Каторина (Каторин, 2008), С.А. Балакина (Балакин, 2013; Балакин, 2004; Афонин, Балакин, 2000; Афонин, Балакин, 2004), Р.М. Мельникова (Мельников, 1983; 1986), Н.Н. Афонина (Афонин, 2005а; Афонин, 2005b) и др.

4. Результаты

При военно-историческом анализе крейсерских сил противоборствующих сторон сразу в глаза бросается различие в концепциях ведения морской войны русского и японского военных флотов. Этой проблеме посвящена отдельная статья (Mamadaliyev et al., 2018). В рамках данной работы отметим только, что Россия в строительстве крейсеров всецело ориентировалась на выбранную рейдерскую стратегию ведения войны.

Япония же на протяжении двух десятков лет после «реставрации Мейдзи», в 70–80-х годах, еще не имела собственных концептуальных военно-морских взглядов, попеременно ориентируясь на британскую и французскую кораблестроительные школы. Результатом стали два крейсера II ранга типа «Нанива»: головной корабль и его сестершип «Такачихо». Строить мощные и дорогие броненосцы в тот момент японцам было нецелесообразно, во-первых, по экономическим, во-вторых – по концептуальным и тактическим соображениям, поскольку не было четкого представления, где и как применять линкоры.

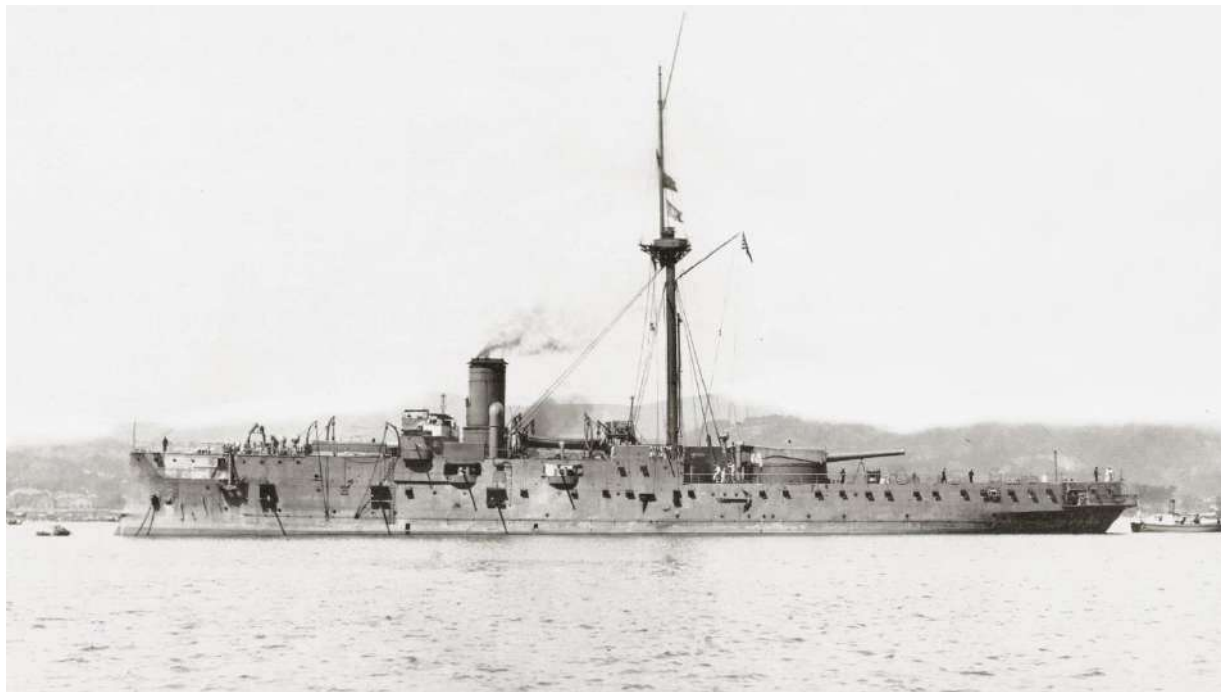

Рис. 1. Крейсера типа «Мацushima» (1890) стали венцом японского воплощения идей Э. Бергэна и последними крупными кораблями Тейкоку Кайгун, созданными по «философии» «молодой» школы

После того как в Японию был приглашен легендарный французский кораблестроитель Эмиль Бергэн, он сумел «заразить» адмиралов Тейкоку Кайгун¹ идеями «молодой школы», предусматривавшей мысль о том, что для потопления дорогих линкоров достаточно дешевых и небольших по водоизмещению судов, вооруженных либо торпедным оружием, либо мощнейшими артиллерийскими системами. Венцом этих идей стали три артиллерийских корабля по французскому проекту типа «Мацushima» («Мацусима»²) (1889–1991), которые надлежало использовать вместе: «систершипы»³ «Итсукушима» (1989) и «Хасидате» (1991) «олицетворяли» носовую башню линкора, неся в носу по одному мощнейшему 320-мм орудью, «Мацushima» – заднюю, неся аналогичное орудие в корме. Корабли были около 4200 тонн водоизмещения, имели мощное 300-миллиметровое бронирование барбетов орудия и небольшого бортового комингса, прикрывавшего верхнюю часть паровых машин, а также тонкую 50-миллиметровую карапасную бронепалубу. Вспомогательную артиллерию составляли двенадцать только что появившихся скорострельных 120-мм патронных орудий и около полутора десятков (количество их на трех кораблях различалось) 47-мм и 37-мм «противоминных» пушек, весьма эффективных для 80-х годов XIX века и совершенно бесполезных для начала XX века, а также таких же бесполезных четырех 356-мм торпедных аппарата. В движение суда приводили две паровые машины тройного расширения мощностью (5550–6519 л.с.) с питанием от шести цилиндрических паровых котлов; максимальная скорость составляла около 16,5 узлов (Каторин, 2008; 35), что было вполне достаточно ко времени их создания. Дальность плавания у всей

¹ Дай-Ниппон Тэйкоку Кайгун – «Флот Великой Японской империи»; японский военный флот.

² Различное написание одних и тех же названий судов в разных источниках связаны с особенностями японского произношения.

³ Термин «систершип» (от англ. sister – «сестра», ship – «корабль», т.е. «корабли-сестры», «двойняшки», одинаковые корабли) означает практически полную конструктивную схожесть кораблей, в том числе и их силуэтов и «дизайна», однако «Мацushima» по конструкции значительно отличалась от «отнотипных» «Итцукушимы» и «Хасидатэ». Поэтому применительно к этим кораблям термины «систершип» и «однотипные» нами взяты в кавычки.

троицы была весьма приличной – 6000 миль; очевидно, что японцы руководствовались агрессивными планами и строили «дальнобойные» и высокоавтономные корабли.

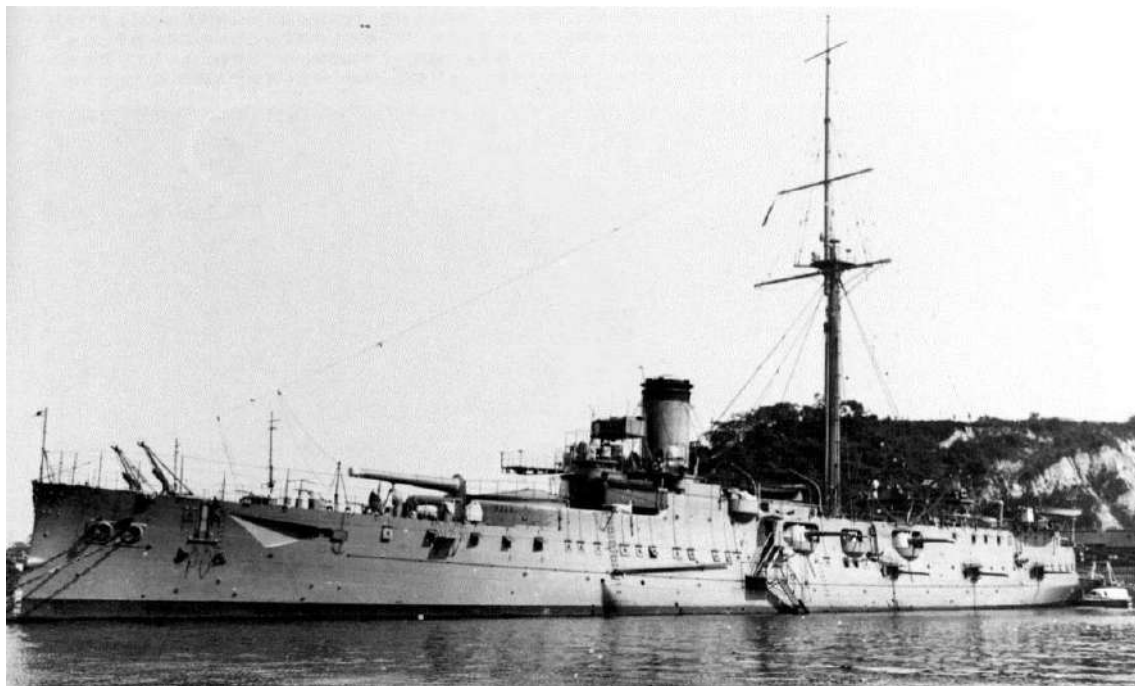

Рис. 2. В отличие от головной «Мацусимы» «однотипные» «Итсукушима» (1889) и «Хасидатэ» (1891) имели носовое расположение орудия главного калибра

Однако перед строительством этих «дешевых монстров» японцы перестраховались и четырьмя годами ранее заказали у англичан (а британская школа кораблестроения была наиболее авторитетной, равно как и ее самый сильный в мире флот; однако англичане денег на флот совершенно не жалели, прекрасно понимая, что он – единственная надежная защита и метрополии, и колоний Великобритании; вскоре этот подход будет перенят и Тейкоку Кайгун) два корабля чуть поменьше и несколько иной «философии», но тоже в рамках «французской школы».

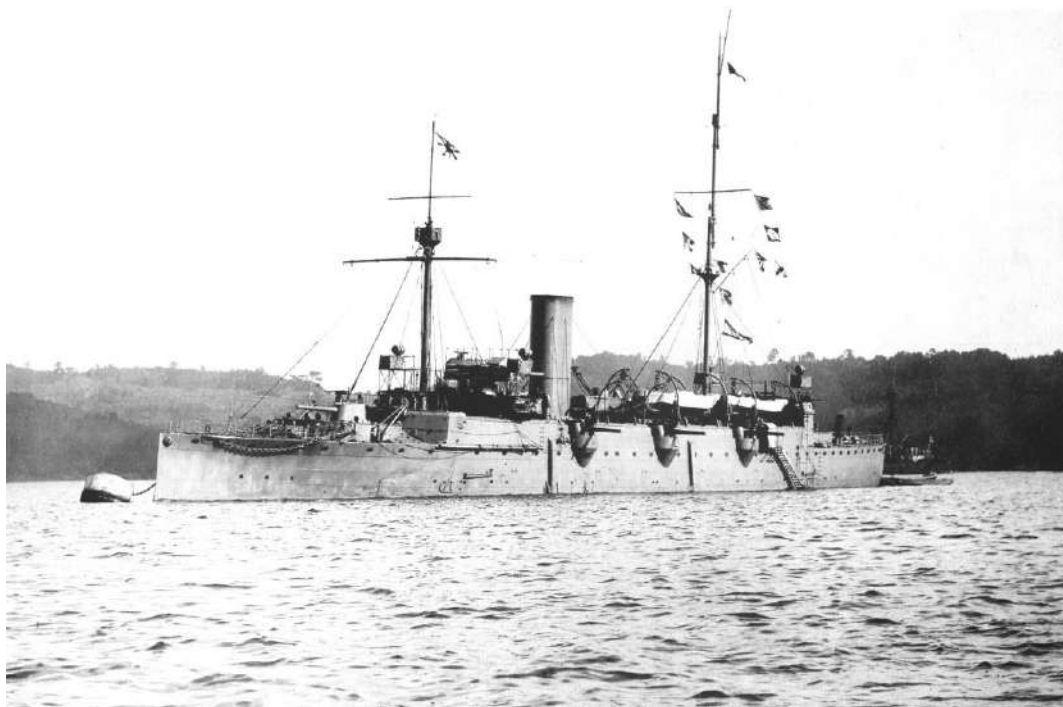

Рис. 3. Крейсера типа «Нанива» (1885), несмотря на то, что строились в Великобритании, стали первым опытом Тейкоку Кайгун «копирования» идеи французской «молодой» школы

Головной «Нанива» (1885) и систершип «Такачихо» имели проектное водоизмещение 3650 тонн, полное – 4150 тонн (Каторин, 2008; 34), однако вооружены были двумя значительно меньшими – 260-мм – одиночными орудиями в носу и корме и не защищенными так же монументально, как на «мацущимах». Скорость была великолепной для середины 80-х годов XIX века – 18,7 узлов (низкобортные броненосцы того времени реально выдавали не более 13 узлов) при проектной мощности трех паровых машин в 7500 л.с.; однако много лучшей была дальность плавания – 10 тысяч миль! Вероятно, японцы их предполагали использовать и в качестве рейдеров, которым была не страшна встреча даже с броненосцами противника. Несмотря на то, что на испытаниях «Нанива» не смогла достичь проектной мощности машин и развила лишь 18,5 узлов (что, по большому счету, не существенно), да и экономичность трехвальной энергетической установки на практике оказалась значительно хуже (как, собственно, и у отечественных броненосцев-крейсеров типа «Пересвет» и крейсеров типа «Диана») – 8 000 у «Нанивы» и 9 000 у «Такачихо» на 10-узловом экономическом ходу, отнюдь не эти причины стали досадным разочарованием японских адмиралов во французской концепции «молодой школы».

Японо-китайская война 1894–1895 годов показала полнейшую несостоятельность «нанив» и «мацущим»: крайне медлительные огромные пушки делали выстрелы очень редко (например, в битве при Ялу «Мацущима» делала в среднем около одного выстрела в час, не добившись сколько-либо серьезного урона неприятелю; зато китайские 12-дюймовые (305-мм) фугасные снаряды, выпущенные из недальнобойных короткоствольных 25-калиберных устаревших орудий броненосца «Женьюань» (1882) (будущий японский трофей, названный идентично по-японски «Чин-иен»), вывели из строя единственное крупное орудие крейсера, треть 120-мм «скорострелок» и едва не привели судно к гибели, вызвав тотальные разрушения небронированных конструкций и погребов орудий вспомогательной артиллерии. Столь же бесполезны оказались и крейсера типа «Нанива». Последняя, в частности (причем под командованием не кого-либо, а будущего триумфатора Русско-японской войны, «азиатского Нельсона», капитана I ранга Хейхатири Того), в битве под Асаном прославилась только тем, что произвела первый выстрел в Японо-китайской войне, а позднее потопила один незащитный пароход. Вместе с тем тоже «эльсвикский» новейший крейсер II ранга «Йосино» (1892), но совершенно другой «философии», вооруженный только скорострельными 152-мм и 120-мм орудиями, блистал в битве при Ялу, используя отличную скорость и количество выбрасываемого из стволов в минуту металла. Поэтому заказанный 1889 году и спущенный на воду в 1892 году «Акицущима» (водоизмещение 3150 тонн, скорость 19 узлов), первоначально похожий на тип «Мацущима», был перевооружен еще в ходе строительства на четыре 152-мм и шесть 120-мм орудия, однако удачным кораблем от этого совершенно не стал. Он стал первенцем японской кораблестроительной промышленности, будучи собранным в Японии из «британского конструктора».

Можно констатировать, что именно в 1892 году японцы окончательно поняли бесперспективность идей Э. Бергэна и «перебежали» от «французов» к «англичанам». И если дорогие мощные «капитальные» корабли первой линии еще слабая японская экономика строить не позволяла (да и не было четкой «программы» их использования), то легкие второклассные¹ крейсера – вполне.

И Япония приступает к строительству так называемых «эльсвикских» крейсеров. Такое прозвище они получили потому, что стали детищами верфи Армстронга, которая располагалась в городе Эльсвик (Великобритания) и называлась «Elswick Ship Building Yard» («Эльсвикская верфь»). Компания была на подъеме, ибо в ней трудились великолепные специалисты (некоторые из которых, в частности Уильям Уайт и Филипп Уоттс, достигли вершины карьеры для любого корабля в мире, став главными кораблестроителями Королевского флота). Несмотря на то, что верфь создавала еще и превосходные линкоры, с чьей-то «легкой руки» все полсотни бронепалубных и броненосных крейсеров, построенных на экспорт для более чем десятка государств по всему миру, стали называть

¹ Применительно к флоту, термин «класс» в популярной и специализированной литературе общепринято употребляется для обозначения типа корабля, исходя из его назначения и/или особенностей конструкции (например, «класс крейсеров» или «корабль линкор-класса»). Однако в отечественной литературе и историографии термины «класс» и «ранг» порой используются как синонимы, обозначая таким образом рейтинг судна внутри определенного типа. Причем такая особенность присутствует не только в художественной и популярной, но также и в специальной военной и научной литературе. Синонимизация терминов берет свое начало от английского обозначения ранга корабля как «rate»; например, парусный корабль/линкор I ранга по-английски звучал как «first rate ship»; буквально – «перворейтинговый» (т.е. занимающий первое место в классификации) корабль». В английском языке слово «rate» имеет значение «класс» или «ранг», поэтому словосочетание «first rate ship» можно совершенно безошибочно перевести на русский язык как «перворанговый» или «первоклассный» корабль, что, собственно, и делают многие авторы. Поэтому в данной работе термины «ранг» и «класс» будут употребляться нами как синонимы.

«эльсвикскими», первым из которых стала построенная для Чили «Эсмеральда» (1883) – будущий японский «Идзуми».

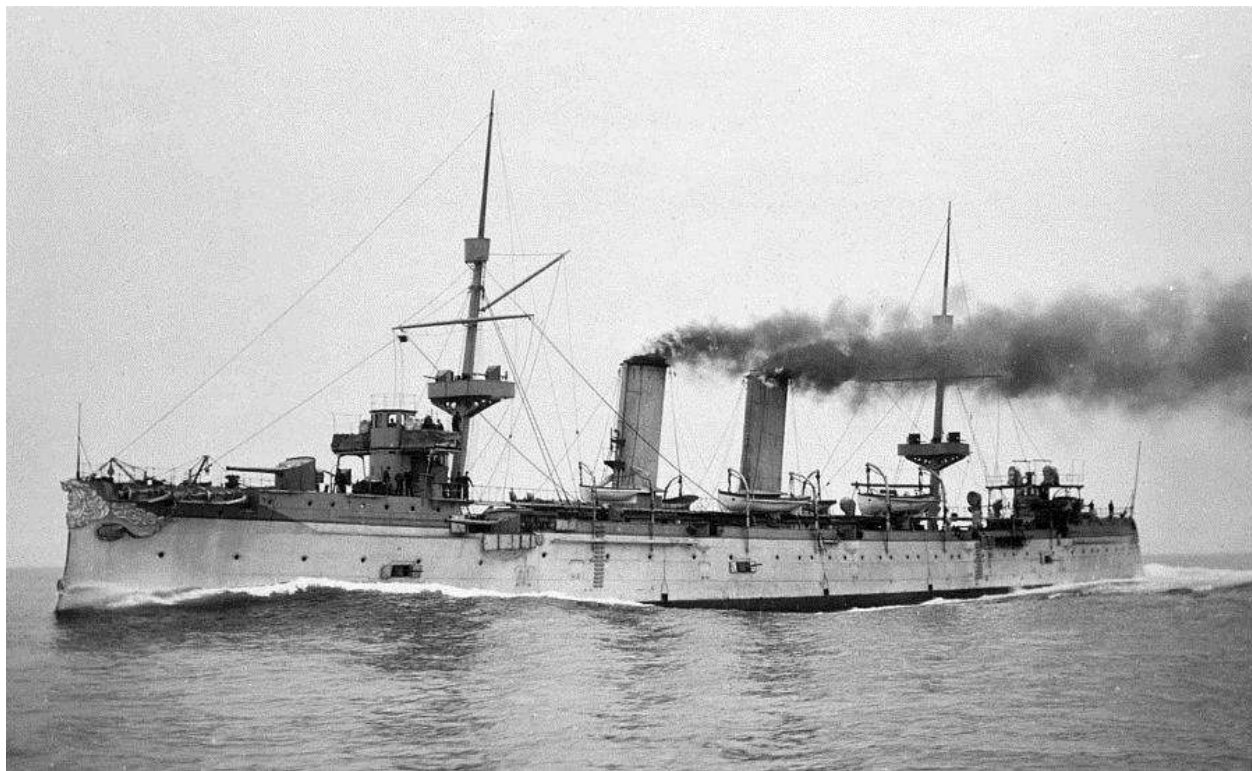

Рис. 4. Построенный в Эльсвике крейсер II ранга «Йосино» (1892) с отличными для своего времени создания и водоизмещения тактико-техническими характеристиками стал прототипом для бронепалубных судов японского производства

Первым «японским» «опытом» стал уже упомянутый «Йосино». Его отличала великолепная скорость хода в 23 узла (это было рекордом для корабля такого водоизмещения (см., в частности, [Каторин, 2008; 35](#)), ставшая позднее стандартом для бронепалубных крейсеров (и значительной части броненосных, в особенности британских), огромный запас угля в 1 000 тонн, который позволял преодолевать 9 000 миль на 10 узлах. При этом корабль имел мощное для своего класса бронирование при относительно небольшом водоизмещении в 4217 тонн (с полным запасом угля – 5150 тонн). Карапасная «черепахоподобная» броневая палуба «накрывала» котельные и машинные отделения, причем ее толщина на скосах в центре была очень внушительной для легкого крейсера – 115 мм (для сравнения: на русских первоклассных «шеститысячниках» «стандартом» считались 76 мм, а «дианы» и вовсе имели 63 мм), утончаясь к носу и корме, а также в горизонтальной части до 45 мм. Качественно были защищены и орудия – толщина брони щитов составляла 115 мм и гарантировала защиту от русских «противоминных» 3-дюймовых орудий, не имевших фугасных боеприпасов; надежную защиту эти щиты давали и от среднекалиберной артиллерии на средней и дальней дистанциях. Вооружение было достаточно противоречивым: четыре 40-калиберных 152-мм (6-дюймовых) орудия при восьми аналогичной длины 120-мм пушках. Имея разную дальность и особенности прицеливания, вести залповый огонь на дальние дистанции было проблематично; также это нивелировало скорострельность «стодвадцаток», которые были быстрее «шестидюймовок». На близких дистанциях при ведении «беглого» огня разница не была особенно ощутимой, однако, как показала практика Японо-китайской 1894–1895 гг. и Испано-американской войн 1898 г. (и в полной мере – будущая Русско-японская война), было значительно выгоднее иметь единообразный калибр: как главной и средней, так и противоминной артиллерии. Поэтому разнокалиберность «Йосино» была, скорее, его недостатком. Интересным представляется «погонное» расположение 6-дм орудий по модной в те годы «ромбической» схеме: три из четырех орудия могли стрелять как на борт, так и по носу. «Противоминную» артиллерию составляли 22 мелких 47-мм пушки – эффективные против 40–60-тонных миноносцев начала 90-х годов XIX века, но бесполезные против 400-тонных русских эсминцев типов «Кит» или «Буйный». Предусматривалось и расположение пяти 356-мм (14-дм) торпедных аппаратов. Мощность двух машин тройного расширения при 12-ти огнетрубных котлах составляла 15 000 л.с. Экипаж включал 26 офицеров и 359 нижних чинов.

Получив «прототип», японские верфи попытались скопировать его, в результате чего на свет появились уже «настоящие первенцы» японского военного кораблестроения, спроектированные и построенные полностью в Японии и из местного сырья (за исключением экспортируемых пушек Армстронга), – два крейсера II ранга типа «Сума» (1895). Вместе с тем их параметры не были абсолютно идентичными, хотя их и принято считать «настоящими» систершипами.

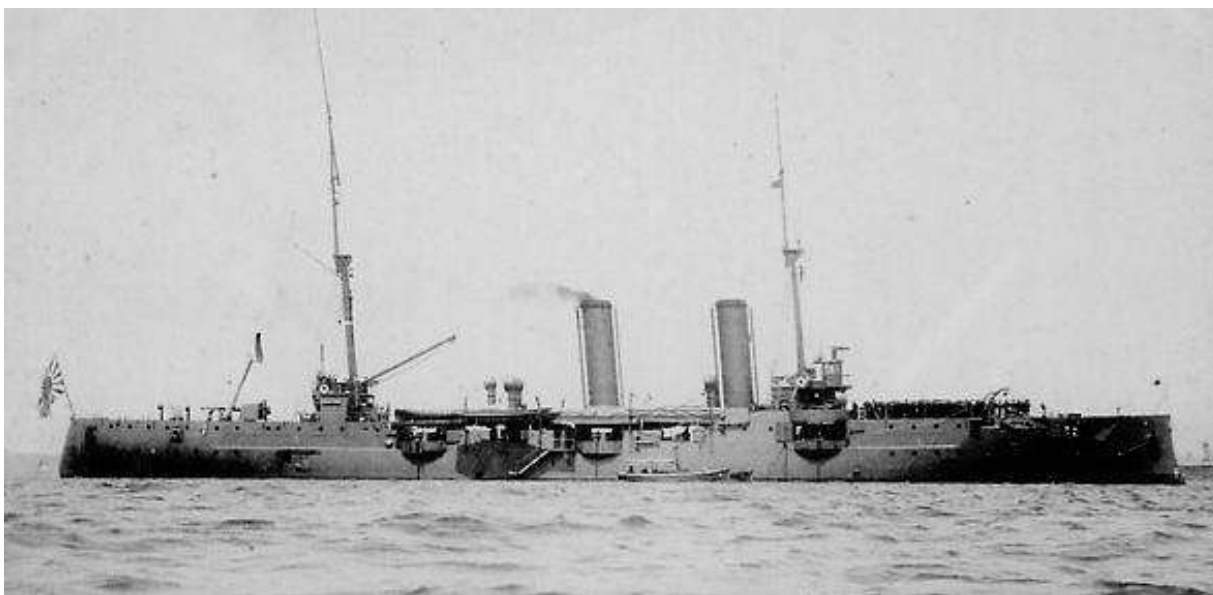

Рис. 4. Крейсера II ранга типа «Сума» (1895) стали полностью японским продуктом, выполненным «по образу и подобию» бронепалубных «эльсвикских» крейсеров, однако «местное» воплощение британской идеи стало далеко не лучшим

Корабли были построены Морским арсеналом в г. Йокосука в течение четырех («Сума») и пяти («Акаси») лет соответственно, что в те времена считалось весьма посредственным показателем скорости строительства военного судна водоизмещением до трех тысяч тонн. Неумное стремление конструкторов совместить максимум возможностей при минимуме затрат (а именно – минимально возможном водоизмещении) привело к отнюдь не желательным последствиям. Желание использовать корабли столь малого водоизмещения (2657 «длинных» английских тонн, 2700 обычных) в качестве рейдеров, выдвинули требования к хорошей мореходности и дальности плавания. В итоге достаточно высокий полубак и полуют, на которые «взгромоздились» 152-мм орудия главного калибра с мощными и тяжелыми 115-миллиметровыми бронешитами, значительно снизили метацентрическую высоту и, соответственно, остойчивость кораблей. Несмотря на высокий борт в конечностях, моряки «сум» негативно отзывались об их мореходности: корабли зарывались носом в воду, плохо восходили на волну и слушались руля, чрезмерной была бортовая качка. Дальность плавания без преувеличения можно назвать выдающейся (по проекту – 10 000 миль), причем при относительно небольшом запасе угля (нормального в 200 тонн хватало на 4 000 миль, максимального в 600 тонн – на 11 000 миль в реальной эксплуатации). Однако феноменальная автономность достигалась не только экономичностью двух паровых машин тройного расширения, питавшихся от восьми цилиндрических котлов, но и прежде всего их маломощностью (8 384 л.с., проектная 8 500 л.с.). Результатом стала весьма низкая для крейсера максимальная скорость в 20 узлов, которой было явно недостаточно для того, чтобы «убежать» от русских рейдеров-«шеститысячников» (за исключением «диан»); справедливости ради надо отметить, что создавались корабли типа «Сума» значительно раньше русских «первоклассников» (которые, в свою очередь, создавались как раз против японских «второклассников») и для своего времени их ход был в целом приемлемым. Разумеется, не только скорость, но и вооружение не позволяли этим судам конкурировать с рейдерами российского флота: двух 152-мм и шести 120-мм орудий было явно недостаточно. Однако против второранговых русских крейсеров, вооруженных шестью-восемью 120-мм орудиями, артиллерия «японцев» была более чем конкурентоспособна; другое дело, что ход отечественных «второклассников» (за исключением «Боярина») был значительно выше и уйти от «сум» (или выбрать комфортную позицию, например, с наветренной стороны или имея солнце «за спиной») им не представлялось какого-либо труда.

За исключением щитов 6-дюймовых орудий, бронирование было весьма посредственным, что и не удивительно с учетом малого водоизмещения крейсеров типа «Сума»: карапасная броневая палуба имела толщину в 50 мм на бортовых скосах и 25 мм в оконечностях, а также в горизонтальной части;

от 152-мм бронебойных русских боеприпасов на дистанциях ближе 25 кабельтовых она уже не защищала, даже несмотря на невыгодный для снаряда угол встречи.

В довершении всего машинная установка крейсеров этого типа оказалась весьма ненадежной: в частности, во время боя в Желтом море 28 июля 1904 года¹ из-за поломки машин головной «Сума» не мог развивать полного хода и вынужден был действовать вместе с устаревшими тихоходами 5-го отряда (в который как раз входили вышеупомянутые «Хасидатэ», «Мацушима» и «Чин-Иен»), отстав в конце боя даже от них и лишь по счастливой случайности едва не попав «под раздачу» прорывавшихся «Аскольда» и «Новика». Вместе с тем крейсера типа «Сума» стали прекрасной «рабочей лошадкой» Тейкоку Кайгун, а «разносторонние способности» позволяли им и конвоировать транспорты, и заниматься разведкой, и добывать поврежденные русские корабли, и осуществлять поддержку собственной пехоты. И в отличие от российских «диан», неудачные «со стапеля» «сумы» в боевых условиях оказались очень полезны (критерий «эффективны», пожалуй, вряд ли подойдет) и, на наш взгляд, свою стоимость всецело оправдали. Сам факт того, что корабли этого типа активно использовались также в Первую мировую войну и были исключены из списков флота лишь в 1928 году, говорит о том, что флоту они оказались нужны.

В 1896 году по результатам (и денежным вливаниям с репараций и кредитов!) Японо-китайской войны руководство Тейкоку Кайгун приняло программу модернизации флота, заказав «капитальные» корабли максимального водоизмещения и сделав ставку на приоритет ударных боевых качеств: бронирование – огневая мощь – скорость (подробнее об этом, см., в частности, Mamadaliev et al., 2018; Mamadaliev et al., 2019a; Mamadaliev et al., 2019b). Понимая, впрочем, что в противостоянии с Россией, помимо «тяжелых» судов, нужны будут и «собачки» (так называли русские моряки «рабочие лошадки» японского флота), по «Второй чрезвычайной программе пополнения флота» 1896 года были заказаны и легкие крейсера, первым из которых стал «эльсвикский» «Такасаго» (1897), а также заказанные в США его «клоны» типа «Касаги» (1898) – головной корабль и систершип «Читосэ».

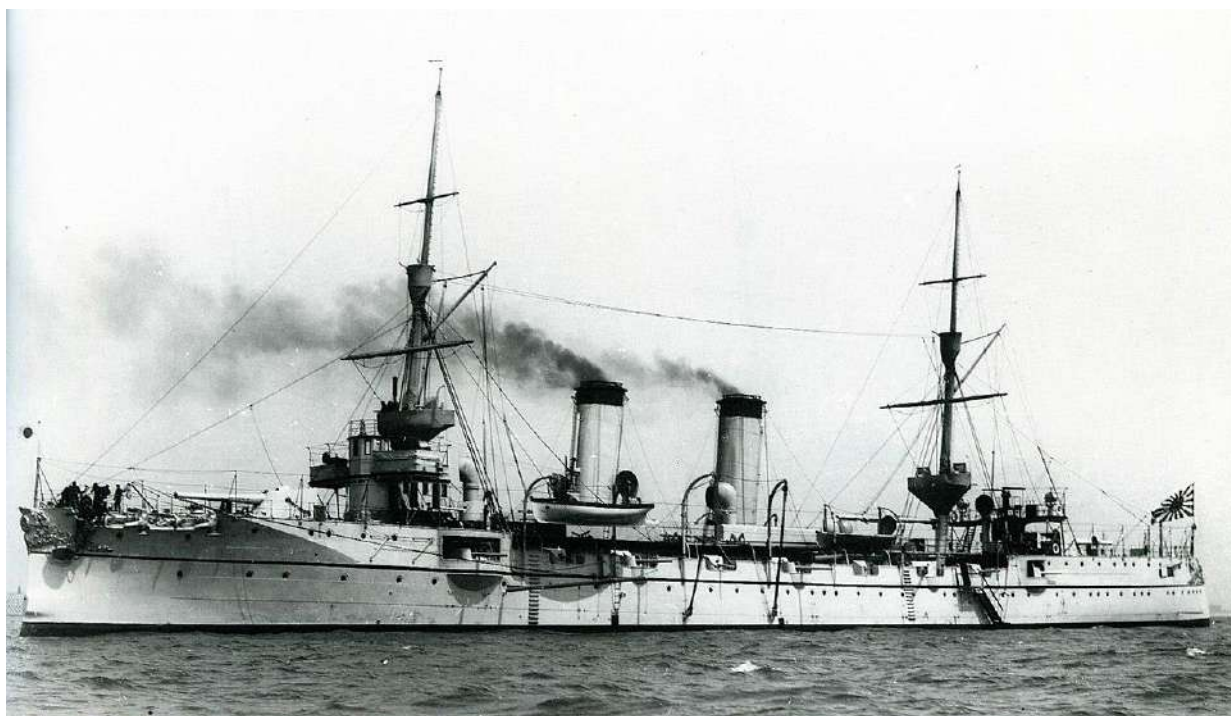

Рис. 5. Крейсер II ранга «Такасаго» (1897) всецело подтвердил непревзойденный в конце XIX века уровень британского кораблестроения, а его мощь «заставляет» историков «на равных» сравнивать его с бронепалубными отечественными крейсерами I ранга

В отличие от «Йосино», японские адмиралы решили увеличить водоизмещение, «утяжелить» артиллерию главного калибра до 203-мм и усилить броню для противодействия снарядам аналогичного калибра.

«Такасаго» в очередной раз доказал полнейшее превосходство британского кораблестроения конца XIX века над американским (как, впрочем, и всех остальных «кораблестроительных» держав): не удивительно, что и это судно, и революционный «Дредноут» (1906) проектировал один и тот же

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

человек – гениальный английский корабельщик Филипп Уоттс. При водоизмещении в 4 227 тонн, длине 118,2 м, ширине почти 14,78 м и осадке 5,18 м корабль был вооружен исключительно мощно. Два 203-мм (8-дм) 45-калиберных¹ орудия имели угол подъема в 24 градуса и могли посылать снаряд массой 113,4 кг на расстояние в 18 км с начальной скоростью 760 м/с. Главный калибр дополняли десять скорострельных 120-мм орудий «основного» калибра. Однако, в отличие от предыдущих крейсеров, предусматривались также и двенадцать «трехдюймовок» (76-мм) «противоминного» калибра. Шесть 47-миллиметровок после вышеперечисленного уже попросту не идут в счет. Нашлось место и для пяти 457-мм торпедных аппаратов – для быстроходного легкого крейсера (в отличие, к примеру, от линкоров) совсем не лишнее оружие.

Еще более внушительным было бронирование, которому по проекту предполагалось противостоять 203-мм русским боеприпасам броненосных крейсеров.

Скосы карапасной броневой палубы имели толщину 114 мм (против 63–76 мм на русских бронепалубных крейсерах I ранга), что с учетом углов наклона делало их неуязвимыми для 8-дюймовых снарядов. В горизонтальной части толщина ее также была весьма приличной – 63 мм. Щиты орудий были бронированы также очень надежно: в лобовой части толщина листа стальной гарвеевской брони была 114 мм, боковых «стенок» – 63 мм. Конечно, они не защищали от близкого разрыва фугасного боеприпаса так же, как башенные установки с круговым бронированием (по примеру «Богатыря»), однако это было намного лучше, чем 25-миллиметровые щиты на «Аскольде» или же вовсе их полное отсутствие, как на «Варяге» и «Дианах».

При великолепном вооружении и бронировании «Такасаго» имел и вполне достойную проектную максимальную скорость в 22,5 узла (а в реальной эксплуатации даже на узел больше!), которую обеспечивали две паровые машины тройного расширения мощностью в 15 500 л.с. Пар давали 12 котлов, четыре из которых были двойными. Однако дальность плавания была достаточно скромной в сравнении с вышеописанными судами (впрочем, она, в целом, вполне соответствовала русским бронепалубным рейдерам) и составляла 5 000 миль экономическим 10-узловым ходом. С учетом того, что проектная дальность составляла 16 000 миль (Каторин, 2008; 36) и корабль изначально был явно с рейдерскими «корнями», подобная экономичность энергетической установки стала полнейшим разочарованием для японских моряков и британских судостроителей. Котлы, действительно, оказались «пожирателями угля» – полный запас топлива составлял 1 000 тонн (нормальный – 350 тонн). Экипаж включал в себя 425 человек, из которых 24 офицера и 401 нижний чин.

Недостатками корабля, как и в случае с японскими броненосными «эльсвикскими» крейсерами, стали продолжения его достоинств. Достаточно низкий борт делал корабль посредственным «ходоком»; развитый полубак и полуют несколько исправляли ситуацию (мореходность, в частности, была лучше второрангового русского «Новика» германской постройки без соответствующих особенностей конструкции), но до первоклассных отечественных рейдеров было весьма далеко. Низкой оказалась и остойчивость, даже несмотря на максимально заниженные «боевые» марсы. И, конечно же, всемерная экономия на весе и прочности корпуса, что в итоге и скажется на судьбе корабля, о чем будет сказано ниже.

Впрочем, рейдерские операции (из-за недостаточной дальности плавания) среди задач крейсера отошли на последний план; в итоге судно предназначалось для борьбы с второранговыми (которых в полном смысле этого слова еще даже не было!) и устаревшими кораблями русского флота (а, как видим, могли не без шанса на успех бороться даже с русскими легкими крейсерами I ранга), с эсминцами противника и прежде всего ближней разведкой при эскадре и около вражеских баз. «Такасаго» постоянно маячил на горизонте Порт-Артура, вынуждая выходить в море «Аскольд» или «Баян» и прятаться «Новику»; корректировал действия миноносцев и брандеров под Артуром, а также перекидной огонь по гавани и городу. Наиболее ретивая «собачка» Тейкоку Кайгун постоянно вела наблюдение за кораблями 1-й Тихоокеанской эскадры (в том числе и при интернировании в Циндао после боя в Желтом море), активно «огрызаясь» при преследовании. Заложенные в корабле великолепные характеристики сделали «Такасаго» одним из самых эффективных кораблей Русско-японской войны.

¹ Данные о 45 калибрах длины указывает Дж. Кемпбелл (Campbell, 1978; 128); отечественные источники, опубликованные ранее и опирающиеся на российские дореволюционные архивные материалы, указывают длину в 40 калибров (Семенов, 1906, 109; Костенко, 1955, 70 и др.). Более достоверными представляются данные Кемпбелла, основанные на японских и британских источниках, в которых эти орудия фирмы Армстронга фигурируют как «8"/45 (20.3 cm) EOC Patterns S» (ставшее «типом 41» в японском флоте), где первая цифра (8 дм / 20,3 см) показывает калибр снаряда, вторая (45) – длину ствола; аналогичные пушки у Тейкоку Кайгун в период Русско-японской войны были установлены на легких «Касаги», а также на броненосных крейсерах (за исключением «Чиоды»). С.И. Титушкин «ставит» 40-калиберные восьмидюймовки на броненосные крейсера типа «Асама», а 45-калиберные – на тип «Касуга» и бронепалубные крейсера (Титушкин, 1994; 31).

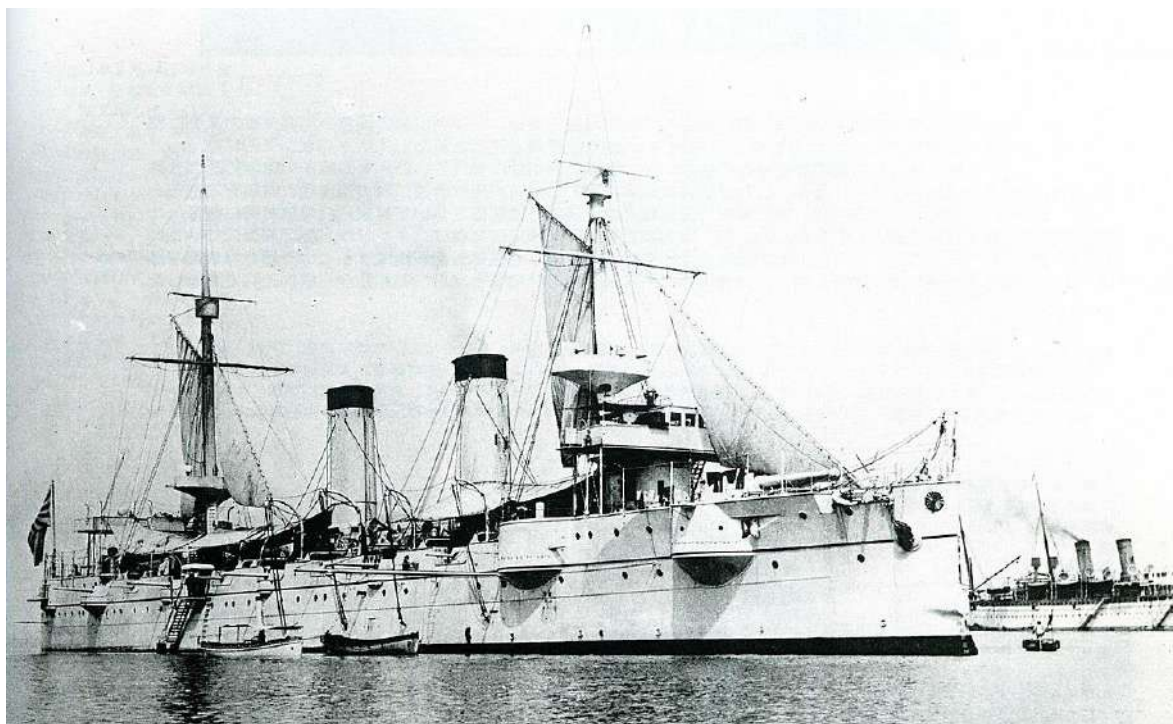

Рис. 6. Крейсера II ранга типа «Касаги» (1898) стали «проверкой качества» американского военного судостроения, по результатам которой строить «капитальные» (линейные) корабли в США японцы не стали

«Ухватившись» за «философию» бронепалубного крейсера Ф. Уоттса, с одной стороны, и пытаясь проверить качество американского военного судостроения на легком, а не «капитальном» корабле, с другой стороны, японское адмиралтейство заказало два корабля на эскизных чертежах на верфи Чарльза Крампа, который чуть позже «уговорит» русское военное руководство строить «Варяг» и «Ретвизан» для русского флота. Так появились два корабля типа «Касаги» (1898). Авторитетный историк флота Р.М. Мельников указывал, что Крамп предлагал его в качестве прототипа для «Варяга» (Мельников, 1983; 21); русское военное руководство, к сожалению, отказалось...

При сравнении данного типа с их прототипом – «британским» «Такасаго» – сразу бросается в глаза заметно увеличившееся водоизмещение при сохранении «первичных» боевых характеристик (а в реальной эксплуатации даже ухудшении некоторых, например, скорости). При слегка увеличившемся соотношении ширины к длине (14,9 к 114,1 м соответственно; «Читосэ» был на метр длиннее) и увеличившейся до 5,41 м осадке корабли весили порядка 4900 тонн, что было приблизительно на 200 тонн больше проектного («Касаги» был на 100 тонн тяжелее: 4949 против 4836 тонн). Некоторые авторы указывают полное водоизмещение и вовсе в 6066 тонн для «Касаги» и 5998 для «Читосэ» (см, напр., Каторин, 2008; 36). «Лишний» вес в основном пошел на укрепление корпуса и повышение непотопляемости судна. Однако сильно нагруженные суда плохо всходили на волну, низкий метацентрический уровень даже без «боевых» марсов (в отличие от прототипа) повлек за собой сильную бортовую качку (хотя и меньше, чем у прототипа), а уменьшение соотношения длины к ширине стало причиной недобора даже проектной скорости: на «мерной миле» крейсера типа «Касаги» едва выдали 22 узла (см., напр., Mamadaliev et al., 2019b; 851), очень сильно уступая британскому «родственнику» (данные опять-таки разнятся: в частности, авторитетный исследователь флота Ю.Ф. Каторин указывает скорость на мерной миле в 22,75 уз.; см., напр., Каторин, 2008; 36). По причине изменившегося соотношения значительно уменьшилась и дальность плавания – до 4 000 миль 10-узловым ходом при полном запасе угля. К чести японцев они смогли настоять на том, чтобы оснастить корабли пусть устаревшими, но надежными и неприхотливыми цилиндрическими котлами вместо новомодных, но весьма капризных котлов системы Никлосса, с которыми намучились русские моряки «американских» «Варяга» и «Ретвизана»: выбор оказался верным, ибо данных о серьезных поломках котельной установки нет.

Что касается вооружения и бронирования, они были практически идентичны прототипу «Такасаго» (за исключением чуть меньшего калибра торпедных аппаратов, что несколько не снижало боевые качества крейсеров типа «Касаги»).

Оценивая «американский» вариант в целом, можно сказать следующее: он практически во всем (кроме «качества» набора судна) проигрывал «британскому» «брату». Японское военное руководство

на примере «Касаги» сделало весьма недвусмысленный вывод: строить корабли в США нецелесообразно, так как соотношение «цена/качество» были явно на стороне английского судостроения. В итоге все линейные корабли Тейкоку Кайгун стали строить в Великобритании. То же самое касалось и «капитальных» кораблей японского флота другого типа: большую часть броненосных крейсеров – четыре из шести – также строили в Англии, один «на пробу» заказали во Франции, еще один – в Германии (два итальянских «аргентинца» «гарибальди», купленных «готовыми», разумеется, не в счет). Вместе с тем оба корабля типа «Касаги» оказались исключительно полезны в Русско-японской войне, выполняя массу разнообразной работы – от ближней и дальней разведки до конвоирования и преследования. При известных недочетах исполнения проекта сама идея «мускулистого недорогого легкого крейсера» Ф. Уоттса оказалась исключительно удачной. Учитывая силу кораблей данного типа, в литературе их часто относят к крейсерам I ранга, что несколько неверно (даже несмотря на 8-дм орудия главного калибра), так как их полное водоизмещение не превышало 5 000 тонн, что было далеко до «границы» водоизмещения «британского стандарта» перворанговых крейсеров в 7 000 тонн. Но справедливости ради отметим, что сравнивают данный тип исключительно с «первоклассными» русскими крейсерами.

Итак, при сравнении типа «Такасаго–Касаги–Читосэ» с отечественными бронепалубными крейсерами I ранга можно констатировать, что вооружение было сильнее русских перворанговых «диан» и практически не уступало лучшим российским образцам зарубежной постройки («Варяг», «Аскольд», «Богатырь»). Более того, 76-миллиметровые бронепалубы русских кораблей были уязвимы для японских «восьмидюймовок» с близких дистанций, в то время как 114-мм палуба японских крейсеров была неуязвима для русских бронебойных 6-дм снарядов на аналогичной дистанции. Более тяжелый снаряд русских 152-мм орудий отчасти компенсировался скорострельностью японских «стодвадцаток», а против небронированной цели таковая является исключительно важным показателем эффективности. Количество «трехдюймовок» было одинаковым; за исключением «диан», которые двукратно выигрывали в числе 75-мм пушек, но «вчистую» проигрывали как по мощи орудий главного калибра, так и по скорости и бронированию, при том, что были тяжелее на две с половиной тысячи тонн (т.е. практически на 1/3) и, соответственно, дороже.

Не в пример лучше русских крейсеров была бронирована артиллерия (за исключением «Богатыря»): лобовая 114-мм броня щитов 203-мм и 120-мм пушек была неуязвима для отечественных «шестидюймовок» на дистанциях выше средней (в отличие от скосов бронепалубы, у щитов был менее выгодным угол встречи со снарядом).

Скорость и мореходность были лучше у отечественных «первоклассников» (и снова за исключением трех «богинь»); рейдерская сущность смогла взять свое. Вместе с тем с учетом разницы в водоизмещении и бронировании «эффективность расходования» казенных денег, безусловно, на стороне японских крейсеров.

Так или иначе «Такасаго» стал очередным великолепным примером качества британского кораблестроения, боевой эффективности и удачного вложения средств (а также построенный по его «образцу и подобию» в США тип «Касаги»). Однако гибель крейсера в ночь с 12 на 13 декабря 1904 года стала самым красноречивым подтверждением того, что «бесплатного сыра» не бывает. Всецело «сэкономив» водоизмещение на прочности корпуса и качестве его разделения на водонепроницаемые отсеки (несмотря на наличие 109 штук таковых), британцы не обеспечили сколь-либо достойный уровень непотопляемости: героические усилия экипажа не смогли спасти подорвавшийся на единственной мине корабль (правда, в условиях сильного ветра и весьма приличного волнения моря); слабая остойчивость и «валкость» (высокий уровень амплитуды и продолжительность периода бортовой качки) судна, разумеется, тоже сыграли свою не последнюю роль. И в этой связи нельзя не отметить того факта, что даже «не в меру экономный» Ч. Крамп не стал «жадничать» на непотопляемости и количество водонепроницаемых отсеков на «своих» кораблях довел до 142 на «Касаги» и 130 на «Читосэ»; последний хоть и строился другой компанией – верфью «Union Iron Works» (Калифорния), но «не без помощи» «крамповской» «William Stamp & Sons» (Филадельфия).

Следующей (и последней до Русско-японской войны) серией бронепалубных крейсеров стала пара кораблей типа «Нийтака» (1902). Нельзя не сказать о том, что изначально «пара» (головной корабль и его сестершип «Цусима»; так как последний был заложен тремя месяцами раньше, Ю.Ю. Ненахов его название ставит в обозначение типа данного судна (Ненахов, 2006, 275) была «тройкой», однако из-за бюджетных ограничений и необходимости устранения недостатков третье судно в серии – крейсер «Отова» (1903) – был построен по значительно переработанному проекту. Отметим также, что ряд дореволюционных (см, напр., Истина о Русско-японской морской войне, 1907; т. 1, 5) и современных (см., напр., Ненахов, 2006, 275; Каторин, 2008; 47) исследований относит корабли «Нийтака» / «Цусима» / «Отова» к крейсерам III ранга.

Разумеется, при водоизмещении в 3420 тонн корабль, в отличие от предыдущей серии, совершенно не претендовал на звание «первоклассного». Также, будучи построен по Второй чрезвычайной программе пополнения флота 1896 года за счет контрибуции с Китая, он стал второй после крейсеров типа «Сума» попыткой японского судостроения построить всецело собственными

силами крупный военный корабль. При проектировании были учтены ошибки предыдущего проекта, прежде всего посредственная мореходность и остойчивость. Однако удачным корабль от этого все же не стал, хотя справедливости ради отметим, что его боевые и ходовые качества в сравнении с «сумами» были не в пример лучше. Наиболее ярким внешним отличием стал трехтрубный силуэт с массой вентиляционных дефлекторов вместо двухтрубного.

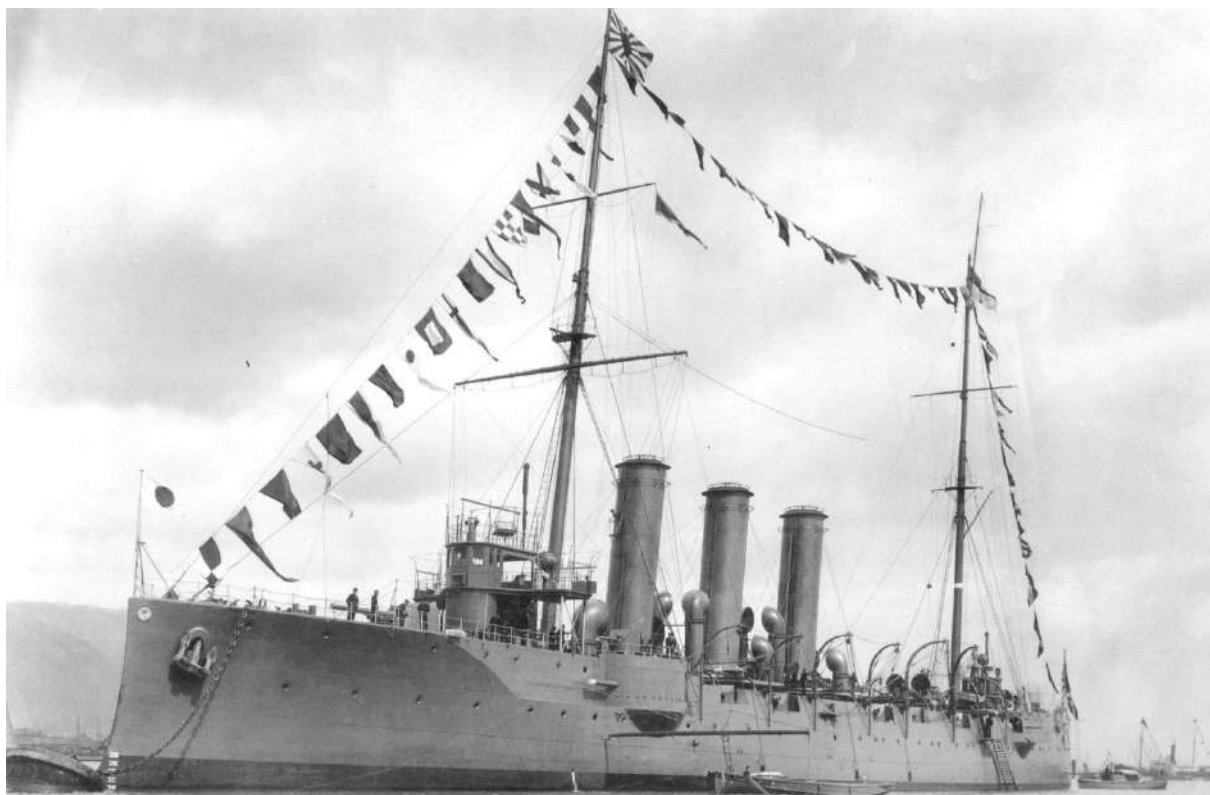

Рис. 7. Крейсера II ранга типа «Нийтака» (1902) стали следующей после судов типа «Сума» попыткой построить собственными силами крупный военный корабль, однако «работу над ошибками», по нашему мнению, вряд ли можно назвать удачной

Вкратце приведем его тактико-технические характеристики: водоизмещение 3 420 т, длина 104,1 м, ширина 13,44 м, осадка 4,92 м; бронирование: палуба 37-63 мм, боевая рубка 102 мм; двигатели – 2 вертикальные паровые машины тройного расширения, 16 котлов Никлосса, мощность 9 500 л.с., движитель – 2 винта, максимальная скорость хода 20 узлов, дальность плавания 4000 миль 10-узловым экономическим ходом, полный запас угля – 600 тонн; вооружение: шесть 152-мм, десять 76-мм и четыре 47-м орудия. Экипаж 287–320 человек (Ненахов, 2006; 274).

Прежде всего улучшение касалось мореходных качеств. Борт был значительно выше, как и метацентрическая высота, следовательно, и остойчивость была намного лучше. Однако в своем стремлении повысить метацентр корабля спонсоны бортовых «шестидюймовок» проектировщики расположили довольно низко к воде, в результате чего орудия заливались в свежую погоду, что сильно затрудняло ведение огня (Ненахов, 2006; 275).

Несколько усилено было вооружение, однако это усиление носило, скорее, символический характер. Вместо двух 152-мм и шести 120-мм орудий перешли к единообразному калибру из шести 152-мм пушек: выигрывая в весе (и, соответственно, бронепробиваемости и разрушительной силе) снаряда, «нийтаки» проигрывали «сумам» в скорострельности и, соответственно, в количестве выстреливаемых в минуту снарядов, что было критически важно при «работе» по небронированным целям – миноносцам, эсминцам и легким крейсерам русского флота. Место двенадцати бесполезных 47-мм пушек Гочкиса заняли десять вполне эффективных против эсминцев «трехдюймовок», окончательно склоняя «артиллерийский баланс» в пользу типа «Нийтака», хотя четыре «47-миллиметровки» на всякий случай все же оставили.

Можно констатировать, что вооружение для «второклассного» корабля водоизмещением чуть более 3 тыс. тонн было великолепным. Похожий по «весу» и аналогичный по ранговой классификации русский «Новик» (1900) германской постройки был значительно быстрее, но и значительно слабее: в дуэльном бою шансов против «нийтак» у него не было (разумеется, 70-минутный бой «раненого» «Новика» с неповрежденной «Цусимой» у Корсаковского поста 7 августа 1904 года, закончившийся потоплением русского крейсера, нельзя считать подтверждением

сказанного, так как корабли находились в неравных условиях). То же самое касается и отечественных «второранговых» крейсеров типа «Жемчуг» (1903): даже несмотря на увеличение «стодвадцаток» с шести до восьми, дополнительные десять «трехдюймовок» японского корабля теоретически вынудили бы «жемчуги» спасаться бегством. Сравнение же с «Боярином» (1901) будет и вовсе не в пользу русского корабля датской постройки.

Говоря о вооружении, нельзя не отметить и необычное решение избавить корабль от торпедного оружия, которое было принято явно под влиянием Испано-американской войны 1898 года (в ходе которой в битве при Сантьяго-де-Куба 3 июля 1898 года испанские броненосные крейсера типа «Инфанта Мария Тереза» (1890) получили попадания в заряженные торпедные аппараты, что стало причиной обильных пожаров и в итоге гибели всей троицы). Однако решение это выглядит весьма сомнительным, ибо для легкого крейсера торпедные аппараты представляются куда более востребованным видом оружия, чем для «артиллерийских» броненосцев и броненосных крейсеров, так как возможностей для их применения в бою несоизмеримо больше, чем у «капитальных» кораблей.

Бронирование было вполне адекватно водоизмещению: бронепалуба имела толщину 63 мм на скосах и 37 мм в горизонтальной части и оконечностях; рубка была защищена 102-мм листами.

Наиболее слабым местом судов данного типа стала энергетическая установка. Ее маломощность (9 500 л.с.) при приличной «прожорливости» (600 тонн угля хватало лишь на 4 000 миль, что ставило крест на использовании типа «Нийтака» в качестве рейдеров) стала причиной крайне низкой для новейшего легкого крейсера максимальной скорости – всего 20 узлов. Неплохая мореходность отчасти компенсировала этот недостаток, однако спастись бегством от русских перворанговых крейсеров зарубежной постройки «нийтаки» никак не могли. Не случайно Х. Того в апреле 1904 года отправил «Нийтаку» и его систершипа «Цусиму» в Японское море действовать против русских владивостокских рейдеров, которые не могли бы их догнать (за исключением «Богатыря», который в мае 1904 года, к счастью для японцев, сел на мель и встал на ремонт, в результате чего до конца войны выбыл из строя и, таким образом, гипотетически «обезопасил» «нийтак»). Действовали они в основном как ближние разведчики, имея задачу наводить на «владивостокский отряд» броненосные крейсера Х. Камимур, а открытое море давало шанс реализовать хорошие ходовые качества и в случае опасности «спрятаться» за своих бронированных «коллег». Под Артуром же в условиях ограниченного оперативного пространства, в отличие от быстроходных «дворянжек» «Йосино», «Такасаго» и «касаг», «нийтаки» запросто могли попасть «под раздачу» «Баяна» или «Аскольда».

И, наконец, самым слабым местом типа «Нийтака» стали котлы уже упомянутой нами французской системы братьев Никлосс (Каторин, 2008; 47), более подробный анализ которых нами был сделан в предыдущих работах (см., напр., Mamadaliev et al., 2019b; Mamadaliev et al., 2019). Здесь скажем только, что за красивой идеей и «бумажной» экономичностью, «приемистостью» (коническая конструкция трубок уменьшала перегрузки при изменении интенсивности нагрева во время резких изменений скорости корабля), неприхотливостью (более высокое давление пара препятствовало образованию накипи, которую «выносило» с рабочей поверхности) и ремонтпригодностью, особенно в боевых условиях (при форсированном дутье на максимальном ходу паровые трубки лопались весьма часто; резьбовые соединения котлов Никлосса позволяли не выключать и не лазить матросам в раскаленный котел при замене трубок), скрывались невероятная капризность, аварийность и трудоемкость ремонта. Резьбовые соединения, «облегчавшие» ремонтпригодность «на бумаге», в реальной эксплуатации ржавели и намертво «закисали», доставляя машинной команде огромные хлопоты и заставляя крейсер простаивать в ремонте. В русском флоте, причем еще раньше японцев, с аналогичными трудностями столкнулись экипажи «Варяга» и «Ретвизана».

Сложно сказать, что именно подтолкнуло японских корабелов на это решение: либо экономичность, либо более высокие параметры пара, либо ремонтпригодность; возможно, прочие теоретические выгоды. Однако на практике котлы Никлосса (несмотря на агрессивную рекламу братьев и вполне приемлемую службу в других флотах) не дали крейсерам типа «Нийтака» ни первого, ни второго, ни третьего. Поэтому проект третьего корабля серии – «Отова» – было решено переработать и в первую очередь отказаться от неудачных котлов в пользу отечественных системы «Кампон».

Таким образом и с учетом вышесказанного, тезис ряда авторитетных исследователей (в частности, Ю.Ф. Каторина, Ю.Ю. Ненахова и др.) об «относительной удачности проекта», которая «обеспечила более чем двадцатилетнее нахождение кораблей в строю» (см., напр., Ненахов, 2006; 275) мы всецело разделить не можем. Безусловно, отлично вооруженный для «второклассника» тип «Нийтака» был значительным шагом вперед в сравнении с типом «Сума», но эффективность использования водоизмещения все же была на стороне многоопытных британских, итальянских и французских кораблестроителей. Хваленная остойчивость также вызывает вопросы: в этой связи нельзя не вспомнить и уже упомянутый бой у Корсакова с «прямым» конкурентом «нийтак» – крейсером II ранга «Новик», который до этого был поврежден во время прорыва 28 июля 1904 года в Желтом море и не мог развивать полного хода. Лишь одного попадания 120-мм снаряда ниже ватерлинии оказалось достаточно для возникновения у «Цусимы» сильного крена, спешного

ретирования с поля боя и вызова помощи в виде находящегося поблизости «Читосэ», даже несмотря на то, что тонущий «Новик» по факту уже был небоеспособен.

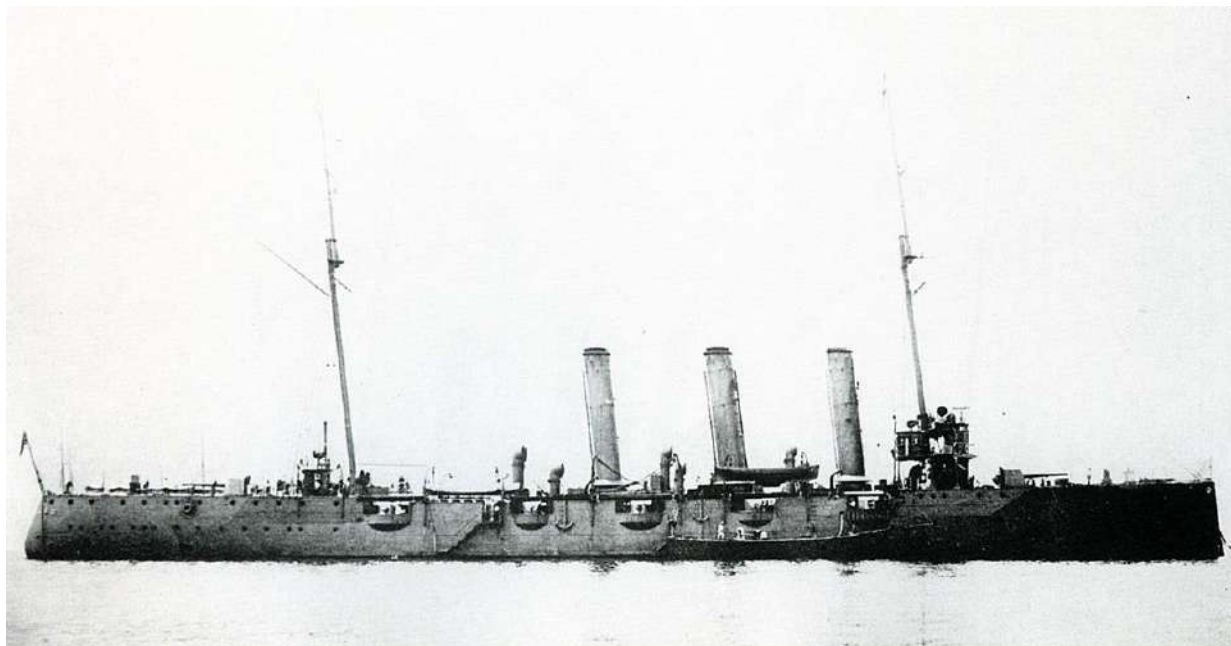

Рис. 8. Крейсер II ранга «Отова» (1903) изначально принадлежал к типу «Нийтака», однако проект серьезно переработали и часть недостатков была устранена

Не только конструктивные недостатки привели к кардинальной переработке проекта, но еще и бюджетные ограничения. В качестве главных требований было уменьшение водоизмещения на 10 %, технологичность при изготовлении и умеренное облегчение вооружения при сохранении мореходности, достойной остойчивости. И надо сказать, что все указанные требования были выполнены: «Отова» стал почти на 400 тонн легче и был построен в рекордный для японского судостроения срок – 20 месяцев с момента закладки.

Основные размеры корабля были кратно уменьшены, однако бронирование на полдьюма усилили: вместо 63 мм скосы бронепалубы стали 76-миллиметровыми, а горизонтальная часть и карапас в оконечностях стал толще с 37 мм до 51 мм. Средняя артиллерия повторила таковую на «сумах» – две 152-мм и шесть 120-мм орудий; количество 75-мм противоминных пушек уменьшили с десяти до четырех, а от 47-миллиметровок, наконец, полностью отказались.

Но главный прогресс просматривался в энергетической установке. Полностью созданные в Стране восходящего солнца и достаточно удачные новые водотрубные котлы типа «Кампон» (10 штук) впервые в японском флоте нашли «своего счастливого обладателя»; как бы то ни было, но в литературе нет упоминаний о том, что японские моряки намучились с этими котлами, а с учетом того, что «кампоны» (наряду с более «продвинутыми» «миябарами») стали ставить на последующие корабли, японское творение, пожалуй, вполне можно назвать удачным. Итоговым результатом стало незначительное повышение мощности (до 10 000 л.с.) и скорости (до 21 узла); дальность плавания оставалась прежней – 4 000 миль.

Несмотря на то, что «Отова» вступил в строй в сентябре 1904 года, спустя 7 месяцев с начала войны и уже после сражения в Желтом море, он (как и тип «Йосино/Такасаго/Касаги») стал одним из самых эффективных и полезных кораблей Тейкоку Кайгун в Русско-японскую войну, непрерывно неся дозорную службу около осажденного Порт-Артура и конвоируя транспорты. В первый день Цусимского сражения, 14 мая 1905 года, корабль вел огонь по отряду русских крейсеров («Олег», «Аврора», «Жемчуг») и сопровождающим 2-ю Тихоокеанскую эскадру вспомогательным судам. На второй день сражения «Отова» вместе с «Нийтакой» перехватили и добились крейсера «Светлана», получив два попадания. Командир «Отовы» каперанг Орима Рьёкитсу не стал гнущаться тем, что тонущая «Светлана» полностью прекратила огонь и продолжал стрелять по покидающим корабль морякам; оказывать им помощь, как это предусматривали действующие Первые Гагская (1899) и Женевская (1864) конвенции, разумеется, тоже никто не стал...

В целом, на наш взгляд, «Отову» вполне можно назвать удачным кораблем, с мощным вооружением и надежной силовой установкой, хотя и с недостаточной для легкого крейсера скоростью.

В Тейкоку Кайгун, равно как и во флоте японского «патрона» – Великобритании, имелись и крейсера III ранга. В России корабли водоизмещения условно до одной тысячи тонн именовались

«минными крейсерами». Япония переняла британскую классификацию (подробнее об этом Mamadaliev et al., 2019; 1844-1845). И был в Стране восходящего солнца один корабль, формально – третьеранговый, который заслуживает более внимательного анализа. Речь идет о крейсере III ранга «Чиода» (1890). Он был спроектирован на основе французских идей «молодой школы», в духе которых была построена «Нанива», однако в ходе строительства японцы ушли от указанной концепции. Свою роль сыграла и потеря новейшего броненосного крейсера «Унэби» – очередного французского творения, построенного известной фирмой Форж-и-Шантье (строившей, в частности, «Цесаревич» и «Баян» для русского флота), который после выхода из Сингапура совершенно бесследно исчез в море вместе с японскими офицерами и заводской французской перегоночной командой; основной версией, (а встречаются даже самые мистично-экзотичные, так как вплоть до сегодняшнего дня никаких останков корабля не найдено) считается потопление в шторме вследствие крайне низкой остойчивости (помимо прочего, крейсер имел еще и атавизм в виде парусного вооружения).

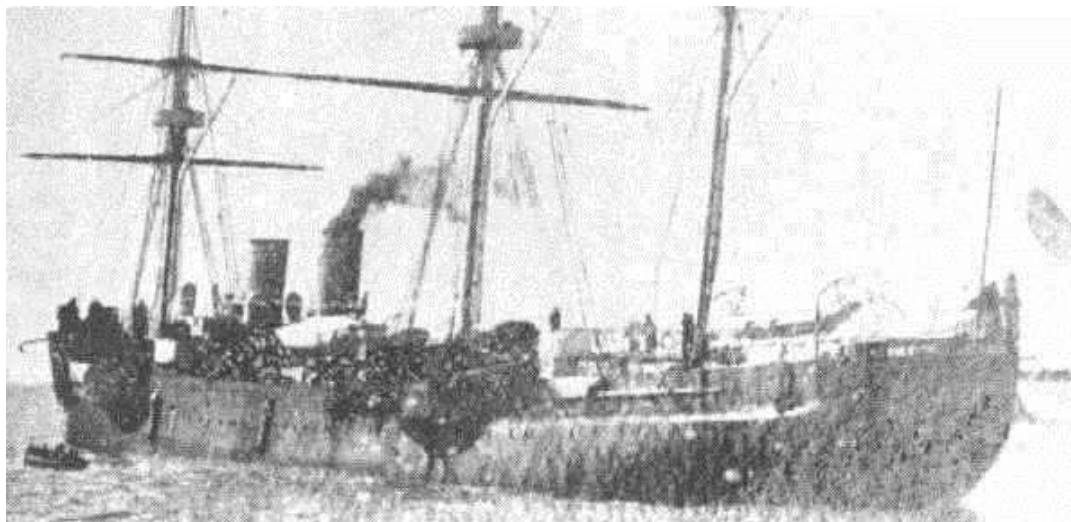

Рис. 9. «Японская версия» «корабля-призрака» – броненосный крейсер «Унэби», который, следуя в Японию из французского Гавра, 3 декабря 1886 года вышел из Сингапура и бесследно исчез вместе со всем экипажем, вероятно, в Южно-Китайском море; упоминаний о выживших и каких-либо останков судна не найдено до сих пор

Вместо предусматривавшихся по проекту четырех 320-мм орудий главного калибра «Чиода» был вооружен десятью скорострельными 120-мм пушками, вес залпа которых за единицу времени был значительно выше. Противоминное оружие включало четырнадцать 47-мм пушек системы Гочкиса. Длина судна составляла 94,5 м, ширина почти 13 м, осадка в норме 4,3 м. Остается только гадать, каким образом конструкторы верфи братьев Джеймса и Джорджа Томпсонов (г. Клайдбенк, Великобритания) смогли на крейсере в 2 478 тонн водоизмещения разместить бронепояс в 114 мм толщиной на протяжении 2/3 длины судна – в 61 м! Конечно, он по определению не мог быть широким (его высота составляла всего лишь 1,5 м), но сам факт наличия такого при столь скромном водоизмещении уже говорит о незаурядном инженерном таланте корабелов из Клайдбенка. При этом судно имело весьма внушительную карапасную бронепалубу в 76 мм на скосах и 25–37 мм в оконечностях и в горизонтальной части.

Две паровые машины тройного расширения с шестью котлами давали мощность в 5 600 л.с., что позволяло развивать скорость в 19 узлов. После замены старых огнетрубных котлов на двенадцать новых водотрубных системы Бельвиля в 1898 году крейсер на мерной миле выдал 21 узел, что было сопоставимо с русским крейсером II ранга «Боярин», который имел почти в полтора раза больше водоизмещения, был вооружен значительно слабее (шесть «стодвадцаток») и не имел бронепояса. Даже гипотетическая дуэль с российскими «первоклассными» «неудачницами» «дианами», которые имели почти в три раза большее водоизмещение, выглядит для «Чиоды» не столь уж односторонней – «богини» были лучше вооружены (восемь 152-мм и двадцать четыре 75-мм орудия), но имели меньше ход и были лишены бронепояса, который гарантировал «японцу» защиту от армады «трехдюймовок»; более того, артиллерия главного калибра на «Чиоде» была защищена противоосколочными щитами в отличие от «голых пушек» «диан».

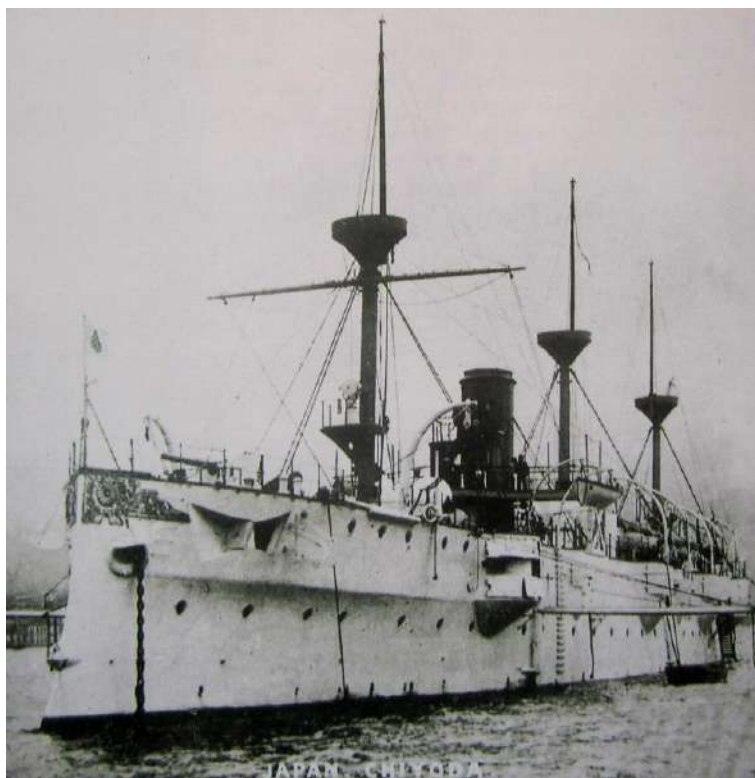

Рис. 10. Броненосный «Чиода» (1890) в 1898 году из-за своего небольшого водоизмещения формально был переквалифицирован в крейсер III ранга, однако по силе он превосходил многих «второранговых» крейсеров не только собственного, но и русского флота

Таким образом, можно констатировать, что «Чиода» оказалась незаурядным для своего времени кораблем, способная совершенно на равных соперничать с кораблями куда большего водоизмещения. Разумеется, к началу Русско-японской войны в условиях самого стремительного в истории мирового военного флота развития крейсер сильно устарел; однако заложенный в нем «от рождения» огромный потенциал позволял ему участвовать во всех серьезных операциях Тейкоку Кайгун, таких как блокада «Варяга» и «Корейца» в Чемульпо, блокада Порт-Артура и оба генеральных морских сражения Русско-японской войны.

И, наконец, в японском флоте был еще один «совсем старенький» «третьеклассник», который, впрочем, тоже весьма активно использовался Х. Того в период Русско-японской войны. Речь идет о крейсере «Идзуми» (1884).

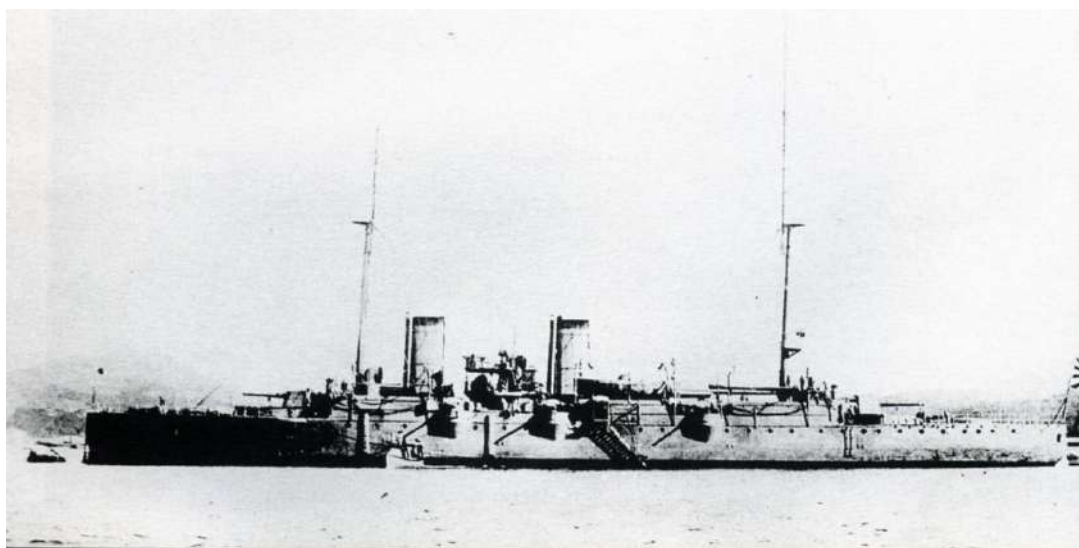

Рис. 11. Купленный Японией в 1894 году крейсер «Идзуми» (1884) стал родоначальником плеяды «эльсвикских» крейсеров и первоначально строился для чилийского флота под названием «Эсмеральда» (на фото – по состоянию на 1908 год)

Сконструированный еще одним британским «инженерным гением» Джорджем Ренделлом корабль стал революционным для своего времени, открыв новую страницу военного кораблестроения, и предназначался для чилийского флота, получив название «Эсмеральда» (1884).

Главным нововведением, которое, собственно, и сделало «Эсмеральду» эпохальным судном в истории мирового кораблестроения, стала карапасная броневая палуба; даже в условиях стремительного развития военно-морской инженерной мысли изобретение Дж. Ренделла использовалось при строительстве легких и тяжелых артиллерийских крейсеров вплоть до конца 50-х годов XX века, пока на смену им не пришли в полном смысле этого слова «безбронные» ракетные крейсера. Идея заключалась прежде всего в экономии веса и отказе от тяжелой вертикальной бортовой брони (более подробно см. [Mamadaliyev et al., 2019; 1845](#)): горизонтальная тонкая броневая палуба по образцу панциря черепахи накрывала наиболее важные части корабля, прежде всего энергетическую установку. Кромки «панциря» изгибались в районе бортов и уходили ниже ватерлинии, образуя так называемый карапас (скос). С учетом невыгодного для снаряда угла встречи с этим скосом выигрыш в сопротивляемости брони был более чем двукратным и зависел не только от толщины, но и угла наклона. Например, 114-миллиметровая плита гарвеированной брони под прямым углом теоретически гарантированно пробивалась русским 8-дюймовым бронепробойным снарядом приблизительно с дистанций менее 25 кбт (по [Титушкин, 1994; поправки на гарвеированную броню сделаны нами](#)), в то время как скос из аналогичной брони на «Такасаго» был неуязвим для данного боеприпаса даже при стрельбе по кораблю прямой наводкой с дистанций менее 8 кбт. Конечно, для дополнительной защиты борта в районе ватерлинии приходилось делать массу дополнительных коффердамов (небольших водонепроницаемых отсеков), которые зачастую использовались как угольные ямы либо заполнялись измельченной пробкой или целлюлозой, которая разбухала от воды и перекрывала пробойну, однако экономия в весе была впечатляющей при сохранении адекватного уровня защиты. Это позволяло строить относительно дешевые корабли небольшого водоизмещения, но с хорошим уровнем мореходности, скорости, вооруженности и защиты.

Появление скорострельных патронных орудий позволило раскрыться потенциалу «ренделловского» изобретения в полной мере. Дорогие и «тяжелые» броненосцы «старой школы», например «Кайо Дуилио» (1876), с очень толстой броней, но очень малой площадью бронирования могли стать легкой жертвой недорогого быстроходного бронепалубного корабля, так как для потопления первого не нужны были сверхмощные орудия. Броненосцы же, делая в бою из своих орудий-«монстров» не более 1–2 выстрелов в час, были практически не опасны для безбронных судов, ибо шанс даже одного попадания (которое, впрочем, с огромной долей вероятности привело бы к потоплению) был исключительно мал.

Именно поэтому идея «безбронного судна» так прочно засела в умы моряков всех стран, особенно во Франции и России, которые не могли тягаться с Великобританией по количеству выделяемых на военно-морские силы ассигнований, но видели Королевский флот в числе своих потенциальных противников. В русском флоте наиболее ярким приверженцев французских идей так называемой «молодой школы» был выдающийся флотоводец С.О. Макаров.

Родоначальница бронепалубных крейсеров¹ в соответствии с классом имела выдающуюся по тем временам максимальную скорость в 18,25 узла, которую обеспечивали две горизонтальные паровые машины системы «компаунд» и четыре цилиндрических котла. Мощность энергетической установки составляла 6 000 л.с., а 600-тонного полного запаса угля хватало на 2200 миль 10-узловым экономическим ходом. Водоизмещение корабля составляло 2 920 тонн при длине 82,3 м, ширине 12,8 м и осадке 5,64 м.

Бронирование палубы было 13–51 мм в горизонтальной части и оконечностях, на скосах – от 25 мм (в оконечностях) до 51 мм (в центральной части корабля). Рубка также была защищена 51-миллиметровыми листами. Предусматривалась и защита орудий: противоосколочные щиты имели толщину 51 мм в лобовой части и 37 мм – в боковой.

Но одной из главных «фишек» корабля (помимо бронепалубы) стала артиллерия. Пара чрезвычайно мощных для корабля «весом» менее 3 тысяч тонн 10-дюймовых орудий (254 мм) главного калибра, размещенных, соответственно, в носу и корме и шесть 152-мм орудий в бортовых спонсонах делали «Эсмеральду» очень опасным противником не только для корабля любого класса, но и сухопутных фортификационных сооружений и пехоты противника (что, собственно, и продемонстрировал крейсер в бою у Конкона, поддерживая огнем высадку войск чилийских конгрессионалистов и деморализовав разрывами 10-дюймовых фугасов правительственные войска

¹ Предшествующее творение Дж. Ренделла – «полуканонерка-полукрейсер» «Артуро Пратт» (1880) вряд ли в полном смысле этого слова можно назвать крейсером, хотя именно на ней впервые была реализована идея бронепалубного быстроходного судна; однако малое водоизмещение (1380 тонн) и очень низкий борт, особенно в носовой части, делали из корабля именно канонерскую лодку, а не крейсер с присущими ему мореходными качествами. Поэтому именно «Эсмеральду» мы считаем родоначальником класса бронепалубных крейсеров.

президента М. Бальмаседы). Шесть «шестидюймовок» и семь мелких 57-мм и 37-мм пушек позволяли не бояться легких вражеских кораблей.

Во время Японо-китайской войны руководство Тейкоку Кайгун, остро нуждаясь в боевых кораблях, сделало чилийскому правительству предложение, от которого оно не смогло отказаться. Прошедшая в 1894 году капремонт «Эсмемальда» была продана Японии, переименована в «Идзуми» и в 1898 году переклассифицирована в крейсер III ранга. Вооружение изменилось: 10-дюймовые «монстры» заменили на пару 6-дм орудий, а бортовые «шестидюймовки» – на скорострельные «стодвадцатки»; пять 37-мм пушек заменили на столь же бесполезные к началу XX века шесть 47-мм. Также поменяли торпедные аппараты и сняли снижавшие остойчивость боевые марсы. Будучи в Русско-японскую войну уже тихоходом, корабль нес дозорную службу в Корейском проливе против отряда владивостокских крейсеров; прославился достаточно активной разведкой и перед началом Цусимского сражения (дислоцируясь, собственно, на базе о. Цусимы).

Не будет преувеличением тезис о том, что и устаревшим «третьеранговым» кораблям в японском флоте нашлось самое что ни на есть эффективное применение, а «Чиода» при своем скромном водоизмещении и вовсе могла посоперничать даже с «перворанговыми» «богинями отечественного производства», что в полной мере демонстрировало инженерный гений эльсвикской судовой верфи.

Резюмируя вышесказанное о японских крейсерах, отметим, что тенденция разделения на I, II и III третий ранги весьма условна. Мы в нашей работе отталкивались от классификации, принятой в британском флоте, преемником которого во многих отношениях стал и японский флот. Как указывалось выше, в королевских ВМС разница между рангами определялась исключительно водоизмещением и наличием крупнокалиберных орудий (калибром свыше 9 дюймов). Однако Япония строила корабли под свои нужды, поэтому правило калибра здесь не действует: например, тип «Мацущима» или «Нанива», а также «Идзуми» (до перевооружения) с их 254–320-миллиметровыми орудиями на борту следовало бы по «орудийному» критерию относить к первому рангу, а по «весовому» первых двух – ко второму, последнего – к третьему.

В данном вопросе не было единства ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной историографии – как отечественной, так и зарубежной (включая японскую).

В дореволюционной историографии к I рангу/классу относили корабли с бортовым бронированием (см., например, [Истина о Русско-японской морской войне, 1907; 7](#)); но «Чиода» «не удостоилась такой чести», вероятно, по критерию возраста и водоизмещения, что, собственно, вполне справедливо, так как дуэльного противостояния с «полноценными» броненосными «асамами» и «касугами» она выдержать не смогла бы априори. Остальные по совокупности первичных боевых качеств (артиллерия/защита/скорость) отнесены, соответственно, ко второму и третьему (см. [Рисунок 12](#)). Однако тип «Нийтака» совсем несправедливо, на наш взгляд, отнесен к третьему классу, хотя ни по водоизмещению, ни по качеству вооружения и защиты он не уступал русским второклассникам; более того, в части артиллерийского вооружения заметно их превосходил, что красноречиво доказала «Цусима» в бою у Корсаковского поста, отправив на дно поврежденный, но с исправной артиллерией «Новик».

Рис. 12. Один из примеров разграничения японских военных судов по рангам/классам в дореволюционной историографии

Некоторые исследователи к перворанговым крейсерам относят «Йосино», «Такасаго», «Касаги» и «Читосэ», так как эта чуть ли не однотипная четверка по орудиям главного калибра (кроме первого), бронированию и скорости превосходила остальные японские легкие крейсера, а по водоизмещению вплотную приближалась к русским «первоклассникам». И такой подход тоже отчасти можно признать справедливым, так как мощь этих кораблей была не только «на голову» выше своих флотских «соотечественников», но в общих чертах соответствовала и русским бронепалубным крейсерам I ранга; по крайней мере теоретическое дуэльное противостояние типа «Такасаго»/«Касаги» не только с «недоразвитыми» «дианами», но и с «Варягом» или «Аскольдом» выглядит как минимум равным (а на наш взгляд, даже в пользу японских кораблей), за исключением, разумеется, «Йосино». Более того, наиболее сильный русский бронепалубный крейсер «Богатырь» водоизмещением на треть больше «Такасаго»/«Касаги» гипотетически не имел бы в бою решающего преимущества, так как нес уязвимую для 8-дм снарядов «японцев» на средних и близких дистанциях бронепалубу. Другие авторы «Такасаго» относят к первому классу, а тип «Касаги» – ко второму (из-за реальной фактической максимальной скорости у «британца» в 23,5 узла, у «американцев» – около 22 узлов, а также других «огрехов» последних).

Так или иначе, но каждый из исследователей по-своему прав, и данная публикация не ставит целью доказать или опровергнуть их точку зрения; речь идет лишь об «удобстве» в классификации. Поэтому нами за основу была взята британская классификация без учета калибра орудий как наиболее простая с точки зрения предмета исследования нашей работы.

В Русско-японской войне проявилась еще одна тенденция: резко повысилась роль и универсальность малых быстроходных кораблей – миноносцев и эскадренных миноносцев – значительно более крупных (по водоизмещению – вплоть до 10 раз); сокращенно эсминцев. Если условно сравнивать

корабли «стальной» эпохи с «деревянной», то броненосцы можно напрямую сравнивать с кораблями линкор-класса, крейсера I ранга – с фрегатами, легкие крейсера II ранга – с корветами, а эсминцы, пожалуй, – с бригами. В современную эпоху нет такого понятия, как бриг-класс: эсминцы постепенно «переросли» в корвет-класс из-за того, что линейные и тяжелые артиллерийские крейсера после Второй мировой войны (как, собственно, и линкоры) исчезли, уступив место авианосцам и тяжелым ракетным крейсерам, а торпедное оружие как таковое выродилось, уступив место ракетному; таким образом, легкие крейсера стали ракетными «фрегатами», эсминцы – «корветами». Дореволюционные же миноносцы «переродились» вначале в торпедные, а ныне в ракетные – катера. Однако в современном российском флоте, наряду с западной терминологией «фрегат» и «корвет», применяется и отечественная – соответственно, крейсер и эсминец.

По условной, разумеется, аналогии с парусными бригами у эсминцев начала XX века были столь же разносторонние задачи, широта спектра которых уступала разве что легким крейсерам II ранга (по нашему мнению, ибо вопрос дискуссионный). Им «вменялось» прибрежное патрулирование и разведка около своих баз, конвоирование, посыльная служба, разведка при отряде «ближних» рейдеров, а также при эскадре главных сил (так называемая дозорная служба), минные постановки, траление рейда и пр.

Торпедное оружие доказало свою эффективность в полной мере в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, когда была совершена первая успешная торпедная атака: минные катера «Наварин» и «Чесма» 14 января 1878 года пустили на дно турецкий сторожевой пароход «Интибах». С этого дня, собственно, и берет свое начало упомянутая выше «молодая школа» (см., также, Mamadaliev et al., 2018, 1740; Mamadaliev et al., 2019; 1845).

Для начала определимся с терминологией, касающейся минно-торпедных сил и применяемой в данной работе. Прежде всего это касается самого класса кораблей. С появлением первых «специализированных» судов данного класса в конце 1870-х годов – а первенство оспаривают русский тихоходный, но относительно мореходный, правда с неудовлетворительной остойчивостью, высокортный «Взрыв» (1877) и миниатюрный британский относительно быстроходный, но совершенно «речной» «Лайтнинг» (1877) – их стали называть «миноносцами»: как видно из названия в русском языке, термин имеет всецело русскую этимологию. В английском языке класс кораблей назывался «torpedo boat», что в буквальном переводе означает «торпедная лодка». Таким образом, класс «миноносец» в конце XIX века представлял из себя корабли малого водоизмещения (от 40 до 150 тонн¹) со скоростью выше средней (приблизительно в 18–23 узла) и вооруженные так называемыми «самодвижущимися минами Уайтхеда»², основная задача которых – поражение крупных бронированных судов противника торпедным оружием.

Постепенно разрастаясь в размерах, миноносцы к концу XIX – началу XX веков стали значительно мощнее и быстроходнее. Скорость выросла до 26 узлов, повысилась мореходность, «вес» увеличился до 240 тонн. К двум–четырем 37-мм орудиям прибавилось одно 75-миллиметровое (3-дм), которое позволяло очень эффективно бороться с «маленькими» миноносцами. Так появился английский «Хэвок» (1893), ставший прототипом основного типа отечественных миноносцев Русско-японской войны – кораблей типа «Сокол» (1894). Чтобы как-то отличать «большие» миноносцы от «малых», англичане ввели новый термин – «destroyer» (дословно «уничтожитель»), который долгое время стал англоязычным синонимом русского подкласса крупного миноносца – «эсминец», сокращенно от «эскадренный миноносец», то есть корабль, действующий в открытом море группой однотипных кораблей или при поддержке главных/броненосных сил. В России термин «эсминец» оформился лишь после Русско-японской войны и используется до сих пор (в зарубежных флотах суда данного класса именуется корветами; такая тенденция, впрочем, начинает внедряться и в современный российский флот). В германском Императорском флоте аналогичные корабли назывались «дивизионными миноносцами». Таким образом, эсминец (применительно к Русско-японской войне) – это значительно более крупный, нежели миноносец, более быстроходный (от 25 до 34 узлов) и с хорошей артиллерией (одно–два 75-миллиметровых орудия) корабль, предназначенный для действий в условиях открытого моря в составе группы или при эскадре. Отметим также, что в русском флоте эсминцы как самостоятельный класс боевых кораблей были классифицированы лишь в 1907 году; в Русско-японскую войну все русские торпедные корабли без учета тактико-технических характеристик назывались миноносцами. Зачастую в рабочей документации, а также в российской

¹ Тоннаж, разумеется, условный: в Тейкоку Кайгун, например, был трофейный китайский миноносец № 28 1885 года постройки и водоизмещением всего в 16 тонн. Правда, в войне эта миноноска ввиду ее абсолютно нулевой ценности не участвовала, так как была сдана на слом еще в 1902 году.

² Названная по имени предприимчивого британского конструктора и бизнесмена Роберта Уайтхеда, сумевшего запатентовать в 1866 году изобретение русского военного инженера Ивана Федоровича Александровского, который в 1865 году в своих трудах полностью «раскрыл» конструкцию «самодвижущегося торпедо». Однако в дореволюционном флоте этот тип боеприпаса именовался «миной», видимо, на основании схожего с обычной якорной миной принципа разрушающего воздействия на судно.

дореволюционной историографии «большие миноносцы» (более 300 тонн водоизмещения) назывались «контрминоносцами».

В данной работе, согласно имеющейся традиции, миноносцы русского и японского флотов с массой менее 220 тонн и без 3-дюймового орудия мы будем называть миноносцами, более крупные корабли и с вышеуказанной пушкой – эсминцами. В русском флоте все миноносцы были номерными, эсминцы имели собственные имена. В японском флоте миноносцы делились на три класса, первоклассным торпедным кораблям присваивались собственные имена, например, «Котака» (1887) или «Сиратака» (1899), второклассные и третьеклассные – имели номера.

Следует сказать также и о том, что в русском флоте существовал еще и так называемый подкласс «минных крейсеров» – значительно более крупных (до 400–600 тонн) торпедных кораблей с более мощным, нежели у миноносцев, вооружением, но с аналогично высокой скоростью хода.

Определившись с основными понятиями, начнем с анализа минно-торпедных сил русского военно-морского флота. Сразу оговоримся, что в масштабах данной статьи и в связи с ограниченностью ее объема (в отличие от фундаментальных трудов) мы не видим смысла подробно анализировать номерные миноносцы, находившиеся во Владивостоке и по прямому назначению не использовавшиеся, поэтому опишем данные суда лишь в самых общих чертах, без анализа каждого конкретного судна, как это было в случае с крейсерами.

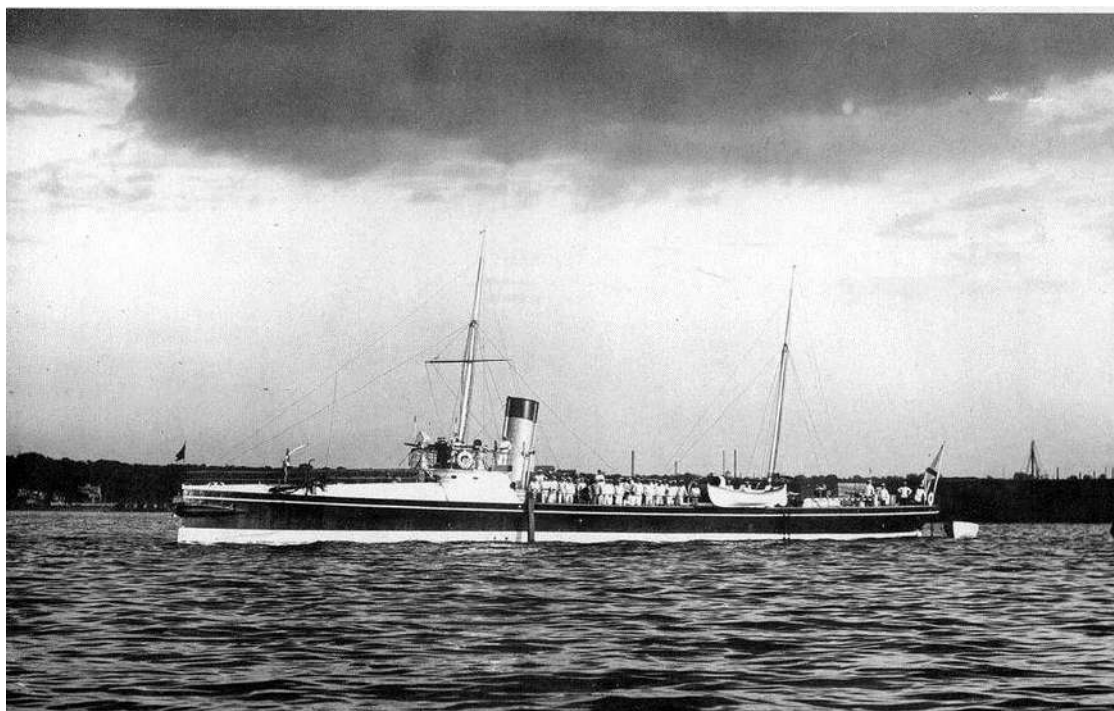

Рис. 13. Минный крейсер «Гайдамак» (1893) ко времени Русско-японской войны устарел и не мог быть использован по прямому своему назначению, однако оказался весьма полезен как тральщик

Самыми крупными торпедными кораблями в артурской эскадре были два минных крейсера из шести типа «Казарский» (1890–1893) – «Всадник» (1893) и «Гайдамак» (1893); оба построены в России на верфи братьев Крейтон в г. Або (Великое княжество Финляндское). Весьма приличный для времени своего создания проект, выполненный германской фирмой «Шихау» в г. Эльбинг, к началу Русско-японской войны безнадежно устарел, поэтому по своему прямому назначению использоваться не мог. Однако оба «крейсера» очень активно применялись для траления внешнего рейда Порт-Артура, а также сопровождали эскадру при С.О. Макарове при всех ее выходах; в частности, «Гайдамак» во время подрыва «Петропавловска» на mine находился по левому борту броненосца и спасал уцелевших моряков, включая двоюродного брата императора, великого князя Кирилла Александровича.

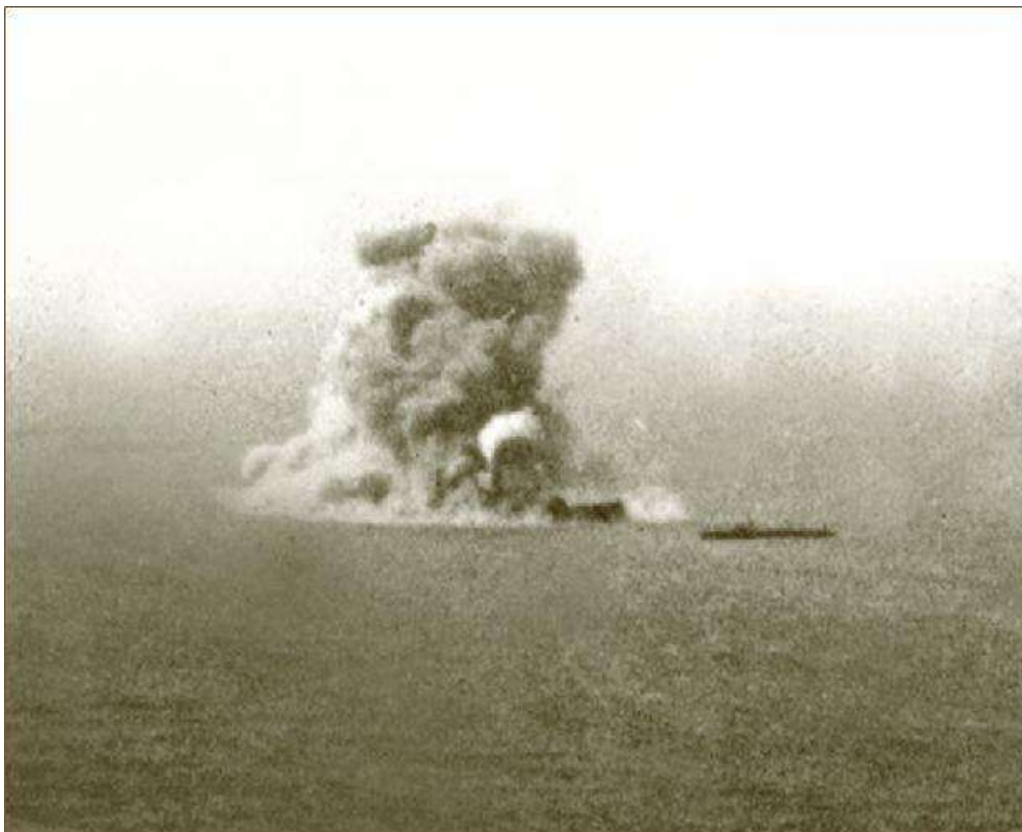

Рис. 14. Детонация боезапаса носовой башни главного калибра эскадренного броненосца «Петропавловск» 31 марта 1904 года, приведшая к гибели командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой С.О. Макарова; некоторые исследователи считают этот эпизод поворотным моментом в Русско-японской войне. Небольшой силуэт на левом траверзе броненосца – минный крейсер «Гайдамак»

Оба судна имели около 400 тонн водоизмещения, чуть более 57 м длины при ширине в 7,2 м и осадке в 3,4 м, одновинтовую движительную установку с мощностью паровой машины в 3500 л.с. при двух огнетрубных котлах и в свое время развивали весьма приличные 22,5 узла максимальной скорости; запас хода, в целом, был неплохим – 1650 миль на 10-узловой скорости. Свою первоначальную максимальную скорость к началу войны корабли вряд ли выдавали, что делало невозможным их использование в качестве эсминцев; да и уровень вооружения не позволял тягаться с «японцами». Корабли были вооружены двумя 381-мм торпедными аппаратами, которые могли вращаться на 360 градусов (впервые в отечественном флоте), шесть 47-мм пушек Гочкиса и три 37-миллиметровки (Мельников, 2005; 11).

К сожалению, ни у адмиралов Морского министерства, ни у сотрудников Морского технического комитета, ни в конце концов у чиновников военно-морского учебного отдела Главного морского штаба и Порт-Артурского флотского руководства еще до войны не нашлось ни ресурсов, ни желания «довести до ума» эти, в целом, весьма неплохие и, главное, очень нужные Тихоокеанской эскадре суда. Водоизмещение кораблей позволяло разместить на них до трех 75-миллиметровых орудий (лучшие русские эсминцы несли лишь одно) при сохранении количества торпедных аппаратов¹. А при качественном ремонте/замене машины (либо силовой установки в целом) и/или ее модернизации скорость хода, скорее всего, можно было бы сохранить на уровне 22,5–23 узлов (в том числе и за счет уменьшения запасов угля, так как дальность плавания в «артурском» случае отходила на последний план), что стало бы достаточно для ретирования от любого японского легкого крейсера, а эсминцы Тейкоку Кайгун для подобного корабля были бы уже не страшны. Более того, даже наоборот: модернизированные суда типа «Казарский» вполне могли бы использоваться в качестве лидеров эсминцев, сопровождая их ночные вылазки и будучи «грозой» для японских миноносцев любого класса. Однако, скорее, по субъективным причинам всем вышеуказанным «бы» не суждено было реализоваться: ничего из обозначенного сделано не было и на обоих «казарских» был поставлен «крест» как на безнадежно устаревших кораблях, в результате чего они использовались лишь как тральщики и посыльные суда.

¹ Что впоследствии и будет сделано на уцелевших кораблях серии в 1910 году, в частности на головном «Казарском».

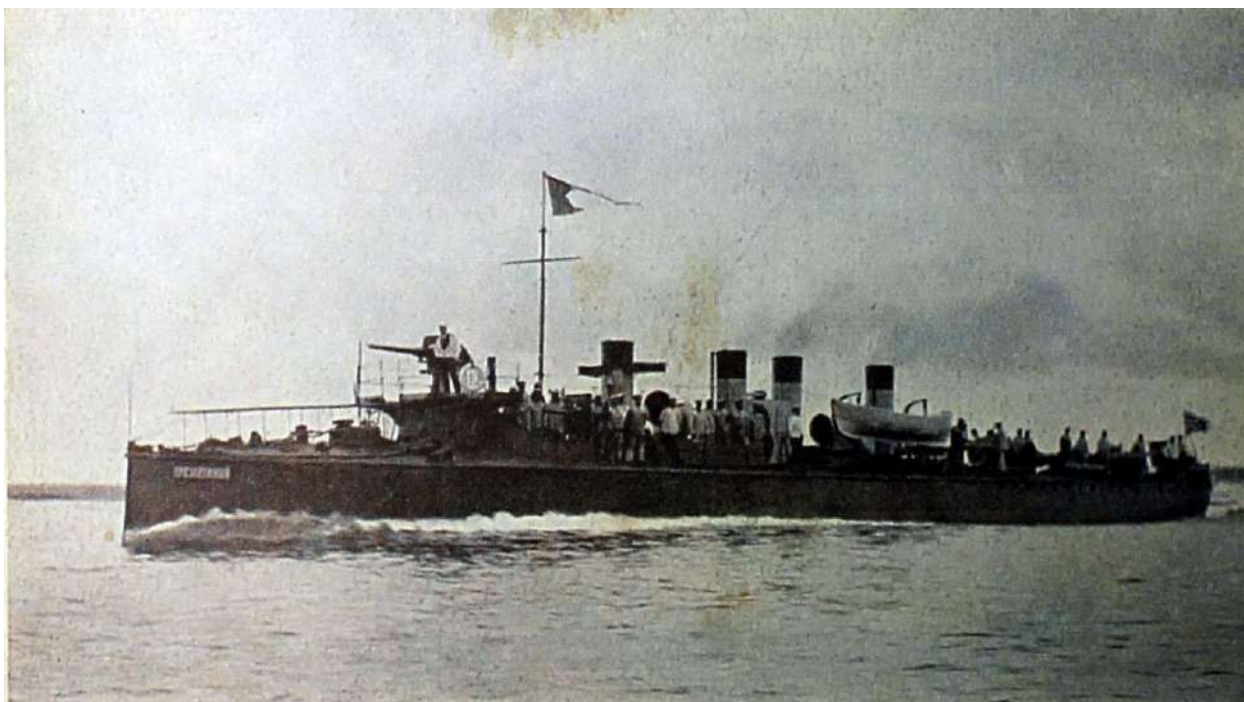

Рис. 15. Героическая гибель «Стерегущего» (1902) 26 февраля 1904 года прославила миноносцы типа «Сокол» (1894–1906)¹

Самым распространенным типом эсминцев русского флота в войне стали корабли типа «Сокол» (1894–1906). Сам факт 12-летнего строительства 27 кораблей этого типа говорит, с одной стороны, о прекрасном качестве проекта английской фирмы Ярроу, прототипом для которого послужил уже упомянутый «Хэвок». С другой – о косности мышления русского адмиралтейства, которое никак не могло идти «в ногу со временем: ни в случае с «дианами», ни с послевоенными «баянами» и «богатырями», ни с «соколами» – и спускало на воду устаревшие еще на стапеле корабли. Британская идея нашла свое воплощение в головном корабле серии, который после 1902 года сменил название на «Прыткий», следуя общей тенденции изменения «животных» названий на «боевые прилагательные», и в 1895 году первым в мире из боевых кораблей превысил порог скорости в 30 узлов (Афонин, Балакин, 2004; 12). Все в проекте было поставлено на скорость: две очень мощные и легкие паровые машины тройного расширения в 1900 л.с. каждая, минимум деталей набора, максимально тонкие листы обшивки и палубного настила (не более 5 мм), который прогибался и «играл» под весом человека. Такой вариант не устроил русских моряков, и корабли российской постройки было решено несколько усилить, доведя толщину обшивки и настила до 7,5 мм. Платой за уменьшение «хлипкости» корпуса стало увеличение водоизмещения и стоимости, а также снижение скорости: отечественные «соколы» в реальной эксплуатации не выдавали больше 26 узлов, отставая в этом отношении от своих «основных» противников – японских эсминцев типа «Муракумо», которые на спокойной воде честно выдавали свои проектные 30 узлов. Даже эта небольшая нехватка скорости в итоге оказалась весьма важной: в частности, принадлежащие к типу «Сокол» порт-артурские «Решительный» и «Стерегущий» в бою 26 февраля 1904 года не смогли оторваться от японских эсминцев вышеуказанных типов, что в итоге закончилось героической гибелью последнего.

Тактико-технические характеристики корабля следующие. Водоизмещение кораблей было больше проектных 240 тонн и колебалось в зависимости от конкретного экземпляра в районе 260 тонн при длине в почти 58 м, ширине 5,3 м и осадки в зависимости от загрузки водой и углем в 1,63–2,29 м. Мощность двух машин составляла 3800 л.с., что позволяло достигать максимальной скорости в 26,5 узлов. На мерной миле все эсминцы данной серии показали максимальный ход под 27 узлов, кроме «русского» головного «Решительного»², выдавшего только 25,75 узла (Афонин,

¹ Автор указывает водоизмещение в 340 тонн, видимо, имея в виду полное водоизмещение со всеми запасами угля (60 тонн), пресной воды для котлов и боеприпасов. «Сухое» водоизмещение «Стерегущего» обычно считают в 259 тонн.

² Несмотря на недобор скорости, у корабля оказалась весьма бурная судьба – как будто соответствуя своему названию, «Решительный» всячески старался быть в самой гуще событий. Накануне сражения в Желтом море 28 июля 1904 года он с депешей сумел скрытно вырваться из Порт-Артура в Чифу и, согласно приказу русского командования и международному праву, был интернирован. Однако это не помешало японским морякам в нарушение международных конвенций скрытно подойти на шлюпках

Балакин, 2004; 12), и, как указывалось выше, несколько проигрывали своим японским визави. Полного запаса угля «Прыткого» (британский вариант) хватало на очень внушительные 2500 миль 10-узловым ходом, 1200 миль 15-узловым ходом или полным 25-узловым ходом на 250 миль. Остальные корабли, как уже указывалось, были российской постройки, и дальность плавания не только была значительно меньше – 660 миль 13-узловым ходом, однако в условиях «артурской» службы это не было большой проблемой, в отличие, к примеру, от 2-й Тихоокеанской эскадры, когда эсминцы типа «Буйный» с куда более высокой автономностью (1200 миль) вынуждены были выбрасываться на берег из-за отсутствия угля (речь идет о ситуации, случившейся с «Быстрым», когда в топках сожгли даже мебель, чтобы успеть «добежать» до Корейского берега). Нельзя также не отметить и крайнюю ненадежность силовых установок, которые приходилось ремонтировать чуть ли не после каждого выхода в море (Надеждин, 1987; 29). Вместе с тем боевые действия показали исключительную живучесть и вполне приемлемую для своего водоизмещения мореходность эсминцев типа «Сокол».

Вооружение «соколов» включало одно 75-миллиметровое орудие Канэ в 50 калибров и три 47-миллиметровых пушки Гочкиса в 35 калибров. Оно было слабее, чем у японских эсминцев, причем возможности для улучшения имелись даже при столь скромном водоизмещении. Например, в 1912 году на эти корабли установили вторую, ютовую «трехдюймовку», при сохранении количества торпедных аппаратов; однако очевидность недовооруженности русских эскадренных миноносцев всех типов стала понятна для военно-морского руководства лишь после Русско-японской войны.

Понимая необходимость скорейшего введения в строй значительного количества кораблей класса «эсминец» для противостояния японскому флоту, русское адмиралтейство в «Программе для нужд Дальнего Востока» 1898 года предусматривает строительство нескольких десятков таких кораблей, причем заказы размещают и за рубежом – во Франции и Германии, так как, к сожалению, в связи с обострением международной обстановки заказывать корабли в Великобритании Россия уже не могла по политическим соображениям (в отличие от Японии, которая «по максимуму» задействовала британские судостроительные мощности «своими» эсминцами). Однако один эсминец по Программе 1898 года в Англии все же заказали – таковым стал «Боевой» (1899).

Во Франции были заказаны пять эсминцев типа «Форель» (1898–1902), в Германии – четыре корабля типа «Кит» / «Касатка» / «Бдительный» / «Бесшумный» (1898–1900)¹.

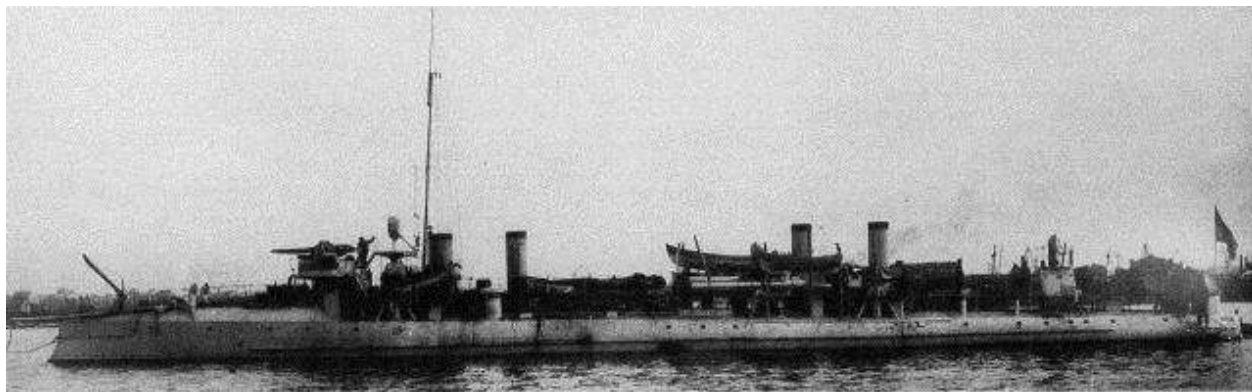

Рис. 16. Эсминец «Внимательный» (1900) стал головным кораблем типа «Форель» и принял активное участие в деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры

и, после непродолжительного рукопашного боя с жертвами по обе стороны, взять судно на abordаж. Переименованный в «Акацуки» (с японского «заря»), он участвовал в Цусимском сражении и словно в отместку за «нечестную» смену «хозяина» протаранил и отправил на дно японский же миноносец № 68.

¹ Путаница в названии данного типа эсминцев кроется в следующем: первоначально все эсминцы данного типа носили «рыбно-китовые» названия («Кит», «Касатка», «Дельфин», «Скат»). Первым была заказана «Касатка» (после переименования ставшая «Бесшумным»); по флотской традиции серия однотипных кораблей получает название по имени головного корабля, поэтому многие авторы называют данный тип «Касаткой» или «Бесшумным», опираясь на второе «боевое» название. Однако руководство и строители верфи Шихау сумели всячески подсуесться и одновременно к сдаче «Аскольда» предоставить и один эсминец, однако им стал «Кит» (впоследствии «Бдительный»), а не «Касатка». Поэтому часть авторов название серии указывает по имени первого спущенного на воду корабля, то есть «Кита». С учетом переименования на «боевое прилагательное» в 1902 году название серии порой достаточно забавно включает целых четыре названия: «Кит»/«Касатка»/«Бдительный»/«Бесшумный».

«Форели» были заказаны «проверенному зарубежному партнеру» – фирме «Форж и Шантье де ла Медитерранне», строившей эскадренный броненосец «Цесаревич» и броненосный крейсер «Баян»; первые два в серии («Форель»/«Внимательный» (1900) и «Стерлядь»/«Выносливый» (1901) строил подрядчик исполнителя – завод Нормана, остальные три («Осетр»/«Вшушительный» (1901), «Кефаль»/«Властный» (1901) и «Лосось»/«Грозовой» (1902)) – непосредственно завод «Форж и Шантье» в Гавре.

Силуэт корабля повторял эсминцы типа «Сокол», однако полное водоизмещение увеличилось до 346 тонн (и это несмотря на то, что в целях «экономии» требования МТК прямо ограничивали водоизмещение в 300 тонн; поэтому в некоторых источниках фигурирует полное водоизмещение в 312 тонн) (см, например, [Лихачев, 2004; 6](#)). Основные размерения были отчасти схожи: длина 56,6 м, ширина и осадка значительно больше – 6,3 м и 3,4 м соответственно. Мощность двухвинтовой силовой установки составляла 5800 л.с. при четырех котлах, каждый из которых имел свою дымовую трубу. Обе машины размещались в центре корабля по так называемой «эшелонной схеме» («котел-машина-машина-котел» или более поздняя схема, использованная в том числе и на советских «продвинутых» эсминцах времен Великой Отечественной войны проекта 7-У «котлы-турбина-котлы-турбина»), котлы располагались ближе к оконечностям; такая схема в теории является более «живучей» по сравнению с «линейной» («котлы-машины»), так как при повреждении одной паровой магистрали сможет действовать другая – с «противоположной» стороны. Дальность плавания, особенно с учетом высокого экономического хода в 15 узлов, была неплохой – 1500 миль; однако в составе эскадры броненосных кораблей, экономический ход которых был 10 узлов, двигаться было бы весьма неудобно, но с учетом того, что все «форели» служили в Порт-Артуре, это обстоятельство нельзя считать недостатком. Максимальная скорость хода – 28 узлов.

Вооружение представляло собой «русский стандарт» для эскадренных миноносцев и состояло из одного 75-мм орудия и пяти 47-мм пушек. Торпедное вооружение включало два поворотных однотрубных 381-мм торпедных аппарата; две торпеды системы Уайтхеда находились в аппаратах, еще две – запасные.

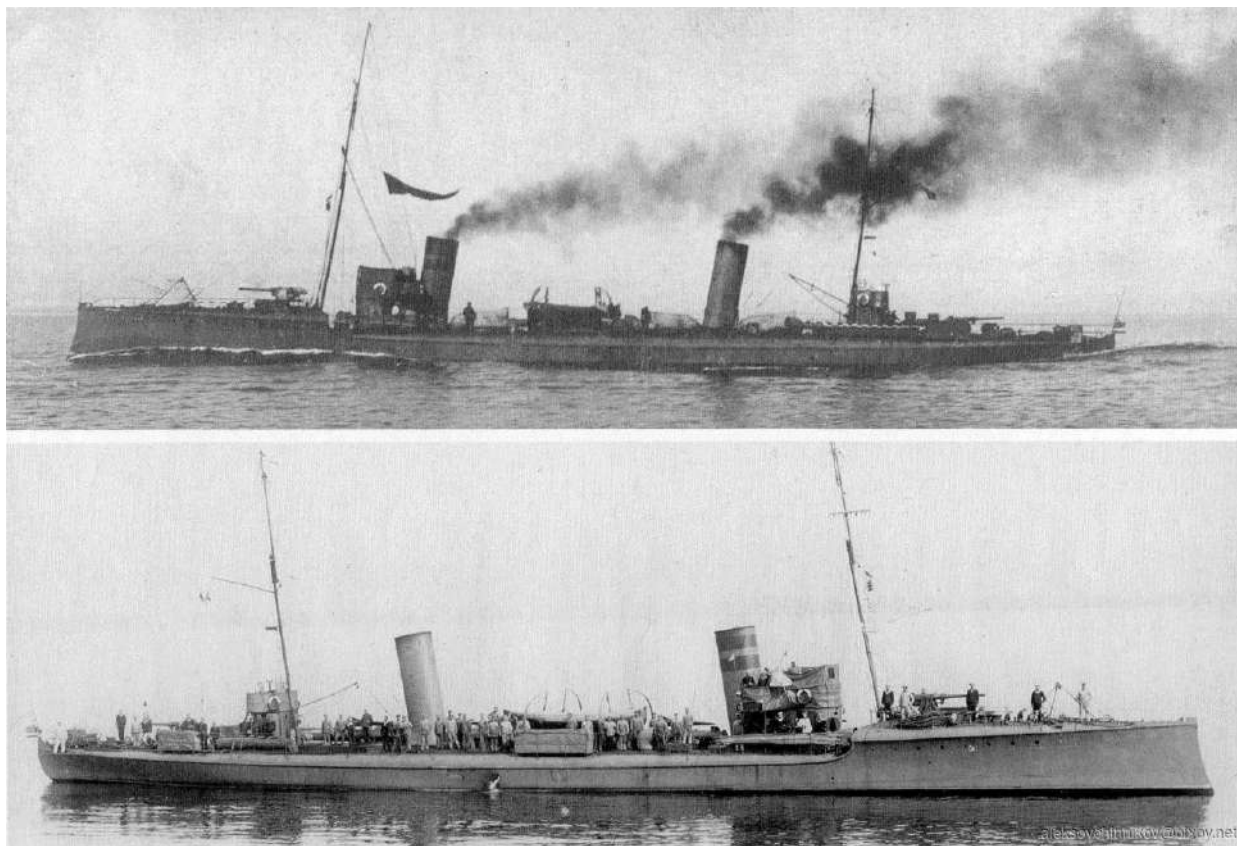

Рис. 17. Миноносцы типа «Кит» / «Касатка» / «Бдительный» (1899–1900) по общему признанию стали наиболее мощным и надежным типом эсминцев русского флота в Русско-японской войне 1904–1905 годов

Однако «французские» эсминцы, по общему признанию как моряков, так впоследствии и авторитетных историков флота (см., в частности, Н.Н. Афонин, С.А. Балакин и др.; см., например, [Афонин, 2005а](#)) заметно уступали в качестве «немецким». Как уже указывалось выше, в Германии

заказали четыре эсминца типа «Кит» – «Кит»/«Бдительный» (1899), «Скат»/«Беспощадный» (1899), «Дельфин»/«Бесстрашный» (1899) и «Касатка»/«Бесшумный» (1900). Заказ поручили фирме Фридриха Шихау, которая несколько лет назад спроектировала для русского флота неплохой для своего времени минный крейсер типа «Казарский» и построила головной корабль. Отличительной особенностью русских эсминцев (кроме «британца» «Быстрого») стало наличие таранного форштевня, который прямо указывался в техзадании даже в поздних проектах, в то время как в зарубежных флотах от этого «рудимента» (Афонин, 2005а; 5), который бесполезно «съедал» водоизмещение, ухудшал ходовые качества и усложнял конструкцию, уже отказались. Впрочем, русскому флоту он все же сыграл добрую службу, когда захваченный японцами «Решительный» в ходе Цусимского сражения тараном потопил свой же миноносец; нельзя не согласиться с тезисом о том, что таранный форштевень в конце XIX – начале XX века стал эффективным «оружием против своих» (Балакин, 1993: № 30-32)...

Полное водоизмещение «китов» обычно указывают в 354 тонны (Афонин, 2005а; 5) при длине в 61 м, ширине в 7 м и осадке 1,8 м. Как видим, соотношение длины к ширине было значительно меньше, чем у японских эсминцев британской постройки. Это прямо отражалось на максимальной скорости, однако качественные обводы и хорошие машины позволяли выдавать более 27 узлов на мерной миле. Мощность двух паровых машин тройного расширения составляла 6000 л.с. Запас хода выдающимся отнюдь не был (1500 миль), экономическим был ход в 15 узлов, что при переброске эсминцев данного типа могло принести определенный профит; также выгоды могли быть при локальных рейдерских вылазках вместе с «большими» крейсерами. Однако, как и в случае с «форелями», при передвижении в составе эскадры это обстоятельство было скорее недостатком, так как на 10-узловом ходу «киты» расходовали угля больше, чем на 15-узловом.

Вооружение стандартное: одна 75-мм и пять 47-мм пушек. Однако «киты» несли на один торпедный аппарат больше – результат удлинения корпуса: на палубе линейно в поворотных тумбах размещалось целых три пусковых установки для 381-мм торпед системы Лесснера; три находились в аппарате, еще три в запасе.

Все четыре «кита» очень активно использовались в «артурской» эскадре, и большая их часть смогла избежать гибели, прорвавшись в нейтральные порты и интернировавшись. Не повезло только головному «Бдительному», который в конце октября 1904 года подорвался на mine, однако ресурсов отремонтировать его у крепости не было; за три дня до сдачи Порт-Артура, 20 декабря 1904 года, он был взорван.

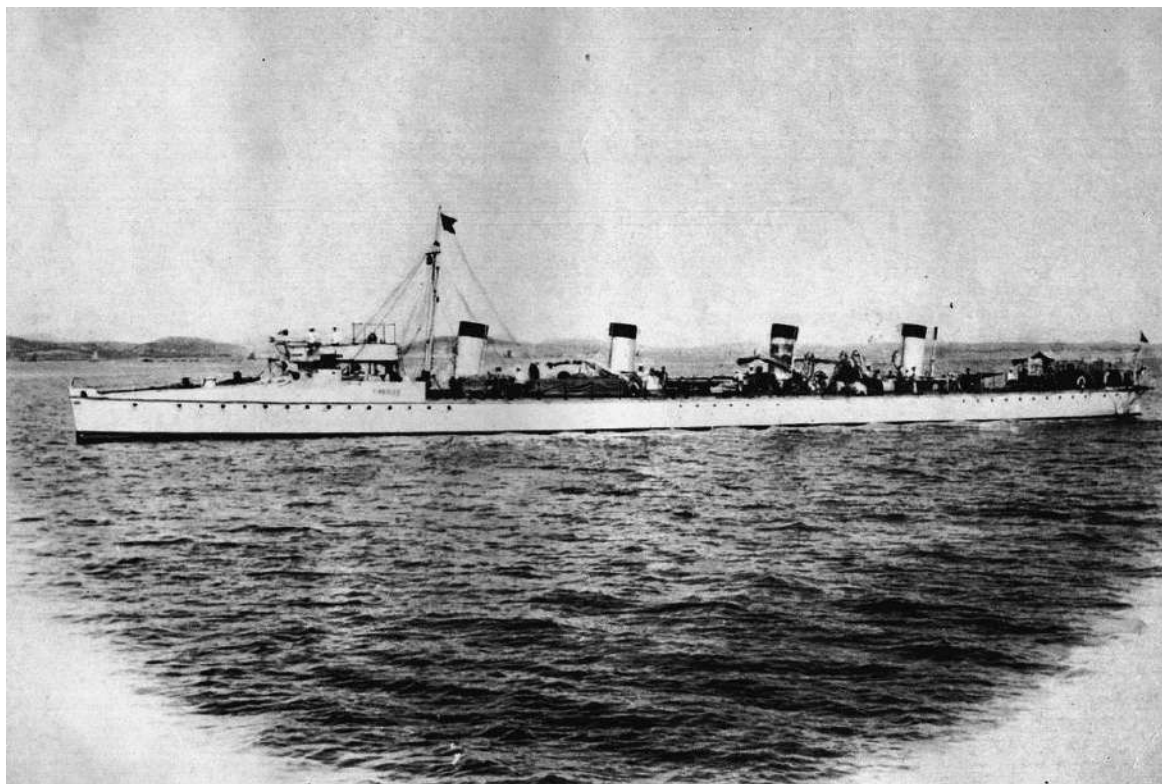

Рис. 18. Эсминец «Боевой» стал вторым и последним торпедным кораблем, заказанным в Великобритании и стал редчайшим для английского судостроения примером, когда отказываются от дальнейших заказов из-за неудовлетворенности качеством работ исполнителя; в данном случае – верфи Laird Brothers (г. Биркенхэд)

Однако наиболее ранним из заказанных с прицелом на войну с Японией эсминцем стал заказанный у «владычицы морей» «Боевой» (1899). Заказ был размещен на верфи братьев Лэрд в г. Биркенхэд. Корабль имел стандартное вооружение (одна 75-мм и пять 47-мм пушек, а также два 381-мм торпедных аппарата в поворотных тумбах) при приличной длине почти в 65 м и ширине 6,5 м (соотношение длины к ширине ровно 10 к 1) и весьма солидном водоизмещении в 412 тонн (Энциклопедия, 1915–1918; 592). Характерной его чертой в русском флоте стало отсутствие таранного форштевня, что не ухудшило боевые качества, но весьма положительно сказалось на ходовых качествах. Мощность силовой установки также была «стандартной» (6000 л.с.) при четырех котлах и двух паровых машинах тройного расширения, которая позволяла достигать 26,7 узлов максимальной скорости. Дальность плавания тоже была «стандартной» – 1578 миль на 15 узлах.

Однако вовсе не политические причины стали результатом того факта, что больше военных кораблей у англичан Российская империя заказывать не стала. «Боевой» стал одним из очень немногих прецедентов в те времена, когда заказчик оказался разочарован уровнем британского военного судостроения: прежде всего это недобор контрактной скорости почти в 1,5 узла: по проекту предусматривались 28 узлов, на испытаниях в «тепличных условиях» эсминец выжал максимум 26,67 уз. Недовольство адмиралтейства вызвала и задержка сдачи судна на два с лишним месяца. В итоге «Боевого» все же приняли в казну, но других кораблей в Великобритании русский флот больше не заказывал. Однако нельзя не отметить и положительные стороны: сделав выводы из «соколов», британские судостроители не стали сильно экономить на качестве корпуса. Это обстоятельство спасло «Боевой» в буквальном смысле слова: 23 июля 1904 года, получив торпеду с японских катеров в бухте Такэ в левый борт в районе кочегарки, корабль, благодаря героическим усилиям экипажа, смог остаться на плаву, одновременно отстреливаясь от неприятеля. Однако ресурсов и желания (на наш взгляд, именно это основной момент; вопрос о целесообразности мы не ставим) ремонтировать корабль у флотского руководства не было и перед сдачей Артура 20 декабря 1904 года его, как и «Бдительного», взорвали.

Разумеется, собственные судостроительные мощности Россия тоже задействовала «по максимуму». Так появились так называемые «невки» – десять эсминцев типа «Буйный» (1901–1905), спроектированных и построенных силами Невского судостроительного и механического завода. В основу лег проект японского эсминца типа «Икадзути», шесть штук которых строила для Тейкоку Кайгун фирма Ярроу. В 1-й Тихоокеанской эскадре были только две «невки» – «Бойкий» и «Бурный», остальные участвовали в Цусимском сражении.

Рис. 19. Эсминцы отечественной постройки типа «Буйный» (1901–1905) при большем, чем у зарубежных аналогов водоизмещении, не имели в сравнении с ними каких-либо преимуществ

«Невки» были наиболее крупными «артурскими» эсминцами: их полное водоизмещение достигало 420 тонн (при стандартном или, говоря языком авто- и авиастроителей, «сухом» водоизмещении в 350 тонн) при длине в 64,1 м, ширине 6,4 м, наибольшей осадке в 2,82 м. Некоторые исследователи указывают полное водоизмещение и вовсе в 440 тонн (см., в частности,

Афонин, 2005b, 7). Соотношение длины к ширине в полном соответствии с британской традицией строительства быстроходных кораблей было очень большим – ровно 10/1, что позволяло достигать скоростей в 26–27,7 узлов (самый медленный в серии – «Бойкий», самый быстрый – «Бодрый») при большем водоизмещении и меньшей на 300 л.с., нежели у «китов», мощности машин (5700 л.с.). Расположение механизмов было линейным. Однако запас хода при большем в сравнении с другими эсминцами водоизмещении был совсем невелик: 1000 миль 14-узловым экономическим ходом (в реальной эксплуатации, по данным Н.Н. Афонаина, 1200 миль 12-узловым ходом). Если в 1-й Тихоокеанской эскадре это не было критичным фактором, то во 2-й Тихоокеанской эскадре с учетом длительных переходов данное обстоятельство сыграло недобрую службу «невкам» в Цусимском сражении. В частности, «Быстрый» в первый день боя, 14 мая 1905 года, «сжег» весь уголь, а во второй день не успел в боевых условиях перегрузить топливо с крейсера «Светлана», в результате чего вынужден был выбраться на корейский берег, дошел до которого лишь после сжигания в топках всего, что могло гореть. Вооружались корабли аналогично предыдущему типу: одно 75-мм орудие, пять 47-мм пушек, три 381-мм торпедных аппаратах и шесть торпед на борту. Однако решение разместить один аппарат неподвижно в форштевне (см. рис. 19) является по меньшей мере спорным: выигрыш в водоизмещении был невелик, изготовление упрощалось незначительно, однако возможности применения его в бою ограничивались весьма существенно, усиливая вооружение корабля лишь на бумаге.

Можно констатировать, что отечественные эсминцы как с инженерной, так и с эксплуатационной точек зрения оказались не только не лучше, но, по общему признанию, даже хуже зарубежных аналогов. Главным недостатком (помимо «стандарта» в вооружении, который был применен на всех эсминцах «Программы для нужд Дальнего Востока» и о чем будет сказано ниже) «невок» является крайняя степень небрежности исполнения и «нецелесообразная» экономия. Прежде всего это касалось электрики: провода были одножильными и по большей части даже не заизолированными, защита электроприборов от морской воды была символичной. Заказ на десять кораблей оказался для Невского завода непосильным, в результате чего работы проводились в спешке, а часть деталей приходилось заказывать за рубежом. Надежностью корабли данного типа отнюдь не отличались, что в полной мере показал переход обоих «буйных» с Балтики на Дальний Восток, однако по окончании неспешного длительного годового ремонта эсминцы использовались очень активно и результативно. К положительным качествам следует отнести относительно удобные условия для экипажей и просторные кочегарки, а также приспособленность к эксплуатации в холодных условиях, чем они выгодно отличались от «соколов».

Также по «Программе для нужд Дальнего Востока» были построены и три эсминца типа «Грозный» (1904) – дальнейшие развитие судов типа «Буйный», однако они не входили в 1-ю Тихоокеанскую эскадру и стали участниками Цусимской битвы, поэтому их анализ остается за пределами данной статьи.

Завершив исследование характеристик отечественных эсминцев, перейдем к краткому описанию японских судов аналогичного класса.

Понимая необходимость «больших миноносцев» и убедившись в их эффективности в Японо-китайскую войну, адмиралы Тейкоку Кайгун в «Программе усиления флота 1896 года» определили тактико-технические характеристики своих будущих эсминцев. Заказ, разумеется, был размещен в Великобритании, причем двум конкурирующим между собой фирмам: шесть кораблей (тип «Икадзути»/«Сазанами») должна была строить верфь Ярроу (район Поплар, Лондон), шесть (тип «Муракумо»/«Синономэ») – верфь Джона Торникрофта (район Чизик, Лондон). Прежде всего, японские моряки сделали ставку на скорость – она стала наиболее общей чертой эсминцев Тейкоку Кайгун. Проектные 30 узлов максимальной скорости на мерной миле превзошли все корабли. Однако в реальной эксплуатации скорость всех указанных кораблей не превышала 26–28 узлов. Сложно сказать, в чем именно крылась проблема: или в «тепличных» заводских условиях контрольного пробег, или в некачественном буром угле, которым снабжались японские эсминцы в боевых условиях, или в слабых физических кондициях японских кочегаров, но несомненно одно: каких-либо реальных преимуществ проектные скоростные характеристики японских судов перед русскими кораблями аналогичного класса не дали, в отличие от прекрасного вооружения (Патянин, 1998; 4).

Что касается двойных названий указанных типов, то, как и в случае с русскими «китами», головные корабли (первое название) обеих серий были спущены на воду позже своих сестершипов (второе название); в данной статье мы ориентируемся на имя головного корабля.

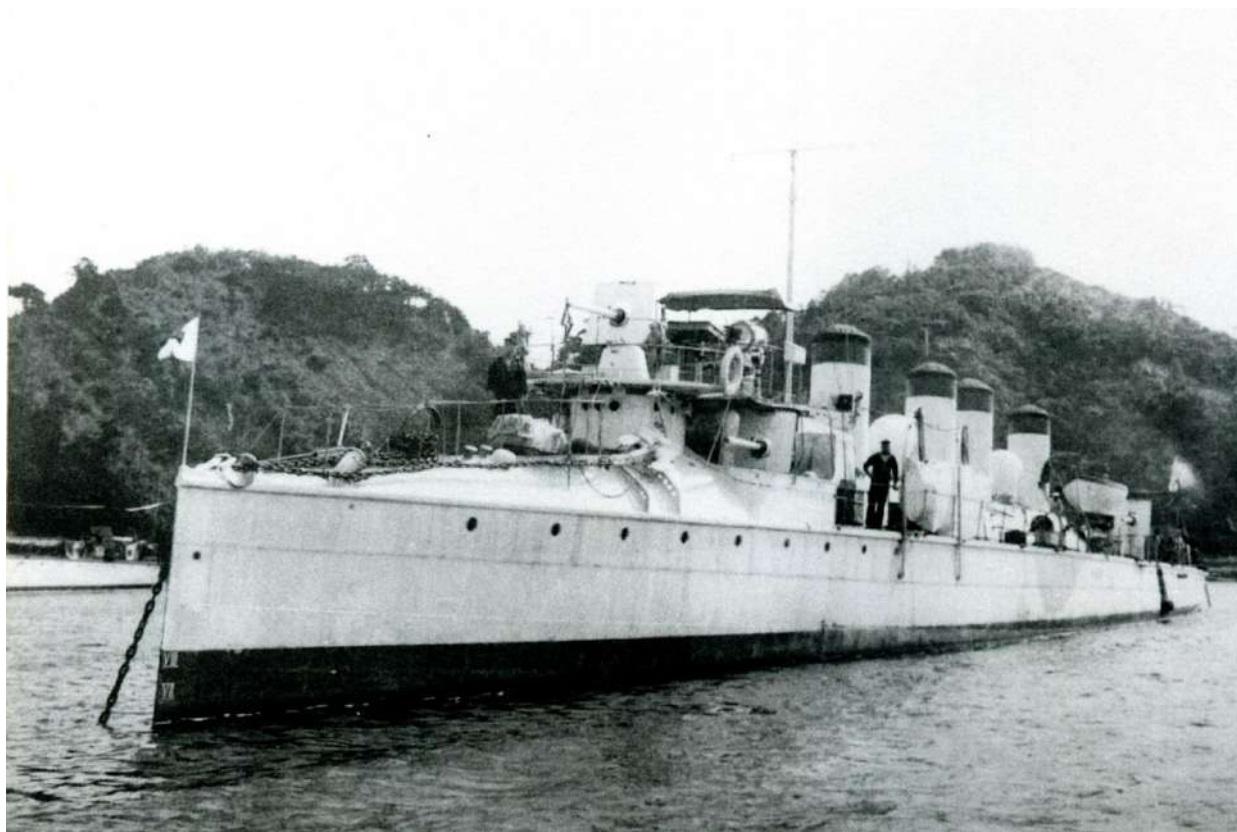

Рис. 20. Эсминцы типа «Икадзути» / «Сазанами» (1898–1899) оказались настолько сбалансированы, что дальнейшая модернизация оказалась по факту невозможной, а высокая на испытаниях скорость никогда не достигалась на практике

Начнем с типа «Икадзути» (1898–1899) как наименее удачных, на наш взгляд, эсминцев Тейкоку Кайгун. Предприимчивый основатель компании Альфред Ярроу с детства обожал быстроходные суда и, безусловно, знал в этом деле толк, проектируя не только обводы и компоновку эсминцев, но и машины с котлами, которые пользовались огромным спросом в мире. Данный тип эсминцев, помимо головного, состоял из «Инадзума», «Нидзи», «Акебоно», «Оборо» и «Сазанами» – серия была названа в честь различных небесных явлений.

Полное водоизмещение «Икадзути» было 420 тонн, стандартное – 310 тонн. Для достижения максимума скорости при минимуме водоизмещения и мощности соотношение длины к ширине было необычайно высоким – более 11 к 1, что у современников вполне закономерно вызывало вопросы к прочности судна, особенно с учетом того, что набор и обшивка собирались из тонкой 4–5-миллиметровой мягкой стали. Две машины при четырех котлах давали 6000 л.с., что было достаточно для достижения проектных 30 узлов скорости. Однако на мерной миле почти все корабли превысили ее, а «Нидзи» и вовсе развил 31,15 узла, за что Ярроу получил премию. Вместе с тем, как уже указывалось, на практике подобные скорости не были достигнуты ни разу. Более того, проектная невероятная дальность плавания в 3000 миль 10-узловым ходом в реальности оказалась в два, а порой и в три раза хуже. «Хлипкость» корпуса влекла за собой сильную вибрацию на высоких скоростях, однако в целом живучесть кораблей типа «Икадзути» на практике оказалась не хуже, чем у значительно более «прочных» русских аналогов.

Вооружение представляло из себя пресловутый «стандарт» и включало одно 76-мм орудие системы Армстронга и пять 57-мм орудий системы Гочкиса, а также два 450-мм торпедных аппарата Уайтхеда и с четырьмя торпедами.

Проект «Икадзути» оказался настолько сбалансированным, что попытки улучшения первоначальных характеристик могли оказаться фатальными. Речь идет, прежде всего, об установке второго 76-мм орудия на юте корабля. На данном типе его не устанавливали, так как, вероятно, боялись утяжелять конечности, дабы корабль не разломился на волне пополам. Без учета разницы в боеприпасах эти корабли в реальной эксплуатации вполне можно назвать тождественными русским крупным эсминцам («соколы» с их более слабым вооружением и значительно меньшим водоизмещением, разумеется, являются исключением), ибо абсолютно никаких преимуществ, на наш взгляд, не имели.

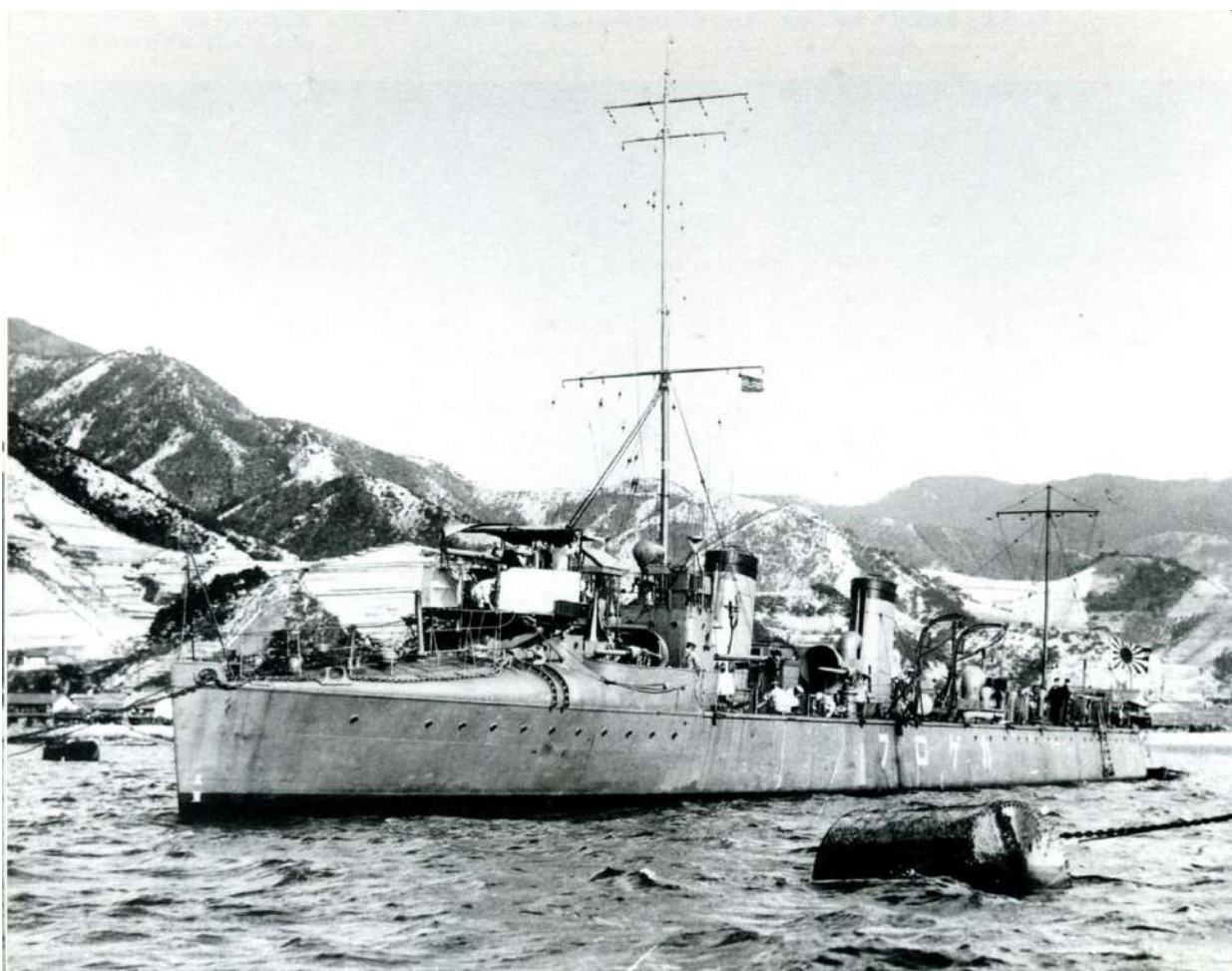

Рис. 21. Эсминцы типа «Муракумо» / «Синономэ» (1898–1900) получились значительно более удачными, чем «Икадзути», и после модернизации превосходили по мощности корабли русского флота аналогичного класса

Джон Торникрофт, по нашему мнению, с задачей справился значительно лучше: его творение, ставшее типом «Муракумо» (1898–1900), оказалось куда более «продвинутым» и в плане заводских характеристик, и в отношении возможностей для модернизации. Помимо головного, он включал в себя эсминцы «Синономэ», «Югири», «Сирануи», «Кагэро», «Усугомо», также названные в честь явлений природы.

Корабли имели меньше, чем «Икадзути», водоизмещение: полное 367 тонн, стандартное 275 тонн. Соотношение к длине было аналогично предыдущему типу: длина судна была 67,7 м, ширина – почти 6 м при осадке «пустого» корабля 1,7 м. Две паровые машины, но при трех котлах давали 5800 л.с. и максимальную проектную скорость в 30 узлов. Котлы, спроектированные Торникрофтом оказались более эффективными и компактными (невысокими), чем Ярроу. Это позволило сгруппировать дымоходы в две трубы, сделать силуэт корабля более низким и, соответственно, менее заметным, а также существенно понизить центр тяжести, что положительно сказалось на остойчивости. Также все корабли серии не только не достигли, но и смогли превзойти контрактную скорость, а с учетом лучшей мореходности в реальной эксплуатации их скорости также были выше, чем у «Икадзути». Не случайно именно «Муракумо» японцы выбрали в качестве прототипа для эсминцев собственного производства.

Первоначально вооружение типа «Муракумо» было стандартным: одно 76-мм и пять 57-мм орудий при двух однотрубных 450-мм торпедных аппаратах в поворотных тумбах и четырех торпед на борту. Однако с началом войны японское адмиралтейство осознало необходимость усиления артиллерии, и в начале 1904 года ютовую 57-миллиметровку заменили на 76-мм орудие, так как развесовка корабля и прочность корпуса позволяли пойти на такой шаг, что заметно усилило мощь корабля, и в такой конфигурации японские эсминцы получили заметное преимущество над российскими.

Однако в боевых условиях шансы распределились поровну, что со всей наглядностью проявилось в Цусимском сражении, где имели место дуэльные противостояния, ибо сравнивать бои с артурскими эсминцами было бы несправедливо: бой со «Страшным» и «Стерегущим» был при

подавляющем численном превосходстве японской стороны, а бой ночью 26 февраля 1904 года «четыре на четыре» был настолько скоротечен, что не позволяет сделать какие-либо полновесные выводы (в этом бою участвовали не «муракумо» и «икадзути», а их «потомки» – более поздние типы эсминцев «Сиракумо» и «Акацуки»; в этом бою эсминец «Выносливый» вместе с командиром отряда каперангом Н.А. Магусевичем едва не погиб; японская же сторона понесла существенно больший урон (Кокцинский, 2002; 430), в том числе в результате успешной торпедной атаки «Властного», но без потери судов. При Цусиме же обладающий теоретически более высокой скоростью «Муракумо» не смог догнать «Быстрого»; «Кагэро» безуспешно преследовал «Грозного» и, согласно русским источникам, полученные им значительные повреждения заставили отказаться от преследования. «Сирануи» же смог одолеть однотипного с «Грозным» «Громкого», но, правда, лишь после того, как у последнего кончились уголь и боеприпасы, в результате чего сама команда затопила корабль (в этом бою более тихоходный «по паспорту» «Громкий» – 25,8 уз. – сумел на короткое время оторваться от «Сирануи», и лишь нехватка угля и измотанность до предела кочегарной команды заставили русских моряков вступить в бой). Поэтому говорить о каком-либо решающем преимуществе, особенно в случае преследования, когда вести огонь в состоянии лишь носовое орудие, не приходится.

Не успели на Яроу спустить на воду эсминцы «Икадзути», как Тейкоку Кайгун заказало еще два корабля, но с увеличением скорости до 31 узла. Тип получил название «Акацуки» (1901–1902), помимо головного включая и систершип «Касуми» (1902). Корабли были построены на новом месте, так как к этому времени верфь Яроу переехала из Лондона в район Клайдбенка близ г. Глазго, недалеко от верфи братьев Томпсон.

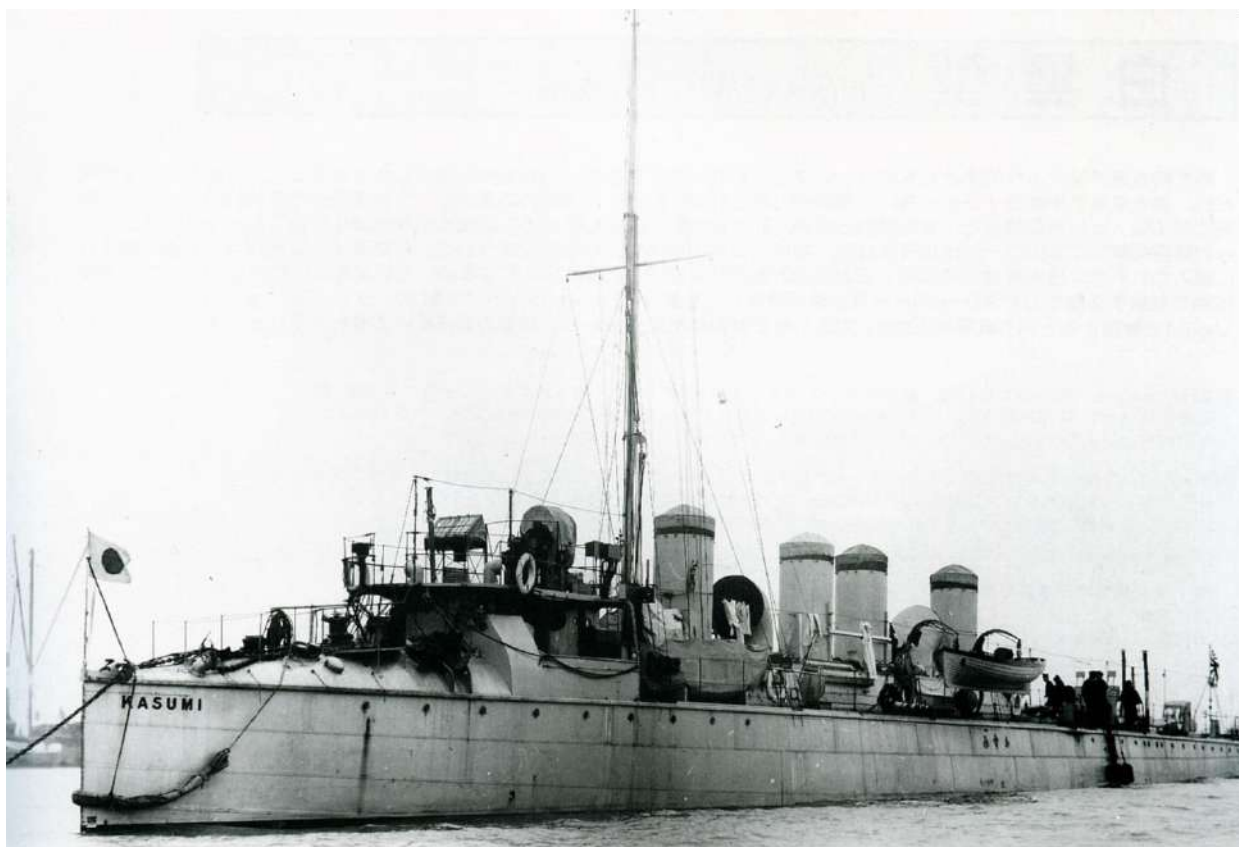

Рис. 22. Эсминцы типа «Акацуки» (1901–1902) стали наиболее быстроходным и боеспособным типом кораблей данного класса в японском флоте; именно они торпедами вывели из строя «Цесаревича» и «Палладу» в первую ночь войны (на фото – систершип «Касуми»)

Полное водоизмещение осталось на уровне «Икадзути» (422 тонны), однако стандартное выросло с 312 до 369 тонн, прежде всего за счет запасов воды и угля, так как машины стали более мощными и в то же время более экономичными. Они развивали до 6500 л.с., позволив на мерной миле слегка превысить порог в 31 узел. Благодаря экономии на «расходниках», корпус стал мощнее, в том числе и из-за некоторого уменьшения соотношения длины к ширине. Вооружение было стандартным, но с началом войны количество «трехдюймовок» увеличили до двух, как на типе «Муракумо». Вместе с тем живучесть и качество разделения на водонепроницаемые переборки

вызывают сомнения, так как головной «Акацуки», подорвавшись на русскойmine 4 мая 1904 года, затонул почти мгновенно.

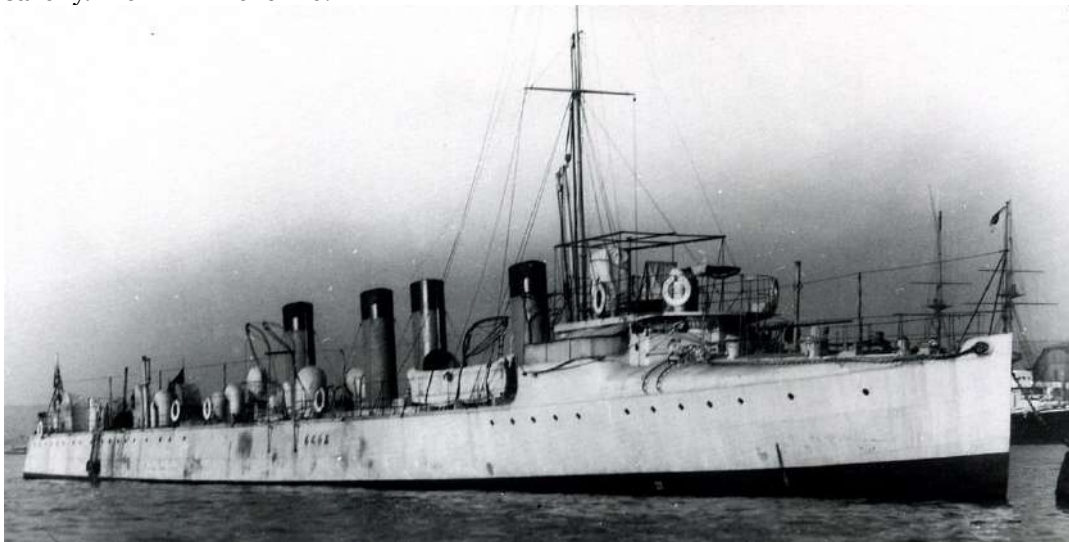

Рис. 23. Тип «Сиракумо» (1901–1902) стал улучшенным «Муракумо» и всецело соответствовал типу «Акацуки» как наиболее боеспособному эсминцу Тейкоку Кайгун к началу Русско-японской войны

«Муракумо» также «пустил корни»: по примеру с Ярроу, Торникрофту также заказали два улучшенных корабля, который выделили в самостоятельный тип – «Сиракумо» (1901–1902), включающий, помимо головного, систершип «Асасио» (1902). Аналогично с «Акацуки» проект предусматривал повышение скорости до 31 узла. Прежде всего изменился силуэт, который теперь соответствовал «четырёхтрубному стандарту» эсминцев японского флота. Водоизмещение осталось в пределах 322–428 тонн (стандартное и полное, соответственно) при уменьшенном соотношении длины к ширине. Значительно увеличилась мощность машин (с 5800 до 7000 л.с.; на испытаниях «Асасио» выдал 7224 л.с.), в результате чего увеличилась скорость и длина полубака, что положительно сказалось на ходовых качествах. Как и на предыдущем типе, количество орудий «главного калибра» довели до двух. Оба корабля участвовали в нападении на артурскую эскадру в ночь на 27 января 1904 года и торпедами повредили «Ретвизан».

Можно предположить, что живучесть «сиракум» была выше, чем у «акацук», так как «Асасио» в упомянутом бою 26 февраля 1904 года получил попадание торпедой (вторая торпеда чудом прошла мимо в метре от борта), не считая нескольких попаданий снарядами, и «утонул» лишь в фантазиях Матусевича (в его рапортах корабль значился погибшим, ибо в воде «сидел кормой по верхнюю палубу» и подавал сигналы бедствия своим судам). Вполне возможно, дело лишь в удаче; источников по этому вопросу практически нет, так как сами японские моряки крайне неохотно и немногословно вспоминали этот бой...

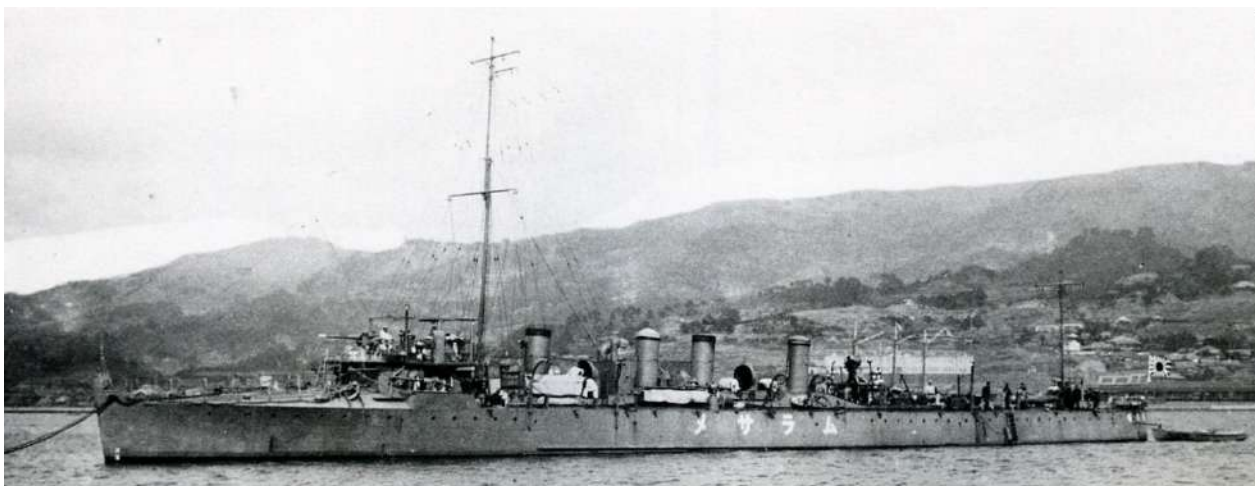

Рис. 24. Эсминцы типа «Харусамэ» (1902–1903) стали японской версией творений Торникрофта, однако по своим качествам они оказались значительно хуже прототипа (фото по состоянию на 1919 год)

Как уже говорилось выше, японское адмиралтейство задействовало и собственные мощности в полной мере, заложив на верфях в г. Йокосука и г. Куре корабли типа «Харусамэ» (1902–1903); прототипом стал тип «Муракумо». Однако к началу войны подоспели лишь четыре «йокосукских» эсминца: головной, «Мурасамэ», «Хаятори», «Асагири».

Японцы постарались максимально локализовать производство; в частности, для эсминцев были созданы тонкотрубные котлы типа «Кампон», которые должны были значительно быстрее поднимать пары; однако новые котлы были больше, в результате чего корабли получились длиннее, шире и тяжелее прототипа.

Длина судна составляла 71,4 м, ширина 6,57 м, осадка при стандартном водоизмещении без кили 1,83 м. Водоизмещение полное и стандартное составляло, соответственно, 435 и 375 тонн – тип «Харусамэ» был самым крупным из эсминцев противоборствующих сторон в Русско-японской войне. Однако некачественная сборка и отсутствие опыта в создании машин привели к значительному недобору мощности – 5250 л.с. (против проектных 6000 л.с.), но недобор максимальной проектной скорости в 29 узлов оказался ничтожным – всего 0,05 узла, поэтому можно смело утверждать, что качество силовой установки на скорость не повлияло.

«Харусамэ» были не только наиболее «тяжелыми», но и наиболее мощно вооруженными «со стапеля» эсминцами этой войны: по проекту прямо предусматривались две 76-мм пушки при четырех 57-миллиметровках и двух 450-мм однотрубных торпедных аппаратах, которые, как и на прототипе, устанавливались линейно в кормовой части в поворотных тумбах.

Корабли данного типа активно использовались на протяжении всей войны, участвовали в обоих генеральных сражениях; один корабль («Хаятори») подорвался на mine у Порт-Артура 3 сентября 1904 года и затонул.

Завершив описание эскадренных миноносцев сторон, попробуем проанализировать их положительные и отрицательные стороны.

Начнем с недостатков отечественных судов этого класса. Главным недостатком, но только не кораблей, а русского адмиралтейства и приданных ему «стратегических» учреждений типа ГМШ и МТК, на наш взгляд, следует признать отсутствие в номенклатуре боеприпасов осколочно-фугасных и сегментных снарядов для 3-дюймовых (75-миллиметровых) орудий. Единственный доступный тип снарядов – бронебойный – не имел значительного количества взрывчатого вещества для нанесения сколь-либо серьезного вреда по небронированной цели, каковыми в основном и являлись эсминцы, миноносцы и катера Тейкоку Кайгун. 50 граммов пироксилинового заряда едва хватало для того, чтобы «развалить» 4,9-килограммовый снаряд на части, а порой срабатывание приводило лишь к выбросу взрывателя – подрывающей стальной трубки (см., напр., [Афонин, 2005а; 20](#)). Более того, тугие взрыватели не срабатывали при встрече с тонкой обшивкой японских эсминцев, «прошивая» корабль, не разорвавшись; принятые же на русском флоте «замедлители», рассчитанные на взрыв внутри корабля, имели слишком большое время срабатывания, в результате чего снаряд зачастую взрывался над морем, пробивая корабль насквозь. И если для бронированных целей русские бронебойные снаряды были достаточно грозным оружием (что вполне может подтвердить сражение в Желтом море), то для легких кораблей они оказались, по сути, безопасны.

Японские же адмиралы предусмотрели подобную ситуацию. Мало того, что снаряды к японским трехдюймовкам были на 800 грамм тяжелее, они еще и содержали намного больше (не только в удельном, но и в процентном соотношении к весу боеприпаса) взрывчатого вещества – «шимозэ», которое, к тому же, как по бризантности, так и по фугасности значительно превосходило применяемый в русском флоте более стабильный, но более слабый влажный пироксилин. Поэтому почти все артиллерийские сражения эсминцев в Русско-японской войне проходили для японских кораблей фактически безнаказанно: даже в высшей степени отважно сопротивлявшиеся превосходящим силам «Страшный» и «Стереущий» не смогли нанести сколь-либо значимого урона противнику при наличии зафиксированных японцами попаданий (либо имеет место сокрытие фактов причинения вреда, чем японская сторона в эту войну особенно «прославилась»), в то время как японским кораблям с их «сильновзрывчатыми» боеприпасами достаточно было лишь одного–двух попаданий в центральную часть корпуса для повреждения силовой установки и, соответственно, замедления и/или обездвиживания противника (а именно скорость была главным преимуществом торпедного корабля).

Другое важное упущение русских морских стратегов – недостаточность артиллерийского вооружения, которая заключалась в отсутствии второго ютового 75-мм орудия. По опыту войны даже на «маленьких» «соколах» нашлось место для второй «трехдюймовки» вместе трех бесполезных к тому моменту 47-мм пушек Гочкиса, чем значительно усилили практически все характеристики артиллерии, кроме веса залпа в минуту, однако поражающая способность боеприпасов многократно компенсировала это обстоятельство; более «тяжелые» «киты», «невки» и «форели» вполне безболезненно могли нести вторую «трехдюймовку» (а вместо одного поворотного торпедного аппарата, представляется, даже и третью), особенно с учетом того, что объем переделок был минимален. Японское же адмиралтейство практически сразу после начала боевых действий осознало необходимость усиления артиллерии эсминцев и весьма оперативно претворило данную идею в жизнь.

И, наконец, применяемые Тейкоку Кайгун 450-миллиметровые торпеды Уайтхеда были неизмеримо мощнее (вес взрывчатого вещества был на 30 % больше) и «дальнобойнее» русских 381-миллиметровых торпед¹ без существенной потери в скорости движения (28 узлов против 30). Те редчайшие случаи, когда торпедная атака русских кораблей оказывалась успешной (в частности, в случае с попаданием в «Асасио»), лишняя 1/3 заряда вполне могла сыграть решающую роль в потоплении противника.

Также война показала совершенную бесполезность таранного форштевня, применяемого на русских кораблях, а также носового неподвижного торпедного аппарата на «невках».

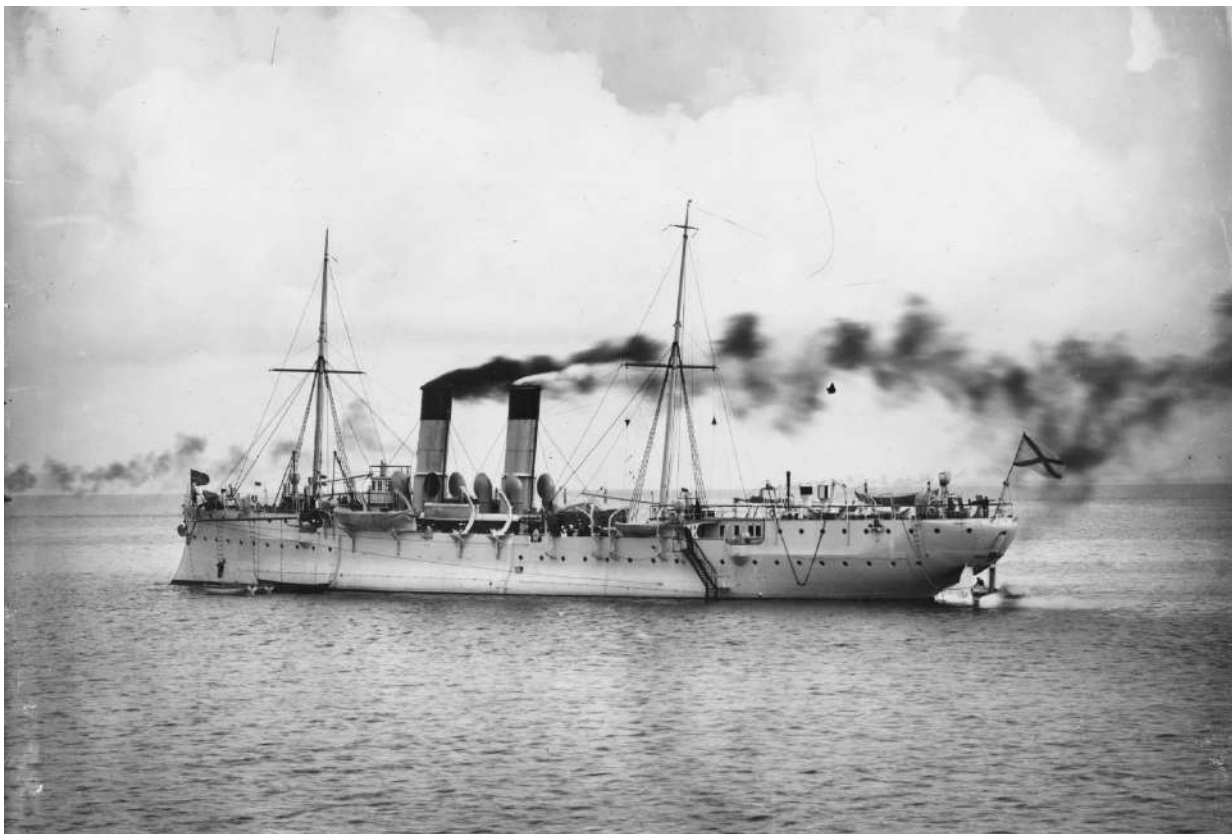

Рис. 25. «Транспорты» (минные заградители) типа «Амур» (1898) в итоге стали самыми эффективными судами русского флота; головной корабль серии (на фото) принес ущерба противнику больше, чем все остальные боевые корабли, вместе взятые, отправив на дно линкоры «Хатсусе» (1899) и «Яшима» (1897)

Наконец, нельзя не отметить класс вспомогательных, но наиболее результативных (применительно к русскому флоту) судов, а именно – минных заградителей. В 1-й Тихоокеанской эскадре с учетом возможного оборонительного характера войны специализированных заградителей было два – минные транспорты типа «Амур» (1898): головной корабль и «Енисей» (1898). В Русско-японскую войну еще не было термина «заградитель» (появится в 1907 году), и поэтому корабли данного класса назывались «транспортиками». Разумеется, корабли закладывались по программе 1898 года. Водоизмещением почти в 2500 тонн при длине 92,7 м, ширине почти 15 м и осадке 4,4 м корабль мог принимать до 450 мин заграждения, а применение безпарового брашпиля и Т-образного направляющего рельса (так называемый «минный кран») позволяло осуществлять постановку значительно быстрее. Это обстоятельство также способствовало удачной постановке 2 мая 1905 года, когда на «свежевыставленных» минах подорвались два японских линейных корабля: один из наиболее сильных эскадренных броненосцев Тейкоку Кайгун «Хатсусе» (1899) и несколько устаревший, но весьма мощный (по крайней мере превосходящий отечественные «пересветы») броненосец «Яшима» (1897); главной же составляющей успеха стала смелость командира «Амура» капитана II ранга Н.А. Иванова 6-го², который ослушался приказа В.К. Витгефта и, пользуясь туманом,

¹ В данном случае речь идет о наиболее «продвинутых» 15-дюймовых русских торпедах типа «Л», построенных по проекту Лесснера.

² В русском флоте однофамильцы именовались также и «порядковыми номерами» для исключения путаницы.

осуществил минную постановку значительно дальше обозначенных в задании зон. «Амуры» при своем огромном запасе мин имели весьма приличную скорость в 17,4 узла и дальность плавания в 3600 миль экономическим 10-узловым ходом. Для защиты от легких кораблей противника (а основным соперником минзагов стали эсминцы) корабль имел пять 75-мм Канэ и семь 47-мм пушек Гочкиса.

Как бы то ни было, но эффективность специализированных минных заградителей Русско-японская война показала в полной мере: этот класс кораблей стал активно развиваться во всех крупных (и не очень) флотах мира, заняв свое почетное место в военно-морских силах.

5. Заключение

1. Подытоживая результаты, прежде всего необходимо определиться с принадлежностью японских кораблей к определенному рангу, так как и в источниках, и в научной литературе данные разнятся и вопрос, на наш взгляд, является дискуссионным. Наиболее удобной нам представляется британская классификация, основанная на водоизмещении. Таким образом, в соответствии с ней первоклассных легких (бронепалубных) крейсеров у Тейкоку Кайгун не было. Зато было несколько великолепных второранговых (которые в некоторых источниках и исследованиях относят к перворанговым); основаны они на британском проекте «Такасаго» и включали, помимо «британца», еще и суда американской постройки: «Касаги» и «Читосэ». Суда этого типа при меньшем водоизмещении, чем русские первоклассные «бронепалубники», были ненамного слабее самых лучших образцов («Богатырь», «Аскольд») и при этом значительно, на наш взгляд, превосходили крейсера I ранга отечественного производства типа «Диана». Попытка Японии скопировать английские крейсера и построить их собственными силами успехом не увенчалась: корабли местной постройки значительно уступали как по своим тактико-техническим характеристикам, так и качеству изготовления своим прототипам. Тип «Нийтака» мы отнесли к второранговым кораблям по причине превышающего 3 тысячи тонн водоизмещения. Третьеранговыми кораблями стали легкие (менее 3 тысяч тонн) крейсера, в том числе и устаревший, но великолепный по своим характеристикам даже в 1904 году броненосный «Чиода».

Все легкие крейсера (особенно типов «Такасаго» и «Нийтака») очень активно и эффективно использовались во время войны, став одними из самых полезных для японского флота судов. В этом оказалось их коренное отличие от русских первоклассных бронепалубных рейдеров, которые свои концептуальные задачи по «уничтожению торговли» выполнить не смогли.

2. В Русско-японскую войну значительная нагрузка по прибрежной разведке, постановке минных заграждений, досмотре транспортов, конвойной и посыльной службе легла на легкие минные силы или так называемые эсминцы. Именно эта война в полной мере раскрыла необходимость развития данного класса в сторону усиления скоростных и огневых качеств.

В целом реальные тактико-технические характеристики японских (британская школа кораблестроения) и русских эсминцев (британская, германская и русская школы судостроения) были схожи. Однако японские адмиралы и здесь оказались прозорливее, угадав тенденцию «эсминцестроения» в сторону увеличения водоизмещения и артиллерийского вооружения. В даже дуэльных противостояниях кораблей данного класса победа чаще оказывалась на стороне японских эсминцев. Между тем по эффективности и количеству боевых выходов русские эсминцы (особенно «соколы» и «киты») проявили себя с самой лучшей стороны; «соколы», на наш взгляд, и вовсе стали прекрасным примером соотношения «цена (водоизмещение)/качество». Однако на равных бороться с японским типом «Муракумо» и «Икадзути», которых сразу после начала боевых действий довооружили второй «трехдюймовкой», «соколы» уже просто не могли.

3. Также Русско-японская война в полной мере показала важность создания специализированных минных заградителей, которые в условиях оборонительной стратегии стали самым эффективным классом кораблей русского флота.

Литература

[Афонин, 2005a](#) – *Афонин Н.Н.* Эскадренные миноносцы типа «Касатка» (1898–1925). Самара: АНО «Истфлот», 2005.

[Афонин, 2005b](#) – *Афонин Н.Н.* «Невки»: эскадренные миноносцы типа «Буйный» и его модификации. СПб.: ЛеКо, 2005.

[Афонин, Балакин, 2000](#) – *Афонин Н.Н., Балакин С.А.* «Внимательный» и другие (порт-артурские миноносцы зарубежной постройки) // *Морская коллекция*. 2000. № 5.

[Афонин, Балакин, 2004](#) – *Афонин Н.Н., Балакин С.А.* Миноносцы типа «Сокол» // *Морская коллекция*. 2004. № 2 (059).

[Балакин, 1993](#) – *Балакин С.* Оружие против своих // *Моделист-конструктор*. 1993. № 3.

[Балакин, 2004](#) – *Балакин С.А.* Морские сражения Русско-японской войны 1904–1905. М.: «Моделист-конструктор», 2004.

[Балакин, 2009](#) – *Балакин С.А.* Крейсера типа «Диана»: внешние различия и модернизации // *Морская кампания*. 2009. № 2 (23). С. 56-63.

- Бережной, 2002 – *Бережной С.С.* Крейсера и миноносцы: Справочник. М.: Военное издательство, 2002.
- Брокгауз, Ефрон, 1890–1907 – Японско-русская война 1904–1905 г. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
- Бубнов, 1907 – *Бубнов М.В.* Порт-Артур. Воспоминания о деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г. СПб., 1907. 292 с.
- Быков, 2003 – *Быков П.Д.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. 2-е изд. М.: Эксмо, 2003. 672 с.
- Врангель, 1911 – *Врангель Ф.Ф.* Вице-адмирал С.О. Макаров. СПб., 1911.
- Золотарев, Козлов, 2004 – *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Три столетия Российского флота, XIX – начало XX века, глава Русско-японская война 1904–05 г. М.: АСТ, 2004.
- Истина о Русско-японской морской войне, 1907 – Истина о Русско-японской морской войне. Т. 1. СПб.: Изд. отца инж. Е.С. Политовского, 1907 [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003527144>
- Каторин, 2008 – *Каторин Ю.Ф.* Крейсера. Часть 1. СПб.: Галерея-Принт, 2008.
- Кокцинский, 2002 – *Кокцинский И.М.* Морские бои и сражения Русско-японской войны, или причина поражения: кризис управления. 2-е изд. Фонд Андрея Первозванного, 2002.
- Костенко, 1955 – *Костенко В.П.* На «Орле» в Цусиме. Л.: Судпромгиз, 1955.
- Лихачев, 2004 – *Лихачев П.В.* Эскадренные миноносцы типа «Форель» (1898–1925). СПб.: АНТТ-Принт, 2004.
- Мельников, 1983 – *Мельников Р.М.* Крейсер «Варяг». М.: Судостроение, 1983.
- Мельников, 2005 – *Мельников Р.М.* Минные крейсера России (1886–1917). СПб.: Издатель М.А. Леонов, 2005.
- Мультиатули, Залесский, 2015 – *Мультиатули П.В., Залесский К.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Российский институт стратегических исследований, 2015. 816 с.
- Надеждин, 1987 – *Надеждин Ф.* Эсминец «Скорый» // Моделист-конструктор. 1987. № 9.
- Ненахов, 2006 – *Ненахов Ю.Ю.* Энциклопедия крейсеров 1860–1910. Минск: Харвест, 2006.
- Новиков, Сергеев, 2009 – *Новиков В., Сергеев А.* Богини Российского флота. «Аврора», «Диана», «Паллада». М.: ЭКСМО, 2009.
- Новиков-Прибой, 1977 – *Новиков-Прибой А.С.* Цусима. М.: «Просвещение», 1977.
- Патянин, 1998 – *Патянин С.В.* Эскадренные миноносцы и миноносцы Японии (1879–1945 гг.). СПб., 1998.
- Пикуль, 1989 – *Пикуль В.С.* Крейсера. М.: «Просвещение», 1989.
- Полутов, 2009 – *Полутов А.В.* Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Ичхоне. Владивосток: Русский остров, 2009.
- Семенов, 1906 – *Семенов В.И.* Бой при Цусиме. СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1906.
- Семенов, 1907 – *Семенов В.И.* Расплата. СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1907.
- Семенов, 1910 – *Семенов В.И.* Цена крови. СПб.–М.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1910.
- Семенов, 1911 – *Семенов В.И.* Флот и Морское ведомство до Цусимы и после. М.–СПб., 1911. 112 с.
- Скворцов, 2003 – *Скворцов А.В.* Крейсер II ранга «Боярин». СПб: Гангут, 2003.
- Скворцов, 2005 – *Скворцов А.В.* Крейсера «Диана», «Паллада», «Аврора». СПб.: ЛеКо, 2005.
- Советская историческая энциклопедия, 1962–1976 – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: «Советская энциклопедия», 1961–1976. Т. 1. С. 379.
- Степанов, 1983 – *Степанов А.Н.* Порт-Артур. В 2-х томах. Т. 2. М.: «Просвещение», 1983.
- Сулига, 1993 – *Сулига С.В.* Корабли Русско-японской войны. М.: Аскольд, 1993.
- Титушкин, 1994 – *Титушкин С.И.* Корабельная артиллерия в Русско-японской войне // *Гангут*. 1994. Выпуск 7.
- Худяков, 1908 – *Худяков П.К.* Путь к Цусиме. М., 1908.
- Энциклопедия, 1915–1918 – «Боевой» // Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.–М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911–1915.
- Campbell, 1978 – *Campbell N.J.M.* The Battle of Tsu-Shima // *Warship*. № 5-8 (Prt. 1-4). 1978. Pp. 46-49, 127-135, 186-192, 258-265.
- Mamadaliyev et al., 2018 – *Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A.* On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- Mamadaliyev et al. 2019a – *Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A.* Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 380-394.
- Mamadaliyev et al., 2019b – *Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A.* On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2: 848-872.

Mamadaliyev et al., 2019c – Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A. On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Japanese Squadron Battleships // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1342-1364.

Mamadaliyev et al., 2019 – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Ermachkov I.A., Médico A. «Light Cavalry» of the Russian-Japanese War: on the Balance of Forces and Characteristics of Light Cruisers of the Russian and Japanese Fleets. Russian Light Cruisers // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1842-1861.

Klado, 1905 – Klado N. The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.

References

Afonin, 2005a – Afonin N.N. (2005). Eskadrennye minonostsy tipa «Kasatka» (1898–1925) [Destroyers of the “Kasatka” type (1898–1925)]. Samara: ANO «Istflot». [in Russian]

Afonin, 2005b – Afonin N.N. (2005). «Nevki»: eskadrennye minonostsy tipa «Buinyi» i ego modifikatsii [Nevka: destroyers of the “Buinyi” type and its modifications]. SPb.: LeKo. [in Russian]

Afonin, Balakin, 2000 – Afonin N.N., Balakin S.A. (2000). «Vnimatel'nyi» i drugie (port-arturskie minonostsy zarubezhnoi postroiki) [“Vnimatel'nyi” and others (port-Arthur destroyers of foreign construction)]. *Morskaya kollektsiya*. № 5. [in Russian]

Afonin, Balakin, 2004 – Afonin N.N., Balakin S.A. (2004). Minonostsy tipa «Sokol» [Destroyers of the “Sokol” type]. *Morskaya kollektsiya*. № 2(059). [in Russian]

Balakin, 2004 – Balakin S.A. (2004). Morskie srazheniya Russko-yaponskoi voiny 1904–1905 [Naval battles of the Russo-Japanese War of 1904–1905]. M.: «Modelist-konstruktor». [in Russian]

Balakin, 1993 – Balakin S. (1993). Oruzhie protiv svoikh [Weapons against their own]. *Modelist-konstruktor*. № 3. [in Russian]

Balakin, 2009 – Balakin S.A. (2009). Kreisera tipa «Diana»: vneshnie razlichiya i modernizatsii [Cruisers of the “Diana” type: external differences and modernization]. *Morskaya kompaniya*. № 2 (23). Pp. 56-63. [in Russian]

Berezhnoi, 2002 – Berezhnoi S.S. (2002). Kreisera i minonostsy: Spravochnik [Cruisers and destroyers: A handbook]. M.: Voennoe izdatel'stvo.

Brokgauz, Efron, 1890–1907 – Yaponsko-russkaya voina 1904–1905 g. [The Japanese-Russian War of 1904–1905]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. [in Russian]

Bubnov, 1907 – Bubnov M.V. (1907). Port-Artur. Vospominaniya o deyatel'nosti 1-i Tikhookeanskoi eskadry i morskikh komand na beregu vo vremya osady Port-Artura v 1904 g. [Port Arthur. Memories of the activities of the 1st Pacific Squadron and naval crews on the coast during the siege of Port Arthur in 1904]. SPb. 292 p. [in Russian]

Bykov, 2003 – Bykov P.D. (2003). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. Deistviya na more [The Russo-Japanese War of 1904–1905. Sea actions]. 2-e izd. M.: Eksmo. 672 p. [in Russian]

Campbell, 1978 – Campbell N.J.M. (1978). The Battle of Tsushima // *Warship*. № 5-8 (Prt. 1-4). Pp. 46-49, 127-135, 186-192, 258-265.

Entsiklopediya, 1915–1918 – «Boevoi». Voennaya entsiklopediya [“Boevoi”. Military Encyclopedia]. Pod red. V.F. Novitskogo i dr. SPb.–M.: Tip. t-va I.D. Sytina, 1911–1915. [in Russian]

Istina o Russko-yaponskoi morskoi voine, 1907 – Istina o Russko-yaponskoi morskoi voine [The truth about the Russo-Japanese Sea War]. T. 1. SPb.: Izd. ottsa inzh. E.S. Politovskogo, 1907. [Electronic resource]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003527144> [in Russian]

Katorin, 2008 – Katorin Yu.F. (2008). Kreisery. Chast' 1 [Cruisers. Part 1]. SPb.: Galereya-Print. [in Russian]

Khudyakov, 1908 – Khudyakov P.K. (1908). Put' k Tsusime [The path to Tsushima]. M. [in Russian]

Klado, 1905 – Klado N. (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell.

Koktsinskii, 2002 – Koktsinskii I.M. (2002). Morskie boi i srazheniya Russko-yaponskoi voiny, ili prichina porazheniya: krizis upravleniya [Naval battles and battles of the Russo-Japanese War, or the cause of the defeat: management crisis]. 2-e izd. Fond Andreyeva Pervozvannogo. [in Russian]

Kostenko, 1955 – Kostenko V.P. (1955). Na «Orle» v Tsusime [On the “Eagle” in Tsushima]. L.: Sudpromgiz. [in Russian]

Likhachev, 2004 – Likhachev P.V. (2004). Eskadrennye minonostsy tipa «Forel'» (1898–1925) [Torpedo destroyers (1898–1925)]. SPb.: ANTT-Print. [in Russian]

Mamadaliyev et al. 2019a – Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A. (2019). Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1: 380-394.

Mamadaliyev et al., 2018 – Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A. (2018). On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.

Mamadaliyev et al., 2019 – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Ermachkov I.A., Médico A. (2019). «Light Cavalry» of the Russian-Japanese War: on the Balance of Forces and Characteristics of Light Cruisers of the Russian and Japanese Fleets. Russian Light Cruisers. *Bylye Gody*. Vol. 54. Is. 4: 1842-1861.

- [Mamadaliyev et al., 2019b](#) – Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A. (2019). On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships. *Bylye Gody*. Vol. 52. Is. 2: 848-872.
- [Mamadaliyev et al., 2019c](#) – Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A. (2019). On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Japanese Squadron Battleships. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3: 1342-1364.
- [Mel'nikov, 1983](#) – Mel'nikov R.M. (1983). Kreiser «Varyag» [The cruiser “Varyag”]. M.: Sudostroenie. [in Russian]
- [Mel'nikov, 2005](#) – Mel'nikov R.M. (2005). Minnye kreisera Rossii (1886–1917) [Mine cruisers of Russia (1886–1917)]. SPb.: Izdatel' M.A. Leonov. [in Russian]
- [Mul'tatuli, Zalesskii, 2015](#) – Mul'tatuli P.V., Zalesskii K.A. (2015). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. [The Russo-Japanese War of 1904–1905]. M.: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. 816 p. [in Russian]
- [Nadezhdin, 1987](#) – Nadezhdin F. (1987). Esminets «Skoryi» [The destroyer “Skoryi”]. *Modelist-konstruktor*. № 9. [in Russian]
- [Nenakhov, 2006](#) – Nenakhov Yu.Yu. (2006). Entsiklopediya kreiserov 1860–1910 [Encyclopedia of the Cruisers 1860–1910]. Minsk: Kharvest. [in Russian]
- [Novikov, Sergeev, 2009](#) – Novikov V., Sergeev A. (2009). Bogini Rossiiskogo flota. «Avrora», «Diana», «Pallada» [Goddess of the Russian Navy. “Avrora”, “Diana”, “Pallada”]. M.: EKSMO. [in Russian]
- [Novikov-Priboi, 1977](#) – Novikov-Priboi A.S. (1977). Tsusima [Tsushima]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- [Patyanin, 1998](#) – Patyanin S.V. (1998). Eskadrennye minonostsy i minonostsy Yaponii (1879–1945 gg.) [Destroyer squadron and destroyers of Japan (1879–1945)]. SPb. [in Russian]
- [Pikul', 1989](#) – Pikul' V.S. (1989). Kreisera [Cruisers]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- [Polutov, 2009](#) – Polutov A.V. (2009). Desantnaya operatsiya yaponskoi armii i flota v fevrale 1904 g. v Ichkhone [The landing operation of the Japanese army and navy in February 1904 in Icheon]. Vladivostok: Russkii ostrov. [in Russian]
- [Semenov, 1906](#) – Semenov V.I. (1906). Boi pri Tsusime [The battle of Tsushima]. SPb.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- [Semenov, 1907](#) – Semenov V.I. (1907). Rasplata [Payoff]. SPb.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- [Semenov, 1910](#) – Semenov V.I. (1910). Tsena krovi [The price of blood]. SPb.–M.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- [Semenov, 1911](#) – Semenov V.I. (1911). Flot i Morskoe vedomstvo do Tsusimy i posle [Fleet and Maritime department before and after Tsushima]. M.–SPb. 112 p. [in Russian]
- [Skvortsov, 2003](#) – Skvortsov A.V. (2003). Kreiser II ranga «Boyarin» [II-class cruiser “Boyarin”]. SPb: Gangut. [in Russian]
- [Skvortsov, 2005](#) – Skvortsov A.V. (2005). Kreisery «Diana», «Pallada», «Avrora» [The cruisers “Diana”, “Pallada”, “Avrora”]. SPb.: LeKo. [in Russian]
- [Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962–1976](#) – Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1961–1976. T. 1. P. 379. [in Russian]
- [Stepanov, 1983](#) – Stepanov A.N. (1983). Port-Artur [Port Arthur]. V 2-kh tomakh. T. 2. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- [Suliga, 1993](#) – Suliga C.V. (1993). Korabli Russko-yaponskoi voiny [Ships of the Russo-Japanese War]. M.: Askol'd". [in Russian]
- [Titushkin, 1994](#) – Titushkin S.I. (1994). Korabel'naya artilleriya v Russko-yaponskoi voine [Naval artillery in the Russo-Japanese War]. *Gangut*. Vyp. 7. [in Russian]
- [Vrangel', 1911](#) – Vrangel' F.F. (1911). Vitse-admiral S.O. Makarov [Vice Admiral S.O. Makarov]. SPb. [in Russian]
- [Zolotarev, Kozlov, 2004](#) – Zolotarev V.A., Kozlov I.A. (2004). Tri stoletiya Rossiiskogo flota, XIX – nachalo XX veka, glava Russko-yaponskaya voina 1904–05 g. [Three centuries of the Russian fleet, XIX – beginning of XX century, head of the Russo-Japanese War of 1904–05]. M.: AST. [in Russian]

Японские бронепалубные крейсера и минно-торпедные силы противоборствующих сторон в годы русско-японской войны

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Руслан Мурадович Аллалыев ^c,
Наталья Валентиновна Мику ^d, Од Мидико ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^e Университет города Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. Статья является дополнением к серии работ о соотношении броненосных сил противоборствующих сторон в Русско-японской войне 1904–1905 годов и посвящена анализу качества и мощи «вспомогательных» сил флотов, а именно – бронепалубных (легких) крейсеров японского флота и соотношению сил и тактико-технических характеристик эсминцев и миноносцев обеих сторон. Исследуются тактико-технические характеристики всех легких крейсеров флота Страны восходящего солнца, а также приводится сравнение с наиболее близкими «родственниками» во флоте Российской империи. Дается краткая классификация рангов в британском, русском и японском флотах, а также обоснование принадлежности легких крейсеров Тейкоку Кайгун к определенному рангу, так как данный вопрос в историографии является дискуссионным. Также в статье анализируются минно-торпедные силы сторон. Освещены конструктивные и технические особенности русских эсминцев типов «Сокол», «Форель», «Кит»/«Касатка»/«Бдительный» и «Буйный» (тип «Грозный» не исследуется, так как корабли данного типа еще не вступили в строй к началу войны), а также их японских «визави» – эсминцы типов «Муракумо»/«Синономэ», «Икадзути»/«Сазанами», «Сиракумо», «Харусамэ»; сравниваются их проектные и реальные характеристики, исследуются потенциальные и реальные возможности как в части решения их разносторонних задач, так и в открытом боевом противостоянии. Несколько слов уделено также и кораблю, оказавшемуся наиболее эффективным с точки зрения нанесенного урона – специализированному минному транспорту (заградителю) типа «Амур». Каждый анализируемый тип судна сопровождается соответствующей фотографией с краткой характеристикой. Исследуются некоторые спорные в историографии вопросы, касающиеся, в частности, используемой артиллерии и боеприпасов, ранговой классификации, оценок эффективности проекта и его технического воплощения с обоснованием нашей точки зрения. Также освещаются концептуальные особенности противоборствующих сторон в войне, роль и место вспомогательных сил во взглядах русского и японского военно-морского руководства. В силу ограниченности объема данной работы анализ миноносцев воюющих сторон не приводится.

Ключевые слова: Русско-японская война, Тейкоку Кайгун, русский флот, крейсер, легкий крейсер, бронепалубный крейсер, эсминец, эскадренный миноносец, дестроер, минный крейсер.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 334-344. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.334
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Charity Gatherings of the Population of the Tobolsk Province during the Russo-Japanese War: based on the Materials of the Publications “Tobolsk Provincial Gazette” and “Siberian Trade Newspaper” (1904–1905)

Irina V. Stavetskaya ^{a,*}, Nadezhda Yu. Gavrilova ^a

^aTyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The authors of the article turn to the study of a little-studied topic devoted to donations in the Tobolsk province of the Russian-Japanese war. According to the All-Russian Census of 1897 in Tobolsk province, one of the largest in the Russian Empire by territory, there were 1,443,043 inhabitants. From the first days of the Russo-Japanese War in the Siberian outback, people began collecting donations for the war.

The authors focus on how the mass charity movement was reflected in the unique sources of factual material – the printed editions of the Tobolsk Provincial Gazette and the Siberian Trade Newspaper. A study of the newspaper chronicle allowed the authors to identify the key areas of charitable gatherings, the dynamics of cash contributions and material assistance, and to calculate the total amount of donations received from the population of the Tobolsk province.

Keywords: Russian-Japanese war, Tobolsk province, charity, fundraising, material and public assistance, newspaper market, punishing censorship, Siberian Trade Newspaper, Tobolsk Provincial Gazette.

1. Введение

В общественном сознании к началу 1904 года была сформирована убежденность в том, что военного столкновения между Россией и Японией быть не может. До сибирской глубинки доходили отголоски полемики столичных изданий, поднимающих на смех даже слухи о приближающемся конфликте (СТГ, 1904: 17). Высочайший манифест, оповестивший о вступлении России в войну с Японией, объявленная мобилизация и проводы эшелонов на Дальний Восток перестроили мирную жизнь на военный лад, тысячи обездоленных семей нижних чинов нуждались в немедленной помощи. С волной патриотических настроений в Тобольской губернии поднялось небывалое ранее по масштабам народное благотворительное движение.

2. Материалы и методы

В ходе исследования были использованы архивные материалы Тобольского государственного музея и фонды редкой книги Тюменской областной библиотеки им. Менделеева, составившие основную группу источников.

Методологической основой исследования являются научные принципы познания: историзм, объективность, комплексность, системность. В качестве метода исследования использован контент-анализ выпусков «Сибирской торговой газеты» и «Тобольских губернских ведомостей», позволивший подсчитать общий объем выпусков за 1904–1905 гг., проанализировать основные направления сбора народных пожертвований.

* Corresponding author

E-mail addresses: irina.vita22@yandex.ru (I.V. Stavetskaya), nygavrilova@mail.ru (N.Yu. Gavrilova)

3. Обсуждение

Специальных исследований, посвященных особенностям народного благотворительного движения в Тобольской губернии периода Русско-японской войны крайне недостаточно – тема изучена мало. Отдельные тематические фрагменты, касающиеся сбора пожертвований в Сибири, содержатся в публикациях Э.А. Воробьевой (Воробьева, 2007) и А.Р. Угрюмовой (Угрюмова, 2018).

Историографию дореволюционной благотворительности в России представляют, прежде всего, работы американского исследователя Адель Линденмайер (Линденмайер, 1998), посвятившей свои работы отношению самодержавия к проблеме бедности и нищенства, развитию частных благотворительных обществ. А.Г. Соколов и И.В. Зимин (Соколов, Зимин, 2015), исследуя традиции благотворительности семьи Романовых, сосредоточивают внимание на роли правящей династии в деятельности Российского общества Красного Креста.

Значительным вкладом в изучение основных исторических этапов благотворительности в России, становления законодательства данного направления являются работы Г.Н. Ульяновой, и в то же время в многоаспектных исследованиях историка (Ульянова, 2000) период Русско-японской войны остается за рамками научных интересов.

А.Н. Боханов (Боханов, 1984) и С.Я. Махонина (Махонина, 2002), характеризуя особенность газетного рынка начала XX века, отмечают, прежде всего, жесточайшие цензурные ограничения и угнетенное положение прессы в России. В свою очередь В.П. Богданов (Богданов, 2019) обращает внимание на значимость привлечения прессы в качестве основного источника исследования благотворительности.

Определенный интерес вызывают работы, посвященные развитию прессы в Тобольской губернии. Н.Н. Александрова (Александрова, 1998), изучая «Тобольские губернские ведомости» как первую государственную газету в Сибири, делает упор на деятельность постоянных авторов публикаций. А.А. Андреева и О.А. Петрова (Андреева, Петрова, 2013) рассматривают три основных этапа деятельности официальной газеты, не акцентируя внимания на периоде Русско-японской войны.

Следует констатировать, что на сегодняшний день не представлено исследований, посвященных анализу благотворительных взносов населения Тобольской губернии в годы Русско-японской войны, отраженных на страницах газетных изданий. Таким образом, в данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

4. Результаты

Историография Русско-японской войны наполнена самыми негативными эпитетами исследователей: и потому что Россия потерпела унизительное, оскорбительное поражение, и потому что в ходе войны не было выиграно ни одного сражения ни на суше, ни на море (Шацилло, 2004: 7).

Обращаясь к изучению роли Сибири в военной истории страны начала XX века, В.Г. Дацышен утверждает, что практически все высшее руководство страны выступало за осторожную политику на Дальнем Востоке (Дацышен, 2014: 17). Р. Давелюи выражал убежденность в том, что русское правительство не выполнило свою важнейшую задачу по укреплению морских сил на Дальнем Востоке (Давелюи, 1908: 2).

Харуки Вада, исследуя начало Русско-японской войны, отмечает, что в ходе контактов определились позиции трех государств: Япония хотела монополюльно господствовать над Кореей, Корея стремилась стать нейтральной, Россия, захватив Маньчжурию, поддерживала Корею. К началу 1904 года война с Японией стала неизбежной (Вада, 2012: 104).

Вслед за нападением японцев в ночь на 27 января 1904 года на русскую эскадру у Порт-Артура по Высочайшему повелению был объявлен призыв нижних чинов запаса на действительную службу.

На войну с Японией было призвано 400 тысяч войска, а это четыреста тысяч семей, на долгое время или навсегда потерявших кормильца-работника (Куперт, Луценко, 2016: 26). По сведениям В.И. Баяндина, общая численность сибиряков, призванных на военную службу во время Русско-японской войны составила 230–240 тысяч человек (Баяндин, 2004: 42). Отсюда следует, что на Сибирь пришлась основная тяжесть мобилизации в маньчжурские армии.

С первого дня Русско-японской войны газеты Тобольской губернии аккумулировали на своих страницах всю информацию военного времени, выполняли роль основных поставщиков новостей. Данные факты обусловили необходимость обращения к прессе как к основному источнику исследования истории благотворительности (Богданов, 2019: 9). В центре научного интереса – два разных по редакторской политике, стилистике и функциональной направленности печатных издания.

Газета «Тобольские губернские ведомости» (выход в печать в 1857 году) имела статус государственного печатного издания под эгидой губернатора и относилась к I Отделению губернского управления (Александрова, 1998: 104). В 1904 году газета являлась еженедельником, в которую входили две основные части: официальная и неофициальная. Полное подчинение губернаторской власти подтверждалось обязательным визированием официальной части вице-губернатором

А. Тройницким либо старшим советником Бирюковым и редактором Ф. Тарасовым. К этому времени, по мнению исследователей, газета лишается своего голоса (Андреева, Петрова, 2013: 97).

«Сибирская торговая газета» стала публиковаться в Тюмени в 1897 году. Владелец торгово-промышленной газеты А.А. Крылов сумел завоевать рекламный рынок и успешно развивать газетное дело, используя возможности собственной типографии. Издатель понимал, что газета не должна была потерять расположение капитала в лице рекламодателей (Боханов, 1984: 34), потому первая и последняя полоса были отданы рекламе владельцев сибирского пароходства, крупных магазинов, промышленников.

Весьма показательным для газет стала верстка высочайшего манифеста Николая II Императора Всероссийского, объявившего войну с Японией.

«Тобольские губернские ведомости» разместили Манифест на первой полосе, выделив особым шрифтом (ТГВ, 1904: 5). Далее следовал Высочайший рескрипт императрицы Марии Федоровны, под покровительством которой находилось Российское общество Красного Креста, с призывом к русскому народу «принести посильные пожертвования на дело помощи ближнему» (ТГВ, 1904: 5).

«Сибирская торговая газета» Манифест тоже опубликовала, правда, на второй полосе. Первая по-прежнему была отдана рекламе. Издатель разместил информацию о том, что ввиду резко возросшего интереса публики к телеграммам с театра войны редакция решила выпускать платные ежедневные бюллетени с доставкой (СТГ, 1904: 24).

Несмотря на существенные отличия в редакторской политике газет, очевидным стал тот факт, что в переломные моменты истории необходимость в информации, даже по-разному тенденциозно поданной, ощущалась всеми слоями населения (Махонина, 2002: 10).

В апреле 1904 года газеты дополнили свои выпуски новыми рубриками. «Сибирская торговая газета» начала печатать телеграммы российских и зарубежных новостных агентств. Газета «Тобольские губернские ведомости», открыв рубрики «Деятельность Российского общества Красного Креста», «Хроники о войне», «Некрологи», «Списки убитых и раненых», взяла на себя труд регулярно публиковать отчеты по оказанию помощи семействам нижних чинов и подписные листы по всем 10 уездам Тобольской губернии.

В феврале 1904 года газеты опубликовали Высочайшее повеление с разрешением производить в Империи сбор добровольных пожертвований на усиление военного флота и учредить для этого особый комитет (СТГ, 1904: 34). Государь Наследник пожаловал из собственных сумм на усиление флота 100 000 рублей (СТГ, 1904: 39).

В связи с характеристикой «русской культуры подаяния» важно подчеркнуть, что воззрения на бедность и благотворительность были глубоко укорены в национальной и религиозной традиции (Линденмайер, 1998: 168). Благотворение издавна рассматривалось в русском народе как доброе дело, как средство спасения души (Соколов, Зимин, 2015: 18). Широким общественным движением благотворительность становится на том этапе, когда она мотивирована сознанием общественного долга (Ульянова, 2000: 164). Организованная благотворительность в общегосударственном масштабе под покровительством правящей династии имела для подданных особое значение, объединяя пониманием общего дела.

В первые месяцы войны основным направлением благотворительных взносов стало усиление военного флота. Официальная газета на первой полосе стала публиковать списки жертвователей с точным указанием суммы взноса. В № 11 за 16 марта 1904 года «Тобольские губернские ведомости» разместили более 160 фамилий крестьян и инородцев из Тобольского и Ялуторовского уездов Омутинской волости. Общий взнос достиг 2000 рублей. В следующем выпуске газеты от 23 марта первую полосу занял список крестьян Красноярской волости, Ишимского уезда Тобольской губернии, вручивших волостному старшине 382 рубля 34 копейки.

Списки жертвователей на нужды войны увеличивались с каждым днем. В поддержку раненых воинов в кассу тобольского местного управления Красного Креста с 22 февраля по 1 марта 1904 года поступило от Уватского волостного схода 5 696 рублей. Денежные поступления заверены ответственным казначеем Лесовым (ТГВ, 1904: 10).

В то же время главное управление Российского общества Красного Креста сообщало о том, что в Центральную кассу поступило пожертвований всего 470 927 рублей, тогда как расходы Красного Креста уже превысили 6 600 000 рублей (ТГВ, 1904: 12). Самые большие затраты были направлены на снаряжение летучих санитарных отрядов, а также двух барж плавучего лазарета на 400 человек для эвакуации раненых по рекам Сунгари и Амур (Громова, 2014: 50).

Дамские комитеты Тобольской губернии подводили итоги своей деятельности за первые три месяца войны. Оборот денежных средств выглядел следующим образом: Тобольский дамский комитет собрал 1 651 р. 54 к.; Тюменский – 2 266 р. 70 к.; Курганский – 673 р. 81 к.; Ишимский – 521 р. 20 к. Всего собрано 8 578 р. 75 к., израсходовано 3 289 р. 55 к. Собранные и специально сшитые вещи для солдат и офицеров были высланы в 9 ящиках и 8 тюках через Тюмень в Никольско-Уссурийск (ТГВ, 1904: 17). В апреле 1904 года состоялись проводы на Дальний Восток штаба со знаменем эшелона 9-го Тобольского Сибирского полка под командованием полковника А.А. Душкевича: «Публика стояла стеной и посылала защитникам Веры, Царя и Отечества горячие пожелания

победы» (ТГВ, 1904: 17). Солдат повезли сражаться за девять тысяч верст, куда вела одноколейная дорога, не приспособленная для переброски военных сил (Куперт, Луценко, 2016: 21).

К этому времени настрой известий с Дальнего Востока стал меняться. Гибель крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» в самом начале войны были восприняты во всем мире как пример подвига, а участники боя под Чемульпо осыпаны почестями и наградами. Спустя несколько месяцев телеграмма контр-адмирала Григоровича известила о гибели адмирала Макарова (ТГВ, 1904: 14). В церквях Тобольской губернии служили панихиды по погибшим: на броненосце «Петропавловск» вместе с адмиралом Макаровым находилось более 600 матросов (СТГ, 1904: 78).

В № 82 «Сибирской торговой газеты» за 1904 год был опубликован циркуляр министра внутренних дел «О порядке направления денежных пожертвований, поступающих по поводу событий на Дальнем Востоке». В нем обозначались три основные адреса, куда следовало посылать пожертвования: в Государственный банк на особо открытый счет департамента государственного казначейства, в Попечительство о семействах воинов, состоявшее под покровительством государыни императрицы Марии Федоровны, и в распоряжение Российского общества Красного Креста. Данным распоряжением утверждалась концентрация денежных пожертвований под эгидой правительственных государственных учреждений и царской семьи. Циркуляр не пояснял одного важного обстоятельства: куда и кем будут направляться взносы в поддержку нуждающимся семьям на местах, в частности в сибирскую глубинку.

В мае 1904 года существовавшие в губернии попечительства по оказанию помощи семьям нижних чинов переименовались в отделения Тобольского губернского комитета (ТГВ, 1904: 26). С этого времени организация комитета возлагалась на губернатора с предоставлением права открывать губернские и уездные комитеты для оказания помощи на местах. Собранные населением средства, согласно ходатайствам комитетов, распределялись на выплату единовременных пособий, оплату за ушедших на войну податей и повинностей, открытие приютов для детей-сирот. Ведение записи прихода и расхода пожертвованных денег было строго обязательным, держалось на постоянном контроле и публиковалось в газетах.

На пожертвования населения Тобольской губернии был сформирован этапный лазарет. Тобольское отделение Красного Креста было одним из немногих в Сибири, в то время как большинство учреждений общества организовывались в европейской части России. Личный контроль над организацией госпиталя взяли на себя тобольский губернатор А.П. Лаппо-Старженецкий и его супруга, председатель Тобольской общины сестер милосердия М.Д. Лаппо-Старженецкая (Угрюмова, 2018: 218). В целом, приобретение вещей, медикаментов и инструментов обошлось в 6 000 рублей.

2 июня 1904 года в кафедральном соборе Тобольска был совершен напутственный молебен по случаю отъезда лазарета. 2 июля 1904 года от врача Успенского курганским исправником была получена телеграмма: «Отряд прибыл 29 июня в Харбин благополучно» (ТГВ, 1904: 29). К осени 1904 года Харбин представлял одну сплошную больницу, всего в городе находилось 24 лечебных учреждения Красного Креста на 6 075 кроватей, город целиком поглощал весь поток эвакуации (Отчет РОКК, 1911: 522).

Высочайше утвержденный Особый Комитет по усилению флота на добровольные пожертвования отчитывался, что в течение трех месяцев существования комитета всего от населения России поступило 7 803 467 рублей, израсходовано 1 988 231 р. 66 к. Комитет выразил надежду, что «отзывчивость русского общества, вызванная его личным желанием, не ослабнет» (ТГВ, 1904: 23).

Впервые за время Русско-японской войны в № 29 за 13 июля 1904 года «Тобольские губернские ведомости» опубликовали сводную ведомость 10 уездных отделений Тобольского губернского комитета по оказанию помощи семьям нижних чинов, призванных в армию. С февраля по июнь 1904 года в кассу Комитета поступило 23 638 рублей. Собранные деньги тратились на содержание приютов, наем работников, ссуду Городскому дому трудолюбия, одежду и обувь детям, ремонт крестьянских домов.

По сведениям Тобольского губернского казначейства, с 21 февраля по 1 августа 1904 года на усиление военного флота поступило от населения 5 752 рубля: в феврале – 47 р., в марте – 561 р., в апреле – 1 782 р., в мае – 2 251 р., в июне – 953 р., в июле – 205 рублей (ТГВ, 1904: 34).

В июне 1904 года пришло сообщение о первых невосполнимых потерях 9-го Тобольского сибирского полка в битве у Вафангоу (ТГВ, 1904: 27). Составленные специальным отделом Генштаба списки подтвердили, что в бою при Вафангоу погибли 132 нижних чина, призванных в основном из Тюкалинского и Ишимского уездов Тобольской губернии (ТГВ, 1904: 46).

Военные неудачи, как считали современники событий, поколебали уверенность русских граждан в благополучном исходе войны и заставили задуматься над вопросами внутреннего беспорядка (Павлович, 1910: 20).

В июле 1904 года указом правительственного сената за № 6770 был объявлен новый призыв. С Тобольской губернии было назначено 4 959 человек. В газетах уточнялось, что Тобольский уезд должен был отправить на войну 326 человек, Ишимский – 1 143, Тарский – 427, Ялуторовский – 755,

Туринский – 238, Тюкалинский – 812, Курганский – 990, Тюменский – 268 (СТГ, 1904: 195). Это означало, что еще тысячи семей в Тобольской губернии пополнили списки нуждающихся.

В сентябре 1904 года с Дальнего Востока поступили сведения о кровопролитном Ляоянском сражении и отходе армии к Мукдену. Газета «Русский инвалид» выразила общее настроение: «Приказ об отступлении из Ляояна вызвал в обществе упадок духа и уныние» (ТГВ, 1904: 3).

Тобольский губернский комитет по оказанию помощи семьям нижних чинов подготовил к ноябрю 1904 года сводный отчет о приходе и расходе собранных пожертвований в 10 уездах Тобольской губернии (ТГВ, 1904: 46). Уездные комитеты губернии к 1 августа зарегистрировали следующие денежные сборы: Тобольский уездный комитет – 4 868 р. 10 к., Тюкалинский – 1 053 р. 93 к., Тюменский – 3 038 р. 80 к., Тарский – 3 358 р. 60 к., Туринский – 1 211 р. 55 к., Ялуторовский – 1 866 р. 20 к., Ишимский – 1 310 р. 36 к., Сургутский – 227 р. 71 к., Березовский – 161 р. 62 к., Курганский – 3 231 р. 12 к. К отчетному периоду получили пособие 864 семьи.

Сибиряки спасали бедствующие семьи проводивших своих кормильцев на войну. Наряду с денежными сборами, в отдельные закрома везли зерно, продукты, одежду, холсты. В № 48 за 23 ноября 1904 года «Тобольские губернские ведомости» опубликовали Ведомость о приходе и расходе материальных пожертвований по уездным отделениям Тобольской губернии. К 1 сентября на приходе состояло в Ишимском отделении: 1 009 пудов 6 фунтов овса, 144 аршин холста, в Тарском уезде собрали 310 пудов овса. Самые большие запасы собрал Курганский уезд: 1 649 пудов овса, 549 аршин холста, 103 полотенца, 24 платя, 18 рубашек, 120 яиц.

Подводя итоги за 1904 год, тобольское местное управление Красного Креста отчиталось о своей работе. Всего в кассу местного управления с января 1904 года от населения поступило 129 686 р. 83 к. В течение ноября 1904 года поступило 3 313 р. 26 к., израсходовано – 32 464 р. 32 к., в том числе на жалованье персоналу тобольского госпиталя в Харбине – 2 250 р., куплено медикаментов тобольскому госпиталю на 1 216 р. 90 к., переведено в главное управление Красного Креста, согласно требованию – 28 262 р. За весь отчетный период израсходовано – 102 585 р. 18 к. (ТГВ, 1904: 52).

В № 252 «Сибирской торговой газеты» за 1904 год редактор Крылов напечатал депешу из Челябинска, в которой представитель Красного Креста А.Н. Нарышкина обращалась к жителям Тобольской губернии с просьбой о помощи: «Через Челябинск ежедневно с Дальнего Востока проезжают от 50 до 200 раненых, каждый на дорогу получает по 16 копеек в сутки, на эти деньги можно купить лишь 2 фунта хлеба, солдаты крайне истощены и оборваны».

Подобная корреспонденция, отражающая истинное положение дел, выходила в печать крайне редко. Правящие круги выполняли задачу идеологической обработки общественного сознания в создании позитивного образа войны, и основным каналом такой обработки служила пресса (Воробьева, 2007: 75). Карающая цензура постоянно напоминала о себе предупреждениями, выемками тиражей, запретом отдельных номеров «ввиду вредного направления газеты» (СТГ, 1904: 273).

Главное управление по делам печати запретило «Сибирской торговой газете» с 1 октября по 10 декабря 1904 года публиковать какие-либо сообщения о военных действиях. Редактор Крылов напечатал заметку о ситуации, когда сотни семей не могли оплатить стоимость посылок в действующую армию. Тюменская городская управа приняла на себя все расходы по пересылке посылок в Мукден и Харбин. В начале декабря 1904 года 125 посылок были отправлены адресатам, на что управой издержано более 200 рублей (СТГ, 1904: 280).

В № 287 за 1904 год «Сибирская торговая газета» опубликовала всеподданнейшую телеграмму генерал-адъютанта Стесселя на имя Его Императорского Величества от 15 декабря, в которой бравадная риторика уступила место реальному положению дел, впервые открыто заявлялось о ежедневной гибели в Порт-Артуре сотен людей от бомбардировок и цинги.

Отчеты Красного Креста содержали сообщения о том, что госпитали Порт-Артура были катастрофически переполнены. Ручные гранаты и пироксилиновые шашки японцев страшно уродовали людей и несли за собой смерть. Подвиг Артурского гарнизона, не исключая врагов, удивлял силой воли и высокой степенью сознания долга (Отчет РОКК, 1911: 523).

В телеграмме корреспондента «Рейтер» из Токио от 20 декабря сообщалось о появлении русского парламентаря на японских позициях с предложением о капитуляции (СТГ, 1904: 287). Из новостной ленты «Рейтер» читатели «Сибирской торговой газеты» узнали, что в японском плену оказалось 32 207 человек (СТГ, 1904: 290). Подписанная Стесселем капитуляция Порт-Артура на долгие годы получила оценку одной из самых черных страниц в истории российских вооруженных сил (Шацилло, 2004: 235).

Для «Тобольских губернских ведомостей» замалчивание трагических событий на Дальнем Востоке стало официальной позицией губернских властей. В последнем за 1904 год выпуске от 28 декабря, в то время как вся Россия знала о падении Порт-Артура, официальная газета напечатала подборку старых телеграмм от Стесселя за ноябрь и декабрь 1904 года.

Вопреки всем цензурным запретам, редактор Крылов разместил на первой полосе свой комментарий на прошедшие события: «Печальную память оставил о себе истекший год. Наш доблестный флот уничтожен. Весть о капитуляции Порт-Артура порвала какую-то струну там, внутри каждого из нас, где гнездится надежда на лучшее» (СТГ, 1905: 1).

Российские обозреватели признавали, что влияние войны тяжелее всего чувствовалось в Сибири: Сибирская железная дорога отказалась принимать частные грузы, что сказалось на торгово-промышленном обороте, призыв под оружие громадного большинства мужского населения и конская мобилизация поставили крестьянские хозяйства в весьма критическое положение (Павлович, 1910: 23).

Опубликованные списки убитых, раненых и пропавших без вести нижних чинов извещали, что самые большие потери в боях несли Ишимский, Курганский и Ялуторовский уезды Тобольской губернии (ТГВ, 1905: 2).

Населением Тобольской губернии было собрано к концу 1904 года 35 500 рублей 27 копеек. Самые крупные пожертвования собраны в Тобольском уезде – 8 082 р. 6 к., а также в Тарском – 5 978 р. 99 к., Тюменском – 4 067 р. 63 к., Ишимском – 4 027 р. 10 к. Сводные отчеты содержали следующие цифры: к концу 1904 года более 1 140 семей получали трудовую и иные виды общественной помощи (ТГВ, 1905: 7).

Объем выпусков «Тобольских губернских ведомостей» за 1904 год, ключевые направления денежных взносов населения, подсчет общей суммы народных пожертвований на нужды войны нашли отражение в Таблице 1.

Таблица 1. Основные направления и общий объем сбора народных пожертвований за 1904 год, представленные в «Тобольских губернских ведомостях»

Номера газетных выпусков п/п	Количество упоминаний о взносах в Красный Крест раненым воинам	Количество упоминаний о взносах на усиление военного флота	Количество упоминаний о взносах семьям нижних чинов	Перечисленные пожертвования за 1904 год
январь № 1-4	-	-	-	-
февраль № 5-8	2	3	1	2 987 руб.
март № 9-13	3	6	7	15 009 руб.
апрель № 14-17	4	11	8	40 211 руб.
май № 18-21	3	4	8	12 180 руб.
июнь № 22-27	4	7	6	33 721 руб.
июль № 28-31	3	6	10	21 634 руб.
август № 32-36	4	14	10	14 447 руб.
сентябрь № 37-40	5	17	8	14 564 руб.
октябрь № 41-49	4	15	16	19 273 руб.
ноябрь № 45-49	3	8	13	7 791 руб.
декабрь № 50-53	5	14	20	16 117 руб.

Результаты проведенного анализа выпусков «Тобольских губернских ведомостей» позволили выявить три основных направления сбора народных пожертвований за 1904 год: на счет Красного Креста (количество упоминаний в выпусках газеты – 40), на усиление военного флота (количество упоминаний – 104), в поддержку семей нижних чинов (количество упоминаний – 107).

Лидируют по количеству упоминаний в публикациях официальной газеты в течение 1904 года благотворительные взносы на военный флот, вместе с тем отчеты за октябрь, ноябрь и декабрь 1904 года изменили ситуацию в пользу семей нижних чинов. Население Тобольской губернии жертвовало крупные суммы Красному Кресту на нужды раненых и увечных воинов, на содержание тобольского этапного госпиталя в Харбине.

Из подсчета благотворительных взносов, опубликованных в «Тобольских губернских ведомостях», следует, что за 1904 год населением Тобольской губернии собрано на нужды войны 197 935 рублей.

Необходимо отметить, что за рамками подсчета денежных пожертвований осталась материальная и общественная помощь: в опубликованных ведомостях не указывались цены за тысячи пудов зерна и сотни аршин полотна, одежду, лошадей и др. Кроме того, в «Тобольских губернских ведомостях» не публиковались данные о пожертвованиях городских дум, дамских комитетов, кушцов и др. Основной упор делался на списки волостных сходов и подписные листы, охватившие самые широкие слои населения.

Редактор А.А. Крылов информировал читателей о благотворительных спектаклях и концертах, лотереях Аллегри в пользу раненых воинов и семей нижних чинов. В отличие от казенного издания, Крылов включал в информацию о военных действиях на Дальнем Востоке сообщения зарубежных новостных агентств, что, несомненно, дополняло восприятие происходивших событий.

В январе 1905 года газеты напечатали письмо командира Тобольского сибирского полка А. Душкевича, находившегося в госпитале по ранению: «Мы выступили, имея 4,5 тысяч штыков и 67 офицеров, а теперь нас осталось – 900 нижних чинов и 17 офицеров». Полковник Душкевич сообщил о том, что полк прославил 3-ю Сибирскую дивизию, и генерал Куропаткин, взявший дивизию в свой личный резерв, высылал сибиряков на поле боя в самые трудные минуты (ТГВ, 1905: 1).

В № 2 за 1905 год «Тобольские губернские ведомости» информировали о том, что в Харбин для тобольского лазарета отправлен очередной груз, в котором были собраны: рубах – 2 225, кальсон – 1 817, валенок – 77, портянок – 3 604 штуки. Регулярные грузы из Тобольской губернии, по утверждению врача Успенского, позволяли при выписке раненых в полк снабжать их всем необходимым: от полушубков до табака и ниток.

Губернский комитет отчитывался, что в январе 1905 года денежное пособие получили 849 семей нижних чинов (ТГВ, 1905: 22). По приходу материальных пожертвований лидировал Курганский уезд, собравший 6 233 пуда зерна, в перечень пожертвований вошли рубашки, фуфайки, ситец, чулки, нитки, сухари и соль (ТГВ, 1905: 24).

Пожертвования сибиряков неоднократно отмечались представителями императорской фамилии. Совет Старейшин Тюменского приказчицкого клуба получил письмо из канцелярии государыни императрицы Александры Федоровны, в котором отмечался вклад участников клуба в пользу вдов и сирот защитников Порт-Артура 852 рубля 72 копейки, за что «Ея Величество Всемилоостивейше повелеть соизволила благодарить» (СТГ, 1905: 62).

Перепечатки газеты «Русские ведомости» сообщили о Мукденском сражении, отступлении русских армий к Телину и далее, на Сыпингайские позиции (СТГ, 1905: 63). Столичные обозреватели утверждали, что сухопутная кампания проиграна (Павлович, 1910: 28).

С апреля 1905 года официальные отчеты стали регистрировать снижение благотворительных взносов на нужды войны: в марте 1905 года в кассу тобольского местного управления Красного Креста поступило 5 479 руб. 90 коп. (ТГВ, 1905: 18), в апреле приход составил 3 048 руб. 27 коп. (ТГВ, 1905: 20), в мае поступило 2 207 руб. 34 коп. (ТГВ, 1905: 26).

Гибель 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр, трагедия Цусимы окончательно разрушили надежду на победу. Современники событий считали, что Цусима была последней каплей. Недоверие к старому режиму, вовлекшему страну в безумную авантюру, проявилось в тех слоях общества, которые до сих пор оставались глухими ко всем требованиям современной жизни (Павлович, 1910: 20). Разгром армии и флота, несомненно, повлиял на целевую направленность благотворительных взносов.

Отчетные ведомости Тобольского губернского комитета свидетельствовали о том, что основной поток народных пожертвований направлялся на помощь нуждающимся семьям нижних чинов.

В марте и апреле 1905 года денежные пособия получили 2 708 семей, общественную помощь получили 1 636 семей (ТГВ, 1905: 41). В мае и июне 1905 года денежные пособия и общественная помощь были предоставлены 1 512 семьям нижних чинов (ТГВ, 1905: 46). В июле 1905 года в кассу губернского комитета поступило 12 796 рублей, помощь получили 2 835 семей (ТГВ, 1905: 53).

К спискам погибших и раненых воинов-сибиряков прибавились известия о военнопленных, умерших в Японии (ТГВ, 1905: 46). Помощь нуждающимся землякам, потерявшим кормильцев, оставалась самой насущной. В августе и сентябре 1905 года получили помощь 2 054 семьи нижних чинов, к 1 октября 1905 года в приходе Тобольского губернского комитета числилось 4 525 рубля (ТГВ, 1906: 10).

Динамика пожертвований от населения Тобольской губернии на нужды войны за 1905 год отражена в [Таблице 2](#).

Таблица 2. Основные направления и общий объем денежных сборов за 1905 год, представленные в выпусках «Тобольских губернских ведомостей»

Номера газетных выпусков п/п	Количество упоминаний о взносах в Красный Крест раненым воинам	Количество упоминаний о взносах на усиление военного флота	Количество упоминаний о взносах семьям нижних чинов	Перечисленные пожертвования за 1905 год
январь № 1-4	4	12	24	24 271 руб.
февраль № 5-8	4	7	24	11 618 руб.
март № 9-13	3	5	21	15 913 руб.
апрель № 14-17	4	10	22	11 776 руб.
май № 18-21	3	5	8	5 382 руб.
июнь № 22-27	3	3	8	6 773 руб.
июль № 28-31	3	3	12	14 186 руб.
август № 32-36	4	8	18	17 690 руб.
сентябрь № 37-40	3	4	16	10 704 руб.

Ранжирование ключевых направлений пожертвований населения Тобольской губернии за 1905 год свидетельствует о том, что по количеству упоминаний в публикациях «Тобольских губернских ведомостей» лидирует денежная помощь семьям нижних чинов. Количество упоминаний пожертвований на нужды войны выглядит следующим образом: взносы на Красный Крест – 31, на восстановление флота – 57, в помощь семьям нижних чинов – 141. Общая сумма народных пожертвований, представленная в публикациях газеты за 1905 год, – 118 313 рублей.

Результаты проведенного авторами анализа 108 выпусков газеты «Тобольские губернские ведомости» за 1904–1905 гг. свидетельствуют о том, что общий объем благотворительных денежных взносов за весь период Русско-японской войны составил – 316 248 рублей.

28 августа (5 сентября) 1905 года в американском Портсмуте был подписан мирный договор между Россией и Японией. Современники событий подсчитывали, во что обошлась война русскому народу.

К официальным расходам за 1904–1905 годы в 2 миллиарда рублей прибавлялись стоимость потерянной для России маньчжурской железной дороги (400 млн руб.), Порт-Артура, Дальнего, потопленных на сотни миллионов судов, расходы по содержанию военнопленных (около 200 млн руб.) и далее, по их перевозке в Россию. Общая сумма расходов, связанных с маньчжурской авантюрой и пресловутой концессией на Ялу, определилась минимум в 5 миллиардов рублей (Павлович, 1910: 32).

Население Тобольской губернии внесло значительную лепту в общий поток пожертвований россиян. Народное благотворительное движение в первые месяцы войны формировалось в сибирской глубинке под патерналистским покровительством правящей династии и губернаторской власти, но затем приобрело мощную самостоятельную силу. Эту тенденцию подтверждает благотворительная поддержка своих земляков, которая намного опередила основание Тобольского губернского комитета по оказанию помощи семьям нижних чинов.

Необходимо подчеркнуть, что газетная хроника представила уникальный материал, воссоздавший целостную картину народной благотворительности в Тобольской губернии периода Русско-японской войны.

5. Заключение

Таким образом, результаты изучения публикаций «Тобольских губернских ведомостей» и «Сибирской торговой газеты» периода Русско-японской войны 1904–1905 гг. (общее количество 686 выпусков) позволили авторам сделать следующие выводы:

- официальная газета аккумулировала на своих страницах списки волостных сходо, подписные листы, отчеты по сбору народных пожертвований; коммерческая газета информировала о светских мероприятиях по сбору благотворительных средств;

- ключевыми направлениями пожертвований от населения стали Красный Крест, усиление флота и помощь семьям нижних чинов;
 - динамика сбора средств свидетельствует о том, что в 1904 году в газетных публикациях лидировали пожертвования на усиление флота, в 1905 году на первую позицию с большим отрывом по упоминаниям в публикациях вышла помощь семьям нижних чинов;
 - подсчет объемов денежных взносов в публикациях «Тобольских губернских ведомостей» суммирует следующие цифры: в 1904 году населением Тобольской губернии собрано 197 935 рублей, в 1905 году – 118 313 рублей, что в совокупности составило 316 248 рублей.
- Авторы выражают уверенность в том, что исследуемый материал свидетельствует о неопределимом вкладе печатных изданий Тобольской губернии в летопись благотворительности дореволюционной России.

Литература

- Александрова, 1998** – Александрова А.А. Становление первой государственной газеты в Сибири («Тобольские губернские ведомости» в 1857–1861 гг.) // *Вестник Московского университета. Серия журналистика*. 1998. № 1. С. 102–112.
- Андреева, Петрова, 2013** – Андреева А.А., Петрова О.А. История журналистики тюменского региона (1789–1929). Тюмень: Изд-во ТГУ. 2013. 487 с.
- Баяндин, 2004** – Баяндин В.И. Русско-японская война: мобилизация и демобилизация войск в Сибири // *Русско-японская война и геополитические проблемы современной России*. Новосибирск. 2004. С. 38–45.
- Богданов, 2019** – Богданов В.П. История благотворительности в России. Москва и московская пресса конца XIX века: Учеб. пособие для вузов. М.: Изд-во Юрайт. 2019. 353 с.
- Боханов, 1984** – Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука. 1984. 148 с.
- Вада, 2012** – Вада Харуки. Русско-японские переговоры. Путь Японии к началу войны с Россией // *Вопросы истории*. 2012. № 3. С. 97–109.
- Воробьева, 2007** – Воробьева Э.А. Русский флот и Порт-Артур в годы Русско-японской войны: желаемое и действительное (формирование и динамика общественного мнения) // *Актуальные вопросы истории Сибири XVIII–XXI вв.* Новосибирск: НГТУ, 2007. С. 75–94.
- Громова, 2014** – Громова А.В. Российский Красный Крест: от Крымской войны до Великой // *Русская история*. 2014. № 2 (29). С. 41–51.
- Давелюи, 1908** – Рэнэ Давелюи. Борьба за обладание морем: разбор и критика. Перевод – Альтфалер В., Давыдов Б. Изд-е 2-е, французское. СПб: Издатель Березовский. 1908. 170 с.
- Дацышен, 2014** – Дацышен В.Г. Развитие вооруженных сил Сибири во II пол. XIX в. // *Сибирь в войнах начала XX века*. Красноярск. Резонанс. 2014. С. 8–19.
- Куперт, Луценко, 2016** – Куперт Ю.В., Луценко А.В. Роль общественного сознания в Русско-японской войне // *Вестник Томского гос. ун-та. История*. 2016. № 1 (39). С. 15–28.
- Линденмайер, 1998** – Линденмайер А. Бедность не порок: благотворительность, общество и государство в Российской империи // *Вопросы истории*. 1998. № 2. С. 167–170.
- Махонина, 2002** – Махонина С.Я. История русской журналистики нач. XX века. М.: Флинта, 2002. 238 с.
- Отчет РОКК, 1911** – *Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время Русско-японской войны*. Издание главного управления РОКК. СПб. Т. 2. 1911. 961 с.
- Павлович, 1909** – Павлович Н. Внешняя политика и Русско-японская война // *Общественное движение в России в нач. XX века*. / Ред. Л. Мартов, П. Маслов, А. Потресов. СПб. 1909. Т. 2. Ч. 1. 341 с.
- СТГ, 1904** – *Сибирская торговая газета*. 1904 год.
- СТГ, 1905** – *Сибирская торговая газета*. 1905 год.
- Соколов, Зимин, 2015** – Соколов А.Р., Зимин И.В. Благотворительность царской семьи. XIX – нач. XX вв. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф. 2015. 604 с.
- ТГВ, 1904** – *Тобольские губернские ведомости*. 1904 год.
- ТГВ, 1905** – *Тобольские губернские ведомости*. 1905 год.
- Угрюмова, 2018** – Угрюмова А.Р. Организация и деятельность этапного госпиталя тобольского местного управления Российского общества Красного Креста в годы Русско-японской войны // *Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарное наследие*. 2018. Том 4. № 4. С. 217–228.
- Ульянова, 2000** – Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призвание в России XIX – нач. XX вв. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // *Труды Ин-та рос. истории РАН 1997–1998 гг.* Вып. 2. М.: ИРИ РАН. 2000. С. 164–217.
- Шацилло, 2004** – Шацилло В.К. Русско-японская война 1904–1905: факты, документы. М.: Молодая гвардия. 2004. 468 с.

References

- Aleksandrova, 1998** – Aleksandrova A.A. (1998). Stanovlenie pervoi gosudarstvennoi gazety v Sibiri («Tobol'skie gubernskie vedomosti» v 1857-1861 gg.) [The formation of the first state newspaper in Siberia ("Tobolsk Provincial Gazette" in 1857-1861)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya zhurnalistika*. Nr. 1. pp. 102-112. [in Russian]
- Andreeva, Petrova, 2013** – Andreeva A.A., Petrova O.A. (2013). Istoriya zhurnalistiki tyumenskogo regiona (1789–1929) [History of journalism of the Tyumen region (1789-1929)]. Tyumen': Izd-vo TGU. 487 p. [in Russian]
- Bayandin, 2004** – Bayandin V.I. (2004). Russko-yaponskaya voina: mobilizatsiya i demobilizatsiya voisk v Sibiri [The Russo-Japanese War: mobilization and demobilization of troops in Siberia]. Russko-yaponskaya voina i geopoliticheskie problemy sovremennoi Rossii. Novosibirsk. Pp. 38-45. [in Russian]
- Bogdanov, 2019** – Bogdanov V.P. (2019). Istoriya blagotvoritel'nosti v Rossii. Moskva i moskovskaya pressa kontsa XIX veka [History of charity in Russia]: Ucheb. posobie dlya vuzov. M.: Izd-vo Yurait. 353 p. [in Russian]
- Bokhanov, 1984** – Bokhanov A.N. (1984). Burzhuznaya pressa Rossii i krupnyi kapital. Konets XIX v. – 1914 g. [The bourgeois press of Russia and big business]. M.: Nauka. 148 p. [in Russian]
- Datsyshen, 2014** – Datsyshen V.G. (2014). Razvitie voozruzhennykh sil Sibiri vo II pol. XIX v. [The development of the armed forces of Siberia in the second half. XIX century]. Sibir' v voynakh nachala XX veka. Krasnoyarsk. Rezonans. Pp. 8-19. [in Russian]
- Davelyui, 1908** – Rene Davelyui (1908). Bor'ba za obladanie morem: razbor i kritika. Perevod – Al'tfaler V., Davydov B. [The struggle for possession of the sea: analysis and criticism. Translation Altfaler V., Davydov B.]. Izd-e 2-e, frantsuzskoe. SPb: Izdatel' Berezovskii. 170 p. [in Russian]
- Gromova, 2014** – Gromova A.V. (2014). Rossiiskii Krasnyi Krest: ot Krymskoi voiny do Velikoi [Russian Red Cross: from the Crimean War to the Great]. *Russkaya istoriya*. № 2 (29). Pp. 41-51. [in Russian]
- Kupert, Lutsenko, 2016** – Kupert Yu.V., Lutsenko A.V. (2016). Rol' obshchestvennogo soznaniya v Russko-yaponskoi voine [The role of public consciousness in the Russo-Japanese War]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Istoriya*. № 1 (39). Pp. 15-28. [in Russian]
- Lindenmaier, 1998** – Lindenmaier A. (1998). Bednost' ne porok: blagotvoritel'nost', obshchestvo i gosudarstvo v Rossiiskoi imperii [Poverty is not a vice: charity, society and the state in the Russian Empire]. *Voprosy istorii*. № 2. Pp. 167-170. [in Russian]
- Makhonina, 2002** – Makhonina S.Ya. (2002). Istoriya russkoi zhurnalistiki nach. XX veka. [History of Russian Journalism XX century]. M.: Flinta. 238 p. [in Russian]
- Otchet ROKK, 1911** – Otchet o deyatel'nosti Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vremya Russko-yaponskoi voiny [Report on the activities of the Russian Red Cross during the Russo-Japanese War]. Izdanie glavnogo upravleniya ROKK. SPb. T. 2. 1911. 961 p. [in Russian]
- Pavlovich, 1909** – Pavlovich N. (1909). Vneshnyaya politika i Russko-yaponskaya voina [Foreign policy and the Russo-Japanese war]. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nach. XX veka. Red. L. Martov, P. Maslov, A. Potresov. SPb. T. 2. Ch. 1. 341 p. [in Russian]
- Shatsillo, 2004** – Shatsillo V.K. (2004). Russko-yaponskaya voina 1904–1905: fakty, dokumenty [The Russo-Japanese War of 1904–1905: facts, documents.]. M.: Molodaya gvardiya. 468 p. [in Russian]
- Sokolov, Zimin, 2015** – Sokolov A.R., Zimin I.V. (2015). Blagotvoritel'nost' tsarskoi sem'i. XIX – nach. XX vv. Povsednevnyaya zhizn' Rossiiskogo imperatorskogo dvora [Charity of the royal family. XIX – beg. XX centuries. Everyday life of the Russian imperial court]. M.: Tsentrpoligraf. 604 p. [in Russian]
- STG, 1904** – *Sibirskaya torgovaya gazeta*. 1904 god. [in Russian]
- STG, 1905** – *Sibirskaya torgovaya gazeta*. 1905 god. [in Russian]
- TGV, 1904** – *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 1904 god. [in Russian]
- TGV, 1905** – *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 1905 god. [in Russian]
- Ugryumova, 2018** – Ugryumova A.R. (2018). Organizatsiya i deyatel'nost' etapnogo gosпиталя tobol'skogo mestnogo upravleniya Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta v gody Russko-yaponskoi voiny [The organization and activities of the staged hospital of the Tobolsk local government of the Russian Red Cross during the Russo-Japanese War]. *Vestnik Tyumenskogo gos. un-ta. Gumanitarnoe nasledie*. T. 4. № 4. Pp. 217-228. [in Russian]
- Ul'yanova, 2000** – Ul'yanova G.N. (2000). Blagotvoritel'nost' i obshchestvennoe prizrenie v Rossii XIX – nach. XX vv. Institutsional'noe razvitie v kontekste formirovaniya grazhdanskogo obshchestva Charity and public charity in Russia in the 19th and early 20th centuries Institutional development in the context of the formation of civil society]. Trudy In-ta ros. istorii RAN 1997–1998 gg. Vyp. 2. M.: IRI RAN. Pp. 164-217. [in Russian]
- Vada, 2012** – Vada Kharuki (2012). Russko-yaponskie peregovory. Put' Yaponii k nachalu voiny s Rossiei [Russian-Japanese negotiations. Japan's path to the outbreak of war with Russia]. *Voprosy istorii*. № 3. Pp. 97-109. [in Russian]

Vorob'eva, 2007 – Vorob'eva E.A. (2007). Russkii flot i Port-Artur v gody Russko-yaponskoi voyny: zhelaemoe i deistvitel'noe (formirovanie i dinamika obshchestvennogo mneniya) [The Russian Navy and Port Arthur during the Russo-Japanese War: Desired and Real (the formation and dynamics of public opinion)]. Aktual'nye voprosy istorii Sibiri XVIII–XXI vv. Novosibirsk: NGTU. Pp. 75-94. [in Russian]

Благотворительные сборы населения Тобольской губернии в годы Русско-японской войны: по материалам изданий «Тобольские губернские ведомости» и «Сибирская торговая газета» (1904–1905 гг.)

Ирина Витальевна Ставецкая ^{а, *}, Надежда Юрьевна Гаврилова ^а

^а Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Авторы статьи обращаются к рассмотрению малоизученной темы, посвященной народным пожертвованиям в Тобольской губернии периода Русско-японской войны. По данным Всероссийской переписи населения 1897 года, в Тобольской губернии, одной из самых огромных в Российской империи по территории, числилось 1 443 043 жителя. С первых дней Русско-японской войны в сибирской глубинке начались народные сборы пожертвований на нужды войны.

Авторы фокусируют внимание на том, каким образом массовое благотворительное движение отразилось в уникальных источниках фактического материала – печатных изданиях «Тобольские губернские ведомости» и «Сибирская торговая газета». Изучение газетной хроники позволило авторам выявить ключевые направления благотворительных сборов, динамику денежных взносов и материальной помощи, подсчитать общий объем пожертвований, поступивших от населения Тобольской губернии.

Ключевые слова: Русско-японская война, Тобольская губерния, благотворительность, сбор народных пожертвований, материальная и общественная помощь, газетный рынок, карающая цензура, «Сибирская торговая газета», «Тобольские губернские ведомости».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: irina.vita22@yandex.ru (И.В. Ставецкая),
nygavrilova@mail.ru (Н.Ю. Гаврилова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 345-351. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.345
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911. Part 3

Tianming Gao ^{a,*}, Aleksandr A. Cherkasov ^{b,c}, Sergei N. Bratanovskii ^{d,e}, Nugzar Ter-Oganov ^f

^a Harbin Engineering University, Harbin, China

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Tel Aviv University, Israel

Abstract

The article deals with the little-known pages of the Persian revolution of 1905–1911. The authors pay attention to the process of escalation of violence in 1909, the driving forces of the revolutionary movement, as well as the activities of Russian diplomatic missions.

There were used as materials the unpublished documents from the Central State Historical Archive of Georgia (Tbilisi, Georgia). The documents from the central state institutions of the Russian Empire were used as sources, namely, the documents of the Ministry of Foreign Affairs, General Consulate in Tabriz, consulates in Ardabil and Urmia, the departmental correspondence of the Russian border units with the office of the governor-general of the Tsar in the Caucasus and etc. The sources of personal origin were also applied as materials.

In conclusion, the authors state that another round of tension began in the northern regions of Persia in September 1909, the nomads-shahsevens sharply intensified, roads were again blocked and trade between Russia and Persia was completely stopped. The local authorities in a number of Persian regions were unable to resist the nomads, and therefore Russian troops were introduced to the northern regions of Persia at the end of October 1909. The arrival of army contingents from Russia stabilized the situation, the troops secured the military road and had several clashes with the shahsevens. By December 1909, the situation was so stable that it became pointless to keep significant military forces in Persia and they began to be withdrawn to the Caucasus.

Keywords: Persian revolution, diplomatic missions, expeditionary force, Shahsevens, fidai.

1. Введение

Как известно, буржуазно-демократическая революция 1905–1911 гг. была вызвана нарастанием социально-политической напряженности между монархией Каджаров и различными слоями городского и сельского населения страны. Ситуацию усугубляло финансово-экономическое засилье иностранных государств, в первую очередь Англии и России, и их борьба за влияние в этой стране, что привело к участию в революционных событиях широких масс общественности: от национальной буржуазии и буржуазных помещиков, шиитского духовенства до ремесленников и крестьян. Центром революционного движения были северо-западные провинции империи, в том числе Ардебиль (где в это время находилось Российское консульство).

В ходе революции был создан парламент (меджлис), а также принята конституция. Однако, не смирившись с появлением законодательного органа в стране и ограничением прав монархии,

* Corresponding author

E-mail addresses: gtmmail@sina.cn (T. Gao), sochioo3@rambler.ru (A.A. Cherkasov)

в июле 1908 г. шах Мохаммад-Али начал активную борьбу против парламента и оппозиции, или конституционалистов, что завершилось бомбардировкой шахскими войсками и Персидской казачьей бригадой меджлиса и введением военного положения в Тегеране. Разгром меджлиса и усиление антиконституционных сил вызвало очередную волну антишахских выступлений в различных частях Северной Персии. Кульминацией революционных выступлений стало взятие революционерами Тегерана в июле 1909 г. и отречение Мохаммад-Али-шаха от трона. Данная статья является второй частью, ранее нами были рассмотрены события в Персии с февраля по август 1909 г. ([Gao et al., 2019](#); [Gao et al., 2019a](#)).

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали неопубликованные документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). В качестве источников были привлечены документы центральных государственных учреждений Российской империи, а именно документы Министерства иностранных дел, дипломатических миссий в Ардебиле, Тавризе, Урмии, ведомственная переписка русских пограничных частей с канцелярией наместника царя на Кавказе и др. В качестве материалов использованы также источники личного происхождения, например воспоминания П.Н. Стрелянова (Калабухова) ([Стрелянов \(Калабухов\), 2007](#)).

В исследовании была применена совокупность научных методов: периодизации, типологизации, сравнения и пр., которые в единстве обеспечивают надежность результатов по изучаемой проблеме. Исследование имеет междисциплинарный характер, базирующийся на принципе компаративистики, который позволяет выявить разные уровни информативности источника, а также сопоставить сведения различных источников о той или иной исследуемой проблеме. В работе применялись междисциплинарный и комплексный подходы, что в свою очередь позволило рассмотреть действия русских дипломатических миссий в северных провинциях Персии в период персидской гражданской войны.

3. Обсуждение

Революционные события в северо-западных районах Персии в период 1909 г. получили достаточно широкое освещение в советской историографии. Тем не менее идеологическая зашоренность не позволила многим исследователям дать объективный анализ событий персидской революции. Что касается постсоветского периода, то особого интереса среди исследователей не наблюдается. Данной темой занимались только в контексте геополитики. Так, например, Н. Тер-Оганов в своей статье «The Anglo-Russian Compromise of 1907 and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar» ([Ter-Oganov, 2015](#)) увязал англо-русское противостояние в Персии с революционными событиями в этой стране, в частности с захватом революционерами Тегерана в июле 1909 года. А.Б. Широкоград рассматривал персидские дела в контексте российско-английских взаимоотношений 1857–1907 гг. ([Широкоград, 2003](#)). В этом же ключе работал D. Mclean в своем труде «English radicals, Russia and the fate of Persia 1907–1913» ([Mclean, 1978](#)).

В то же время на Западе в 1970–1990 гг. появилось сразу несколько работ, рассматривающих британскую политику в Персии в период до Первой мировой войны. В связи с этим необходимо назвать труды F. Stanwood ([Stanwood, 1978](#); [Stanwood, 1983](#)), W.J. Olson ([Olson, 1986](#)) и M. Bonakdarian ([Bonakdarian, 1991](#)).

Важно понимать, что события начала революции в Персии совпали с Первой русской революцией. Известно, что она более всего полыхала на окраинах империи, и в особенности на территории Кавказа и Закавказья, специально для подавления революции в регионе была вновь учреждена должность наместника царя на Кавказе. Более того, архивные документы свидетельствуют о связях закавказских революционеров с революционерами из Персии, которая часто служила для них убежищем. В этой связи интерес представляют работы по истории Первой русской революции на территории Кавказа ([Taran, 2014](#); [Taran, 2015](#); [Taran, 2015a](#); [Taran et al., 2016](#); [Taran et al., 2017](#); [Taran, Kurbanov, 2018](#); [Taran, Vyshkov, 2019](#)).

4. Результаты

1 сентября 1909 г. в Ардебиле была распространена печатная прокламация, заверенная печатью с надписью «комитет единения и прогресса охраняющих отечество персиян». В середине печати был изображен человек, держащий в правой руке знамя с треугольным полотнищем, а в левой – свою отделенную от туловища голову; вокруг этого изображения помещены были слова «равенство, свобода и справедливость». Согласно данным листовки, этот комитет был создан 2,5 года назад на Кавказе и до последнего времени оберегал тайну своего существования. «Ныне же под влиянием последних событий» комитет решил опубликовать свою программу и призвать всех своих братьев из Персии и с Кавказа объединиться за права народа против прикрывавшихся русским флагом кадждаров и самих русских, которые сеют смуту и объявляют, что все дела подсудны их консульствам ([ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 177](#)). Прокламация никакого успеха в городе не имела, и ее тираж был практически сразу уничтожен людьми губернатора.

6 сентября в Ардебиль прибыл Саттар-Хан (Рис. 1), которого именовали «Сердаре-Милли» (что в переводе значило – национальный полководец). Отряд его состоял приблизительно из 250 человек: 125 тавризовских фидаев, 25 курдов и 100 всадников из Сераба. Отряд около недели пробыл в Серабе, где за счет местных ханов несколько пополнил свои средства. В Ардебиль Саттар-Хан въехал окруженный значительной толпой выходивших ему навстречу членов энджумена, прочих политических деятелей и почти всего населения города. Саттар-Хан поспешил ободрить и успокоить встречавших его, обещав быстро восстановить порядок и усмирить разбойников.

Рис. 1. Саттар-Хан (1866–1914 гг.)

Ардебильские фидаи, особенно пришлые, готовились к встрече своего героя, именем которого они недавно взяли Ардебильскую крепость, устроив в нескольких километрах большой, хорошо оборудованный лагерь. Более того, они отправили в Сераб для приветствия особую депутацию во главе с наиболее авторитетными фидаями. Однако Саттар-Хан принял эту депутацию недружелюбно, разоружил ее и троих главарей арестовал и выслал под конвоем в Ардебиль. На следующий же день по приезде сюда Саттар-Хан посетил загородный лагерь, арестовал бывшего председателя тайного комитета его имени, Мирзу Мухаммед-Хана, и около 30 фидаев, разоружил остальных и приказал всем им сдать ему все награбленное у населения добро (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 178-179). Видя, как Саттар-Хан расправляется с теми, кто держал всех в страхе, население Ардебиля возликовало, надежды на восстановление порядка усилились, и в городе наступило, наконец, полное спокойствие, однако оно продолжалось недолго.

Мир Махмуд, поддержанный некоторыми из членов энджумена, выступил на защиту пострадавших фидаев и стал доказывать Саттар-Хану, что кавказских фидаев призвал в Ардебиль сам народ для продолжения здесь начатого Саттаром в Тавризе дела – борьбы с деспотизмом и установления конституции, что люди эти, жертвуя своей жизнью, честно исполнили свой долг и даровали народу блага нового режима. Саттар-Хан не мог не согласиться с этими доводами и приказал освободить всех арестованных (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 179).

Пришлые фидаи, лишившись с приездом Саттар-Хана как своего положения, так и источников дохода, поняли, что в Ардебиле им больше нечего делать. Немногие среди них, успевшие себя хорошо обеспечить, покинули Ардебиль вместе с председателем астаринских фидаев Мирзой Гулямом. Человек 60 поехали в Мишкин для наведения там порядка. Самые же отчаянные во главе с Джемшидом разграбили устроенный ими же лагерь, отобрали у находившихся там же сарбазов оружие и патроны и скрылись (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 179).

Через несколько дней Саттар-Хан пригласил к себе остававшегося на территории вице-консульства Решид-уль-Мулька и Векиль-ур-Руайа и убедил их покинуть вице-консульство и отправиться в Тавриз. 19 сентября бывший губернатор выехал в Тавриз в сопровождении Векиля и человек десяти пожелавших вернуться домой всадников Саттар-Хана. Тем временем популярность Саттар-Хана ввиду беспричинного освобождения фидаев начала уменьшаться, при этом роль энджумена начала возрастать. В середине сентября единственной заботой последнего было пополнение пустой общественной казны. Для этой цели энджуменом был составлен список лиц, подлежащих добровольному обложению на нужды народа на общую сумму в 60 тыс. туманов, и объявлено проживающим здесь русскоподданным, что впредь они обязаны оплачивать особый налог с арендной платы за их дома, лавки и склады. Добровольные пожертвования, несмотря на угрозу

принудительного взыскания, так и не начали поступать. Более того русско-подданные прямо и категорично отказались уплачивать какие бы то ни было налоги, не предусмотренные договорами и законами (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 181).

Положение азербайджанского губернатора с приходом Саттар-Хана сделалось сложным, так как никаких средств и вооруженной силы в его руках не было. В свою очередь Саттар-Хан рассчитывал быстро расправиться с кочевниками-шахсевенами, но, увидев, что это ему не под силу, он начал винить губернатора в бездействии, которая привела к таким последствиям. Эти взаимные недоразумения между губернатором, энджуменом и Саттар-Ханом окончательно подорвали авторитет всех троих.

Что касается шахсевенов, то 1 сентября они разграбили в 15 км от Ардебилля селение Караченах, причем было убито несколько женщин и детей (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 183). На этом была завершена целая череда разграблений населенных пунктов, начатая еще в августе. Причиной этому послужили известия, что Саттар-Хан с 3 тыс. всадников движется на Ардебиль. После того как стало понятно, что силы Саттар-Хана сильно преувеличены, ардебильские правители (губернатор, энджумен и сам Саттар-Хан) предприняли попытку договориться с шахсевенами о прибытии в Ардебиль, отправив к ним влиятельных беков. 18 сентября один из беков с отрядом при одном орудии выступил по дороге к Дыману, но спустя 10 дней вернулся, не выполнив миссию. Второй бек уехал со своими людьми домой, а третий бек, собрав своих всадников, встал лагерем в 7 км от Ардебилля и занялся мелкими грабежами. 20 сентября тайно покинул город Насрулл-Хан-Юрчи, людям которого была поручена охрана тавризской дороги, а сам он находился в Ардебиле в качестве заложника. С его отъездом бывшие охранники дороги стали просто грабителями и движение на Тавриз вновь прекратилось (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 184).

Как только шахсевены поняли, что им предоставлено право действия, они 26 сентября окружили и осадили город Хой. Вице-губернатор бежал к одному из беков, а его охрана была частью убита, а частью ограблена. 27 сентября отряд численностью до 1 тыс. всадников начал сосредотачиваться в селении Талыб-Кишлаги. 28-го сентября известие о движении шахсевенов распространилось по Ардебиллю и вызвало панику среди населения. Лица, осведомленные о шахсевенских делах, говорили, что цель этого движения – взятие Ардебилля, изгнание оттуда губернатора и Саттар-Хана, назначение губернатором одного из беков, а затем обложение Ардебилля крупной контрибуцией.

В крепости начались спешные приготовления на случай осады. Из сарбазов, отпущенных на вольные работы, и других, умеющих обращаться с оружием, наспех формировали гарнизон крепости. 29 сентября поступила информация, что дорога почти до самого Ардебилля занята шахсевенами и примкнувшими к ним жителями селений Тазеканд и Каралар. В результате мобилизационных мероприятий против шахсевенов в Ардебиле был создан отряд в 500 всадников, в том числе вместе с людьми Саттар-Хана (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 186).

Не лучше обстояли дела и в регионе. Так, в административной зоне серабского вице-губернатора шахсевены разграбили селение Суюн, были угнаны стада и забраны две женщины. Серабский вице-губернатор послал к шахсевенам посланника с просьбой вернуть женщин и награбленное, однако они не только не вернули награбленное, но и с позором прогнали посланника (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 187).

18 сентября шахсевены также разграбили селение Херис, известное своей ковровой фабрикой (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 187).

Внутренний и внешний товарооборот между городами прекратился. Русская торговля была поставлена под угрозу¹. К 20 октября Саттар-Хан бежал из Ардебилля, губернатор, энджумен и духовенство укрылись в русском консульстве, а город был занят шахсевенами, которые разграбили все базары, караван-сарай и большинство домов. Кочевники требовали выдачи скрывавшихся в консульстве людей (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 171. Л. 1). Русский вице-консул в Ардебиле запросил срочную военную помощь из России.

В этих условиях в конце октября 1909 г. морским путем из Баку через пограничную Астару на территорию Персии вступил русский отряд в составе двух батальонов 206-го Сальянского полка, двух легких орудий Кавказской гренадерской артиллерийской бригады и двух сотен 1-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска с двумя пулеметами. Роты и сотни были мирного состава, поэтому в отряде было всего около 700 человек (Стрелянов (Калабухов), 2007: 27). Однако непосредственно на Ардебиль выступил отряд в еще меньшем составе: один батальон 262-го резервного Сальянского полка, одна сотня 2-го Уманского казачьего полка, взвод артиллерии и команда саперов (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 171. Л. 11). Сводным отрядом руководил полковник Кванчехадзе.

¹ За это время русскоподданные в Персии потеряли имущества на сумму более 400 тыс. рублей, из них деньгами более 128 тыс., а также около 25 тыс. баранов, более 1 тыс. коней, более 1 тыс. коров, более 1 тыс. быков, несколько тысяч других домашних животных (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 171. Л. 37).

28-го октября отряд занял Ардебиль и крепость. Даже этого отряда хватило, чтобы шахсевены, производившие до этого грабежи в Ардебиле и требовавшие от русского консула сдачи всего оружия с патронами консульского конвоя, поспешно отошли.

В последующем сводный отряд занимался охраной дороги Астара – Ардебиль – Сераб по возможности без применения оружия (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 171. Л. 44).

В конце ноября 1909 г. на подкрепление отряда прибыл 16-й гренадерский Мингрельский полк с 6-й горной батареей Кавказской гренадерской артиллерийской бригады и остальные четыре сотни 1-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска (Стрелянов (Калабухов), 2007: 27). Общее командование группы войск осуществлял полковник Аверьянов (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 171. Л. 11 об.).

О применении войск в зоне деятельности отряда свидетельствуют некоторые источники. Так, полковник Аверьянов сообщал 16 ноября, что «в 4 часа дня 12 декабря на этап Арпатана начали прибывать в панике местные жители из селений Нюнякерана и Мусакент с имуществом, с женами и детьми. Причину бегства местные жители объяснили тем, что к ним прибыли посланники от шахсенов с требованием очистить селения для ночлега шахсенов. Так как селения Нюнякеран и Мусакент находились в полутора-двух верстах от военной дороги, в районе которой никаких насилий я допустить не могу, то по соглашению с нашим вице-консулом я в 12 часов ночи отправил отряд (сотня казаков и две роты Мингрельского полка) в указанном направлении. Отряду было приказано выяснить справедливость показаний жителей, прекратить насилия силой оружия и, в случае враждебных действий шахсенов против отряда, употребить оружие против последних. На рассвете отряд достиг селения Каратинагт. Казаки обнаружили около 300 всадников, оказавшихся полукочевым населением Палатлинцев, сгруппировавшихся вокруг селения Абаили. Так как Палатлинцы открыли по казачьим разъездам огонь, казаки, а потом и подошедшая пехота начали обстреливать кочевников, продолжая наступление к Абаили. Палатлинцы, потеряв убитыми не менее шести человек и 3 лошадей и имея раненых, бросились отступать в горы, выслав к нашим казакам послание на русском языке, в котором объяснили свои выстрелы по казачьим разъездам тем, что казаков приняли за Тальшенцев, что считаю лишь отговоркой. Так как Палатлинцы поспешно скрылись в горы, а беженцы спокойно вернулись в свои селения и насилиям не подвергались, а также ввиду содержания письма, указавшего на нежелание Палатлинцев вступать с нами во враждебные действия. Начальник отряда счел свою задачу выполненною и увел отряд в Арнатапу, а 14 (ноября) прибыл в Ардебиль. С нашей стороны потерь не было. После этой стычки наш консул получил от Гуссейн-Али-Хана Палатлинского письмо, заканчивающееся такими словами: «Вам следовало бы перед всяким передвижением Ваших войск объявлять об этом, так как у нас нет ни сил, ни возможности сопротивляться российским войскам и, каково бы ни было ваше решение, мы ему подчинимся». 12-го же ноября консул получил письмо с выражением полной покорности от другого полукочевого племени шахсенов – овюрцинцев, проживающих в районе дороги от Ардебилля на Сераб» (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 171. Л. 45-45 об.).

14 ноября русские войска применялись для прекращения грабежа местных жителей шахсенами в районе Тавриза (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 196).

Русская группа войск в северных районах Персии сумела в короткие сроки остановить насилие как революционеров, так и шахсенов. Это придало региону стабильность и позволило вернуть местное население к мирной жизни.

Влияние России в Персии окрепло. С бегством фидаев из страны в Азербайджане и Хоросане наступило успокоение. В декабре 1909 года встал вопрос о выводе отдельных отрядов русской армии. Необходимость держать крупные силы в Ардебиле миновала, и командование Кавказского военного округа вернуло значительную часть отряда на Кавказ.

5. Заключение

Завершая, необходимо отметить, что в сентябре 1909 г. в северных районах Персии начался очередной виток напряженности, резко активизировались кочевники-шахсевены, вновь оказались перекрыты дороги и полностью остановлен товарооборот между Россией и Персией. Местная власть в ряде персидских регионов не смогла оказать кочевникам сопротивления, и ввиду этого в северные районы Персии в конце октября 1909 г. были введены русские войска. Прибытие армейских контингентов из России стабилизировало обстановку, войска обеспечили охрану военной дороги и имели несколько столкновений с шахсенами. К декабрю 1909 г. обстановка настолько была стабилизирована, что держать значительные военные силы в Персии стало бессмысленно и они начали отводиться на Кавказ.

6. Благодарности

Настоящее исследование осуществлялось при поддержке Научно-исследовательского фонда центральных университетов Китая. Проект 3072019CFR0902.

Литература

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

- Стрелянов (Калабухов), 2007 – Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М., 2007.
- Ter-Oganov, 2015 – Ter-Oganov N. The Anglo-Russian Compromise of 1907 and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar // *Voennyi Sbornik*. 2015. 9(3): 158-178.
- Широкорад, 2003 – Широкорад А.Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М., 2003.
- Bonakdarian, 1991 – Bonakdarian M. The persia committee and the constitutional revolution in Iran // *British Society for Middle Eastern Studies. Bulletin*. 1991. 18(2): 186-207.
- Gao et al., 2019 – Gao T., Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ter-Oganov N. “Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1365-1372.
- Gao et al., 2019a – Gao T., Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ter-Oganov N. “Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911. Part 2. // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1870-1876.
- Olson, 1986 – Olson W.J. Anglo-Iranian Relations During World War I. London, 1986.
- Stanwood, 1983 – Stanwood F. War, Revolution & British Imperialism in Central Asia. London, 1983.
- Mclean, 1978 – Mclean D. English radicals, Russia and the fate of Persia 1907-1913. // *English Historical Review*. 1978. 93(CCCLXVII): 338-352.
- Stanwood, 1978 – Stanwood F. Revolution and the ‘Old Reactionary Policy’: Britain in Persia, 1917 // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 1978. 6(2): 144-165.
- Taran, 2014 – Taran K.V. The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909) // *Bylye Gody*. 2014. 34(4). pp. 582-585.
- Taran, 2015 – Taran K.V. Rural communities on the outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the example of villages within the Black Sea Governorate) // *Bylye Gody*. 2015. 35(1). pp. 124-132.
- Taran, 2015a – Taran K.V. Propaganda Activities of Socialist Revolutionaries of the Black Sea Province in 1905 // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2015. Vol. (3). Is. 1. pp. 4-13.
- Taran et al., 2016 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Kocherga S.A. The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905-1907 years) (on the materials of the Black Sea province) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1), pp. 229-236.
- Taran et al., 2017 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Rassolov, I.M. The activities of the Armenian parties dashnaksutyun and gnchak on the territory of the black sea province at the beginning of the XX century // *Bylye Gody*. 2017. 43(1). pp. 248-256.
- Taran, Kurbanov, 2018 – Taran K., Kurbanov R. The armed uprising in the Sochi district of the Black Sea governorate in the Russian Empire (1905-1906) and its interpretation in the exhibition of the regional museum // *Brukenenthal. Acta Musei*. 2018. 13(1), pp. 81-94.
- Taran, Byshkov, 2019 – Taran K.V., Byshkov P.A. The activities of the Novorossiysk committee of the union of railwaymen during the first Russian revolution // *Bylye Gody*. 2019. 52(2): 873-879.

References

- Bonakdarian, 1991 – Bonakdarian M. (1991). The Persia committee and the constitutional revolution in Iran. *British Society for Middle Eastern Studies. Bulletin*. 18(2): 186-207.
- Mclean, 1978 – Mclean D. (1978). English radicals, Russia and the fate of Persia 1907–1913. *English Historical Review*. 93(CCCLXVII): 338-352.
- Gao et al., 2019 – Gao T., Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ter-Oganov N. (2019). “Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911. *Bylye Gody*. 53(3): 1365-1372.
- Gao et al., 2019a – Gao T., Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ter-Oganov N. (2019). “Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911. Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1870-1876.
- Olson, 1986 – Olson W.J. (1986). Anglo-Iranian Relations During World War I. London.
- Shirokorad, 2003 – Shirokorad A.B. (2003). Rossiya – Angliya: neizvestnaya voyna, 1857–1907 [Russia – England: Unknown War, 1857–1907]. M. [in Russian]
- Stanwood, 1978 – Stanwood F. (1978). Revolution and the ‘Old Reactionary Policy’: Britain in Persia, 1917. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 6(2): 144-165.
- Stanwood, 1983 – Stanwood F. (1983). War, Revolution & British Imperialism in Central Asia. London.
- Strelyanov (Kalabukhov), 2007 – Strelyanov (Kalabukhov) P.N. (2007). Kazaki v Persii. 1909–1918 gg. [Cossacks in Persia. 1909–1918]. M. [in Russian]
- Taran et al., 2016 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Kocherga S.A. (2016). The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905-1907 years) (on the materials of the Black Sea province). *Bylye Gody*. 39(1): 229-236.
- Taran et al., 2017 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Rassolov, I.M. (2017). The Activities of the Armenian Parties Dashnaksutyun and Gnchak on the Territory of the Black Sea Province at the beginning of the XX century. *Bylye Gody*. 43(1): 248-256.

Taran, 2014 – Taran K.V. (2014). The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909). *Bylye Gody*. 34(4). pp. 582-585.

Taran, 2015 – Taran K.V. (2015). Rural communities on the outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the example of villages within the Black Sea Governorate). *Bylye Gody*. 35(1): 124-132.

Taran, 2015a – Taran K.V. (2015). Propaganda Activities of Socialist Revolutionaries of the Black Sea Province in 1905. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 3(1): 4-13.

Taran, Byshkov, 2019 – Taran K.V., Byshkov P.A. (2019). The activities of the Novorossiysk committee of the union of railwaymen during the first Russian revolution. *Bylye Gody*. 52(2): 873-879.

Taran, Kurbanov, 2018 – Taran K., Kurbanov R. (2018). The armed uprising in the Sochi district of the Black Sea governorate in the Russian Empire (1905-1906) and its interpretation in the exhibition of the regional museum. *Brukenthal. Acta Musei*. 13(1), pp. 81-94.

Ter-Oganov, 2015 – Ter-Oganov N. (2015). The Anglo-Russian Compromise of 1907 and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar. *Voennyi Sbornik*. 9(3): 158-178.

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia].

«Наш шах – русский император»: малоизвестные страницы гражданской войны в Персии. Часть 3

Тяньмин Гао ^{a, *}, Александр Черкасов ^{b, c}, Сергей Братановский ^{d, e}, Нугзар Тер-Оганов ^f

^a Харбинский инженерный университет, Харбин, Китай

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Институт государства и права РАН РФ, Москва, Российская Федерация

^f Тель-Авивский университет, центр иранских исследований, Израиль

Аннотация. В статье рассматриваются малоизвестные страницы из истории Персидской революции 1905–1911 гг., в частности события 1909 г. в северо-западных районах Персии. Уделено внимание процессу эскалации насилия, движущим силам революционного движения, а также деятельности русских дипломатических миссий.

Материалами для подготовки статьи стали неопубликованные документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). В качестве источников были привлечены документы центральных государственных учреждений Российской империи, а именно – Министерства иностранных дел, дипломатических миссий в Ардебиле, Тавризе, Урмии, ведомственная переписка русских пограничных частей с канцелярией наместника царя на Кавказе и др. В качестве материалов также использованы источники личного происхождения.

В заключении авторы отмечают, что в сентябре 1909 г. в северных районах Персии начался очередной виток напряженности, резко активизировались кочевники-шахсевены, вновь оказались перекрыты дороги и полностью остановлен товарооборот между Россией и Персией. Местная власть в ряде персидских регионов не смогла оказать кочевникам сопротивления, и ввиду этого в северные районы Персии в конце октября 1909 г. были введены русские войска. Прибытие армейских контингентов из России стабилизировало обстановку, войска обеспечили охрану военной дороги и имели несколько столкновений с шахсевенами. К декабрю 1909 г. обстановка настолько была стабилизирована, что держать значительные военные силы в Персии стало бессмысленно и они начали отводиться на Кавказ.

Ключевые слова: Персидская революция, дипломатические миссии, экспедиционные части, шахсевены, фидаи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gtxmail@sina.cn (Т. Гао), sochi003@rambler.ru (А.А. Черкасов)

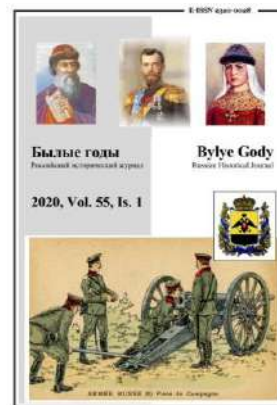
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 352-359. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.352
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Muslim Prisoners of World War I in the Camps of the Triple Alliance Countries

Gulzhaukhar K. Kokebayeva ^{a,*}, Ziabek E. Kabuldinov ^a, Tolkyn N. Mukhazhanova ^b, Yerkezhan T. Akhmetova ^c

^a Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Kazakhstan

^b Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^c L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

Abstract

The World War I was a global conflict in which the population of many countries of the world was involved. Consideration of this topic is limited to studying their role in the material support of armed forces of metropolises, when it comes to the participation of colonial possessions of Entente Powers in World War I. However, a huge mass of representatives of Asian and African people, the vast majority of whom were Muslims, served in the armed forces of the member countries of both military blocs. European countries witnessed the arrival of hundreds of thousands of colonial soldiers fighting on European territory, getting captured and coming into contact with European society and culture. Capturing them, keeping them in camps and creating conditions under the norms of The Hague Convention of 1907 required certain efforts from the authorities of the Triple Alliance countries. In addition, prisoners of war from various regions of Asia and North Africa, held in the camps of the Triple Alliance countries, were of great interest to scientists studying anthropology, ethnography and the languages of the eastern people. The countries of the Triple Alliance sought to use the anti-colonial feelings of Muslims from the British and French possessions, promoting “jihad” against the Entente Powers. However, the creation of favorable conditions for the life of prisoners of war in the camps and increased propaganda work caused a mixed reaction from Muslim prisoners of war. Many prisoners of war from the Muslim regions of the Entente Powers remained faithful to their military oath, although they dreamed of freeing their countries from colonial dependence.

Keywords: Muslim prisoners of war, holy war, colonial possessions, the Hague Convention of 1907, camps for Muslim prisoners of war.

1. Введение

Первая мировая война, несмотря на прошедшие сто лет, до сих пор продолжает вызывать у историков большой интерес, что, видимо, связано с глобальным характером этого исторического события. Война началась между двумя военными блоками, созданными европейскими государствами, однако в результате того что Великобритания, Франция, Россия, Османская империя и Германия обладали колониальными владениями, в этот конфликт также были вовлечено население многих неевропейских стран. Таким образом, эта война была первым действительно глобальным конфликтом: сражения происходили почти во всех частях мира, включая сухопутные кампании в Африке и Азии, военно-морские сражения на Индийском и Тихом океанах. Когда речь идет об участии колониальных владений стран-членов Антанты в Первой мировой войне, рассмотрение этой темы ограничивается изучением их роли в материальном обеспечении вооруженных сил метрополий. Однако в составе вооруженных сил стран-членов обоих военных блоков служила и воевала огромная

* Corresponding author

E-mail addresses: kokebayeva@mail.ru (G.K. Kokebayeva), zkabuldinov@gmail.com (Z.E. Kabuldinov), tolkynm3010@gmail.com (T.N. Mukhazhanova), erkezhan-ahmetova@mail.ru (E.T. Akhmetova)

армия азиатов и африканцев, подавляющее большинство которых были мусульманами. Европейские страны стали свидетелями прибытия сотен тысяч колониальных солдат, сражающихся на европейской территории, попавших в плен и вступивших в контакт с европейским обществом и культурой.

2. Материалы и методы

В данной статье рассматривается один из малоизученных аспектов Первой мировой войны – условия содержания мусульманских военнопленных в лагерях и попытки использования их в противостоянии крупных держав Европы. В качестве источников исследования были использованы материалы Политического архива Министерства иностранных дел ФРГ, а также опубликованные документальные источники.

При проведении данного исследования опирались на мир-системную теорию: крупные государства, ставшие ядром двух военных блоков, рассмотрены как своеобразные мир-системы. Освоение и включение в орбиту влияния европейских государств территорий в других частях света привело к появлению нескольких крупных колониальных империй. Колониальное окружение мира является неотъемлемым компонентом европейской истории от раннего Нового времени до периода деколонизации. Все составные части Британской, Французской и других империй участвовали в глобальной войне, представители населения этих колоний сражались на фронтах, попадали в плен, получали ранения, погибали. Как поведут себя в плену люди различных вероисповеданий, возобладают ли чувство верности воинской присяге над религиозной верой – эти аспекты поведения людей в экстремальных условиях могут служить одним из показателей прочности отдельных мир-систем.

3. Обсуждение

Большой интерес у исследователей-историков вызывают вопросы использования колониальных владений европейских государств в имперской армии. Коллективный труд «"Иностранцы в погонах" в обществах военного времени», подготовленный группой европейских авторов, посвящен изучению опыта использования индийских, индо-китайских, сенегальских, марокканских и алжирских солдат на фронтах Первой мировой войны (Aliens, 2013). Европейские страны стали свидетелями прибытия сотен тысяч колониальных солдат, сражающихся на европейской территории и вступивших в контакт с европейским обществом и культурой. Для многих европейцев это были первые случаи, когда они встречали азиатов или африканцев. Дж. Мортон-Джек в своей книге, опираясь на не опубликованные ранее источники, анализирует историю индийских экспедиционных сил, служивших Британской империи. 1,5 миллиона индийских солдат, участвовавшие в сражениях на стороне британских вооруженных сил, сыграли определенную роль в победе Антанты в Первой мировой войне (Morton-Jack, 2018).

В контексте участия колониальных войск в Первой мировой войне особое внимание исследователей уделяется судьбе мусульманских военнопленных. Условия их содержания и повседневная жизнь в лагерях Германии исследуются в работах Г. Хёппа и М. Кахлейс (Höpp, 1997; Kahleys, 1998). Пропагандистская работа в лагерях для мусульманских военнопленных отражена в коллективной работе «Первая мировая война и джихад: немцы и революционизирование Востока» (Erster Weltkrieg, 2013). Агитационная работа в этих лагерях рассматривается в книге как часть военной стратегии, которую выработало политическое и военное руководство германского рейха накануне войны. На основе многочисленных источников авторы показывают, как немецкие военные, дипломаты и гражданские лица, призванные на военную службу, пытались осуществить эту стратегию на восточном театре военных действий.

В монографии И.А. Гилязова и Л.Р. Гатауллиной исследуются бытовые условия и агитационная работа в лагерях, где содержались военнопленные-мусульмане из России, анализируется также попытка германских властей использовать религиозный фактор для ослабления России (Гилязов, Гатаулина, 2014).

4. Результаты

Накануне войны мусульманское население мира насчитывало около 270 млн человек, и большинство из них проживало в Британской (100 млн), Французской (20 млн) и Российской (20 млн) империях (Rogan, 2016: 2), составлявших ядро Антанты. Во время Первой мировой войны во французскую армию было мобилизовано около 500 тысяч солдат из колониальных владений, более половины этих людей были мусульманами (Fogarty, 2016: 23). Британия мобилизовала более одного миллиона индийцев, включая 621 224 военнослужащих и 474 789 рабочих (Das, 2014). Ислам Исса, лектор Бирмингемского университета, изучив тысячи личных писем, исторических документов, полковых дневников и отчетов о переписке военнослужащих, установил, что на фронтах Первой мировой войны сражались не менее 885 000 мусульман из колониальных владений стран Антанты (Atkinson, 2016). В составе армии Российской империи служили 1,3–1,5 млн мусульман, кроме того, ряд полков был сформирован из добровольцев-мусульман, свободных от воинской повинности (Тамарин, 1917: 29). В лагерях Германии содержались военнослужащие-мусульмане британских и французских армий, попавшие в плен на Западном фронте, также и военнопленные из Восточного

фронта. Преобладающую часть военнопленных в лагерях Габсбургской монархии составляли военнослужащие российской армии.

По распоряжению Военного министерства Германии мусульманские военнопленные были отделены от остальных и для них были построены два лагеря. Один из них находился в Вюнсдорфе (в 50 км к югу от Берлина), в нем содержались военнопленные из французской и британской армий. Впоследствии этот лагерь получил название «Лагерь полумесяца». В нем было 50 бараков, рассчитанных на размещение четырех тысяч человек. К 1916 году там находились более 4 500 мусульман-военнопленных из Британской Индии и Египта, а также из Французской Северной Африки (Pegram, 2016: 32).

Мусульмане-военнопленные из Русской имперской армии содержались в Вайнберглагере, в 6 км к северо-востоку от Цоссена. Кроме того, в соседней деревне Зеенсдорф было устроено кладбище для умерших военнопленных. Вайнберглагерь был рассчитан на содержание 12 000 заключенных, здесь построили 12 огороженных участков с казармами и коммунальными услугами и три отдельные специальные зоны, где были больницы, ваннные комнаты (Gussone, 2016: 181). В Вайнберглагере были размещены более 13 400 мусульман-военнопленных из России (Pegram, 2016: 34). Численность военнопленных в этих двух лагерях достигла примерно 30 000–50 000 чел. (Bihl, 1992: 29). В последующие годы войны в «Лагере полумесяца» были размещены индийские военнопленные не мусульманского вероисповедания, а также и военнопленные из Австралии.

По Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны», подписанной 42 государствами 18 октября 1907 года, в лагерях для военнопленных необходимо создать благоприятные условия для отправления религиозных обрядов. Военнопленным предоставлялось право исполнять обряды их вероисповедания, не исключая и присутствие в богослужениях, с условием соблюдения предписанных военной властью правил поддержания порядка и безопасности. Война и плен, оторванность от родных и привычной среды вызывали у военнопленных сильную потребность искать утешение в религии. Если в мирное время на родине они исполняли религиозные обряды по привычке, то в плену религия превратилась в духовную силу, поддерживавшую их интерес к жизни. Для мусульманских военнопленных в «Лагере полумесяца» была построена мечеть (PA-AA, R 11125, Bd. 2).

В «Лагере полумесяца» содержались военнопленные мусульманского вероисповедания из различных регионов Азии и Северной Африки, что представляло большой интерес для ученых, изучавших антропологию, этнографию и языки восточных народов. Лингвисту Вильгельму Дёгену удалось добиться выделения значительных средств на крупномасштабное лингвистическое исследование среди военнопленных – представителей разных народов мира, и в 1916 году он вместе со специалистом по арабским диалектам Гансом Штумме начал изучение языков военнопленных в лагере у Вюнсдорфа. Военнопленных просили говорить о своей жизни в лагере, рассказывать сказки и легенды, петь песни. Так, например, 3 января 1917 года в «Лагере полумесяца» индеец Сорадж Сингх рассказал несколько историй о мудром и хитром Бирбале, вазире правителя империи Великих Моголов XVI века Акбара (Lange, 2017: 56–57). Но немецких лингвистов интересовало не только содержание рассказа, им были интересны фонетические особенности языка хинди, на котором говорил этот военнопленный. Архитектор и фотограф Отто Штиль, зачисленный в армию в качестве добровольца в 1915 г. и назначенный на должность командира лагеря Вайнберг, делал фотопортреты заключенных. В 1916 году О. Штиль опубликовал книгу «Наши враги: 96 персонажей из немецкого лагеря для военнопленных», где эти фотопортреты были классифицированы по этническому и расовому типу (Liebau, 2018: 7). Планам профессора антропологии и этнологии Берлинского университета Феликса фон Лушана препятствовал протест Комитета за независимость Индии, который в мае 1916 года отправил письмо Министерству иностранных дел Германии, где указывалось, что измерения различных частей тела индийских сикхов и представителей других народов Индии противоречат их традициям (Lange, 2014: 185–186).

Антропологические и лингвистические исследования проводились также и в австрийских лагерях, где содержались военнопленные – представители разных народов Российской империи. Профессор антропологии Рудольф Пёх проводил исследования в трех лагерях и собрал 65 записей, из них 25 – устных текстов, 37 – песен, 3 – инструментальной музыки. В одном из этих лагерей проводили исследования и венгерские ученые. По просьбе Пёха Императорская академия наук стала финансировать проведение музыкальных исследований, и в 1916 году музыкант Роберт Лах начал работать вместе с Пёхом, по совету которого Р. Лах стал изучать музыку и песни народов трех периферийных регионов России, в том числе тюркских народов (башкир и татар) (Scheer, 2010: 295–298). Для проведения исследований отбирались добровольцы.

Создание отдельных лагерей для военнопленных мусульман было связано не только с необходимостью обеспечения условий для совершения исламских религиозных ритуалов: власти Германии преследовали и собственные интересы. В ноябре 1914 года Османская империя вступила в Первую мировую войну на стороне Германии. Под давлением своего союзника турецкий султан как халиф и духовный лидер исламского мира призвал мусульман вести священную войну против своих колониальных правителей. Этот призыв открыл широкие возможности для реализации проекта

фон Оппенхайма об использовании мусульман в колониях для ослабления стран Антанты. Барон Макс Симон Фрайхер фон Оппенхайм, немецкий дипломат, востоковед, археолог, который изучал арабский язык и ислам в Египте, много путешествовал по территории Османской империи, накануне войны работал в Генеральном консульстве Германии в Каире. Когда началась война, Оппенхайм вернулся в Германию как эксперт по Среднему Востоку. В октябре 1914 года он представил «Меморандум о революционизировании исламских областей нашего врага» (РА-АА, R 26319). В этом документе изложены стратегические и тактические вопросы использования освободительной борьбы мусульманских народов в колониях стран Антанты. В меморандуме содержатся подробные практические предложения по созданию эффективной, хорошо организованной пропагандистской машины с целью поднять восстание в колониях Антанты с мусульманским населением. С этой целью Оппенгейм предлагал создать «Информационное агентство Востока» – немецкую пропагандистскую организацию, деятельность которой была бы нацелена на мусульманский мир, особенно на Ближний Восток. Организация подчинялась Генеральному штабу, кроме разработки пропагандистских материалов, она выполняла также и разведывательные задачи. «Информационное агентство Востока» было укомплектовано немецкими востоковедами и лекторами с целью подготовки листовок на всех соответствующих языках. Предполагалось использование всех немецких консульств на Ближнем Востоке, а также отдельных немецких граждан и бизнесменов за рубежом с целью обеспечения как можно более широкого распространения агитационных материалов. В меморандуме содержится подробное описание ситуации в колониальных владениях стран Антанты, населенных мусульманами: численность населения, доля мусульман в составе населения, отношение лидеров различных слоев населения к колониальным властям, боеспособность местных и европейских вооруженных сил, условия, которые необходимо создать, чтобы усилить протестные настроения. Основные разделы были посвящены Египту и Аравии, Марокко, Алжиру, Тунису, Индии, Кавказу и Туркестану. Разделы об Индии и Египте являются наиболее существенными и подробными, так как Оппенхайм считал, что восстания в странах будут оказывать большое влияние на ослабление военного потенциала Антанты. Успешная атака османской армии Египта может вызвать массовые восстания в нем и мятежи в англо-египетской армии, что приведет к закрытию Суэцкого канала для британских кораблей. Для пробуждения антиколониальных настроений среди мусульманских частей британской и французской армий необходимо сбрасывать с воздуха пропагандистские листовки, призывающие дезертировать и переходить на сторону немцев. Затем следовало отделить мусульманских военнопленных от их французских и английских сослуживцев, разместив их в специальных лагерях, где им будут созданы хорошие материальные условия, а также необходимо построить мечети для отправления религиозных обрядов. Тех, кто позитивно воспринял эти усилия, предполагалось убедить принять участие в пропагандистской деятельности против Антанты и в некоторых случаях вернуться на фронт, чтобы действовать далее в интересах Германии, либо сражаясь на немецкой стороне, либо проникнув в свои бывшие подразделения в составе армий Антанты.

Заместитель министра иностранных дел Артур Циммерман направил проект Оппенхайма императору. Посол Ханс фон Вангенхайм координировал всю эту деятельность с военным министром Энвер-пашой и шейхом Салихом аш-Шарифом в Тунисе. Идею организации протеста мусульманского населения поддерживали также и другие знатоки Востока, руководители экспедиций или разведчики, такие как Оскар фон Нидермайер, Вернер Отто фон Хентиг, Вильгельм Вассмус, Фриц Гробба. В качестве экспертов оказывали помощь ученые Карл Генрих Беккер, индолог Хельмут фон Глазенап, арабист Мартин Хартманн, политолог Эрнст Яхк, востоковед Евгений Миттвух, адвокат Герберт Мюллер и дипломат Рудольф Надольный (Schwanitz, 2004: 32-33).

В меморандуме Оппенхайма были указаны конкретные темы для пропагандистской работы среди военнопленных, такие как «История отдельных исламских народов и Индии», «Отношение между Востоком и Западом в прошлом», «Политический, экономический и научный потенциал Германии», «Отношение Германии к исламским регионам сегодня», «Возможности для экономического сотрудничества», «Создание рынков взаимной торговли», «Перспективы будущего развития родины военнопленных». Лекции по истории, географии и экономике, прочитанные в лагерях, были политически предвзятыми, нацеленными на разжигание ненависти мусульманских народов к британским и французским «угнетателям». За организацию и проведение агитационной работы в «Лагере полумесяца» отвечали Шабингер фон Шовинген и Салих аш-Шариф, они организовали выступления религиозных проповедников из Туниса и других арабских стран. Пропагандистскую работу в лагере Вайнберга организовали Харальд Козак и Абд аль-Рашид Ибрахим, они к работе с военнопленными-мусульманами из России привлекли Османа Кади, Алимжана Идриса, Саида Эфендиева, Шамиля Сафарова и Мухаммеда Казакова (Höpp, 1997: 69-71). В результате были завербованы 3 000 мусульманских военнопленных для участия в сражениях на стороне центральных держав, их отправили на фронт в Месопотамии (Pegram, 2016: 34).

Необходимость обеспечения благоприятных условий для успешного продвижения армий Тройственного союза на Кавказе вызвала у немецких политиков и дипломатов активный интерес к мусульманским народам Российской империи. 6-й раздел меморандума Оппенхайма был посвящен исламским областям Российской империи. Автор предлагал разгромить русский флот на Кавказе и

разработать эффективную политику революционной пропаганды в этом регионе, особенно среди мусульманского населения Российской империи, характеризуя мусульман как боеспособных и непокорных воинов. Он был уверен, что интенсивная агитационная работа может усилить протестные настроения мусульманского населения и разжечь пламя революции (РА-АА, R 26319, Bl. 49-51). Оппенхайм рекомендовал обратить внимание на кавказских мусульманских беженцев, которые когда-то эмигрировали в Турцию, и предполагал, что из этих мусульман можно было бы сформировать кавалерийские части численностью 20–30 тысяч «храбрых и фанатичных борцов» против России. Далее он предлагал использовать в пропагандистской работе богатых мусульман-иммигрантов: «В Константинополе живут весьма пригодные для этих целей русские мусульмане, националисты, издатели газет и т.п., которые постоянно поддерживают связи со своей родиной. Большое влияние среди мусульман, прежде всего, в самой России, имеет Хадизен эль-Абидин Тагиев. Он прибыл в начале войны в Берлин. Он миллионер, целеустремлен, пылкий враг русских, стремится к активным действиям по поддержке сближения русских мусульман с Константинополем. В Берлине он заявил о своей готовности вести подпольную работу по революционизированию своей страны» (РА-АА, R 26319, Bl. 52). Весной 1915 года Оппенхайм приехал в Константинополь с целью усиления пропагандистской работы среди мусульманского населения стран Антанты. Здесь он под эгидой посольства создал Информационное бюро, которое руководило пропагандистской деятельностью 80 редакций в крупных городах Турции. Они готовили агитационный материал, и после проверки турецкой цензурой их распространяли в мусульманских регионах Ближнего Востока и Кавказа.

В Турции также имелись сторонники «исламской политики» Германии. В Военном министерстве Османской империи майором Сулейманом Аскери начались подготовительные работы для проведения пропагандистской работы среди мусульманского населения Кавказа. Были намечены также планы вооружения нерусских народов Кавказа. Немецкий фермер, живущий в Амасьи (городок около порта Самсун), выразил готовность отправлять оружие в Туапсе. Они с Х. Тагиевым побывали в Берлине с целью получения разрешения для организации антирусского движения на Кавказе. В период Первой мировой войны наметились некоторые тенденции сближения между Турцией и Ираном. Однако надежды Германии на совместный поход двух исламских стран против Российской империи не оправдались.

В 1918 году в связи с революционными событиями в России некоторые представители мусульманского мира строили планы отделения мусульманских народов от Российской империи. В марте 1918 года шейх Абдулрешид Ибрахим обратился в Политический отдел Генерального штаба полевой армии Германии с предложением отправить наиболее надежных военнопленных татар в Россию для того, чтобы оказать содействие национально-освободительной борьбе народов Туркестана и Киргизстана (РА-АА, R 11125, Bd. 2). Осман Токумбет в подготовленном им в сентябре 1918 года «Меморандуме о мусульманском вопросе» писал: «В настоящее время в Германии находятся 40 тысяч тюрко-татарских военнопленных, среди которых, на наш взгляд, имеются 10 тысяч добровольцев, которые желают участвовать в освобождении своих братьев». Далее он предлагал, в случае выполнения соглашения о репатриации военнопленных в Советскую Россию, отправить этих добровольцев в Турцию, чтобы там могли создать из них воинское подразделение. Однако германские власти не очень-то одобряли планы создания в Турции воинских частей из мусульманских военнопленных. Еще раньше в июле 1918 года турки обратились в посольство Германии с просьбой об отправке в Турцию мусульманских военнопленных из Туркестана, Кавказа и Крыма, находящихся в немецких лагерях. При этом турецкий представитель Али Хайнба-бей подчеркивал, что турецкое правительство уже не планирует, как раньше, создание воинских частей из мусульманских военнопленных, они только создадут условия для укрепления их здоровья и морального духа, потом их отправят на родину с целью вступления в политическую борьбу в вышеупомянутых регионах. Немецкий военный представитель в Константинополе в комментариях к сообщению посольства в МИД Германии отмечал, что мусульманское население Кавказа стремится отделиться от Российской империи, однако оно никогда не приняло бы господства Османской империи, поэтому целесообразно было бы отказаться от открытой пропаганды в пользу Турции. Далее он рекомендовал оценить, насколько важно значение содействия турецким стремлениям на Кавказе с точки зрения экономических интересов Германии. В конце письма он акцентировал внимание на том, что отказ в помощи Турции в этом деле расстроил бы союз двух государств, поэтому необходимо отодвинуть исполнение просьбы Турции, ссылаясь на недостаток транспорта и продовольствия, а также на необходимость составления списков людей, которых надлежало отправить в Турцию (РА-АА, R 11126, Bd. 1).

Мусульманские военнопленные в лагерях Австро-Венгрии также составляли специальную целевую группу, которую нужно было мобилизовать для ведения «священной войны», а также заручиться поддержкой Османской империи в борьбе против России. Таким образом, почти 10 000 мусульман были сконцентрированы в лагере для военнопленных Эгер в Богемии, где для них были созданы хорошие условия. Однако дорогостоящая пропаганда привела к очень скромному результату: всего несколько сотен мусульманских военнопленных перешли на сторону Османской армии (Moritz, Walleszek-Fritz, 2014: 6). Австрийская пропагандистская программа для

военнопленных Российской империи не дала положительных результатов, так как многие утверждения, приведенные в листовках, были сомнительны. Учитывая ухудшение экономического состояния истощенной войной Австро-Венгрии, чье собственное гражданское население голодало, и военнопленным также приходилось жить в плохих условиях, пропаганда о превосходстве Габсбургской империи перед Россией была обречена на провал.

После подписания мирного договора между странами Антанты и Тройственного (Четверного) союза основная часть военнопленных-мусульман вернулась в Советскую Россию, некоторые остались в Германии в качестве эмигрантов. Неудача пропаганды «джихада» среди российских мусульман в основном была связана с результатами реформы 60–70 годов XIX в., которые затронули также и духовно-религиозную жизнь населения мусульманских регионов Российской империи: передача ведения метрических книг органам мусульманского духовного управления, учреждение духовно-мусульманских семинарий, указ царя от 17 апреля 1905 года, разрешивший бывшим мусульманам, принявшим православие, снова обратиться в свою мусульманскую веру (Труды, 1908: 59-65) и другие уступки властей, видимо, стали основой для более лояльного отношения мусульманского населения к имперским властям.

5. Заключение

Участие многочисленных колониальных сил в войне значительно расширило географические границы боевых действий, показало поистине мировые масштабы конфликта двух крупнейших военных блоков. С целью использования в военных целях всех материальных и людских ресурсов своих азиатских и африканских колоний страны Антанты мобилизовали на войну население колониальных владений, преобладающая часть которого была мусульманами. Взятие их в плен и содержание в лагерях, создание условий по нормам Гаагской конвенции 1907 года требовали определенных усилий у властей стран Тройственного союза. В результате масштабных мобилизаций сотни тысяч азиатских и африканских мусульман оказались в окопах Западного фронта, российские мусульмане – Восточного фронта, и, наконец, многие из них попали в специальные лагеря, созданные для военнопленных-мусульман на территории Германии и Австро-Венгрии.

Военные власти стран Тройственного союза стремились расшатать моральную стойкость и лояльность мусульман из колониальных владений к метрополиям, пропагандируя «джихад» против держав Антанты. Однако усиленная пропагандистская работа, создание благоприятных условий для жизни в лагерях не дали в целом ожидаемых результатов. Преобладающее большинство военнопленных из мусульманских регионов стран Антанты оставались верными своей воинской присяге, хотя всегда мечтали об освобождении своих стран от колониальной зависимости.

Литература

- Гилязов, Гатауллина, 2014 – Гилязов И.А., Гатауллина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны (1914–1920). Казань, 2014. 490 с.
- Тамарин, 1917 – Тамарин А. Мусульмане на Руси. М., 1917. 32 с.
- Труды, 1908 – Труды Частного совещания, созванного 20-го мая 1897 года Степным Генерал-Губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного Края. Омск, 1908. 90 с.
- Aliens, 2013 – “Aliens in Uniform” in Wartime Societies / Ed. by E. Storm, A. Al Tuma. New York, 2015. 292 p.
- Atkinson, 2016 – Atkinson M. Britain’s forgotten army of Muslims fighting in WWI. 13/03/2016. [Electronic resource]. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/britains-forgotten-army-muslims-fighting-wwi>
- Bihl, 1992 – Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte, Teil II: Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit 1917–1918, Wien 1992. 420 p.
- Das, 2014 – Das S. The Indian sepoy in the First World War. 06/02/2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.bl.uk/world-war-one/articles/the-indian-sepoy-in-the-first-world-war>
- Erster Weltkrieg, 2013 – Erster Weltkrieg und Dschihad: Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients. Hrsg. W. Loth, M. Hanisch. München, 2013. 214 p.
- Fogarty, 2016 – Fogarty R.S. Islam in the French Army during the Great War // “Aliens in Uniform” in Wartime Societies / Ed. by E. Storm, A. Al Tuma. New York and London, 2016. Pp. 23-40.
- Gussone, 2016 – Gussone M. Architectural Jihad: The “Halbmondlager” Mosque of Wünsdorf as an Instrument of Propaganda // Jihad and Islam in World War I / Ed. by E.-J. Zürcher. Leiden. 2016. Pp. 179-222.
- Höpp, 1997 – Höpp G. Muslime in der Mark – Als Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914-1924. Berlin, 1997. 160 p.
- Kahleyss, 1998 – Kahleyss M. Muslime in Brandenburg. Kriegsgefangene im 1. Weltkrieg. Ansichten und Absichten. Berlin, 1998. 184 p.
- Kriegsgefangene, 1921 – Kriegsgefangene Völker. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Hrsg. W. Doegen. Berlin, 1921. 249 p.
- Lange, 2014 – Lange B. Wenn der Krieg zu Ende ist, werden viele Erzählungen gedruckt werden. Südasiatische Positionen und europäische Forschungen im “Halbmondlager” // Soldat Ram Singh und der Kaiser. indische Kriegsgefangene in deutschen Propagandalagern 1914–1918. Hrsg. R. Franziska, H. Liebau

und R. Ahuja. Heidelberg, 2014. Pp. 165-210.

Lange, 2017 – Lange B. Archival Silences as Historical Sources // *SoundEffects*. 2017. Vol. 7. No.3. Pp. 47-60.

Liebau, 2018 – Liebau H. A voice recording, a portrait photo and three drawings: tracing the life of a colonial soldier // *ZMO Working Papers*. 2018. No. 20. Pp. 1-13.

Moritz, Walleszek-Fritz, 2014 – Moritz V., Walleszek-Fritz, J. Prisoners of War (Austria-Hungary) // 1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War / Ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson, issued by Freie Universität Berlin. Berlin, 2014-10-08.

Morton-Jack, 2018 – Morton-Jack G. Army of Empire: The Untold Story of the Indian Army in World War I. Hachette, 2018. 553 p.

PA-AA – Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin).

Pegram, 2016 – Pegram A. Under the Kaiser's Crescent Moon // *Wartime*. 2016. No. 76. P. 32-36.

Rogan, 2016 – Rogan E. Rival jihads: Islam and the Great War in the Middle East, 1914–1918 // *Journal of the British Academy*. 2016. No.4. P.1-20.

Scheer, 2010 – Scheer M. Captive voices: Phonographic recordings in the German and Austrian prisoner-of-war camps of World War I // *Doing anthropology in wartime and war zones: World War I and the cultural sciences in Europe*. Ed. by R. Johler C. Marchetti, M. Scheer. Bielefeld, 2010. Pp. 279-309.

Schwanitz, 2004 – Schwanitz W.G. Max von Oppenheim und der Heilige Krieg. Zwei Denkschriften zur Revolutionierung islamischer Gebiete 1914 und 1940 // *Sozial. Geschichte*. 2004. Vol. 19. No. 3. Pp. 28-59.

References

Aliens, 2013 – “Aliens in Uniform” in *Wartime Societies* (2015). Ed. by E. Storm, A. Al Tuma. New York. 292 p.

Atkinson, 2016 – Atkinson M. (2016). Britain's forgotten army of Muslims fighting in WWI. 13/03/2016. [Electronic resource]. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/britains-forgotten-army-muslims-fighting-wwi>

Bihl, 1992 – Bihl W. (1992). Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte, Teil II: Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit 1917–1918, Wien. 420 p.

Das, 2014 – Das S. (2014). The Indian sepoy in the First World War. 06/02/2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.bl.uk/world-war-one/articles/the-indian-sepoy-in-the-first-world-war>

Erster Weltkrieg, 2013 – Erster Weltkrieg und Dschihad: Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients. (2013). Hrsg. W. Loth, M. Hanisch. München. 214 p.

Fogarty, 2016 – Fogarty R.S. (2016). Islam in the French Army during the Great War // “Aliens in Uniform” in *Wartime Societies*. Ed. by E. Storm, A. Al Tuma. New York and London. Pp. 23-40.

Gilyazov, Gataullina, 2014 – Gilyazov I.A., Gataullina L.R. (2014). Rossiiskie soldaty-musul'mane v germanskom plenu v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1920). [Russian Muslim soldiers in German captivity during the World War I (1914-1920)]. Kazan'. 490 p. [in Russian]

Gussone, 2016 – Gussone M. (2016). Architectural Jihad: The “Halbmondlager” Mosque of Wünsdorf as an Instrument of Propaganda. *Jihad and Islam in World War I*. Ed. by E.-J. Zürcher. Leiden. Pp. 179-222.

Höpp, 1997 – Höpp G. (1997). Muslime in der Mark – Als Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924. Berlin. 160 p.

Kahleyss, 1998 – Kahleyss M. (1998). Muslime in Brandenburg. Kriegsgefangene im 1. Weltkrieg. Ansichten und Absichten. Berlin. 184 p.

Kriegsgefangene, 1921 – *Kriegsgefangene Völker*. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. (1921). Hrsg. W. Doegen. Berlin. 249 p.

Lange, 2014 – Lange B. (2014). Wenn der Krieg zu Ende ist, werden viele Erzählungen gedruckt werden. Südasiatische Positionen und europäische Forschungen im “Halbmondlager”. Soldat Ram Singh und der Kaiser. indische Kriegsgefangene in deutschen Propagandalagern 1914–1918. Hrsg. R. Franziska, H. Liebau und R. Ahuja. Heidelberg. Pp. 165-210.

Lange, 2017 – Lange B. (2017). Archival Silences as Historical Sources. *SoundEffects*. Vol. 7. No. 3. Pp. 47-60.

Liebau, 2018 – Liebau H. (2018). A voice recording, a portrait photo and three drawings: tracing the life of a colonial soldier. *ZMO Working Papers*. No. 20. Pp. 1-13.

Moritz, Walleszek-Fritz, 2014 – Moritz V., Walleszek-Fritz J. (2014). Prisoners of War (Austria-Hungary) // 1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War. Ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson, issued by Freie Universität Berlin. Berlin.

Morton-Jack, 2018 – Morton-Jack G. (2018). Army of Empire: The Untold Story of the Indian Army in World War I. Hachette. 553 p.

PA-AA – Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin).

Pegram, 2016 – Pegram A. (2016). Under the Kaiser's Crescent Moon. *Wartime*. No. 76. Pp. 32-36.

Rogan, 2016 – Rogan E. (2016). Rival jihads: Islam and the Great War in the Middle East, 1914–1918. *Journal of the British Academy*. No.4. Pp. 1-20.

Scheer, 2010 – Scheer M. (2010). Captive voices: Phonographic recordings in the German and

Austrian prisoner-of-war camps of World War I // Doing anthropology in wartime and war zones: World War I and the cultural sciences in Europe. Ed. by R. Johler C. Marchetti, M. Scheer. Bielefeld. Pp. 279-309.

Schwanitz, 2004 – *Schwanitz W.G.* (2004). Max von Oppenheim und der Heilige Krieg. Zwei Denkschriften zur Revolutionierung islamischer Gebiete 1914 und 1940. *Sozial. Geschichte*. Vol. 19. No. 3. Pp. 28-59.

Tamarin, 1917 – *Tamarin A.* (1917). Musul'mane na Rusi. [Muslims in Russia]. M. 32 p. [in Russian]

Trudy, 1908 – Trudy Chastnogo sovechchaniia, sozvannogo 20-go maia 1897 goda Stepnym General-Gubernatorom po voprosam o nuzhdakh kirgizov Stepnogo Kraia [Proceedings of the Private Meeting convened on May 20, 1897 by the Steppe Governor-General on the needs of the Kirghiz of the Steppe Region]. 1908. Omsk. 90 p. [in Russian]

Мусульмане – военнопленные Первой мировой войны в лагерях стран Тройственного союза

Гульжаухар Кокебаева ^{a, *}, Зиябек Кабульдинов ^a, Толкын Мукажанова ^b, Еркежан Ахметова ^c

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Казахстан

^b Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан

^c Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан

Аннотация. Первая мировая война была глобальным конфликтом, в который было вовлечено население многих стран мира. Когда речь идет об участии колониальных владений стран-членов Антанты в Первой мировой войне, рассмотрение этой темы ограничивается изучением их роли в материальном обеспечении вооруженных сил метрополий. Однако в составе вооруженных сил стран-членов обоих военных блоков служила огромная масса представителей азиатских и африканских народов, подавляющее большинство которых были мусульманами. Европейские страны стали свидетелями прибытия сотен тысяч колониальных солдат, сражающихся на европейской территории, попавших в плен и вступивших в контакт с европейским обществом и культурой. Взятие их в плен и содержание в лагерях, создание условий по нормам Гагской конвенции 1907 года требовали определенных усилий у властей стран Тройственного союза. Кроме того, военнопленные из различных регионов Азии и Северной Африки, содержащиеся в лагерях стран Тройственного союза, представляли большой интерес для ученых, изучающих антропологию, этнографию и языки восточных народов. Страны Тройственного союза стремились использовать антиколониальные чувства мусульман из британских и французских владений, пропагандируя «джихад» против держав Антанты. Однако создание благоприятных условий для жизни военнопленных в лагерях и усиленная пропагандистская работа вызвали неоднозначную реакцию со стороны военнопленных-мусульман. Многие военнопленные из мусульманских регионов стран Антанты оставались верными своей воинской присяге, хотя мечтали об освобождении своих стран от колониальной зависимости.

Ключевые слова: военнопленные-мусульмане, священная война, колониальные владения, Гагская конвенция 1907 года, лагеря для мусульманских военнопленных.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokebayeva@mail.ru (Кокебаева Г.К.), zkabuldinov@gmail.com (Кабульдинов З.Е.), tolkynm3010@gmail.com (Мукажанова Т.Н.), erkezhan-ahmetova@mail.ru (Ахметова Е.Т.)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 360-369. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.360
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Role of Charity of the Foreign States in the Activity of the Russian Red Cross Society during World War I

Maria S. Sergeeva ^{a,*}, Igor V. Karpenko ^a, Margarita B. Shmatova ^a

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the analysis of the humanitarian assistance received by Russia from foreign states during the WWI. Charity allowed solving quickly the main military tasks in extreme conditions: supplies for medical facilities, helping the sick and wounded, struggle against epidemics. All private aid to the Russian army including international, was concentrated in the jurisdiction of the Russian Red Cross Society (RRCS). Foreign donations came in the form of remittances, drug supplies, dressings, medical tools, ambulance cars, foreign professional physicians' and nurses' help. The members of the foreign medical community created their own hospitals, infirmaries, squads in Russia. The main organizational principle of their work was the separation of powers between RRCS and Foreign patrons. The main directions of the international cooperation have been highlighted, the problems encountered have been studied, reviews of the received types of help have been carried out, their volume, feasibility and effectiveness have been analyzed.

Keywords: International Charity, USA, Great Brittan, Russian Red Cross Society, Sisters of Mercy, financial assistance, medical support, foreign medical resources, foreign hospitals.

1. Введение

Одной из характерных особенностей Первой мировой войны было международное общественное движение в поддержку людей, пострадавших во время военных действий: раненых и больных воинов, семей убитых, военнопленных, беженцев (Ипполитов, Голотик, 2001; Соколова, 2013). Активную благотворительную политику вело Международное общество Красного Креста, имевшее свое представительство в России. Можно выделить несколько видов гуманитарной помощи, полученных Россией от иностранных государств: финансовая – денежные пожертвования; материальная – снабжение медицинской техникой, оборудованием, перевязочными и лекарственными средствами; кадровая – организация иностранных медицинских формирований (отрядов, госпиталей, лазаретов) в составе русской армии. В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать роль благотворительной помощи, полученной Российским обществом Красного Креста (РОКК) от иностранных государств, в организации медицинской службы русской армии в годы Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены материалы фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), правительственных сообщений, официальных циркуляров, отчетов и хроник о деятельности РОКК, опубликованных как в официальном печатном органе

* Corresponding author

E-mail addresses: serma@list.ru (M.S. Sergeeva), karpenko.iv@bk.ru (I.V. Karpenko), shmatova.margari@mail.ru (M.B. Shmatova)

Главного управления РОКК – журнале «Ведомости Красного Креста» за 1914–1917 гг., так и в виде самостоятельных изданий.

Основными источниками явились данные фонда 546 «Главное военно-санитарное управление (1867–1918)», представленные постановлениями главного военно-санитарного инструктора о снабжении армии лекарственными средствами и медицинскими товарами, сметами фармацевтического и медицинского отделов, а также сопроводительными записками, справками, письмами и проектами постановлений. Материалы фонда 369 «Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (1915–1918)» представлены справками об иностранных контрактах и договорах Военно-санитарного управления по вопросам снабжения и организации лечебно-санитарной службы в армии. Дела фонда 12651 «Управление главноуполномоченных (1863–1920)» содержат сведения о полученной от международного сообщества благотворительной помощи и деятельности иностранных медицинских специалистов в русской армии. В фондах госпиталей и лазаретов РОКК (Ф. 12733 и Ф. 12799) хранятся данные о деятельности иностранных формирований в составе русской армии (Ф. 12799. Оп. 1. Д. 6. «Переписка русско-голландского отделения лазарета с администрацией РОКК», Ф. 12733 «Госпиталь РОКК отряда Североамериканских Соединенных Штатов при Кавказской армии»), в том числе международная переписка Главного управления РОКК по вопросам размещения, снабжения, деятельности и награждения иностранного медицинского персонала.

Материалы журнала «Ведомости Красного Креста» за 1914–1917 гг. до сих пор не выступали в качестве самостоятельного объекта исследования. Анализ статей раздела «Международная деятельность» показал, что архивные документы – сводки и донесения, полученные Главным управлением РОКК от Военного ведомства, главного военно-санитарного инспектора, иностранных послов, сотрудников русских дипломатических миссий, русских агентов за рубежом и частных лиц – служили главным источником информации для журнальных заметок. Решение о публикации материалов принимал главный инспектор РОКК, исполнявший одновременно обязанности главного редактора журнала, о чем свидетельствуют его рукописные пометки «в печать» на полях архивных документов. Так, сведения из архивного дела «Переписка русско-голландского отделения лазарета с администрацией РОКК» (РГВИА. Ф. 12799. Оп. 1. Д. 6. Л. 3) были опубликованы в статье «Нидерландский госпиталь для России» (Нидерландский, 1916: 642–644). Материалы архивного дела «Канцелярия Главного управления РОКК по датскому отряду Красного Креста» напечатаны отдельными заметками в нескольких выпусках журнала за 1915 г. (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1537. Л. 7, 13; Датский, 1915а: 3954; Датский, 1915b: 3514; Помощь, 1915а: 3040). Статьи, посвященные иностранным учреждениям и отрядам, имели серийный характер, последовательно освещая их деятельность на протяжении всего периода пребывания в России. Например, цикл сообщений за 1914–1915 гг. описывал работу японского отряда Красного Креста в Петрограде (Отряд, 1914: 584–585; Освящение, 1915: 210–211; Японский, 1915: 3043). Критический анализ публикаций позволил выявить дублирование отдельных сообщений в нескольких номерах журнала. Например, заметка о пожертвовании православных сирийцев из Америки под разными заголовками была опубликована в двух выпусках журнала за 1915 г. (На нужды, 1915: 879; Пожертвования, 1915b: 1314).

Таким образом, сравнительный анализ данных архивных документов, официальных отчетов и журнальных публикаций позволяет утверждать достоверность материалов, опубликованных в издании «Ведомости Красного Креста». В связи с отсутствием официальных статистических сведений о гуманитарной помощи, оказанной России иностранными государствами в годы Первой мировой войны статьи издания «Ведомости Красного Креста» помогают выделить основные направления международного сотрудничества РОКК, классифицировать его виды и оценить ориентировочные объемы.

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципах историзма, объективности, а также сочетании системного и междисциплинарного подходов к осмыслению процессов международного сотрудничества РОКК и организации медицинской службы русской армии. В работе использовались такие методологические приемы, как сравнение и обобщение, анализ и синтез.

3. Обсуждение

Деятельность РОКК и роль благотворительной помощи в организации медицинской службы в военных конфликтах конца XIX – начала XX вв. исследовали многие авторы. С.С. Ипполитов и С.И. Голотик на основании анализа имевшихся в распоряжении РОКК возможностей утверждают, что монопольное право «на частную помощь фронту» во время Первой мировой войны позволило РОКК контролировать движение всех гуманитарных потоков в России (Ипполитов, Голотик, 2001). Опыт международной помощи РОКК иностранным государствам во время военных конфликтов в Европе, на Балканском полуострове и Африканском континенте изучен В.А. Соколовой. С ее точки зрения, филантропическая деятельность РОКК была возможна не только благодаря частным пожертвованиям, но в значительной мере – государственной поддержке (Соколова, 2013). С.В. Куликов подтверждает нацеленность государства на тесное сотрудничество с общественными организациями и подчеркивает государственный характер российской благотворительности

(Куликов, 2008). Однако отсутствие единой системы помощи войскам и фактическая запутанность компетенций Военного ведомства и РОКК в экстремальных условиях военного времени, по мнению А.М. Олешковой, негативно отразились на работе медико-санитарной службы армии (Олешкова, 2011). Деятельность РОКК по организации специализированной медицинской помощи во время Первой мировой войны освещена в работе Л.Е. Гореловой и Н.А. Рудой. Таким образом, в имеющейся историографии широко освещены вопросы, касающиеся особенностей организации российских источников финансирования и международной деятельности РОКК. Вместе с тем фактически не изучено и не отражено в научных трудах содействие, полученное РОКК от иностранных государств в годы Первой мировой войны.

4. Результаты

Частные денежные пожертвования были наиболее простым и массовым видом помощи. Известно, что за годы войны (с августа 1914 по сентябрь 1917 гг.) в пользу РОКК поступило 18,7 млн руб. (Ипполитов, Голотик, 2001: 238), из которых около 1 млн руб. было получено от иностранных граждан из Англии, Америки, Болгарии (Пожертвование, 1914с: 908; Подарок, 1915: 880; Пожертвование, 1914d: 581), Китая (Концерт, 1915: 880), Испании (Пожертвование, 1915г: 3040-3041), Голландии (День, 1916: 167), Аргентины (Пожертвование, 1915b: 1314), Персии (Пожертвование, 1915с: 2432), Бразилии (Пожертвования, 1915а: 4375-4376) и др. стран. При этом большая часть средств была собрана в Англии (более 640 тыс. руб.) и Америке (более 60 тыс. руб.).

Огромную популярность имели благотворительные мероприятия (аукционы, концерты, театральные представления и праздники), организованные представителями императорских фамилий и высшего общества, известными политическими и общественными деятелями (артистами, танцорами, певцами и др.). Под патронажем «ее Императорского Высочества Великой княгини Марии Георгиевны... и других дам высшего английского общества» в Лондоне был проведен концерт и аукцион кукол (Английский, 1915: 878-879). С концертами выступали балерина А. Павлова (Пожертвование, 1914b: 908) и скрипач М. Пиастро (Концерт, 1915: 880), труппа лондонского театра «Empire» (Спектакль, 1916: 2352) и шведский певец Свен Шоландер (Концерт, 1916: 3178), «дамский отдел» Красного Креста в Барселоне (Пожертвования, 1916: 168) и «русско-армянский кружок любителей» в Персии (Пожертвование, 1915с: 2432) и др. Наиболее масштабным мероприятием 1915 г. стал «День русского флага», прошедший во многих крупных городах Англии (День, 1915: 4375). В рамках этой благотворительной акции в пользу РОКК было выручено 516 тыс. руб. Аналогичный праздник – «День Тройственного флага» (русского, французского и сербского) – был организован в 1916 г. в Ливерпуле (День, 1916: 167).

Все собранные средства посылались в РОКК с общей формулировкой «на нужды русских раненых и больных воинов». Некоторые сборы по просьбе благотворителей должны были быть израсходованы на конкретные цели: «приобретение платья» (Пожертвование, 1916с: 3178) и подарков (Пожертвование, 1915d: 3040-3041) для раненых и больных воинов; протезов рук и ног (Помощь, 1915b: 3513); на «нужды ...туберкулезных военнопленных» (Пожертвование, 1916а: 3468); медицинское обеспечение отдельных фронтов, например Кавказского (Пожертвования, 1915b: 1314); содержание конкретного госпиталя, например Русского госпиталя для раненых и больных французских воинов в Париже (Ходатайство, 1915: 1782) или «русских госпиталей, в которых работают американские врачи» (Пожертвование, 1915а: 1781), палаты или кровати (Письмо, 1916: 2047-2048). В 1916 г. РОКК удовлетворило ходатайство офицера Английской армии об организации «именной кровати» в одном из лазаретов на театре военных действий. По просьбе попечителя, вносившего ежемесячную плату, ей было присвоено наименование: «От английского офицера в траншеях отдаленного Запада – раненому русскому соратнику, с пожеланием скорого выздоровления и возвращения на позиции» (Письмо, 1916: 2047-2048).

Денежные пожертвования имели ряд преимуществ: с одной стороны, в них могли участвовать разные слои населения, независимо от своего достатка, возраста, социального положения и происхождения (Помощь, 1916: 642-644), с другой – они были наиболее удобны для РОКК. Благотворители не требовали отчетности, а формулировка «на нужды раненых и больных» позволяла использовать пожертвования для решения широкого круга вопросов: от снабжения медикаментами, провиантом, бельем больных, раненых и военнопленных до организации медико-санитарных учреждений и выплаты жалованья персоналу. Однако денежные сборы составляли самую малую часть гуманитарной помощи, полученной РОКК от международного сообщества.

Значительные благотворительные средства поступали в Россию в виде дефицитного медицинского оборудования, транспорта и лекарственных препаратов. Несмотря на то, что склады Военного ведомства и Красного Креста на случай войны были обеспечены запасами «по особо составленным каталогам и по особо продуманным и проверенным образцам» (Насакин, 1917: 12), реальная потребность в медикаментах значительно превзошла ожидания. В 1914 г. для обеспечения «первых действий Красного Креста» на складе РОКК числилось имущества и материалов на 2,644 млн руб. (Насакин, 1917: 18). Фактически за первые два года войны с этого склада было отпущено в 13 раз больше товаров (на 7 млн в 1914 г. и 20 млн в 1915 г.) (Насакин, 1917: 20). В том же

1915 г. Россия получила от Англии и Америки груз на сумму 90 млн руб. (60 млн руб. и 30 млн руб. соответственно) в качестве благотворительной помощи русским больным и раненым (*Пожертвование, 1914b: 908*). Таким образом, поставки международным сообществом в Россию медикаментов и товаров медицинского назначения в три раза превышали собственные расходы РОКК на снабжение медицинских учреждений фронта и тыла.

Кризис медицинского обеспечения армии, вызванный отсутствием в России собственной фармацевтической промышленности, с одной стороны, ставил Военное ведомство в зависимость от поставок лекарственного сырья, перевязочных средств и сложных химико-фармацевтических препаратов из-за рубежа, с другой – лишал преимуществ использования передовых медицинских разработок. Публицист Н.В. Насакин, оценивая деятельность РОКК во время войны, писал: «В России, имеющей богатые хлопковые плантации в Туркестане и нашем Закавказье, до сих пор почти не выделялось гигроскопической ваты». Приходилось «выписывать гигроскопическую вату и касторовое масло из Америки или Японии» (*Насакин, 1917: 28, 88-89*).

Для пополнения запасов медикаментов были заключены новые торговые договоры и изменен ассортимент «каталожных» средств. К 1 октября 1914 г. Военно-санитарное управление имело контракты на поставки медикаментов, шовного материала, шприцов и термометров Цельсия с Англией, Америкой, Францией и Японией на общую сумму 4,757 млн руб. (*РГВИА. Ф. 546. О. 4. Д. 204. Л. 4-5*). Однако английский рынок не справлялся со взятыми на себя обязательствами и не мог исполнить «всех заказов, полученных в начале 1914 г.» (*РГВИА. Ф. 546. О. 4. Д. 204. Л. 7*). В связи с этим в 1915 г. по рекомендации главного военно-санитарного инспектора, во-первых, заказы размещали преимущественно в Америке, во-вторых, закупали аналоги лекарств, «не положенные по военным каталогам, которые, как менее ходкие, могут быть скорее заготовлены, ... по действию ... сходны ... и могут заменить последние» (*РГВИА. Ф. 546. О. 4. Д. 204. Л. 139*). Особый интерес представляет распределение заказов между странами. Так, Япония выступала основным поставщиком перевязочных материалов и антисептических пакетов (*РГВИА. Ф. 546. О. 4. Д. 204. Л. 15-16*), а Франция – медицинских термометров (*РГВИА. Ф. 546. О. 4. Д. 204. Л. 13*). К марту 1916 г. в этих странах было заказано 10 млн шт. «сулемовых перевязочных пакетов», 50 тыс. штук термометров максимальных Цельсия и 15 тыс. доз сальварсана на общую сумму 6,5 млн руб. (*РГВИА. Ф. 369. О. 21. Д. 13. Л. 27; Ф. 546. О. 4. Д. 204. Л. 80*).

Отсутствие собственного научно-исследовательского направления в отечественной фармации главный военно-медицинский инспектор констатировал уже в 1883 г. Он отмечал, что «Военно-медицинское ведомство не имеет таких фармацевтических препаратов, которые употреблялись бы в России исключительно или которые отличались бы от таковых же, употребляемых за границей, так как все подобные предметы вводятся у нас в России уже по введении их за границу» (*РГВИА. Ф. 546. Оп. 4. Д. 19. Л. 3*). При этом даже введение в отечественные армейские медицинские каталоги эффективных иностранных фармацевтических средств происходило со значительным отставанием. В 1907 г. санкт-петербургский окружной военно-медицинский инспектор докладывал в Главное управление об отсутствии в арсенале военных врачей средств сывороточного лечения «острозаразных болезней»: «...во всех благоустроенных лечебных заведениях, а также и в частной практике, даже в деревнях и в земстве, лечебные сыворотки широко применяются. И только военно-лечебные заведения до сих пор не могут пользоваться этим драгоценным приобретением науки, т.к. сыворотки не введены в число лечебных средств, полагаемых для лечения военных больных» (*РГВИА. Ф. 546. О. 3. Д. 1304. Л. 1-2*). В годы Первой мировой войны вакцины и сыворотки стали одним из важнейших компонентов международной благотворительной помощи. Это объяснялось не только распространением эпидемий тифа, холеры, дифтерии, но и уникальной возможностью проведения их массовых клинических испытаний. Так, в 1914 г. части русской армии, расположенные в Галиции, стали местом «изучения действия прививок против инфекционных заболеваний». По распоряжению Главного военно-медицинского управления туда был направлен доктор Фриман, привезший более 100 тыс. прививок, пожертвованных РОКК Американским обществом Красного Креста (*Пожертвование, 1914a: 907*). Таким образом, в условиях зависимости от импорта лекарств и неспособности европейских рынков обеспечить военные заказы России, благотворительные поставки медико-фармацевтических средств позволяли восполнить дефицит в снабжении отечественных лечебно-санитарных учреждений на фронте и в тылу.

В то же время получение материальной помощи от иностранных государств требовало значительного времени на соблюдение ряда бюрократических процедур: межведомственную переписку, составление списков, закупку, транспортировку и распределение груза. Осенью 1914 г. посол Североамериканских Соединенных Штатов предложил закупить для российской армии «необходимые для лазаретов... предметы» на 15 млн дол. (около 30 млн руб.). Согласование этого вопроса заняло около полугода, и только весной 1915 г. в Россию прибыли необходимые медикаменты (*Пожертвование, 1914b: 908; Подарки, 1915: 488*). Для упрощения процедуры многие иностранные общества Красного Креста, правительства и частные предприниматели самостоятельно закупали и передавали в дар РОКК продукцию, необходимую «в деле помощи раненым». Например, парижские аптекари отправляли медикаменты собственного производства (*Пожертвование, 1916d: 2048*).

В 1916 г. Английское общество Красного Креста передало в дар РОКК 36 ящиков с медикаментами и медицинскими препаратами (Подарок, 1916b: 3175), Канадское – 1001 ящик, а Американское – 1181 ящик госпитальных принадлежностей (Пожертвование, 1916с: 3468). Принципиальное значение имели поставки хирургических инструментов, перевязочных материалов, медикаментов, хлороформа, антитоксина против столбняка, йода, хинина, спирта, ваты и марли, а также больничного инвентаря, белья и папирос (Американский, 1915: 128). Незаменимыми для медицинской службы русской армии были санитарные автомобили, производство которых отсутствовало в царской России. В 1915–1916 гг. Англия и Америка отправили в Россию более сорока автомобилей-лазаретов, «оборудованных специально..., чтобы оказывать помощь раненым на полях сражений» (Подарки, 1915: 488; Подарок, 1916а: 2352; Дар, 1916: 2785), рентгеновские и хирургические автомобильные станции (Французский, 1917: 517). Подаренные иностранцами медико-санитарные средства и оборудование в первую очередь использовались для экстренного решения чрезвычайных ситуаций, возникших в условиях реальных боевых действий. С другой стороны, стихийный и эпизодический характер подобных поставок вносил дополнительные сложности в процессы планирования закупок и равномерного медицинского снабжения разных лечебно-санитарных учреждений военного времени.

Наиболее комплексным и продуктивным способом оказания быстрой и квалифицированной помощи была организация на территории России иностранных медицинских учреждений и обеспечение их персоналом, медикаментами и оборудованием. Все международные формирования, так же как отечественные общественные лечебные заведения, «предназначенные на время войны для принятия раненых и больных воинов», состояли под флагом РОКК (Краткий отчет, 1916: 10). Главным принципом организации международных формирований на территории России было распределение полномочий между иностранными благотворительными организациями и РОКК. «Значительное число этих отрядов оборудовано, а также содержится на частные средства: жертвователей... от активного участия в организации... устраняется» (Краткий отчет, 1916: 27). В обязанности зарубежных попечительских организаций входила оплата транспортных расходов, выплата жалованья персоналу, снабжение медицинских отрядов лекарствами и оборудованием (РГВИА. Ф. 12799. Оп. 1. Д. 6. Л. 3; РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1537. Л. 7; РГВИА. Ф. 12733. Оп. 1. Д. 25. Л. 24). В частности, «санитарная миссия» Славянского благотворительного дружества снабжалась хирургическими инструментами, перевязочным материалом и медикаментами из Болгарии (Болгарский, 1914: 580). Полевые лазареты для нужд сербского отряда в России, оборудованные «по последнему слову гигиены и техники», снабжались «как большим количеством материалов, так и транспортными средствами для перевозки раненых» частными обществами Англии (Командировка, 1916: 2784-2785). «Полевой летучий лазарет на моторах» в составе 10 санитарных автомобилей и «мотора для санитарного отряда», переданный в дар русской армии Лондонским Сити, был укомплектован английским медицинским персоналом и водителями (Дар, 1915: 1315).

На РОКК возлагалась ответственность за обеспечение хозяйственных нужд данных формирований: размещение, представление больничного белья и провианта для сотрудников и пациентов. Однако сложности возникали даже с поиском подходящих помещений. Большинство частных домовладений, пожертвованных для размещения раненых и больных воинов, не соответствовало минимальным требованиям к лазаретам. Согласно отчету главного уполномоченного Северного района РОКК А.Д. Зиновьева, приходилось отказываться от «хотя бы и даровых маленьких помещений под лазареты с оборудованием и содержанием от Красного Креста», затраты на оснащение и обеспечение персоналом которых были несопоставимы с количеством обслуживаемых пациентов. «Это слишком непроизводительная трата», – писал А.Д. Зиновьев (Краткий отчет, 1916: 10, 20-21). В штате медицинских учреждений на 1914 г. не хватало 15 % специалистов: «хирургически подготовленных» врачей и «коренных» сестер милосердия, поэтому РОКК и военное ведомство охотно принимали помощь от медицинских специалистов разных стран (Краткий отчет, 1916: 27-28). Так, врачи и медицинские сестры из Голландии организовали и обеспечивали работу двух лазаретов для раненых офицеров и нижних чинов, отдельного подразделения походного лазарета императрицы Марии Федоровны и госпиталя на 100 кроватей, расположенных в Петрограде и его окрестностях (РГВИА. Ф. 12799. Оп. 1. Д. 6. Л. 3; Нидерландский, 1916: 642-644; Чиж и др., 2018: 240). Датский комитет вспомогательных санитарных отрядов предоставил РОКК для работы в глубоком тылу «отряд в составе 3 врачей и 10 сестер милосердия» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1537. Л. 7; Датский, 1915b: 3514; Помощь, 1915а: 3040; Датский, 1915а: 3954). Американское общество Красного Креста регулярно присылало медицинские отряды для работы на Юго-Западном, Восточном и Кавказском фронтах (РГВИА. Ф. 12733. Оп. 1. Д. 25. Л. 24; Карпенко, 2018: 83). При этом руководство РОКК неоднократно отмечало высокую квалификацию, профессионализм и самоотверженный труд иностранных специалистов, многие из которых были отмечены золотыми и серебряными медалями «За усердие» для ношения на груди на Аннинской ленте (Награды, 1916: 37). Решить глобальную проблему дефицита медицинских кадров в составе отечественных медико-санитарных учреждений за счет прибывавших в Россию иностранных специалистов было невозможно. Тем не менее организованные медицинские отряды, поступавшие в ведение РОКК, существенно улучшали

ситуацию с обеспечением своевременной и квалифицированной медико-санитарной помощи за счет развертывания новых иностранных госпиталей и лазаретов.

5. Заключение

Сопричастность общественности союзных и нейтральных государств к деятельности РОКК выражалась в форме финансовой, материальной или профессиональной благотворительности. Те или иные виды помощи оказывали русской армии фактически все независимые государства, однако ведущую роль в этих процессах играли Англия и Америка. Денежные сборы составляли самую малую часть международной филантропии. Материальная помощь в денежном эквиваленте в десятки раз превосходила все остальные виды содействия. Однако бюрократические сложности накладывали негативный отпечаток на организацию ее планомерного поступления. Нерегулируемый характер частных пожертвований определял спонтанность их использования в экстремальных ситуациях, возникавших в деятельности лечебных заведений. Благодаря поставкам медикаментов, оборудования и других товаров, а также привлечению иностранного медицинского персонала во многом удалось не только обеспечить военно-медицинскую службу русской армии всем необходимым для успешной клинической работы, но и организовать эффективную противоэпидемическую помощь, основанную на новейших научных методах того времени.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Литература

- Американский, 1915** – Американский «Красный Крест» // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 1. С. 128.
- Английский, 1915** – Английский сбор в пользу русского Красного Креста // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 3. С. 878-879.
- Болгарский, 1914** – Болгарский санитарный отряд // *Вестник Красного Креста*. 1914. № 9. С. 580.
- Горелова, Рудой; 2013** – Горелова Л.Е., Рудой Н.А. Деятельность Российского общества Красного Креста в Первой мировой войне // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2013. № 6. С. 40-42.
- Дар, 1915** – Дар Лондонского Сити Русской армии // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 4. С. 1315.
- Дар, 1916** – Дар Красному Кресту // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 8. С. 2785.
- Датский, 1915a** – Датский медицинский отряд // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 9. С. 3954.
- Датский, 1915b** – Датский отряд в России // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 8. С. 3514.
- День, 1915** – День Русского Флага в Англии // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 10. С. 4375.
- День, 1916** – День тройственного флага в Ливерпуле // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 1. С. 167.
- Ипполитов, Голотик, 2001** – Ипполитов С.С., Голотик С.И. Российское общество Красного Креста (1917 – 30-е гг.) // *Новый исторический вестник*. 2001. № 2 (4). С. 238-242.
- Карпенко, 2018** – Карпенко И.В., Сергеева М.С., Белых В.Г. Иностранцы медицинские кадры и формирования в составе русской армии в годы Первой мировой войны // *История медицины*. 2018. Т. 5. № 3. С. 235-244.
- Командировка, 1916** – Командировка в Россию британских и шотландских лазаретов // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 8. С. 2784-2785.
- Концерт, 1915** – Концерт в Пекине в пользу русского и французского Красного Креста // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 3. С. 880.
- Концерт, 1916** – Концерт в Стокгольме в пользу союзных обществ Красного Креста // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 9. С. 3178.
- Краткий отчет, 1916** – Краткий отчет главноуполномоченного Северного района РОКК с начала войны до 19 июля 1915 г. Петроград. 1916. 205 с.
- Куликов, 2008** – Куликов С.В. Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // *Благотворительность в истории России: новые документы и исследования*. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 369-396.
- На нужды, 1915** – На нужды раненых // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 3. С. 879.
- Награды, 1916** – Награды // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 1. С. 37.
- Насакин, 1917** – Насакин Н.В. Красный Крест на войне. Совет складов и Главный склад: очерк Н. Симбирского. Петроград: Якорь. 1917. 158 с.
- Нидерландский, 1916** – Нидерландский госпиталь для России // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 3. С. 642-644.

Олешкова, 2011 – Олешкова А.М. Взаимоотношения Российского общества Красного Креста и Военного министерства в период военных действий (конец XIX – начало XX вв.) // *Перспективы науки*. 2011. № 7 (22). С. 114-119.

Освящение, 1915 – Освящение японского лазарета // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 1. С. 210-211.

Отряд, 1914 – Отряд японского Красного Креста в Петрограде // *Вестник Красного Креста*. 1914. № 9. С. 584-585.

Письмо, 1916 – Письмо капитана Великобританской армии // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 6. С. 2047-2048.

Подарки, 1915 – Подарки поляков из Америки // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 2. С. 488.

Подарок, 1915 – Подарок Америки // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 3. С. 880.

Подарок, 1916a – Подарок англичан // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 7. С. 2352.

Подарок, 1916b – Подарок англичан // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 9. С. 3175.

Пожертвование, 1914a – Пожертвование 100.000 прививок // *Вестник Красного Креста*. 1914. № 10. С. 907.

Пожертвование, 1914b – Пожертвование американцев // *Вестник Красного Креста*. 1914. № 10. С. 908.

Пожертвование, 1914c – Пожертвование англичан // *Вестник Красного Креста*. 1914. № 10. С. 908.

Пожертвование, 1914d – Пожертвование болгар // *Вестник Красного Креста*. 1914. № 9. С. 581.

Пожертвование, 1915a – Пожертвование американского Красного Креста // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 5. С. 1781.

Пожертвование, 1915b – Пожертвование из Аргентины // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 4. С. 1314.

Пожертвование, 1915c – Пожертвование из Персии // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 6. С. 2432.

Пожертвование, 1915d – Пожертвование испанского Красного Креста // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 7. С. 3040-3041.

Пожертвование, 1916a – Пожертвование английских дам // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 10. С. 3468.

Пожертвование, 1916b – Пожертвование из Тегерана // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 9. С. 3178.

Пожертвование, 1916c – Пожертвование Канадского и Американского Красного Креста // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 10. С. 3468.

Пожертвование, 1916d – Пожертвование парижских аптекарей // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 6. С. 2048.

Пожертвования, 1915a – Пожертвования в Красный Крест // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 10. С. 4375-4376.

Пожертвования, 1915b – Пожертвования сирийцев // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 4. С. 1314.

Пожертвования, 1916 – Пожертвования испанского Красного Креста // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 1. С. 168.

Помощь, 1915a – Помощь Датского Красного Креста Российскому обществу Красного Креста // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 7. С. 3040.

Помощь, 1915b – Помощь увечным воинам // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 8. С. 3513.

Помощь, 1916 – Помощь англичан жертвам войны в России // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 2. С. 642-644.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Соколова, 2013 – Соколова В.А. Российское общество Красного Креста в военных конфликтах (1870–1902 гг.) // *Вестник СПбГУ*. Сер. 2. 2013. № 3. С. 162-168.

Спектакль, 1916 – Спектакль в пользу англо-русского госпиталя // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 7. С. 2352.

Чиж и др., 2018 – Чиж И.М., Карпенко И.В., Сергеева М.С., Федосейкин И.В. Работа американского медицинского отряда в составе русской армии на кавказском фронте в годы Первой мировой войны // *История медицины*. 2018. Т. 5. № 1. С. 80-89.

Шевцова, 2009 – Шевцова Г.И. Деятельность комитета помощи сербам и черногорцам (конец 1914 – октябрь 1915 гг.) // *Власть*. 2009. № 6. С. 113-115.

Японский, 1915 – Японский Красный Крест в русской армии // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 7. С. 3043.

References

Amerikanskij, 1915 – Amerikanskij «Krasnyj Krest» [American Red Cross]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 1. P. 128. [in Russian]

- Anglijskij, 1915** – Anglijskij sbor v pol'zu ruskogo Krasnogo Kresta. [English fee in favor of the Russian Red Cross]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 3. Pp. 878-879. [in Russian]
- Bolgarskij, 1914** – Bolgarskij sanitarnyj otryad [Bulgarian sanitary unit]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1914. Nr 9. P. 580. [in Russian]
- Gorelova, Rudoj, 2013** – *Gorelova L.E., Rudoj N.A.* (2013). Deyatel'nost' Krasnogo Kresta v Pervoj Mirovoj vojne [The activities of the Russian society of Red Cross during the First World War]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. Nr 6. Pp. 40-42. [in Russian]
- Dar, 1915** – Dar Londonskogo Siti Russkoj armii [Gift of the London City to the Russian army]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 4. P. 1315. [in Russian]
- Dar, 1916** – Dar Krasnomu Krestu [Gift to the Red Cross]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 8. P. 2785. [in Russian]
- Datskij, 1915a** – Datskij meditsinskij otryad [Danish medical unit]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 9. P. 3954. [in Russian]
- Datskij, 1915b** – Datskij otryad v Rossii [Danish unit in Russia]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 8. P. 3514. [in Russian]
- Den', 1915** – Den' Russkogo Flaga v Anglii [The day of Russian Flag]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 10. P. 4375. [in Russian]
- Den', 1916** – Den' trojstvennogo flaga v Liverpule [Triple flag day in Liverpool]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 1. P. 167. [in Russian]
- Ippolitov, Golotik, 2001** – *Ippolitov S.S., Golotik S.I.* (2001). Rossijskoe obshhestvo Krasnogo Kresta (1917 – 30-e gg.) [Russian Red Cross society (1917-30s.)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. Nr 2 (4). Pp. 238–242. [in Russian]
- Karpenko i dr., 2018** – *Karpenko I.V., Sergeeva M.S., Belyh V.G.* (2018). Inostrannye medicinskie kadry i formirovaniya v sostave russkoj armii v gody Pervoj mirovoj vojny [Foreign medical personnel and formations in the Russian army during World War I]. *Istoriya meditsiny*. Vol. 5. Nr 3. Pp. 235–244. [in Russian]
- Komandirovka, 1916** – Komandirovka v Rossiyu Britanskikh i SHotlandskikh lazaretov [Business trip to Russia British and Scottish infirmary]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 8. Pp. 2784-2785.
- Kontsert, 1915** – Kontsert v Pekine v pol'zu ruskogo i frantsuzskogo Krasnogo Kresta [Concert in Beijing in favor of the Russian and French Red Cross]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 3. P. 880. [in Russian]
- Kontsert, 1916** – Kontsert v Stokgol'me v pol'zu soyuznykh Obshhestv Krasnogo Kresta [Concert in Stockholm in favor of the Union red cross Societies]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 9. P. 3178. [in Russian]
- Kratkij otchet, 1916** – Kratkij otchet Glavnoupolnomochennogo Severnogo rajona ROKK s nachala vojny do 19 iyulya 1915 g. [A brief report of the chief Executive officer of the Northern district of the ROCK since the beginning of the war until July 19, 1915]. Petrograd. 1916. P. 10. [in Russian]
- Kulikov, 2008** – *Kulikov S.V.* (2008). Finansovye aspekty deyatel'nosti rossijskikh blagotvoritel'nyh organizacij voennogo vremeni (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.) [Financial aspects of the activities of local charities in time of war (July 1914 - February 1917)]. *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: novye dokumenty i issledovaniya*. SPb.: Nestor-Istoriya. Pp. 369-396. [in Russian]
- Na nuzhdy, 1915** – Na nuzhdy ranenyykh [For the wounded]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 3. P. 879. [in Russian]
- Nagrady, 1916** – Nagrady [Rewards]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 1. P. 37. [in Russian]
- Nasakin, 1917** – *Nasakin N.V.* (1917). Krasnyj Krest na vojne. Sovet skladov i Glavnyj sklad: ocherk N.Simbirskogo [Red Cross in the war. Council of warehouses and the Main warehouse: essay N. Simbirsk]. Petrograd: Yakor'. 158 p. [in Russian]
- Niderlandskij, 1916** – Niderlandskij gospital' dlya Rossii [Netherlands hospital for Russia]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 3. Pp. 642-644. [in Russian]
- Oleshkova, 2011** – *Oleshkova A.M.* (2011). Vzaimootnosheniya Rossijskogo obshhestva Krasnogo Kresta i Voennogo ministerstva v period voennykh dejstvij (konets XIX – nachalo KHKH vv.) [Relations Between the Russian red cross society and the Ministry of War in the period of hostilities (late XIX-early XX centuries)]. *Perspektivy nauki*. Nr 7 (22). Pp. 114-119. [in Russian]
- Osvyashhenie, 1915** – Osvyashhenie yaponskogo lazareta [Sanctification Japanese infirmary]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 1. Pp. 210-211. [in Russian]
- Otryad, 1914** – Otryad yaponskogo Krasnogo Kresta v Petrograde [A squad of Japanese red cross in Petrograd]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1914. Nr 9. Pp. 584–585. [in Russian]
- Pis'mo, 1916** – Pis'mo kapitana Velikobritanskoj armii [Letter from the captain of the British army]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 6. Pp. 2047-2048. [in Russian]
- Podarki, 1915** – Podarki polyakov iz Ameriki [Gifts of the poles from USA]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 2. P. 488. [in Russian]

- Podarok, 1915** – Podarok Ameriki [Gift from USA]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 3. P. 880. [in Russian]
- Podarok, 1916a** – Podarok anglichan [Gift of the British]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 7. P. 2352. [in Russian]
- Podarok, 1916b** – Podarok anglichan [Gift of the British]. *Bulletin of the Red Cross*, 1916. Nr 9. p. 3175. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1914a** – Pozhertvovanie 100.000 privok [Donation of 100,000 vaccinations]. *Bulletin of the Red Cross*, 1914. Nr 10. p. 907. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1914b** – Pozhertvovanie amerikantsev [Donation of Americans]. *Bulletin of the Red Cross*, 1914. Nr 10. P. 908. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1914c** – Pozhertvovanie anglichan [Donation of the British]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1914. Nr 10. P. 908. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1914d** – Pozhertvovanie bolgar [Donation of Bulgarians]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1914. Nr 9. P. 581. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1915a** – Pozhertvovanie amerikanskogo Krasnogo Kresta [Donation of the American Red Cross]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 5. P. 1781. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1915b** – Pozhertvovanie iz Argentiny [Donation from Argentina]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 4. p. 1314. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1915c** – Pozhertvovanie iz Persii [Donation from Persia]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 6. p. 2432. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1915d** – Pozhertvovanie ispanskogo Krasnogo Kresta [Donation of the Spanish Red Cross]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 7. p. 3040-3041. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1916a** – Pozhertvovanie anglijskikh dam [Donation of English ladies]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 10. P. 3468. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1916b** – Pozhertvovanie iz Tegerana [Donation from Tehran]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 9. P. 3178. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1916c** – Pozhertvovanie Kanadskogo i Amerikanskogo Krasnogo Kresta [Donation from the Canadian and American Red Cross]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 10. P. 3468. [in Russian]
- Pozhertvovanie, 1916d** – Pozhertvovanie parizhskikh aptekarej [Donation of the Paris pharmacists]. *Vestnik Krasnogo Krest*. 1916. Nr 6. P. 2048. [in Russian]
- Pozhertvovaniya, 1915a** – Pozhertvovaniya v Krasnyj Krest [Donations to the Red Cross]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 10. Pp. 4375-4376. [in Russian]
- Pozhertvovaniya, 1915b** – Pozhertvovaniya sirijtsev [Donations from Syrians]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 4. P. 1314. [in Russian]
- Pozhertvovaniya, 1916** – Pozhertvovaniya ispanskogo Krasnogo Kresta [Donations from the Spanish Red Cross]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 1. P. 168. [in Russian]
- Pomoshh', 1915a** – Pomoshh' Datskogo Krasnogo Kresta Rossijskomu Obshhestvu Krasnogo Kresta [Assistance Of The Danish Red Cross To The Russian Red Cross Society]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 7. P. 3040. [in Russian]
- Pomoshh', 1915b** – Pomoshh' uvechnym voynom [Help to crippled soldiers]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 8. P. 3513. [in Russian]
- Pomoshh', 1916** – Pomoshh' Anglichan zhertvam vojny v Rossii [Help the British victims of the war in Russia]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 2. Pp. 642-644. [in Russian]
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arkhiv [Russian state military-historical archive]. [in Russian]
- Sokolova, 2013** – Sokolova V.A. (2013). Rossijskoe Obshhestvo Krasnogo Kresta v voennykh konfliktakh (1870–1902 gg.) [Russian Red Cross Society in military conflicts (1870-1902)]. *Vestnik SPbGU*. Vol. 2. Nr 3. Pp. 162-168. [in Russian]
- Spektakl', 1916** – Spektakl' v pol'zu anglo-russkogo gospitalya [Performance in favor of the Anglo-Russian hospital]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1916. Nr 7. P. 2352. [in Russian]
- Chizh i dr., 2018** – Chizh I.M., Karpenko I.V., Sergeeva M.S., Fedosejkin I.V. (2018). Rabota amerikanskogo medicinskogo otryada v sostave russkoj armii na kavkazskom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny [The work of the American medical detachment as a part of the Russian army on the Caucasian front during world war I]. *Istoriya meditsiny*. Vol. 5. Nr 1. Pp. 80-89. [in Russian]
- Shevtsova, 2009** – Shevtsova G.I. (2009). Deyatel'nost' komiteta pomoshhi serbam i chernogortsam (konets 1914 – oktyabr' 1915 gg.) [Activities of the Committee for assistance to Serbs and Montenegrins (late 1914-October 1915)]. *Vlast'*. Nr 6. Pp. 113-115. [in Russian]
- Yaponskij, 1915** – Yaponskij Krasnyj Krest v russkoj armii [Japanese Red Cross in Russian army]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. Nr 7. P. 3043. [in Russian]

Роль благотворительной помощи иностранных государств в деятельности РОКК в годы Первой мировой войны

Мария Сергеевна Сергеева ^{а,*}, Игорь Владимирович Карпенко ^а, Маргарита Борисовна Шматова ^а

^аПервый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу гуманитарной помощи, полученной Россией от иностранных государств в годы Первой мировой войны. Благотворительность, свободная от излишней бюрократии, позволяла в экстремальных условиях быстро решать главные военные задачи: снабжение лечебных учреждений, помощь больным и раненым воинам, борьбу с эпидемиями. Вся частная медицинская помощь армии и благотворительная деятельность, в том числе международная, на территории Российской империи были сосредоточены в ведении Российского общества Красного Креста (РОКК). Пожертвования из-за рубежа приходили в виде денежных переводов; поставок лекарств и перевязочных материалов, медицинских инструментов, санитарных автомобилей; профессиональной помощи от иностранных врачей и сестер милосердия. При этом в денежном эквиваленте поставки медикаментов, оборудования и других товаров в десятки раз превосходили все остальные виды содействия. Представители международного медицинского сообщества формировали на территории России собственные госпитали, лазареты, отряды, главным принципом организации которых было разделение полномочий между РОКК и иностранными меценатами. Выделены основные направления международного сотрудничества, изучены проблемы, возникавшие в ходе ее реализации, проведен анализ полученных видов помощи, оценены их ориентировочные объемы, целесообразность и эффективность.

Ключевые слова: международная благотворительность, США, Англия, РОКК, сестры милосердия, финансовая помощь, медицинское обеспечение, иностранные медицинские специалисты, иностранные госпитали.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: serma@list.ru (М.С. Сергеева), karpenko.iv@bk.ru (И.В. Карпенко), shmatova.margari@mail.ru (М.Б. Шматова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 370-381. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.370
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Legal Status of a Kazakh Woman in the Family and Society in the XIXth – early XXth centuries from the Point of the Russian Contemporaries' View

Galya A. Alpyspaeva ^{a, *}, Gulmira Zhuman ^a, Lazzat T. Jumaliyeva ^a, Sholpan T. Abdykarimova ^a

^aSaken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Kazakhstan

Abstract

The problem of the legal status of the Kazakh woman in the family and society in the XIX – early XX centuries by the assessment of Russian researchers, whose scientific or professional activity was connected with the study of the Kazakh region is being considered in this article. The views of the authors on the question of women's rights in traditional Kazakh society are described by the method of comparative research. The information about the legal status of the Kazakh woman is more narrative in the works of the first half of XIX century (G.I. Spassky, A.I. Levshin, S.B. Bronevsky, N.R. Mamyshev). But we can get from the materials of the researchers the information about the legal status of women in the conditions of preservation of the traditional Kazakh society, when specific social institutions and rules of law existed in their traditional form. In contrast with it, the works of the authors of the latter half of the XIX and early XX centuries (A.K. Gaines, N.G. Mallitsky, N.I. Grodekov, N.M. Izrastsov and others) contain more systematic information and reflect changes in the legal status of women as a result of the Kazakh society reform. The essence and origin of such specific institutions of the Kazakh society as levirate, dower, and polygamy are described by the authors of the work. The features of the positional status of Kazakh women, which were correctly assessed by Russian contemporaries not in every instance, can be explained by the costs of the “European” view of the nomadic society of Kazakh people. Many social-legal institutions of the Kazakhs were formed in the pre-Islamic times and were due to economic reasons, the features of management and a nomadic way of life. The authors' theoretical justifications on the influence of Adat and Sharia law on the position of a Kazakh woman are quite objective, confirmed by field research materials and examples from bureaucratic practice. According to the authors' interpretation, the relatively free position of the Kazakh woman in comparison with the women of Central Asia was due to the regulations of the Adat law protecting the woman, as well as due to increasing Russian influence in the latter half of the XIX and early XX centuries. This was expressed in a gradual departure from Sharia law requirements in matters of family and marriage.

Keywords: nomadic society of Kazakh people, women's law, family and social relations, Russian researchers.

1. Введение

В XIX в. в русском обществе растет интерес к истории, этнографии и культуре народов, вошедших в состав Российской империи. Обусловлено это было практическими потребностями изучения присоединенных регионов; с вхождением земель казахских жузов в состав Российской империи начинается внедрение российской судебной и административной системы в крае. Для подобных преобразований требовались сведения о территориальных границах, численности и расселении казахских родов, а также знания о традициях, обычаях и быте инородцев. Лучшие представители русского чиновничества стремились не только к получению сведений, необходимых

* Corresponding author

E-mail addresses: galpyspaeva@mail.ru (G.A. Alpyspaeva)

для прагматических целей правительства, но и к научно-этнографическому изучению казахского общества. Вклад их в изучение этнографии и юридического права казахов не оценен по достоинству. В этом контексте обращение к данной тематике представляется актуальным.

Внимание исследователей к проблеме правового положения казахской женщины в обществе и семье в XIX в. обусловлено рядом причин. Во-первых, научный интерес вызывали специфические социальные институты в кочевом обществе казахов. Во-вторых, с началом процессов женской эмансипации в XIX в. женщины заявляют о своих материальных, общественных, политических правах. Этот процесс происходил практически во всех европейских странах. Россия не была исключением, где, по мнению зарубежных авторов, внимание к женскому вопросу и истории женского движения возрастает (De Maegd-Soep, 1978; Stites, 1978). В литературе, публицистике поднимаются и обсуждаются проблемы социальной, общественной и семейной роли женщины, вопросы женского образования. На страницах популярных журналов «Отечественные записки», «Современник» авторы размышляли о человеческом достоинстве женщины, ее праве участвовать в общественной жизни.

2. Обсуждение

Отдельные аспекты правового положения женщины в казахском традиционном обществе, связанные с сохранением в быту пережиточных форм брака и специфических социальных институтов, таких как аменгерство и калым, рассматривались Х.А. Аргынбаевым (Аргынбаев, 1978: 94–105). Можно согласиться с утверждением ученого, что сохранение патриархальных отношений и господством норм адата и шариата обусловили превосходство мужчины над женщиной в обществе и семье, лишали женщину имущественных прав. Вместе с тем, нельзя не отметить точку зрения Р.М. Мустафиной, согласно которой женщины-казашки в сравнении с женщинами других среднеазиатских народов обладали большей свободой; они не закрывали своих лиц и не вели затворническую жизнь, допускались в мужское общество. Образованные женщины, как правило, из состоятельных семей, пользовались уважением и авторитетом, участвовали в обсуждении важных общественных вопросов. В бедных семьях женщины трудились наравне с мужчиной, что также вызывало к ним уважение (Мустафина, 2002: 176).

О. Брусина изучает влияние норм адата и шариата на положение женщины во второй половине XIX в. в условиях трансформации казахской традиционной системы судопроизводства и интеграции ее в общероссийскую систему. По убеждению автора, несмотря на то, что прямого сближения традиционной системы судопроизводства казахов с общероссийским законодательством не происходило, тем не менее, в казахском обществе наметился постепенный отход от некоторых положений адата и шариата, связанных с игнорированием мнения женщины в вопросах брака и развода. В обществе в целом и в сознании женщин в частности расширялись представления о женских правах и свободах (Брусина, 2012). Близкую по тематике проблему «женского вопроса» в традиционном казахском обществе поднимает К.С. Бижигитова. На основе анализа архивных документов автор приходит к выводу, что в процессе реформирования казахского общества во второй половине XIX – начале XX в. менялись представления о месте и роли женщин в обществе. Трансформация взглядов не могла не отразиться на росте активности казахских женщин, пробуждала их стремление защитить свои «женские» права путем подачи прошений и жалоб в русскую колониальную администрацию (Бижигитова, 2017: 177).

3. Материалы и методы

В качестве источников использовались работы русских исследователей XIX – начала XX вв., в которых нашли освещение вопросы общественного и семейно-бытового положения казахской женщины. Значительная часть трудов и заметок по этнографии казахов была написана не профессиональными учеными или этнографами, а военными и чиновниками, которые служили на окраинах империи. По долгу службы, а нередко и из личного интереса к истории и культуре туземных народов, изучая казахское общество, чиновники вели наблюдения, в результате чего ими были созданы очерки, заметки и фундаментальные труды о казахах.

По характеру и содержанию работы разделены на две группы. Первую группу составляют работы исследователей первой половины XIX в.: А.И. Левшина, Г.И. Спасского, С.Б. Броневского, Н.Р. Мамышева и др. Начальник Камско-Боткинских и Горноблагодатских заводов Н.Р. Мамышев в 1809 г. написал несколько очерков о культуре казахов, опубликованных в журнале «Вестник Европы» (Мамышев, 1809: 168–170). В основу очерков положены материалы, собранные им в ходе посещения казахских аулов. Генерал-майор С.Б. Броневский около двадцати лет, с 1808 по 1827 гг., служил в Области сибирских киргизов (Средний жуз – авт.) в должности Омского областного начальника, а в последующие десять лет был начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса в Тобольске. Все эти годы он занимался делами казахской степи, непосредственно наблюдая жизнь казахов. В записках о казахах автор отмечал различия в статусе казахской женщины до и после вступления в брак (Броневский, 1830).

Горный инженер Г.И. Спасский в начале XIX в. собирал сведения о родоплеменных подразделениях казахских жузов. Свои описания и заметки о народах Сибири и Казахской степи он публиковал в журнале «Сибирский вестник», выходившем с 1818 г. в Петербурге (Спасский, 1818). С 1825 по 1827 гг. журнал выходил как «Азиатский вестник». В очерке «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды», наиболее крупном специальном исследовании по истории и этнографии казахов, он описал быт, обычаи и обряды казахов, которые были результатом его собственных наблюдений. Ученый и государственный деятель А.И. Левшин, один из немногих русских исследователей первой половины XIX в., который не только составил подробное описание быта и культуры казахов, обратив внимание на специфические социальные институты казахского общества, но и предпринял попытки дать им научное объяснение (Левшин, 1832).

Вторую группу источников составляют работы авторов второй половины XIX – начала XX вв.: А.К. Гейнса, Н.Г. Маллицкого, Н.М. Израсцова, Н.И. Гродекова, В.П. Наливкина, М. Михайлова, Н. Малышева, М.А. Мироппиева и других. Генерал-майор А.К. Гейнс, известный как «лучший знаток киргизских степей» и автор проектов по обустройству Туркестанского края, собрал содержательный материал о казахах историко-культурологического и бытового характера. Подробные сведения о правовом положении казахской женщины содержатся в работах Н.И. Гродекова и Н.М. Израсцова. Автор работы «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области», первый том которой был издан в Ташкенте в 1889 г., генерал Н.И. Гродеков в период с 1883 по 1887 гг. служил военным губернатором и командующим войсками Сыр-Дарьинской области, а позже, в 1906–1908 гг., генерал-губернатором Туркестанского края (Гродеков, 1889). Его труд стал результатом глубокого изучения этнографии и юридического права казахов. Для полноты собираемых полевых сведений он использовал специальное руководство по изучению положений адата, организовывал экспедиции в казахские аулы, привлекал к сбору материала этнографов и знатоков края. Некоторые из них, к примеру ученый-этнограф В.П. Наливкин, проживали непосредственно в инородческой среде, изучая проблему изнутри (Лукашова, 1999: 39). Н.М. Израсцов в чине капитана служил старшим помощником начальника Копальского уезда Семиреченской области. Его записки о правах и законах казахов были собраны и написаны в связи с попыткой администрации Туркестанского края осуществить сбор материалов и кодификацию норм обычного права населявших территорию края кочевников – казахов, киргизов и каракалпаков (Степные обычаи и законы, 2011: 161–266).

История этнографического изучения казахов второй половины XIX – начала XX вв. освещалась на страницах периодического издания «Туркестанские ведомости». В издании регулярно печатались статьи о правовом статусе казахской женщины в обществе и в системе семейно-бытовых отношений, что свидетельствует об устойчивом интересе к женскому вопросу. Немалая заслуга в этом принадлежала редактору газеты Н.Г. Маллицкому, известному русскому историку-туркестановеду, этнографу, географу. Благодаря своим научным интересам он практически превратил ее в центральный краеведческий печатный орган по истории, культуре и этнографии народов Южного Казахстана и Средней Азии. Заниматься изучением этнографии казахов Н.Г. Маллицкий начал еще в молодости, когда учился в Оренбургской гимназии и имел возможность работать с коллекциями материалов о казахской степи, собранными экспедициями А.И. Бутакова и Г.С. Карелина. Позже, став членом Российского Географического общества, он проводил научные исследования края не только на основе уже имеющихся материалов, но и по первоисточнику, путем непосредственного изучения Средней Азии и Казахстана.

Сопоставительный анализ взглядов русских авторов на проблему «женского вопроса» в казахском обществе основывается на принципах историзма и объективности, в соответствии с конкретно-исторической ситуацией. Применение историко-системного и сравнительно-исторического методов работы с источниками и материалами позволяет проследить и обосновать различия во взглядах и оценках русских исследователей специфических социальных и правовых институтов казахов.

4. Результаты

Описывая семейно-бытовое положение казахской женщины, практически все авторы отмечали наличие в казахском обществе женской возрастной стратификации: девочка, девушка, жена, бабушка. Внешним проявлением этой стратификации были различия в элементах одежды, женских головных уборах. По свидетельству С.Б. Броневского казахи придавали большое значение прическам и головным уборам девушек (до замужества), молодых женщин (в статусе "келин" – молодая жена), женщин среднего и пожилого возраста (в статусе "байбиче" – старшая жена) (Броневский, 1830: 214). Женщины заплетали две косы, носили амулеты в кожаных или серебряных футлярчиках среднеазиатской работы, а также кольца, серьги и браслеты из серебра (Маллицкий, 2011: 313). В отличие от женщин незамужние девушки ходили с непокрытой головой и уделяли значительное внимание прическе, заплетая длинные волосы в косички. Они украшали волосы подвесками в виде кистей из черных крученых шелковых тканей, привязанных к тонким серебряным трубочкам (Броневский, 1830: 212).

Семейно-бытовое положение женщин разных возрастных групп было неодинаковым и менялось со сменой статуса. Казахская женщина переживала в своей жизни несколько отличных социальных статусов. Исследователи отмечали особенное и бережное отношение у казахов к девочке-дочери в семье. Это проявлялось в том, что дочь не должна сидеть у порога домашнего очага, ее место в родительском доме казахи называли «тор», что означало «почетное место». И не только дома, но и «...в гостях девушек сажали на почетное место туда, где сидели почтенные гости и старики» (Маллицкий, 2011: 302). В семье и обществе порицалось применение физических наказаний к девочкам. Об этом красноречиво говорит бытовавшая у казахов пословица: «Акеси урган ул онар, шешеси урган кыз онбас – Сын битый отцом станет годным, дочь битая матерью станет негодной».

Девочки с раннего возраста неотлучно находились при матери, им она отдавала большую часть своего времени. Мать приучала девочку выполнять женские обязанности: приносить топливо и воду, готовить пищу, убирать юрту, прясть, шить. Девочке поручались только легкие домашние работы, чтобы не нанести вред здоровью будущей маме (Женщина в кочевом быту, 1889: 33, 128). В богатых семьях девочки были освобождены от домашнего труда. Особую любовь к дочери в родной семье авторы объясняли так: «И чем старше становится девочка, тем горячее выражается материнская любовь, предчувствуя близкую, неизбежную разлуку: девочке уже 10 лет; она давно уже, еще с пеленок, просватана; еще год-два и ее, почти ребенка, увезут в дальний аул, в чужой род, иногда к мужу-старика, имеющему уже двух-трех жен...» (Женщина в кочевом быту, 1889: 33, 128).

До замужества девушки-казашки пользовались значительной свободой, как в семье, так и в обществе. В записках С.Б. Броневского имеются сведения об отсутствии строгих запретов на общение казахских девушек со сверстниками противоположного пола (Броневский, 1830: 98). Г.И. Спасский подчеркивал, что этика общественной жизни казахов не допускала свободного общения девушек с юношами, но «в вечернее время, особенно в дни празднеств по случаю благополучного прибытия на место новой кочевки, совместные игры и развлечения аульной молодежи не встречали отпора даже со стороны самых строгих родителей» (Спасский, 1818: 244). Об этом же писал Н. Р. Мамышев в своем очерке «Пристрастие сибиряков к конским скачкам», отмечая, что у казахов «...при летних перекочевках девушки нередко занимаются скачками на конях, соревнуясь с молодыми и холостыми мужчинами» (Мамышев, 1809: 169).

Более того, Маллицкий Н.Г. описывал свободные игры казахской молодежи («кыз уйна» или «кыз уйнагы»), в которых молодой джигит мог догнать девушку, обнять ее и даже оцупать грудь. Девушкам разрешалось бить настойчивых ухаживателей палкой или нагайкой. За нанесение увечий парню девушка не несла правовой ответственности. Маллицкий приводит даже казахскую поговорку на этот счет: «За умершего от (руки) девицы хун (цена) не платится» (Маллицкий, 2011: 302). Смысл таких игр, по мнению исследователя, заключался в половом отборе, когда в процессе игры девушка могла оценить силу, ловкость и физические способности молодого человека из другого рода, как потенциального жениха. Игры, вечеринки и состязания с импровизацией шуточных и насмешливых песен между девушками и парнями проводились обычно под наблюдением пожилых женщин. Поэтому «девушки, при всей вольности обращения с мужчинами, сохраняют строгое постоянство и редко случается, чтобы они нарушили целомудрие до супружества» (Гейнс, 1897: 85).

Исследователи отмечали, что у казахов совершеннолетие начиналось с 15 лет. Н.М. Израсцов отмечал, что «...моложе 15 лет мужчина и женщина не вступают в брак, этого не позволяет и обычай» (Израсцов, 2011: 205). Вступать в брак девушки и парни могли и до совершеннолетия, но не ранее 13 лет. Малышев Н. свидетельствовал, что «Положением 1868 года запрещено вступать в брак ранее 16 лет, но закон этот действителен только на бумаге, а не на деле, и не в жизни» (Малышев, 1902: 38). Противоречивые данные вполне объяснимы; Н.И. Гродеков писал, что «юридические обычаи киргизов разных орд и местностей, далеко отстоящих одна от другой, значительно разнятся между собою» (Гродеков, 1889: введение).

Положение женщины и отношение к ней в семье кардинально менялось, как только она выходила замуж и оказывалась в семье мужа; казахская женщина становилась бесправной и покорной женой. У казахов бытовала пословица, хороша демонстрирующая изменение положения женщины в семье со сменой статуса: «В девицах – что красное пламя; ставши женою – лишена цены» (Гродеков, 1889: 294).

Со сменой статуса женщины менялась и ее поведенческая модель в семье. Молодые женщины в статусе невестки («келин») наиболее открыто подвергались унижению, находились в подчинении не только у мужа, но и у всех его родственников. Их место и поведение в семье строго регламентировались множественными правилами, ограничениями и запретами. Н.Г. Маллицкий, характеризуя положение молодой жены в семье мужа, приводит такие запреты. Женщина не могла произносить вслух имени своего мужа и его ближайших родственников-мужчин. Она называла их нарицательными именами, например, свекр (ата), господин (мирза) (Гродеков, 1889: 100). Этот обычай существовал у всех казахов, в том числе и оседлых, в старину это табу соблюдалось строго. Бывали даже случаи умерщвления молодой женщины за непочтительность, выражающуюся в произнесении имени свекра. Ссылаясь на статью в журнале «Туркестанские ведомости» за 1902 г., Н.Г. Маллицкий приводит подобный случай (Маллицкий, 2011: 306). Не принято было также, чтобы

женщина пересекала мужчине дорогу, а при встрече со старшими она слегка приседала и наклоняла голову. Подавая что-либо старшему по возрасту, женщина преклоняло одно колено, выражая покорность. «Мужчина чувствовал себя полновластным господином своей жены – рабы. В то же самое время она должна быть рабой и свекрови, и старшим женам, если таковые есть, в чем именно и заключается разгадка тех драм, которые иногда бывают в степи» (*Женщина в кочевом быту, 1889: 34*).

По сообщениям исследователей многодетные женщины у казахов заслуживали более ласкового обращения, чем бездетные. Израсцов Н.М. писал: «От женщины киргиз требует работы и потомства: этот факт, не подлежащий сомнению, весь строй жизни подтверждает его. Раз же это так, то понятно, что при общем убеждении в бесплодности родственных браков явилось и обыкновение избегать их» (*Степные обычаи и законы, 2011: 203*). Для казахов жизненно важным было рождение здорового потомства, а потому браки между лицами ближе восьмой степени родства воспрещались обычаями. Относительно браков в первых семи степенях родства казахи говорили: «Это невозможно, это запрещено законом, от такого брака не будет детей» (*ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4236. Л. 62*). Н.М. Израсцов, изучавший положение женщины в быту методом включенного наблюдения, приводит такой пример из своей практики: «Помню хорошо, едва киргизка Беис, средних лет, некрасивая, была разведена с мужем за жестокое обращение, как явились три претендента на ее руку. На мой вопрос, что их прельщает, все, как бы сговорившись, ответили: она в состоянии родить, а от наших жен нет детей, ну и калыма меньше» (*Степные обычаи и законы, 2011: 203*).

Основная роль женщины в казахском обществе в XIX в., как в любом другом, заключалась в материнстве и воспитании детей. Воспитанием детей занимались только женщины. По наблюдениям исследователей, в казахском обществе «женщина обезличена в большинстве случаев, но она вовсе не так завалена работой, как обыкновенно привыкли думать на основании поверхностных наблюдений, и несравненно больше, чем русская крестьянка, имеет досуга наблюдать за детьми, наставлять их... В отличие от русских семей, случаи жестокого обращения родителей со своими детьми у казахов очень редки... Нужно отдать справедливость киргизской педагогике. Шаг за шагом, путем кротких внушений мать воспитывает детей, а недостаток терпения замечен у русских крестьянок» - отмечали современники (*Женщина в кочевом быту, 1889: 33*).

Русские авторы отмечали относительно свободное положение женщины-казашки в обществе и быту в сравнении с женщинами среднеазиатских обществ. А.К. Гейнс в пользу этого аргумента писал следующее: «Киргизская женщина играет большую роль не только как полная хозяйка, но и член общества. На сходках киргизов женщины подают голос наравне с мужчинами, в особенности по вопросам, касающимся общественных нужд. Иногда даже мнению женщины имеет некоторое преимущество над мнением мужчин» (*Гейнс, 1897: 85*). Женщины-казашки не уклонялись от сообщества мужчин, как это было принято у других мусульманских народов. «Хвалить красавиц считается у киргиз поступком благопристойным; красавицы же, заслужившие общую похвалу, нередко прославляются в степях» (*Гейнс, 1897: 85*).

О свободном положении казахской женщины писал русский миссионер М.А. Миропиев: «Киргизскую женщину скорее можно упрекнуть в излишней вольности, а в некоторых случаях даже и в циничности, чем в недостатке свободы» (*Миропиев, 1901: 377*). Автор предлагал использовать общественное влияние женщины в интересах политики русификации и христианизации казахов, полагая, что «разумно поставленное воспитание ее в русско-православном духе создаст из нее прекрасную нашу союзницу» (*Алпыспаева и др., 2019: 660*).

Объективным свидетельством в пользу относительно свободного положения казахской женщины называлось отсутствие запретов на открытое лицо. Гродеков Н.И. объяснял это обстоятельство особенностями условий и образа жизни в казахской степи: «Доводы, по которым киргизы полагают возможным отступить от шариата в вопросе о закрытии лица женщинами и не считают грехом видеть лицо её, суть следующая: 1) киргизка, приобретаясь в замужество за деньги, равняется рабыне; 2) она не легко обольщается посторонними, так как живет в степи и работает около мужа, навьючивая верблюдов, доя скот и нянчит детей» (*Гродеков, 1889: 23*).

Более свободное положение женщины в обществе и отсутствие запретов на открытое лицо исследователи объясняли сохранением и преобладанием в повседневной жизни казахов норм обычного права – адата. Именно нормы адата обеспечивали правовую защиту женщин. В соответствии с ними за изнасилование женщины, прелюбодеяние, похищение девушки преступник мог быть приговорен к телесным и позорящим человека наказаниям, а иногда и к смертной казни, которая нередко заменялась уплатой «куна» или «аипа» (материальное возмещение ущерба). Подтверждение тому дает Н.И. Гродеков: «Народный суд, при заявлении женщины об её изнасиловании, основываясь только на одном таком заявлении, приговаривает с оговоренного или обвиняемого женщиною лица материальное вознаграждение обвинительнице» (*Гродеков, 1889: 94*).

Между тем, защита адатом женщин вовсе не означала равноправного положения их с мужчинами, о чем сообщают источники: «А так как, по исконному понятию, женщина, по существу своему, признается ниже мужчины, то и за искалечение ее, перелом руки, ослепление глаза и т.п. муж платит половину того штрафа, который назначается в случае, если бы потерпевший был мужчина. За убийство жены также уплачивается ее родным пол куна» (*Женщина в кочевом быту, 1889: 34*).

Более того, возмещение выплачивалось в том случае, если «родственники жены выступят в защиту потерпевшей, в пользу которых присуждаются и все штрафы ее буйного мужа» (*Женщина в кочевом быту, 1889: 34*).

Если жестокое обращение мужа с женою не одобрялось обычаями и наказывалось в соответствии с нормами адата, то нанесение женщине легких побоев не запрещалось и даже считалось уместным, в силу чего у казахов сложилась поговорка: «Когда твоя жена дура, то пусть твоя нагайка будет толста» (*Гродеков, 1889: 294*). За нанесение жене легкой раны в голову, шрама или других увечий мужчина не подлежал судимости (*Женщина в кочевом быту, 1889: 33*).

Преобладавшее среди исследователей убеждение о тяжелом семейно-бытовом положении женщин-казашек, особенно в южном регионе, обусловлено было сохранением в обществе специфических социальных институтов, таких как калым, ранние браки, многоженство, аменгерство, разводы по шариату. Изучая культуру и быт коренного населения, авторы пытались понять причины их появления.

Весьма спорным и неоднозначным в оценке исследователей предстает бытовавший в XIX в. у казахов институт калымства. Исследователь Н. Малышев по этому поводу писал: «Печальная участь киргизской женщины начинается с того момента, когда она появляется на свет Божий невинным существом. Если у киргиз родятся дочери, то это значит, что у них появляется в руках живой товар, который нужно прибыльно сбыть. "Слава Богу и у нас есть красная шерсть", говорят киргизы при рождении девочек. Женщина составляет предмет купли-продажи» (*Малышев, 1902: 13*). Средний размер калыма составлял 20-30 голов крупного скота, а в богатых семьях – 50-100 голов. Минимальный калым определялся в размере 10-15 голов, дешевле жену казах не найдет. Допускалась замена крупного рогатого скота соответственным количеством мелкого, или даже деньгами, как правило, по согласию двух сторон. Также жених устраивал той и подарки родне невесты. Но в жизни «случается похищение невесты, в то время, как за нее выплачивает калым другое лицо. В этом случае, похититель должен выплатить калым и передать родителям невесты штраф 100 руб. и хорошую лошадь» (*Материалы по киргизскому землепользованию, 1915: 17*).

Институт калымства, по мнению русских авторов, породил отношение к женщине как к источнику материальных благ, как для родной семьи, так и семьи жениха. В родной семье преобладание женщин обычно укрепляло благосостояние в силу того, что на женщине лежал целый ряд работ по домоводству, скотоводству и по разным подсобным промыслам (изготовление кошм, ковров, пошив одежды). Помимо этого, дочь служила для семьи источником дохода, получаемого в виде калыма. «Встречаются семьи, которые известный период времени (несколько лет) живут исключительно на выплачиваемый им от жениха калым, который вносится обыкновенно в рассрочку, начиная с первого года жизни девочки» (*Материалы по киргизскому землепользованию, 1915: 21*). Старинная народная поговорка казахов гласила: «Сарт разбогатеет – дом кладет, казах разбогатеет – жену берет». Глубинный смысл ее заключался в том, что в традиционном кочевом обществе самостоятельное хозяйство, как экономическая единица общества, формировалось благодаря женщине. Родители считали своим долгом женить сыновей, а затем наделяли их имуществом, отправляя в самостоятельную жизнь.

Роль и значение казахской женщины в системе хозяйственных связей была высока, поскольку в условиях кочевого и полукочевого быта, преобладания натуральной экономики ведение домашнего хозяйства было не простой задачей. Практически всю работу по содержанию в порядке жилища, уходу за скотом, обработке продовольственного скотоводческого сырья и заготовке пищи осуществляла женщина. Объем домашней работы увеличивался в периоды сезонных перекочевок, когда на плечи женщины ложились обязанности ставить и разбирать юрты, обустроить жилище. В обязанности женщины в период сезонных хозяйственных работ входила стрижка овец и обработка шерсти, заготовка топлива. Кроме всего, были еще ежедневные работы по домашнему хозяйству: дойка скота, приготовление пищи, воспитание детей. Практически весь кочевой быт лежал на плечах женщины. Вполне уместно еще раз процитировать слова Н.М. Израсцова о том, что «от женщины киргиз требует работы и потомства: этот факт, не подлежащий сомнению, весь строй жизни подтверждает его» (*Степные обычаи и законы, 2011: 203*).

Между тем, исследователей не удивляло такое положение женщины у казахов. Считалось, что оно мало чем отличалось от положения русской женщины, поскольку «и в русском быту есть много таких домашних работ, возложенных исключительно на женщину, о которых киргизкам и не снилось, например, жнитво, ворошение сена. Стоит также припомнить, что в центральных губерниях России есть местности, где все земледельческое хозяйство лежит на руках баб; за выбытием всех мужчин на заработки в промышленные города. И если сопоставить быт русской женщины с бытом киргизки, муж которой занимается земледелием, то увидим, что первой достается больше труда, чем второй. Киргиз заставит жену седлать себе лошадь, но не допустит ее к плугу, считая ее неспособной к такой тяжелой работе (*Женщина в кочевом быту, 1889: 33*). По наблюдениям авторов в казахском обществе «женщина обезличена в большинстве случаев, но она вовсе не так завалена работой, как обыкновенно привыкли думать на основании поверхностных наблюдений, и несравненно больше,

чем русская крестьянка, имеет досуга наблюдать за детьми, наставлять их» ([Женщина в кочевом быту, 1889: 34](#)).

Малицкий Н.Г. связывал приниженное положение женщины-казашки с влиянием ислама, а потому писал, что «на быте казахских женщин еще не успело отразиться принижающее влияние мусульманства, и положение ее было значительно лучше, чему других народов, исповедующих ислам» ([Малицкий, 436: 307](#)). Он был убежден, что относительно свободное положение женщины выгодно отличало быт казахской женщины от быта женщин оседлого населения Средней Азии. Даже в статусе жены казахская женщина могла завоевать себе почетное уважение в новой семье своей хозяйственной деятельностью. Как хозяйка (бай-бише), женщина фактически заведовала скотом, кормила, поила и обшивала домочадцев, а также приготавливала изделия для продажи. Она никогда не оставалась без работы на пользу семьи, и ее голос постепенно становился в семейном совете все более и более влиятельным, а насмешливое, едкое, свободное остроумие являлось для женщины сильным орудием защиты и нападения. «Ударить женщину и стыдно, и опасно (так как сейчас же могло возникнуть дело о выкидыше, с предъявлением соответственного иска), и женщина умела пользоваться своей неприкосновенностью. Женщина-хозяйка свободно ездила по степи, принимала участие в приеме гостей, угощала их кумысом, иногда даже вступала в беседу» ([Малицкий, 2011: 307](#)).

Еще один социальный институт традиционного казахского общества, вызывавший споры и разные мнения, был институт многоженства. «Жены у киргизов, равно как и у большей части восточных народов, составляют собственность, подобную товару, ибо они покупаются и вымениваются на вещи и число их соответствует достатку мужей» – писал Г.С. Спасский ([Спасский, 1818: 244](#)). По убеждению исследователей, институт многоженства был привнесен исламом и доступен был только богатым казахам, имевшим возможность заплатить калым за очередную жену ([Малицкий, 2011: 307](#)). Иметь семь и более жен, а также еще и любовниц могли только зажиточные казахи «по причине дороговизны жен, возрастающей как бы прогрессию, так, что вторая жена стоит гораздо дороже первой, третья – второй, и так далее, редкие имеют более одной жены» ([Спасский, 1818: 244](#)).

Кроме того, институт многоженства совсем не означал потерю кормильца предыдущей женой, которой супруг нашел замену. Муж-многоженец обязан был позаботиться о каждой жене и детях от нее. Спасский писал, что «каждая из жен живет в особой юрте, а некоторые совсем в других аулах. Первая, или старшая жена почитается настоящей хозяйкою и матерью семейства, которой повинуются все прочие жены» ([Спасский, 1818: 97](#)).

Богатые казахи при всякой новой женитьбе отделяли жен, наделяя их имуществом и скотом. Размеры имущества не были конкретно установлены и определялись самим мужем. Но, как правило, первой жене выделялось больше, чем последующим. Израсцов Н.М. приводит такие примеры: «У султана Найманхана Камбарова три жены. Первой жене («байбиче») Джангумыс дано 60 лошадей, 200 баранов, 6 верблюдов, одна корова, юрта и имущества разного на сумму до 5000 руб. Второй ("уреанчи") – Зияне дано 20 лошадей, 150 баранов, 3 верблюда юрта и имущество на 500 руб. Третьей жене ("токал") – Залихе дано 10 лошадей, 100 баранов, 2 верблюда, юрта и имущество на 200 руб. Богатый казах Труспек Маманов дал женам, кроме юрт и имущества, первой – 60 лошадей, 300 баранов, 6 верблюдов и 10 коров; второй – 50 лошадей, 250 баранов, 5 верблюдов и 9 коров» ([Степные обычаи и законы, 2011: 201](#)).

Выделенная жена не являлась собственником полученного надела, он переходил в наследство ее сыновьям. Если у отделившейся жены были дочери, то калым за них поступал в этот же надел. Из него же выделялось и приданое для дочери. Сама жена практически ничего не имела, она пользовалась имуществом лишь как мать будущих или уже имеющих сыновей. В случае, если у нее не было сыновей, имущество переходило сыновьям других жен, либо родственникам мужа. Характер имущественных отношений между мужем и женой, или женами, хорошо отражает пословица казахов: «Женщина владеет только собой и за себя одну отвечает» ([Степные обычаи и законы, 2011: 199](#)). Она в полной мере подтверждает отсутствие всяких имущественных прав женщины. Но далеко не каждый казах-кочевник мог обеспечить очередную жену отдельной юртой и всем необходимым. Для большинства мужчин был недоступен даже новый брак после смерти жены. Об этом красноречиво говорит казахская пословица, которую приводит Н.И. Гродеков: «У богача жена умрет – постель обновится; а у бедняка жена умрет – голова вскружится» ([Гродеков, 1889: 295](#)).

Сохранение института многоженства сами казахи объясняли следующими причинами: женитьба не по собственному выбору молодых, а по выбору своих родителей, в результате чего между супругами появляется охлаждение и расстройство. Вторая причина, по которой могли развестись и создать новую семью, заключалась в отсутствии наследников ([Мальшев, 1902: 44](#)). Между тем, Н.Г. Малицкий относил возникновение института многоженства у казахов еще к доисламской эпохе. Он писал: «Институт многобрачия у казахов – от захвата пленниц во время войны. Во всяком случае, хозяйкой (бай-бише) всегда являлась старшая жена, положение младших жен было приниженное: они не могли входить в юрту старшей жены без ее позволения и скромно садились у входа. Звали их "токал-катын", (т.е. комолая). А дети их раньше носили презрительную кличку "кул", что в переводе на русский язык означало "раб" и указывало на истинное происхождение» ([Малицкий, 2011: 307-308](#)).

Весьма спорным в плане оценки со стороны русских авторов был социальный институт аменгерства, бытовавший у казахов с древности. Он вызывал интерес, осуждение и неоднозначную оценку у русских исследователей. Возникший в среде кочевников еще до появления ислама, он предполагал соблюдение обычаев и прав левирата и сорората. По левиратному праву казахская вдова должна была выйти замуж за брата своего умершего мужа или за его ближайшего родственника. Обычай сорората обязывал вдовца жениться на сестре умершей жены.

О существовании этого социального института сообщали многие авторы. Г.И. Спасский, подробно описывая свадебные обряды казахов, подчеркивал, что «в случае смерти мужа жена по наследству переходила к кому-либо из родственников мужа» (Спасский, 1818: 97). Из рабского положения женщину не освобождало даже вдовство. Она после смерти мужа становилась собственностью родственников мужа, и власть его над ней переходила к ним. «Вдова женщина, приобретенная за известное количество калыма, составляет принадлежность семьи и рода, вне которого она не имеет никакого положения» (Мальшев, 1902: 18). В подтверждение существования у казахов левиратного права Гродеков Н.И. приводит такую казахскую поговорку: «Если умрет брат, то сноха – наследство; если сдохнет лошадь, то шкура – наследство» (Гродеков, 1889: 298).

Обычай был распространен не только среди казахов, но и среди некоторой части населения Средней Азии. Об этом писал М. Михайлов в своих публикациях, посвященных работе суда казиев на юге Казахстана: «На юге имел хождение термин "джесыр". Слово "джесыр" значит невеста, но среди узбекского населения под этим названием подразумевают вдову, которая обязана непременно выйти замуж за брата своего умершего мужа, или, если брата нет, то за ближнего мужу родственника. Обычай этот позаимствован узбеками от киргиз, у которых он в полном ходу» (Михайлов, 1881: 73). Однако среди же сартов, например в Ташкенте, этим обычаем почти не пользуются, и вдова свободно может выходить замуж за кого ей вздумается.

Михайлов М. осуждал этот обычай, считал его пережитком прошлого и необходимым покончить с ним. «Нечего и говорить, что право джисыра, право получать женщину даже в наследство – составляет верх гнета и безобразия. Читатели согласятся с нами, что уничтожить джисыр, по крайней мере, среди оседлого населения и узбеков, освободить женщину хотя после смерти ее мужа и при жизни которого она достаточно натерпелась – дело необходимое» (Михайлов, 1881: 74). Он был убежден, что этот обычай ставит женщину в безвыходное положение, поскольку дела о разводе в конце XIX в. решались в народных судах (суд казиев, суд биев), которые судили по шариату. «Полагаем, что в этом случае и церемониться нечего; прямо следует запретить такие браки, а не передавать споры о джисыре в народный суд, как это делают иные из уездных начальников. По приговору народного суда, конечно, вдове придется либо откупиться, либо начать сожительство с братом умершего мужа» (Михайлов, 1881: 74).

Интересна точка зрения А.И. Левшина, который считал, что этот обычай имеет под собой экономическую основу. Возникновение института аменгерства ученый рассматривал как экономическую меру против дробления хозяйств и сохранения в хозяйстве рабочей силы, что является свидетельством его экономического происхождения. Левшин А.И. писал: «После смерти мужа старший брат его или родственник вступает в управление домом» (Левшин, 1832: 105). Автор отмечал, что обычай сохранился с глубокой древности, но в XIX в. он соблюдался уже не всегда.

Все исследователи признавали, что у казахов в XIX в. брак представлял весьма сложный институт, в котором первобытные патриархальные формы смешались с более поздними, образовавшимися под влиянием Корана. «Не бесследно также прошло и русское влияние, выразившись введением в брачные и семейные отношения новых принципов, противоположных киргизским воззрениям и значительно смягчившим долю женщины. Что же касается первобытных форм, то из них еще держатся обряды, наиболее же грубые выводятся, или приняли менее жесткую форму» (Женщина в кочевом быту, 1889: 33, 129).

В чем же выразилось русское влияние, о котором писал неизвестный автор, и чем оно было обусловлено? Ответ на этот вопрос мы находим в работах О. Брусиной, по мнению которой важным результатом российских нововведений стал рост числа женских исков по разводам и левиратным бракам, когда женщины-казашки получили возможность противостоять безграничной власти мужей. Такая возможность появилась вследствие реформирования во второй половине XIX в. местного самоуправления и судопроизводства в Казахском крае. Чтобы обеспечить в регионе порядок и стабильность, основанные на соблюдении обычаев, и примирить местные народы с новой властью в Туркестанском генерал-губернаторстве российская администрация решила сохранить народные суды: суд казиев в оседлых районах, суд биев – в кочевых. И тот и другой судили на основе шариата или адата. Бии и казии избирались местным населением из своей среды и утверждались российской властью. Колониальная администрация установила контроль за их деятельностью. Решения трех инстанций народных судов считались окончательными и не могли быть отменены туркестанским начальством. Исключение составляли только брачные дела; согласно статьям 203 и 235 Временного положения об управлении Сырдарьинской и Семиреченской областями 1867 г. недовольная сторона имела право обжаловать решения народного суда в российской администрации. Женщине предоставлялась возможность выбрать

между принятыми в народе обычаями и обращением к российской власти для защиты своих интересов (Брусина, 2012: 151-166). Введение этих статей объяснялось тем, что, по мнению законодателей, казахская женщина находилась в бесправном положении, а потому вполне «естественно стремление уездной администрации помочь женщине избавиться от навязанного ей с пеленок мужа» (Степные обычаи и законы, 2011: 177).

Казахские женщины пользовались появившимися возможностями, обращаясь к российской администрации с жалобами. Н.М. Изразцов писал о том, что в конце 1870 – начале 1880-х гг. в Копальском уезде «жалобы женщин на истязания и на бессилие мужей суд биев почти не принимает к своему разбирательству, предоставляя принести эти жалобы лично к уездному начальнику, который, если только убедится в справедливости жалобы, освобождает женщину не от одного мужа, а и от всей его родни, т.е. предоставляет ей полную свободу в выборе нового мужа» (Степные обычаи и законы, 2011: 190). Народные судьи, боясь вызвать нарекания со стороны администрации, предпочитали просто отказываться от принятия решений, чем и способствовали постепенному изменению обычая.

Наиболее частыми были жалобы женщин по вопросам развода. Согласно шариата мужчина имел приоритетное право на развод. Достаточно было мужчине трижды произнести слово «талак» (в переводе на русский язык – развод), или «талак койдым» («я дал развод»), как брак считался расторгнутым (Гродеков, 1889: 89). Но нередко инициаторами развода выступали женщины, о чем говорят наиболее часто упоминаемые причины развода: мужья и их родственники издеваются над женами; мужья не содержат жен, эксплуатируют как рабынь; неспособность мужа исполнять супружеский долг; неспособность жены родить детей. Нередкими были случаи, когда старшие жены (байбише) избивали младших жен (токал), и это, в свою очередь, также служило причиной для развода (ЦГА РК. Ф. 685. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–2). Брак считался расторгнутым, если жена покидала дом мужа и возвращалась к родителям, или к тому, кто ее выдал замуж (Гродеков, 1889: 89).

5. Заключение

Таким образом, в работах русских исследователей и чиновников XIX – начала XX вв., чья научная или профессиональная деятельность была связана с изучением Казахского края, нашла освещение проблема правового положения казахской женщины в обществе и семье. В работах первой половины XIX в. неполнота сведений о положении женщины-казашки компенсируется описанием специфических социальных институтов и норм женского права в их классическом виде. Труды авторов второй половины XIX – начала XX вв. ценны не только своей содержательностью и систематизацией сведений о правовом статусе казахской женщины, но и тем, что в них отражена трансформация правовых институтов вследствие реформирования казахского общества. Практически все авторы объясняли положение женщины нормами и обычным, и мусульманского права. В какой мере каждое из них влияло на статус женщины, зависело от уровня проникновения ислама в быт отдельной семьи и общества в целом. Так как нормы адата формировались еще с древности, на них оказали влияние особенности хозяйства, трудности кочевого образа жизни. По адату женщина выступала полноправным членом общества, как в семейно-бытовых, так и в общественно-социальных отношениях. Жесткие требования шариата в отношении прав и свобод женщины в семье и обществе, привнесенные в традиционное общество казахов в эпоху Средневековья, не всегда соответствовали реалиям кочевой жизни, а потому их соблюдение не было обязательным. Этим объясняется относительно свободное положение женщины-казашки. В оценке русских исследователей такие специфичные институты казахского кочевого общества, как многоженство, калым, аменгерство своими корнями уходят еще в доисламскую эпоху и обусловлены они были особенностями кочевничества, сложностями хозяйствования. Брак между молодыми рассматривался как экономическая акция, необходимая для производства потомства и успешного ведения хозяйства.

Литература

- Аргынбаев, 1978 – Аргынбаев Х.А. О некоторых пережиточных формах брака у казахов // *Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана*. М., 1978. С. 94-105.
- Бижигитова, 2017 – Бижигитова К.С. Изменение роли женщин в казахской степи в колониальный период на основе архивных источников (40-е годы XIX– начало XX вв.) // *Вестник КазНПУ*, 2017. № 2 (53). С. 173-178.
- Броневский, 1830 – Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // *Отечественные записки*, 1830. Ч. 43. №134.
- Брусина, 2012 – Брусина О. Брак и развод в народных судах Туркестана: взаимодействие адата и шариата при российском управлении // *Этнографическое обозрение*. 2012. №1. С. 151-166.
- Гейнс, 1897 – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. Т. 1. Санкт-Петербург: типография М.М.Стасюлевича, 1897. 597 с.
- Гродеков, 1889 – Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Том. 1. Юридический быт. Ташкент: Типо-Литография С.И. Лахтина, 1889. 298 с.

- Женщина в кочевом быту, 1889** – Женщина в кочевом быту // *Туркестанские ведомости*. 1889. № 33, 34.
- Левшин, 1832** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч.3. СПб, 1832.
- Лукашова, 1999** – *Лукашова Н.М.* В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // *Вестник Евразии*, 1999. № 1/2. С. 36-57.
- Маллицкий, 2011** – *Маллицкий Н.Г.* Казахи // *История Казахстана в документах и материалах: Альманах*. Выпуск 1. Алматы: «Издательство LEM», 2011. 436 с.
- Мальшев, 1902** – *Мальшев Н.* Обычное семейное право киргиз. Ярославль, 1902.
- Мамышев, 1809** – *Мамышев Р.Н.* Пристрастие сибиряков к конским скачкам // *Вестник Европы*, 1809. №7. С. 168–170.
- Материалы по киргизскому землепользованию, 1915** – Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа Черняевского и Аулие-Атинского уезда Сырдарьинской области. Ташкент, 1915.
- Михайлов, 1881** – *Михайлов М.* На суде казиев // *Туркестанские ведомости*, 1881. № 19. С. 73–74.
- Мирописев, 1901** – *Мирописев М.А.* О положении русских инородцев. С-Петербург: Синодальная Типография, 1901. 515 с.
- Мустафина, 1992** – *Мустафина Р.М.* Представления, культы, обряды у казахов. Алма-Ата: Казак университет, 1992. 176 с.
- Спасский, 1818** – *Спасский Г.И.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // *Сибирский вестник*, СПб., 1818. Ч. X.
- Степные обычаи и законы, 2011** – Степные обычаи и законы. Записки и письма капитана Н.М. Изразцова о народных обычаях казахов Семиреченской области. 15 июня 1879 – 5 февраля 1881 г. // *История Казахстана в документах и материалах: Альманах*. Выпуск 1. Алматы: «Издательство LEM», 2011. С. 161-266.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- Alpyspaeva et al., 2019** – *Alpyspaeva G.A., Zhuman G., Bagdatova S.A., Sayahimova Sh.N.* (2019). Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries). *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2. Pp. 655-667.
- De Maegd-Soep, 1978** – *De Maegd-Soep C.* The Emancipation of Women in Russian Literature and Society. A Contribution to the Knowledge of Russian Society during the 1960s. Gent State University, 1978, 402 p.
- Stites, 1978** – *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton, New Jersey, 1978. 464 p.

References

- Alpyspaeva et al., 2019** – *Alpyspaeva, G.A., Zhuman G., Bagdatova S.A., Sayahimova Sh.N.* (2019). Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries). *Bylye Gody*. Vol. 52. Is. 2, pp. 655-667.
- Argynbaev, 1978** – *Argynbaev Kh.A.* (1978). O nekotorykh perezhitochnykh formakh braka u kazakhov [About some discrimination forms of marriage among Kazakhs]. *Sem'ya i semeinye obryady u narodov Srednei Azii i Kazakhstana*. Moscow, pp. 94-105. [in Russian]
- Bizhigitova, 2017** – *Bizhigitova K.S.* (2017). Izmenenie roli zhenshchin v kazakhskoi stepi v kolonial'nyi period na osnove arkhivnykh istochnikov (40-e gody XIX– nachalo XX vv.) [The change in the role of women in the kazakh steppe in the colonial period on the base of archival sources (40-ies of the XIX – XX century)]. *Abay Kazakh National Pedagogical University Bulletin. Series «Historical and socio-political sciences»*. № 2(53), pp. 173-178. [in Russian]
- Bronevskii, 1830** – *Bronevskii S.B.* (1830). Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirgiz-kaisakakh Srednei Ordy [The commentaries of Major General Bronevsky on the Kyrgyz-Kaisaks of the Middle Orda]. *Otechestvennye zapiski*. Ch. 43, № 134. [in Russian]
- Brusina, 2012** – *Brusina O.* (2012). Brak i razvod v narodnykh sudakh Turkestana: vzaimodeistvie adata i shariata pri rossiiskom upravlenii [Marriage and divorce in the people's courts of Turkestan: the interaction of Adat and Sharia law under Russian administration]. *Etnograficheskoe obozrenie*. №1, Pp. 151-166. [in Russian]
- De Maegd-Soep, 1978** – *De Maegd-Soep C.* (1978). The Emancipation of Women in Russian Literature and Society. A Contribution to the Knowledge of Russian Society during the 1960s. Gent State University, 402 p.
- Geins, 1897** – *Geins A.K.* (1897). Sobranie literaturnykh trudov A. K. Geinsa. [Collection of literary works of A.K. Gaines]. T. 1. Sankt-Peterburg: tipografiya M.M. Stasyulevicha. T. 1. 597 p. [in Russian]
- Grodekov, 1889** – *Grodekov N.I.* (1889). Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoi oblasti. [Kirghiz and Karakirgiz of the Syr-Darya region]. Tom. 1. Yuridicheskii byt. Tashkent: Tipo-Litografiya S.I. Lakhtina, 298 p. [in Russian]
- Zhenshchina v kochevom bytu, 1889** – Zhenshchina v kochevom bytu [Woman in a nomadic life]. *Turkestanskije vedomosti*. 1889, № 33, 34. [in Russian]

- Levshin, 1832** – *Levshin A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kajsaczki ili kirgiz-kazach`ix ord i stepej [Description of the Kirghiz-Kaysak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes]. Part. 3. SPb. [in Russian]
- Lukashova, 1999** – *Lukashova N.M.* (1999). V.P. Nalivkin: eshche odna zamechatel'naya zhizn' [V.P. Nalivkin: another wonderful life]. *Vestnik Evrazii*. № 1/2, pp. 36-57. [in Russian]
- Mallitskii, 2011** – *Mallitskii N.G.* (2011). Kazakhi [Kazakh people]. *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh. Vypusk 1.* Almaty: Izdatel'stvo LEM, 436 p. [in Russian]
- Malyshev, 1902** – *Malyshev N.* (1902). Obychnoe semeinoe pravo kirgiz [Common Kirgiz family law]. Yaroslavl'. [in Russian]
- Mamyshev, 1809** – *Mamyshev R.N.* (1809). Pristrastie sibiryakov k konskim skachkam [Passion of Siberian people for horse races]. *Vestnik Evropy*. №7, Pp. 168-170. [in Russian]
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, 1915** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu raiona reki Chu i nizov'ev reki Talasa Chernyaevskogo i Aulie-Atinskogo uezda Syrdar'inskoi oblasti [Materials on Kyrgyz land use of Chu River region and the lower reaches of the Talas River of Chernyaev and Aulie-Ata district of Syrdarya region]. Tashkent, 1915.
- Mikhailov, 1881** – *Mikhailov M.* (1881). Na sude kaziev [At the court of kadis] // *Turkestanskije vedomosti*. № 19, pp. 73-74. [in Russian]
- Miropiev, 1901** – *Miropiev M.A.* (1901). O polozhenii russkikh inorodtsev [On the situation of Russian foreigners]. S-Peterburg: Sinodal'naya Tipografiya, , 515 p. [in Russian]
- Mustafina, 1992** – *Mustafina R.M.* (1992). Predstavleniya, kul'ty, obryady u kazakhov (v kontekste bytovogo islama v Yuzhnom Kazakhstane v kontse XIX – XX vv.) [Representations, cults, ceremonies among the Kazakhs (in the context of everyday Islam in South Kazakhstan at the end of the XIX – XX centuries)]. Alma-Ata: Kazak universitet, 176 p. [in Russian]
- Spassky, 1818** – *Spassky G.I.* (1818). Kirgiz-kajsaki Bol`shoj, Srednej i Maloj Ordy` [Kirghiz Kaisaks of the Great, Medium and Small Hordes]. *Sibirskij vestnik*. SPb., Ch. X. [in Russian]
- Stepnye obychai i zakony, 2011** – Stepnye obychai i zakony. Zapiski i pis'ma kapitana N. M. Izraztsova o narodnykh obychayakh kazakhov Semirechenskoi oblasti. 15 iyunya 1879 – 5 fevralya 1881 g. [Steppe customs and laws. Notes and letters of captain N. M. Izraztsov on the folk customs of the Kazakhs of the Semirechensk region. June 15, 1879 – February 5, 1881]. *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh. Vypusk 1.* Almaty: Izdatel'stvo LEM, 2011, pp. 161-266. [in Russian]
- Stites, 1978** – *Stites R.* (1978). The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton, New Jersey, 464 p.
- TsGA RK** – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Kazahstan [Central State archive of the Republik of Kazakhstan].

Правовое положение казахской женщины в семье и обществе в XIX – начале XX вв. глазами русских современников

Галья Айтпаевна Алпыспаева^{a,*}, Жуман Гульмира^a, Ляззат Торебековна Джумалиева^a, Шолпан Тулешевна Абдыкаримова^a

^a Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового положения казахской женщины в семье и обществе в XIX – начале XX вв. в оценке русских исследователей, чья научная или профессиональная деятельность связана была с изучением казахского края. Методом сравнительного анализа источников характеризуются взгляды авторов на «женский вопрос» в традиционном казахском обществе. В работах авторов первой половины XIX в. (Г.И. Спасский, А.И. Левшин, С.Б. Броневский, Н.Р. Мамышев) данные о правовом статусе казахской женщины носят эпизодический и, в большей мере, описательный характер. Но благодаря собранным исследователями материалам из них можно почерпнуть сведения о правовом положении женщины в условиях сохранения традиционного казахского общества, когда специфические социальные институты и нормы права существовали в их классическом виде. В отличие от них работы второй половины XIX – начала XX вв. (А.К. Гейнс, Н.Г. Маллицкий, Н.И. Гродеков, Н.М. Израсцов и др.) содержат более систематизированные сведения и отражают изменения в правовом статусе женщины вследствие реформирования казахского общества. В трудах русских исследователей предприняты попытки объяснить сущность и происхождение таких специфических институтов казахского общества как аменгерство, калым, многоженство, которые непосредственным образом влияли на положение женщины-казахки. Не всегда правильно оцененные русскими современниками особенности

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galpyspaeva@mail.ru (Г.А. Алпыспаева)

статусного положения казахских женщин можно объяснить издержками «европейского» взгляда на кочевое общество казахов. Многие социальные институты казахов сформировались еще в доисламскую эпоху и обусловлены были экономическими причинами, сложностями хозяйствования и особенностями кочевого способа производства. Теоретические обоснования авторов о влиянии адата и шариата на положение казахской женщины в семье и обществе вполне объективны, подтверждены материалами полевых исследований и примерами из чиновничьей практики. В трактовке авторов относительно свободное положение казахской женщины в сравнении со среднеазиатской обусловлено было нормами адата, защищавшего женщину, а также возрастающим русским влиянием со второй половине XIX в. Это выражалось в постепенном отходе от требований шариата в вопросах семьи и брака.

Ключевые слова: кочевое общество, казахи, женщины, социальные институты общества, семейно-бытовые отношения, русские исследователи.